

К ЧИТАТЕЛЮ

Дневник, который вел Александр Николаевич Бенуа начиная со среды 14/27 сентября 1916 года и по вторник 23 января/5 февраля 1918 года, публикуется впервые. Бенуа постоянно испытывал страстную потребность писать, и эти записки служат ярким свидетельством его интеллектуальной мощи и острой наблюдательности. Пятьсот пятнадцать страниц, исписанные чернилами убористым, труднопрочитываемым почерком, — это жизнь семьи Бенуа, его друзья, Петроград, учреждения культуры, Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции, его общие взгляды на жизнь. Не могут не удивлять — если вспомнить дезориентированность и замешательство в обществе в ту критическую для исторических судеб России пору — ясность его ума и взглядов, часто сардонический юмор, коими сопровождаются записи. И хотя Бенуа вполне создавал апокалипсический характер происходящих событий («А пожалуй, это и РЕВОЛЮЦИЯ», — пишет он 28 февраля 1917 года), все же он наблюдал их как бы со стороны, как если бы плыл параллельным этим событиям курсом. Действительно, несмотря на падение династии Романовых, на создание Временного правительства и установление власти большевиков, семейная жизнь текла по своему привычному руслу — со зваными обедами, визитами, интимными беседами, а жизнь в искусстве — со своими выставками, публикациями, посещениями театров.

Как свидетельствует сам Бенуа, он оставил свой Дневник в Ленинграде, перед тем как эмигрировать в 1926 году во Францию, куда ему и переслали рукопись в 1935-м. Между октябрём 1955 и январём 1956 года он переработал текст Дневника с целью переписать его на машинке и издать, возможно, в качестве продолжения своей двухтомной «Жизни

художника» (Издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1955). Работа над рукописью продвигалась день за днем, и текст пополнялся чрезвычайно интересными деталями, отдельными вставками по четыре-пять страниц. Единственное исключение было сделано относительно той части текста, которая касается событий 13 марта — 5 ноября 1917 года: здесь Бенуа нарушает хронологический порядок, сообщая, что первоначальные записи по этим месяцам были утеряны и потому в кратком переложении их он опирается только на свою память.

После смерти Бенуа в 1960 году рукопись перешла в наследство его старшей дочери — Анне Александровне Черкесовой, вдове художника Юрия Юрьевича Черкесова, которая передала многие рукописи и картины в дар различным советским учреждениям, что оказалось возможным отчасти благодаря добрым услугам, оказанным Ильей Зильберштейном. И даже после этого существенная часть наследства Бенуа оставалась в Париже (ул. Огюста Витю, 2). Слабея здоровьем, стесненная личными невзгодами, Анна Александровна все же прилагала максимум усилий, чтобы как можно лучше распорядиться доставшимся ей многогранным наследием — произведениями искусства, рукописями и библиотекой, — дабы творческая деятельность ее отца не была предана забвению. Она и ее брат, Николай Александрович, активно обсуждали с учеными и коллекционерами различные пути решения таких проблем, как инвентаризация коллекций, передача картин в дар Государственному Русскому музею, распределение частей архива по тем или иным фондам в России, Европе и США. Однако, отягощенные возрастом и по причине трудностей, связанных с масштабами самой задачи, они оказались не в состоянии решить ее.

Из-за того, что события 1916–1918 годов, имеющие особую значимость, описаны Бенуа со всей непосредственностью личных впечатлений, Анна Александровна изъясла из переданной Академии наук СССР часть рукописи, касающуюся этого периода, не желая повредить положительной, но все же хрупкой репутации отца в Советском Союзе. Незадолго до своей кончины (1982) она передала Дневник в архив Института современной русской культуры (при

Техасском университете, Остин, США; теперь тот же Институт работает при Университете Южной Калифорнии в Лос-Анджелесе, США) при условии, что ни одного отрывка из Дневника не будет опубликовано в течение последующих двадцати пяти лет — из-за возможных политических последствий, которых она опасалась. Теперь, после распада Советского Союза, это ограничение утратило смысл, и Дневник А.Н. Бенуа может быть предложен российскому читателю.

Дж.Э. Боулт,
Н.Д. Лобанов-Ростовский

ВВЕДЕНИЕ

Свой Дневник я не всегда вел с примерной выдержкой. И как раз перерыв, получившийся между началом настоящих записок и концом предшествующих, исчисляется, пожалуй, в несколько месяцев.

Как бы то ни было, накануне того дня, 14 сентября по старому стилю (27-го по общеевропейскому календарю), с которого начинается настоящая запись, мы вернулись в Петербург после трехмесячного пребывания в Крыму, в окрестностях Феодосии (под боком у городка Судака), и были все еще под действием какого-то упоения от всего тамошнего приволья, от всей поэзии, присущей этой пустынной, но сколь пленительной местности, — от ее чудесной дикости, от постоянной солнечности, от дивного моря. И это упоение там было настолько глубоким, что даже сознание продолжающейся уже третий год войны не омрачало летнего пребывания всей нашей группы. Когда же я говорю «наша группа», то я подразумеваю, во-первых, нас двух, т.е. меня, художника Александра Бенуа, и мою обожаемую жену Анну Карловну (носившую в тот период данные мной и детьми ласкательные имена Акицы или Кулечки), наших трех детей: Анну (Атю), 21 года, Елену (Лелю), 18 лет, и Николая (Коку), 15 лет. К нашей же семейной группе принадлежала и моя племянница, дочь брата Леонтия Надежда (Надя), 20 лет, носившая также прозвание моей «третьей дочери». Жили мы на даче, снимаемой у генерала Колюбакина, в непосредственном соседстве с имением и усадьбой моей племянницы Камиллы (Милечки) — дочери брата Альбера и супруги известного генерала Хорвата. Ее шестеро детей (три девочки и трое мальчиков) были неразлучны с нашими.

Местность, в которой стояла и дача Колюбакина, и усадьба Милечки, называлась Капсель и представляла собой совер-

шенную Фиваиду^[1], что не мешало ей быть прекрасной как по чисто греческой строгости и гармонии своих форм, так и <по> удивительной красоте и интенсивности красок. Весь характер местности представлялся мне «античным», «гомеровским». Тем не менее, хоть очень хотелось продлить это наше пребывание, пришлось водвориться обратно к себе в город, ибо если дочери уже и окончили свое гимназическое образование, то сын еще продолжал его — в той же гимназии Мая^[2], в которой учился когда-то и я. Кроме <того>, нужно было привести в порядок наши финансы, за лето пришедшие почти к полному истощению (тех небольших сбережений, которые были положены в процентные бумаги, не хотелось трогать). В городе я мог рассчитывать на значительное «подкрепление» в этом смысле как в виде гонорара за мои художественные работы (о чем речь будет идти неоднократно в Дневнике), так и за мою художественную критическую деятельность в качестве ближайшего сотрудника распространенной прогрессивной газеты «Речь»^[3], редактировавшейся П.Н. Милюковым и И.В. Гессеном. Словом, пора было возвращаться, но всем это очень не хотелось. И мы все были долгое время одержимы ностальгией по Крыму и не могли снова привыкнуть к забытому за лето городскому образу жизни. — Жили мы тогда в Петербурге (с весны 1914 года) в доме № 38 по 1-й линии Васильевского острова, в большой квартире, находившейся в верхнем (шестом по русскому счету) этаже, состоявшей из десяти комнат, не считая кухни, длиннейшего коридора и двух больших комнат для прислуги. У каждого из детей было по комнате. В распоряжении же нас, родителей, была очень просторная спальня, мое рабочее ателье, мой кабинет, гостиная и соединенная с ней складной перегородкой столовая. Жилось нам в этой квартире удобно и уютно (пока было достаточно дров), что же касается моей «третьей дочери» Нади (впоследствии ставшей в Англии очень видной художницей и вышедшей замуж за Устинова), то она жила у своих родителей вместе с сестрами и братьями в двух шагах от нас, в собственном их доме на 3-й линии.

Теперь, что я установил список «главных действующих лиц» и «место действия», я предоставляю слово себе же — но не в качестве того восьмидесятипятилетнего старца, каким я

¹ *Принятая в наст. изд. система обозначений объясняется на с. 583–584.*

пишу эти строки, а в виде человека средних лет (я родился в 1870 году), с немалым еще количеством темных волос на лысеющей голове, с бородой, довольно густой, но заметно тронутой сединой, с близорукими, требующими всегдашней помощи очков глазами (с тех пор я стал почти дальнозорким) и несколько склонного к полноте и сутулости. Напротив, моя жена (в это время мы были уже 21 год женаты, но роман наш начался еще в отрочестве) казалась гораздо моложе своих лет, что соответствовало и чертам ее характера, ее энергии, жизнерадостности, ее естественной приветливости, — словом, всему, что составляло ее единственную и прямо несравненную прелесть...

Переписано
28.X.1955

Среда, 14/27 (по новому стилю) сентября

Вчера вернулись из Крыма. У всех, а у меня в особенности, убийственное настроение. Чувствуем себя в городской обстановке как потерянные. Уж очень чудесно было в Крыму! Я рассчитывал найти в Петербурге давно жданный и утешительный ответ от Щусева*^[4], однако ничего пока не прибыло, а у нас совсем мало денег.

Четверг, 15/28 сентября

Посылаю телеграммы — дочери Ате о высылке застрявшего (по вине татарчонка) в Симферополе багажа, оставшейся еще на несколько дней погостить у своей кузины Милечки (Хорват)¹, и Щусеву — насчет денег.

Пятница, 16/29 сентября

Получил некоторую толику из «Речи», но эта сумма вся состоит из моего месячного *жалованья*, тогда как за все лето я не удосужился написать ни строчки. Первое время в Крыму я отдыхал и баклушничал, а потом меня целиком поглотила живопись.

Мои нынешние же расчеты в смысле пополнения нашей кассы сводятся теперь на получение еще в августе обещанного гонорара за мое живописное панно и за всю систему декоровки грандиозного ресторана (буфета) I класса.

* Известного архитектора, строителя, между прочим, Казанского вокзала в Москве.

¹ Так в рукописи.

Суббота, 17/30 сентября

Телеграмма от Атечки. Багаж, слава Богу, нашелся и уже отправлен из Феодосии пассажирским поездом. Как бы при теперешнем беспределе он не затерялся. Я особенно беспокоюсь за свои альбомы и записные книжки, а также за большую корзину, в которой сложены набранные нами засохшие, прелестные по формам растения, и среди них одно похожее на елочку и кажущееся на свет прозрачным, стеклянным.

Воскресенье, 18 сентября/1 октября

Побывал у О. Аллегри* и... пришел в отчаяние от моего панно («Триумф Азии»). Получилась какая-то любительская чернота и в то же время что-то слащавое! Проклинаю момент, когда взялся за этот заказ! Едва ли теперь удастся спасти — Аллегри сконфужен, но вовсе не он виноват, а только я. — Вечером у нас близкие друзья: Стип (художник Степан Петрович Яремич), Эрнст (Сергей Ростиславович, молодой ученый по истории искусства), Бушен (Дмитрий Дмитриевич, художник), Аргутон (князь Владимир Николаевич Аргутинский-Долгоруков), Шейхель (Мейр Израилевич, юный художник), Иван Михайлович Степанов (заведующий художественным издательством при Общине св. Евгении Красного Креста^[51]). Очень было приятно снова оказаться в теплой компании этих милых людей.

Понедельник, 19 сентября/2 октября

Целый час просидел у Аллегри перед своим панно (это гигантское полотно висит, как парус, с какого-то бруска в потолке, без всякого скрепляющего подрамника), раздумывая, как помочь беде. Так ничего и не придумал... Под вечер письмо от Щусева — но, увы, по обыкновению, довольно бестолковое. Руки опускаются. — Шейхель в панике. Его могут призвать. Он по телефону убеждал меня отправиться хлопотать за него к какому-то воинскому комиссару. Мне его очень жаль, но я все же

* Орест Карлович Аллегри, превосходный художник-декоратор Императорских театров. Ему была поручена подготовительная работа по живописи одного из двух больших панно, украшавших оба главных входа в ресторан, — «Триумф Азии» и «Триумф Европы» по моим эскизам.

отказался исполнить его мольбу, ибо совершенно *не умею* хлопотать! Только еще напутая. — Вечером с Акицей и Стипом у милого Аргутона. Чудесное угощение. Уют. Масса новых приобретений — но ничего особенно поражающего.

Вторник, 20 сентября / 3 октября

В Музее Александра III^[6] пробовал выяснить вопрос о приобретении музеем целого ряда отложенных Нерадовским моих набросков. По дороге специально, чтоб сделать удовольствие Степанову, закидываю карточку фрейлине Джунковской. К счастью, не застаю ее дома. — Вечером Стип, Валечка (В.Ф. Нувель), Саша Яша (художник Александр Евгеньевич Яковлев).

Среда, 21 сентября / 4 октября

Получены деньги (775 р.) из Красного Креста (Общины св. Евгении) за право воспроизведения за лето сделанной мною новой серии рисунков к «Медному всаднику». — Днем на выставке Орловского в Музее Академии художеств. Доставил себе удовольствие заодно пройтись по «Циркулю»^[7], к сожалению, в сравнении с прежним временем сильно пообщипанному — в пользу Музея Александра III. — В 4 ч. мой гимназический товарищ Жорж Бруни с дочкой-подростком, готовящейся стать художницей, — как-никак она правнучка Ф.А. Бруни! Потом Каза Роза (певица, супруга А. Яковлева) и, наконец, Н.Н. Черепнин с предложением от имени г-на Савича что-либо приобрести из моих работ для «Петрушки»^[8]. Но у меня ничего достойного внимания не осталось. В свое время все забрал Кусевицкий. — Опять письмо от Щусева. Все только *обещания* уплаты. Беспрецедентное разгильдяйство и, кроме того, какое-то «румынское» лукавство под личиной благодушной рассеянности.

Четверг, 22 сентября / 5 октября

Собрался с духом и написал фельетон... Закончил большой этюд [вечера <?>] на «Генуэзской» крепости в Судаке, с фигурами Акицы и Нади. В редакции «Речи» Гессен рассказывал о страхах Протопопова и вообще всей его психологии «ка-

лифа на час». — Акица очень заинтересована процессом Марусиной-Пуаре и графа Орлова-Давыдова (L'homme-chien¹). Гнусная история с симулированной беременностью и т.д.

Вечером с ней и с Аргутинским в Александринке на «Грозе»¹⁹. Ужасное безвкусие и непонимание главного в декорациях Головина и невыносимые (и еще более безвкусные) претенциозные «тонкости» Мейерхольда. Все же довольно громкий успех — как будто поддерживаемый кликой Студии¹⁰¹.

Пятница, 23 сентября/6 октября

Начал на доске большущую акварель на Капсельский мотив с фигурой Хлои. — В бюро Добычиной¹¹¹ по всем комнатам довольно претенциозная, но жалкая, немощная выставка А.Ф. Гауша. Придется ругать, а до чего не хочется обижать милого человека! Пожалуй, лучше сделать это под псевдонимом — все же не так будет обидно, если даже Гауш и узнает, что написал я¹². Пришли отпечатки, воспроизведенные с моих вещей, для моей большой монографии, что затеяна издательством «Свободное искусство» Бернштейна¹³. Я многими *вовсе* не удовлетворен. Все гораздо хуже того, что производят мастерские Голике—Вильборг¹⁴! Отчасти я разочарован и в себе самом, или тут же виноват подбор, сделанный Лукомским. Вечером как раз он сам и супруги Яремичи.

Суббота, 24 сентября/7 октября

Ездили с Акицей на Николаевский вокзал¹⁵ за багажом, который, по нашим расчетам, мог бы быть уже здесь. Шлепали по слякоти, стояли в хвостах, тыкались в разные места за справками. Все безрезультатно. — Начал в серое компоновать заказанный Тамановым плафон для кабинета директора Казанской жел. дор. Н.К. фон Мекка в Москве. — Дома М. Добужинский. Вечером мы у Саши Яши. Вспоминали вместе о Капсельском рае. Пересмотрел, чуть не плача, все его сделанные там этюдики. (Все необычайно ловко, но и все однообразно в своей выработанной раз навсегда манере.)

¹ *Здесь: несчастный человек (фр.).*

Воскресенье, 25 сентября / 8 октября

Утром И.У. Матвеев из Москвы. Он отобрал у меня и повез с собой для приятелей несколько моих крымских этюдов. Днем милый Генри Брус. Позже Палеолог. Масса всяких анекдотов. Характерный ответ Сазонова на требование Палеолога послать в Париж на конференцию *настоящего* русского *homme d'Etat*. «*Mais nous n'en avons pas!*»¹[16]. Вообще же, Палеолог мрачно смотрит на положение дел. Пророчит в будущем у нас анархию, а для всего мира *une longue période de guerres!*² — От обеда у Половцовых мы уклонились еще вчера. Главная причина: неимение (явление хроническое) у Акицы приличного вечернего платья (и невозможность, ввиду безденежья, таковое сделать). — Вечером с Валечкой (Нувелем) у Мережковских. С Димой (Д.В. Философовым) ожесточенный спор на тему о войне из-за моего неприятия ее. Чета Мережковских как-то насторожилась. Оба гораздо менее определенно пацифичны «во что бы то ни стало», нежели они были весной, когда читали и одобряли обращение Горького^[17]. Зато Зиночка (З.Н. Гиппиус) в высшей степени «социалистично» настроена и вещает: «Вне социализма нет спасения!» Возвращаясь в 3 часа ночи на извозчике с Валечкой, повстречали на Сергиевской улице целые стада гогочущих гусей. Куда-то их, бедных, гонят? Это было довольно фантастично.

Понедельник, 26 сентября / 9 октября

Я один у Добужинских. В 4 ч. должен был прийти Гржебин, состоящий ныне при особе *самого* Сытина, однако недул. — Вечером И.М. Степанов, Аргутон, Стип (С.П. Яремич).

Вторник, 27 сентября / 10 октября

Работаю над композицией плафона для Мекка. Все еще не решил, делать ли ее в высоту или в ширину. Но сюжет аллегории уже установлен: «Время будит Труд (Геркулеса) и Торговлю (Меркурия)». В небе летит Аврора. Мне кажется, это подходящий сюжет для рабочей комнаты столь делового человека, как Н.К. фон Мекк. К сожалению, сильно мне меша-

¹ Государственного человека, «но такого нет у нас!» (фр.).

² Затяжную войну (фр.).

ет недостаток опыта. Лучше бы вовсе за такие вещи не брать-ся! — В 4 ч. у меня Евг. Юл. Гринберг, желающий для себя и для знакомых приобрести у меня шесть моих вещей. Не bluff¹ ли это? — Вечером на «Хованщине» в Музыкальной драме^[18]. Досифей загримирован под Распутина. «Нестарый старец». Думаю, что настоящий Распутин куда интереснее, внушительнее, *страшнее!* В декорациях последней сцены не видно никакого леса, а во всю сцену амбар.

Среда, 28 сентября/11 октября

На похоронах убитого на фронте Димы Ратькова-Рожнова. Следуя за гробом, Женя Кавос* рассказывает мне чудеса про Урал, где он часто бывает по делам своей службы (у Демидова). Дима (Философов) несколько демонстративно все время шествовал отдельно от прочих и без шляпы: вот-де как я переживаю смерть героя, вот какое мое отношение к войне! Повстречались на Невском с целыми толпами только что прибывших из провинции на Николаевский вокзал новобранцев. Будущие жертвы смотрели на уже погибшую. Редко кто среди них снимал картуз! Отстав у памятника Александру III^[19], зашли на городскую станцию и поручили бюро доставки на дом (кто-то посоветовал) свой багаж. Авось таким образом наконец получим. — Написал рецензию о Гауше — и ах как про-тивно! Наживу себе врага в человеке, в сущности, довольно даже милым. Не виноват же он, что мало талантлив!

Четверг, 29 сентября/12 октября

К нам напросился вчера Коля Альбертович Бенуа, все еще носящий у нас прозвище преображенца, хотя он уже несколько лет как покинул полк и сделался весьма предприимчивым аферистом-промышленником по военному делу. *Encore un profiteur de la guerre*². Однако, следуя своему обыкновению, он и на сей раз надул — к моему, в сущности, немалому удовольствию. Он якобы собирается у меня что-нибудь приобрести — эта коме-

¹ Блеф, обман (*фр.*).

* Е.Ц. Кавос, мой двоюродный брат.

² Еще один (человек), нажившийся на войне (*фр.*).

дия длится годами. — Днем в редакции («Речи»). Милейшая Евгения Ивановна (Зыбина, моя бесценная переписчица), была в восторге. Вечером наконец явился *en personne*¹ сам Щусев и просидел до 11 ч., и это было довольно мучительно. Непрестанные улыбки, сладкий тон, а в результате что-то путаное. Несомненно, что именно он более всего виноват в накопившихся недоразумениях. Движет им (может быть, и вполне осознанно) желание отнять у меня руководство (а следовательно, и *честь*) в создании убранства грандиозного зала ресторана Казанского вокзала.

Пятница, 30 сентября / 13 октября

У меня Аллегри. Здесь кн. Сергей Щербатов, приехавший наладить работу по писанию с его картонов огромных панно для того же Казанского вокзала. Обратился же он к Аллегри как к исполнителю, как будто рассчитывая на то, что таким образом он войдет в обладание его «техническими секретами». Я только взывал к осторожности, но А<ллегри> идет дальше и из преданности мне (он прямо трогателен) готов напрямик отказаться — тем более что Щербатов уже давно морочит его с этим заказом, а вообще знаменит своей скупостью. Ведь заставил же он Аллегри заплатить извозчику, на котором он проездил в поисках ателье целый день! — Любовь Гуревич заявила претензию за то, что я без ее ведома и согласия выступил с фельетоном о спектакле «Гроза»^[20]. Мол, в театральном отделе она полновластный вершитель. Пусть эту чепуху улаживает Гессен, который и должен считаться единственным виновником в этом промахе. — Вышел первый номер (в единственном экземпляре) рукописного полушутовского журнала наших двух молодцов — Коки и Саша Черепнина — под названием «Тик-Так». Талантливые мальчишки. — Вечером Стип, пришедший похвастать только что приобретенным рисунком Веласкеса к лондонской «Венере»^[21]. Не вполне убежден, что это действительно Веласкес.

Суббота, 1 / 14 октября

Пришел-таки багаж! Его доставило Городское бюро и подняло в наш шестой этаж — все за очень скромную плату! На

¹ Лично, собственной персоной (*фр.*).

радостях я дал им несоразмерный «на чай». Значит, еще не все расклеилось. Сейчас первым долгом пересмотрел свои записные книжки и альбомы. Корзину же с растениями привезет Атя, и тогда будет *новая* радость! — В 2 ч. в Музее Александра III, потом *пришлось* зайти (по соседству) в школу Варвары Пет. Шнейдер^[22], которая пожелала сообщить мне про свою новую затею — какого-то генерального попечительства над кустарной промышленностью на всем пространстве Российского государства. Сдается, что и это толчея воды.

Воскресенье, 2/15 октября

Продолжаю пребывать в тоске и в какой-то странной расеянности. К обеду Сомов и Аргутинский. Днем рисовал натурщицу Шурочку — для фигуры Авроры.

Понедельник, 3/16 октября

Напряженное состояние продолжается. Как мне от него избавиться? Акица, по тому, что у нее записано в ее дневнике, переживает нечто подобное. Это всё последствия того, что уж очень мы блаженствовали в Капселе! Здесь же атмосфера насыщена тревогой!

Вторник, 4/17 октября

Днем Шурочка. Надо ей отдать справедливость, что позирует она идеально. — В 3 ч. заседание «Мира искусства»^[23] у Кустодиева. Несчастный! Он не перестает заниматься живописью (и вполне удачно), но совершенно больше не владеет ногами и передвигается по квартире в катальном кресле. Рерих обещал достать наши застрявшие с 1914 года в Швеции картины (бывшие на выставке в Мальмё). — К обеду Грабарь (Игорь Эмман. Грабарь). Он не на шутку встревожен перспективой, что его могут забрать в следующем призыве. В какой-то нерешительной форме снова заговорил о приобретении ряда моих вещей для Третьяковки.

Среда, 5/18 октября

Рисовал старика натурщика с лицом Александра II — для Сатурна. Сочинил в довольно грозном тоне письмо Щусеву

насчет денег и как раз тут же получаю телеграмму об их высылке. Хотя *это* отлегло. — В 2 ч. г-жа Покровская из Москвы, выбравшая несколько моих этюдов. К четверем с Акицей у Браза (художника Осипа Э. Браза). Показывал свои летние этюды. Они свежее прежних. Много новых приобретений среди его старинных картин. Почти исключительно голландцы.

Четверг, 6/19 октября

Кончил эскиз плафона для кабинета Н.К. Мекка. — В 2 ч. Александр Моисеевич Бродский с только что вышедшим номером «полумакулатурного», редактируемого им журнала «Искусство»^[24]. Упрашивал участвовать. Я его отослал к Левинсону (одного поля ягода, споятся). Совершенно зря втянулся с ним в разговор о войне. Какая чудовищная бестолочь! Именно этому «патриотизму всмятку» нашей интеллигенции и суждено погубить Россию. «Нельзя кончить войну!» Точно *их* спрашивают! Между тем из этого нелепого «общественного мнения» слагаются те препятствия к решительным мероприятиям, которые тормозят людей, стоящих у власти и имеющих как-никак более верное представление о положении вещей. Сбивают их с толку. Хотя бы и столь непопулярного Штюмерера.

В редакции то же самое. Один Туган-Барановский продолжает считать, что *надо мириться во что бы то ни стало*. Он поделился со мной впечатлением от интервью с кронпринцем^[25]. И тут же вдруг: «Но как жаль, что Константинополь не наш!» Как бы многое другое не перестало быть нашим... На подобную маниловщину, лишённую всякого чувства реального, опирается и вся политическая схоластика Милюкова. — Гессен (Иосиф Влад. Гессен) утверждает, что у Протопопова прогрессивный паралич. Обедает в тесном семейном кругу, облеченный в полную парадную форму со всеми орденами. И опять-таки тот же благодушный, милый Иосиф Владимирович вдруг роняет фразу: «Этого царька надо повесить!» А то все было: «не имеет значения», точно не имеет значения, если хотя бы крошечная соринка попадет в самое сердце организма и постепенно станет его парализовать... А тут не соринка! Ужасная погода! Снег, слякоть, темнота. Вечером Валечка и Саша Яша.

Пятница, 7/20 октября

Рисовал Сатурна. Получил деньги из Москвы (за работы для Казанского вокзала) и в Музее Александра III (всего 5800 руб.). Погода та же. Купил «менее противное» издание Лермонтова. В поисках за изящными «подарочными» классиками я обнаружил, что таковых у нас вообще *нет*. Думаю предложить этим заняться Общине св. Евгении. Читаю «Мистера Бритлинга» Уэльса^[26]. Впечатление двоящееся. Чувствуются усилия автора, чтоб свою подлинную гуманность сочетать с «требованиями патриотизма». Хитрение и с собственной совестью, и с публикой, с глупым стадом, а кроме того, еще и со своими социалистическими связями. Все же эта книга, на общем одичании, утешает.

Суббота, 8/21 октября

Занялся обработкой общего эскиза плафона. Очень сложное целое: центральный (главный сюжет) — вокруг по углам четыре большие картины с фигурами в рост, между ними небольшие сюжеты в форме растянутых овалов*. — В 2 ч. Шурочка. В 4 ч. отправился наконец, согласно уговору по телефону, к Андрею Римскому-Корсакову — к черту на куличках, где-то на Песках. Однако тщетно прождав битых полтора часа трамвая на Симеоновской (нет спасения от солдат, которые штурмом берут каждый подъезжающий вагон), я пришел в отчаяние и прямо поехал на обед к Раушам** в конце Офицерской, куда вскоре подъехала и Акица. Увы, думается мне, что то было наше *последнее* посещение этих любезнейших, но и порядком <?> бестактных людей, чем-то смахивающих на авантюристов. Несмотря на клятвенное обещание, данное Акице баронессой, что «деловых разговоров» не будет (то было моим *условием* принятия приглашения), Рауш снова подцепил меня во время того, что я, по своей привычке, сел за рояль, чтоб отвести душу в импровизации, и целый час морил меня своими жалобами на несправедливое к нему как к художнику отношение общества «Мир искусства», не желающего его избрать

* Архитектурная композиция принадлежит Таманову.

** Барон Н.Н. Рауш фон Траубенберг^[27] — скульптор.

своим членом! Как будто недостаточная честь для него, что его приглашают к участию на выставках! Тут же и едва маскированные намеки на мою якобы двуличность. Лучше в таком случае совсем прекратить это знакомство, затянувшееся главным образом благодаря Акице, которая не перестает верить в искренность и бескорыстие излияний Наталии Владимировны. Я так прямо и заявил моей обожаемой, выйдя с ней на улицу: «Больше я сюда ни ногой»... Рауш за последнее время лепит в мастерской каких-то знакомых Распутина. Приглашал меня побывать там же — поглядеть (во время сеансов) на жуткого чудотворца. Но я этого побаиваюсь. Я даже издали чую в Распутине подлинное демоническое начало. Чур! Чур!

Воскресенье, 9/22 октября

Рисовал Сатурна. — В 3 ч. заседание в школе г-жи Шнейдер (помещающейся в доме у самого Храма на Крови) под председательством графа А.А. Бобринского — ныне министра — толковали об организации кустарного дела. Не верю я в эту затею. И просто не верю, что Бобринский усидит более месяца. *Сам* не выдержит. Встретился там с (обиженным) Гаушем. Оба сделали вид «как ни в чем не бывало». К обеду Аргутинский. — Заболел «сизый» котик Чапка, привезенный вместе со своим братцем из Крыма. Зачем брали их сюда, в этот холод и сырость? Неуютно здесь обоим капсельским изгнанникам! А к тому же Акица их буквально закармливает!

Понедельник, 10/23 октября

Чапочка-Крысь умер. На всех и даже на меня это произвело прямо-таки тяжелое впечатление — что-то символическое. Завтрак у Донона^[28] в обществе Аргутона, *Princesse Marie Murat*¹, Е.П. Олив, княгини Белосельской с А.А. Савинским. *Ausflug in die oberen Schichten der Gesellschaft*², от чего я за последний месяц как-то отошел. Но завтрак получился, скорее, уютный и оживленный. Все три дамы были приятны, только бедная Е.П. Олив уж как-то чересчур егозила, нервничала.

¹ Принцессы Мари Мюрат (*фр.*).

² Посещение высших слоев общества (*нем.*).

Что с ней? — В 3 ч. у меня издатель моей монографии, Бернштейн, с каким-то своим знакомым (фамилии не разобрал), купившие у меня несколько акварелей.

Вторник, 11/24 октября

Увы! Вслед за Чапочкой отправилась на тот свет и Му-синька, «капризуля», «зеленая», «злая» кошечка... Последние «живые» связи с Капселем рвутся. Подозреваю прислугу в этих злодеяниях. Днем рисую Шурочку. В 3 ч. г-н Вайс — довольно мрачный еврей, компаньон Чопельмана (издателя моей «Истории живописи»). Вот эта «умная еврейская голова», по крайней мере, не кривляется, клянет войну (он и прежде клял). И вообще он в ужасе от всего, что творится и готовится. — В 4 ч. М-г Claude Anet¹, состоящий здесь корреспондентом «Petit Journal»². Он и нечто вроде антиквара. Охотится за предметами de haute rareté³, главным образом восточными. Его направила ко мне Мися (Мися Серт, одна из видных парижских дам). Анэ показался мне тусклым, малодаровитым болтуном. Произнес очень уверенные, непререкаемые суждения о России. Разумеется, ненавидит «бошей» и «вояка до конца». Неужели и все наши в Париже: Сережа, та же Мися, Бакст, Игорь — тоже так и не опомнились за эти два года, что я их не видал?! В 8 ч. заседание издательского комитета при Общине св. Евгении у графини Гейден в Ламотовом павильоне Зимнего дворца^[29]. Заседание получилось довольно бестолковым. Генерал Юрьев, обыкновенно такой энергичный, на сей раз был как в воду опущенный.

Среда, 12/25 октября

До завтрака — Шурочка, получившая на сей раз возможность прийти утром, тогда как обыкновенно в эти часы она позирует своему скульптору (Юревичу?). Мне же этот час гораздо удобнее. — В 2 ч. с Аргутоном и P-esse Murat в Музее Академии художеств, потом к нам на чашку чаю. Она продол-

¹ Г-н Клод Анэ (фр.).

² «Пти журнал» (фр.) — название газеты.

³ Большой редкости (раритетами) (фр.).

жает мне нравиться. Живая, смешная. Мне надавала советов не то *en collegue-camarade*¹ (ведь она сама живописует), не то *en grande dame et surtout en parisienne*², которая, так и быть, готова поднять до себя «провинциала». Между тем ее суждения далеко не всегда хотя бы метки. Много парижских клише и предрассудков. Все же, повторяю, общее впечатление весьма симпатичное. Она и Акице понравилась.

Четверг, 13/26 октября

Шурочка утром. — От Гессена (в редакции) узнал, что румынскому королю уже готовят дворец в Киеве^[30]; что и румынские газеты уже издаются в Одессе и в Кишиневе; что «Мария» взлетела на воздух^[31]; что сообщение между Англией и Архангельском прервано из-за немецких подводных лодок, базы которых остаются неизвестными; что Протопопов уже три раза сидел в сумасшедшем доме. — До редакции заезжал к Нине Феликсовне Blumenфельд посмотреть ее работы. Очень милое существо, производящее несколько жалкое впечатление какой-то надломленности. Ее прежние, чуть порнографические композиции с двух персидских миниатюр я все же предпочитаю ее нынешним реалистическим работам, в которых сказывается какой-то если и очень «добродетельный», но и крайне обыденный подход к задаче. — К обеду Шурочка Боткина-Хохлова*. Вечером неудавшееся музыкальное заседание. Правда, пришли Нувель и А.П. Нурок, но как раз затевавший эту встречу Андрей Римский-Корсаков по телефону отказался <прийти>. Нашему знакомству не везет. А я и не жалею — уж очень мне не по душе его супруга.

Пятница, 14/27 октября

Шурочка утром. — В 3 ч. у Аллегри, чтоб приступить к окончанию моего панно «Азия». Однако ввиду темноты (и холода в его колоссальной мастерской) решили отложить работу по

¹ Как коллега-товарищ (*фр.*).

² Как знатная дама и, особенно, как парижанка (*фр.*).

* Дочь нашего скончавшегося в 1910 году друга С.С. Боткина, замужем за актером Хохловым.

крайней мере до того момента, когда он закончит работу над плафоном почтамтской церкви (заказ Щуко). На сей раз, после довольно долгого перерыва, я как-то менее огорчился видом своего панно! Но все же продолжают тревожить какая-то чернота и слащавость. До обеда зашел Браз похвастать своим новым приобретением — только что где-то им найденным нидерландским портретом XV в. какого-то иоаннитского^[32] кавалера в характере Рогера ван дер Вейдена. По своему обыкновению часа полтора рассказывал, как он «выудил» и приобрел (я вовсе не любитель таких чисто коллекционерских растабариваний!). — Вечером у брата Леонтия. Чтоб не быть втянутым в разговор на опасные темы, я все время после обеда и до чая занимался разглядыванием «Illustration»¹, благо накопилась громадная масса не виданных мной номеров. К сожалению, почти все заполнено войной. Как людям просто не надоест и не опротивеет этот ужас?

Суббота, 15/28 октября

Шурочка утром. — В 3 ч., уступая мольбам генеральши Козловой, урожденной княгини Сабуровой, зашел в Заклад движимых имуществ у Синего моста произвести экспертизу ее «семейной драгоценности» — картины Грёза «Утренняя молитва». Увы, и на этот раз я пришел к заключению, что это (*очень хорошая*) копия (с известного оригинала, находящегося в музее...). Бедная старушка чуть не расплакалась, услышав мой «приговор». Видно, она сильно нуждается. Там же принадлежащий ей хороший портрет Вел. Княгини Анастасии Михайловны, писанный К. Маковским. Я посоветовал предложить его ее брату, Вел. Князю Николаю Михайловичу. — Обед у Гессенов. Очень пониженный тон! И следа нет того оптимизма, который царил весной. Читали трагическое письмо Ярцева с фронта^[33]. И от него веет одним только ужасом войны, ее *пошлостью*, ее грязью. Иосиф Владимирович с большими и очень характерными подробностями рассказывал о приеме представителей прессы Протопоповым. Хлестаков, попавший в министры! Но люди не видят, что дело вовсе не в Протопопове и не в Штюрмере, а в том, кто их назначает и кому они служат...

¹ «Иллюстрасьон», еженедельный французский иллюстрированный журнал, выходивший с 1843 по 1944 год. Основан А. Полэном.

Воскресенье, 16/29 октября

Шурочка. — В 3 ч. Herr Wendel aus Riga¹ — лифляндский любитель, неистово торгующийся. После бесконечных перипетий он все же приобрел у меня три акварели. Тут же является (без предупреждения — ах, как досадно!) Палеолог и немного позже (еще досаднее) M-r de Plater². Посол успевает мне шепнуть: «Cela va très mal»³, но присутствие совершенно чужих людей препятствует развить эту тему. Между тем, несомненно, ему хотелось чем-то со мной поделиться. Чтоб спасти положение, я засадил son Excellence⁴ за разглядывание моих папок, он весь в них углубился и, пробыв три четверти часа, уехал, так ничего не сообщив. — Вечером Лебедевы, Яремичи, Аргутинский. Последний становится невыносимым своим боевым настроением. Я, наконец, вспылил и посоветовал ему самому отправиться на фронт. Он ужасно обиделся на «такую личность». Акица с обычным тактом поспешила перевести разговор на другую тему.

Понедельник, 17/30 октября

Днем молоденькая и необычайно энергичная по манере художница Шабат «совещаться насчет своего таланта». Я ее направил в школу княг. Гагариной¹³⁴¹. — Обедаем у Бруса (при свечах) с его приятелем мистером Линтотом и с Сомовым. Царила порядочная скука. Политических тем по обыкновению избегали. Линтот производит впечатление милого малого. Что он здесь делает? Укрывается от военной службы? Пожалуй, он уже вышел из возраста. Брус все время над ним глумится: stupid donkey⁵ и т.п. Вообще, в Брусе, под оболочкой вящей простоты, немало «лордской спеси». Помню, как в начале их романа он и про Карсавину говорил: «Ma petite amie»⁶. Нас это очень шокировало.

¹ Г-н Вендель из Риги (*нем.*).

² Г-н де Платер (*фр.*).

³ «Дело плохо» (*фр.*).

⁴ Его Превосходительство (*фр.*).

⁵ Глупый осел (*англ.*).

⁶ «Моя милашка» (*фр.*).

Вторник, 18/31 октября

Телефон от г-жи Бахаровой с приглашением участвовать в организации какого-то кинематографического предприятия, преследующего «чисто художественные» цели. Сочувствую, но наперед знаю, судя по самому ее дилетантскому тону, что из этого «ни чёрта нэ выйdet», как говорит Нарбут. — Заходил Валечка Зубов (граф Валентин Платонович), тоже с каким-то проектом об издании картин для *школ*. В сущности, он типичный немецкий студиозус, а все же немцев продолжает громить, — впрочем, уже не с такой яростью, как год назад. — Вечером у меня заседание по изданию «Медного всадника» со Скамони*. Я воспользовался этим собранием, чтоб предложить Общине св. Евгении свой план доступного, но безупречного по вкусу издания классиков для подростков. Мысль эта зародилась у меня во время моих недавних тщетных поисков «приличных» Лермонтова и Пушкина.

Среда, 19 октября/1 ноября

В три часа совещание у Максима Горького об издательстве художественных детских книжек. К сожалению, получилась та же бестолочь, какая всегда бывает, когда много народу и каждый лезет со своими предложениями и доводами. Алексей Максимович совсем приуныл. Решено в следующий раз собраться в более тесной компании и у меня. Очень приятен Александр Николаевич Тихонов. Вот с кем я бы не отказался свести дружбу. В общем же, меня берет досада на Гржебина за то, что ему удалось-таки снова втянуть в какую-то толчею воды. Какие теперь детские книжки, когда все трещит и готово распасться! Тем не менее чувствую *долг* что-либо делать. Да вот все запоздало!

Четверг, 20 октября/2 ноября

Темнота. Удрученное состояние. Побывал в редакции («Речи»). Там уныние. — Вечером с Костей (Сомовым) у Пла-

* Бруно Георгиевич Скамони — технический директор фирмы Голике—Вильборг.

тера, который в ожидании обещанного прихода Анны Карловны счел своим долгом придать ббльшую «монденность»¹ нашему собранию и с этой целью пригласил какую-то свою племянницу, баронессу Х, даму ужасно скучную. Впрочем, все время ушло на разглядывание содержимого папок его коллекции старинных рисунков. Если у него нет и никогда не было систематических знаний, то все же несомненно, что он обладает природным вкусом и нюхом и каким-то особенным коллекционерским даром. Роскошнейшая закуска совсем довоенного времени! От Палеолога письмо; он извещает, что я награжден орденом Почетного легиона^[35]. Однако я уже награжден им с 1906 года, о чем я и поспешил его известить. Таким милым участием Палеолога, я, во всяком случае, очень тронут.

Пятница, 21 октября/3 ноября

Рисую с натурщика Никиты. К сожалению, он все время несет какую-то чушь, и это раздражает и зря утомляет. Написал и сам отвез письмо Палеологу с выяснением получившегося недоразумения. Затем на выставке в бюро Добычиной и, наконец, к Аргутону. У последнего возникла мысль «навязать» мой большой пейзаж Александра Иванова... Харитоненке за 25 000 руб., дабы на эти деньги я мог купить «клочок земли» в Крыму. Я не прочь, хоть и не вижу ни себя, ни Акицы в виде помещиков. — Вечером мы у Нотгафтов (в доме Благородного собрания у Полицейского моста). Возвращались с Лебедевыми. Анна Петровна мила, она слегка сбавила свой боевой тон. Сергей Васильевич «Blaugas»² хоть и любезен, но все же не в состоянии скрыть возмущения, вызываемого нашим «преступным» пацифизмом. Еще бы! Ведь война превратила его, скромного ученого, в какого-то чуть ли не национального героя и в богатейшего промышленника! Как тут не желать продолжения войны!..

¹ Светскость; от *фр. monde* — свет, светское (высшее) общество.

² Блаугаз (*нем.*) — смесь бензина и газа, получаемая под давлением. Использовалась для освещения, в качестве топлива и для газосварки. Название происходит от имени немецкого химика Фрица Блау, который изобрел эту смесь. Здесь, по-видимому, прозвище промышленника, занимавшегося производством этого вида топлива.

Суббота, 22 октября / 4 ноября

Рисовал с натурщика сидящего Геркулеса (для плафона). — На вернисаж нашей выставки «Мира искусства» в помещении бюро Добычиной не пошел — задержали два покупателя. Один из них, г-н Герциг, — нахал, второй что-то вроде его ментора, г-н Сафонов. Герциг буквально насильно выхватил у меня первоначальный проект декорации к «Мнимому больному» и хотел еще забрать набросок памятника Командору (для III акта «Каменного гостя»), но... не хватило денег! Второй перерыл все папки, остановился, однако, только на каком-то пустячке. — Вечером наконец в первый раз в жизни собрался к своему гимназическому товарищу Жоржу Бруни (проживает насупротив Вознесенской церкви^[36]). Там шумный раут молодежи. Бешеное, но несколько форсированное веселье. Девочка мила. Сын-кадетик не то дурачок, не то... будущий Наполеон! Услыхал, наконец, хваленую импровизацию Жоржа. Ловко, но абсолютно «пусто», *du grand banal*¹. Далеко ему до отца (Жюля Бруни). Все же какая-то старая дева чуть не померла от восторга. Сам Жорж каким был, таким и остался. Умом не блещет. Он был в упоении от моего прихода, заглядывал в глаза, пожимал руки. Жена его мне показалась «не очень удобной», «с душком». Все же удивительно, что как-никак он вышел в люди, обзавелся семьей, стал даже почтенным!

Воскресенье, 23 октября / 5 ноября

Телефон от Палеолога: «*C'est réparable — à bon entendeur, salut!*»² Ну и отлично. Вот я и с розеткой^[37]. — Вечером монденное сборище у милого Аргута: Ферзены, барон Нольде, Савинский. Нольде привез известие о провозглашении Польши независимой державой^[38]. Вообще, он мне представляется менее глупым, нежели многие его коллеги — дипломатические люди. Даже совсем не глупым. К продолжению войны относится определенно *отрицательно*, сознавая нашу абсолютную неспособность ее продолжать. Побольше бы таких людей — пусть и не гениальных, но просто одаренных здравым смыслом и считающихся с фактическим положением вещей!

¹ Ничего особенного (*фр.*).

² «Это поправимо — все и так ясно, привет!» (*фр.*).

Понедельник, 24 октября/6 ноября

Нелепо злая заметка Димы Философова о Нарбуте! *Quelle mouche l'a piqué?*¹ Лишний раз показал, что он не любит и не понимает искусства. Его принадлежность к нашему кружку всегда покоилась на каком-то недоразумении. Однако, не будь его, не было бы (среди нас) и Дягилева... — Наконец раздобыл (из школы Званцевой^[39]) хорошего молодого натурщика. Зовут его Николаем Вдовиным. Превосходно, «антично» сложен и удивительно схватывает позу. Только почему-то до удивления грязные ноги. Пришлось устроить целое сооружение из подушек, дабы его поза передавала бы «сидение на облаках», как подобает божеству!.. — Ходил через пять домов по нашей 1-й линии к полковнику Перетцу (нашему сотруднику в «Речи»; а я не знал, что бывают офицеры — да еще полковники — евреи!) хлопотать об отсрочке военной службы Гржебину. Замерз, ожидая в нетопленной (ныне это стало самым обыкновенным явлением) комнате (бывшей столовой какого-то германского подданного). Перетц, в менее ласковой форме, нежели в редакции, не смог меня вполне обнадежить. Уже с этим делом к нему обращались с разных сторон. — К обеду Корней Чуковский, пришедший специально поговорить об издании детских книжек. *Très pittoresque*². И до чего же ему идет его длинный, торчком торчащий нос! Однако вел он себя немного уж слишком развязно для первого раза; кокетничал своим хулиганством перед дамами! И даже напросился со мной в ложу к Гессенам на «Романтиков»^[40]. Пьеса плохая; сплошная подделка под что-то, мозаика, к тому <же> плохо склеенная. Только в IV действии — вокруг *le coup de théâtre inévitable*³ — настроение чуть подымается. В постановке перепевы «Месяца в деревне»^[41].

Вторник, 25 октября/7 ноября

Натурщик Вдовин. — Чувствую себя⁴ после затянувшегося настроения подавленности что-то вроде какого-то приобод-

¹ Какая муха его укусила? (фр.).

² Очень живописен (фр.).

³ Неизбежной развязки (фр.).

⁴ Так в рукописи.

рения — необходимо повести серьезную борьбу со своим маразмом. — В 4 ч. у Рериха — смотреть его новые картины. *Поразительная* плодовитость! И все очень, очень эффектно. Но почему-то мне не кажется все это *прочным*. Какая-то во всем иллюстративность. — И у Рерихов в семье «военная тревога»; собираются забрать Митусова (он приходится каким-то родственником жене Рериха), вследствие чего военный пыл его заметно спал. Билибин успел даже написать по этому поводу ядовитые и очень потешные стишки. Самого же Билибина Рериху удалось спасти тем, что он его заблаговременно зачислил в какую-то квазипричастную к войне организацию при мастерских школы Общества поощрения художеств^[42]. — Вечером с Платором в сумасшедшем доме св. Николая у вдовы доктора Охочинской — смотреть доставшиеся ей после кончины мужа старинные рисунки. Она хочет их продать с аукциона. Почти все третий сорт. Запомнилась лишь какая-то русская картина во вкусе Венецианова (Михайлова?) и аллегория на войну (?), которую я склонен приписать <нрзб.>. Вообще же, самое мрачное впечатление от самого этого места — не то казарма, не то тюрьма, не то некрополь... Эти бесконечные коридоры, эти меры предосторожности против побегов! Особо жутко то, что коридор квартиры Охочинской переходит в общий большой коридор и что над лестницей устроена особая крыша, так как были случаи, что умалишенные бросались в пролет или бросали в него всякую всячину!

Среда, 26 октября / 8 ноября

Настроение «необходимо взять себя в руки» продолжается. Утром Вдовин. Днем на выставке «Мира искусства». Общее впечатление, скорее, безотрадное, хоть и имеется несколько приятных вещей (на свои вещи лучше бы не смотрел, но это свойственная мне черта: я никогда себе не нравлюсь, и даже напротив). А вообще разумеется ощущение *упадка*, но то не наше общество клонит к упадку, а *вообще все падает!* Встретил там Судейкина. Он в солдатской форме (уж этот мне маскаррад!). «Мечтает со мной сблизиться» и вообще совершенно новый тон: точно ученика с учителем. К сожалению, он лично мне неприятен, «неприемлем». Он весь какой-то колющий и неверный. — Дал ему идею написать заказанный ему его пол-

ком портрет имп. Анны Иоанновны (создательницы полка?) с (бронзовой) статуи Растрелли-отца, что в Музее Александра III. — Заходил к больной Добычиной. Она в постели. Ее мужа («мышь в сметане») тоже призывают, но я за него не боюсь. Сумеет отвертеться! — К обеду Саша Серов* — славный юноша, однако какой-то холодный или даже «черствый». Он теперь состоит при гидропланном парке.

Четверг, 27 октября/9 ноября

Утром Вдовин. — Вернулась из Капселя наша Атечка вместе со всеми хорватятами** и тремя гувернантками. Хорватята прямо с вокзала поехали к бабушке — к Альберу, но тот, весь погруженный в роман с какой-то новой *jeunesse*¹ (тоже годящейся ему во внучки), принял эту шумящую ораву *avec un visage de bois*² и даже не угостил их завтраком (это наш-то гостеприимный, чадолюбивый Альбер! Ох, Амур проклятый!). Усталые с дороги, но все же буйные и шумливые, они и нагрянули всей гурьбой к нам. Митюн тут же слег, и при нем осталась добрейшая *Mlle Bonorie*³, тогда как остальных приютил у себя Шуша Альберт<ович>. Я рад был убраться в редакцию. Как странно: Гессен ничего не знал об усмирении беспорядков на Выборгской стороне^[43]. Или это он со мной секретничает? Но для чего? Скорее — действительно, плохая информация. Был вызван из недр милейший Альберт Семенович Ганфман, но и он тоже оказался в неведении. Вечером пришел Чуковский, специально чтоб со мной столкнуться насчет издания детских книжек (Горький очень увлечен этой мыслью), но из нашей беседы ничего не вышло, так как Корней внезапно почувствовал себя дурно и поспешил уйти.

Пятница, 28 октября/10 ноября

Отменил Вдовина, т.к. уж очень захотелось послушать еще раз симфонию «Ала и Лоллий»^[44] Прокофьева на утрен-

* Старший сын художника В.А. Серова.

** Шестеро детей моей племянницы Камиллы Альбертовны Хорват.

¹ *Здесь: молоденькой девушкой (фр.).*

² *С каменным лицом (фр.).*

³ *Мадемуазель Бонори (фр.).*

ней репетиции концерта Зилоти (в Мариинском театре). Я в упоении от этой вещи. Волшебнo! Почему-то вспомнились лунные ночи Капселя и многое в таком роде. Дома писал как раз о минувшем лете. — Обедаем у Набоковых с Аргутинским. Споры о Прокофьеве. Елена Ивановна прямо в ужасе от этой музыки! А глядишь, годика через два милейшая будет делать вид, что она чуть ли не открыла его. Так было с «Петрушкой». Владимир Дмитриевич осторожнее. Володя читал свои стихи. Удивительно талантливые. И все же я в нем не чую *l'étoffe d'un vrai poète*¹. Уж больно он насыщен «буржуазной» культурой — хоть и позирует теперь слегка на художественного *debraillé*².

Суббота, 29 октября / 11 ноября

Утром Вдовин (он позирует теперь для спящего Меркурия). Со смаком рассказывает о свалке, которой он был свидетелем, после того как, зря пройдясь ко мне, он от нечего делать пошел бродить по улицам Васильевского острова. Было это у Трубочного завода, где-то по 8-й линии. Больше всего меня поразил тон — про «своих же», про пролетариев! «Смешно больно! Как хватит он, значит, городской, его по башке, тот так и повалился! Повалился и лежит, *смех!*» По его сведениям, «поубито немало». Сам он — курьезная личность. Бывший матрос, освобожденный от службы из-за чахотки (однако с виду он, в голом виде, здоровенный молодой парень — прямо Геркулес!), бывший цирковой наездник! Сейчас, в часы досуга, между позированием — сапожник. Отлично берет позы, сразу схватывает, что я от него хочу. Страшно старается, чтобы вполне *выразить* и то, что мне нужно. Красивый лицом. Всего 23 года. — Завтракаю с Аргутинским и Добужинским у молодых Бобринских — в чудесном доме на Галерной^[45], в столовой, полукругом выходящей в сад. В общем, приятная компания, хотя меня чуть раздражает их (отчасти мной же и порожденное) антикварское любопытство. Милá, по обыкновению, «маленькая Долгорукая», в которой очень пикантно прорывается какое-то ее «цыганское нутро». Заезжали с Аргутинским

¹ Истинного поэта (*фр.*).

² *Здесь*: ниспровергателя устоев (*фр.*).

на осмотр аукциона, устроенного Яремичем в Обществе поощрения. Всякие *argière-boutique*'и¹, которые все же дадут в нашей провинции свои пять или шесть тысяч!

Воскресенье, 30 октября/12 ноября

Вдовин (которому я имел вчера неосторожность заплатить за всю неделю, и в том числе за пятницу, когда он зря явился, а я отбыл на концерт) надул: не пришел. Это мне расстроило весь порядок дня. Днем у нас состоялась консультация насчет здоровья старшей девочки Хорват — Мими, произведенная доктором Пуссом, пользующимся ныне большою² репутацией. К завтраку снова все хорваты и снова безумно утомительная возня! — В 4 ч. у меня заседание насчет издания детских книжек, устроенное по всем правилам за столом, покрытым красным сукном (взята занавеска из нашей спальни, из которой мы уже несколько дней как перебрались в более теплую комнату внизу). Горький почти не принял участия в обсуждении плана, а целых полтора часа с жадностью разглядывал иностранные детские книжки, которых я навалил целую кучу. Не такие-то книжки Алексей Максимович видел во дни *своего* детства! Откуда и эта «волчья жадность», а подчас и удивительно наивные замечания... Меня особенно огорчило то одобрение (со смехом), которого удостоились наиболее грубые из юмористических картинок! — Гржебин удручен тем, что Бьюкенен отказался пристроить его при Английском посольстве — наподобие Чуковского (которого, впрочем, как будто тоже теперь «забирают»). Но какая забавная претензия! Ведь Гржебин ни в зуб толкнуть по-английски, а собирается служить «насаждению английской культуры в России»!.. — Вечером у нас Стип, Аргутон и Эрнст. Второй набрал у меня на 500 руб. всяких набросков. Приходится теперь мирить Аргутона со Стипом, на которого он в претензии из-за какого-то коллекционерского стратажема³. Как бы не произошла ссора в стиле той, что послужила размолвке Владимира Николаевича с С.С. Боткиным (в 1907 году из-за каких-то дурацких тарелок)^[46].

¹ Второсортные вещи (*фр.*).

² Так в рукописи.

³ От *фр. stratagème* — военная хитрость, маневр.

Понедельник, 31 октября/13 ноября

Натурщик Вдовин снова надул! Пришла наконец в составе багажа Атечки корзина с капсельскими растениями, и среди них «елочка». — В 5 ч. (по предварительному уговору) Палеолог. Был в ударе. Рассказывал, с живописными подробностями, о том, как в Константинополе толпа проникла в гарем султана <нрзб.> после свержения Абдул-Хамида. Самый гарем представил собой ряд павильонов в огромном, оцепленном глухой стеной парке. — В недоумении перед Россией, перед ее «фантастичностью». Никак не может переварить, что общество «с такой легкостью отказывается от Царьграда». Впрочем, ближайший повод к визиту — желание порадовать меня сообщением, что мне пожалован офицерский крест *Légion d'honneur*¹. — Вечером мы у Лебедевых с Аргу и Костей (Сомовым). Во избежание разговоров о войне я почти все время импровизировал на их рояле, звук которого мне особенно приятен. У Сергея Васильевича лицо положительно приняло какое-то *лютое* выражение! Куда девалась его «неспособность убить муху», его презрение к солдатчине?

Вторник, 1/14 ноября

Вдовин решительно провалился. Это расстраивает мою работу. И другого такого хорошего натурщика не найти, особенно по нынешним временам, когда всех мужчин угнали на войну! — К обеду Стип и Аргут. Последнего Акица *заставила* прийти специально для того, чтоб его помирить со Стипом. Позже подошли Сомов и Хьюг Вальполь. Последний купил у меня один капсельский этюд (берег с облаками). Он же сообщил о готовящемся призыве «стариков». Но странное дело, я за последние дни так втянулся в свое творчество, что все внешние события и даже «личная угроза» меня (почти) не трогают. Был и Шейхель, угрюмо промолчавший весь вечер.

Среда, 2/15 ноября

Приглашенный по совету Гессенов доктор Педенко констатировал у нашей Лелички базедову болезнь. Вот куда при-

¹ Почетного легиона (фр.).

вели всякие сентиментальные переживания (влюбленность в Сашу Яшу) и неистовое купанье. Теперь объясняется и ее безумное настроение. Кошмар просачивается в нашу самую интимную семейную жизнь! Акица старается не показать виду, однако я знаю, что она близка к отчаянию. Вечером я со Стипом у Г.К. Лукомского. Читали статьи Макса Волошина для моей монографии. Поражен тем, что, при некоторой литературной фразеологии, столько действительного понимания, столько верного и меткого. Милый Макс!

Четверг, 3/16 ноября

У нас новая прислуга — подгорничная Матрена — Мотя, сушая деревенщина. Когда ходит в своих сапожищах, стены трясутся. Но симпатичная, молодая. Недавно вышла замуж, однако сразу после того муж пропал без вести на войне. Она племянница кучера Леонтия. — У нас с моей божественной на почве расстройства нервов у обоих (но у нее в особенности — из-за болезни Лелички) нелады. После небольшой ссоры я даже убежал из дому и целый час просидел в засыпанном снегом Соловьевском саду у Румянцевского обелиска^[47].

[Пятница, 4/17 ноября]

Вечером Аргутинский — довольно унылый.]

Суббота, 5/18 ноября

В передышках между приступами тоски и злобы занимаюсь живописью. Ничего не клеится. Захожу, как обещал, к Судейкину (живет на Екатерининском канале в верхнем этаже того очень банального дома, в котором помещается гимназия Гедда^[48]), рядом с Судейкиным квартира Сорина. У Судейкина «новая жена» (так и говорит), очень красивая, полногрудая, статная, лупоглазая. Ein ausgesprochen russischer Typus¹. Мне говорили, что она еврейка, по отчеству как будто немка — Вера Артуровна. Судейкин, видимо, по уши влюблен — и, не стеснясь ее присутствием, воздает ей неистовые хвалы. Уверяет, что она

¹ Ярко выраженный русский тип (нем.).

его спасает, отучила от пьянства, от «дурной жизни». Живут они без прислуги. Огромная мастерская и рядом ряд клетушек; все очень забавно и живописно разукрашено всякой всячиной. Со мной неузнаваем, до приторности ласков и любезен. Занят сейчас картиной, изображающей гулянье в Михайловском саду. Мотив пейзажа взят из окон Добычиной; масса фигур в «онегинских» (чисто оперных) костюмах. Как будто желание угнаться за Сомовым, но до Сомова далеко! Несмотря на довольно удачные куски, общее впечатление неприятное — что-то любительское и просто безвкусное, чуть что не доморощенная иллюстрация из «Нивы»¹⁴⁹! Лучше картина «Купальщицы», видимо, инспирированная картинами Пуленбурга в Эрмитаже. Мне кажется, что этот путь ему вреден. Больше всего мне понравился натюрморт: посреди большущая икона (та самая, что у них висит в столовой, — с ликом его жены), а перед иконой пестрая трактирная посуда. Очень красиво, *глубоко* по тонам.

Воскресенье, 6 / 19 ноября

Слава Богу, ссора (подобие ссоры) с моей обожаемой кончилась. Акица бесконечно мила. — Начинаю красками большой эскиз мекковского плафона. — Днем заседание <об издании> детских книжек снова не удалось; пришли только Нарбут и Добужинский — оба страшно смешные в военных формах. Маскарад! Нарбут со своими бачками — ни дать ни взять Барклай-де-Толли (каким великого полководца изображали на балаганах). Оба, видимо, очень счастливы в своем «петушином достоинстве». — Обед у Гессенов. Читали «исторические» речи Милюкова, Шульгина, Маклакова¹⁵⁰. Настроение начинает сильно напоминать настроение 1905 года. Впрочем, под «гражданским возмущением» немало низкопробной радости, что «господам теперь несдобровать». На меня эти речи не произвели ни малейшего впечатления, и мне кажется, что Государь может спать спокойно, пока имеется лишь угроза такой «оппозиции Его Величеству». Подобным Мирабо не свергнуть престола! Но, весьма вероятно, вслед за ними придут другие. А главное, *продолжается война*, и она сделает то, чего не в состоянии сделать «благоразумные» элементы, совершив *величайшее неблагоприятное ее приятия!* — А что из себя представляет Керенский, имя которого все чаще слышится? К сожалению, *его* речи у Гессена не оказалось. Ходит

слух, будто он говорил и о *необходимости* мира. — Больше всего меня с Акицей у Гессенов бесит чета Каратыгиных. Особенно он, который очень своевременно укрылся в каком-то военно-химическом предприятии. И теперь продолжает из этой своей норы шипеть про войну «до полной победы». Мила по-прежнему в своем «материнском пацифизме» Анна Исааковна Гессен. После обеда спела ряд романсов Бутомо-Названова. Среди них чудесный мрачный романс Бородина.

Понедельник, 7/20 ноября

Утром зашел Стип звать в комитет по устройству выставки Рериха. Это Рерих его подослал, а ему нужно мое участие для полноты триумфа. Ненавижу все эти комитеты и заседания, однако, чтоб не повредить Стипу (ведь Рерих — его начальство в Обществе П. Х.), я согласился. Днем на выставке «конкурентов» встретил Вел. Князя Кирилла Владимировича с супругой. Пришлось обозревать выставку в их обществе; не так уж приятно выслушивать какие-то нервические замечания Его Высочества вперемешку с ее претенциозной критикой. Ведь она «художница». Кстати сказать, выставлен омерзительный ее портрет, писанный каким-то «шикарным» художником, пользующимся сейчас большим успехом в высших кругах (фамилию забыл). — У нас обед с англичанами: Вальполь, Брус, Линтот. Вечером подошли друзья. Дети устроили «Лаэцкую» выставку* в бывшей нашей спальне. Кока бьет всех своей несомненной талантливостью. Иные его фантастические пейзажи, навеянные крымскими впечатлениями и Чюрленисом, прямо удивляют своим мастерством. Хорошие, бодро написанные натюрморты всех трех наших девиц, отличные сангины (этюды голой натуры) Лели — лучшей ученицы Саши Яши. Неприятны в своей пошловатости работы Шуры Леви. В первый раз и Саша Черепнин решается играть у нас свои сочинения. Это несколько еще ребяческие подражания Прокофьеву. После ухода прочих мучительный спор с Аргутинским о войне. «Немцев надо всех истребить! Они начали войну!» — точно мы еще в первом месяце этой чертовщины. И при этом ни малейшего сознания, что мы-то первые полетим к черту!

* Лаэция — фантастическая страна, подвластная нашим молодцам.

Вторник, 8/21 ноября

Тяжелое настроение. Пишу нехотя фельетон. Среди дня три часа спал — только бы убить время. — Вечером у нас милейшие, трогательные в своем единении супруги Аллегри.

Среда, 9/22 ноября

Рисую картон для «Весны» (одна из угловых фигур мекковского плафона). Без всякого вдохновения! Да и становится все темнее и темнее по утрам. Наконец, вся эта фальшь просто надоела! Раздражает фальшь всей затеи. То ли дело простое, непосредственное творчество, как было в Париже, в Версале и нынче, еще летом... Днем на заседании <по поводу> издания детских книжек. Горький снова не пришел, а явились только Гржебин, Добужинский, Нарбут. Каши не сварить. Нет у меня веры, что вообще эта затея станет осуществляться. Не до этого! — Вечером, чтоб немного развлечься, с детьми на фильме «Кабирия» Д'Аннунцио. Ерунда и пошлятина, с широким использованием далеко не лучшего, что имеется в «Саламбо» Флобера. Впрочем, местами поражает размах и затейливость постановки (напр., гигантский храм Молоха, высота фигуры самого бога, по лапам которого происходит бегство юной римлянки, а также осада какого-то города при помощи катапульта и подвешенных корзин, из которых воины тут же *вываливаются* в «пропасть»!). Забегала Зина*. К обеду К. Чуковский. На сей раз он был скромнее и приятнее.

Четверг, 10/23 ноября

Рисую фигуру Осени. Достал у Кодака Надины летние снимки — к сожалению, они недостаточно отчетливы. Купил у букиниста Котова на Литейном несколько книг. В редакции неожиданно встречаю Диму (Философова). Он рассказывает про печальную кончину бедного Висеньки Протейкинского**, которого Дима на днях отправил в больницу. Несчастный с начала войны (и после смерти брата) совершенно перестал выхо-

* Моя племянница, превосходная художница Зинаида Евг. Серебрякова.

** Виктор Петрович Протейкинский — дальний родственник Философовых.

дить из своей комнаты (вернее, чулана), и даже прислуге не удавалось его выводить для исполнения натуральных нужд. В конце концов на нем стало все гнить. Безумные мучения доставляла ему и его грыжа. Чтоб переодеть его в чистое, пришлось все на нем разрезать — и одежду, и белье, и сапоги. При этом пошел такой запах, что Диме сделалось дурно. И вот, усаженный в ванну, которую доставили на дом, этот старый человек почувствовал себя младенцем, стал нелепо плескаться и пускать пузыри! С жадностью, после ужасных добровольно перенесенных лишений, он набросился и на принесенные Димой конфеты. — Гессен рассказывал что-то путаное про очередной доклад Трепова о Мурманской дороге^[51]. Трепов с некоторых пор премьер. Но не все ли это теперь равно! Ганфман в отчаянии. Увы, таких сознающих положение вещей в редакции «Речи» мало. Гессен, Петрункевич (но не Милюков), Набоков, Туган — вот, пожалуй, и все. Большинство, однако, продолжает гореть патриотическим пылом...

[Пятница, 11 / 24 ноября

Рисую «Лето».

Суббота, 12 / 25 ноября

То же.]

Воскресенье, 13 / 26 октября¹

У нас рисование с живой природы. Позирует Шурочка. Но меня внезапно вызывает ген. Е.Н. Волков (начальник Кабинета Его И. Величества), так как ему удалось наконец устроить давно предполагавшийся осмотр Зимнего дворца^[52]. Это как бы вступление к исполнению грандиозного плана, принадлежащего в значительной степени Таманову*. Волков полон самых благих намерений в смысле поднятия художественной стороны его двор-

¹ *Правильно:* ноября.

* Александр Иванович Таманов — один из самых даровитых и значительных молодых архитекторов. Он женат на нашей племяннице Мизе (Камилле) Эдвардс.

цового хозяйства и, между прочим, возвращения Зимнему дворцу первоначального великолепия, которое не удалось восстановить после пожара 1837 года. Однако на сей раз дворец, и вообще не отличающийся внутри особой радостностью, произвел прямо-таки самое унылое впечатление, чему особенно поспособствовало то, что все большие залы заняты военным лазаретом^[53]. Всё кровати, кровати, ширмы, столы с медикаментами, и среди этого бесшумно бродят жалкие тени в больничных халатах. Многие лежат под своими серыми одеялами. Снуют белоснежные сестрицы в чепцах. И все это тускло освещено (день выдался темный) одинокими лампами в громадных люстрах или ночниками. В другом роде, но не более отрадное впечатление производят личные комнаты Государя и Государыни. Здесь царит как-то уж очень откровенный «недостаток вкуса». Несуразное впечатление производит кабинет (окнами на Адмиралтейство), перегороденный какими-то тяжелыми столбами, что дает этому покою характер чего-то утесненного. Не *спасает*, а подчеркивает нелепость <всего этого> тяжелый, несуразный камин, являющийся лишним свидетельством безвкусыя любимого придворного архитектора Мельцера. И вся мебель тяжелая, неповоротливая. Две гостиные (угол на Неву) отделаны «на европейский лад», однако не в стиле «модерн», как это сделано в новых комнатах Александровского дворца^[54] в Царском Селе, а на самый шаблонный манер, что, пожалуй, лучше. На стенах, кроме большой копии «Дармштадтской мадонны» (Гольбейна)^[55], портреты родителей Государыни, ее собственного, очень скверного портрета (кажется, кисти Фрица Августа Каульбаха), две бонбоньерочные многофигурные картины с сюжетами Наполеоновской эпохи Фр. Фламенга. Где-то высоко над шкафом я отыскал чудесный портрет Николая II, писанный Серовым^[56]. Дальше, начиная с Малахитовой гостиной, напоминающей такие же салоны 1830-х годов в немецких резиденциях, «легче дышится». Царящий там стиль Луи Филиппа или Людовика I Баварского (или ранней Виктории) моментами производит даже изящное, «нарядное» и, во всяком случае, *благородное* впечатление. Ротонда более классична.

Мне показалось, что спасти общее впечатление можно, вернув унылым, тяжелосводчатым залам, <выходящим> на Дворцовую площадь, их прежний растреллиевский облик (кое-какие рисунки первоначальной отделки Елизаветинской эпохи, наверное, где-нибудь найдутся). Зато [чего] не должно ка-

саться какое-либо усовершенствование, — так это кабинета Государя Николая Павловича, занимающего верхнюю, антресольную комнату в фасаде, выходящем на Адмиралтейство. Она представляет собой вполне сохранившийся ансамбль. Суровая (но не безвкусная) мебель, масса небольших картин (часто сувенирного значения) по стенам, масса мелких предметов на письменном столе. Все удивительно характерно для личности самого императора. В прихожей перед ней, к которой попадаешь по чугунной лестнице, серия отличных картин Гертнера — виды Берлина. Полон исторического значения еще и кабинет Александра II во втором этаже. Отделка стен здесь Екатерининской эпохи (то был кабинет Александра Павловича, и в точности повторена здесь декорировка стен после пожара 1837 года). И в этой высокой комнате с альковым все стены завешены картинами, а по столам и комодам разложено и расставлено без числа всякой всячины. Волков обратил мое внимание на сложенные в углу, за колоннами алькова, детские платяца и при них детский зонтичек и шляпочка. То сувениры, свято хранившиеся Александром II, оставшиеся после кончины обожаемой им дочери Александры Александровны, скончавшейся лет восьми*. — Вернулся я домой разбитый — еще бы, мы проделали верст пять, шагая по этому нескончаемому лабиринту. [И, о ужас, я прямо попал на Мику Горчакова!** Я очень люблю Мику, но когда еле держишься] на ногах, то его неистовая трескотня просто невыносима. А приехал милый Мика с интереснейшими проектами. Он затеял перестройку всего старого строения в своем Коростышеве^[57] и хотел бы, чтоб я взял это дело в свои руки. Новый дворец должен быть в стиле украинского барокко. Все это, на мою усталую голову, показалось мне сушей и довольно кошмарной фантазмагорией. Ну увидим! Во всяком случае, он *верит*, что все это осуществимо. — Вечером мы на «Жизели» с Карсавиной, после чего все поехали ужинать к Брусу, куда явились и какие-то чины из Английского посольства, и Палеолог. Une journée bien remplie¹. Уф!..

* Все это было в целости, когда я сделал такой же обход по дворцу в марте 1917 года, но многое погубло после того что во время уже большевистского переворота по дворцу целых три дня хозяйничали солдаты.

[** Св. князь Михаил Константинович Горчаков — внук знаменитого канцлера (берлинский Конгресс и т.д.).]

¹ Насыщенный день (*фр.*).

Среди дня маленький Рерих до смерти напугал нашу дурочку — горничную Дуню, позвонив у парадной и представ перед ней в маске страшного разбойника. Она чуть не умерла.

Понедельник, 14/27 ноября

В 4 ч. Вал. Вас. Слепцов — спросить моего мнения относительно условий пожертвования всей коллекции его брата, на днях погибшего при невыясненных обстоятельствах в Павловске, в Музей Александра III. Я бы желал, чтоб «мое плохое» туда *не* попало, однако он настаивает (он так же настойчив, как брат, хотя с виду и не производит того же «колючего» впечатления), чтоб было передано именно *все* полностью! Рассказал мне подробности гибели брата. Сначала нашли лошадь у мелководной речонки, а тело оказалось гораздо ниже по течению — на дне и в позе верхового! Снег, выпавший за ночь, покрыл всякие следы. Все остается таинственным. Предполагают, что с Борисом случился удар в самый момент, когда он перескакивал через еще не замерзшую воду (где-то между Павловском и Славянкой).

Вторник, 15/28 ноября

У нас Оберы. Боже, какие они жалкие, непригодные для нашего сурового времени! Совсем обезьянки, прижимающиеся друг к дружке и гибнущие от чужого холодного климата. Среди интересной беседы с Акицей вдруг вваливается Кругликова*. Между прочим, она рассказала, как и ее обокрал Маклаков-Ржевский, — эта притча во языцех последних дней. Произошло это с ней еще в Париже, и украл он ее семейную брошь, попав к ней под видом родственника «знаменитого Маклакова». Из его здешних проделок особенной «талантливостью» отличается тот визит, который он нанес Н.К. Рериху под видом особоуполномоченного Татьянинским комитетом^[58] (знал, подлец, слабость Н<иколая> К<онстантиновича> к grandeur'ам¹). К Жюлю Бенуа** он явился под видом графа Голенищева-Кутузова-Толсто-

* Художница Елизавета Сергеевна Кругликова.

¹ Высокопоставленным лицам, высшим чинам (*фр.*).

** Мой двоюродный брат, архитектор Юлий Юльевич Бенуа.

го, будто <бы> получившего огромное наследство и желающего употребить часть его на сооружение дворца с картинной галереей. Рериха он нагрел на 800 руб. плюс экземпляр его только что вышедшей монографии. У экономного и даже скуповатого Жюль он выманил 1400 руб., причем бедный Жюль был обнадежен, что он, Маклаков-Ржевский, займется переводом его сына с фронта в тыл. — Кончили мы вечер у Сомова, куда явились и англичане с Карсавиной. Костя изготовил прелестную новую серию виньеток для «Lesebuch der Marquise»¹.

Среда, 16/29 ноября

Начал маслом общий эскиз всего плафона. — Заходил к Вл. Д. Набокову, чтоб поглядеть на те два моих версальских этюда, которые он когда-то купил и которые теперь привез из деревни по моей просьбе (я хотел бы, чтоб они попали в мою монументальную монографию). Самого его не застал, но посидел около полчаса с Еленой Ивановной. Набрал у формовщика Репина несколько гипсовых слепков.

Обедаем у Горчаковых* с «молодым» Феликсом Юсуповым. Весь вечер последний рассказывает, в крайне возбужденном тоне, про Распутина. Он считает его главным виновником того, что «все летит к черту». Особенно поразил рассказ про какую-то обожательницу Р<аспутина>, которая рядится в платья, увешанные бубенцами с яркими лентами, и всюду следует за «старцем». Однажды эта монденная юродивая нагрязнула летом во время какого-то обеда у Юсуповых в Царском. Фелька (так его называет М. Горчаков) убежден, что все еще *можно* спасти положение, если «убрать» Распутина. Акица, сидевшая рядом с Юсуповым, позволила себе усомниться, найдется ли такой герой. Я в несколько маскировочной форме высказал свою обычную точку зрения: надо лечить не симптомы болезни, а самый ее источник. Или все это для чего-то нужно? Ненавидит Юсупов (и это вместе со всей семьей, в которую он вступил через свой брак на² Вел. Княги-

¹ «Книги маркизы» (нем.).

* Св. князь Михаил Константинович Горчаков и его супруга Наталья Павловна, урожд. Харитоненко. В первом браке княгиня Урусова.

² Так в рукописи.

не Ирине Александровне) и императрицу Александру Федоровну. Точно она виновата в том, что царство, доставшееся человеку, абсолютно на то неспособному, до того затянулось!? Трепов подал в отставку.

Четверг, 17/30 ноября

Темень. Не могу заниматься живописью. У букиниста Котова набрал всяких книг. Захожу в редакцию. Там еще ничего не знают об отставке Трепова. — Вечером на «Золотом петушке» в Народном доме. Набоков, затеявший эту *partie de plaisir*¹ и даже доставивший нам билеты, почему-то сам не явился. Постановка — ужасающая безвкусица в русском «петушковом» вкусе. Эта опера (одна из моих безусловно любимых) требует совершенно иного подхода. Я бы взял в основу постановки русский лубок XVIII столетия. На это прямо указывает вся музыка, и особенно бравый типично солдатский марш, ничего общего с боярами и стрельцами не имеющий*.

Пятница, 18 ноября/1 декабря

У нас обедает Лукомский. — Вечером мы у Аргутинского с Брусом, Карсавиной и Marie Murat.

Суббота, 19 ноября/2 декабря

Ужасное настроение у Акицы из-за вчерашнего диагноза доктора Педенко, отсылающего Лелю в Кисловодск. — В 4 ч. я у Обера смотреть его новую группу «Поцелуй» — давнишнюю его затею, лишь теперь (и, увы, крайне неудачно) осуществленную. Я ему дал несколько советов, дабы исправить фигуру женщины. Но, разумеется, это совершенно ни к чему. Ему необходимо пригласить натурщицу, но едва ли это будет по вкусу Наталии Францевне. Он все тот же милый, немного нелепый ребенок. В ней начинает проявляться озлобленность. Между прочим, она занимается тем, что выкалывает глаза на

¹ Вечеринку (*фр.*).

* Эту мечту я осуществил при постановке «Золотого петушка» в Парижской Опере⁵⁹¹.

фотографиях Вильгельма II и других «своих врагов». — Вечером, чтоб развлечься, на фильме «Вампиры». Глупо, убого, но довольно занятно. Фантомас в этом же роде был лучше.

Воскресенье, 20 ноября/3 декабря

Отвратительное настроение у нас обоих продолжается. Главным образом из-за болезненного состояния Лели. Ехать среди зимы в Кисловодск и при нынешнем положении вещей нам представляется безумием! Днем у нас рисование с живой модели — для нашего юношества. — В 4 ч. толстяк П.Е. Щеголев совещаться о научном предисловии, которое он взялся написать для издания моих иллюстраций к «Медному всаднику»^[60]. — Вечером мы у Гессенов. Играл Боровский — но раздражает известная поза на гениальность. Ужин затянулся до половины второго. Оживленная беседа шла между Милюковым и военным обозревателем «Нового времени»^[61] (как он сюда попал?) Каратыгиным и другими. Мы с женой поражены каким-то общим политическим легкомыслием и дилетантизмом этих «специалистов по политике». Нововременец, с одной стороны, уверен, что весной немцы *подойдут к Петербургу*, и тут же вторит ребяческим оптимистическим перспективам Милюкова и полковника Перетца. Милюков попутно попался в странной неосведомленности. Он ничего не слышал о каких-то беспорядках среди французских рабочих. Ходит слух, что и во Франции все далеко не спокойно.

Понедельник, 21 ноября/4 декабря

Праздник^[62]. В 2 ч. Вас. Андр. Верещагин. Приглашает меня участвовать в затеянном им художественно-историческом альманахе «Ирида»^[63]. Я имел мужество отказаться. Мне надоели эти вариации на «Старые годы»^[64]. К тому же я и тут *не верю*, по нынешним временам, в реализацию подобной затеи. — В 4 ч. московский реставратор и художественный коммерсант И.К. Крейтор, к которому я еще с московских времен чувствую какое-то недоверие, хоть <он> и старается всеми силами казаться «необычайно славным парнем». Душа нараспашку и утомительный болтун. Он показал мне большую чудесную акварель Томона — эскиз театральной декорации. Увы, он просит за

нее сумму, которая мне не по карману, — 5000 руб. — Вечером заседание Общины св. Евгении. Рерих рассказал во всех подробностях, как его обокрал Маклаков-Ржевский. На всякого мудреца... и т.д. По этому поводу он имел беседу с приходившими к нему полицейскими сыщиками. Один из них, более важный, был особенно огорчен тем, что кражу М<аклаков>-Р<жевский> совершил в *его* околотке. «Ну, встречу его, подлеца, непременно скажу: и как тебе не стыдно такими заниматься делами *у меня?!*»

Вторник, 22 ноября / 5 декабря

Утром Нарбут с Кнебелем. Последний снова пристаёт с какими-то новыми проектами изданий. Почтенный, но и мучительный человек. — В 4 ч. должен был прийти Андрей Римский-Корсаков — и снова отказался по болезни. — К обеду женщина-врач, бой-баба Н.В. Сукова, — наша знакомая по Крыму. Ее дочь Танечка считается дочерью Коковцева. Очень милая и приятная девушка. И Сукова настаивает на отправке Лели на Кавказ, — в общем, не обнадеживает.

Среда, 23 ноября / 6 декабря

Уже неделю я не дотрагиваюсь до своих кистей — отчасти из-за обуревавшей меня тоски (теперь немного полегчало), отчасти из-за «рассеянного» образа жизни, а главным образом из-за гнетущей темноты по утрам. А ведь плодотворно я могу работать только по утрам — к полудню я «выдыхаюсь». К тому же Акица все время жалуется на какое-то недомогание, и это меня очень тревожит. — У меня был сговор снова встретиться с Marie Murat в Музее Академии художеств, и бессовестнейшим образом я совершенно о том позабыл! Пишу фельетон о «Золотом петушке»^[65]. — Вечером с В.Д. Набоковым на концерте Боровского. Я порядком скучал, ибо программа состояла исключительно из произведений Листа, а я его не очень люблю. Понравилась (оказалась мне по нраву) лишь не слышанная до сих пор «Mephisto Polka»¹.

¹ «Мефисто-полька» (*фр.*) — произведение Ф. Листа (1883).

Четверг, 24 ноября / 7 декабря

По просьбе Палеолога навожу по телефону осторожные справки, имеют ли Почетный легион А.И. Зилоти и А.К. Глазунов. А они-то, милые, и не подозревают, что я им «покровительствую». В сущности, вздор, *mais si cela peut leur faire plaisir...*¹ — В 2 ч. с Аргутоном у молодого Юсупова — смотреть новые личные его апартаменты в Юсуповском дворце, отделанные Белобородовым. Они в нижнем, надподвальном этаже по левую сторону от главного подъезда на Мойку. Кое-что довольно затейливо, а иное даже и просто *красиво*. Но, каюсь, мне, в общем, начинает надоедать эта, превратившаяся теперь в моду, подделка под классику. К тому же чехонинская орнаментальная живопись (прямо по стенам и пилястрам) *laisse à désirer*². Далеко ему до какого-нибудь Скотти или Бернаскони. Мне больше понравились работы его товарища Тырсы. Они гораздо крепче, свободнее по технике и по краскам.

Зато интимные покои (спальни, «маленькая» столовая и т.п.) поразили меня своей теснотой (сущие клетки), путаностью плана и чем-то, я бы сказал, просто нелепым. Под большим кабинетом помещается в подвале еще одна, еще не законченная отделкой, большая сводчатая комната с окном — *soupirail*³ в уровень с мостовой улицы. *Très romantique!*⁴ Феликс II вообще позирует на какого-то итальянского принчипе⁵ эпохи Возрождения. Скажем, на Чезаре Борджиа. Подымаясь по узкой лесенке, ведущей из этого подвала в переднюю его личных покоев, я шутя сказал: «*Voilà un excellent scénario pour un drame de cinéma*»⁶, на что он с улыбкой Джоконды на устах проронил: «*Pourquoi pas?*»⁷, как бы намекая на наш разговор у Горчаковых. Дома в 8 ч. грандиозный обед в честь Палеолога за столом, раздвинутым во всю его длину. На одном конце поместилась Акица, имея по сторонам посла и Владимира Набокова,

¹ Но если это может доставить им удовольствие... (фр.).

² Оставляет желать лучшего (фр.).

³ Подвальным окном (фр.).

⁴ Весьма романтично! (фр.).

⁵ От *ит. principe* — государь, властитель, монарх.

⁶ «Вот превосходный сценарий для кинодрамы» (фр.).

⁷ «Почему бы нет?» (фр.).

на другом — я с княгиней Горчаковой и графиней де Робьен. Кроме того, были Брус, Линтот, супруги Олив, Аргутинский, граф Робьен, Сомов, Гессен, еще кто-то; после обеда подошли мои братья Альбер, Леонтий с женой и дочерьми и некоторые друзья. Меню состояло из какого-то чудесного потажа¹ по рецепту бабушки Кавос, из дивной лососины с богатым гарниром, из рябчиков и из изумительного сладкого, заказанного у Берэна. Было очень оживленно и даже весело. Акица в качестве хозяйки выдержала экзамен на «пять». Милый Палеолог *faisait la roue*² перед дамами, рассыпался в обаятельности, рассказывал с большим остроумием исторические анекдоты. Разошлись около одиннадцати. Палеологу я изготовил меню с видом венецианской *Salute*³[66] (у него такой же культ Венеции, как у меня), остальным приглашенным меню были нарисованы детьми, причем Кока и на сей раз не удержался, чтоб не представить каких-то кошмарных страшил! Более грациозные вещи состряпали наши девушки: наши дочери и наша племянница Надя.

Пятница, 25 ноября / 8 декабря

После большого перерыва снова принимаюсь за свою «Историю живописи»^[67]. Ужасно мучительны и вредны эти перерывы, во время которых я теряю самую нить основных своих мыслей. Но еще гораздо хуже то, что чем дальше я продвигаюсь, тем яснее начинаю чувствовать неприемлемость всего *плана* (!!), от которого я, грешным делом, постепенно и отступаюсь. Я думаю, это единственный пример в столь, по существу, серьезном труде. Утешаю себя тем, что, когда я дойду до конца этого труда (когда-то это будет?), я займусь вторым его изданием и тогда все объединю без того, чтоб мой текст был разделен *по содержанию* картин.

Днем Каза Роза; в 4 ч. чай у племянницы, Зины Серебряковой (рядом в доме). Молодчина Зика, говорит и о войне, и о Думе (об ее краснобах, продолжающих взывать к дальнейшему кровопролитию, несмотря на явную невозможность про-

¹ От *фр.* potage — суп.

² Красовался (*фр.*).

³ Салюте (*ит.*).

должать проклятую игру) совсем так, как мы, пожалуй, даже еще энергичнее! В нашем же духе, но несколько уж слишком простовато и прямолинейно толкует художник Машков, приехавший сегодня из Москвы. Он у нас *обедал*, и с ним я отправился на заседание «Мира искусства», происходившее у Рериха в помещении школы Общества поощрения. Про само же заседание повторю все те же возгласы: «Боже, какая бестолочь! Какая скука!»

Суббота, 26 ноября/9 декабря

К обеду снова Машков. С ним — на третьей серии «Вампиров». — К чаю чета Яремичей. Как ни в чем не бывало. Правда ли еще все, что теперь о них рассказывают?

Воскресенье, 27 ноября/10 декабря

Получил первое жалованье из издательства «Парус»^[68]. За что? За присутствие на трех неудачных заседаниях, посвященных детским книжкам? — Снова пробую сделать красками *общий* эскиз плафона для Мекка. Не выходит. — Днем у нас рисование с натурщицы. Постепенно все к этому охлаждаевают.

Понедельник, 28 ноября/11 декабря

Наконец светлое утро. Рисую Аврору с Шурочки*. К обеду Грабарь. Он думает, что его могут еще призвать по отсрочке 1893 года. А ведь у меня отсрочка еще годом ближе — 1894-м. Все же я не верю, что и я, и он на сей раз были в опасности. А зря приступать к хлопотам противно. — Вечером с Грабарем, напролет предававшимся хвастанью, у Аргутона.

Вторник, 29 ноября/12 декабря

Акица весь день лежит с адской мигренью. — Я на нашей выставке в бюро Добычиной. К сожалению, сама она не отходила от меня ни на шаг и прямо не дала обозреть. Несносное, бестактное существо! Но вот нам предана абсолютно! Кормит

* Это тот рисунок сангвиной, который мной включен в семейную хронику.

нас, устраивая покупку моих вещей, и приходится терпеть. Особенно на сей раз меня раздражали ее жалобы на Рериха, пообещавшего у нее устроить свою выставку и теперь изменившего своему решению, имея намерение устроить нечто более грандиозное отдельно — *при участии Татьянинского комитета!* Тут же натравливала на него за то, что он-де и меня, и Горького «втянул в эту черносотенную компанию»^[69]. А я и не знал ничего! Горький будто бы уже отклонил. Ничего не понимаю. Просто она по обыкновению сама что-то выдумала... Фотограф Глебовский, только что вернувшийся с фронта, где его брат состоит генералом, рассказывает всякие ужасы об общей деморализации у нас и одновременно расхваливает *идеальную* постановку военного дела у немцев. Солдаты и офицерство будто бы говорят во всеуслышание: «Если вы сами в Питере не разделаетесь с грабителями (это — про правительство), то мы придем, и тогда будет хуже...» — Дома Шурочка. Она теперь вздумала учиться петь и тратит весь свой заработок на это. В торговле от своего учителя пения, какого-то старого итальянца, — вероятно, шарлатана. — Пишу фельетон.

Среда, 30 ноября/13 декабря

У меня легкая инфлюэнца. Исправляю фельетон и ужасно долго с этим бился. Рисовал с гипса (упражнения — для Сатурна). Потом с Шурочки. Бедненькая, она совсем помешалась на пении! — В 5 ч. Эрнст за иллюстрациями к моей монографии (маленькое издание Общины св. Евгении)^[70]. — Обед у Гессена. Меня на сей раз пригласил *письмом* (!), в котором было сказано, что вскоре я буду чем-то *утешен*. Очевидно, это намек на ожидавшуюся телеграмму о мирных предложениях Германии (и, очевидно, он *лично* рассчитывает на то, что таковые возымеют желательное действие)^[71]. Сегодня полный текст этих предложений был ему доставлен, и я перед обедом прочел его (по-немецки) вслух. Читая, я едва владел своим волнением. Неужели это действительно протянутая рука и неужто близок момент, когда Россия положит свою руку в нее? Но тут же, не успев я дочитать последнюю строку, надежда моя рухнула. Милюков с какой-то мальчишеской прыткостью выхватил у меня листки телеграммы и, заявив собранию: «Я сейчас напишу ответ!», он удалился в соседнюю ком-

нату племянника Иосифа Владимировича — Ромы, и через полчаса, самое большее, этот ответ, полный самой легкомысленной фразеологии, был готов и прочитан перед супом к великому удовольствию большинства. И мне сразу стало ясно, что таков и будет окончательный ответ зарвавшейся и *обреченной* России. Потому мы и обречены, что все части общества, интеллигенция и правительство связаны и спутаны нелепой «национальной гордостью», что все одинаково виноваты, одинаково ослеплены, одинаково изолгались, одинаково не способны считаться с фактической стороной положения, с реальными условиями. Христолюбивая Россия забыла о Христе, запуталась в суетности каких-то «национальных обид». После обеда вокруг меня завязался спор, дошедший и до нескольких яростных выпадов. Со мной заодно оставались лишь Сара Семеновна Полоцко-Енцова, Анна Исааковна Гессен, разумеется, моя жена, А.И. Каминька и еще один маститый адвокат — чуть ли не Парламент (я не расслышал фамилии). Против меня особенно резко выступали Каратыгин и один из сыновей Иосифа Владимировича. Последний пытался мне объяснить, что я де не понимаю «трагизма истории». Милый человек, как бы тебе на собственной шкуре не отведать этого трагизма! Ты теперь так храбришься, потому что думаешь, будто ты спрятался за семью стенами, а ведь «трагедия» может вдруг придвинуться вплотную. Вот когда придвинется, я-то, вероятно, останусь тем же, чем я <есть> теперь, т.е. до смерти опечаленным человеческой глупостью, но в то же время не перестану всей душой уповать на «мудрость Божью», а вот, пожалуй, ты и оробеешь, взмолишься о пощаде, а ее ты не получишь ни от нынешних врагов, ни от друзей... А в общем, берет ужас оттого, что *никто* не понимает, что мы на вулкане, который нет-нет да и начнет извергать смерть и погибель!

Больше всего Милюкову вторил полковник Перетц. Снова мы услышали вариации на тему «немцы при последнем издыхании» и т.д. Какие-то слова простого, обывательского благоразумия (ах, хоть бы их было побольше — в них, <в> этой простой обывательщине теперь было бы спасение) я услышал только из уст доброго, тихого и, насколько мне кажется, безупречно чистого Августа Исааковича Каменки¹. Он особенно

¹ Правильно: Каминьки.

обеспокоен займами и прямо заявил, что мы по таким обязательствам не сможем платить! Но разве завравшийся игрок может остановиться? Забыл назвать моего *главного* единомышленника — только что приехавшего с фронта Ярцева. Милюков же представился мне сегодня прямо какой-то роковой силой — во власти чего-то такого, что он сам всего менее сознает. Тогда уж лучше социалисты, если только и они в своей массе не спятили с ума, со здравого смысла... Дома мы размечтались с Акицей о приобретении клочка земли в Крыму. Уйти от всего этого гвалта!

Четверг, 1 / 14 декабря

Утром Гринберг по вопросам моей монографии. К завтраку Обер. Потом рисую Шурочку. — В 4 ч. в редакции. — В 5 ч. монденный five-o'clock¹ у Аргутинского. К обеду у нас Ярцев, Аргут и Сомов. Разговор не клеился из-за присутствия Аргутона. При нем надо тщательно избегать всего, что касается настоящего момента. Была и милая Зина.

Пятница, 2 / 15 декабря

Корректирую главы о Рубенсе, написанные для моей «Истории живописи» Бог знает когда и лишь теперь набранные. — Днем Шурочка. — В 4 ч. Эрнст и И.М. Степанов. — Вечером в кино «Tip-Top»² на «Роковом ожерелье Озириса» (скандинавский идиотизм). Зато прелестен от руки рисованный американский фильм про взбесившегося осла. С нами были Серебряковы.

Суббота, 3 / 16 декабря

Продолжаю работать над Рубенсом. — Днем Шурочка. — В 5 ч. чай у Робьенов. Знакомят с английским дипломатом мистером Lindley или Lindsey³. Типичный, почти до карикатуры, брит. Он, кажется, самая важная (после посла) фигура в

¹ Чай между вторым завтраком и обедом (*англ.*).

² Название кинотеатра (*фр.*).

³ Линдли... Линдси (*англ.*).

Английском посольстве (чуть ли не *chargé d'affaires*¹). Были и другие англичане. — Милую мою графиню шантажирует некий еврейчик, скульптор (кстати сказать, знакомый Шурочки), сделавший с нее статуэтку (с борзой собакой) и требующий теперь непомерно высокую сумму. — Вечером у нас Стип с женой, Аргут и милый доктор И.И. Трояновский из Москвы, по своему обыкновению необычайно возбужденный.

Воскресенье, 4/17 декабря

К завтраку — Трояновский, приобретший одну из наиболее значительных моих акварелей нынешнего лета (желто-оранжевый закат с большим небом). Я ему уступил, из уважения к его коллекционерской доблести, за полцены. — Днем общее рисование. Позирует сестра Шурочки — подросток Валя. — В 4 ч. поэт Чудовский с предложением (вздорным) вступить в какое-то франко-русское общество. Терпеть это <го> не могу! Одна болтовня! — К чаю — потешная Кругликова и Лебедевы, приведшие с собой финского художника Энкеля, с которым я не виделся с первой нашей выставки 1898 года (на ней участвовали и финны)¹⁷². Тогда все его товарищи видели в нем гения. Да и сам он не прочь был себя считать за такового, вследствие чего он и держался необычайно, даже до грубости, гордо. Ныне он, не оправдавший тех надежд, держит себя гораздо скромнее. Из-за его присутствия пришлось говорить исключительно по-французски.

Понедельник, 5/18 декабря

Занялся приведением к одному «канону» всех фигур моего плафона (дабы не было слишком явного «разноречия» в пропорциях на разных планах). Однако так ли это важно? Потешно, как сквозь мое сознание важности полной свободы проступает какая-то (вероятно, фамильная) академическая закваска. Поэтому, пожалуй, я ее так и ненавижу (и особенно *ненавидел*)! Впрочем, сказывается тут и моя (странная для моих лет!) *неопытность*. Ну разве это нормально, что я, только достигнув сорока четырех лет, добрался (в 1914 году) до своей первой значительной работы? — Днем Шурочка. — Вечером (к ужину) у Бруса. Было

¹ Поверенный в делах (*фр.*).

уютно, но и несколько скучно. Линтота не было, он предпочел не явиться, так как нам надлежало высказаться относительно нарисованного им портрета Карсавиной. Портрет как портрет, скорее «приличный», однако Костя (Сомов), верный своей чисто российской привычке правду-матку резать, выразился *совершенно отрицательно* и *попросил, чтоб об этом довели до сведения бедного художника!* Мы с Акицей (особенно А<кица>) ненавидим в нашем друге эту жестокую черту. С бедной Таточкой к концу пира сделался обморок, вероятно, из-за выпитой (*единственной*) рюмки водки. Был и приехавший с фронта, несколько оправившийся от контузии В. Светлов*. Этот маленький господинчик со своим горбатым клювом имеет препотешный вид в форме горца Дикой дивизии. Огромная папаха, на груди патронташи. Акица прозвала его *der Rachegeist*¹. Он, разумеется, полон боевой прыти и о том, чтоб мириться с немцами, и слышать не хочет. — Домой нас доставил автомобиль (открытый) Бруса. Я снова, сидя рядом с шофером, все время переезда беседовал с ним. *Il m'a fait l'air d'un socialiste convaincu!*² И дочь Атечка была с нами.

Вторник, 6/19 декабря

Николин день. Кокины именины. Весь день возня, сутолока. К обеду масса гостей. После того что все разошлись, между нами двумя, Аргутоном и поздно подъехавшим М.С. Оливом завязался тягостный спор о войне, продлившийся до 3 часов ночи! Олив если и не кладет меча в ножны, то в общем все же благоразумен и даже соглашается с тем, что нежелание слушать немцев есть «преступная бравада». Зато Аргутинский, как попугай, твердит одно и то же: надо уничтожить немцев до последнего! Откуда эта непримиримая злоба? Эта тупость? «На одну пушку надо делать две» и т.д. И притом ни малейшего сознания нашего истощения... *Je fus sur le point de le mettre à la porte*³. И подумаешь, это типичный образчик наших дипломатов, а впрочем, скорее: дипломатов всего мира! Разве Брус или сам Бьюкенен лучше?

* В.Я. Светлов — балетный критик.

¹ Духом мести (*нем.*).

² Он показался мне убежденным социалистом! (*фр.*).

³ Я уже был готов выставить его за дверь (*фр.*).

Среда, 7/20 декабря

Шурочка утром. — Извожусь с фельетоном о Репине. Стремлюсь сказать больше, чем дает сама тема, и контрабандой на страницах «Речи» выяснить некоторые свои основные точки зрения. Как было бы важно теперь сказать во всеуслышание то, о чем только беседеешь в интиме. И вот: нельзя! На *всем свете нельзя!* Всюду рты по тем или иным причинам зажаты!

Четверг, 8/21 декабря

Не могу справиться с фельетоном. Все утро его переделывал и наконец отослал Евгении Ивановне (Зыбиной) в полусыром виде. Авось в редакции по начисто переписанному найду, перед самой сдачей в набор, нужные слова! — Сейчас занят скучной «механической» работой — «квадратурой» своего плафона (т.е. нанесением по квадратам нарисованного на предварительном эскизе на окончательный холст, на котором собираюсь завершить работу). — Шурочку я уступил на несколько дней Оберу, который рассчитывает по ней исправить фигуру русалки на своем «Поцелуе лешего». — В редакции провозились два часа над чисткой и исправлением злополучного фельетона. — Вечером у Аргутинского все друзья. Я бессовестно наелся чудесных конфет (choix Argoutinsky от «Bon goût»¹) и дивных фруктов. Умеет угощать Владимир! У него теперь новая мания: «пакетовые табакерки»¹⁷³. Это большая и очень дорогая редкость. Безумец! Акица снова надулась и не поехала. Впрочем, она действительно нездорова.

Пятница, 9/22 декабря

Рисую углем картон центрального отделения плафона. Моего фельетона в газете нет! По телефону Гессен объясняет, что запропостовал Милюков под предлогом несовместимости Бурлюка с Репиным. Все же хочу, чтоб фельетон появился. А если они заупрямятся, то и вовсе перестану писать — раз даже намеками

¹ Выбор Аргутинского... «Бон гу» (фр.). («Бон гу» — название кондитерской).

нельзя высказать то, что лежит на сердце! — В 8 ч. собрание Комитета по изданиям Общины св. Евгении, посвященное «парадным изданиям классиков». Я уверен, что *теперь* ничего не выйдет. Нет людей нашего круга, которые взяли бы это целиком в <свои> руки. Мне самому некогда. Какая досада, что пропущено столько времени, — когда я годами сидел без настоящего дела (впрочем, я тогда учился, готовился).

Суббота, 10/23 декабря

Большое огорчение от рамок в стиле XVIII в., заказанных Амвросимову (на 4-й линии, по 6 руб. за маленькую рамку!) для серии моих версальских масляных этюдов (на дощечках) с натуры. Я собирался их повесить, вытянув в ряд, над диванами и стульями в столовой. Того эффекта, на который я рассчитывал, не получается, а в чем беда, не совсем догадываюсь. — Рисовал картон плафона (Шурочка продолжает позировать Оберу). — Днем на экзамене-выставке школы Гагариной. Объяснение с милейшей княгиней Марией Дмитриевной относительно моих взглядов на искусство. Она сама пожелала себе их уяснить в связи с тем недоумением, которое породили в ней мои последние фельетоны. Но, разумеется, эти растабаривания с человеком, который хотя и считает себя глубоко любящим искусство, однако, в сущности, мало что в нем смылит, — эти объяснения абсолютно ни к чему. Но все же она дама почтенная и все еще жаждущая учиться; это трогательно. Как жаль, что Аргутон решительно отказывается с ней общаться и бывать у нас, когда она у нас бывает. Я, впрочем, воздерживаюсь ее к нам приглашать именно во избежание их встречи. Но, впрочем, он не *лично* ее терпеть не может, а вообще... всех Оболенских (впрочем, Сандру Оболенскую как раз он очень жалуется, но в том-то и дело, что Александра Петровна не *рожденная* Оболенская, в ней крови Оболенских нет). А в чем они перед ним провинились, я так и не могу допытаться. «Все Оболенские негодяи!» — и баста. Это очень характерно для нашего чудака. Он ведь вообще делит все человечество на черненьких и беленьких и пересаживания из одной категории в другую не допускает. Это подчас скучно. *Mais il a de tels mérites qu'on le lui pardonne...*¹

¹ Но у него такие заслуги, что ему это прощается... (*фр.*).

По дороге оттуда княгиня мне жаловалась на некоторое расстройство дел... Даже принуждена ходить пешком (а милого ее супруга, князя Андрея Григорьевича, я даже повстречал как-то в трамвае!). — В 4 ч. у болеющего Димы Философова (снова печень или почки). Встречаю там его сестру Зинаиду* и M-r Petit¹, которого Дима мне охарактеризовал как «личного агента Томá». Зинаида Владимировна как будто несколько оправилась после гибели сына. Пети отлично говорит по-русски и женат на русской. Тем не менее едва ли что понимает в исконных идеалах, интересах и настроениях русских людей. Вообще, мне начинают действовать <на нервы> всякие разновидности французов, обо всем имеющих свое безапелляционное суждение, а на самом деле безнадежно близоруких и поверхностных. — Вечером неожиданное появление Петрова-Водкина**, очень плюгаво выглядящего в солдатской форме. Рассказывал про свои мытарства с самого лета из-за призыва на военную службу. Его забрали на родине (в Саратове?) местные власти, вовсе не желавшие считаться с тем, что он «знаменитый художник». Да и здесь его мотают из одного учреждения в другое. Естественно, вследствие этого *полная* перемена во взглядах на войну. Куда пропало его боевое настроение? Его геройство? Даже не пытается скрыть своего ужаса перед тем, что его могут послать на фронт. Самые пацифистские речи!

Воскресенье, 11/24 декабря

Отвратительный инцидент получился за большим семейным обедом у брата Миши, устроенным в память нашего незабвенного отца в день его кончины (11 декабря 1898 года). Все шло благополучно до самого десерта согласно провозглашенному принципу *surtout ne parlons pas de l'affaire*² (это то, что принято было говорить в эпоху распрей, порождаемых при обсуждении *Affaire Dreyfus*^{3[741]}), но тут уже под самый конец семейного пира случился самый уродливый скандал. А именно: к десерту подошли наши

* Зинаида Владимировна замужем за Александром Николаевичем Ратьковым-Рожновым.

¹ Г-на Пети (*фр.*).

** Художник Кузьма Сергеевич Петров-Водкин.

² Только не будем говорить об этом деле (*фр.*).

³ Дела Дрейфуса (*фр.*).

две старенькие кузины Луиза и Эмма Бенуа, которые носят у нас прозвище Гамбургских, так как они дочери нашего дяди Саши, переселившегося в Гамбург еще в 1840-х годах, родились и воспитывались там и лишь уже в зрелом возрасте возвратились в Петербург. Тут дернуло меня обратиться к ним с обычным шутовым приветствием: «*Na da sind sie ja, unsere Kuginchen!*»¹ Этого никак не мог перенести архиненавистник немцев Леонтий, и он громко, с крайним раздражением воскликнул: «Я запрещаю говорить в моем присутствии на этом *поганом* языке!» И тут не вытерпела наша горячая дочка Атечка. Она вскочила, подошла к дяденьке и стала в истерике на него кричать ужасные слова. «Кровопийцы, мерзавцы, убийцы!.. — так и посыпались!.. — Мало вам пролитой крови? Бог вас накажет!!!» Несчастный Леонтий от такой неожиданности совсем оторопел... Насилу Атечку оттащили и увели в другую комнату, где с ней сделался форменный припадок. А вообще, все менее выносима становится семейная атмосфера. — Появилось предложение президента Вильсона о мире^[75]. Что-то уж *больно* благородно! Не простой ли это трюк?

Понедельник, 12/25 декабря

Получено 3250 руб. за проданную (Добычиной) мою картину «Арлекинада» коллекционеру Коровину (у него же несколько значительных картин Сомова). Появился мой фельетон о Бурлюке (но выпущены пассажи о Репине и о портрете Толстого, иначе говоря, все то, что я считал особенно нужным высказать «контрабандой» о войне)^[76]. Милюков настоял-таки на своем. — За завтраком неприятный разговор с Атей, не желающей пойти извиняться и мириться со своим, ею любимым и ею почитаемым, дядей, которого она вчера так обидела. — Вечером Аргутинский с Шурой Боткиной (Хохловой) — более сумасшедшей и вакхической, чем когда-либо. При этом чудовищный *mauvais goût*² во всех ее эксцентричностях. Просидели до 2 часов ночи. Должен был крепиться, чтоб не раскричаться на нее, когда она, разорвав случайно жемчужную нитку своего ожерелья, принялась по всему кабинету рыскать на коленях, подбирая раскатившиеся по всем сторонам бусинки. Раздражает она очень и Акицу. Но вот

¹ «Ну вот они, наши кузинушки!» (*нем.*).

² Плохой вкус (*фр.*).

Аргутинский все готов от нее терпеть в память дружбы с ее отцом, милым Сергеем Сергеевичем, — с которым, однако, он помирился только тогда, когда уже тот лежал в гробу! О Господи!

Вторник, 13/26 декабря

Слава Богу, примирение Ати с Леонтием сегодня состоялось. — Рисую картон плафона. — Днем на выставке архитектора Соллогуба^[77] в Академии художеств. Он сам очень любопытная личность, но с виду какой-то несуразный. Как все побывавшие на фронте, он, скорее, склонен к миру. — С 5 до 7 рисую натурщицу Валу — для... Меркурия.

Среда, 14/27 декабря

Работаю над картоном. — В 4 ч. надоедливый и какой-то жалкий художник Левитский, болеющий своими вечными обидами на всех и вся. — На заседание комитета выставки Рериха не пошел. Ну их совсем. Дома, при участии дам, предпринял опись своей коллекции рисунков по карточной системе. Но <на>долго прыти им не хватит. — Пишу фельетон.

Четверг, 15/28 декабря

Вместо какого-либо шага к миру приказ Государя по войскам с пометкой «Царьград»^[78]. На кого это может теперь действовать? Кто это ему советует? И как «нетактично» теперь, на третий год несчастной войны, при уже полном истощении всенародно раскрыть ее *настоящую подоплеку!* Ох, доиграются до катастрофы, ох, допляшутся! Любопытно было бы знать, какая на сей раз (поистине *темная*) действовала сила. Едва ли Распутин. Ведь он, говорят, всецело за мир; за это его даже обвиняют в измене, в подкупе! Неужели наш милый Палеолог? В редакции Гессен, с лукавой улыбкой и «секретно» подмигивая, молвил на мое сетование: «Нет! Это *скоро* кончится!» Бедный маленький Блюмен (мой сотрудник по художественной информации)* в панике из-за призыва. Я за него

* Несколько лет позже Блюмен, при всей своей бездарности, уже при большевиках, сильно поднялся по иерархической лестнице журнализма. Кажется, под другим именем.

хлопочу перед редакционным советом. Вечером с Эрнстом разбираю и описываю на карточках коллекцию.

Пятница, 16/29 декабря

После внесенных мной вчера поправок фельетон о Репине наконец появился. — Заходил в Эрмитаж познакомиться с каким-то новым способом, предлагаемым художником Шервудом для чистки мраморов. Посоветовал Дмитрию Ивановичу Толстому каждый случай обсуждать индивидуально, а не решать ничего огульно. — Накупил у Волкова книг для подарков на елку. — С 5 до 7 рисовал Валечку. — К обеду Эрнст. — К десерту поехал через весь город к Е.П. Олив на присланном за мной автомобиле. Там все те же коллекционерские разговоры. Они способны меня отвратить от коллекционирования. — Оттуда к 10 ч. к Лукомскому (на извозчике) опять в третий конец города. Как это меня хватает?! Обсуждение иллюстраций к моей монографии. Все более убеждаешься, что милому Георгию Крескентьевичу вся эта задача не по плечу. Боюсь, что книга обо мне выйдет невкусной и даже нелепой*.

Суббота, 17/30 декабря

Сильное ночью желудочное недомогание и, как следствие этого, Акицыно недовольство — я ей-де не даю спать. Меня такое неучастие так разогорчило, что я даже покинул нашу спальню и до рассвета просидел в кабинете, где люто холодно. Совсем промерз. Все это вместе взятое довело меня до какого-то исступления, и я в бешенстве разорвал несколько своих летних этюдов и смахнул на пол ряд фарфоровых и глиняных народных игрушек, что стояли на полке камина. Чуть не сделался удар! Насилу затем пришел в себя, погуляв около часу в совершенно холодной нашей бывшей спальне! Зато потом произошло (по обыкновению) самое нежное примирение. — Письмо от Щусева из Москвы, но я его не сразу вскрыл, а отложил до момента, когда буду спокойнее. Наверное, опять какая-ни-

* Увы, она просто совсем не появилась, хотя все: и пространный текст (писанный десятью авторами), и белоснежные клише иллюстраций — было готово. Помешали «мировые катастрофы», и в частности исчезновение самого издателя Бернштейна и всего его «штаба».

будь новая путаница и хитрение. — Явившаяся к обеду Надюшка* принесла известие, что на улицах продают <листки> «Смерть Распутина»!!!^[79] Гессен по телефону подтвердил и уточнил, что убийство произошло в доме Юсуповых. Мы с Акицей потрясены! Неужели сам Фелька? Самое убийство мне представляется величайшей нелепостью. Точно этим можно поправить дело. — Вечером на заседании у графа Сюзора (только улицу перейти) по вопросу об устройстве выставки «трех друзей»: Н.Л. Бенуа, А.И. Кракау и А.И. Резанова. От второго, впрочем, как будто ничего не осталось, да и от третьего мало. Напротив, от папочки масса, и, разумеется, это может дать очень внушительное целое. Внук Кракау принес кое-какие совсем неинтересные зарисовочки.

Воскресенье, 18/31 декабря

Во время дневного рисования с модели неожиданно является А.А. Половцов, приведший с собой князя Владимира Палея (сына Вел. Князя Павла Александровича). Он очень красивый, несколько женоподобный юноша (юнкер? паж?) с чуть прециозными¹ манерами. Безмерно восхищался нашей обстановкой и вообще, видимо, был в восторге, что попал в такую художественную среду. Они просидели с час, и, прощаясь, Палей попросил разрешения часто бывать. Дамы все в восторге от этого подлинного *prince charmant*². Сидя втроем с ним и с Половцовым в кабинете (тогда как другие, и среди них графиня Робьен, продолжали рисовать в гостиной), затронул вопрос о вчерашнем событии, однако и Палей, и Половцов клянутся, что они ничего не знают другого, кроме того, что напечатано в газетах. В частности, они не осведомлены об участии в убийстве брата Палея — Вел. Князя Дмитрия Павловича.

Понедельник, 19 декабря/1 января 1917 года

Панихида по брату Коле (прошел целый год!) в Академической церкви. Леонтий хоть и не любит русских попов, одна-

* Моя племянница Надежда Леонтьевна Бенуа, впоследствии замужем за <нрзб.> Устиновым.

¹ От *фр. gracieux* — изысканный, жеманный.

² Очаровательного принца (*фр.*).

ко имел постоянно с ними дело, довольно откровенно стал теперь выражать свое тяготение к православию*. На панихиде больше разговоров о гибели Распутина, нежели внимания к службе. У брата Миши своя версия, слышанная им от дворника дома князей Касаткиных, отстоящего от Юсуповского дворца в незначительном расстоянии и недавно приобретенного сыном Мишеньки Костей. Этот дворник видел труп Распутина лежащим на пороге той маленькой двери, которая ведет из личных (новых) апартаментов молодого Феликса в открытый на Мойку двор. — В 4 ч., как и следовало ожидать, Палеолог — весь какой-то зараженный сенсационными сведениями об убийстве Распутина. Длинный рассказ.

«Les premiers coups de feu vers 2 heures, le gorodovoy qui se tenait sur le quai — juste en face traverse la passerelle (висячий “почтамтский” мостик) et accourt, mais Joussouppoff en personne le congédie en disant que c’est le grand duc (Dmitry) qui s’amuse à tirer (et il paraît qu’il y a eu réellement un chien de tué), à 3 heures départ forcé (!) des deux dames, dont une paraît avoir été la danseuse Karalli, à 4 heures seulement arrive Raspoutine, à 6 h. l’assassinat»¹. Тут же Палеолог сообщает le délicieux mot de Sturmer à l’ambassadeur roumain: «Oh, mon Dieu, laissez faire la providence. Elle est si bonne»². Сам Палеолог несколько déconcerté³, встревожен и, во всяком случае, отнюдь не считает, что это убийство есть какой-то поворот к лучшему. Он снова заговорил о грядущей анархии. «Le caractère russe»⁴ ему абсолютно непонятен. Mots⁵ другого русского сановника: «Quand les choses vont bien je suis péssimiste, quand elles vont mal je deviens fataliste!»⁶

* Все же он кончил жизнь верным католиком. Предчувствуя приближение смерти, исповедался и причастился, будучи наставляем пэром Амодрю.

¹ «Первые выстрелы раздались около 2 часов; городской, стоящий на набережной, прямо против висячего «почтамтского» мостика, подбежал, но сам Юсупов попросил его уйти и сказал, что это Великий Князь (Дмитрий) развлекается стрельбой (видимо, он действительно убил собаку); в 3 часа вынужденный (!) отъезд двух дам, одной из которых, видимо, была танцовщица Каралли; только в 4 часа приезд Распутина; в 6 часов убийство» (фр.).

² Восхитительные слова Штюмера румынскому послу: «О Боже, дай свершиться providence. Оно так прекрасно» (фр.).

³ Расстроен (фр.).

⁴ «Русский характер» (фр.).

⁵ Слова (фр.).

⁶ «Когда дела идут хорошо, я настроен пессимистически, когда они идут плохо, я становлюсь фаталистом» (фр.).

Вторник, 20 декабря/2 января

Обед у Оливов с Сомовым и княг. Сузи Белосельской (американкой). Позже по-прежнему прелестная Ольга Орлова*. Все разговоры вертятся вокруг убийства Распутина. Совершенно откровенно я высказываю свое мнение и как бы некоторое свое огорчение по поводу исчезновения столь «живописной фигуры». А разве это исчезновение может что-либо изменить в ходе дел? Разве это она была столь вредоносной? Милый Аргутон в таких случаях *se donne toujours des airs de tout savoir et ne pas vouloir parler*¹. Он убежден, что убийца не Феликс и не Вел. Князь Дмитрий Павлович (оба сейчас под домашним арестом), а тот стрелковый офицер, который был в той же комнате (Сухотин). Очень, говорят, *наслаждается всей историей* Вел. Князь Николай Михайлович, который, по некоторым сведениям, является настоящим подстрекателем.

Среда, 21 декабря/3 января

До завтрака у меня Щусев. Длинное объяснение. Сочиняем вместе письмо, которое должно привести к устранению недоразумения с задержкой гонорара Добужинскому за его эскизы. — Вечером пишу фельетон. Эрнст с дамами разбирает рисунки. Бедному Владимиру Николаевичу отказано — он немного надоел; иногда хочется отдохнуть и от этого самого милого (но не всегда тактичного) человека. И нельзя же все время говорить о табакерках! Интересных же тем лучше с этим крепко-лобым не затрагивать.

Четверг, 22 декабря/4 января

У букиниста Котова смотрел книги по его карточному каталогу — это особая честь, что я к этому каталогу допущен. Отложил порядочную толику. В редакции подготовил почву, дабы прошел мой фельетон о «Максе и Морице»¹⁸⁰¹. Еще узрят

* Княгиня Ольга Константиновна Орлова, урожд. княжна Белосельская.

¹ Всегда делает вид знающего все, но не желающего говорить ни о чем (*фр.*).

немецкую пропаганду, и Милюков восстанет. — Вечером «раут» у Добычиной. Масса народу. Сам Горький удостоил (Добычина позирует на его Эгерю^[81]). Кроме того, коллекционер А.А. Коровин, художник Альтман, милейший Тихонов, Каратыгины. Я вслух прочел недавно полученное от Жени Лансере письмо, рисующее положение вещей в деревне в самых мрачных красках (а ведь Женя склонен идеализировать все деревенское). Тем не менее Горький объявляет, что он-де уверен, что война кончится разгромом Германии. Вообще, не поймешь Алексея Максимовича! Что это все? Все его разговоры о войне какие-то скользкие, полные недоговоренности, а иногда и прямо (едва ли не умышленно) *нелепые*.

Пятница, 23 декабря / 5 января

Заседание по изданию детских книжек в редакции «Паруса». Горький читает свои сказки. Милые подробности, но неприятен «перегруженный» комизм, а местами и прескверный вкус. Дома изготавливаю шуточные подарочки на елку. К чаю Аллегри.

Суббота, 24 декабря / 6 января

Спешно заканчиваю подарки друзьям. Аргутинскому и Яремичу по маленькой шуточной коллекции рисунков «великих мастеров», Косте две «саксонские фигурки» (вырезанные из бумаги). Валечке Кока нарисовал придворный мундир и т.п. — Днем покупаю у Котова на 250 руб. книг — «себе в подарок» — и привожу эту грудку с великими неудобствами на извозчике, которому плачу (от Литейного) 4 рубля! — На елку собралось порядочное количество друзей. Подарки имеют большой успех. К сожалению, вечер испорчен тяжелым разговором о войне за чаем. Яремич, обыкновенно предпочитающий в таких случаях молчать, тут не выдержал и на довольно-таки провокационные слова С.В. Лебедева «Мы будем воевать до последней капли крови» резко ответил: «Да, вы будете воевать до последней капли — но только чужой!», намекая на теперешнюю деятельность Лебедева, занятого изготовлением ядовитых газов. Лебедев побледнел, однако промолчал. Расходились все же все в более или менее дружеских тонах.

Воскресенье, 25 декабря / 7 января

У нас рисуют Брус, Линтот, графиня Робьен. Судя по тону ее разговоров о Распутине, представляется абсолютно невероятным, чтоб *она* была одной из дам, якобы присутствовавших на пиру у Юсупова. — Около четырех Курбатов — явившийся, очевидно, для *captatio benevolentiae*¹ ввиду моего отзыва о только что вышедшей его (толстенной) книге «Сады и парки» (это была моя давнишняя мечта — такую книгу написать)^[82]. Но его старания пропадают даром. Уж очень он меня разозлил, когда своей «фистулой» пропищал: «Очень было бы жаль, если бы война кончилась теперь, нужно бы повоевать лет семь» (лично для него в качестве химика это, как для Лебедева, прямая выгода). Та же идиотская мысль, которую так проповедуют союзники и которую высказал прошлой весной Путя Вейнер* по поводу гибели Китченера^[84] (это было во время заседания нашего Общества защиты памятников у генерала Волкова). Известие было только что получено и очень всех поразило. Вот в перерыве наших обсуждений о реставрации какого-то дворца я сказал приблизительно такую фразу: «Это очень печально, но если этот случай может приблизить конец войны, то я ничего не имею против». На что Путя тогда ужаснулся «моей наивности» и тоже пожелал, чтоб война продлилась как можно дольше... Такие безумные речи изводят меня не каждая сама по себе, а в качестве общего показателя, в качестве отказа от здравого смысла и от собственного спасения — не личного, а *всего того, что составляет наш быт*. И больше всего слышишь этого гадкого вздора от засевших в тылу «амбюскировавшихся»² вояк. Они в целом и создают ту атмосферу безумия, которая фатально должна привести к общей гибели (их же, дураков, в первую голову). Точнее, это их безумие только отражает нечто стихийное, нечто свыше, для чего-то ниспосланное и неодолимое. Вот только не пойму, кому же окажется выгодным в конечном счету? Немцам ли, социализму или просто рождению какой-то *совсем новой культуры*?

¹ Снискания расположения (*лат.*).

* Петр Петрович Вейнер, создатель и издатель «Старых годов»^[83]. Около 1930 года расстрелян большевиками.

² От *фр. embusqués* — избегающих отправки на фронт.

Вечером после долгого времени — у коллекционера А.А. Коровина (Акица не пожелала), угостившего нас совершенно «довоенным» ужином. Добычина держится с ним, как точно она с ним в романе (совсем так же она держится с Горьким). Из картин довольно сильное впечатление производит один только портрет Мейерхольда, пис<анный> Борисом Григорьевым. Невиданный же до сих пор мной «Каток» Кости (Сомова) уж очень надуман, *trop voulu*¹. — Извозчиков совсем нет (!!), и потому пришлось шествовать домой пешком, что, однако, доставило мне удовольствие, так как стояла дивная лунная ночь. Провожали меня через весь город сам хозяин, Добычина, Каратыгина. В первый раз пересекли Неву по только что открытому новому Дворцовому мосту¹⁸⁵¹. Я делаю величайшие усилия, чтоб *выносить* неврастеническую безвкусицу Н.Е. Добычиной. Приходится — благодаря ей мы «кормимся». С другой стороны, надо признать за ней и заслугу «создания» или «воспитания» меценатов. Она снова взывала, чтоб я «занялся Горьким», «спас бы его» (от «товарищей»)… От моего допытывания насчет действительного отношения Горького к войне она увертывается; да и ее собственное отношение *туманно*. Кажется, такая манера помогает при ее позе на (чуть ли не первопланную) революционерку. Ведь и среди самых убежденных борцов за революцию имеются вояки и даже «патриоты».

Понедельник, 26 декабря/8 января

Совсем запамятовал, что сегодня заседание о выставке Бенуа, Резанова, Кракау — которое должно было состояться у г-на Трамбицкого, зятя последнего. Должен, впрочем, сказать, что после первого такого заседания у меня осталось самое кислое впечатление. Что-либо художественное едва ли удалось бы устроить. Если бы еще мне дали диктаторские полномочия. Но едва ли это возможно при такой «семейственной» обстановке.

У меня вся выставка свелась бы к итальянским и ранним петербургским работам отца и лишь к каким-либо пустячкам сухаря Кракау. — В 5 ч. у нас Е.П. Олив, нарочно приехав-

¹ Даже слишком (*фр.*).

шая отдельно от других, чтоб излить все накопившееся на душе. Вдвоем (и втроем с Акицей) nous nous somme soulagé le cœur¹, разбирали поступки и весь характер нашего друга Владимира, его ограниченность, сухость, эгоцентризм, а временами даже и фальшь. Даже близких друзей, вроде Оливов и Горчаковых, он не щадит, когда ему нужны деньги (а они ему нужны непрестанно). В удовлетворение своей коллекционерской страсти он и у тех, и у других забрал массу денег, однако едва ли подумывает о том, чтоб когда-либо эти деньги вернуть. У него вообще своеобразное представление о долге, так же как и о войне, о немцах и т.д. Акица, верная себе, пыталась его защитить, но без особого успеха. — Вечер проводим у Каратыгиных. Без конца распевала Зоя Лодий, одна из наших наиболее почитаемых Liedersängerinnen². Ее горбатость, скорее, располагает к ней, в каком-то жалостливом смысле. «Бедняжка, такая прелестная, и вот — горбатенькая, нет ей счастья в жизни». Она играет горбом, как иные «играют глазками». Но многое я *просто больше не могу слышать*, как невозможно <не> подавиться вареньем, когда переел его. «Мне минуло шестнадцать лет!» Я просто больше слышать не могу. Первые разы попадаешься, а потом это начинаешь ненавидеть. — Был довольно пышный ужин — видно, и Каратыгина война обогатила. Возвращались с Лебедевыми. Беседа шла в дружественных тонах.

Вторник, 27 декабря/9 января

Леличка рисует разные части (руки, ноги) с глухого чухонца-натурщика. Это мой заказ дочери — для фигур Меркурия, Сатурна и Геркулеса на плафоне. Наладить бы такое сотрудничество! Она бесконечно лучше видит (и уже *знает*) человеческое тело, нежели я (зато в ней до сих пор не сказывается творческое начало)*. Беда, однако, в том, что при ее болезненном состоянии, при ее повышенной нервности этого усердия едва ли хватит надолго. — В квартире

¹ У нас стало легче на сердце (*фр.*).

² Исполнительниц песен (*нем.*).

* Позже, в эмиграции в Париже, творческое начало в нашей Елене проявилось очень ярким образом.

стоит дьявольский холод. Нет мыслимости при все растущей дороговизне дров (они уже дошли до 26 руб. 50 коп. за сажень!) поддерживать во всех наших хоромах приличную температуру.

Холод парализует работу, как ничто. Акица жаловалась на Атечку: она у нас вышла уж очень типичной буржуазной барышней. Безнадежная избалованность*. Мы не прочь ее отпустить к Милечке Хорват в Харбин. Возможно, что там она нашла бы более ей подходящий образ жизни. — В 4 ч. Оттокар (мой бывший сотрудник в «Речи» по балетной части, ныне заделавшийся профессором в Перми), а вслед за ним Саша Смирнов (тоже оказавшийся профессором в Перми!). Все мы трое безусловные пацифисты и в беседе отвели друг другу души, изумляясь человеческой глупости (люди не понимают, что идет пляс на вулкане). Они и меня зовут в Пермь — хотя сами и удручены провинциальным захолустьем. Все же там отдыхаешь от слишком явной столичной лжи! Люди там, безусловно, свежее, проще, прямее и в общем обнаруживают большую жажду культуры. Какие<-то> местные любители устраивают даже музей, и вот для этого музея Оттокар просил продать что-либо из моих работ, а кроме того, и вообще следить на выставках, сообщая ему о вещах, которые могли бы им подойти.

Позже пришли за мной Эрнст и Добужинский (последний мрачнее ночи), чтоб вместе отправиться на вечер к Горькому. Настоящий светский монденный вечер с массой дам, с неугомонной болтовней по всем углам и с «концертным отделением». Пела даже какая-то мулатка, которую летающая по всей квартире Мария Федоровна, *très dame du monde*¹, знакомила, прибавляя к фамилии слова «мой друг». И угощение было довольно пышное. Но сам бедный Максим казался каким-то рассеянным, стесняющимся, *plutôt ennuyé*².

Все же, видимо, он польщен тем, что «вот и у него как у всех». Я разговаривал с М.А. Стаховичем. Он мрачно настро-

* Бедняжка, об этой избалованности, об этом *dolce far niente* [сладостном ничегонеделании (*ит.*). — *Перев.*] пришлось позабыть в тяжелых условиях эмигрантской жизни.

¹ Весьма светская дама (*фр.*).

² Даже озабоченным (*фр.*).

ен. Акица не в состоянии оказалась долго выдержать (особенно ее раздражала показная «милая простота истинно светской дамы» Марии Федоровны), и она внезапно и настойчиво потащила меня домой. Мне показалось, что Мария Федоровна обиделась. От ужина мы видели лишь роскошно сервированный стол.

Среда, 28 декабря / 10 января, и четверг, 29 / 11 января

Сижу дома и усиленно работаю над плафоном и попеременно над «Историей живописи».

Пятница, 30 декабря / 12 января

И на сей раз не пошел на заседание выставки Бенуа, Кракау, Резанова. Не верю, чтоб из этого можно было устроить нечто дельное, достойное.

Суббота, 31 декабря / 13 января

Оттокар выбрал у меня (для Пермского музея) летний этюд, сделанный в конце августа и отражающий мое тяжелое тогдашнее настроение.

Встреча Нового, 1917 года произошла у нас на сей раз с необычайной помпой, в создании которой приняли участие художники Яковлев (Саша Яша) и Шухаев (Шух), наши дети и их товарищи и наша гордость С.С. Прокофьев (Прокошка). Пришла масса гостей, и среди них Милечка Хорват и М-me Берсон с дочерьми. Особенно эффектным и даже жутким получилось появление (в сочиненной ими же аллегорической пьеске) колоссальной фигуры Старого года, составленной из Саши Яши, сидящего на плечах у Шуха, причем оба были сплошь задрапированы в простыни, а к подбородку Яковлева приклеена длинейшая белая борода. Надетые на руки и на ноги исполинские белые картонные ладони и ступни придавали полную иллюзию, что перед нами настоящий гигант.

Кроме того, Прокофьев продирижировал коротенькую и чудовищно звучащую «симфонию», которая была исполнена на медных кухонных кастрюлях оркестром, состоящим из нашей молодежи, а также представлено экспромтом несколько

(не отличавшихся остроумием) шарад, и, наконец (или то было вначале?), Саша Яша, Леся и Кока предстали в виде виртуозов мгновенного рисования (нечто подобное показывали в цирке), которые набрасывали одну за другой, в тесном сотрудничестве, карикатуры на присутствующих. Так, Костя Сомов предстал почему-то в колониальной каске, среди пальм и пирамид — «в Египте». Вечер закончился обильным ужином (с жареными курами), причем Атечку особенно поразил своим обжорством Прокошка. Все пожелания при наступлении Нового года свелись к скорейшему наступлению мира! У меня с Акицей это действительно наше *главное* пожелание.

1917 год

Воскресенье, 1/14 января

Что-то принесет наступивший год? Только бы принес мир, а остальное приложится. А для того чтоб был мир, нужно, чтоб люди образумились, чтоб возникла и развилась «воля к миру». И как будто уже какие-то проблески того замечаются. Я их усматриваю хотя бы в том, что сейчас *легче* эту тему затрагивать и даже с людьми посторонними, неблизкими. Развязываются языки. И думается мне, например, что ныне едва ли возможен такой случай, как тот, что произошел в прошлом году, когда И.В. Гессен счел своим долгом выдать двух шведок (он попросту *донес* на них), явившихся к нему от имени какого-то общего знакомого с просьбой посодействовать им в деле пропаганды мира*. Да и все сильней сказывается бессмысленность всей этой дьявольщины. *Le jeu ne vaut pas les chandelles*¹.

Это должно, наконец, стать очевидным даже таким тупицам, как Милюков и *tutti quanti*², ведущим Россию к гибели во имя исповедуемой ими ереси! С другой стороны, глупость человеческая безгранична, всеильна, и весьма возможно, что мы так и докатимся до общего разорения и катаклизма!

Такие мысли я как раз сегодня развивал перед единственным новогодним (обычай новогодних визитов совсем теряется) визитером Лешей Келлером, неизменно, но лишь раз в году являющимся к нам 1 января. Он соглашается со мной, но боль-

* Тогда наш милейший и добрейший Иосиф Владимирович сообщил нам это за обедом — с видом героя, спасающего отечество. Однако ни во мне, ни в Туган-Барановском не встретил ни малейшего сочувствия, и лишь Мимс<?> Каратыгин вполне примкнул к его точке зрения.

¹ Игра не стоит свеч (*фр.*)

² Все до одного (*ит.*); *здесь*: и иже с ним.

ше из вежливости; я же, пожалуй, вскоре стану говорить такие вещи не только с Лешей Келлером, но и с камнями у дороги, и с трамвайным столбом. Я задыхаюсь от невозможности поделиться как следует и от всего сердца, во весь голос тем, что меня мучает, что *всех должно было бы мучить*. Увы, люди так безнадежно легкомысленны, так невнимательны к нашептыванию собственной совести!

Понедельник, 2/15 января

Легкая простуда. Леля рисует великолепно.

Вторник, 3/16 января

Пишу фельетон о книжке Лукомского. — Вечером *Добужинский* и Н.Н. Евреинов — совещаться о какой книге, посвященной театру, я посоветовал обратиться к *моему* издательству «Свободное искусство». Оба собирались навязать ее мне, но мне сейчас не до того. К тому же сочетание их обоих представляется мне несколько странным. Впрочем, второй может, пожалуй, как-то воодушевить первого (в милом Мстиславе есть что-то от какого-то ходячего монумента), а первый может обуздать неистовство второго. Вообще же, я продолжаю возлагать надежды на Евреинова; он исключительно одаренный человек — даром что паяц по природе. Однако как раз после *сегодняшней* беседы у меня явились сомнения, ибо Николай Николаевич показался мне каким-то растерянным. Но, может быть, здесь и то, что Арлекину на сей раз взбрело на ум поиграть сегодня передо мной роль какого-то «подчиненного», покорного мальчика, чуть ли не «подчиненного перед Его Превосходительством». Впечатлению, что он именно эту личину взял на себя сегодня, способствует его военный мундир и *аккуратная остриженность*, придавшие его наружности удивительное сходство с полковым писарем. Я, впрочем, не уклонился от советов и изложил некий план, который представляется мне наиболее подходящим. Под конец Евреинов выказал столь пламенный энтузиазм к чисто *научной* задаче книги (если только и это тоже не шутовство, комедия), что я даже за него испугался, как бы ему не потонуть в море архивных и библиотечных изысканий. С особенным пылом стал он вещать о каком-то козлином действе.

Среда, 4/17 января, и четверг, 5 января/18 января

Прошли в спокойной домашней обстановке. Какое счастье такая передышка...

Пятница, 6/19 января

Вечером у меня П.И. Нерадовский*. Он возмущен интригой, направленной против него (при попустительстве директора**) Околовичем, которого он уже пристроил в Музей Александра III и который воспользовался тем, что Нерадовский был призван на военную службу, чтоб подвести под него самую предательскую интригу. Гадкая история! Для меня нет сомнения, что вся правда на стороне Нерадовского. Его жалобы носили свойственный ему сдержанный и достойный характер. Напротив, не могу без отвращения вспомнить подленькое выражение лица О<коловича>, когда осенью он вместо Нерадовского меня принимал в музее (я приходил выяснить вопрос насчет приобретения моих набросков) и очень кивал на отсутствующего, упрекал его в бестолковости, распускании служащих, в беспорядке... Уж, видно, так положено, что когда человек занят иконами, елейно и умиленно говорит о благодати истинно народного искусства, то в жизни он просто дрянная ехидна. В другом несколько роде, но тоже иконник, моргач, пролаза Пунин***. И именно этих двух сам Нерадовский и приютил!

Суббота, 7/20 января

Обедали у Оливов. По обыкновению, вс□ (и несмотря на растущие затруднения в провизии) удивительно, изысканно, вкусно и обильно. Сладкое было прямо волшебное! Елена Павловна мила, с нами у нее исчезли ее снобические гримасы. Немного все же раздражало то, что благодаря присутствию Аргутинского нельзя выходить за пределы коллекционерских разговоров: у такого-то антиквара такая-то люстра, у такого-то такой-то наборный сто-

* Петр Иванович Нерадовский — художник и историк искусства. Старший хранитель Музея Александра III.

** Дмитрий Ивановича Толстого.

*** В Москве точь-в-точь такие же елейные голоса — Машковцев и <Ино>губов. Но второй шармирует своей талантливостью.

лик, Казнаков*-де купил еще одну пакетовую табакерку, тот-то ничего не понимает в картинах и т.п. Во всем этом, разумеется, ничего такого, что можно было бы назвать художественным разговором. Я сам коллекционер, однако от беседы на одни только такие антикварские темы меня тошнит. Продолжаю считать, что М.С. Олив куда трезвее относится (не всегда) к наболевшим вопросам. Зато просто невыносим старик кн. К.А. Горчаков, который тоже был, обедал. Но ему простительно.

Воскресенье, 8/21 января

В 3 ч. я у Жевержеева, где встречаю московского издателя Кожебаткина (еврей?) и петербургского «социума» г-на Ясного. Отбирали мои рисунки к пушкинскому спектаклю^[86] (в Художественном театре, для воспроизведения в предпринятом ими роскошном издании). Оттуда проехали для сговора об условиях к Ясному, который живет в «самой роскошной квартире» и среди невообразимого безвкусия (зато угостили вареньем, что ныне редкость). В горничных у него подросток-девушка совершенно исключительной красоты — настоящая Гретхен. Неужели эта жаба пользуется ее ласками (живет он один, холостяком — семья где-то в отъезде)? Порешили, что я получу за право репродукции 500 руб. За эту-то ничтожную при нынешней дороговизне сумму я снова дал себя «рвать на части». Ругая себя за слабость, но вот «неловко отказать»!

Вечером у Добужинского второе совещание с Евреиновым и, на сей раз, с представителем «Свободного искусства». Чудаческое поведение Евреинова продолжается. Неужто он воображает, что это может мне льстить и нравиться? Тон подхалима писаришки, перепуганного неожиданным приходом начальства! Он буквально «ловил» каждое мое слово и принимал его за *приказ*. И это-то наш поэтический Missel *échevellé*¹, как его прозвала «тетя Леля» Сабурова***, — вели-

* Сергей Николаевич Казнаков — милейший человек. Чиновник М-ва иностр. дел. Страстный коллекционер, в особенности всего, что касается Екатерины II.

¹ *Здесь*: пламенный проповедник (фр.).

*** Елизавета Владимировна Сабурова, урожд. Соллогуб. Супруга Андр. Александр. Сабурова, бывшего одно время министром Народного просвещения.

чайший дерзатель и чудак? Однако я не поддаюсь этой комедии и противопологаю этим фокусам утрированную ласковость, «доверчивость» и нечто вроде панибратства. К сожалению, затеянной книге не поздоровится оттого, что мы станем прощупывать друг друга, вместо того чтобы просто и дружно засесть за работу.

Понедельник, 9/22; вторник, 10/23; среда, 11/24 января

Усиленно занят плафоном, все более втягиваюсь в работу, но то, что получается, мне не нравится...

Четверг, 12/25 января

Не в силах написать фельетон. Настоящая причина в том, что наша газета мне опротивела своей неугомонной, глупой проповедью войны! Ведь сами под собой, дураки, яму роют. — В 2 ч. в Музее Александра III, где в библиотеке мне, Акице и на днях приехавшему из деревни Жене Лансере* показывают альбом русских рисунков, недавно приобретенный от княгини Имеретинской (рожд. гр. Мордвиновой). В общем, довольно печальное убожество — дрессированные рабы. Но все же милы очень добросовестные и не лишенные чувства ведуты¹ Гр. Чернецова. К сожалению, к нам пристал мой кошмар — моргач Пунин, закидывавший нас своей слюной (он препротивно шепелявит) и парадоксами футуристской закваски. Он горой стоит за каждое «последнее слово модернизма», и в том числе даже и за «живописный контррельеф». Замечательно, что эти господа говорят совсем в тех же выражениях о ерунде Татлина и ему подобных, в каких мы говорим о Тициане, о Рубенсе... Мне они напоминают тех салонных забавников, которые с большой убедительностью, не имея ничего под рукой, имитируют всевозможные занятия — изготовление яичницы, сиденье дамы за туалетом и т.д. Чистая эквилибристика! — С Женей проехали в редакцию «Речи». Совсем на днях я читал письмо Женяки, в котором он рассказывал про разные деревенские ужасы, в которых наглядно сказывается растлевающее дей-

* Евгений Евгеньевич, превосходный художник, мой племянник.

¹ От *ит. veduta* — вид, пейзаж.

ствие войны, а с Гессеном он, точно сговорившись, стал держать совсем другой тон. И снова пошли: «деревня благоденствует», «в деревне все есть» и даже «никогда еще деревня не была так богата»... Бабы, по его словам, радешеньки, что мужья на фронте, — благо они не пропивают то, что наработали, и т.д. Именно так эти неисчислимые массы «самых милых, добрых и образованных» людей — истинные сливки общества — продолжают морочить друг друга — и будут морочить, пока не разразится катастрофа, которая всех их сметет (и нас заодно)... Прошли еще с Женей в красочный склад на Надеждинской, и я там накупил всяких (ужасно вздорожавших) материалов и «орудий труда». Мучительное возвращение в битком набитом трамвае. Извозчиков почти нет, а те, что попадались, отказывались ехать «в такую даль».

Пятница, 13/26 января

Вечером в кино «Форум» на фильме «Король ядов». Милá Мюсидора в роли апашки¹ Ирмы Вамп (анаграмма: на Вампира). Но, разумеется, самая история нелепа до последней степени. Главное притяжение — в возможности поглядеть на «хорошую жизнь», на «заграницу».

Суббота, 14/27 января

В 4 ч. навестил, без предупреждения, журналист Клод Анэ. У него новые сведения об убийстве Распутина. Их ему сообщила его секретарша, русская курсистка, — *une personne très intelligente*². Она как раз живет в том деревянном флигеле с открытым на Мойку двором, что примыкает с левой стороны к дворцу Юсуповых. В ночь убийства она возвращалась в сопровождении подруг и их кавалеров с бала, и как раз они подошли к калитке в заборе, отделяющем двор от набережной Мойки (было около трех с половиной), когда раздались выстрелы. К ним (уже вошедшим во двор и обратившимся с расспросами к дворнику, который сам оторопел от неожиданности) выбежа-

¹ От *фр.* *apache* — в вульгарном сленге означает «хулиган», «разбойник», «бандит».

² Очень умная барышня (*фр.*).

ли из боковой двери дворца два офицера без пальто, которые забеспокоились, что означает это сборище. Трупая компания барышни-секретарши не заметила*.

В 5 ч. чай у «маленького» Александра Яковлевича Полякова**, проживающего в старинном доме (Мойка, □ 10), в квартире с колоннами и обставленной прелестной мебелью. Кроме меня, были Оливы и Горчаковы. Милый Мика по обыкновению *невыносим*: кричит, обрывает всех, высказывая свои, чаще всего необоснованные, мнения тоном абсолютной авторитетности. Подчас кажется, что он просто ненормален. У Полякова несколько хороших картин (два Якопо Бассано — один знакомый, от Браза, другой изображает «Положение во гроб», отличный Ян Баттиста Вэникс, ряд хороших рисунков). У него несомненный вкус. — Вечером на концерте в театре Консерватории (Музыкальной драмы). Симфония Мясковского, имеющего много поклонников, показалась мне довольно ординарной — «благородство вроде московского Танеева». Рядом с музыкой Мясковского концерт Прокофьева прямо *гениален!* В «Петрушке», которого давно не слышал, несколько разочарован (однако скрыл это от друга), быть может, из-за нелепых темпов Малько (ну что бы посоветоваться со мной!) и из-за непонятного «срыва» с момента появления музыки «ряженных». В свое время и я, и Дягилев указывали на это Игорю, но он отказывался внести какие-либо изменения (*усиление эффекта*). С нами была вся молодежь, Леля совсем на положении невесты Бика Попова. Однако нас они пока не удостаивают извещением. *Genre moderne*¹.

Всей компанией (и даже захватив Машеньку Черепнину и Сашу) поехали к Аргутинскому. — На тему о мистере Бритлинге, от которого В.Д. Набоков в восторге. Я попытался вызвать его (Набокова) на решительные ответы по вопросу о войне и мире. Однако тщетно. И это не из осторожности, а потому, что все эти добрые и благородные люди остерегаются додумать мысль до конца, основательно проэкзаменовать свою совесть. Набоков как-то одновременно в восторге и от пацифизма Уэльса, и все же считает, что «нужно довести войну до конца». Как бы этот конец не был концом всех ему подобных, да и вообще концом

* Это было далеко еще до момента, когда был убит Распутин.

** Чиновник Министерства иностранных дел. Коллекционер старинной живописи.

¹ Современный стиль, современная манера (поведения) (*фр.*).

той культуры, которую мы хоть и ругаем, а все же любим (слишком ругаем и недостаточно любим, ценим). Характерно для Аргутона, что он истолковывает рескрипт, выражающий «благожелательное отношение к Думе», как свидетельство переполоха «на верхах». Да не один он так думает... Почему такая повальная, пугающая своей стихийностью слепота? Для чего это *требуется*? Неужели мы накануне того *совсем нового*, для чего это и требуется? Нет, дело не в рескриптах. И во всяком случае, нельзя рассчитывать, чтоб тот безумец, которого судьба вознесла на самую вершину, внял голосу благоразумия и просто самосохранения — как самого себя, так и всей порученной ему страны! Ужас именно в том, что и он сам, и все «опоры трона» *недостаточно еще напуганы* и растеряны, и никто не желает *faire amande honorable*¹. — Возвращаемся гурьбой на автомобиле Бруса. Это было очень весело.

*Вторник*², 15/28 января

Обвожу контур фигур. Не удастся так *serrer le dessin*³, как хотелось бы. — Днем к концу общего рисования (масса молодежи) издатель моей монографии Бернштейн приводит своего приятеля, швейцарца Артура Борисовича Гессена, который у меня как-то купил одну акварель. Бедный чужестранец пришел в ужас от здешних порядков, и в частности от отношения русских властей к союзникам, в особенности к французам. В концессиях отказывают («собаки на сене»); хлеб, несмотря на договоры, не дают в условленном количестве (недавно целая эскадра отплыла обратно, не выгрузив и половины привезенного с собой снаряжения, дабы вовсе не лишиться места, тогда как ожидавшийся в Архангельске хлеб к сроку не пришел); издан нелепый закон о запрещении ввоза предметов роскоши, чем наносят очень чувствительный удар <по> ряду французских предприятий, и т.д. Зато Линтот уверяет Акицу, что войне скоро конец. Относительно же слухов о получении в Английском посольстве какого-то очень радостного известия он ничего не знает^[87]. Впрочем, он утверждает, что было какое-то

¹ Принести повинную, публично покаяться (*фр.*).

² *Правильно*: Воскресенье.

³ Разместить рисунок (*фр.*).

серьезное объяснение между царем и Бьюкененом^[88]. — Вечером с Женей Лансере у Гессенов. Иосиф Владимирович защищает бубликовский закон^[89]. Удивительно, как в каждом русском (и будь то русский еврей) живет эта склонность к запрещению, к пресечению, к изъятию*. Г-жа Полоцкая решила сыграть нам Вагнера — несмотря на предостережение Родичева, что это может произвести дурное впечатление (типично для него и для кадетов вообще), но мне и еще ряду лиц было только приятно послушать, после долгого времени, эти *нужные для души* звуки, хотя бы и искаженные несколько в аранжировках Листа и Брассена. За чаем длинный разговор политического характера с В.Д. Набоковым о царизме. Он возник из обмена мнений по поводу «Золотого петушка», на который, наконец, Набоков попал и от которого пришел в восторг (он этой оперы раньше не слышал).

Понедельник, 16/29 января

Начал плафон красками. Пока (первая «промазка») идет бодро и весело. — Составил оглавление IV тома своей «Истории живописи», последний (22-й) выпуск которой уже сверстан**. — В 4 ч. Андрей Римский-Корсаков с повторным приглашением участвовать в издаваемом им «Музыкальном современнике»^[90] — а именно в номере, посвященном опере, а также в книге, посвященной Шаляпину. Я принципиально обещал, но едва ли вообще из этого что-либо выйдет. И Римский настроен еще пацифистично. Тут же явился Тренти***. Однако *j'ai eu assez*¹. Он повадился приходить через день и

* С тех пор мы имели случай изучать ту же склонность у англичан и французов.

** Увы, этот выпуск оказался последним, да и он остался без последних страниц по желанию издателя — дабы продолжать держать подписчиков en haleine [в напряжении (*фр.*)]. — *Перев.*] (дурацкий, недостойный прием). Однако, несмотря на все мои протесты, Кожебаткин и Вайс не сдались. Четвертый том оказался «увечным». Лишь в моем личном экземпляре IV том завершен, ибо я приложил к нему последнюю верстку, но и ту на плохой бумаге и с иллюстрациями, совсем «грязно» напечатанными.

*** Собственник магазина художественных принадлежностей на Большой Морской. В это время он уже был занят ликвидацией своего дела с намерением вернуться на родину, куда-то в австрийский Тироль. Потешный хвастунишка.

¹ С меня довольно (*фр.*).

все тащит всякую залежавшуюся у него рухлядь: засохшие краски, съеденные молью кисти, какие-то масла, фиксативы, секкативы. Пришлось, чтоб отвязаться, и на сей раз у него купить совершенно мне не нужных вещей — на целых 100 руб. Уж очень жаль несчастного рамолика¹ Трентошку — хоть и чуть жуликоватого, но когда-то забавного. Теперь, если бы он отправился снова на родину, ему уж не удалось бы заманить какую-либо вдовицу (которую он считал богатой), уверив ее, что он в Петербурге профессор и чуть что не академик. Он же смешил нас когда-то хвастаньем своими баснословными эротическими доблестями. *Où sont les neiges d'antan? Où est sa vigueur herculéenne?*²

В 6 ч. супруги Оливы. С М<ихаилом> С<ергеевичем> по обыкновению отвожу душу на тему о человеческом безумии. М.С. если и не за безотлагательное заключение мира «во что бы то ни стало» (это-де вопрос технический, и вот беда: таких *техников* у нас как будто не найдется), то все же он сознает, что если войну не кончить к осени, то мы погибли. И приятно, что в нем не сказывается ни малейшей *ненависти* к врагу. Скорее, огромное уважение, выросшее как раз на опыте войны. *Beau frère*'а³ Мику (Горчакова) разбираем на сей раз по косточкам (но, впрочем, любя) — более всего за его полное непонимание положения. Спрашивается, был бы его знаменитый дед-канцлер^[91] *plus à la hauteur*⁴?.. К сожалению (к ее сожалению), Акица не могла принять участия в этой беседе — она лежит со страшнейшей мигренью. — Таинственный телефон от шофера Милечки Хорват — Василия, который вздумал ухаживать за одной из наших барышень и заручился благоволением остальных. Ведь это дурачье «против предрассудков». — Вечером убирал библиотеку в верхнем коридоре и констатировал немалое количество ужасно досадных лакун. Это тоже последствие «непризнания предрассудков», вследствие чего книги раздаются без разбору товаркам по гимназии. Еще досаднее, что во 2-м из томов

¹ От *фр.* *gamollé* — старчески расслабленный, близкий к слабоумию.

² Где его былая удаль? Где его геркулесова сила? (*фр.*).

³ Родственника (*фр.*).

⁴ В более выигрышном положении (*фр.*).

истории А. Venturi¹, посвященных XV веку, я на днях констатировал (собираясь отдать эту книгу в переплет) исчезновение целого листа (16 страниц), и как раз это те, в которых говорится о моем любимом Андреа Кастаньо. Вероятно, и это одолжено или даже подарено. Ну и нравы!

Вторник, 17/30 января

Начал красками «лепить» фигуры плафона. — Леля дает первый (и, вероятно, последний) урок рисования (внезапная и очень похвальная решимость зарабатывать личным трудом) барышне, которая до сих пор никогда не держала в руке карандаша. — Приходил художник Арнштам (по поручению Добужинского) — за графическими материалами для иллюстрации «проспекта» для издания о театре. Так и знал: по всякому пустяку будут приставать ко мне — я ему подарил рисунок из своей «Азбуки»^[92]: Луну—Лес. Он не бездарный художник и милый человек, но какой-то нудный, нагоняющий скуку. При этом какая странная (еврейская) смесь скромности, робости с напористостью, граничащей с нахальством. — Обед с Горьким пришлось отменить из-за болезни (обморока) нашей горничной Дуни. Деревенщина Матреша намекает, что у Дуни — падучая! Нам ее слишком жаль, чтоб отказать от места.

Среда, 18/31 января

Обед у Набоковых с унылым молчаливым английским военным (если не ошибаюсь, *captain Mortimer*²). Пробовал затрагивать военные темы, но крайне неудачно. Уж очень беспокойна Елена Ивановна, слишком тактичен Владимир Дмитриевич, слишком упрям Аргутинский. Англичанин же молчал, курил трубочку и что-то цедил скорбно про бошей, которых-де нужно *exterminer jusqu' au dernier*³. У Елены Ивановны премилая новая собака такса, заменившая прежнюю злючку. Но, пожалуй, злючка была интересная. А вообще, у меня к таксам слабость.

¹ А. Вентури (*фр.*) — историк искусства.

² Капитан Мортимер (*англ.*).

³ Уничтожить до последнего (*фр.*).

Четверг, 19 января / 1 февраля

«Интимный» обед у Горчаковых. Превкусная еда, первосортные вина, корректнейший, бонмезонистый¹ *Maî tre d'hôtel*², радушнейший (но временами чуть утомительный) хозяин, милая, добрейшая хозяйка Наталия Павловна, бодрый Олив, погруженная в коллекционерские проекты его супруга, строгий, величественный Добужинский (Яремич дал ему прозвище *Pierre le Grand*³), рохля Костя, унылый Аргутон — все вместе создает весьма симпатичную атмосферу, и мы с Акицей оба очень любим эти пиршества. В них и в вечернем сидении после них (с коробками ах каких вкусных конфет рядом) масса уюта и очень хорошего стиля. О войне, слава Богу, не говорили, больше судачили про ближних.

Пятница, 20 января / 2 февраля

В «Парусе»* совещание насчет издания детских книжек. Очень действует мне на нервы Венгров, определенно подхалимствующий перед Горьким, а с прочими — весьма нахальный. Не вдохновляет к работе и Любимова, приторная, строящая глазки, представляющаяся «деточкой». Все это меня отпугивает. То ли дело в нашем издательстве, прячущемся под крылышком Общины св. Евгении в теплой (*и дельной*) компании милейшего (и энергичного) И.М. Степанова, верного его адъютанта Н.Н. Черныгина, Стипа Яремича! Все друг друга понимают, у каждого ко всем полное доверие, никто не лезет вперед. И плоды налицо. Гораздо умнее, если бы и компания Горького просто присоединилась бы (для детских книжек) к нам! Но Алексею Максимовичу нужен такой штат, словопрения, «*видимость* большого дела». Я с ним об этом поговорю. А так ничего не выйдет.

Суббота, 21 января / 3 февраля

Обед у Анэ с Оливами и Акицей снова не состоялся. На сей раз из-за моего настроения, не позволившего мне высидеть целый вечер с таким пошляком и воякой, как Анэ.

¹ От *фр. de bonne maison* — из приличного дома.

² Метрдотель (*фр.*).

³ Петр Великий (*фр.*).

* Издательство детских книг, основанное Горьким.

Воскресенье, 22 января/4 февраля

В 3 ч. у Горького. Наконец давно предполагавшаяся *интимная* беседа с ним состоялась. Однако ничего путного не вышло. Все время разговор вертелся вокруг *Италии*, которую он *обожает* и как будто даже «предпочитает» России! Лишь вскользь коснулись и войны. Видимо, он избегает таких тем (со мной). Но, во всяком случае, замечательно, что, несмотря на свою репутацию «пораженца» и на мой ему хорошо известный, нисколько не скрываемый «пацифизм», он каждый раз, когда речь доходит до войны, скорее, старается показаться «политически стойким», и даже не без оттенка шовинизма. Нет, едва ли я в нем найду себе утешение, едва ли ему дано сказать вообще то целительное слово, ожидание которого становится невыносим<ым>. Ах, зачем в эти дни среди нас нет больше Толстого?!

Понедельник, 23 января/5 февраля

Досмотрели сегодня «Вампиров». Прощайте, Сатана, похожий на Бурлюка, длинноносый Мезамет, похожий на Валечку, и прелестная апашка Ирма Вамп!.. — К 9 ч. поспел еще к Тройницкому. Там застал Чемберса* и Стипа. С последним возвращался пешком. Всю дорогу он клял свою супружескую жизнь и самое Марфу Андреевну в самых резких выражениях. Я никогда еще не видел его таким возбужденным. Видимо, он очень страдает, хотя и говорит, что ему «наплевать». Но что за странная слабость поддерживать почти приятельские отношения с любовником своей жены и даже вот ходить к нему в гости! Таков уж милый Стип — складная <?> душа. В нем слишком много нежности, которая так и не нашла себе достойного применения, слишком много ума, который в силу какого-то дефекта в воспитании (я только догадываюсь — он *никогда* не говорит о своем детстве) получил парадоксально-циничный изворот. А вообще, С.П. Яремич остается одним из самых своеобразных и приятных людей, которых я когда-либо встречал!

* Владимир Яковлевич Чемберс. Художник-график. Англичанин. Брат художника И.Я. Билибина. По окончании войны обосновался с сестрой в Англии.

Вторник, 24 января/6 февраля

С Еленой Павловной Олив ездим по антикварам. У Чека-то хороший портрет Гисланди; Е<лена> П<авловна> тут же попросила жену Чека-то — самого его не было — считать его за нею, но потом, к ее досаде, оказалось, что портрет уже оставил за собой Аргутинский, которого мы случайно встретили в другом магазине — на Бассейной*.

Дома у нас обед с Горьким, Добычиной (так теперь вышло, что его без нее нельзя приглашать, а Мария Федоровна в Москве), Каратыгиной (кошмар!) и Аргутоном. Позже, к десерту, Зина (Серебрякова) и Саша Яша с Каза Розой. Горький мило кокетничал с дамами и очень удачно, картинно (что для него не так уж обычно) рассказывал про нравы Неаполя, про прелесть Капри, про суровую Калабрию. К сожалению, тотчас по окончании обеда его вызвали «товарищи», и он покатил на какое-то собрание — к великому и демонстративному огорчению Добычиной, которая видит большое несчастье в том, что Горький отдает свои силы каким-то тайным партийным делам. Целый час после его отъезда она именно на эту тему говорила со мной, запершись в комнате Ати. Она патетически взывала к моей помощи («Только Вы и можете помочь мне его спасти для России!» — о Господи!). Тут же распространилась насчет пагубного влияния Марии Федоровны и всячески старалась дать мне понять, что у нее, у Добычиной, как бы сосредоточены все нити русской культуры (!!). Кто узнает когда-либо про те запасы терпения, которые я при подобных беседах трачу! И что это все за провинция! «Провинция» в том, что «мировой гений» Горький находит себе духовную отраду в обществе этой истеричной фанаберки (я не отрицаю, что в ней есть и подлинные немалые достоинства, но все же она фанаберка, сильно окрашенная в колорит «ее расы»). «Провинция» и в том, что Добычина является каким-то российским Дюран-Рюэлем...

Среда, 25 января/7 февраля

Приезжавшая вчера во время моего отсутствия г-жа Коновалова (жена члена Гос. думы, богатого промышленника) явилась

* То был знаменитый среди петербургских антикваров Свердлов.

сегодня снова. Она оказалась француженкой, не говорящей ни слова по-русски, *le maintien avec ci-devant music hall*¹. Оказалось, что муж ей поручил мне заказать плафон *dans le goût Henri II*² для столовой в их новом доме. Я мямлю, ибо во мне загорелась борьба между желанием работать (и заработать) и страхом перед новыми трудностями и перед конечной неудачей. К тому же архитектура этой комнаты, судя по тем чертежам, которые она привезла с собой, — безнадежная пошлятина. Так ничего и не порешили. Я попросил сроку, чтоб обдумать предложение.

Днем, по просьбе Льва Бруни*, я зашел к этому «юному гению» посмотреть (ввиду близости выставки «Мира искусства») его последние работы, а также работы его товарища Митурича. Живет он в квартире своего отчима Исакова. Работа: все — «контррельефы», или, как он тут же добавляет, «это просто фигуры». Баловство или безумие? Шарлатанизм или самообман? Одна из «фигур» специально предназначена к тому, чтоб «стоять на рояле». Это какие-то цилиндры, склеенные из листов крепкой бумаги («Посмотрите, как использован материал!») и прикрепленные один набор от другого; причем от того, который в воздухе, на картоне внизу начерчена проекция его круглого отверстия. Юноша, пользуясь теми же словами, которыми щеголяет Пунин, всячески старался мне объяснить преимущества подобного «творчества» и был очень огорчен, когда я заявил, что не вижу разницы по существу между таким «контррельефом» и всяким случайным подбором предметов. Но огорчился не на шутку и я, когда он мне показал другую свою работу, — очевидно, считая, что она будет для меня «доступнее». Оказалось, что это какая-то пестрая крошка во вкусе Малевича и ему подобных. И наконец, он вытащил и «вполне доступную» для самого отсталого профана (каким в душе он должен меня считать) батальную композицию, исполненную им на заказ от его воинского начальства. Это оказалось совершенным убожеством во вкусе иллюстраций в «Ниве» или в «Огоньке»^[93]! Он, несомненно, считал, что угодит такому старому *romprier*³, каким вся подобная ему художественная

¹ С осанкой, будто она выступала в мюзик-холле (*фр.*).

² Во вкусе Генриха II (*фр.*).

* Лев (Константинович?) Бруни, сын товарища моего брата Михаила, молодой художник «крайне левых» взглядов.

³ Заурядному художнику (*фр.*).

молодежь меня считает, и совсем опешил, когда понял, что ошибся в расчете. «Нормальные» работы Митурича и других его приятелей куда талантливее и приятнее. Попробовал я с ним поговорить по душам. Он немного растаял, оставил «тон превосходства молодости над старостью», зазвучали даже милые, просто юношеские нотки, но все же спасти его едва ли возможно. Да, может быть, и не стоит? А со стен той комнаты, в которой он меня принимал, глядели на нас превосходные акварели его прадеда, Петра Федоровича Соколова.

Четверг, 26 января / 8 февраля

Стужа, и не только на дворе, но и у нас в комнатах. У меня потек нос и появилось то специфическое недомогание, которое предвещает инфлюэнцу (или, как моднее говорить, грипп). Написал дружески укоризненное письмо Нарбуту с советом, чтоб он взял обратно и переделал те иллюстрации к «Дюймовочке» Андерсена, которые он сделал для «Паруса», доставленные мне на днях Гржебиным. Неужели он не мог сделать что-либо более живое и поэтичное для такой прелестной сказки? — Заходил Вл. Мих. Ясной с ответом от Ефроса-Росция. Тот берется написать текст к изданию о пушкинском спектакле, если мы ограничимся одним «Каменным гостем» и воздержимся от «Пира во время чумы» и от «Моцарта и Сальери», которые он совершенно *не одобряет*. Еле удержался, чтоб не отправить к черту г-на Ясного вместе с Кожебаткиным, уго<во>ривших меня обратиться к этому ненавистному умнику, но потом я понял, что предлагаемое изменение значительно *упрощает* всю затею, и решил сдаться. Такие послабления (от скуки, от усталости) становятся у меня хроническими! — Вечером мы большой компанией посетили коллекционера Шавинского на его мыловаренном заводе «Жуково» — где-то у черта на куличках — и, насытившись обозрением его довольно изысканной «картинной галереи» (исключительно голландцев) и очень пьяным ужином, возвращались оттуда на автомобиле его приятеля Д.И. Верещагина. От переполнения машина даже тяжело крякнула, — доехали мы все же благополучно*.

* Через год, а может быть и позже бедный Шавинский был убит (с целью грабежа) его собственным племянником. Часть его картин, и среди них очень интересная аллегория Антуана Карона (Caron), XVI в., попала в Эрмитаж.

Пятница, 27 января/9 февраля

Германия уже несколько дней как приступила к исполнению своей угрозы — к усилению подводной войны^[94]. Ответные угрозы американцев что-то остались без исполнения. Уж не стговор ли это, как уверяет чудак Аллегри? Вообще же, в полную бескорыстность охочих до «благородных» заявлений Соединенных Штатов я не очень склонен верить^[95]. Под всем этим чудится мне какая-то лукавая *афера*. Глупость человеческая до того в настоящее время удручает, что находишь подобие утешения в предположении намеренной интриги мирового масштаба, — пусть всем движет какая-то лукавая дьявольщина, а не *простая глупость*. Умный подлец ей менее опасен, нежели чистый дурак!.. — Снова заходил несчастный мученик своего упрямства гр. П.Ю. Сюзор, который не в силах отказаться от своего намерения навязать мне руководство монументальным юбилейным изданием Академии художеств. И опять я, несмотря на его мольбы и его уговоры, безжалостно в этом отказал, на сей раз бесповоротно. Мне, по нынешним временам, не до этого! — Мы оба, и я, и Акица, чувствуем глубокие угрызения совести вследствие того, что начисто забыли про состоявшуюся сегодня свадьбу нашей племянницы Марии Владимировны Кинд — дочери моего зятя и закадычного друга моей юности! Не только не пошли, но и телеграммы не послали. Какой срам! Сам я всех упрекаю за пренебрежение бытом, а сам больше всего страдаю этим грехом. Вместо того отправились на премьеру «Каменного гостя» Даргомыжского в Мариинском театре. Ах, какая берет досада при этом лишнем свидетельстве безвкусыя и недомыслия Головина! От претенциозной пошлятины Мейерхольда! И на сей раз состряпанное их соединенными усилиями зрелище отравило мне всякое удовольствие от самой оперы! Не спас положения и Алчевский (почему-то одетый каким-то трубадуром!). Придется снова ругать и исполнителей, и самого Теляковского — главного виновника всего этого безобразия, длящегося теперь почти двадцать лет. Это становится мне не по силам *утомительным* — и это тем более, что эти господа втроем успели настолько развратить публику, что она уже создала себе из них какой<-то> триглавый *кумир*! Ругая их, чувствуешь, что твоя критика будет ими использована в виде доказательства твоей *отсталости*, а то, пожалуй, еще и зависти. *Quel gâchis!*¹

¹ Полная неразбериха! (*фр.*).

Суббота, 28 января/10 февраля

Перед обедом один за другим Аргутинский, Палеолог с графиней Робьен и Женья Лансере. Палеолог, видимо стесненный присутствием посторонних, все время проболтал на тему о романе и предполагаемом вскорости браке Бруса с Карсавиной. Il pose pour en être lui même un tantinet amoureux¹. — Пригласил Аргутона — в первый раз завтра — на ужин! А нас нет! Не пойму: он как будто дуется на Акицу, может быть, за то, что она столько раз «позировала ему Ленена»? Или то сказывается охлаждение к его чисто парижской идее соединения du monde intellectuel avec le monde tout court²? Вероятно, он успел удостовериться, что наш «монд» такой грубый и пустой, что подобный союз в широком масштабе здесь неосуществим. А впрочем, и интеллектуальный мир, за редким исключением, не поддается слиянию с людьми так называемого «высшего» круга. Даже Серов и Сомов оказывались невозможными бирюками и теленками, как только выходили за пределы узкоинтимного круга. — Вечером поехал к А.П. Боткиной для обсуждения предполагаемого ею (и уже начатого без меня) издания собрания покойного Сергея Сергеевича. Разглядывали «отбросы» коллекции, среди них оказалось несколько очень хороших рисунков, которые я водворил обратно в коллекцию. Но каково же было мое тщательно скрытое возмущение, когда я среди отбросов нашел и прелестный рисунок папы (флорентийское Duomo³), который я в припадке дурацкой сентиментальности поднес Боткину! Другой же, очень бойкий рисунок пером, который я тогда же поднес и который изображает несколько карикатур на товарищей-академистов, я и вовсе не нашел. Наименее приемлемую часть этих «отбросов» Александра Павловна собирается продать. Вообще же, возня с этими вещами и взятое мной на себя обязательство написать текст для данной книги являются одним из моих кошмаров!

Вторник⁴, 29 января/11 февраля

Ответа от Нарбута до сих пор нет! Неужели дурак обиделся и не понял того, что было в моем письме искренне дружеского?!

¹ Он сам себя выставляет чуточку влюбленным (фр.).

² Духовного мира просто с миром (фр.).

³ Кафедральный собор (ит.).

⁴ Правильно: Воскресенье.

В 2 ч. у нас рисование. Позирует натурщица Снежинская. Пришло много народу, и среди них Брус и Линтот. Мне, к сожалению, помешал присоединиться к другим Браз, пришедший, движимый своей страстью к «уточнениям», сговориться о «позиции», которую надо нам занять на предстоящем заседании в Эрмитаже о реставрации старинных картин. Тут же подошли Женя и Таманов. Последнему я показал фон-мекковский (им и заказанный) плафон, и как будто он ему не очень понравился. Но замечание он сделал только относительно Меркурия, и главным образом относительно его пропорции, с чем я вполне согласен. Придется переделать! Вечером, большой компанией с Серебряковыми, пошли в киношу — и были наказаны за такое потворство своим страстишкам. Фильм оказался из рук вон плохим.

Понедельник, 30 января / 12 февраля

Занялся полной переделкой позы (и самого *размера*) Меркурия, для чего смыл уже все написанное.

В 11 ч. заседание в Эрмитаже, на сей раз в самом музее. В сборе все эрмитажники. Все со мной <до> крайности любезны, начиная с самого директора Дм. Ив. Толстого. Видно, решили забыть мое прошлогоднее выступление в газете во имя спасения наших сокровищ от посягновений неистового реставратора Богословского, действовавшего при поддержке милого, но слишком увлекающегося Липгардта. Идут навстречу всем нашим (т.е. моим и Браз) пожеланиям и даже готовы перейти через край в каких-то мерах предосторожности. «Что и требовалось доказать».

Искерский и на сей раз обнаружил удивительное невежество. Обсуждался и вопрос, как быть с большими картинами из Гатчинского дворца, — среди них один огромный лесной пейзаж с фигурами, представляющими «Бегство в Египет» (Липгардт утверждает, что это ранний Тициан! Я, скорее, склонен его приписать Доменико Кампаньоле); сложная религиозная композиция, считавшаяся за Рибейру (но я, скорее, готов считать ее за Новелли), и очень интересный крупный «домашний сюжет» (печенье блинов — крэп), как будто французский — ленинского круга. Эти картины взяты в Эрмитаж временно для реставрации, но желательно было бы их «инкорпорировать»¹.

¹ От фр. *incorporer* — включить (в коллекцию Эрмитажа).

Согласится ли на то вдовствующая Государыня? Ведь она принципиально против того, чтоб были вносимы какие-либо изменения в ансамбль всего художественного имущества Гатчины. «Как было при покойном Государе, так все должно оставаться!» Завтракаю с Аргутинским у Донона. К нам подсаживаются два наших эlegantных дипломата — Савинский и князь Урусов. Мне это сильно испортило удовольствие, так как они все время несли какой-то вздор то про войну, то про общих знакомых, то про союзников — все вперемешку. А через стол от нас поместились два типичнейших иудея *aux mines patibulaires*¹, которые со смаком и даже захлебываясь обсуждали свои (несомненно, темные) делишки. Необычайно ясно представилось, на чьей стороне сила, кто вообще господин положения и кому настоящее критическое положение может быть и в пользу. Подули затем с Владимиром на извозчике, я попробовал поделиться с ним своим далеко не выгодным впечатлением от обоих его коллег, но он с типичной для него горячностью принялся защищать всю русскую дипломатию и утверждать, что вся она такова, как эти приятели. Увы, те, которых я знаю, именно *таковы*, да и милый наш Владимир *en la qualité de diplomate*² совсем недалеко от них ушел. — Снова у А.П. Боткиной. Вечером, неисправимые, отправились в киношку на фильм «Обнаженная» (*moulage d'après nature*³). Настоящее удовольствие, однако, мы получили от другого фильма — с чудесной обезьяной Чарли, состоящей при шайке камбриолеров⁴. Поздно вечером заехал Гржебин с материалом для «Радуги»^[96]. Ужасные по пошлости рисунки Реми к не менее пошлomu стихотворению «Цирк» Саши Черного. И Горький, и Гржебин, однако, в восторге от них. Полная неразбериха. Глубокое несоответствие в основных наших вкусах! «Культурная пропасть». Как раз рисунки Анненкова мне нравятся, а им нет. Но хуже всего, что *по-настоящему* мне *ничего* не нравится. Ну где нам до В. Буша, Делава, Крейдольфа и т.д. Да и детства у нас никто не любит, не понимает. Больно все самовлюбленны и «глубоки».

¹ С разбойничьими лицами (*фр.*).

² В качестве дипломата (*фр.*).

³ Муляж (копия) с натуры (в данном случае — с натурщицы) (*фр.*).

⁴ От *фр. cambrioleur* — грабитель.

Вторник, 31 января / 13 февраля

Снова идиотский банкет*. Бодрящие речи. Воздыхания о Царьграде. Кровавая пошлятина! У нас из кухни проник слух, что на днях здесь готовится забастовка. И такая странная версия: «Всех квартирантов будут выгонять на улицу!» Несомненно, до карикатуры отголосок каких-либо митинговых речей... Вероятно, «товарищи» (или, как их называет барон Рауш, «соции», и при этом дьяволически ржет) зашевелились не на шутку. Все же ничего толкового и решительного сейчас не предвидится. «Гидру» раздавит без труда рутину полицейской техники. Вот разве что и полиция в полном развале? Об этом поговаривают. Тогда берегись, наш брат буржуй... В 3 ч. Б.Г. Скамони. Он затеял второе издание моей «Школы русской живописи»¹⁹⁷. Принципиально я приветствую, тем более что мне в таком случае удалось бы внести в текст необходимые поправки, а Бруно Георгиевич обещает воспроизвести, *вдобавок* к прежним, какие мне будут желательны, новые репродукции, и даже *многие в красках*... С другой стороны, и эта затея сейчас для меня несвоевременна. Я слишком уже перегружен (главным образом надо продолжить «Историю живописи всех времен»). Все же обещал Скамони, к которому питаю беспредельное уважение и настоящую *нежность*, что я займусь корректурой — как только... он пришлет слесаря, дабы вскрыть ящики моего письменного стола. В них сложены всякие необходимые для того подготовительные материалы. Он обещал. Найти же *нам*, частным лицам, слесаря — об этом нынче нельзя и думать! Все угнаны на фронт. — Вечером Лукашка. Меня начинает разбирать ужас перед его неисправимым, неизлечимым легкомыслием и просто недомыслием. Он самого главного в моих автобиографических рассказах не схватывает. Нет, я его далеко еще не перевоспитал. А возможно ли это? Все же он трогает меня своим усердием и своим даром набирать и набирать всевозможные сведения.

* Станным образом в оригинале моих дневниковых записей не сказано, где этот банкет состоялся. Может быть, у А.И. Каминьки. А может быть, где-нибудь в общественном месте? Может быть, я лично на нем и не присутствовал!

ФЕВРАЛЬ 1917 года

Среда, 1/14 февраля

В 2 ч. с Атей и Надей в Кушелевской галерее музея Академии художеств^[98]. Ничуть не разочарован в этом, очень изысканном, собрании характерных для середины XIX в. картин. Напротив, продолжаю, находясь в ней, испытывать то же впечатление чего-то лакомого, изощренного, рагутантного¹, то же любованье удивительным мастерством (даже и у совсем второстепенных художников) — в самых разнообразных проявлениях. Какой чудесный, между прочим, приморский пейзаж Noguet². Обошел с Визелем отделение старых русских картин (снова по-новому развешенных), а также довольно жалкую (даже более жалкую, нежели я ожидал) выставку покойного Крачковского. Его молодые этюды с натуры и те слабы, безжизненны. — Дома снова Скамони. Он уверен, что никаких серьезных беспорядков не будет, а будут только разрозненные и незадачливые забастовки на почве отдельных рабочих домогательств. Но он так судит по учреждению, во главе которого он стоит и которое работает в более культурных, им и созданных, условиях, нежели многие другие — более по размерам грандиозные предприятия, нежели типография Голике—Вильборг. У них рабочие, скорее, довольны своим, к тому же сильно за последнее время улучшившимся, положением. «Швейцар у них получает теперь больше, нежели прежде метранпаж».

Четверг, 2/15 февраля

Уже некоторое время, как наслаждаюсь чтением записок художника Манлиха*. Какая отражается в них милая гуманная и гуманитарная культура! Жаль только, что приходится это читать по-немецки, тогда как оригинал написан (как и записки Ходовецкого) — по-французски. Заходил к Бразу. Ну как он может верить, что приобретенная им недавно «Голова

¹ От *фр.* *ragou tant* — привлекательный, аппетитный.

² *Oge (фр.)* — малоизвестный французский живописец.

* Южнонемецкий (очень искусный, но мало известный) художник середины XVIII в. Его записки, изданные под нелепым названием «Рококо» или <...>, принадлежат к ценнейшим отражениям своей эпохи.

война» — Рембрандта?! Это явная подделка, и даже плохая. На всякого мудреца довольно простоты...*

Пятница, 3/16 февраля

Бьюсь с Меркурием. Возвращаюсь к самому первоначальному эскизу, там, где он сидит, отставив правую ногу. — Гринберг привез корректуру последней партии иллюстраций к моей монографии. На сей раз красочные (трехцветки) немного более удовлетворительны, но все же какая досада, что вся работа производилась не у Голике—Вильборг! Берет ужас, что в общем книга выйдет нелепой и меня вовсе не передающей**. — У Акицы род инфлюэнцы.

Суббота, 4/17 февраля

Отправил Гржебину обстоятельное письмо с выяснением моих «вкусовых требований» и с категорическим запрещением помещать в «Радуге» ужасные рисунки Реми. Вскоре по телефону ответ. Он со всем согласен, а Горький не только не обижен, но глубоко *тронут* моей неуступчивостью. Ну и отлично. Отлегло от сердца. А то нет ничего противнее, нежели из каких-то побочных соображений давать свою апробацию, свою подпись под вещи, от которых претит. — Заходил несчастный Левитский — фанатик книги, по-прежнему на всех негодующий. Он забрал у меня материалы для какого-то плаката в арабском вкусе! Увы, я испытываю ныне настоящее страдание, когда приходится отдавать любую виньетку, любую картинку, — до того я проучен российской непорядочностью и в этой области. — Кока увлекается домашним кинематографом и тратит свои сбережения на покупку подержанных фильмов. — Вечером с братьями Лансере и Яремичем у Обера — смотреть принадлежащую ему коллекцию произведений художника-любителя Баганца — ученика М. Зичи. Обер, нуждаясь в деньгах, намерен ее продать. Две из этих необычайно мастерских акварелей я сам возьму с удовольствием, но вс□ в целом труд-

* Вскоре тогда же обнаружилось, что и эта голова, и другой еще, тоже приобретенный («по случаю») Рембрандт — работы известного антиквара и изготовителя фальшивок Вечтомова.

** На самом деле она так совсем и не вышла.

но пристроить. Совсем прекрасна большая акварель (вид с птичьего полета на Красный мост^[99]).

Наши девочки со своими (неофициальными) «женихами» на балу в своей школе Гагариной. Вчера, как говорят, Саша Яша сочетался законным браком с Каза Розой. Я их жалею обоих, но, пожалуй, его в особенности. Хуже такого сочетания трудно себе представить!

Воскресенье, 5/18 февраля

Вечером ненасытный Аргутон набрал из папок Жени Лансере целую кипу эскизов и этюдов.

Понедельник, 6/19 февраля

Второе заседание в Эрмитаже. Очень стиличен сухонький, аккуратненький старик барон Корф, *qui se donne des aires de très grand seigneur. D'ailleurs il l'est*¹. После заседания я зашел к Аргутинскому, но лучше было бы, если бы не заходил. Совершенно неожиданно между нами возникла ссора на почве коллекционерской страсти. Я изъявил желание получить вместо денег, которые Аргутон мне должен за массу моих набросков, несколько старинных акварельных *interieur*'ов², которые он *сам уже предназначил для продажи*. Он же, движимый каким-то чувством гонора (как так Шура будет обладать тем, с чем он считает нужным расстаться?!), мне отказал в этом предложении. Глупейшие мотивы в этих делах всегда довольно путаны. А для того чтоб *couper court*³ моим дальнейшим домогательствам, он наврал, будто он уже запродавал эти акварели кому-то в Москву. Это так меня взбесило, что я, не говоря ни слова, встал и, не произнеся ни слова⁴, его покинул, а придя домой, сразу написал ему длинное письмо с изложением как обстоятельств данной моей обиды, так и всех других, накопившихся за последние годы причин моего возмущения от его жадности и нежелания считаться со слабостями ближайших друзей (в

¹ Который выдает себя за очень важного господина. Впрочем, он таким и является (*фр.*).

² Интерьеров (*фр.*).

³ Положить конец (*фр.*).

⁴ Так в рукописи.

данном случае следовало бы сказать «учителя»). Гроза накапливалась давно и в совершенно ином плане (главным образом в плане наших крепких несогласий в отношении войны), грянула же она по данному пустяковому поводу — «совершенно случайно». Теперь я переживаю довольно мучительно. Вероятно, и он тоже. — На собрание Религиозно-философского общества^[100] я не пошел, так как А.П. Боткина заставила меня побывать у нее на Потемкинской. Я рассчитывал там найти Владимира (и тут же помириться), но он не явился.

Вторник, 7/20 февраля

Глупый, безнадежно тупой (и упрямый) ответ Аргута. Я злюсь на него, презираю его глупость, и в то же время мне его жаль. Ведь если он поссорится с нами, то потеряет последнюю связь с жизнью! — Вечером пишу фельетон о Масленице^[101]. С наслаждением вспоминаю многие образы и переживания безвозвратного милого прошлого.

Среда, 8/21 февраля

Акица по телефону пробует нас помирить — меня с Аргутоном, но встречает с его стороны полное непонимание своей «вины» передо мной. При этом и их разговор чуть что не переходит в ссору. — Вечером на капустнике в гимназии Мая (где наш Кока учится). Пел сам Смирнов — и имел оглушительный успех, после чего позволил себе с публикой «грациозную шутку» — довольно сомнительного вкуса. А именно: он вышел на бис, посадил аккомпаниатора Длусского (превосходного музыканта, но тоже хамоватого господина) за рояль и открыл уже рот, как бы готовясь петь, и тут только объявил, что он не может, что спешит в другое место. Играла очень недурно на скрипке девочка-подросток.

Четверг, 9/22 февраля

В <...>¹ ч. у г-жи Рахмановой (Рахманиновой?) — сестры Гринберга, которая теперь затеяла наладить художественную вышивательную мастерскую, для которой Чехонин уже усло-

¹ Пропуск в рукописи.

вился давать рисунки. Несколько таковых она показала — порядочная fadeur¹! Для меня несомненно, что эта дилетантская мертвечина обречена на скорую гибель. Встретил там Софью Герм<ановну> Корнфельд, с которой я все время и проболтал. Видимо, она не считает себя обиженной за брата.

Вечером «концерт» у Добычиной. Читал что-то сам Горький! Что-то из собственного прошлого. То, что дошло урывками до моих ушей (я опоздал и устроился в соседнем зале), показалось мне и интересным, и милым, но его поминутное покашливание и вообще его глухой голос не способствуют наслаждению, а в течение целых периодов и разумению. Со мной, по обыкновению, ласков. Требуется свидания, и непременно вдвоем (видно, он вовсе не так уже ценит присутствие Добычиной, как она это выставляет). В общем же, никак не могу отделаться от своего рода чувства недоверия к этому пленительному человеку. Все время чую в нем хитрого русского мужичка, а то и «колдуна — деревенского». У меня это чувство появилось при первом же знакомстве с Горьким, да оно намечалось и раньше, когда я знакомился с его литературой.

Пятница, 10/23 февраля

По случаю жестокого мороза пришлось отложить проектировавшийся генералом Волковым на сегодня осмотр Елагина дворца.

Суббота, 11/24 февраля

Вечером на лекции Валечки Зубова в Тенишевском зале^[102]. Он читал о Беато Анджелико — вещи все известные, но мне было приятно увидеть на экране многие фрески почти в натуральную величину, а маленькие картины увеличенными до размера больших алтарных образов. В последних, оказывается, не меньше (если не больше) монументальности, торжественности, нежели во фресках... Снова присутствовали католический епископ и какие-то прелаты. Княгиня Шаховская (летчица) в перерыве угощала их конфетами и вином. Поскольку во мне еще не умерла моя детская преданность религии моих

¹ Заурядность (фр.).

отцов и дедов и наслаждение ее «помпой», подобное «засилье» русского монда католицизмом мне нравится (я даже не отказал себе в *удовольствии* приложиться к кольцу Его Святейшества — и это из моей склонности ко всякому символическому церемониалу). Однако, разумеется, нечего ожидать, что *оттуда* пойдет свет! *Там*, в недрах, такой же маразм, как всюду, и это даже написано на таких полных, круглых, ласковых, но и «на ключ замкнутых» физиономиях этих высших чинов папского штата.

Воскресенье, 12/25 февраля

Сегодня на наше рисование по телефону напросился князь Палей, что вызвало большие эмоции среди наших дам, но, к великому их огорчению, он обманул. Мне, однако, это было, скорее, приятно. Я не очень верю в ценность этого действительно *пленительного* юноши. В нем я почуял что-то женственно-уклончивое, что-то «итальянское». Говорят, он очень умен, а его стихи будто бы превосходны, но для того, чтоб оценить, надо с ним гораздо ближе сойтись, а это едва ли возможно при такой разнице в годах. Набралась масса народу. Стало даже тесно, душно и жарко — но это слава Богу, ибо на улице холод и в остальных наших комнатах стужа. Я на короткий момент присел и стал рисовать, но тут же пришлось бросить, так как появился новый именитый гость: графиня Робьен привезла с собой своего приятеля, графа Этьена де Бомона. Фигура эта произвела на меня (и на других) сильное впечатление. Очень большого роста, с каким-то темным (едва ли от загара) лицом «бандита», безбородый (бритый), с большущей головой на узких плечах, чуть согбенный, и при этом дискантовый голос, напомнивший мне *Boni de Castellano*¹ (вероятно, так же пищали миньоны Генриха III и завсегда таи салона Рамбулье). Сначала он мне показался очень юным (это, вероятно, благодаря полувоенной темно-синей гимнастерке), но потом я разглядел начинающуюся седину на висках, и это в связи с каким-то тяжелым, вовсе уже не юным взглядом выдает его настоящий, уже далекий от первой молодости возраст. Его тесная (как будто) дружба с милой Робьен (которая лет на

¹ Бони де Каstellано (*фр.*).

пятнадцать, а то и на двадцать моложе его) уже являлась для меня известной рекомендацией Бомона, а из беседы же я вынес убеждение, что это человек действительно незаурядный — как будто добрый, тонкий и обладающий художественной культурой. Войну он ненавидит мучительно. Отправился он в Румынию на фронт, но не для того, чтоб быть вынужденным убивать. Здесь он собирается пробыть три-четыре месяца, и мы предполагаем, что будем часто с ним видеться и вместе <сможем> совершить ряд художественных пелеринажей¹.

Понедельник, 13/26 февраля

От Аргутона все еще ни звука. Авось стоскуется и раскается. Нам, во всяком случае, без него несколько легче дышится. — Вечером у меня Реми, которого снарядил ко мне Гржебин для того, чтоб я ублажил его художественное самолюбие, пострадавшее от моего отказа принять его иллюстрации для нашего издательства детских книжек «Радуга». Однако это мне <не> вполне удалось. Он ушел такой же сжатый, натянутый, как пришел. Скатертью дорога. С ним общаться уже потому трудно, что он безнадежно некультурен.

Вторник, 14/27 февраля

Отправил в Суук-Су запоздалый елочный подарок: тетрадь с рисовальными образцами с книжки с картинками.

Среда, 15/28 февраля

Пишу фельетон о классике (в архитектуре), вызванный письмом г-на Плинатуса^[103]. Трудный вопрос. Риск, что могут принять мою заботу *о свободе* за самый ординарный академизм! — Днем с графиней Робьен у Саши Яши (к сожалению, Бомон захворал и не пожаловал). Я поздравил Яковлева с браком, но он отозвался на это очень странно и, скорее, кисло. Начатый им свой автопортрет мне не нравится. — Вечером с девочками в кино Splendid'e², где показывают экспедицию Ван-

¹ От *фр.* pèlerinage — странствие, паломничество.

² Название кинотеатра.

дербильта на Аляску. К сожалению, многие снимки плохи, но все же, в общем, очень интересно. Особенно поразили гигантские идола алеутов, иные в виде столбов, другие в виде фигур, точно попавших в западню крытых храмиков. Сильное впечатление производят всякие северные пейзажи, селения местных жителей (лапландцев?), стада-«клубы» пингвинов. Трогательный длинный эпизод, рисующий все перипетии преследования белой медведицы и ее детеныша (снято с палубы шхуны).

Четверг, 16 февраля / 1 марта

Сегодня в редакции после мрачного политического разговора с Гессеном я, уходя, придержал его, куда-то спешащего, и говорю (разумеется, без надежды на то, что мои слова могут иметь какое-либо действие): «Умоляю вас — откажитесь от Константинополя», иначе говоря, от войны до *победного* конца. В ответ получаю нечто очень симптоматическое; сначала он с унылым видом отвернулся, затем улыбнулся грустной усмешкой и наконец произнес: «Это теперь все равно бесполезно, все равно все летит к черту!» Выходит, что они, вояки, это как будто наконец осознали. Зачем же тогда путать и морочить общественное мнение и продолжать в газете ратовать за продолжение бойни? Что гонит их к собственной гибели? В чем сила их вождя, их главного искусителя — Милюкова? Неужели только в том, что он такой ученый книжник, что он и сам написал немало очень ученых (да и дельных) книжек? Или он их пленит своей действительно неподкупной честностью? Но тогда зачем соваться в дела, в которых властвует не обывательская честность, а требуется прежде всего зминая мудрость и учитывание момента? Не спорю, «порядочным» людям *приятнее* сознавать себя чистыми, беленькими, но что от этого произойдет для целой страны, для целого народа? Ведь несомненно, что не сегодня-завтра *им* достанется власть, полнота власти, и вот единственное, в чем они ее проявят, будет заключаться в такой благородной (но, увы, бессмысленной, безумной) «честности» и в напрасной погоне за чем-то несбыточным (и *ненужным*). Какой ужас! — Обедаем у Бруса с Карсавиной, которая завтра уезжает в Киев. Были Линтот, Вильямс и Костя. Последний ушел рано, чтоб поспеть на вокзал для встречи возвращающегося из

Лондона Вальполя. Вместо в последний момент на что-то надумшейся Акицы со мной поехали все три наши девочки. Туда и обратно доставил автомобиль Бруса. Шофер тоже очень мрачно смотрит на вещи.

Пятница, 17 февраля/2 марта

В 3 ч. с А.П. Боткиной у Скамони (в типографии Голике—Вильборг). Обсуждали вопросы бумаги, шрифта и проч. К сожалению, кое-что из уже напечатанного пришлось забраковать из-за неудачи выбора и безвкусной съемки. — Туда же, сговорившись по телефону, заехал Горчаков и повез к себе показать новое приобретение — натюрморт Яна Фейта. Тут же занялись и обсуждением планов переделки сада у них в имении. И как раз зашел Палеолог «с визитом». По обыкновению рассказывал всякие забавные анекдоты и вообще был мил, остроумен и забавен. Сговорились с ним и с хозяином как-нибудь вместе отобедать у него в посольстве. — Вечером в «Форуме» на ужасающем фильме — Версаль при Людовике XIV, сплошное убожество, сплошная пошлятина с конфетных коробок. — К чаю Чуковский, прочитавший нам очень милую сказочку Пуни-Богуславской, которую он думает поместить в «Радуге». На сей раз Корней был уютен, не ломался.

Суббота, 18 февраля/3 марта

Отвратительное, совсем меня изнервировавшее утро. Телефон <от> Рауша, оскорбленного приговором жюри «Мира искусства» (Акица соврала, сказала, что меня нет дома, насилу отшила!). Я-то при чем? Я в жюри на сей раз и не участвовал, телефоны от Лукомского, Бернштейна, Скамони и еще от каких-то художников, порывающихся участвовать на нашей выставке и разделяющих общее мнение, будто бы я безапелляционный ее диктатор! Окончательно меня вывело из себя желчное, гадкое по своим внутренним побуждениям письмо Димы (Философова), написанное им под впечатлением от моего фельетона. Сейчас же засел за (очень суровый) ответ, но насилу написал черновик (от которого потом совсем отошел), так как один за другим стали приходиться и меня теревить то посыльный из «Свободного искусства», то посланный из «Паруса», то en

personne: Лукомский, то Коля Лансере, то еще кто-то. Совсем издергался!

Воскресенье, 19 февраля/4 марта

Кончаю картон «Осень» для ф<он>-мекковского плафона. — К завтраку — фаршированный перец, и это до чрезвычайности (почти до слез!) напомнило мне милое лето, Капсель и его обитателей. — Продолжаю сочинять письмо Диме, стараюсь изъять из него все слишком *злое* (хотя и заслуженное вполне). — В 3 ч. милейший Август Исаакович Каминька. Он все же более здраво смотрит на вещи, нежели все другие, причастные к «Речи» люди. Любезно надавал всяких финансовых советов Акице, которая сама, равно как и я, ничего в этих делах не смыслит. Хотелось бы менее глупо распорядиться с теми маленькими сбережениями (6000 руб.), которые у нас за последние месяцы накопились. И я, и она *органически* ненавидим все биржевое, все денежное (а главное, мы ничего в этом не понимаем), но мучит сознание (ложное?) «долга перед детьми», желание оставить им хотя бы то, что нам досталось от родителей. Каминька сговорился с Акицей, чтоб она на днях приехала к нему в банк (Азовский), и он ее научит, что делать. — В 5 ч. на заседании «Мира искусства» в бюро Добычинной. Собравшаяся на вернисаж нашей выставки публика успела к тому времени разойтись. Самое открытие сошло блестяще: продано на 40 000 рублей! Я не выставляю по всяким причинам — главным же образом чтоб себя, без того уже большого душой, оградить от всяких ненавистных чувств ожидания, разочарования. Наш председатель И.Я. Билибин был пьян, как стелька (он снова стал жестоко пить), и в таких случаях даже прелестная О'Конель теряет над ним всякую управу. — Странное зрелище представляет собой сборище всех моих товарищей в виде военных. Совершенный маскарад! И у всех, в зависимости от этого, какой-то ребячливо-skonфуженный вид! Самое заседание было таким же утомительным и бестолковым, как все наши заседания. Я еле досидел! — К обеду Стип. — К чаю Женя. С последним спор из-за Аргутона. Женя побывал у него, и Владимиру, разумеется, удалось нашего слабохарактерного и со всеми соглашающегося Женяку убедить, что это он, Аргутинский, из нас двух — несправедливо пострадавший.

Понедельник, 20 февраля/5 марта

Начал одновременно на одном большом холсте фигуры Зимы и Лета. Днем из Москвы хорошенькая жена Ф.Ф. Комиссаржевского — Галина Ивановна, имеющая поручение от одной знакомой меценатки, г-жи Ант. Вл. Бейн, приобретать для нее картины. Остановила она свой выбор на «отмененной» версии моего «Суворовского лагеря». Теперь у меня явилась возможность помочь Оберу, который на днях приглашал нас «на свои похороны» (весь крошечный капитал его жены вложен во французские и какие-то «прибалтийские» бумаги — и ничего не дает, а заказов никаких). — С Владимиром Сергеевичем Дурдиным и Михаилом Абрамовичем Бернштейном ездил осматривать коллекцию, якобы вывезенную из Польши и предлагаемую второму (с этим *страшным* с виду иудеем я только вчера познакомился). Сейчас эта коллекция развешена и расставлена в номере одной гостиницы на Казанской. Почти все дрянно, и пришлось отговаривать «внезапного» коллекционера <от> столь спорадического обогащения. Однако среди хлама я все же выискал небольшой, прелестно писанный, очень грациозный пейзажик Ж.-Б. Лепренса, а также прелестный чайный сервиз Марколини с коричневыми цветами*. Заезжал после того к самому Б<ернштейну>, который живет на нашей улице. Увы, и расхваленные им Тенирсы и Левицкие оказались хламом. — К обеду Машков**, только что из Москвы. Пуще прежнего он громит войну, обещает на присяге заявить, что будет бороться за свою жизнь и «против Милюкова». Сказать кстати, я поражен, как наш Павел Николаевич за последние месяцы именно на себе сосредоточил ненависть более чутких людей самых разнообразных кругов. И действительно, попади он, не дай Бог, к власти, ждать от него спасения едва ли можно будет! Он станет тупо отстаивать свой «славянский коридор» и прочее теоретическое и несбыточное безумие!^[104] Ну да авось до этого еще не дойдет и кошмар кончится каким-нибудь самым непредвиденным образом. Обожаемая моя Акица, с ее золотым сердцем, <считает> — все победить должно

* А разве не в той же коллекции я увидел превосходный этюд «Старик за книгой» der Кониинка — достойный самого Рембрандта? Странно, что здесь его не упоминаю.

** Московский художник, отличающийся необычайной силой красок.

слово, новые идеи и что *идеи* явятся именно из той же Германии! Это правда, что надежды мало, чтоб к спасительным идеям обратились союзники. Машков целый вечер выбирал из моих этюдов что-либо в промен за свои «Рыбы» (которые уже на выставке и вовсе мне не нравятся, несмотря на яркие краски и хлесткую живопись). Наконец он остановился на довольно красочном этюде 1915 года, сделанном с террасы дачи Байдак в сторону судакской Генуэзской крепости. — К чаю супруги Яремичи (снова помирившиеся! «Notre cocu!»¹), Бик Попов, Жорж Верейский, С. Эрнст. Все поговаривают о каких-то готовящихся событиях в связи с открытием и закрытием Гос. думы!¹⁰⁵¹. Произойти что-нибудь *должно* — больно много накопилось какого-то электричества. Но будет ли это что-либо решительное? Только бы это повело к окончанию бойни.

Вторник, 21 февраля/6 марта

Как я предсказывал с первых же дней войны, начинается разделение Бельгии на две сферы влияния, иначе говоря, выработывается возможность для немцев сохранить доступ к северным морям. И в сущности, у них больше прав на эти *Germanische Länder*², нежели у нас на греко-турецкий Константинополь. Впрочем, все это суэта сует и сплошная гнусная афера. — Закончил картон «Зима». За последнее время я занялся, кроме того, иллюстрированием сказки «Мальчик-с-пальчик» для «Паруса» и сегодня пробовал компоновать сцену у Людоода — на мольберте. Пользуясь каким-то неожиданным *подъемом*, начал и повторение эскиза декорации «Комнаты Лауры» (из «Каменного гостя»), который обещал Жевержееву. — В третий раз изготовил ответ Диме и переписал его для себя. Напросившийся ко мне после двухлетнего дутья (все из-за войны) Путя Вейнер снова не явился. — К обеду Нарбут — ставший каким-то очень ласковым после нашей переписки (ответил он мне на мое «отеческое увещевание» совсем так, как мне того хотелось). — Позже Зика Серебрякова. Оба рассказывали мне всякие курьезы про нашу выставку. Статуэтку Рауша, изображающую Ванду Вейнер, наперекор приговору

¹ «Наш рогоносец!» (*фр.*).

² Германские страны (*нем.*).

жюри Машков и еще кто-то поэнергичнее снова сняли с выставки. Будет скандал. Полная потеха вышла с военным цензором, который уже было повелел удалить «Войну» Петрова-Водкина, но, разумеется, не за ее плохое качество, а за то, что он узрел в ней «проповедь пацифизма». Все же потом смилостивился и оставил. Еще забавнее, как этот афронт¹ принял сам автор картины, писавший ее, под влиянием дружбы с Брешко-Брешковским, в самом боевом настроении, а ныне, томясь в солдатской шинели и рискуя попасть в окопы, приглашает видеть в ней же совершенно иные чувства. Потому что он «обвинение» в пацифизме принял за высшую похвалу. Истолковать же сюжет можно действительно на обе стороны. — С Нарбутом и Яремичем в 10 ч. отправились через весь город к А.П. Боткиной — все для тех же нескончаемых обсуждений об издании коллекции. Слава Богу, заведовать изданием теперь взялся П.И. Нерадовский. Продолжали исправление атрибуций рисунков.

Среда, 22 февраля/7 марта

В подробности обозрел нашу выставку и купил Оберových «Медвежат» (за 350 руб.) — с наказом Оберу не говорить, кто купил. Выставка никакой радости мне не дает. *Внушительнее* прочих Рерих, но и он почему-то не убеждает; слишком во всем *man merkt die Absicht*². С другой стороны, эти сложные и монументальные по намерениям композиции удивительно как напоминают иллюстрации в немецких сказочных книжках или в журналах, вроде «Jugend»³. Вредит впечатлению и то, что я уже многое видел у него, и тогда многое меня даже поразило и выдумкой, и красками, а вот при более близком знакомстве их прельшение не действует. — К ним нехорошо «возвращаться» — открывается какая-то их внутренняя пустота. Пришлось мне прятаться от Рауша, который добился-таки, что «Ванда Вейнер» снова выставлена. Этот дурень воображает, что это я интригую против него! — Получил ответ от Димы, но, не полагаясь на свои издерганные нервы, не решился вскрыть конвер-

¹ От *фр.* affront — оскорбление.

² Усматривается намерение (*нем.*).

³ «Юношества» (*нем.*).

та, а отложил прочтение до завтра. — К обеду обычная молодежь. — Вечером отправился с А.П. Остроумовой к ее знакомому, капитану Китаеву, тому самому, который еще во времена Тенишевой (в 1895 году!) устраивал выставку своей японской коллекции в Академии художеств^[106]. Чудаковатый, не совсем нормальный господин. Он истомил нас медлительностью и систематичностью своего показывания. Много вещей хороших, особенно среди какомоно (хотя вообще эти шелковые картины своей тусклостью меня не пленяют), однако большая часть (особенно среди гравюр) — ординарный рыночный товар (плохие новейшие оттиски, а иногда и копии, подделки). Был там и Платер, ждали и нововременского Кравченко, но, к счастью, он не приехал. Китаев звал снова, заставил нас даже обещать посетить его на будущей неделе, но я побаиваюсь этого жестокого педанта и едва ли сдержу свое обещание. Коллекцию он намерен продать, но непременно всю целиком и за огромные деньги.

Четверг, 23 февраля/8 марта

Сегодня состоялся большой обед у Палеолога. Начинает твориться что-то неладное! На Выборгской стороне произошли большие беспорядки из-за хлебных затруднений (надо только удивляться, что они до сих пор не происходили!). Гр. Робьен видел из окон посольства, как толпа рабочих на Литейном мосту повалила вагон трамвая и стала строить баррикаду. Навстречу им поскакали жандармы, и произошла свалка. Разобрать дальнейшее было трудно. Мы и на большой обед у Палеолога не смогли б попасть из-за *полного* отсутствия извозчиков, но выручили милые Горчаковы, приславшие за нами свою машину, на которой мы заехали по дороге и за ними. Чудная моя Акица, по обыкновению в подобных случаях, продержала меня весь день в тревоге, как бы в последнюю минуту она не отказалась ехать под предлогом мигрени, а на самом деле из-за очередного недовольства своим туалетом (она и в этом году не удосужилась запастись вечерним платьем и наспех все последние дни при помощи своей портнихи комбинировала и перешивала какое-то старое). Однако в конце концов все обошлось благополучно; она имела очень нарядный вид, в чем сама удостоверилась, и это ей дало то хорошее возбужденное настро-

ние, которое ей так к лицу и которое ей дает возможность чувствовать себя хорошо (*être à son aise*¹) даже и среди мало-знакомых людей. — Посольство приняло *son aspect de grands jours*² — все люстры горели, обеденный стол верхней парадной столовой был раздвинут во всю длину. Председательствовал посреди на одной стороне сам посол, против него — Трепов, еще недавно «первое лицо после Государя». Мы попали (и были тронуты таким милым вниманием) в «свою компанию» хорошо нам знакомых и дружественно к нам расположенных людей, вследствие чего обед и на нашем конце прошел оживленно. Акица сидела между Микой Горчаковым и гр. Дм. Ив. Толстым. Я ровно насупротив между графиней Робьен и «маленькой» княгиней Долгорукой. Обед был в смысле меню изысканнее обыкновенных. Говорили речи, пили за здоровье Государя, за российское воинство, за Францию. Речь Трепова я плохо расслышал (я сидел от него приблизительно на восьмом месте), но мне потом говорили, что она была необычайно тактична и остроумна. Были и столь мне понравившийся Этьен де Бомон, с которым мне удалось перемолвиться несколькими словами после обеда, M-m de Huelguet³, граф Saint-Sauveur⁴ («пущечник»), Оливы, красавица С.А. Половцова (самого Александра Александровича я почему-то не помню, может быть, он и не был) и милейшая остроумнейшая старушка гр. Клейнмихель (забравшая меня в Красной гостиной во время концерта, происходившего рядом, в зале), несколько «союзных» дипломатов и, само собой разумеется, Шамбрэн и Робьен. Но не было Бьюкенена. Не было и Бруса. Палеолог *дуется* на последнего за его «моргу»⁵ и за какие-то бестактности. Концертное отделение состояло из пения и рояля; пела (порядочную дрянь) Елизавета Петровна Попова^[107] (она, отвечая на овации, потешно приседает по-балетному) и играл какой-то незнакомый мне пианист. Почему-то Палеолог не попросил меня снова привести Прокофьева, — видно, он после первого раза *не поверил в значительность de se blanc-bec*⁶. С Робьен<ом> я простоял

¹ Быть в своей тарелке (*фр.*).

² Праздничный вид (*фр.*).

³ Мадемуазель Альгюэ (*фр.*).

⁴ Сен-Совр (*фр.*).

⁵ От *фр. morgue* — надменность, спесь, высокомерие.

⁶ Этого желторотого юнца (*фр.*).

добрые четверть часа в амбразуре одного из окон гостиной. Оттуда мы украдкой, слегка раздвигая занавески, могли следить за тем, что происходило на Литейном мосту. Однако из-за темноты трудно было различить, что именно там творится; видно было, что непрерывно движутся какие-то массы в направлении города*. Робьен, с виду такой веселый и кажущийся беспечным, очень мрачно настроен. Больше всего он обеспокоен финансовой стороной: 80 milliards de dettes! Jamais on ne pourra payer ça!¹ Вообще же, он лично абсолютно за мир, и за самый скорый мир; но что он, что и все его коллеги (оставляя в стороне самого посла) в сравнении с fortes têtes et chefs de partis²? В изнурение Германии он не верит, а, напротив, он уверен (особенно после того, что он собственными глазами увидел сегодня) в нашей неспособности дальше вести борьбу! Что же касается Палеолога, то очень характерно для него, что он, в качестве эстета, особенно скорбит о том, что «больше не слышит Вагнера» и что Франция совершенно угнетенно <?> обезображена индустриализацией, расползающейся по стране, как саркома. — Горчаковы нас и домой отвезли**». Мика снова в своей хорошей полосе, более спокоен, менее шумлив. Наталья Павловна, как всегда, мила до бесконечности.

Пятница, 24 февраля/9 марта

Акица, взяв с собой Атю, поехала, как было уговорено, к А.И. Каминьке сдать часть наличных денег на текущий счет, но купить какие-то нефтяные бумаги она не успела. — Днем Эрнст с нашими девицами в Александринском театре на генеральной репетиции лермонтовского «Маскарада», постановку которого Головин готовил много лет в тесном сотрудничестве с Мейерхольдом. То, что получилось, говорят и Эрнст, и наши барышни, превосходит все до сих пор виданное по роскоши, но

* Граф Шамбрен в своих записках рассказывает про то, что группа рабочих двигается по диагонали по льду, потому что мосты были загорожены (étaient gardés). Из окон Французского посольства раздвигается широкая панорама Невы — в обе стороны — от крепости до Литейного моста.

¹ 80 миллиардов долга! Никогда не сможем его выплатить! (фр.).

² Большими умами и лидерами партий (фр.).

** Не предполагали мы тогда, что это будет последняя наша поездка, что и состоявшийся вечер был последним петербургским монденным приемом.

и по безвкусию. Рельефные части декорации вынесены за авансцену, в зрительный зал. Картины отделяются одна от другой *кружевными* занавесями, чем эти пошляки думали создать особенно романтическое настроение, а получился какой-то сплошной «альков», более подходящий для оперетки! По выходе из театра наша молодежь видела, как казаки разъезжали по тротуарам Невского и разгоняли густые толпы народа. *Decidemment cela commence!*¹ Говорят, что даже кое-где в городе и постреливали!..

Суббота, 25 февраля / 10 марта

Акица снова была в банке, но поспешила его покинуть, ничего не успев сделать, так как пронесся слух, что все магазины в ожидании беспорядков уже закрываются, что закроют и банк, а главное, что после полудня через мост на Васильевский остров не будут пускать. — К обеду Эрнст. Он был на Невском и видел, как конные войска оттесняли во всю ширину улицы толпу в сторону Николаевского вокзала. В том же направлении раздавались выстрелы. Говорят, что солдатам теперь приказано ложиться на землю, дабы лишить их возможности стрелять в воздух. Другой слух — более чудовищный (и если это окажется правдой, то события могут получить грозный оборот) — будто по крышам домов расположены городовые, которые должны производить по скопищам стрельбу из пулеметов. — Вечером Саша Яша (ему до нас недалеко). Костя же с Вальполем не решились прийти, так как узнали, что мосты будут разведены. Мне, однако, кажется, что все еще может «обойтись». С другой стороны, не подлежит сомнению, что нарыв созрел вполне и что так или иначе он *должен* лопнуть... Какие мерзавцы или, вернее, идиоты все же кто довел страну и монархию до такого кризиса!

Воскресенье, 26 февраля / 11 марта

Пишу красками фигуру Зимы, но работа не клеится, я начинаю все более заражаться общей тревогой. — К завтраку Коля Лансере, с которым мы обсуждали (точно ничего грозно-

¹ Решительно, это начинается! (фр.).

го вокруг не творится) грандиозный заказ М. Горчакова (однако в душе я ни минуты не верю в осуществление, по нынешним временам, этого *Château en Ukraï na*¹. — Днем Браз. Вот он *крайне* встревожен. — Около четырех Этьен де Бомон. Он и на сей раз развивает свои миролюбивые идеи без всякого стеснения, чем окончательно завоевывает сердце Акицы. Мы расположились было посидеть в приятной беседе час-другой вокруг чайного прибора, как вдруг явился наш швейцар с известием, что через час, по распоряжению полиции, все мосты будут разведены. Бомона мы поручили Бразу, и они поспешили удалиться. К Гессенам на обед мы, разумеется, не решились отправиться, хотя они (по телефону) очень настаивали на нашем приезде, уверяя, что «ничего не будет». — К чаю Саша Яша, Яремичи, Добужинский, Шейхель. Все крайне возбуждены и никто не питает иллюзий насчет успеха революционного движения. Представляется более вероятным, что полиция и штыки подавят мятеж. Но о мятеже, во всяком случае, *можно* вполне говорить как о факте *уже совершившемся*. Безумец Костя с сестрой Анютой и с Вальполем все же отправились во Французский театр (звали и нас — по телефону).

Понедельник, 27 февраля / 12 марта

Чудный ясный день. Я воспользовался этим, чтоб начать рисунок «Лета» на холсте, однако работа никак не клеилась, и тогда я, случайно попав на старые, не совсем законченные этюды, сделанные в Брюгге и в Венеции, стал их подправлять, усиливать. Но не долго я этим занимался. Оторвала от работы чета Лебедевых — оба донельзя возбужденные. Анна Петровна — сушая Жанна д'Арк или Шарлотта Корде! Она горит желанием «убить Николая». Он же, Сергей Васильевич, особенно, вероятно, встревожен тем, что беспорядки могут привести к миру, а мир к закрытию его ядо-газового завода. — К завтраку Слава Жук, ныне из ярого вояки превратившийся в «убежденного» пацифиста. Тоже особенно негодует на Государя. Иным настроением наполнилась наша квартира днем, когда к нам пришла сестра Катя с Зиной и двумя крошечными и очаровательными девочками^[108]. В продолжение двух часов мы им

¹ Замка на Украине (*фр.*).

показывали всякие детские книжки. Особенный успех имели «Münchener Bilderbogen»¹. Забавлялись и игрушками, которых у меня целый музей. Вечером опять «хлынула волна революции». Зашедший к чаю Аллегри рассказал, чему он был очевидцем вчера, когда он, этот шалый человек, движимый ненасытным любопытством, вместе с сыном Петей отправился рыскать по городу. Особенно их поразила атака, произведенная конными жандармами на толпу рабочих с *примкнувшими к ней солдатами!* Пройдя Конюшенный переулочек, выходящий на Екатерининский канал, они принуждены были остановиться — и тут заметили, что прохожие люди от чего-то прячутся, — это они прятались от выстрелов, долетающих с Невского. И там же, через канал, они видели, как ринулись в направлении к Царицыну лугу жандармы, как «враги», а толпа рабочих встретила их выстрелами. Они видели и то, как жандармы пустились обратно, причем некоторые падали с коней! Накануне тот же Аллегри был свидетелем того, как у памятника Кутузову перед Казанским собором солдат выхватил саблю из рук крайне возбужденного офицера, как раз когда тот обратился с речью к толпе, и переломил саблю на своем колене. Тут же чуть было толпа не линчевала какого-то штатского, вздумавшего фотографировать «Кодаком» другого («левого») оратора. Характерный инцидент с Аллегри произошел сегодня у Дворцового моста. Офицер при патруле грозил собравшейся кучке народа, что он сейчас даст приказ стрелять, однако, когда никто не тронулся, он, подождав еще немного, пропустил ряд лиц, и среди них обоих Аллегри. Обратно, однако, часа через два, их уже здесь не пустили решительно, и им пришлось перейти Неву через Николаевский мост^[109]. — Масса слухов сообщается по телефону. Будто осаждают (кто осажда-ет?) Государственную думу, будто она даже *взята* (кем?). Что-то серьезное там, во всяком случае, происходит. Оливы с Потемкинской сообщили, что мимо их окон все время бродят кучки вооруженных рабочих, человек по десяти, а то и с полсотни. Изредка они стреляют, но в воздух — для остротки. Совершенно достоверно, что взбунтовавшимися полками (какими?) взят Арсенал на Литейном, освобождены узники из тюрьмы («Крестов»). Среди освобожденных оказался и только

¹ «Мюнхенские иллюстрированные листы» (нем.).

что посаженный Монасевич-Мануйлов — правая рука министра и полицейский информатор Палеолога; его с овациями освободившая толпа проводила по дому; шествовал же он — по морозу — в светлой пижаме. Горит Окружной суд (от нас в этом направлении едва заметное зарево). Приказами Государя Дума и Государственный совет распущены. Однако на сей раз «это не пройдет», ибо уже выбрано нечто вроде Временного правительства (!!) из 12 лиц, в состав которого вошли: Милюков, Маклаков (думский), Родзянко и Керенский. Только что, впрочем (сейчас десять с половиной вечера), Добужинский по телефону передал, что этот «комитет» уже распался. В ответ на вчерашнюю телеграмму Гос. думы получены довольно загадочные ответы — от ген. Рузского: «Телеграфировал Государю» и от Брусилова: «Мы исполним (sic!) свой долг перед родиной и Государем». Истолковываются эти телеграммы как присоединение обоих генералов к Думе и к восстанию. Наконец, ходят слухи, что арестованы Щегловитов, а также Беляев, военным же министром назначен (уже от Временного правительства!) какой-то никому в нашем кругу не известный Маниковский. Петербургский градоначальник будто бы ранен. Казаки отказываются стрелять и братаются с рабочими.

Шейхель видел даже такую сцену (в субботу, около 5 ч. вечера) у Николаевского вокзала. Полицейский пристав шашкой зарубил оратора-студента; это увидел казак, проезжавший как раз мимо со своим взводом, отделился от товарищей, пробрался через густую толпу и, в свою очередь, зарубил пристава. После этого он закричал толпе: «Если из вас никто не выдаст, то мои не выдадут!» — и поскакал догонять свою часть. Слух о взятии Крепости представляется мне все же вздорным. — Я по-прежнему спокоен (не ощущаю щемящей внутренней тревоги — что было бы вполне естественно), однако я и не разделяю оптимизма более доверчивых людей. Но во что я *решительно не верю* — так это в какую-то *осмысленность* всего того, что творится, в какую-то *планомерность*. Еще новость, но уж очень нелепая: будто Протопопов назначен *диктатором*. — Сейчас около одиннадцати. На улице ни души, но часа два назад, говорят, стреляли недалеко от нас, на Среднем проспекте. Я сам еще *не слышал ни одного выстрела*. Впрочем, я не выхожу второй день. Не из трусости, а потому, что тяжело подыматься в наш шестой этаж пешком, так как

лифт не действует. Электричество все же горит, вода идет, да и телефон, хотя и с задержками, действует. Никакого обещанного «настроения Пасхи»^[10]. Акица пришла в восторг, узнав, что кричат «Долой войну!». Но все это носит такой спорадический характер! Все так не слажено! И сколько во всем этом болезненной истерии! Каких-либо лозунгов еще не слышно. С моей точки зрения, это как-никак «голодный бунт». Все дело в хлебе — ведь хвосты у лавок за последнее время удлинились до жутких размеров. И каждый такой хвост клокочет возмущением. А это значит, что все дело в хлебе, иначе говоря, в войне, в фактической невозможности ее продолжать уже год назад, когда обнаружился чудовищный недостаток в вооружении — не было возможности вести войну!

Вторник, 28 февраля / 13 марта

А пожалуй, это и РЕВОЛЮЦИЯ!

Теперь и во мне возникла *тревога*, что выразилось уже в том, что я проснулся в 6 часов. Тревожность (скрываемая из всех сил) проявляется в повышенной раздражительности. Меня *злят* наши девочки, слишком беспечно, шумливо и весело воспринимающие события. Уже за кофею Дуня взбудораживает всех сообщением, что она только что, высунувшись в окошко, увидела, как со Среднего проспекта к Тучкову мосту сворачивают один за другим автомобили с красными флагами. Толпа (в столь ранний час наличие *толпы* уже многозначительный симптом) их провожает кликами. В тот момент это сообщение показалось нам чем-то чрезвычайным и ужасно грозным, но уже к середине дня такие же проезды «революционных колесниц» стали явлением до того обычным, что даже потеряли всякую остроту новизны и успели «надоесть». Вот и сейчас в ясном морозном воздухе гулко гудит проезжающий грузовик и слышны крики «ура!». Очевидно, опять мчится мимо нашего дома одна из бесчисленных партий солдат и рабочих, вооруженных винтовками и саблями наголо. Катят они во весь опор, в большинстве случаев в направлении к Тучкову мосту. В некоторых из этих самокатов сидят вместе с пролетариями сестры милосердия, а то и просто какие-то дамочки, а также штатские с красным крестом на ручной повязке. Очень принято — двум солдатам помоложе лежать с ружьем в позе прицела на

колесных крыльях (pare-brise) грузовиков. Так более картинно, в этом больше показной удали. Публика приветствует каждую такую повозку сниманием шапок и криками «ура!».

Продолжение записи того же дня

В 9 ч. утра пришел Стип, который тоже поднялся, против обыкновения, рано. Он очень возбужден, но, в сравнении со мной, *весел*. Рядом с ними (dos-à-dos с их жилищем) революционеры с вечера вели осаду казарм Финляндского полка, которые наконец сдались в 2 часа ночи. Стип, пройдя на 18-ю линию, видел, как из ворот казармы вышли два совершенно молодых офицера. Они первые заявили караульным, что безоружны, и попросили себя пропустить. В ответ последовало: «Ладно, проходи!» Днем около 4-х Стип совершил с Эрнстом большую прогулку от дома Общества поощрения на Б. Морской, по Гороховой, мимо дома градоначальства на площадь Зимнего дворца. Но дальше на Миллионную их не пустил отряд солдат (какого полка, какой политической ориентации, им не удалось выяснить), преграждавший вход на улицу. Пока они там толклись, из Миллионной вышла в полном порядке с музыкой (!) другая партия солдат, но и эти прошли к воротам дворца — как будто для обычной смены караула; на обратном пути в момент, когда они поравнялись с решеткой Собственного садика, раздалась со стороны Главного штаба отрывистая пальба, и толпа зевак в панике разбежалась во все стороны... Передавали, что это стреляла полиция, засевшая на крыше штаба. Тут и наши друзья поспешили убраться.

В 10 ч. наша кухарка принесла прокламацию, напечатанную на лоскутке серой бумаги очень тусклым шрифтом (очевидно, «приличные» типографии еще не в «их» руках). Ее ей сунул какой-то рабочий на углу Среднего. К сожалению, кроме обычных социалистических клише, начинающихся с призыва «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и кончающихся ликованием по поводу того, что наступил «конец засилью капитализма», в бумажке ничего не оказалось. Акица увидала в этом призыве к соединению пролетариев предвещание скорого мира и пришла снова в восторг (в самих же совершенно для нее новых лозунгах она, разумеется, разбирается не лучше Коки!). Спрашивается, для кого такие бумажки предназначаются? Мне

вспомнились университетские времена и какие-то демагоги из братушек^[111], которых я видел ораторствующими в знаменитом коридоре^[112] среди кучек студентов... Я чувствовал всегда к таким смутьянам полное отвращение!

Соблазненный главным образом божественно ясной, такой *праздничной* погодой, я наконец часов около одиннадцати решил пройтись в сопровождении всей семьи и Стипа поглядеть поближе, что делается на свете. Осталась дома одна Леля. — Мы прошли по нашей 1-й линии до Невы и перешли по льду к Сенату — причем пришлось карабкаться по снежному завалу, засыпавшему ступени гранитной пристани. Оттуда — по Адмиралтейской набережной к Дворцов<ом>у мосту и далее мимо Университета и по 1-й линии домой. Стип бросил нас у Адмиралтейства и отправился, мучимый любопытством, к Невскому. Акица, возбужденная и радостная, настаивала, чтоб и мы пошли с ним, но я успел уже устать и предпочел вернуться. Чего-либо сенсационного мы *не видели*, но когда мы шли по зигзагами протоптанной между сугробов тропинке по льду через Неву, то *слышали* несколько, и даже *много*, выстрелов; казалось, что стреляют у Академии художеств. На обратном пути по реке катилось эхо далекой тяжелой пушечной пальбы. На углу 1-й линии и набережной мы присоединились к кучке, читавшей ходивший по рукам бюллетень, озаглавленный «Известия». Это единственное, если не считать лоскутка, сунутого в руку нашей кухарке, виденное за всю прогулку печатное слово. В этих «Известиях» имеется сообщение с фронта, а за ним распоряжение Временного правительства: текст приказа о роспуске Гос. думы (уже показалось сегодня странным увидеть подпись «Николай») и тексты двух телеграмм Родзянки^[113] царю с предостережением об «опасности для династии». Так как листок был один и обладатель его вскоре скрылся, то мы его и не дочитали. На улицах и площадях, покрытых снегом и залитых солнцем, все кажется празднично-прекрасным. Уж не предсмертная ли это красота Петербурга? Всюду довольно много слоняющегося народу, но все же это не грозные толпы, а, скорее, обыкновенные прохожие, а то и группы (человек в двадцать-тридцать) разговаривающих между собой обывателей довольно серого вида. Пока мы шли по льду, нам *никто* не повстречался. Массы погуще столпились только на углу нашей 1-й линии и Среднего пр<оспекта> и на углу Большого про-

спекта. Впечатлению некоторого увеличения людности способствует, вероятно, полное отсутствие каких-либо средств передвижения; всякий, кто обыкновенно ехал, теперь идет пешком. Немало военных и штатских чиновнического типа, но большинство — пролетарии, не столько «форменные рабочие с фабрик», сколько (если судить по виду) приказчики, конторщики, мастеровые; просто же *мужичков* что-то совсем не видел. Один раз мы видели, как рядовой солдат вытянулся перед генералом, но вообще это уже не полагается*. Солдаты и офицерство разгуливают по большей части невооруженные, но попадаются и солдаты, очень демонстративно шеголяющие кто винтовкой, кто шашкой. У Адмиралтейства и у Академии наук нам повстречались группы юнкеров-артиллеристов. Большинство прохожих имеет озабоченный, насупленный вид. Выражений *радости*, во всяком случае, мы нигде не встретили. Никаких кликов, если не считать жиденьких «ура!» «для проформы», вызываемых проездом «революционных колесниц». С деловитым видом, точно доктора, спешащие на тяжелую операцию, шла целая вереница курсисток из Университета — каждая с огромной краюхой черного хлеба, которые они забрали где-то для питательного пункта. Но замечательно то, что нескончаемые хвосты продолжают с прежней покорностью дежурить на морозе у дверей булочных и мелочных лавок. Издали их легко принять за митинги, но, приблизившись, видишь свою ошибку. Какого-либо сочувствия низвергнутому правительству мы тоже нигде не встретили, если не считать двух свирепого вида унтеров дворцовой полиции, которые дерзнули выйти на улицу в полной парадной форме и с грудью, увешан-

* В этот день (или на следующий?) я видел в руках одного обывателя лоскуточек бумаги с напечатанными на нем пунктами нового воинского устава — то был пресловутый Приказ □ 1^[114]. Никакого особого значения я в тот момент этому приказу не придавал, да и видел я его только в этом *одном* экземпляре. Нигде на стенах он не был расклеен. Возможно, что на фронте это было иначе... Тогда говорили, что эти параграфы были выработаны в полках и лишь окончательно редактированы в Таврическом дворце. Роль автора их была приписана (приятелю Кавосов адвокату) Николаю Дмитриевичу Соколову, но он всегда решительно отказывался от какой-либо инициативы в этом деле. Он-де не мог отказаться «в качестве специалиста по формулировке» от редактирования того, что ему сунули в руки и что его просили просмотреть. Через день или два уже последовала отмена этого приказа и замена его чем-то менее революционным и несуразным. Действие, однако, именно Приказа □ 1 было, говорят, сокрушительным.

ной знаками отличия. В них чувствовалась какая-то готовность хотя бы и «умереть за батюшку-царя». Стоя на углу у Адмиралтейства, они так и впивались глазами в прохожих, как бы даже *вызывая* какое-либо изъяснение чувств, им противных. Я заметил, что у одного из этих служак в руках был какой-то медный прутик. В Крепости, на мачте, что высится над восьмигранным угловым павильоном, развевается не царский штандарт, а флаг необычайного вида и «как будто» красный. Кока вздумал уверять, что это английский флаг, и у меня даже возникла с ним на этот счет коротенькая ссора.

Дома мы узнали от прислуги, что разгромлен участок на Большом проспекте и как будто много городских в разных местах убито. Все же часть этих несчастных продолжает сидеть на чердаках и оттуда постреливать из пулеметов, — это все обреченные жертвы идиотского плана Протопопова^[115]. Естественно, что нигде никаких охранителей общественного порядка не видно, и это «ужасно необычайно» для нашего «полицейского» Петербурга. Жена нашего швейцара уверяет, что решительный день будет завтра. Ожидается прибытие «государева брата» (Вел. Князя Михаила Александровича), и в то же время ходит слух, что будет произведена основательная реквизиция всех «запасов» у частных лиц. К сожалению, перестал действовать телефон, а то уж наверное мы бы получили ценнейшие сообщения и от наших друзей, разбросанных по всему городу, а самые сенсационные (и верные) от Палеолога — ведь он, наверное, мучается, что не может поделиться всем тем «историческим», чему он сейчас свидетель и что он по-своему (и совсем не глупо) характеризует. Леля, выходявшая отдельно от нас, читала (наклеенное на стене) воззвание (от кого?), в котором жителям гарантируется безопасность и сохранность имущества. Плохой знак, если считают нужным (кто это считает? какие власти?) об этом говорить.

В общем, у меня впечатление как-то двоятся. Много из того, что видишь и слышишь, носит слишком случайный, бессвязный характер. Многие беспорядки, несомненно, не имеют какого-либо революционного смысла и вызваны паникой и негодованием при ощущении ныне уж *несомненно наступившего голода!* Но, может быть, многим руководит и чья-то воля.

Электричество и водоснабжение все еще, слава Богу, действуют (и ни на минуту не переставали действовать), и это, во

всяком случае, *добрый* знак. Но магазины все закрыты, и торгуют лишь мелочные лавочки.

Около 4 часов я снова вышел и у нашего подъезда встретил Акицу и Атю, которые вышли раньше и уже возвращались, подцепив где-то чету Лебедевых. С первых же слов я понял, что с последними сейчас не только противно, но и *опасно* говорить на улице. Анна Петровна несет что-то очень путаное, он же громко высказывает свое негодование на «товарищей», яростно критикует лозунги социализма и восторгается: Родзянкой! Это полбеда, — хуже, что тут же поется знакомая песенка про немецкую агитацию, причем особенно С<ергей> В<ладимирович> обвиняет *русских* немцев (этих лояльнейших и преданнейших русской монархии слуг!). Вывод ясный — надо биться до конца! Долой немецкое засилье! Я не ожидал, что он до такой степени *глуп*. Этих людей, ослепленных пробужденной в них благодаря войне алчностью (война превратила С.В. Лебедева из бедняка-интеллигента в зажиточного человека), ничего не исправит, и они доведут дело до окончательной катастрофы! Нагнал же Господь такую волну повального безумия!

Оставив Лебедевых, я отправился один на разведку. Мне очень хотелось найти второй выпуск «Известий», но его уже всего расхватали. Не удалось даже толком прослушать чтение его вслух в одной из многочисленных небольших группок, обсуждавших события по панелям Николаевского моста и на Благовещенской площади. Вообще, меня поражает неорганизованность такого важнейшего рычага революции, как *пресса*. Комическое и даже жалкое впечатление производят, напр., такие сценки: барышня — вероятно, курсистка — *булавкой* силится приколоть к стене гектографированный листок (меньше странички школьной тетради), призывающий «товарищей» к порядку; а на Конногвардейском бульваре листок каких-то неофициальных «Известий» прикреплен также булавкой к коре дерева. Я застал момент, как его по складам старался прочесть какой-то простолудин, а кучка не то дворников, не то писарей с унылым видом его слушала. Всякий видит в соседе провокатора, сыщика или просто политического врага. В этих «Известиях» уже говорится об отобрании в казну земель духовенства, помещиков и «удельных» (*apanages*), требуется введение 8-часового трудового дня и т.п. Правительство считается окончательно рухнувшим. — С Благовещенской площади видно

было, как вдалеке языки пламени, прорвавшись из зияющих окон Литовской тюрьмы, лижут ее стены — я собрался было идти смотреть туда, но в эту минуту из-за церкви грянул резкий залп. Я предпочел повернуть в другую сторону. Поразило меня, что никакой сенсации эта стрельба в «беседовавших» на площади людей не вызвала. Видно, все уже «привыкли» к такой остротке и не считаются с ней. Иным казалось, что стреляли сверху, из одной из боковых глав Благовещения^[116]. — Пройдя несколько шагов по бульвару, я издали поглядел, как пожарные тушат пылающий особняк министра Двора гр. Фредерикса (его-то за что?), и вышел через Замятин переулок (мимо бывшей квартиры Дягилева — ах, как жаль, что его здесь нет!) к Неве и оттуда через лед домой. Своего намерения посетить Гессена, который меня звал по восстановленному телефону, я не отважился исполнить: пришлось бы <в> такую даль плестись пешком! Да и небезопасно (у Гессена собралось несколько человек, и среди них С.С. Прокофьев со своей матушкой). — К этому моменту (было около 5 ч.) вечером солнце уже совсем померкло из-за дыма пожаров, и все приняло сразу какой-то угрюмый и даже угрожающий вид. Из наших окон видна почти вся панорама. Столб черного дыма третий день как возвышается над тем участком панорамы, где находится Окружной суд; другие, и более близкие, очаги: дом Фредерикса и Литовский замок^[117]. Кроме того, перед каждым полицейским участком горит костром бумаг его архив вперемешку со всяким добром (якобы награбленным), что вытащили из казенной квартиры только что еще всемогущего пристава. Наш полицейский участок на Большом проспекте совсем опустошен, а сам пристав добит почти до смерти (у него репутация большого взяточника). В помещении участка, по словам прислуги, найдена масса муки, сахару, окороков, сапог и т.д. Возможно, однако, что часть этих запасов предназначалась для нужд нижних чинов. Костры перед участками питаются пачками всяких «дел», частично переплетенных в фолианты, и — в громадной массе — ненавистными паспортными книжками! Характерно, что наша деревенщина Мотя сначала очень испугалась беспорядков и даже горевала, зачем не уехала к себе в Воронеж, а как поглядела вместе с другими прислугами, как расправляется народ с полицией, так вернулась домой вся сияющая. «Теперь я уже не боюсь! Это хорошо! Нет, теперь я не боюсь!..»

Стип сегодня не появлялся — видно, все время бродит по улицам. Вечер прошел совершенно спокойно. Зарева больше нигде не видно. К 10 ч. телефон совсем наладился, и я позвонил к Гессену. Ничего нового сверх того, что уже стоит в разных листках, он мне не сообщил. Звонить же к знакомым, уже вошедшим в состав правительства, ему не хочется, так как им и без того тяжело приходится. Видимо, добрый Иосиф Владимирович не на шутку перепуган и сам никуда кандидатуры своей не выставляет. До смерти перепугана и бедняжка княгиня Н.П. Горчакова, позвонившая к нам после одиннадцати: «Что это будет? Скажите, А.Н., что это будет?» У мужа ее несравненно более бодрый тон. У них было реквизировали автомобиль, но они уже получили его обратно — *moyennant une combinaison pecuniaire*¹ — через посредство своего шофера. Судя по всяким разговорам и слухам, уже начались какие-то разногласия среди наших новоиспеченных жирондистов и якобинцев^[118]. Юридическая же природа образования Совета рабочих депутатов^[119] пока еще совсем не выяснена. В каком отношении он находится к Гос. думе, все еще что-то как будто представляющей, и к Временному правительству? Это нечто вроде государства в государстве или правительства в правительстве. С другой стороны, утешительно то, что как раз в призывах этого Совета много благоразумия и умеренности. И еще трудно сказать, насколько заверения, что «мы будем биться до конца», не политический bluff для успокоения союзников и для острастки Германии, а главное — для выигрыша времени. Или наш старик (Милюков) всерьез собирается продолжать проигранную игру. С него все станет.

За чаем взывал к своим, чтоб они были более сдержанны и осторожны в изъявлениях своих симпатий и антипатий. К сожалению, менее всего этим моим призывам поддается сама моя Акица. Чувствую, что нашу Кулечку обуревают некий энтузиазм. Причем она многое принимает вкривь и вкось — и так именно, как того бы хотелось ее золотому сердцу. С моим житейским опытом она совсем не желает считаться (ее старый и в своем роде *милый* грех!). Даже сердится на меня за мой холод, за «преступное равнодушие».

¹ Благодаря денежной комбинации (*фр.*).

Среда, 1/14 марта

Сегодня я не выходил, потому что валил густой снег и дул резкий ветер. Это производит особенно удручающее впечатление после вчерашней «праздничности». Кое-что от «второго дня Революции» мы *видели* и не выходя из дому. Утром к нам во двор посыпались пули. Это продолжают стрелять полицейские, посаженные еще распоряжением Протопопова на колокольню лютеранской церкви Св. Михаила (на углу 3-й линии и Среднего проспекта), и Акица даже видела, как, ударяясь об брандмауэр соседнего дома, они в ней выбивали «вспышки» снега. Дворник отказался на это время носить по квартирам дрова... Вообще же, замечательно, что, несмотря на отсутствие полиции и «невидимость» новообязанной милиции^[120], кое-что по уборке в городе все же производится. Я даже видел из окна, как «мужички» сгребали у нас на улице кучу снега на воз! Вообще же, из окон можно удостовериться, что улица совсем успокоилась, и телефонные сообщения из разных концов города подтверждают, что всюду наступила передышка. В 11 ч. пришли Браз и Аллегри — оба почти сияющие и даже на радостях принявшие какую-то прокламацию, подписанную Родзянко, за объявление «Республики». Спрашивается, чему они радуются? Им-то какая польза будет от того, что у нас вместо упадочной монархии водворяется хаотичная республика? Тут же Аллегри рассказывает вещи вовсе не веселые. Он собственными глазами видел, как жестоко расправлялась с околочным, жившим в их доме, «озверевшая толпа». В конце концов несчастного убили, и труп его пролежал несколько часов на улице. Аллегри главным образом радуется тому, что продажа хлеба «пошла бойчее» и хвосты, благодаря распорядительности и энергичному понуканию приставленных к ним солдат, [продвигаются с небывалой быстротой «парижской очереди у трамваев»]. Браз рвет и мечет по адресу полиции, с которой у него, как у еврея, вероятно, были какие-то свои счеты. С другой стороны, каждый из них рассказывает по анекдоту (едва ли вполне достоверному), рисуящему добродушие и здравый смысл (пойдет теперь эта идеализация «народа») солдата. Браз, кроме того, рассказал, со слов одного гардемарина, в больших подробностях про взятие штурмом Морского корпуса^[121]. Кадеты вняли, несмотря на республиканский дух

воспитателей, призыву преданного монархии директора Карцева, и когда первые солдаты прорвались на лестницу училища и собирались вступить в переговоры, то набросились на них и даже двоих «подняли на штыки». Но вслед за этим начался усиленный обстрел (эти выстрелы мы и слышали вчера, когда переходили через Неву), и училищу пришлось сдать. Аллегри видел, как Финляндский полк в полном составе и со знаменем впереди переходил через Николаевский мост, направляясь к Гос. думе*.

Стип Яремич отыскался к обеду. Его мы по телефону искали всюду, и даже у Тройницкого — у которого действительно оказалась... его жена! Сам же Стип забрел, встретившись со Щавинским, к нему на завод, предварительно посетив наиболее их интересовавшие кварталы. Выйдя от Рериха** часов около двух, он чуть было не угодил под обстрел из пулеметов, паливших откуда[-то] с крыш соседних домов. У Аничкова моста биваком, прямо на улице, расположилась большая масса солдат (ораниенбаумцев?); по словам Стипа, «получился совершенный Калло^[122]». — Кроме Стипа, к обеду подошли Эрнст и Шейхель. Последний в состоянии чрезвычайного возбужде-

* В «Записках» Comte de Chambrun [графа де Шамбрена (фр.). — *Перев.*] под этим числом (14 марта) читаем:

«Le son du canon me réveille, mais le bruit est lointain. Journée de ralliement; chacun se hâte de faire acte civique et même le Grand Duc Cyrille (et pourtant l'Empereur est encore sur le trône), musique en tête, le drapeau rouge en vent se rend au palais (à la tête de son régiment, au Palais de Tauride pour être harangué et félicité. On me dit que le Grand Duc Nicolas Michel est revenu de l'exile, méconnaissable en civil la barbe rasée. Il attend son heure. Goremykine arrêté du lit, met son cordon de S-te André en bandouillère autour de sa pelisse» [«Меня разбудил пушечный залп, но шум был вдалеке. День присоединения; каждый спешит совершить гражданский акт, даже Великий Князь Кирилл (хотя император все еще на своем троне) с музыкой, с красным знаменем, развевающимся на ветру, прибывает в Таврический дворец во главе своего полка, чтобы к нему обратились с речью и поприветствовали его. Мне сообщают, что Великий Князь Николай Михайлович возвратился из ссылки, он неузнаваем, в штатском, со сбритой бородой. Он ждет своего часа. Горемыкина вытащили буквально из кровати. Он завязал ленту ордена Святого Андрея прямо поверх своей шубы» (фр.). — *Перев.*]. Он же записывает, что видел, перегнувшись через гранитный парапет набережной, труп генерал-лейтенанта Стакельберга, лежащий на льду. Говорят, что был расстрелян по ошибке мятежниками, проникшими в его квартиру и принявшими его за генерала Кноринга, состоящего при особе Вел. Княгини Марии Павловны. А его — за что?»

** Жившего в доме Общества поощрения художеств при помещении школы, на Мойке, у Синего моста.

ния. В нем чувствуется какое-то торжество («за все племя»), однако все же нерадостное. — В ночь с понедельника на вторник он лично принял участие в осаде казармы Флотского экипажа у Поцелуева моста, откуда навстречу осаждавшим рабочим и солдатам палил пулемет, — вследствие чего осаждающим пришлось лечь на снег, прячась за гранитным парапетом у моста. У Шейхеля имеется и свой рассказ про арест какого-то господина. Гессен по телефону рассказал мне про разгром гостиницы «Астория» (там как раз остановился Бомон!). Обитатели после ее «сдачи» перебрались в недалеко от нее отстоящий дом Итальянского посольства (бывший мраморный дворец Демидовых, позже князя Ливен), а оттуда по соседним частным домам. Таким образом, и Набоковы (их дом через три дома от дома Итальянского посольства) приютили шесть или семь человек, среди которых оказались и А.А. Савинский, и одна американка с детьми. Куда перебрался Бомон, мне неизвестно. — Стип принес несколько печатных листков, среди них «Известия солдатских и рабочих депутатов»^[123], которые до сих пор мало распространены. В них интересная передовая, указывающая на разногласия в правительстве, о которых вчера уже ходили противоречивые слухи. — Электричество не горело до наступления темноты.

Четверг, 2 / 15 марта

Снова ясный день. На улице спокойно, но трамваи еще не ходят. Поработав немного над «Летом», я отправился вместе с Акицей и Кокой на далекую прогулку. Всюду довольно много всякой публики, но уже гораздо меньше «демонстративных автомобилей». Масса вооруженных ружьями солдат бредет с бесцельным видом. У каждого алый бант на рукаве, а кокарда на фуражке заменена красным лоскутком. В одной из кучек на набережной Невы вслух читались «Известия» (все еще редкость). Тут мы узнали о задержании Государя где-то у Болого-го^[124]. Тотчас же во мне проснулась острая тревога за Царско-сельский дворец. Вообще, особенно страшно за все памятники, которые так или иначе «причастны к царизму». Мы дошли до нашего родного квартала «у театров». Стены Литовской тюрьмы («замка») представляют самое печальное зрелище. Белая штукатурка над каждым окном запачкана следами черного дыма

и почему-то точно помазана пестрыми мазками — желтыми и рыжеватыми. Браз видел пожар тюрьмы вблизи. Удивительно было, как во время того, что горело все внутри, оттуда с чрезвычайной поспешностью выносились большие запасы провианта, грузились на грузовики и увозились. Тут же мы повстречались с моим сотрудником в «Речи» Блюменом, который с гордостью сообщил, что «Известия» печатаются в *громдном* количестве экземпляров — в пятидесяти тысячах — точно это<го> достаточно, когда ни одна другая газета не выходит. — У лавок длинные хвосты (раза в четыре длиннее, чем в начале зимы), но объясняют это тем, что получилась временная задержка в поставке продовольствия и в то же время *выросла запасливость хозяек*. На одной из лавок Литовского рынка наклеен призыв к спокойствию и к *бережливости*. Местами расклеены призывы к спокойствию, подписанные петроградским общественным градоначальником профессором Юревичем*. Выставка «Союза художников» в фойе Интимного театра на Крюковом канале (в бывшем манеже Половцова), куда мы по наивности отправились, оказалась закрытой ввиду реквизиции помещения под какую-то воинскую часть. При общем настроении какого-то благодушия свирепый вид часового, охраняющего вход, показался уже странным. — Наконец, зашли мы и в наш прародительский дом^[125] на улице Глинки и поднялись к милому Альбертюсу. Он, видимо, уже и думать перестал о своих службах и напялил себе алый бантик. Очень настаивал, чтоб и мы такие себе нацепили — для безопасности. Ни единым добрым словом и он не упомянул о царе. Меня вообще поражает, что ни в чем не выражается *какое бы то ни было впечатление* от низвержения самодержца, «помазанника Божьего»! Точно это<го> и не произошло, точно никогда никто в России не царствовал. Все принимают известие об его задержании, об его аресте как нечто *давно ожидаемое и естественное*. И не слышать о каких-либо самоотверженных героических выступлениях «наших роялистов^[126]». — На Екатерининском канале у Львиного пешеходного мостика против дома выгоревшего Полицейского архива (охранки?) целая гора

* Особенным убожеством поразило меня какое-то объявление, написанное кое-как на клочке бумаги и приколотое булавками к двери *самого градоначальства*. Перед этой дверью толпилась масса офицеров — приглашенных в чем-то расписаться.

всяких бумаг, видимо выброшенных три дня назад из окон и так с тех пор так и лежащих. Среди них кучи (ненавистных) паспортных книжек, частью погоревших или истлевших, частью новехоньких и лишь по<д>моченных снегом. Прохожие эти документы подбирают и читают, потом снова бросают. Приставленный часовой никак не реагирует. И я поднял несколько «дел». Оказалось, что это все прошения, обращенные к градоначальнику, или какие-то распоряжения по постройкам. Сама «наша» Казанская часть вся выгорела по Офицерской и по Каналу* и еще дымится; однако каланча стоит, а с ее макушки развеивается красный флаг. Дошли мы и до «Астории» (на углу Исаакиевской площади). Гостиница по нижнему этажу заколочена, однако очень небрежно, и солдаты влезают в нее и вылезают, чуть отодвинув две доски. Местами видно внутренность ресторана; солдаты бродят в поисках, не найдется ли еще, чем поживиться. Никакой охраны я здесь не заметил (вообще, милиция, о которой много разговоров, покамест, скорее, миф!). На значительном расстоянии от «Астории» пахнет вином и разбросана масса битых бутылок. Мебель свалена кучами, но люстры по-прежнему висят, как будто не попорченные. Фасады испещрены пулями, и курьезно, что стекла в окнах не проломаны, а точно очень аккуратно продырявлены круглыми дырками. На Морской с нами повстречался продолжающий сиять Браз, со своей собачкой таксой, а у Александровского сада Валечка. — Вчера последнего и его братца Ричарда чуть не арестовала партия солдат, обыскивавшая весь дом № 12 по Галерной. И уже их повели на допрос в Гос. думу, но затем им все же удалось освободиться. С крыши соседнего с ихним дома (там, кажется, помещалось какое-то полицейское учреждение) стреляли, и подозрение пало, что это именно эти два буржуа с иностранной фамилией занимались подобным делом. До ареста к ним во двор (со стороны Конногвардейского бульвара) ввалилась масса народа, которая, увидав братьев Нувелей в окне, грозила им расстрелом. Отпустив Нувелей, самозванные блюстители Общественного Спасения вознаградили себя арестом «немца» — старика барона Иксуль, проживающего под Нувелей.

* В угловом здании Екатерининских времен на Канале жил многие годы мой двоюродный брат, участковый врач Л.Л. Бенуа. В этом же здании в начале XIX в. помещалось Театральное училище.

лями (в бывшей квартире Философовых). Его потащили в Тавриду^[127], и уже оттуда Родзянко телеграфировал дочерям барона, что произошло печальное недоразумение и что отец завтра вернется. И сегодня к Нувелям снова явились солдаты в сопровождении какого-то мальчишки в штатском, все время размахивавшего револьвером. Эти «товарищи» требовали «выдать им оружие», однако удовольствовались дрянной студенческой шпажонкой Валечки, сохранившейся, как реликвия давно минувшей юности. Бедная, почтенная матушка Нувелей Матильда Андреевна совсем разволновалась, мальчишка же прикрикнул на нее и обратился к сыновьям: «Уймите же свою старуху, не то мы ее *заставим* замолчать»*. — Наконец, подходя уже к нашему дому, мы встречаем художников Гризелли и Натана Альтмана. Последний целыми днями торчит в Думе (во всех еврейх сейчас проснулось чувство, что вот решается *их* национальная судьба. Сейчас Альтман обеспокоен — как бы правительство не распалось). От них и от других я слышал разные варианты о том, как при помощи частных лиц милиция «снямала» с чердаков и тут же убивала самосудом городских. Нарбут, выйдя из дому, где он теперь живет один без жены — жена уехала на Украину (в Глухов?), — заметил прицеливающегося в него человека из слухового окна противоположного дома. Как раз мимо проходил отряд солдат, и несколько из них поспешили подняться, схватили этого несчастного и, вероятно, за углом покончили с ним. — Другой рассказ, Казы Розы. На чердаке над квартирой ее подруги, пианистки Миклашевской, были слышны шаги и возня с чем-то тяжелым; Миклашевская дала о том знать милиционерам, те поднялись, и тотчас затем она увидела, как мимо ее окна летел вниз головой городской. Та же Каза Роза, идя с Яковлевым по Кирочной, была свидетельницей, как броневик стал без предупреждения палить по верхним этажам и по крышам домов. Чуть не сделалась жертвой шальных пуль вся семья И.М. Степанова, случайно покинувшая угловую комнату своей квартиры, в окно которой как раз <в> этот момент ударил град пуль. Очевидно, стреляли откуда-то с крыши Александровского рынка в сосед-

* И к нам во время моего отсутствия приходил вчера солдат, очень осторожно и «деликатно прогулявшийся» по всем комнатам и вышедший вполне успокоенный.

ние Измайловские казармы. Часть пуль даже пробилась насквозь стену угловой комнаты Степановых и вонзилась в стену кабинета Ивана Михайловича. — Вечером мы с жадностью прочли последний выпуск «Известий журналистов»^[128], который кто-то из наших с трудом раздобыл. Гессен по телефону подтвердил известие, что состоялось соглашение между Советом рабочих депутатов и Гос. думой по вопросу о министерствах^[129]. Избраны, под председательством кн. Львова (он же министр Внутренних дел): Милюков (Иностр. дела), Шингарев (Земледелие), М.И. Терещенко (Финансы), Ковалевский (Просвещение) и (пожалуй, самое важное) Керенский (Юстиция). Зато продолжают разногласия в самой рабочей среде. — Упорные слухи ходят о взятии немцами Двинска и даже Риги; с другой стороны, пронесся слух, что в Германии революция. Добужинский побывал вчера у Гос. думы. Там неопишуемый хаос. Все время подходят войска — на присягу новому строю. Их с великим трудом удается задерживать снаружи и не пускать внутрь. Протискавшись под самый портик подъезда, Добужинский слышал речь Милюкова, которого солдаты подняли на руках. Основной мотив речи — *продолжение войны*: нужно довести раз начатое дело до конца, а для того нужны порядок и дисциплина. Видно, и сейчас он будет упорно «сражаться за Царьград!» Говорил он гладко, но, по отзыву Добужинского, очень *скучно*. По всему городу продолжают<ся> поиски самозванными охранниками оружия. Такая партия ворвалась и в особняк к Оливам. Но Михаил Сергеевич не оробел, не растерялся, а накричал на них и так и не отдал им своей кавалерийской шашки. Были такие мальчишки-искатели и у Раткевича — шумели, бушевали, а затем постыдно ретировались — после того что один из них, размахивая браунингом, нечаянно прострелил руку товарища. — Сейчас (около полуночи) на улице совсем тихо. Тем не менее у всех настроение кислое, и даже моя жена утратила несколько своей бодрости.

Пятница, 3/16 марта

Снова чудный ясный день — сильный мороз. Начался день с того, что неврастеничка Дуня, со слов кухарки Аннушки, сообщила, будто Думу уже разогнали и теперь все будут драться

между собой. Интуитивная антиципация¹? Вчера из того же источника (я записываю, хоть и нельзя этого делать, — записываю, ибо это очень характерно для настроения в низах, в широких массах) мы узнали, будто убита балерина Кшесинская, а на Петербург движется целая масса войск: 16 000 казаков и три полка. Для отпора им двинуты к вокзалам вооруженные рабочие. Родзянко бежал!

Встал кислый. Ничего не хочу делать. Плафоны опротивели, даже возникла мечта — авось переворот освободит меня от непосильных обязательств*. Приходят и такие мысли — вожделенные: авось революция, ее *настроение*, ее идеи дадут мне мужество вообще освободиться от всего, что так или иначе основано на чем-то, что я про себя характеризую словами: «Писать Сатурнов и Меркуриев для золоченых потолков в кабинетах всяких директоров». Это разве достойное занятие? И мерзость — вся эта подделка под какой-то стиль, под старину, под нечто, чем я могу любоваться, но что мне в основе своей несвойственно! С другой стороны, разве такое освобождение для меня лично не запоздало? И разве можно ожидать, что «оковы типично буржуазной культуры» в ближайшее время будут сброшены и вместо них воцарится для искусства чудесная, человеческая свобода? Не направляемся ли мы вообще сейчас к еще горшему рабству?

Однако и помимо всего такого *лично* я глубоко встревожен всем и за всех. У меня противное чувство, что мы куда-то *катимся* с головокружительной быстротой! Всего неделю назад мы жили в самой что ни на есть «абсолютной монархии», а ныне мы чуть ли не в «федеративной республике»! Не то надо радоваться такой перемене, а не то — мы ударимся в какой-то хаос, из которого не выбраться... Происходит, шутка сказать, *экзамен русскому народу!* «Альтернатива колоссального размаха!» Или народ обнаружит свою пресловутую, на все лады прославленную *мудрость*, и тогда он не только сумеет убедить свою культуру, но даст ей еще решительный толчок, или

¹ От *фр.* anticipation — предвосхищение.

* Эти пожелания и исполнились. Правда, в 1922 году (и тогда, когда уже сам бедный Н.К. ф<он> Мекк давно уже был расстрелян) Таманов прислал из Москвы человека, который забрал мои холсты (мы уже переехали тогда на улицу Глинки, в прародительский дом), но дальше я ничего не слышал о судьбе моего плафона¹³⁰¹.

в нем возьмет верх начало разрушительное — «Грядущий Хам» (все те элементы в характерно русской жизни, которые меня всегда коробили) — и тогда сначала хаос, а там и возвращение в казарму, к Ивану Грозному, к Аракчееву, а то и просто — к Николаю II! Именно предвидится экзамен русскому народу, этой тайне, которая вот тут, под боком, точнее, которая окутывает нас со всех сторон и частями которой мы сами состоим, однако которую мы распознать не в силах: ни я, ни все мы, интеллигенты вместе взятые. Да и никто никогда *не знал*, что это такое — «народ», а лишь ощущал как некий символ, причем делались чудовищные ошибки и в ту, и в другую сторону... И вот эта-то тайна (даже оставаясь как бы инертной) явится теперь вершительницей не только наших узкорусских дел, но и судьбы всего мира! В такие дни, как те, которые мы сейчас переживаем, соблазн какого-то безотлагательного решения таких вопросов встает с неистовой силой; тайна мучительно приковывает к себе внимание. Лик русского народа то улыбается восхитительной улыбкой, то корчит такую пьяную и подлую рожу, что только и хочется в нее плюнуть и навеки забыть о таком ужасе!

Больше всего я разволновался сегодня во время редакционного заседания в «Речи». Мне вообще свойственно все принимать как-то символически; вот и это сборище не Бог знает сколь талантливых, далеко не очень умных и чудовищно близоруких людей, в то же время беспредельно самоуверенных, самодовольных и изворотливых, — показалось на сей раз *страшным!* И страшным в каком-то грандиозном, «мировом» аспекте. Ведь *всюду* по миру разбросаны такие же группки, такие же «коллегии», и они все вместе, не ведая, что творят, плетут ту омерзительную паутину, в которой должно погибнуть все доброе и прекрасное нашего быта. Каждый в отдельности член такой «коллегии» может быть добрейшим отцом семейства и примерным гражданином, но всех их сплотила дьявольская идея войны, они эту идею приняли в себя, сделали ее своей, и теперь каждая такая ячейка становится рассадником бедствия, зла, гибели и безумия. Впрочем, сегодня и некоторые из моих газетных коллег даже не показались мне и «мало-мальски милыми людьми». Очевидно, то, что многие среди них только что почувствовали себя какими-то «полнокровными членами человечества» (сегодня появилась декларация о

равноправии евреев^[131]), как-то окрылило их, придало им какую-то особую возбужденность*. И вот все, что они говорили о новой роли освобожденной России в общем мировом деле, носило, благодаря их суетливой приподнятости, очень необычный для нашей газеты *приподнятый* тон. И говорят они не только из-под дирижерской палочки своего принцепала¹ Милюкова, это они так действительно ныне *веруют*. Особенно, впрочем, их подстрекнуло известие, принесенное из редакции конкурирующего органа (тоже в значительной степени состоящего из евреев) — из «Дня»^[132]. Там-де бывшее «пораженческое настроение» сменилось «патриотическим энтузиазмом». Как же в такой момент устоять? Сейчас же и возникла новая формула для выражения позиции газеты: рухнуло-де гнилое царское правительство, которое только и повинно в военной разрухе, и да здравствует молодое думское правительство, опирающееся на народные массы (ведь эти господа мнят себя знаатоками народных масс и их устремлений) и способное повести *«истинно отечественную»* войну! Исчезла опасность, что победа на фронте укрепит «гнет абсолютизма». Тотчас и начались нотки обоснования «обновленной» войны — вспомнилась Франция, «одолевшая в 1792 году гидру реакции»^[133]. Послышались фразы и цитаты из школьных французских учебников — как будто нынешнее положение России, изнуренной тремя годами самой нелепой войны, может идти в сравнение с положением Франции в первые годы революции, как будто вся нынешняя ложь похожа на те порывы, которые бодрили народный дух того времени?

Я просидел все заседание молча, однако «закипая злобой», слушая излияния гг. Клеменса, К. Соколова, Изгоева и др. наших краснобаев. Но милый «грузовик» Туган-Барановский дважды дал мне повод прервать мое молчание — оба раза после его покаянных слов о войне приблизительно такого содержания: «А я думаю, что теперь настало время пересмотреть наше отношение к войне, ибо до сих пор оно в значительной степени было построено на лжи». Оба раза я прерывал свое молчание и «присоединялся к мнению М<ихаила> И<вановича>».

* Из неевреев присутствовали на этом многоядном собрании только я, Туган-Барановский, Кондурушкин, К. Соколов, Тимофеев, Каратыгин и Ростиславов.

¹ От *ит.* *principale* — глава, начальник, правитель, князь.

В свою очередь это вывело совершенно из себя К. Соколова, который заявил, что он-де *никогда*, говоря о войне, «не лгал», а вот он не знает, как ему относиться к людям, которые выступали на тех же страницах, на которых печатались его слова, — к людям абсолютно иного мирозерцания. Кончил же Соколов свою не лишённую эффектности тираду по адресу этих людей французской фразой: «Parlez pour vous, messieurs!»¹ Должно признаться, что при всей накипевшей злобе я не мог отделаться от чувства известной зависти. И дал же Господь такую способность спокойно, связно и даже красиво излагать свое мнение! И до чего же мне в такие минуты досадно (и совестно), поскольку <?> этой способностью не обладаю. Костенея от такой досады на себя, я ничего толкового и не сумел ответить на вызов, а лишь ограничился следующими слов<ами>: «Константин Николаевич прав, бросая мне упрек во лжи, тем самым он дает мне возможность выяснить перед редакцией “Речи” свою позицию. И я благодарен ему за это. Да, я лгал, я брал грех на себя, участвуя в газете, взывавшей к войне, ко всей мерзости войны; отныне же я этого больше делать не буду и потому прошу меня не поминать лихом». С этими словами я бросился к дверям, а за мной своей тяжелой походкой двинулся Туган. Однако нам не дали и до дверей дойти, а дружными усилиями стали толкать обратно, стаскивать пальто, уговаривать. Особенно в этом усердствовали Гессен и Каминька. И в конце концов мы снова очутились в кабинете редактора, и тотчас же состоялось примирение. Сам Соколов, думая, что я «просто обиделся», поспешил повиниться, и при этом даже переборщил, рассказав анекдот из собственной практики: как он в 1915 году, обрадовавшись слухам о предложении сепаратного мира Австрией^[134], написал было очень сочувственную эту статью, но затем опомнился и всю ее переделал после того что Милюков, считавший, что «не время мириться», этого от него *потребовал*. Вот-де и мы не всегда пишем то, что нам хотелось бы! Вскоре после этого все разошлись.

Я действительно чувствую какую-то благодарность Соколову. Его скальпель как бы вскрыл назревавший злокачественный нарыв. Без этой операции я, пожалуй, просто не смог бы продолжать работать рядом с Клеменсом и Изгоевым (и, увы, с

¹ «Говорите за себя, господа!» (*фр.*).

милым моим другом Димочкой Философовым!). Ну, а так, при исключительно сердечном ко мне отношении Гессена и Набокова, я надеюсь, что найду формулу, которая не только мне позволит не кривить душой (этого я и до сих пор избегал), но и даст возможность высказывать<ся> в достаточно прозрачной форме (и под личной ответственностью) о том, что больше всего меня мучает. Если же «они», после сегодняшнего объяснения начистоту и обещания предоставить мне бóльшую свободу, будут все же меня стеснять (Милюков едва ли долго станет терпеть, чтоб в его газете «какой-то художник» смущал столь последовательно усыпляемую совесть русских граждан), то мне придется и вовсе бросить писать! Да я и просто *устал* от обязательства вечно выносить свою душу на люди. С другой стороны, мне и жаль расставаться с «Речью». Куда я пойду? Как-никак «Речь», при всех своих предрассудках, единственная у нас порядочная, приличная, «джентльменская» газета. Вот разве что теперь появится что-либо совсем новое? Но, несомненно, это совсем новое будет узкопартийным, и мне, человеку, органически чуждому всякой политики, — мне не будет в ней места!

Возвращаясь с этого «исторического» заседания, я попал у Аничкова моста в самую гущу манифестации, продвигавшейся по Невскому со знаменем впереди, на котором было начертано «Земля и Воля». На подъеме к мосту манифестанты остановились и спели... заупокойную по погибшим на этом месте жертвам революции. Несколькими дальше встретил Щавинского, который совсем растерян и имеет вид зайца, преследуемого охотниками. Вот те и революционер! В то же время он полон любопытства. В витрине «Русской воли»^[135] уже вывешена панкарта¹: «Николай Романов отрекся от престола» и т.д. Прохожие читают это с видом полного равнодушия. С таким же безмятежным и вяло-деловитым видом какие-то пролетарии, чаще совсем молодые ребята, снимают геральдических орлов, украшавших аптеки и магазины «Поставщиков Высочайшего Двора» (их по Невскому немало), и тут же жгут эти символические скульптуры на разожженных кострах. Один солдат тащил золоченую лапу такого орла в виде булавы. Какой-то мальчишка, подкладывая в огонь распиленные куски орла

¹ От фр. pancarte — плакат, афиша, объявление.

с вывески куафера¹ Молэ^[136], весело и добродушно приговаривал: «Вот тебе, Николашка! Вот тебе!» С такой же деловитостью замазывают белой краской гербы на окнах гофлиферантов*².

На меня отречение Государя производит не столько тяжелое и трагическое впечатление, сколь<ко впечатление> чего-то жалкого, отвратительного. И тут Николай II не сумел соблюсти достоинство. Точно актер, неудачно выступавший в течение долгого и очень утомительного спектакля, теперь сконфуженно уходит в кулису. К сожалению, этот актер неумелыми своими жестами поджег самые подмости — и теперь спрашивается: когда-то они догорят до конца? Удастся ли их восстановить «новой дирекции»? Или на этом месте будет пустырь? А может быть, это все только обман? Едва ли! Дурное впечатление производит, впрочем, и та всеобщая легкость, и та беспечность, с которыми воспринимается самый факт падения самой грандиозной, самой внушительной монархии! И опять что-то нашептывает старую, но уже не внушающую доверия песенку: эта-де легкость — *мудрость*. Будто? А как нет, как нынешние кривичи и вятичи доиграются до необходимости нового призвания варягов? Впрочем, и в таком случае *вера в чудо* — этот ужас русского мировосприятия, — пожалуй, не ослабнет! Да и не разберешь, что означает самая эта «вера в чудо», — означает ли она силу или слабость? Красоту или безобразие? Во всяком случае, изумительно и до предельной степени жутко, что столько крови было пролито, столько жертв заклали во имя «священного принципа монархии», а ныне его сбросили, как старую, ненужную ветошь. Сбросили — и как будто даже забыли?! Впрочем, если сегодня никто не плачет по монархам, то уже завтра наверно поплачут, и даже те, которые сейчас напялили себе огромные красные банты и чистосердечно мнят себя революционерами...

Суббота, 4/17 марта

Очень *выдающийся* в моей личной жизни день. Я покинул свою «хату с краю» и «пущен в коловорот»! Вытащили меня

¹ От фр. *coiffeur* — парикмахер.

* Позже узнал, что сбиты лепные орлы с разных казенных зданий. Некоторые из них были старинные, конца XVIII и первой половины XIX в., и были прекрасны...

² От нем. *Hoflieferant* — поставщик Двора.

Гржебин, Добужинский, Петров-Водкин и больше всего сам Горький^[137]. Я бы предпочел остаться зрителем и в стороне — больно все, что творится, мне чуждо и уж очень отчетливо стал я видеть вообще суетную природу вещей. Но теперь мне не дадут опомниться и на попятный идти поздно. С другой стороны, те перспективы, что передо мной, не лишены даже известной грандиозности! Просыпается и какое-то чувство долга. Много из того, что теперь может сделаться в специально художественной области, может быть сделано лишь при моем ближайшем участии, а то и — руководстве. Вот я взялся за лямку, хоть и предвижу, что вся предстоящая деятельность будет одним сплошным разочарованием! Эх, был бы здесь Дягилев!

Однако расскажу все по порядку. Рано утром телефон от Кузьмы Петрова-Водкина. Приглашает сегодня к Горькому: он-де, Кузьма, был вчера вечером у Алексея Максимовича, и они нашли, что теперь самое время соединиться художникам, обсудить общее дело и (поразительная конкретность и быстрота) наметить кандидата в министры искусства. Даже все уже согласились на том, что министром должен быть Дягилев. После этого я звоню к Гржебину, которого застаю в сборах — ко мне. Оказывается, они с Горьким решили созвать «Учредительное Собрание по вопросам искусства», и он сейчас едет ко мне (Зиновий уже обзавелся реквизированной машиной), чтоб сговориться предварительно о *главном*. Тут же: «Мы вас, Александр Н., прочим на такой высокий пост»; я прерываю его: «Вы же знаете, что я от всяких главенствующих постов отказываюсь»; на это он: «Ну, увидим». Сейчас же вслед за этим диалогом телефон Сомова. Костенька выказывает какую-то совершенно для него неожиданную приткость; он считает, что, ввиду фактического упразднения Министерства Двора^[138], «необходимо нам предупредить другие партии и захватить власть!» (никак не ожидал этого от нашего отшельника). Беру с него слово, что он придет к обеду и что вдвоем отправимся к Горькому. Он-де, Костя, мне нужен для моральной поддержки. Он соглашается. Четвертый телефон от Добужинского. Тот же тон, как Петрова-Водкина, — несравненно менее «патетический». Они-де что-то затеяли и «вспомнили обо мне»: мол, «приходи, Шура, очень будет приятно». Я уже начинаю злиться как на этот тон, так и главным образом на «уже нелепое ведение дела» (ибо Добужинский и прочие уже поспешили приглашать массу людей, прежде

чем выработать или хотя бы наметить какое-либо основное положение, — беспредельное легкомыслие!). Наконец приезжает Гржебин, подходит Добужинский, и мы втроем пробуем составить план действия — в самых общих чертах.

Все остальные часы до обеда уходят у меня на разработку, ввиду предстоящего собрания, этого плана. И первым долгом я составил (для себя) списки желательных, а также нежелательных к привлечению лиц, а также набросал род общего положения к тому ведомству, что объединит все государственно-художественные дела (для этого пригодился тот проект, который я когда-то, в 1905 году, напечатал в «Слове»¹(139)). Наконец я составил конспект доклада, дабы иметь на всякий случай основу для предстоящих словопрений. Костя *пришел*, как обещал, к обеду, однако по дороге (пешком: извозчиков нет) к Горькому раскис и полпелся обратно. По телефонному уговору с Рерихом я пришел раньше всей массы, и мы наспех еще обсудили главные пункты. Часов около <...>¹ начали собираться. Пришли все званые, но пришли и незваные, пришли и такие, которых никто не знал в лицо... Всего набралось свыше сорока человек, и небольшая гостиная Алексея Максимовича оказалась набитой до отказа. Председателем, после того что я наотрез отказался, выбрали Рериха.

Из самого же собрания получилось то, что я и предвидел, т.е. сплошная бестолочь, — достойный сюжет для смехотворной сатиры, но отнюдь не нечто дельное. Рерих крайне аляповато, но и не без диктаторского тона доложил о наших предначертаниях и тем самым сразу создалось впечатление, что у нас уже образован какой-то *заговор*. Что же касается меня, то я своим тусклым тембром (ненавижу звук своего голоса в многолюдном собрании!) скомкал свое воззвание. Зато во всем великолепии своего (подлинного) ораторского таланта развернулся Сергей Маковский, а ему вторил приведенный им Гидони. При этом Маковский для вящего революционного шика обращался ко всем со словами «товарищ» (*il donne du tovaritch à tout proros*²). Оба пытались доказать, что их попечением *спасены* от разгрома Эрмитаж и Музей Александра III*. Благодуш-

¹ Пропуск в рукописи.

² Он говорил («выдавал») слово «товарищ» по любому поводу (*фр.*).

* Тройницкий это решительно опровергает. Правда, они явились в Эрмитаж с какими-то мандатами (такие мандаты в Таврическом дворце выдают всякому, кому не лень просить), но уже к тому времени директору, Д.И. Толстому, удалось вызвать военный патруль.

но-угрюмо забасил Алексей Максимович, несколько раз повторивший фразу «Сами художники должны теперь взять в свои руки охрану музеев» («то, в чем они больше всего смыслят»). Не без наглости понес какую-то демагогическую околесицу длинноносый и длиннородый Эйслер, хвалясь знакомством «на короткой ноге» с важным социалистом, гулко и грубо бранился громадный хулиган Маяковский (в солдатской форме), кусливо набрасываясь на элегантного С. Маковского (причем М<аковский> обнаружил немало подлинного, довольно едкого под добродушной оболочкой юмора), удачно дерзил Фомин, и довольно-таки скучно прожевал что-то Браз. Но, повторяю, совсем не на месте оказался Рерих, а я на него, как на тонкого дипломата, больше всего рассчитывал. Совсем аляповато у него вышло то, как он, торопя, *насилъно* навязал составленный список тех «депутатов», которым надлежало от имени данного собрания отправиться к правительству. Хуже всего, что к этой нашей группе самовольно примкнули непрошеные добровольцы, которых пробаллотировали уж совершенно неряшливо. Не могу сказать, чтоб выступления моих ближайших приятелей заслуживали похвал. Каждый был настроен на какой-то приподнятый лад и, обуреваемый специфическим вострогом, творил одну бестактность за другой. Петров-Водкин произнес длинную речь, скандируя ее частыми ударами кулака по столу, что должно было ей придать «поистине революционный» характер (на самом деле это был набор бессвязных трафаретных формул). Гржебин вел себя гораздо тактичнее, но своей миной «себе на уме» выдавал, что уж *имеется* какой-то предрешенный президиум и какой-то «комплот»¹. Шаляпин, видимо, чувствовал себя совсем неуютно, он тарасил глазами во все стороны, то и делал, что вертел пальцами вокруг ворота рубашки (знаменитый жест в последнем действии «Бориса») и вытягивал шею. Несколько раз он пробовал и произнести что-то, но никак ему не удавалось «войти со своей репликой» в подходящий момент; а там он и совершенно умолк. М.Ф. Андреева набросилась именно на него. Она стала звать, чтоб он *спас* русский театр! Поднял бы его до той высоты, которой требует момент! Чтоб только не давались пьесы, «понижающие настроение». Он же, видимо очень польщенный, важно выслушивал

¹ От фр. *complot* — заговор.

эти исторические призывы и, входя в новую роль какого-то реформатора, милостиво обещал сделать «возможное»*. Был, между прочим, и Таманов, который как будто имел поручение от своего «начальства» (от генерала Е.Н. Волкова?) успокоить собравшихся деятелей искусства насчет участи царских резиденций. Он успел даже произнести небольшой монолог тоном человека, который в чем-то оправдывается. Но вообще он заметно подавлен событиями, которые лично для него едва ли представляются желательными. Едва человек успел вступить на первые ступени той лестницы, которая вознесла бы его до положения какого-то русского Мансара, а тут все вокруг полетело к черту. К сожалению, мы как-то *забыли* его пригласить и забыли включить в группу депутатов (наша забывчивость объясняется царившим на заседании хаосом), и это очень жаль. Александр Иванович хороший и дельный работник, а теперь мы, пожалуй, нажили в нем врага.

Вообще, состав нашей делегации, надо сознаться, очень и очень нелеп. Попали в него, кроме меня, Горького, Рериха и Шаляпина, Гржебин (ну, у него усердия хоть отбавляй; он же горазд доставать автомобили!), Лукомский, Билибин, Нарбут (последние три сами предложили свои услуги), а не попали в депутаты как раз самые желательные: А.Е. Яковлев, С.Н. Троицкий, С.П. Яремич. Как-то остался невыясненным и вопрос относительно Сергея Маковского. Я был уверен, что он (да и Яремич, и Троицкий) был включен, а возвращавшиеся со мной (пешком) приятели утверждали, что Рерих именно его, Маковского, в последнюю минуту по каким-то своим соображениям выключил. И без того упреки в нашей самозванности заслужены уже тем, что собрание было совершенно случайное, наспех сколоченное («когда пожар, то не время вдаваться в какие-то тонкости спасения»), и, таким образом, оно явилось и каким-то фальсифицированным. Лучше было бы обойтись

* Приехала Мария Федоровна из Москвы, где она пережила революцию, и прямо с поезда впрхнула в наше заседание, восторженно что-то восклицая. Однако Алексей Максимович не только не пожелал выслушать ее рассказ, которым она жаждала поделиться, он ничего не ответил на ее приветствие и не дал и нам с ней поздороваться и, наконец, погнал ее вон из комнаты: «Пойди, пойди, тебе здесь не место». *Style russe* [русский стиль (*фр.*). — *Перев.*].

без всей этой комедии! Кстати, во время общих прений обнаружилось, что с проектом министерства искусства уже возятся всюду: и в Академии художеств, и в разных музейных советах, и в частных кружках.

Возвращались мы от Горького по чудесной, трескуче-морозной и ясной ночи большой компанией пешком (всем было по дороге). Компанию составили Саша Яша, Аллегри, Фомин, Коля Лансере и Петров-Водкин. Повсюду — полный порядок. Довольно много патрулей вокруг горящих костров. Нигде никаких криков или ругани. Пьяных вовсе нет (а их за последние дни было много, несмотря на запрещение крепких напитков, — почти столько же, как в эпоху расцвета «монополюшки»). А вообще, все носит какой-то *неправдоподобный* характер, точно сон. И вот опять спрашиваешь: неужто и впрямь русский народ так мудр и зрел? Или этот порядок есть только выражение общей вялости и общей усталости? Мое же личное внутреннее беспокойство почему-то не перестает расти — без каких-либо видимых поводов. Или это я только теперь стал переходить от подсознательных восприятий к сознательным? Или это встревоженность зрителя, отсмотревшего лишь первый акт трагедии, ее «завязку», и мучимого любопытством: что-то будет дальше?.. А как вдруг и его, зрителя, тоже потащут на сцену?

Испортила мне еще настроение телефонная (от Горького) беседа с Серг. Илиодор. Шидловским, товарищем председателя Гос. думы. Я хотел его привлечь в качестве толкового парламентария и тонкого ценителя искусства (сначала я по тем же основаниям обратился к В.Д. Набокову, но он сразу и решительно отказался — его слишком поглотила навалившаяся на него груда дел — он был как раз занят составлением правительственного манифеста), и вот самый тон такого обычно бодрого и отзывчивого Шидловского удивил меня и огорчил. Или это просто тон переутомленного работой и заботами человека, который за последние шесть дней лишь один раз побывал у себя дома? Во всяком случае, этот «обожатель Эрмитажа» тусклым голосом промолвил: «Сейчас не до министерства искусства, когда скоро *просто нечего будет есть*; хорошо, солдаты пока спокойны, но когда им не дадут пайка, что их удержит от погрома?!» Тут же он сообщил, что комиссаром по бывшему Министерству Двора уже назначен Н.Н. Львов — для меня

совершенно незнакомое имя. Выходит, что, пожалуй, наша депутация запоздала и мы явимся в гостиницу, в которой уже нет ни одного свободного номера. Да и гостиница без настоящего хозяина! Как бы не вышло уж *чересчур* глупо! Я, впрочем, продолжаю рассчитывать на Горького и на Шаляпина, даже на его каботинство¹, — последнему уж очень хочется загладить впечатление от его пресловутого коленопреклонения перед царем в Мариинском театре^[140]. В Горьком же как будто заговорило какое-то тщеславие.

Завтра *le grand jour*²: я в составе депутации отправляюсь в Думу!

Воскресенье, 5/18 марта

Один из самых богатых впечатлениями дней моей жизни! Я увидел собственными глазами и как бы нащупал наше новое правительство. Увы! Меня это не успокоило относительно будущего.

Итак, во исполнение намеченного вчера у Горького плана несколько депутатов отправились сегодня, снабженные выработанными (крайне бестолково выработанными) директивами, в Государственную думу, дабы войти — от имени художественного мира — с пожеланиями организационного порядка, направленными главным образом на образование известной системы по охране наших художественных сокровищ. За мной зашел И.А. Фомин, и мы с ним (пешком) дошли до Сергиевской, а оттуда, чудом наконец найдя извозчика, доехали до угла Сергиевской и Потемкинской. В квартире известного врача И.И. Манухина, живущего в предпоследнем доме на Сергиевской (в том же доме, в котором под ним живут Мережковские и Филосовы), было назначено место, куда должны к двум часам сойти все прочие «депутаты», а именно: Горький, Шаляпин, Петров-Водкин, Добужинский и Гржебин. Сойдясь, мы общими усилиями выправили текст нашего заявления, а Шаляпин дважды переписал его, причем хвастал, что в бытность свою писарем он славился почерком. Таковой действительно оказался образцовым — четким, ясным, но до странности именно образцовым

¹ От *фр.* *cabotinage* — кривляние, притворство; слово образовано от имени Каботен (*Cabotin*) французского артиста (скверного) XVII в.

² Большой день (*фр.*).

писарским! Закусив и выпив чаю, мы отправились сам-семь в Думу, находящуюся в непосредственной близости от обиталища Манухина. Пока мы шли, с нами поравнялась одна из манифестаций (это стало обычным явлением петербургской улицы) со знаменем «Земля и Воля», угрюмой процессией продвигавшаяся в том же направлении — к Думе. У самого Таврического дворца улица запружена ожидающими автомобилями, у каждого флажок с красным крестом; ворота в низкой ограде оберегаются тремя солдатами, которым Горький издала помахал своим пропуском, после чего они распорядились дать нам дорогу сквозь осаждающую ограду толпу. Несмотря на такую предосторожность, широкая площадь перед дворцом оказалась густо наполненной людьми, обладающими, очевидно, такими же пропусками и явившимися сегодня по самым разнообразным своим делам. И получилось что-то вроде биржи, впрочем не особенно шумливой. У самых колонн портика среднего корпуса свалена огромная куча мусора: пустые коробки от консервов, банки, всякие бумажки, объедки — это отбросы трехдневного питания засевших в своей цитадели парламентариев. Пришлось через эту кучу перелезть. Под колоннами совсем тесно, хотя непрерывно прибывающих манифестантов туда и не пускают, а заставляют (отряд солдат, вооруженных штыками, заставляет) проходить мимо по двору в стороне от подъезда. — К манифестантам то и дело, несмотря на холод, выходят из дворца думские люди под открытое небо и обращаются к ним с речами. Неумолкаемо трещит аппарат кинематографической съемки. В дверях, ведущих внутрь дворца, давка. Караул солдат с большим трудом сдерживает напор. Цепляясь друг за друга, мы все же добираемся до дверей и проникаем внутрь. В перистиле перед ротондой снова караул и еще по караулу у дверей в боковые камеры. Густой смрад и туман от пыли и испарений стоит в ротонде, где биваком, прямо на полу, расположился значительный отряд солдат. — Ротонда, видимо, служит антикамерой знаменитого Совета Рабочих Депутатов. В перистиле сутолока невообразимая: солдаты, чиновники, сестры милосердия, мужички в тулупах, горничные с подносами чая, телефонистки и переписчицы, офицеры, журналисты, — все это снует в разных направлениях или топчется на месте. Впечатление вокзала на какой-либо узловой станции. Через несколько прекрасных, но совершенно загаженных комнат надворной стороны мы попадаем в широкий, слабо

освещенный коридор. Тут Горькому, после некоторого ожидания, удастся с помощью встретившегося знакомого провести нас в обширную комнату □ 48, где тоже много народу и где нам приходится, уже уставшим, так и не снявшим <ни> калош, ни шуб, ни пальто, с четверть часа топтаться в виде «жалких просителей». За канцелярскими столами здесь сидят усталые, плешивые господа помещичьего вида, вяло прихлебывающие чай и вяло между собой беседующие. На нас ноль внимания; лишь на минуту грандиозная фигура Шаляпина возбуждает некоторое в них любопытство. Наконец от одного из столов отделяется тучный, холеный и добродушный типичный «барин» и, отрекомендовавшись: «Петр Неклюдов», спрашивает, что нам угодно. Узнав, в чем дело, он удаляется в дальнейшие глубины с докладом о нас. Урывками и другие господа принимают в нас участие. Тут же, сидя на подоконнике, два господина оживленно о чем-то спорят; один из них оказался сам Пуришкевич, особенно прославившийся своим участием в убийстве Распутина. Немало мечется юношей определенно семитического типа. Особенно поражает меня один — ярко-рыжий, с взлохмаченными волосами и с эспаньолкой. Наконец возвращается Неклюдов и тащит за собой члена правительства — единственного, которого он отыскал и на которого ему «удалось наложить руку»; остальные уже все отбыли в Мариинский дворец^[141]. И это оказывается не кто иной, как наш милый С.И. Шидловский, — с потемневшим до неузнаваемости, изнуренным лицом, едва от усталости держащийся на ногах, одетый в свой неизменный рыжеватый, грубого английского сукна костюм. [Читает] (посылая, вероятно, нас про себя ко всем чертям) наше предложение и говорит: «Это, очевидно, будет сейчас же принято, но надо вам обратиться к князю Львову». Наскоро прощается и убегает. Мы снова как бы брошены, но все же на сей раз у нас уже имеется два добровольных покровителя — помянутый Неклюдов и один из приставленных к нашей группе еврейчиков, сильно напоминающий тех, с наклеенными усами и темными очками, детективов, которые встречаются в комических американских фильмах. Еврейчик берется служить нам путеводителем, и мы следом за ним вместе с M-r de Nekludoff¹ отправляемся дальше. Через три комнаты и два коридора попадаем в нечто похожее на официант-

¹ Г-ном Неклюдовым (*фр.*).

скую или буфетную, заставленную шкафами и примыкающую к кухне, откуда все время девушки, заглядывающиеся по дороге на Шаляпина, выносят подносы с бесчисленными стаканами чая. И тут сидят почтенные, плешивые, заморенные «помещики». Однако еврейчик □ 1 вовсе не для них нас привел в этот закоулок, а для *изготовления нового*, «более действенного» обращения нашей депутации к «главе правительства». За составление этого обращения тут же и берется сам его приятель, кудластый Миша (так он представился: «Зовите меня Миша»; позже мы узнали, что его фамилия Гуревич), который с ужимкою трагика, играющего роль Фиеско (а то и Наполеона), быстро добывает несколько листов бумаги, расчищает стол и начинает *диктовать* — однако уже не «обращение к кн. Львову», а нечто вроде указа за подписью самого Львова. Это обращение он озглавливает словами: «Постановление от имени председателя совета министров». Эту бумагу он вручает Горькому со словами: «Теперь вам остается только ее подсунуть для подписи». Горький, Шаляпин и мы все покорно выслушиваем это наставление, причем никто из нас понятия не имеет, кто этот самозванный редактор. Неклюдов, который, впрочем, по склонности русского барина к скоморошеству, видимо, наслаждается такой нечаянной потехой, не знает и еврейчика □ 1, но это выясняется позже, тогда как нам сначала кажется, точно эти все люди сплочены одним, и очень важным, делом. В бумаге говорится (от имени кн. Львова), что нам предоставляется право образовать специальную милицию для охраны памятников и музеев, а также право издавать потребные для той же цели распоряжения и т.д. Ничего подобного мы не просили, и «получение» подобных правомочий представилось нам неожиданностью, однако ни у кого из нас не хватает решимости противустоять приткности и апломбу нашего инструктора, и мы слепо сдаемся стихии, которая сразу нас и выносит через коридоры во двор и, наконец, выпихивает меня, Шаляпина, Неклюдова и еврейчика □ 1 в чей-то, откуда-то для нас раздобытый Гржебиным, автомобиль. Остальные отправляются нас ждать к Манухину, у которого мы все должны обедать. Автомобиль оказывается реквизированным у наших знакомых и соседей по улице Глинки, гр. Мордвиновы! Горький отстал от нас еще во время последних переходов в Таврическом дворце, но все же прибыл в назначенное место на какой-то другой машине.

Едем по ухабам неубранного и только утоптанного снега. То и дело встречаются манифестации с красными флагами, с лозунгом «Земля и Воля» и с заунывным похоронным пением «Русской Марсельезы^[142]». Довольно жалкое и унылое впечатление. На Литейном пр<оспекте> нас останавливает милиционер-гардемарин и требует, чтобы мы позволили раненому из лазарета и его здоровому товарищу примоститься на подножке машины и чтоб мы довезли их до Чернышева моста. На улицах масса народу, исключительного пешего, часто встречаются пикеты вокруг пылающих костров; доносятся возбужденные крики или отрывки речей среди митинговых сборищ. В нашем густо заполненном автомобиле идет разговор. Еврейчик-поводырь считает долгом нас заверить, что у его только что нас пестовавшего товарища самое блестящее будущее, но я не сомневаюсь, что и он сам, к нам самовольно приклеившийся, сумеет найти себе дорогу. Неклюдов слышал, что в Кронштадте матросы перерезали семьдесят офицеров, трупы их выбросили на лед и «торжествующий пролетариат» не разрешает их хоронить. В Гельсингфорсе тоже беспорядки, 12 офицеров убито; это особенно тревожит Неклюдова, так как там у него дочь замужем за офицером. — Вот тебе и «бескровная»! (До сих пор в нашей революции люди особенно любовались «отсутствием крови» — не то что французская — Великая.) — Опять-таки по слухам: царь оставлен на свободе и уехал в Ставку прощаться с войсками, и оттуда же приходят известия, что солдаты отказываются отпустить своего верховного вождя и готовятся защитить его или умереть вместе с ним. Ходят и самые противоречивые слухи относительно отречения. Меня особенно поражает тот совсем равнодушный, беспечный тон, с которым Неклюдов рассказывает об этом и говорит о возможности реставрации Николая II.

Целью нашей поездки оказался вовсе не Мариинский дворец, а здание Министерства внутренних дел (точнее, *Совета* этого Министерства), находящееся за Александринским театром, насупротив здания Театральной дирекции. Здесь имеет временное пребывание новый совет министров, иначе говоря, Временное правительство. Автомобилей перед подъездом не больше полудюжины (видно, мало еще кто знает, где устроилось правительство). Почти пустая раздевалка. Прекрасная классическая русская архитектура. Тусклое освещение.

Пальто снимают услужливые сторожа — точь-в-точь как только что они их снимали с Кассо или со Столыпина. В качестве *вооруженной* охраны всего два *караульных* солдата со штыками у входа на широкую парадную лестницу и несколько прапорщиков или юнкеров на ее площадке. Не дойдя еще до нее, мы знакомимся с «новым министром Двора» — точнее, с исполняющим эту должность Н.Н. Львовым (*не князем*). Сразу узнал известный тип русского барина — из категории милых *dégénérés*¹ или *ramollis*². Лицом похож на Сазонова или на Сержа Волконского. Жеманистые манеры. Тощий, длинный, несколько развинченный. Характерна манера: поминутно, внезапно среди фразы как-то припадать к собеседнику с просьбой «Дайте папирочку», получив которую он судорожно и закуривает. Темный, странно темный цвет лица и рук. Репутация у Львова — «кристаллически честного земца»; пусть она за ним и остается, но, несомненно, он никуда не годится как деятель в настоящий критический момент, да еще в такой сложной сфере, как (бывшее) ведомство Двора. А кроме <того>, он сразу производит впечатление человека недалекого ума. Познакомившись с Шаляпиным, он сразу начинает мямлить, в тоне слегка покровительственном, какие-то комплименты, как-де он любит Шаляпина в «Борисе», как умно Ш<аляпин> ведет сцену в тереме и т.д. Познакомившись с целью нашего приезда, Львов утверждает, что это касается именно *его*, берет нашу бумажку, еле знакомится с ее содержанием и сразу соглашается с тем, что в ней изложено: «Отлично, я сейчас вам ее подпишу» (все это происходит еще на тех же ступенях лестницы, на полпути к средней ее площадке!). Однако в самый этот момент появляется откуда-то Горький (приехавший за несколько минут до нас и сразу занявшийся не нашими делами, а хлопотами за каких-то евреев, уже успевших им овладеть) и настаивает, чтоб бумагу подписал председатель Совета, с чем Н.Н. Львов моментально соглашается.

Теперь мы наконец на верхней площадке лестницы; под строго классической колоннадой посреди высокая дверь — в зал Совета. Из дверей коридора справа выходит группа лиц с понурым и сумрачным Гучковым и с юным сияющим красав-

¹ Выродившихся (*фр.*).

² См. прим. 1 на с. 84.

цем М.И. Терещенко во главе. Слева же к средней двери в зал пробегает белый, как бумага, Милюков, — он, обыкновенно обладающий удивительно цветущим видом. Терещенко, заметив Шалапина, направляется к нам. Он весь какой-то улыбочивый и держит себя не как демократический министр, а как милостивый принц. Однако говорит совершенно осипшим голосом. Остальных из этих внезапных вершителей судеб не примешь за сановных министров, а скорее они производят впечатление каких-то дожидающихся своей очереди просителей. Из разговора Терещенко с Н.Н. Львовым мы узнаем, что самое Министерство Двора продолжает функционировать по инерции, что нигде ничего пока не разрушено (только о Петергофе нет точных сведений). Все главные чины министерства остаются до поры до времени на своих местах, и Н. Львов хлопочет, чтоб правительство признало и утвердило и Волкова, и Теляковского, и Д.И. Толстого, и всех прочих. Терещенко с этим вполне соглашается, однако считает, что покамест лучше об этом не заявлять, — не надо, мол, дразнить гусей. И тут же он делится своей мечтой — о создании отдельного Министерства искусства или если не министерства, *proprement dit*¹, то хотя бы *Un sous-secrétariat aux Beaux Arts*², и его было бы правильнее причислить к Министерству просвещения. Да и министр уже имеется у нас идеальный — это Дягилев! «Надо его непременно выписать, выписывайте его скорее, Александр Николаевич!» Подлетает с портфелем под мышкой бритый, «купеческого вида» Коновалов, с которым меня знакомят, но он в своем радостном возбуждении так рассеян, что, видимо, не догадывается, что я тот самый художник, к которому он на днях обратился с заказом росписи своих чертогов.

Все это время я не переставая ищу глазами того, кто меня более всего интересует... Где же Керенский?! Наконец я спрашиваю о том Терещенко. «Да вот он — там, под колоннами», — указывает он мне на «очень молодого человека», беседующего с Гучковым, сидя на скамейке для сторожей у дверей в зал, и я узнаю в нем того беспокойного, стремительного «юношу», который уже не раз за прошедшие три четверти часа пронесился мимо меня и которого я принимал за какого-то чрезмер-

¹ Собственно говоря (*фр.*).

² Секретариата (Комитета) по делам искусств (*фр.*).

но усердствующего писаришку. Я не откладывая направляюсь к нему, чтоб лучше его разглядеть, но в это время он срывается с места, расталкивает и огибает группы, прямо подбегает ко мне с протянутой рукой и быстро-быстро говорит: «Здравствуйте, я — Керенский, пойдете, здесь невозможно говорить!» Вероятно, на меня ему указал Горький или Гучков в какой-то не замеченный мной момент. Пожав, все с той же поспешностью, руки остальных, он как-то сбивает нас в одну кучу и почти бегом проводит нас через три комнаты в отведенную ему невзрачную комнату в одно окно — имеющую вид не то приемной, не то лакейской. С нами в одной куче, кроме меня, Шаляпина, Неклюдова и Львова (Горький опять куда-то исчез), оказывается совершенно нам незнакомый и до тех пор не замеченный человек; это близкий приятель Керенского — инженер П.М. Макаров. Не успели мы рассестись — частью на двух креслах, частью на боковом деревянном диване, а Керенский за невзрачным письменным столом, — как последний принялся говорить, и почти сразу разговор принял какой-то обостренный характер и переходит в спор. Создается атмосфера, напоминающая безумные главы в романах Достоевского.

От природы уже испитое лицо Керенского сегодня показалось мне смертельно бледным. Совершенно ясно, что этот человек уже много ночей совсем не спал. Выражение лица кислое — но ему это вообще свойственно, он, видимо, очень редко улыбается, пожалуй, никогда не смеется. На нем черная, застегнутая до самого ворота тужурка, что придает <ему> несколько аскетический, но и очень деловой вид. Говорит он громко, моментами крикливо, высоким фальцетом, с головокружительной стремительностью и с легким пришепетыванием (происходящим от поджима нижней губы). Изредка внезапно среди фразы он останавливается, кладет голову на ладонь, закрывает глаза, точно засыпает или впадает в обморочное состояние, но затем снова пускается вскачь, продолжая начатую и оборванную на полуслове фразу. После только что нами отведенной бездари и просто российской вялости Керенский производит необычайно возбуждающее впечатление, и определенно *ощущается талант*, сила воли и какая-то «бдительность». *О да! Это прирожденный диктатор!* Но спокойно с таким человеком едва ли можно что-либо обсудить, и постепенно наша беседа сразу переходит в спор — тем более что

Н. Львов с момента входа в комнату Керенского стал неузнаваемым. Из ласкового, утрированно-вежливого джентльмена он превратился в какого-то петуха, злобствующего и пробующего наскочить то с одной, то с другой стороны на противника. Видимо, он в своих дворянских чувствах *infiniment offusqué*¹, что какой-то «мальчишка», *un petit roturier de rien du tout*², вдруг позволяет себе им «распоряжаться».

Львов сразу стал отказываться от своего только что полученного поста, после того что Керенский, уже посетивший сегодня Зимний дворец для решения, годится ли дворец как помещение для Учредительного Собрания (он решил, что не годится), поручил дальнейшее наблюдение за дворцом Макарову, не потрудившись посоветоваться с ним, Львовым, об этом. Бедный Львов, запинаясь от волнения и возмущения, это ему и поставил на вид и объявил о своем отказе от поста. На это Керенский, повысив тон, заявил, что Львов *не может* отказаться, и тут Львов стал кричать: «Как так! *Не могу?* Кто может запретить? Дайте папиросочку. Да вот я и отказываюсь. Я отказываюсь, и basta! Никто в мире, и менее всего *вы*, <не> может мне в этом препятствовать!»

И действительно, остается необъяснимым, почему не только Зимний дворец, но и все дела Министерства Двора оказались вдруг в ведении Керенского. Разве только потому, что он уже на пути к диктаторству? Неклюдов мимоходом шепнул мне: «О! Он поразительно талантлив, он единственный из них из всех (намекая на министров), который что-нибудь *делает!*» И вот поэтому Керенский и на пути к диктатуре. Остальные как работники никуда не годятся, и естественно, что вся работа должна фатально сосредоточиться в *его* руках!! При этом я не могу упрекнуть Керенского в определенной и оскорбительной бестактности. Лишь два раза во время нашей беседы, длившейся больше часа, он доходил до тех визгливых, «начальственных» тонов, которые выдают потерю самообладания. Первый раз — когда Львов капризно усомнился в том, хватит ли у правительства достаточно авторитета, чтоб провести необходимые меры. Тут Керенский с патетическим негодованием, à la Мирабо, объявил, что «у правительства, созданного волей

¹ В высшей степени оскорблен (*фр.*).

² Не дворянин и ничтожество (*фр.*).

народа», не может не быть авторитета. А второй раз будущий (или начинающий уже) диктатор прикрикнул на собственного же своего ставленника, Макарова (это после ухода разобитого Львова), за то, что Макаров имел неосторожность сказать о себе: «Я *случайно* оказался здесь — и вот Александр Федорович попросил меня ему помочь при осмотре Зимнего дворца». Это дало повод Керенскому воззвать к тому, что пора-де нам, русским интеллигентам, «освободиться от этой обывательской привычки говорить необдуманные вещи, да еще при обсуждении *государственных* дел!» И тут же (специально «для нас») он изложил свой взгляд на свою личную *миссию*. Он-де будет всегда *серьезно* относиться ко всякой задаче и уже никогда не допустит, чтоб *случайность* руководила его поступками*. Не могу скрыть от себя, что во всем поведении, во всей манере быть и в разговорах Керенского много наигрыша, «каботинажа», но актер он, во всяком случае, неплохой. Кроме того, я думаю, что известный каботинаж, при подлинном уме и прозорливости, вещь для государственного деятеля не столь уж и плохая...

Из дальнейшей беседы выяснилось, что Керенский нашел Зимний дворец в образцовом порядке, что Царскосельский дворец (который он тоже уже успел посетить) он поставил под надежную охрану и что вообще приступил к урегулированию всей деятельности по бывшему Министерству Двора. Ясно, что наше (вернее, «Гуревича») пожелание о сформировании какой-то специальной милиции запоздало. Это было решено сообщая с Керенским, и он тотчас послал кого-то «перехватить» нашу бумажку — до подписания ее князем Львовым. Оказалось, что она уже подписана (очевидно, ее успели «подсунуть» князю), но Керенский, получив этот «документ», без всяких разговоров сунул его себе в карман. Вообще же, к нашему выступлению он отнесся «с величайшей благодарностью» и

* И как раз тут не обошлось именно без случайности. Никто никогда об этом Макарове ничего не слышал. Позже я узнал, что он был вхож к Мережковским и даже дружил с ними, а обязан он был своим назначением личным отношениям с Керенским и каким-то «партийным заслугам» (он кого-то укрывал, спасал), о чем внушительно было заявлено Керенским. Остается надеяться, что выбор Макарова удачен и что, в частности, нашей группе художников он будет полезен. Львов же, выйдя из «кабинета» Керенского, сразу пошел к князю Львову и попросил освободить себя от комиссариатства. Именно этого и желал Керенский.

высказал разные общие пожелания успеха. Для него <это> действительно козырь, заключающийся в том, что он может как бы опереться на целую группу лиц, пользующихся авторитетом в данной области. И все же *что* именно он от нас ждет, он так и не высказал, а самая наша беседа оборвалась внезапно после того, как в дверях появился какой-то курьер, вызвавший Керенского в Совет. Стремительно собрав разложенные перед собой бумаги, Керенский сорвался с кресла и, ни с кем не простившись, ринулся вон из комнаты...

Обедать нас потащил к себе Неклюдов, живущий на Михайловской площади, в особняке через дом с особняком покойного П.Я. Дашкова, а по другую сторону — с Михайловским театром^[143]. К Манухину обедать мы уже опоздали, да, признаться, усталость вдруг стала остро сказываться, а перспектива плестись пешком через весь город не могла улыбаться («наш» автомобиль куда-то исчез вместе с еврейчиком □ 1, и мы ни его, ни машину больше не видали). Исчез и Горький. Кушали же мы вместе с чадами и домочадцами Неклюдова, которые пялили глаза на Шаляпина. Происходило все это в просторной столовой Louis XIV¹, «выписанной из Парижа». Украшавший <ее>, вероятно, еще совсем недавно царский портрет оказался уже снятым и удаленным. Осталась на месте одна лишь рама с короной. Водка мне показалась разбавленной, вино очень среднего сорта, кушанья недостаточно изысканными в такой обстановке (правда, обед этот был импровизированный — Неклюдов его заказал по телефону во время нашего ожидания на лестнице Совета). Зато после обеда и в ожидании прочих наших товарищей, которых мы вызвали по телефону от Манухина, он нам показал в гостиной несколько приятных старинных картин и два хороших рисунка К. Брюллова, изображавших какие-то семейные группы. В общем же, он проявил необычайную заботу о нас и настоял на том, чтоб мы на первых порах пользовались его помещением, его секретарем и его дактилографией². Мы это приняли с благодарностью, но таким образом и этот, нам совсем до тех пор незнакомый, господин оказался включенным в нашу «депутацию».

¹ Людовика XIV (*фр.*).

² От *фр.* dactylographie — переписка на (пишущей) машинке.

Было уже больше восьми часов, когда прибыли наши товарищи (и сам Горький), а также Макаров. Самое наше (первое!) заседание состоялось в другой (небольшой) столовой, в нижнем этаже, за красным сукном. Занялись мы сразу составлением «обращения к массам», направленного к предотвращению «вандализмов». Из четырех текстов — Горького, моего, Шалапина и Билибина, — как это ни странно, наиболее удачным и целесообразным оказался последний. Затем Шалапин ознакомил нас со своей несколько туманной мечтой о новом театре, и, наконец, было решено целой группой отправиться в Петергоф, чтоб убедиться на месте, что все там в порядке. Уже мы собирались расходиться, когда около полуночи неожиданно-негаданно вваливается группа из четырех человек — представителей Общества архитекторов-художников, откуда-то узнавших о нашем собрании и поспешивших явиться под видом ближайших союзников и с призывом к вящей осторожности — как бы-де нам не навлечь на себя обвинение в самозванстве. Возник нелепейший разговор, который стал грозить перейти в ссору благодаря бестактным выкрикам кипятившегося Женьки Шр□тера. И в этой глупейшей интермедии мне с ясностью представились вообще те испытания, которые ожидают «обновляющуюся Россию». Отовсюду теперь вылезут такие же дилетанты-демагоги. Ведь успела та же четверка предложить где-то услуги по устройству торжественного погребения «жертв революции»^[144]. Она даже выбрала и самое для того подходящее место: площадь перед Зимним дворцом! Под видом борьбы за свободу, за «коллективное начало» и пуская в ход всякие новые для них же лозунги, они пролезут до нужных им вершин, и станут эти репетилоры и хлестаковцы оттуда только мешать людям более компетентным делать настоящее дело.

Вернулся я домой в половине третьего, проделав весь путь от Михайловской площади до 1-й линии пешком и перейдя Неву по льду. Шли со мной Добужинский, Петров-Водкин и откуда-то взявшийся Коля Лансере. Всюду полная тишина. Акицу я разбудил и не мог удержаться, чтоб тут же в главных чертах ей не рассказать про наши похождения и поделиться тем воодушевлением, которое в нас вызвала встреча с Керенским. Должен сознаться, что меня пленит даже его столярный, казалась бы, неказистая внешность, кислотоватое выражение лица, бледность, что-то напоминающее не то иезуита или ксендза,

не то... апаша. Именно такие люди, пусть лукавые, но умные, талантливые люди, одержимые бешеной энергией, а не «профессора» вроде Милюкова, или «кристально чистые» джентльмены вроде Н. Львова, или изящные монденные англоманы вроде Терещенко, могут сейчас сделать нечто действительно великое. Уверен, что и в *главном* вопросе всего настоящего момента, в вопросе о войне, Керенский поведет ту линию, которая сквозила уже в его думских речах. Мне очень захотелось быть в ближайшем контакте с ним. И ему я бы мог быть полезен.

Понедельник, 6/19 марта

Может быть, «мы и нужны», но как бы и здесь все не остановилось на добрых намерениях. Это сомнение возникло у меня сегодня после того что П.М. Макаров, официально назначенный «комиссаром по дворцам» (*quid est?*¹), мне сообщил о своем намерении пригласить вместо Н.Н. Львова некое лицо *из Москвы*, имя которого он предпочитает пока держать в секрете. Кто бы это мог быть? Уж не наш ли С.А. Щербатов, а то и *redivivus Serge Wolkonsky*²? Казалось, тут бы и посоветоваться совершенному новичку в этой сфере с нами. И почему-то мне кажется, что этот «эстет» Макаров не остановил своего выбора на Грабаре или ином действительно заслуженном деятеле, а опять остановился на каком-то «барине». Вообще, увы, ничего особенно хорошего я уже от *него* (да, пожалуй, поглядев вчера на всех наших «вознесенных до высшей власти») и от всего Временного правительства в целом, от всяких этих наших типично российских «либералов», не вижу! Сам П.М. Макаров, может быть, и очень благожелательный человек, но мне представляется, что основная черта в нем — вялость. А между тем он уже *запрудил* так доступ до власти действительно имеющих, что нам едва ли станет возможным обращаться к Керенскому непосредственно, что было бы целесообразнее.

С виду Макаров если и не «противный тип», то и не особенно располагающий. Ничего хорошего я уже не вижу в том, что он гражданский инженер, иначе говоря, «маргариновый <?> архитектор». И это как бы уже написано на его наружности.

¹ Что это такое? (*лат.*).

² Воскресший Серж Волконский (*лат.*).

Роста он среднего, волосы и усы темные, бородка клинышком; чуть придавленный нос, на котором золотое пенсне. Черносиний беспретенциозный костюм. Он уже успел мне сообщить, что он предпочитает английскую культуру, но это ни в чем пока не выражается. Типично русский интеллигент, нервный, ложно-скромный, тихоня, охотно молчащий, но что-то про себя замышляющий, моментами суетливый и бестолковый... А впрочем, рано судить и делать какие-то заключения. Может быть, Макаров таков только на первых порах, пока еще он и сам внове, да и вообще все переобременены работой (сам Керенский находит время объезжать все дворцы; слышно, что сегодня он побывал в Эрмитаже). К тому же Керенский сейчас вообще новичок, и новичку свойственно остерегаться людей более него компетентных. Для новичка человек хотя бы мало компетентный и вовсе неподходящий, но «вполне свой», несравненно приятнее и надежнее, нежели люди незнакомые. С другой стороны, опасность та, что мы можем за время, пока все налаживается, остыть и разочароваться. Считается ведь, что художникам это свойственно...

Сегодня, побывав мимоходом в Музее Александра III, куда меня вызвал к себе Н.М. Могилянский (он, видимо, ищет какой-либо опоры), я отправился на второе заседание у Неклюдова. Кстати, я совершенно убежден, что и этот «парламентарий без места» хочет с нашей помощью найти себе какое-либо амплуа вблизи высших правительственных кругов. Возможно, что он даже увидал в нашем положении что-то вrede судьбы. Мне хорошо знаком этот тип добродушных, милых, холеных русских бар; в каждом из них сидит воевода, тянущийся к кормежке или рассчитывающий битьем чела об пол (все равно перед кем) выстукать себе теплое местечко. Часто это действительно очень «славные ребята», удивительно «ясные», веселые, простые, щедрые на анекдоты и словечки, но довериться им до конца опасно. Да если бы они были старательны и деловиты, а то все их усердие имеет в виду только одно возлежание на боку... Впрочем, все это так круто и быстро обернулось, что мы и опомниться не успели, как этот «барин» нас словил и забрал к себе!

Заседание прошло в обсуждении, каким образом правительство должно нас утвердить — под названием «Комиссии по художественным делам». Составлена новая бумага с пред-

ложением нашего сотрудничества... И снова тревога, так как, по слухам, хоронить «жертв революции» собираются на площади Зимнего дворца, где со временем предполагается соорудить грандиозный памятник. Ввиду этого памятника так и хлопотали господа архитекторы. Тут является и опасность, как бы стотысячная толпа, которую привлечет погребальное шествие, под влиянием каких-либо шальных демагогов не ринулась бы на самый дворец и заодно на Эрмитаж! Экстренно мной вызванный Горький согласился сам съездить в Совет Рабочих Депутатов урезонивать «товарищей». Он предложит им площадь Казанского собора, которая была ознаменована столько <раз> революционными выступлениями и среди которой когда-то уже стоял памятник в виде обелиска. Нечто подобное можно было бы соорудить и теперь... Встревожили нас (меня в особенности) и известия, полученные (наконец!) из Петергофа. Местная автомобильная рота, помещенная в Придворных конюшнях^[145], объявила, что она не желает дольше оставаться в этом здании (считая такое помещение ниже своего достоинства «освободителей народа»), а требует, чтоб ей был отведен *сам* Большой дворец^[146]. Но тут милейший приятель Горького, А.Н. Тихонов, примкнувший к нам в качестве представителя С.Р.Д. <Совета Рабочих Депутатов>, высказал уверенность, что ему удастся предотвратить такую беду. — В связи с этим я поговорил по телефону с ген. Е.Н. Волковым. У него сведений о Петергофе все еще нет (как характерно!), но он считает, что *pas de nouvelles bonnes nouvelles*¹. Телефон внизу, в кабинете Неклюдова, где стены завешены паноплиями² всевозможного, частью старинного, оружия. Оттуда же я имел разговор с Е.В. Дягилевой, мачехой Сережи, от которой я пытался узнать Сережин нынешний адрес в Париже, — ведь решено послать ему телеграмму с призывом «вернуться в Россию для общей работы» (вероятно, и для ее *возглавления*). Елена Валериановна считает, что он согласится, — раз перед <ним> раскрывается здесь столь широкое поле деятельности; мне же, признаться, как-то боязно за него — как бы снова не испить ему горькой чаши нашей бестолковщины и всяческих интриг!..^[147] По вине Каратыгина чуть не вышла очень глупая история. К нам уже

¹ Отсутствие новостей — хорошая новость (*фр.*).

² От *фр.* *panoplie* — коллекция оружия.

собралась ехать делегация от Консерватории, избранная для того, чтоб войти в состав нашей комиссии, однако я решительно воспротивился и снова напомнил о наших совершенно специальных целях — *сохранения наших художественных сокровищ*. Я вообще ужасно боюсь, как бы у нас все не перешло в одни словопрения и в обмен делегациями, в дробление на комиссии и подкомиссии и как бы за всем этим мы, инициаторы, не оказались совершенно парализованными в чисто деловом смысле. По телефону делегацию удалось остановить. А ведь собирался прибыть сам Глазунов, который уже принялся за сочинение нового гимна*. Много было говорено вообще о «праздновании свободы». Макаров передал пожелание Керенского о «придаче красоты» вообще «разным явлениям общественной жизни». «Как можно больше красивых жестов!» Это, пожалуй, звучит пошловато, *fin de siècle*¹, однако заслуживает сочувствия. Один он вспомнил о таком важном факторе для прививки обществу повышенного настроения. Однако едва ли сразу у нас найдутся для осуществления столь добрых намерений и люди, и средства... И еще менее можно рассчитывать на то, что нам поможет отыскать таковых наш П.М. Макаров, который, очевидно, робок и брезглив наподобие всех таких «комнатных революционеров». — Дома к чаю пришли друзья. В первый раз после размолвки явился Аргут. Он первый потянулся со мной целоваться. — Гржебин (по телефону) сообщил, что Горький собирается завтра внести в С.Р.Д. предложение о том, чтоб Совет «навязал» нас правительству и от него исходила бы инициатива создания Министерства искусства. А вообще, я должен сказать, что суетливость Гржебина и его торможение Горького меня несколько пугают. И как характерно, что хамелеон Гржебин ныне стал краснейшим из красных! Он даже доходит до мечты о превращении России в федерацию штатов и о безвозмездном отобрании у помещиков их земель! При этом он

* Ходит слух, что Брюсов и Зинаида Гиппиус сочиняют самый текст гимна. Мережковский собирается хлопотать о возвращении Петербургу его настоящего имени. Вот этому я сочувствую *вполне*. Ничто так не продолжает меня огорчать и *обижать*, как та кличка, которую наклеили моему родному городу по инициативе какого-то чехословацкого крикуна. О том, как это переименование произошло^[148], мне рассказывал один австро-венгерский военнопленный по фамилии (кажется) Заплетег.

¹ В стиле конца века (*фр.*).

снова уже не пацифист, а «вояка до конца» — это хуже всего! Финальный кусок нашей беседы был особенно курьезен.

— Знаете ли, кого я прочу в будущие министры искусства?

— Дягилева?

— Нет, но вы увидите и будете довольны.

Я не на шутку испугался: уж не имеет ли Гржебин в виду меня, однако из дальнейшего выяснилось, что он «прочит в министры» самого Горького... Уже вчера во время того что я в соседней комнате корпел над текстом воззвания в защиту народных ценностей от вандализмов*, Горький, оказывается, произнес целую речь о задачах будущего Министерства, от которой все пришли в восторг, но которая (в пересказе моих коллег) показалась мне, скорее, набором общих мест. — Вообще же, мне милый Алексей Максимович представляется мало подходящим для такого дела. С другой стороны, против него *нам* никак теперь нельзя идти...

Внезапно скончался вчера доктор Кульбин. Друзья требуют, чтоб я написал некролог, но что я скажу об этом весьма курьезном персонаже, однако по существу довольно-таки нелепом? Как художник он представляется, скорее, простой бездарностью на любительской основе: типичный «новатор во что бы то ни стало». Нечто вроде «профессионала по новаторству». Каких теперь развелось немало. К тому же я и недостаточно был знаком с ним лично, чтоб по-настоящему судить о нем и об его теориях.

В мое отсутствие днем к нам заезжал Палеолог, вероятно, переполненный новостями и желавший поделиться своими догадками и прогнозами. Но он укатил, так и не поделившись с моей женой тем, для чего специально он пожаловал. Я, скорее, рад, что так вышло. Мне не до того, чтоб слушать его речи — подчас и очень остроумные, и очень меткие, однако страдающие каким-то типично французским непониманием всего характерно русского.

Зина и на сей раз совершенно сходитя с нами в оценке событий и личностей. Особенно мне приятно, что она одинаково реагирует («сжимается») на все очередные проявления пошлости.

* Окончательная редакция, в которую вошли элементы из воскресных набросков Горького и Билибина. Она была сегодня принята с легкими поправками. Я бы предпочел интересный текст Ивана Яковлевича (Билибина).

Вторник, 7/20 марта

Вихрь, захвативший меня, крутится все быстрее и быстрее, и это лишает меня возможности вести эти записи с достаточной последовательностью и полнотой.

Все утра я занят всякими проектами, эскизами декретов, списками кандидатов на разные амплуа. Телефоны мне не дают сосредоточиться. Между прочим, телефон от П.М. Макарова, до которого уже дошли слухи о «неполной доброкачественности» Гржебина. Я постарался ему выяснить, в чем заключаются «несомненные достоинства» нашего чудака. Но надо сознаться, что *вполне полагаться* на Гржебина не следует. Его главный дефект — удивительное легкомыслие и в связи с этим способность завираться. Я с ним всегда настоroje... Телефонную Волкову с просьбой меня принять вместе с Макаровым. У симпатичного генерала все такой же беспечный (несомненно *деланный*) тон. Это Макаров просил меня познакомить его с «его превосходительством» (о, насколько я бы предпочел, чтоб Волков остался на своем посту!!). Сенсационный телефон от И. Фомина, будто Сергею Маковскому (который вообще куда-то исчез с нашего горизонта) «переданы все музеи». Это, несомненно, вздор. Он же, Фомин, уверяет, будто уже приступлено к рытью могилы «жертвам» на Дворцовой площади. Целый ряд телефонов с требованиями или просьбами разъяснений и с предложениями услуг. Наконец, телефон от В.Д. Набокова, который теперь назначен начальником Канцелярии Совета министров. Набоков пожелал знать мое мнение о бароне Н.В. Дризене, который выставил свою кандидатуру в директоры б. Императорских театров*. *Die Jagd nach dem Glück*¹.

Волкова мы, я и Макаров, застали в помещении Кабинета Е.В. во флигеле Аничкова дворца. Он как раз был занят произнесением прощальной речи перед собранием служащих. Вероятно, и я в последний раз вижу красивого генерала в обстановке его славы и великолепия. Самый кабинет его, заново при нем и по его вкусу отделанный, полный золоченой мебели Николаевской эпохи, свидетельствует о его толковом отношении к порученному ему делу. Едва ли новые люди найдут кого-

* Бедный Дризен скончался 3 апреля 1935 года.

¹ Погоня за счастьем (*нем.*).

либо, кто заменил бы вполне этого корректного, трезвого, исполнительного, благожелательного ко всем и культурного «начальника». К просьбе нам помочь он отнесся весьма отзывчиво и тут же приказал изготовить для нас бумаги к разным дворцовым управлениям. Он уже подал в отставку, но до вступления в должность нового начальства готов оставаться у дел.

Перед заседанием у Неклюдова успел еще побеседовать в течение нескольких минут с Макаровым. Я попробовал совершенно «раскрыться» <...>¹ из всех принимавших участие в прениях. Мне, кроме того, нравится его гоголевская наружность, заостренный нос, «веселый взгляд» (впрочем, когда он говорит, точнее — вещает, то держит глаза закрытыми). В то же время меня раздражает в нем то, что он слишком откровенно себя слушает, а свою вдохновенность превратил в известный штамп, в прием, я ему теперь меньше верю, чем прежде. И на сей раз, появившись среди нас, он *вещал*, однако говорил определенно вещи к делу не относящиеся. Так, например, возмущаясь тем, что «жертв» собираются хоронить «среди города», он нашел, что это «нечистоплотно!» Мы его попросили съездить в С.Р.Д. (на обещанном автомобиле Гржебина) и снова попытаться уговорить «гробокопателей» (как их называет Яремич) поискать другого места, нежели подножие Александровской колонны. Однако час спустя он уже оттуда вернулся ни с чем и очень смущенный: ему даже вообще не удалось «добиться слова!» Вообще, считается, что будет трудно добиться перерешения вопроса, по которому высказалось единогласно (о кошмар коллективных решений!) тысяча четыреста голосов! — Выработали окончательный текст телеграммы Дягилеву; отправить ее взялся Неклюдов*.

Зашел с Петровым-Водкиным к Аргутону и оттуда, уже втроем, — в Зубовский институт (истории искусства)¹⁴⁹¹, где состоялось собрание разных светил все по тому же вопросу — о создании Министерства искусства. К счастью, мы явились, когда уже кончился доклад милейшего пискуна Курбатова и шли возникшие по поводу этого прения. Говорили старцы и полустарцы, говорил сам Никодим Павлович** (дальнее дру-

¹ Далее отсутствует страница текста.

* Через день был получен ответ — с решительным отказом. *Pas si bête* [Не так глуп (*фр.*). — *Перев.*] Сереженька. Хаос и бедлам — не его стихия. Он любит творить мятежное в чем-либо крепко установленном.

** Кондаков.

гих); вещал актер Ге, что-то проямлил тридцатилетний «старичок» Чудовский, очень красиво говорил Фадей Францевич Зелинский. Всех этих схоластов особенно интересовал вопрос — будет ли это министерство или ведомство, будет ли оно при Министерстве Народного Просвещения или чем-то самостоятельным. Резко, громко, бодро и остроумно им отвечал М.И. Ростовцев. Он стоит на точке зрения, довольно схожей с моей. Он признает *факт* потребности государством (государственным организмом) художества. До окончания прений мы, не промолвив ни слова, удалились.

В.А. Верещагин затащил меня и Владимира к себе «выпить стакан красного вина». У него оказалась сравнительно молодая супруга, не поразившая нас особым изяществом своих манер. *Се n'est pas tout à fait une dame*¹. Сам Василий Андреевич, видимо, уже оправился от первого испуга. Впрочем, я всюду замечаю тот же тон «приходящего в себя обывателя», уже решившего, что худшее миновало, что можно считать революцию *comme non avenue*². Слышатся даже первые проблески пропаганды не только в пользу *монархии* вообще (против чего я ничего не имею), но и в пользу лично Николая II. — Жутко было возвращаться, проходя по ярко освещенной, до странности *белой* от снега (движения — никакого, приходится версты и версты проделывать пешком) и от электрических фонарей, *совершенно пустой* Морской. Дома был тревожный телефон от графини Н.Ф. Карловой. Уж не стряслось ли что с Ораниенбаумом? Завтра узнаю. — В кухне тоже перемена настроения. Недавно все четверо наших кухонных дам пылали негодованием на полицию, а нынче уже плачут над погибшими городскими. Всех тронули умильные похороны этих «обратных жертв революции». Мне эта расправа с полицейскими представляется самым темным пятном на порфире нашей «бескровной». Извели людей за то, что они были верны своему долгу! К тому же — и весьма, весьма *нужных* в любом, но особенно в *нашем* государстве! Напротив, поражает отсутствие красивых фактов самопожертвования во имя того принципа, которому, казалось, служили с полным убеждением столько *миллионов* людей!

¹ Вряд ли можно назвать ее дамой (*фр.*).

² Недействительной (*фр.*).

Среда, 8/21 марта

Сегодня наконец состоялась наша поездка в Петергоф. Дивный яркий день без ветра. Выбрался из дому за полчаса, ибо и на сей раз пришлось шагать через весь город пешком. Извозчики совершенно исчезли, трамваи еще не ходят. При входе в Балтийский вокзал грозные пулеметы. На вокзале, битком набитом солдатами, с трудом отыскал Макарова. Ехали (в вагоне I класса, но без билетов) и туда, и обратно стоя, так <как> все сидячие места заняты солдатами или их поклажей. Дышать почти нечем. Однако поезд (в 10 ч.) отошел без запоздания. В пути Макаров расспрашивал меня о моих проектах, однако то, как он реагировал на то, что я мог ему сообщить, не дает больших надежд на будущее. У него *совсем не тот тон!* Лишь у Керенского я почувствовал подобие того, что я бы назвал «тоном момента». Со слов Макарова, А.С. Зарудный уже яростно критикует своего министра (и приятеля) — за «недостаточную законность» поступков. Очевидно, у самого нашего Саши нет сознания того, что сейчас требуется и до чего было бы важно взять *верный тон по существу*.

Волков оказался прав в своем оптимизме... В Петергофе все как будто обстоит вполне благополучно, хотя насмерть перепуганный генерал Лермонтов, произведший на нас впечатление порядочной развалины, ничего со своей стороны не предпринял для ограждения дворцов. Лишь одна шальная пуля от проходивших мимо Большого дворца ораниенбаумцев пробила где-то окно. Однако настоящих сведений о *далеко лежащих дворцах и павильонах* — о Собственной Его Величества даче, о Бабигонском Бельведере, о Павильоне Озерков, о Мельнице и т.д. — он вообще сообщить не мог (ну как самому не прокатиться и не поглядеть собственными глазами!). Более осведомленным оказался архитектор Миняев, который уже вошел в контакт с новыми городскими властями (исключительно военными, солдатскими) и даже «отлично с ними ладит». С ним мы и проехали к «папашиним» Придворным конюшням* — со специальной целью урезонить автомобильную и

* Прекрасное впечатление произвели <на> меня своим благородством и своей грандиозностью эти здания, построенные моим отцом^[150], а также — своим изяществом — оба фрейлинских флигеля (тоже папочкины произведения), что стоят у Большого дворца.

циклистскую¹ роты, имеющие намерение завладеть Большим дворцом. Как раз попали на приготовления к затеянному «дозору» по дворцам с целью поисков оружия (это якобы для успокоения населения!). Я был польщен тем, что среди толпы этой военной молодежи сразу оказалось несколько юных «прапоров», для которых мое имя было знакомо и которые что-то из моих писаний читали. Добрый знак. Вообще же, удалось необычайно быстро договориться по всем пунктам. Все оказались вполне сознающими важность сохранения такого сокровища, каким является в целом Петергоф, и сразу наметилась организация самой охраны*. Происходило это собрание не в одном из каменных зданий, а в какой-то служебной избе посреди необъятных дворов Конюшен. Вернувшись в дворцовое правление, мы добились телефонной связи с Ораниенбаумом, с каким-то тамошним военным лазаретом. Слухи, ходившие о том, что дворец сожжен, оказались совершенной выдумкой; они могли быть вызваны тем, что там был действительно грандиозный обыск — более похожий на погром. Искали какой-то туннель, «немецкое» золото, оружие, самих «немцев» и даже Государя**.

В Китайском дворце — также все благополучно. На обратном пути в вагоне Макаров не на шутку принял за свою агитацию за войну. Он вмешивался в разговоры солдат между собой, сам провоцировал их и всячески старался

¹ От *фр.* *cycliste* — велосипедный.

* «Власти» с радостью согласились поместить на всех дворцовых зданиях наши «охранительные грамоты» — о переходе дворцов в народную собственность.

** И графиня Карлова, и принцесса Елена Георгиевна, и Марианна Ратькова-Рожнова (сестра графини) звонили в мое отсутствие весь день и ко мне, и к Коле Лансере, и к Диме Философову, и даже к Горькому, рассказывая ужасы об ораниенбаумских вандализмах. Самые страшные слухи оказались ложными, но весьма возможно, что произошли значительные хищения, произведенные прислугой и теми же «дозорами». В частности, будто бы украдена драгоценная коллекция медалей герцога Михаила Г. Мекленбургского, перебит весь знаменитый мейсенский фарфор, продраны многие картины (кажется, и чудесный Экгоут, и портрет Елены Павловны, пис. К. Брюлловым?), испорчены выстукиванием «все» стены. Для получения более точных сведений я попрошу съездить туда завтра С.Р. Эрнста; он, молодчина, уже заручился пропуском от Исполнит. Комитета С.Р.Д. Курьезная подробность: прислуга Ораниенбаумского дворца, рассказывая графине Карловой всякие ужасы про разгром, утверждала, будто бы во время обыска там же заседал «Горький с Мережковским»!

«вселить ненависть к врагу» и пробудить активную волю к борьбе. Все это в самых трафаретных выражениях, взятых из «Нового времени» или из каких-либо солдатских учебников. При этом явственно сказывалось, что он всячески самого себя взвинчивает, и от этого мне просто становилось тошно. Разумеется, случайные собеседники либо благоразумно отмалчивались, либо с усердием соглашались, а то и старались перешеголять агитатора. Кто разберет задние мысли всех этих с виду простоватых и добродушных людей? Судя, во всяком случае, по тому апломбу, с которым солдаты продолжали, развалясь, сидеть перед хорохорившимся (но не нашедшем себе места) баринком, видно было, что они себя отныне чувствуют хозяевами положения и что *это для них главное*. Впрочем, доминирующим ощущением для меня остается, что сколько бы ни старался барин, а войне теперь крышка! Вот только поймет ли это вовремя барин, а поняв, уймется?

Совершенно случайно по дороге с вокзала забрел после многих лет на Александровский рынок. Там все по-старому — та же грязь, та же глухая провинция, тот же еврейский кагал, те же зазывающие русские купчины, те же татары и татарки. И там услышал жалобы торговков о плачевной участи городовых — их недавних притеснителей. Один кургузый солдатик продавал при мне великолепный бинокль Цейса за 20 руб. — сам я мимоходом купил несколько старинных (увы, плохих, выцветших) стереоскопических карточек.

Дома без конца телефоны. Отовсюду расспросы, что мы затеваем, а то и советы, предложения услуг (между прочим — от «фарфорового» барона Вольфа и от барона Дризена). Вечером заседание — вторичное *entrée*¹ «архитектурных клоунов»: Женьки Шр□тера, Рудницкого и их сподвижников — вс□ из-за злополучной затеи с погребением «жертв». Они вцепились в этих покойничков, как голодные в мешки с мукой, и готовы перегрызть горло тем, кто у них отнял бы добычу. С нашей стороны особенно горячился Коля Лансере. Шр□тер потерял, наконец, всякое самообладание и вылетел из собрания, грозясь, что он откажется совсем от работы (над памятником) и тем самым натравит на нас всех уже подряженных на рытье могил рабочих! По уходе их у Фомина возник очередной «ге-

¹ Выступление (фр.).

ниальный» план, как отвести беду, но пока он это держит в секрете. Всех удивил Шалапин. Предпослав гудящим от волнения баском несколько слов о необходимости немедленного создания нового гимна, он кончил речь проектом, как особенно роскошно вознаградить того, кто на конкурсе получит первую премию. «Можно было бы отчислять в его пользу по пяти рублей от каждого исполнения гимна — и это составило бы в конце концов весьма изрядную сумму!» О, Федя, Федя, в душе ты все же вовсе не Борис Годунов и не Иван Грозный, а самый обыкновенный лавочник! Фомин, Коля Лансере и (в первый раз присутствовавший) Щуко отправились в Общество архитекторов-художников отстаивать Дворцовую площадь, но через час и они вернулись ни с чем. Тут как раз Макаров по телефону меня заверил, что дело принял к сердцу Керенский, и *он* ручается головой, что погребению на Дворцовой площади не бывать! С другой стороны, Фомин все хвалится, что его тайный проект возьмем свою силу и всех примирит. Назавтра я предложил перерыв в наших занятиях. Слишком явно уже сказывается общая деморализация вследствие полной невыясненности нашего положения.

Четверг, 9/22 марта

Завтракал с Макаровым у Донона. Головин назначен, утвержден, и он «всецело на нашей стороне». Однако позже я в газете прочел, что и Н. Львов тоже остается! Как же так? Однако, хоть Головин и «на нашей стороне», он все же находит (видимо, под влиянием Макарова, а Макаров — под влиянием Керенского), что наша комиссия слишком громоздка для выработки проекта уложения, а с другой стороны, она слишком разношерстна. «Ну что могут дать по вопросам государственного значения всякие Нарбуты или Лукомские?» Головин и предлагает образовать негласный совет *при себе*, и этот совет должен состоять из меня, Макарова, Философова и каких-либо юристов. Пожалуй, это и не так плохо при условии, что сам Головин окажется *способным* пользоваться подобным советом. Для этого потребовались бы в первую очередь та энергия и та находчивость, которыми в совершенной степени обладает Дягилев, но которые вообще являются великой редкостью.

Уже сняты бронзовые золоченые орлы с ворот, ведущих во двор Зимнего дворца; на воротах же в сад при дворце они еще красуются.

К чаю Сомов, Вальполь, Эрнст (ухаживающий одновременно за Атей и за Надей), Валечка, Верейский, Прокофьев, Н. Черепнин. Последний, вероятно, для того, чтоб узнать, как обстоит дело с гимном, однако, увидев у нас «конкурента» в лице Прокофьева, он тотчас же скрылся в Кокиной комнате и там так и просидел весь вечер. Вальполь не на шутку разгневался на Валечку за его хулу на Россию, точнее, за его скверную привычку все в России высмеивать. И действительно, вечный Валечкин скепсис в такие дни действует как-то оскорбительно. Кстати сказать, этот наш умник успел уже съездить к приехавшему из Москвы Головину — «представиться по службе», и тот его обнадежил насчет его дальнейшей судьбы. Канцелярия министра Двора, во всяком случае, остается при прежнем составе!

Пятница, 10/23 марта

Теряюсь в догадках относительно молчания Макарова. Наконец решился позвонить Диме (Философону) и, сговорившись, отправился к нему. Не то чтоб я «цеплялся» за всю нашу затею, но, зная свой характер, я просто опасаясь, как бы и на сей раз (в который раз!) не затратить свою энергию зря, не разогнаться впустую. Самый темп нашей деятельности начинает уже, по русской привычке, сильно замедляться, это дает возможность одуматься и «заскучать». А там недалеко и до психологии «ну вас всех к черту!». Тем временем *tutti quanti* из Академии успеют закрепить свои утраченные было позиции. «Дух революции» в художественном мире потухнет, и через несколько дней станет трудно добиться и того, что ныне как будто само *напршивается*.

Однако запишу сначала то, что предшествовало моему посещению Димы. Утро снова провел в составлении проекта по реформе Эрмитажа. Мне главным образом хотелось бы сделать наш музей более доступным массам, и, имея это в виду, нужно первым делом в корне реформировать Эстампный отдел. Вернулся я и к реализации своей заветной мечты — к созданию Историко-бытового музея — и это в Зимнем двор-

це. — Днем пробовал несколько раз, но тщетно получить Макарова. Наконец какой-то женский голос («интеллигентная» горничная? подруга?) ответил: «Павел Михайлович уехал в Петергоф» (уж не случилась ли там какая-нибудь беда?). — Ко мне звонил М.И. Ростовцев. Он настаивает на том, чтоб я взял на себя председательствование новой «Зубовской комиссии» по выработке уложения Министерства искусства^[151]. Его основной мотив: таким образом в моем лице получался бы непосредственный контакт между нашей («Горьковской») комиссией и ихней («Зубовской») и мне это облегчило бы задачу направлять работы последней в желательном смысле! Я обещал подумать (Михаил Иванович по обыкновению чрезвычайно настойчив и буквально не отпускал меня от телефона), но в душе это предложение приводило меня в ужас грозящим осложнением наших дел и просто каким-то несоответствием с моими силами. К тому же особенно пугают все эти заслуженные умники, которых я достаточно тогда наслушался на «конференции». Поэтому я постараюсь сделать так, чтобы мои товарищи по комиссии с Горьким во главе мне *запретили* принять это предложение Ростовцева. С другой стороны, мне жаль лично порывать с ним, ибо М<ихаил> И<ванович> как раз тот художественный деятель, к которому я чувствую и особенное душевное расположение, и прямо-таки «безграничное» уважение. Не постараться ли лучше его переманить *к нам*? Посетили еще меня сегодня днем и ученики Училища барона Штиглица^[152], отряженные ко мне депутацией от всей школы с вопросом, как им быть. Что можно ответить на подобный вопрос? Мне и пришлось отделаться общими фразами, однако выразил им при этом свое «соболезнование», что во главе Училища стоит такой тусклый, такой сухой человек, как Г.И. Котов. Все дело не в уставах, а в *лицах*. Если встанут другие лица во главе этого богатейшего учреждения, оно оживет. Сами эти юноши — двое молодых людей и одна девица — произвели на меня впечатление каких-то несчастных жертв. На прощанье посоветовал я им обратиться к Добужинскому. Отпустив их, я поехал в другой конец города — проведать болеющего Философова.

Д.С. Мережковский выразил бурную радость по поводу моего появления. Видимо, он уже впал в отчаяние от «непонимания всего» (так и кричал: «Я *ничего* не понимаю!») и зывал ко мне, чтоб я ему объяснил! Но, разумеется, *il ne faut pas*

prendre cela au pied de la lettre¹. Это больше такой его *стиль* (который когда-то мне очень нравился, теперь — меньше). Зиночка тоже засуетилась, не оставляя, однако, своего слегка персефлонного² тона. С Димой же (очень сдержанным, но все же ласковым и «внимательным») я сразу вступил во что-то похожее на конспирацию (причем теперь я немного жалею, что из-за состояния моей перманентной за последние дни возбужденности я был даже чересчур экспансивным). У них *mot d'ordre*³: поддерживать всеми силами правительство, и в частности Керенского, которого они хорошо знают лично и от которого все трое в восхищении. В то же время они в панике от эсдеков и от большевиков. Горького и Тихонова они считают за последних (что в этом страшного, я пока не схватываю), а бедного Гржебина — просто за проходимца. Необходимо, по их мнению, посадить во главе М-ва Двора* такого человека, который являлся бы поддержкой Керенскому и тем самым служил бы укреплению *всего* кабинета (мне почудилось, что Дима не прочь выставить свою собственную кандидатуру). Тут же я поверг всю троицу в крайнее изумление, сообщив, что Горький *сам* якобы заявил (об источнике своих сведений я умолчал) о своем желании быть министром, однако сразу они и с этим согласились — Мережковский даже не без известного восторга (да и Зиночка промолвила: «Так было бы, пожалуй, еще лучше»). С одной стороны, Горький явился бы подкреплением Керенскому, с другой — он был бы оторван от своей партии, и тем самым партия была бы ослаблена... Хуже все<го>, если бы просто все осталось по-старому, закисло бы, заглохло (эту тревогу я вызвал своими рассказами о Н. Львове, о конференции у Зубова и т.п.). «Пусть Горький, хотя едва ли можно ожидать, чтоб из него вышел толковый министр!..» Напротив, мое предложение Дягилева вызвало в Мережковском какой-то взрыв *бешенства*. «Тогда уж лучше *ничего!* Ничего не надо! Лучше, чтоб погибло все, только бы не возвращаться к этому протухшему барскому эстетизму, к *ballets russes*⁴, к Маринетти» и т.д.

¹ Не нужно воспринимать это буквально (*фр.*).

² От *фр. persifler* — высмеивать, иронизировать.

³ Лозунг (*фр.*).

* В понимании Мережковского это «Министерство *театров*», и то поскольку оно ставило бы *его* пьесы.

⁴ Русским балетам (*фр.*).

и т.д. Поразило меня и на сей <раз>, до какой степени для Дмитрия Сергеевича и для Зиночки ускользает значение *стихийности* и разносторонности Сережи. Видно, он в эпоху «Мира искусства» успел *так* им досадить, что они готовы лучше примириться со всякой бездарщиной и пошлостью, только бы не увидеть торжество своего кровного обидчика!

Вообще же, я был сегодня поражен их... «дилетантизмом». С какой аляповатостью они разбирали лозунги большевиков и решали политические уравнения с бесчисленными неизвестными! С одной стороны, жадность до власти, а с другой — какая-то заячья паника. И их упование на Керенского покоится на таком *перепуге*. Да какой там Керенский! Я убежден, что они согласились бы увидеть «львовых на всех постах», только бы не случилась та «русская революция до конца» («прыжок в окно»), о которой они под крылышком монархии столько лет мечтали, будучи в глубине души уверены, что этот «праздник» никогда не наступит! И Дягилева они боятся, пожалуй, именно потому, что в художественной сфере он означал бы «революцию до конца!» Меня особенно раздражали их призывы к зминой мудрости и какие-то постоянные «скобки», как будто специально предназначенные для меня, — о том, что ими движет основная забота о *Христе!* Для меня непонятно, как может Дима — наш строгий, брезгливый Дима — годами терпеть рядом с собой такой разврат мысли. Как просто в «бытовом плане» он выносит эту безвкусицу, весь этот гвалт, этот лубок, всеу поминающий: и Макиавелли, и Талейрана, и св. Павла, и Будду, и Ницше!.. А на самом деле во всем этом не без какого-то привкуса Распутина. И только один как бы незначай брошенный вопрос Димы меня немного утешил во всей смуте этих мыслей и слов: «Разве ты считаешь, что еще *можно* продолжать войну?» Видно, он сам считает это невозможным. С другой стороны, вспомнив военную «агитацию» их приятеля Макарова, этот вопрос показался мне простой провокационной попыткой узнать мое настоящее отношение. Однако я и не думаю скрывать этого отношения, и естественно, что мой ответ был отрицательный.

Я у них обедал и затем поехал на заседание. В первый раз тут увидел сгоревший Окружной суд. Зрелище довольно эффектное. Фасады совсем целы и лишь получили красивую желтовато-красную патину. Нужно будет специально позаботить-

ся об этом красивом памятнике, по мнению Грабаря — произведение Ламота... Нашу комиссию застал в приподнятом настроении, вызванном той победой, которую удалось одержать Фомину в собрании Р. и С. Депутатов (состоявшемся в Михайловском театре). В сотрудничестве с передавшимся на нашу сторону Рудневым наш архитектурный *fa presto*¹ смастерил огромные картины — проекты фантастических памятников «жертвам», однако не на площади Зимнего дворца, а на Марсовом поле, и это произвело такое впечатление, что наконец «товарищи» сдались и решили, что погребение состоится там. Таким образом, стратажем, который втайне Фомин готовил, удался вполне! И как раз тут же явился Шагал, встревоженный возложенным на него поручением расписать знамена, которые должны фигурировать в погребальном шествии. Я убеждал его (и других) не впутываться в это дело, ибо и времени недостаточно (похороны назначены на 16-е), да и вообще такая задача не по силам «комнатным» художникам. Однако Добуж<инский> и Нарбут тут же размечтались о каком-то «море красных флагов». В качестве нового национального флага Нарбут предлагает красное поле, перерезанное белым Андреевским крестом. Ему же заказана Министерством иностранных дел государственная печать, надобность в коей стала сразу ощущаться, — для польских верительных грамот. Сегодня на собрании председательствовал Горький, и, нужно сознаться, довольно неудачно. Был и Тихонов. Маленькое интермеццо внес телефон Судейкина, которого «товарищи»-солдаты вместе со всей нестройной ротой, укрывающей всяких художников и музыкантов, ныне заставляют нести общие для всех обязанности. Судейкин умоляет «спасти» его. Горький обещал позаботиться.

Оказывается, что я (вместе с Репиным!) избран вчера на собрании, происходившем в Академии художеств, товарищем председателя по Отделу живописи^[153]. Предпочел бы отказаться, но как-то неловко. Охранные листы для наклейки на дворцы и другие художественные памятники отпечатали, но мы не имеем средств произвести их расклейку. Вот и убеждаешься, что без Гржебина — как без рук, а он укатил в Москву. Поздно вечером телефон от Макарова: Головин желает меня видеть и просит приехать в Зимний дворец завтра утром. Почему бы

¹ Скорый на руку человек; *букв.*: делай быстро (*ит.*).

ему не приехать ко мне? Но не станем считаться с такими мелочами — весь вопрос в том, что он из себя представляет.

Удивительно, как незаметно во всей заварившейся сутолоке проходит известие об *аресте* царя. Возмутительны все те пакости и пошлости, которые теперь изрыгают по адресу этого «лежачего» всякие негодяи вроде Шебуева и т.п. Но подобные пошлости отныне придется слушать постоянно. Вспомним, какие потоки их потекли в Великую французскую революцию!

Случайно встретил (еще вчера или третьего дня на Невском) С.И. Шидловского. По его сведениям, положение на фронте улучшилось, а то первые дни было совсем плохо: беспорядки, красные флаги, отказы целых частей исполнять приказы, открытое дезертирство, убийства офицеров. Но в Кронштадте безобразия продолжают воевать. Из другого источника слышал, что дезертиры потянулись с фронта целыми массами. Мне кажется, во всяком случае, мы воевать дольше *просто не в состоянии*. Надо только надеяться, что Милюков это поймет и отложит (хотя бы на время) свое «до победного конца» и свою мечту водрузить крест на куполе Св. Софии...

Суббота, 11 / 24 марта

Все меньше у меня находится времени для этих записок, а между тем интересного и курьезного в моей узкой сфере хоть отбавляй! Утром состоялось мое знакомство с Ф.А. Головиным. Произошло оно в Зимнем дворце, в нижнем этаже на Детской половине, куда попадаешь через маленький подъезд и небольшую отдельную парадную лестницу. Здесь уже имел свой pied à terre¹ Макаров, но Головину предоставлен целый апартамент налево от лестницы, состоящий из двух сводчатых зал и нескольких комнат. Впечатление от нового начальника Дворцового Ведомства я получил не особенно выгодное. Не разобрал, что это у него — напускная (уже по должности) угрюмая (вернее, унылая) важность или это просто форма вялости, граничащая с какой-то... беспомощностью. Тощий, плешивый, с выдающимся (однако не «волевым») подбородком, со «смешными» длинными, заостренными, чуть кверху поднятыми уса-

¹ Угол (*фр.*).

ми, в длинном старомодном сюртуке, в котором он себя неловко чувствует. На слова скуп, говорит как-то неохотно и «грустно», чуть-чуть картавя. Потухшие усталые глаза (морфинома-на?). Совершенно очевидно, что Макаров будет им распоряжаться, а при случае и прятаться за ним. У самого Макарова тон внезапно очень окреп. Всякая робость первых дней исчезла. Все же я еще продолжаю надеяться, что он будет нас «слушаться». К тому же у него никаких иных связей с художественным миром пока не имеется. «Аудиенция» Головина продолжилась не более получаса (впрочем, Макаров просил не очень задерживаться, так как-де Головин чувствует страшную усталость) и ни к чему определенному не привела. При расставании никаких «напутственных» слов не было произнесено.

Дома весь день бесчисленные телефоны, в ожидании завтрашнего «митинга», инициаторами которого, как оказывается, являются все те же архитекторы-художники во главе со взбешенным Шр[о]тером и с обиженным на нас, якобы за пренебрежение, Тамановым (он отчасти прав: каждый день с самого первого дня мы постановляли его пригласить, но так и не успевали это сделать)^[154]. Однако теперь несравненно более шумную агитацию ведут всякие «левые». Кругликова побывала на их собрании (в мастерской Бернштейна) и пришла в ужас от той чепухи, которой она наслышалась.

Эрнст побывал в Ораниенбауме и привез вести далеко не утешительные. Правда, полного опустошения и какой-либо серьезной порчи не произошло, однако все же очень много вещей погублено, поломано. Сговорившись с местным офицерством, ему удалось наладить подобие охраны, но необходимо все же нам *in corpore*¹ теперь туда поехать — и это на самых ближайших днях — «для острастки».

Наше очередное заседание состоялось на сей раз не у Неклюдова, а у Шаляпина в его особняке (на Каменноостровском — в одной из маленьких улиц, выходящих на проспект). Самое заседание получилось одним из *самых* бестолковых. Сплошное перескакивание с одного вопроса на другой, не покончив с первым. Кто-то вошел с требованием усиления средств Тифлисского музея (а ведь вообще у нас никаких *своих* средств пока нет), кто-то заговорил о новом типе почтовых марок и ассигнаций,

¹ Всем составом, вместе (*лат.*).

кто-то взывал к немедленному приобретению боткинских «Ивановых»* для Музея Александра III. Последнему я, разумеется, вполне сочувствовал, но, к сожалению, из-за этого частного вопроса возник, по инициативе суетящегося «общественника» Макарова, целый проект Общества друзей искусства, за который просто вцепился и Неклюдов, вызвавшийся сочинить и устав такого общества. В первый раз сегодня я и мои ближайшие единомышленники разошлись с Макаровым по вопросу о нашей «легализации». Он стоит (из каких-то, якобы практических, соображений — вернее, из соображения охраны своего «единовластия») на том, чтоб мы были «при комиссаре б. М-ва Двора»; мы же желаем прямого утверждения Временным правительством в качестве самостоятельного органа, ведающего делами искусства и могущего в известных случаях иметь «непосредственный доклад» у главы правительства. После долгих торгов и споров мы все же уступили Макарову — просто потому, что в его руках (благодаря Керенскому) власть, но я не сомневаюсь, что вредные последствия такой уступки не замедлят сказаться. Шаляпин в течение вечера то и дело возвращался к вопросу о гимне. Ужином же он угостил совершенно «довоенного» образца: очень вкусным и пьяным. Идя затем пешком по Каменноостровскому, мы слушали анекдоты Неклюдова. Подобно многим, таким же, как он, «славным» русским барам, он великий мастер их рассказывать — особенно те, что попикантнее.

Воскресенье, 12/25 марта

Le grand jour... В качестве резюме сегодняшнего дня. Я не знаю, плакать или смеяться разумнее, впрочем, *комический* элемент доминировал. В первый раз я увидел то, что называется «революционным настроением» или «революционным возбуждением», воочию, и, увы, оно не оказалось хотя бы чем-либо внушительным, эффектным, а просто... самым настоящим «зверинцем»! Правда, то, что представилось сегодня моему вниманию, принадлежит исключительно к художественной области; правда, этот мир в своих представлениях в общем не

* Чудесное собрание этюдов Александра Иванова к его знаменитой картине «Явление Христа народу», принадлежавшее Михаилу Петровичу Боткину^[155].

отличается ни особой мудростью, ни особой культурностью, отражает он лишь очень незначительную часть «русской души» в целом. Однако он может служить и довольно ценным показателем здоровья этой души. И вот оказывается, что этот «термометр» показывает лихорадку, какой-то пьяный бред! Да и вовсе не что-либо фантастически пламенное, бешеное, яркое, а просто одну пошлость и гротеск. Ноздревщина и смердяковщина перепутаны с чичиковщиной и с хлестаковщиной.

Расскажу все по порядку. Утром долгий разговор по телефону с Тамановым. Он уверяет, что он затеял этот «съезд художников», этот «митинг» специально для того, чтоб *остановить нас* на пути к гибели! Именно и единственно из любви к нам! Поэтому и я-де (Бенуа) выбран в товарищи председателя — по живописи. О Господи! Какой ограниченный, тупой и упрямый человек Тамаша! Он уверовал в то, что отныне в России все должно происходить согласно «нормам общественности» и все должно подчиняться арифметике голосования и проходить через контроль так называемого общественного мнения. Против личного состава нашей комиссии он ничего не имеет, это «все его друзья» и, во всяком случае, люди, «пользующиеся его беспредельным уважением», но нужно, чтоб нас *избрали*, чтоб избрали *все* художники! С другой стороны, он сам еще не знает, как такой плебисцит устроить и как при этом обеспечить, чтоб избрали именно *нас*, а не каких-либо допотопных старцев или просто шутов гороховых. При этом Таманов забывает, что всякое промедление смерти подобно, и это особенно касается охраны художественного достояния страны. Я пытался его урезонить, показать, до чего он не прав уже в одном том, что он поспешил сплотиться с нашими врагами и даже возглавил их, — тогда как наша дружба требовала бы сначала попытаться объясниться, со мной в первую голову. Но мои резоны ни к чему не привели (наше личное свидание непосредственно до начала митинга не состоялось), и он остался, без малейшей уступки, при своем мнении. Тогда я решил, что нужно по крайней мере толком подготовить Набокова, которого «съезд» избрал председателем сегодняшнего собрания. С этой целью я отправился к нему и за завтраком успел ему изложить, в чем сущность ожидающей нас «Kabale»¹. А вообще, я несказанно тронут тем, что

¹ Интриги (нем.).

из дружбы ко мне В<ладимир> Д<митриевич>, несмотря на грипп и сильный жар, все же согласился ехать в Михайловский театр и взять на себя навязанную ему обузу.

За завтраком сестра В.Д., г-жа Коломейцева, рассказывала про осаду «Астории», в которой она занимала одну из комнат в верхнем этаже. Между первыми выстрелами и моментом, когда солдаты ворвались в гостиницу и добежали до ее этажа, она успела взять ванну и начала варить себе кофе. Меня особенно в этом рассказе поразило ее невозмутимое спокойствие и какой-то обывательский тон. Это мужество или органическая неспособность реагировать, «толстокожесть»?

Выполнил В.Д. выпавшую ему совершенно случайно задачу *великолепно**. Я в течение трех часов не переставал им любоваться, должно быть, совсем так, как в древности любители цирковых зрелищ любовались какими-нибудь всепобеждающими гладиаторами. Набоков сам большой поклонник и тоже виртуоз бокса; недаром он ежедневно предается упражнениям в этом искусстве вместе с сыновьями. Поразительная выдержка, спокойствие, находчивость, планомерность и прямо *красота*. Приходилось же ему бороться с «необузданной стихией», с взбунтовавшимся зверинцем или с больными Дома умалишенных. В этой борьбе между гидрой-толпой и ее умным укротителем и прошло это «историческое» заседание, доказавшее, во всяком случае, что у кадетов имеются таланты и превосходные мастера парламентского искусства, но в то же время показавшее во всей своей наготе убожество нашего художественного мира.

Испортит дело (если вообще вся эта затея может быть названа *делом*) то, что Горький, избранный председателем по литературной секции, скомкал, куда-то спеша, свое вступительное слово с изложением задач *нашей* комиссии; получилось нечто совершенно несуразное, а от каких-либо прений он отказался (кроме него, из «нашей комиссии» никто не выступил). Это сразу понизило настроение тех, кто сюда пришел с наив-

* Сидели мы, члены «президиума», на сцене перед амфитеатром зрительного зала. Я — рядом с милым бегемотом Глазуновым. Последний ужасно обиделся, когда в списке будущего совета по устройству «Учредительного собрания искусства», составленного «левыми», он оказался упомянутым рядом с Прокофьевым — и вдобавок только в качестве кандидата! Я его утешал заверением, что вообще это все пустая «игра» и что до чего-нибудь реального дело все равно не дойдет.

ным чаянием «послушать умных речей». Зато озорники почувствовали, что им открывается самое широкое поле. Они же придумали весьма остроумную форму обструкции. Согласно регламенту этого «парламента» (кто его выработал? Таманов и его компания?), каждому обществу было предоставлено выставить по одному оратору. И что же, шалуны-левые образовали за три дня что-то около двадцати или тридцати новых «обществ» с самыми несуразными наименованиями, и, таким образом, эти «представители обществ» проболтали — одни сменяя других — все часы, что длилась говорильня, а болтали они приблизительно на те же темы и почти в тех же выражениях. — К заправилам «левых» примостился и Мейерхольд, явившийся в отложных воротничках à l'empire (или à la Danton¹). Не то юноша поэт, не то якобинец 1793 года. От него особенно досталось лично мне (это расплата за мои недоброжелательные фельетоны). Хоть он и не назвал меня по имени, но было очевидно, что он имеет в виду в качестве «главного захватителя власти» (громил он в своей речи именно таких «захватчиков») именно меня, намекая на «всеподданнейшие подношения» (очевидно, Мейерхольд не допускает, что, создав книгу о Царском Селе^[156], я ее не поднес Государю), на то, что кто-то получил за всякое пресмыкательство Владимиров всяких степеней (как раз недавно я получил за свое участие в издательстве Красного Креста Владимирский крестик) и т.д. Признаюсь, одно время я был недалеко от того, чтоб крикнуть пасквилянту: «Какая же ты гадость!», но, к счастью, Набоков вовремя удержал. А затем я даже настолько справился с собой, что принялся в свой альбомчик набрасывать поносившего меня трибуна (я терпеть не могу нелепые, претендующие на гениальность постановки Мейерхольда, но не могу отказать ему в том, что он сам подчас весьма живописен). Чудовищную чепуху несли также всякие Зданевичи, Маяковские и прочие архигении русского футуризма (каждому из них неистово аплодировала предательница Пуни-Богуславская), но особенно позабавили меня и значительную часть аудитории всевозможные, случайные, выползшие из подполья *ratés*². Особенно типичен был хорист и певчий, наговоривший с три короба самой обывательско-профессиональной ерунды, все это подкрепляя неуклю-

¹ В стиле амбир... в стиле Дантона (*фр.*).

² Неудачники (*фр.*).

жими жестами; еще занимательнее было выступление чахленького человечка, который оказался представителем Петроградского общества изобретателей, имеющего свой магазин в Пассаже. Наконец, озадачил всех какой-то «независимый футурист», обозвавший всех присутствующих «божественными идиотами». Однако, как раз он же тронул меня тем, что единственный из всех говоривших он высказал какую-то мысль — в пользу *мира*. Напротив, Маяковский и все его сподвижники голосили за войну.

Набоков необычайно мастерски и тактично прерывал ораторов, когда они слишком завирались и переходили на «личности», мастерски формулировал иной раз и в очень абсурдной форме высказанные предложения, однако в конце концов его терпения и просто сил не хватило — стоял непрерывный оглушающий гвалт, и голоса председателя уже нельзя было различить. Каждую тираду галерка сопровождала неистовыми криками, а «секретари» президиума уже никак не могли что-либо запротоколировать. — Тут, пользуясь общим смятением, мы потихоньку встали и удалились. Он поехал в Мариинский дворец, а меня подвез в Зимний...

7.X.1955 г.

ПЕРЕРЫВ В ДНЕВНИКЕ

На этом, к сожалению, кончается тот фрагмент моих дневниковых записей, который относится к первым месяцам «февральской» революции (произошедшей в марте 1917 года). Все остальное, т.е. весь мой дневник за 1917 год, или погребло, или оно сдано в какое-либо хранилище — как я о том когда-то и просил С.П. Яремича (скорее всего, в таком случае, в Музей Александра III)¹⁵⁷. Как бы то ни было, это продолжение, если оно не погребло, для меня сейчас недоступно и едва ли окажется доступным в ближайшие годы. Себе же, для памяти, я здесь набросаю краткий перечень того, что произошло в дальнейшем, и вплоть до нового фрагмента, но, разумеется, приходится полагаться на одну свою память, тогда как я не обладаю для того никаким иным подспорьем (я не смог вывезти даже своей интимной переписки). Поэтому я не могу поручиться <ни> за полную точность всех изложенных фактов, ни за правильную цитату имен действующих лиц и разных названий.

Итак, возобновляю свой рассказ, прерванный на том месте, где я расстался с В.Д. Набоковым после шумного и бесполового «митинга деятелей искусства» в Михайловском театре и отправился в Зимний дворец.

Вероятно, это было именно в тот же день, 12/25 марта 1917 года, когда я осуществил свое с первого же дня переворота назревавшее намерение снова посетить Зимний дворец и собственными глазами удостовериться, все ли там в целости. На сей раз моим гидом был Макаров, уже побывавший во дворце несколько раз (в первый раз вместе с Керенским) и довольно основательно изучивший его сложнейшую «топографию». Обошли мы с ним значительную часть гигантского здания и все главнейшее. По-прежнему многие залы были заняты лазаретом, но уже было постановлено его эвакуировать. Все вместе взятое произвело на меня давяще-мрачное впечатление какого-то еще не остывшего трупа. Особенно меланхоличное зрелище представляли собой многочисленные, рассеянные по двору лакеи, все еще одетые в свои красивые ливреи с золотыми позументами, с желтыми гетрами на ногах... На широкой внутренней лестнице, ведущей в верхний этаж, мы повстречали старенькую старушку, вероятно фрейлину, замеревшую в испуге на месте при виде нас, — очевидно, она приняла нас за каких-то революционеров-головорезов. Осмотрели мы тогда и то помещение на Детской половине, которое было предоставлено под нашу «комиссию Горького». Рядом с ним — по другую сторону площадки отдельной мраморной лестницы — было теперь местожительство Головина. Но самого его там не было — он снова уехал в Москву. Еще дальше, в двух комнатках, устроился Макаров. Поразило меня то, что в большом зале, но во внутренней его половине, за арками, висела непомерно большая, но очень красивая екатерининская люстра с вазой желтого стекла посреди<не>*. Тогда же, помнится, Макаров, с которым я поделился тем впечатлением, которое на меня произвел Головин, поведал, что это очень несчастный (в семейной жизни) человек, что он «во всех изверился» и что даже постоянно носит при себе револьвер — дабы иметь возможность в

* В этой же самой квартире Головина устроил, на первых порах после Октябрьского переворота, свой кабинет Луначарский, и в ней же имел свое присутствие тов. Ятманов, «наше нелепейшее ближайшее начальство» первых лет большевистского режима.

любую минуту (в припадке острой меланхолии) с собой покончить! Мне показалась такая характеристика мало подходящей для лица, которое должно возглавить все художественные дела в Русском государстве! — Помещение под нашу комиссию состояло из зала заседания (название «Готического», данное ему в дворцовой описи, оправдывалось тем, что своды здесь поддерживались пучками колонн какого-то неопределенного, «средневекового» характера, а <на> стене висела картина с сюжетом тоже средневековым (писанная каким-то посредственным немецким романтиком). И в этом зале висели тяжелые, блиставшие хрусталем люстры, а по углам стояли большие (от полу) канделябры. Мебель состояла из золоченых кресел с темной обивкой и из менее громоздких золоченых стульев.

Через день или два после описанного «митинга» в Михайловском театре наша комиссия покинула гостеприимный кров Неклюдова и заняла это новое, несравненно более импонирующее помещение. Сам же Неклюдов как-то сразу исчезает с нашего горизонта*. Я распорядился, чтоб нашему председателю было поставлено одно из тяжелых золоченых кресел, но Горький решительно отказался на него воссесть и даже принял это предложение за неуместную шутку, — Алексей Максимович вообще далеко не всегда понимал иронии, чем и выдавал пролетарские корни своего воспитания.

Ряд зал, что расположены далее к Детской половине, служили помещением великих княжон и цесаревича Алексея Николаевича. Здесь еще стояли большие застекленные шкафы, полные кукол и других детских игрушек. Одна из последних (уже за углом) комнат была обита цветным кретоном и служила кому-то спальней. В этом помещении наша «Горьковская» комиссия превратилась в комиссию Головина, просуществовавшую вплоть до Октябрьской революции. Однако и при большевиках в этой же Детской половине расположилось на первых порах то учреждение, которое ведало, под начальством Луначарского, художественными делами. Но это уже совершенно другая эпоха; здесь же я занесу (без строгой системы) то, что мне запомнилось, и то, чему я был сам очевидцем за месяцы существования Временного правительства.

* По слухам, несчастный был в 1919 или 1920 году расстрелян, но где и при каких обстоятельствах, мне неизвестно.

Еще того же времени, т.е. еще в марте 1917 года, я съездил с Макаровым и с Эрнстом в Ораниенбаум. Там действительно произошел погром дворцов, и хотя он и был остановлен местными военными силами, все же охрана была недостаточно бдительной, и отдельные группы продолжали проникать внутрь как Большого, так и Китайского дворцов, и как раз подходя к последнему, мы увидели выходящего из бильярдного зала солдата, у которого бок показался страшно оттопыренным. Макаров грозно спросил: «Что несешь?», и солдат сразу безропотно вытащил из-под шинели целую атласную занавеску длиной во много аршин... В общем же, Китайский дворец оказался целым. Зато печальную картину все еще представляли комнаты герцога Михаила Георгиевича в Большом. Пол был все еще устлан письмами Вел. Княгини Елены Павловны и других высочайших особ, и часть картин — со сломанными рамами. Видно, и здесь по ящикам и шкафам производились поиски «царского золота». Но, к счастью (счастье это длилось недолго), знаменитая коллекция мейсенских мифологических групп оказалась целой. До них в подвальное помещение Большого дворца погромщики не добрались; группы по-прежнему были расставлены по доскам на козлах, лишь у нескольких фигур поотвалились у кого ножка, у кого ручка, но то были, вероятно, давнишние поломки, починенные домашним способом. Поломанные куски лежали тут же, — очевидно, отклеивались от действия сырости. Тогда эти чудесные скульптуры уцелели, но после Октябрьского переворота дворец снова подвергся погрому, и весь этот фарфоровый Олимп исчез — причем исчез бесследно. Лишь через несколько лет Эрмитажу была предложена одиночная фигурка Меркурия, которая тогда была конфискована и помещена в музей. — До павильона Катальной горы нам не удалось пройти из-за снежных завалов и усталости, положившись на заверения проживавшего в павильоне сторожа¹, что все там благополучно. Высказав разные наши пожелания собранному военному начальству, я отправился в обратный путь более или менее успокоенным.

Вскоре после того, а может быть, на следующий день я поставил в известность хозяев Ораниенбаума о том, что я там

¹ Так в рукописи.

видел, и с этой целью, сговорившись по телефону, отправился в Каменноостровский дворец¹⁵⁸¹ — резиденцию принцессы Е.Г. Альтенбургской, у которой застал и графиню Карлову, и герцога Михаила. На сей раз меня провели в библиотеку (где раньше я не бывал) — во втором этаже. Приняли высочайшие особы меня сухо, — видимо, уже до них дошли слухи, что я «заодно с революционерами» и дружу с «самым страшным среди них» — с М. Горьким! Моя же прямая цель при этом свидании была наладить переправку драгоценных фарфоровых групп и всего серебряного сервиза (до него солдаты тоже не добрались) для сдачи их на хранение в Музей Александра III. Но герцог Михаил и на сей раз подтвердил свою репутацию человека упрямого и очень недалекого, и он наотрез отказался выложить те сотни две рублей, что спросили для этой операции (при обеспеченном согласии местных властей) ломовые извозчики. Позже все серебро попало в музей, но в период разбазаривания большевиками казенного царского добра (1930-е годы) и это серебро было целиком или частью продано за границу; и несколько штук из сервиза работы Odiot¹ мы видели на выставке «португальского серебра» в павильоне Marsan² в 1954 году.

Все на тех же днях (до Пасхи) состоялось собрание у Мережковских специально на предмет обсуждения, чью кандидатуру выставить (через Керенского) на пост директора Казенных театров. Однако как будто вопрос был уже предreshен в пользу Батюшкова, которого Мережковские тоже все знали лично и назначение которого они, скорее, приветствовали. И вот во время этого чаепития, что к телефону попросили Дмитрия Сергеевича, и мы из его испуганных реплик узнали, что «едет Ленин», имя которого я как будто тогда и услышал в первый раз. Отойдя от телефона, Мережковский впал в своего рода пророческий транс и возопил: «Ленин! Да ведь это сам черт! Ведь это конец всему!» Философов тут же познакомил меня с причиной такой паники и сделал краткую характеристику того, кто вскоре затем стал действительно каким-то Магометом всего революционного движения. Приехал же Ленин в Петербург..., и с первых же дней начались сборища у террасы особняка Кшесинской на Петербуржской стороне, откуда Ленин стал

¹ Одио (*фр.*) — фамилия мастера по изготовлению посуды.

² Марсан¹⁵⁹¹ (*фр.*)

говорить свои зажигательные и убеждающие речи^[160]. Пошел и я послушать Ленина, но мне не повезло — в этот как раз день он не появился.

Все около того же времени или несколько раньше (еще лежало много снега) возник вопрос о погребении «жертв революции» в Царском Селе, и опять местные агитаторы не нашли для того лучшего места, нежели обширный двор Циркумференции^[161] перед старым Екатерининским дворцом. В сущности, в самом этом решении ничего странного не было, но впоследствии тут мог бы, на могиле, вырасти целый памятник, и это грозило настоящим изуродованием всего знаменитого, столь характерного для XVIII в. архитектурного целого. Надлежало не откладывая принять меры, дабы отвести и эту опасность. Как раз в это время к нам в комиссию вошел адвокат Н.Д. Соколов, который в те дни особенно прославился как «автор пресловутого Приказа □ 1». Кто его к нам привел, я сейчас не припомню, но едва ли Макаров, которому самый этот приказ представлялся чем-то особенно пагубным. Возможно, что Горький. Во всяком случае, Соколов сразу нас всех *очаровал* — своей удивительной находчивостью, талантом формулировки и в то же время какой-то спокойной и «тихой» манерой держаться. Я его встречал как-то у моего кузена Е.Ц. Кавоса, и образ его с тех пор врезался мне в память: запомнилась плешь во всю голову, густая черная борода, приземистая фигура и какие-то необычные, <с> широкими и открытыми воротничками, рубашки. Что касается до авторства пресловутого приказа, то он решительно отрицал таковое, а рассказывал, что дело произошло следующим образом. Он как раз находился вместе с другими присяжными поверенными в одном из помещений Государственной думы, когда группа «солдатских депутатов» явилась с предложением издать нечто чрезвычайно революционное — обращение в виде манифеста ко всему русскому воинству. Но сами авторы предложения находили формулировку предложения нескладной и искали кого-либо, кто бы помог ее переработать и придать воззванию внушительную форму. Тут кто-то и указал на Соколова, и не успел Николай Дмитриевич опомниться, как добрые руки его подхватили и через густую волнующуюся толпу пронесли до стола и усадили его с требованием, чтобы он просмотрел целый ряд составленных вариантов. Соколов не мог сопротивляться, и тут же, под крики и перебранки тесно

обступившей его толпы, он занялся навязанной ему задачей. Выбрал он тот вариант, который ему показался наименее обидным или опасным, и этот вариант и был превращен в «приказ» и обнародован. — Так ли это все происходило, было впоследствии трудно проверить, но, во всяком случае, сам Соколов не только не гордился своим «авторством Приказа □ 1», но каждый раз, когда при нем заходила о том речь, решительно от такого авторства отказывался...

И вот наша комиссия поручила мне, еще кому-то из наших членов и Н.Д. Соколову отправиться в Царское Село и попытаться отстоять перед местным Советом Солдатских и Рабочих Депутатов неприкосновенность двора Циркумференции. Что же касается иного какого-либо места погребения, то выбор его предоставлялся нам, — мол, там будет виднее. Памятная мне эта поездка потому в особенности, что я тогда особенно оценил «силу слова» вообще и в частности талант самого Соколова. Собрание проходило в рекреационном зале какой-то школы (гимназии?); зал был переполнен до отказа, но нам, «приехавшим из столицы», были предоставлены места на эстраде (я, впрочем, не собирался выступать и поехал больше из любопытства, а теперь и в качестве какого-то «эксперта» по делам, касающимся Царского Села). Соколов же занял место рядом с председателем — помнится, очень приятным и покладистым молодым солдатом.

Сначала и после вступительной речи председателя вся серая масса и слышать ничего не хотела о том, чтоб менять свое решение, и Соколов насилу добился слова. Когда же «стихия» через четверть часа угомонилась, Соколов стал очень спокойно и очень толково, без всяких ораторских эффектов, разъяснять положение, причем он объявил, что готов он дать и еще большие разъяснения, если бы таковые потребовали присутствующие, но просил эти вопросы изложить в письменной форме. Таких записок выросла во время того, что он говорил, целая горка, и, когда после передышки (с чаем) собрание возобновилось, он сначала быстро пробежал эти записки, а затем, разделив их на несколько категорий, он метко и остроумно принялся за разрешение поставленных вопросов, и это так быстро, что казалось, точно присутствуешь на каком-то сеансе фокусника. Оратор одержал полную победу. Надо прибавить еще, что до заседания мы совершили, местами утопая в снегу,

прогулку по Новому саду, и там, на скрещении двух дорог, нашли место, которое нам показалось подходящим для погребения. Тогда же, помнится, глядя на белевший в отдалении Александровский дворец, мне подумалось, что, пожалуй, через эти же окна, которые мы видим снаружи, изнутри глядят на нас болевшие тогда корью царские дети и сама Государыня...^[162]

23 марта/5 апреля состоялись в Петербурге похороны «жертв революции». Многие из нас оказались тогда на выставке в художественном бюро Добычиной и из окон смотрели на то, что происходило на Марсовом поле. Но Горький не долго оставался зрителем, его вытребовали к самим могилам, а он и меня потащил за собой. Нас там даже сняли перед раскрытой могилой (однако в напечатанных в «Illustration» и в «Огоньке» снимках я ни себя, ни Горького не различил). Среди бывших тогда у Добычиной к чаю я познакомился со знаменитой Верой Фигнер (маленькой, щупленькой, скорее стесняющейся старушкой) и с «бабушкой русской революции» — Брешко-Брешковской (ее аспекта я не запомнил). Из художников были большинство «мир-искусственников», и среди них Натан Альтман, который *отмочил* в довольно обидной форме, выразил мне (увидав меня прохаживающимся под руку с Горьким) свое пренебрежение. Была ли с нами у Добычиной и А.П. Остроумова, я не помню, но, во всяком случае, все эти дни она пребывала в очень приподнятом настроении, нашедшем свое выражение, между прочим, и в том, что она создала, под свежим впечатлением и пользуясь набросками, сделанными по пути следования погребального шествия, целую серию очень удачных и очень «выразительных» акварелей, в которых главным пятном были жуткие, несомые на руках ярко-красные гробы. — Напротив, в той компании (художников), которая тогда собралась у Добычиной, настроение было, скорее, ироническое. Поговаривали даже о том, что ввиду недостаточного количества погибших в боях революционеров им добавили — для счета — несколько умерщвленных городских. Этот поклеп пользовался затем большим успехом среди наших зоилов и остряков.

Что же касается до приподнятого состояния, то и мне оно было тогда не чуждо. Из-за него у меня [произошла] очередная ссора с милым Аргутинским, и тогда же я «выпалил» какую-то очень напыщенную и глупую фразу «в духе Мирабо» в гостинной милейшей княгини Н.П. Горчаковой в присутствии еще

какой-то аристократической дамы. Мой конфуз за нее и до сих пор я запомнил. Однако мой этот психоз длился недолго, и уже к концу весны я вернулся к более мне свойственной психологии, но того было достаточно, чтоб создать мне на время репутацию какого-то яркого революционера.

Тогда же разлад моих взглядов с тем, что проповедовала «Речь», дошел до кризиса и заставил меня покинуть газету^[163]. В записи от 3/16 марта о большом редакционном заседании я уже указал мотивы моего расхождения. Но тогда меня как-то насильно уговорили остаться; теперь же, под действием убеждений Горького, я перешел в основанную им газету «Новая жизнь»^[164], где он ручался, что мне будет предоставлена полная свобода мнения, и не только по художественным вопросам^[165]. Все же расставание с «Речью» не прошло без глубоких с обеих сторон огорчений; ведь я покидал ту группу людей, состоящую из Набокова, Гессена, Ганермана, А. Каминьки, которую я без малого целых десять лет имел основание считать за очень близкую мне по существу! Это были вполне *милые моему сердцу* люди! — Последние же мои сомнения Горькому удалось побороть на том интимном завтраке, которым он угостил в отдельном кабинете «Медведя» меня, Бунина и, кажется, А.Н. Тихонова. Бунин тоже чуть было не поддался, но устоял; я же, переходя в «Новую жизнь», ощущал в себе некий «героический подъем», и в одном из фельетонов, помнится, даже выступал «в защиту» *bête noire*¹ всей умеренной прессы тех дней — Ленина. Статьи его производили на меня потрясающее впечатление простотой своих безапелляционных и как будто до конца искренних и бесстрашных утверждений. Основная же цель моей этой статьи (в точности я ее не помню, и у меня ее здесь нет) заключалась в том, чтоб воздействовать на ту же «умеренную» буржуазию, с которой я не переставал себя чувствовать солидарным, но которой мне хотелось раскрыть глаза на неизбежность гибели в случае продолжения войны. Вообще, этот мой «пацифизм» являлся в эти месяцы (да он оставался таким и позже) главным содержанием, главной основой всех моих дум, мыслей и сожалений. И пацифизм этот был двоякого свойства. С одной стороны, мне, как убежденному христианину, просто претило от продолжения бойни, с другой — и в согласии с

¹ Предмета ненависти, отвращения; жупела (*фр.*).

этим — я не мог не сознавать, что вся наша культура, весь наш быт «полетит к черту», если будет продолжаться это убийственное духовное и материальное разорение страны. Произшедший только что государственный переворот я приветствовал исключительно как шаг к *миру*. Я был настолько наивен, что считал (да и Горький был тогда того же образа мыслей и чувств, но с оттенком, который он приобрел от «пребывания в партии»), что возможно остановить немецкое нашествие, объявив свое намерение выйти из борьбы. Истинный патриотизм, казалось мне, заключается в предохранении, посредством любого мира, родины от разрухи. «Плохой мир лучше доброй ссоры». «Что же скажут союзники?» — вопрошала негодующая на меня и на мою жену А.П. Остроумова. Нам же казалось, что своя рубашка должна быть ближе к телу и что нечего думать о согласии кого бы то ни было, когда уже горит весь собственный дом. Да и эти «союзники» — сколько раз они в прошлой истории были нашими злейшими врагами, сколько раз они изменяли нам! И уж совсем меня не беспокоила мысль, что Германия может выйти победительницей. Немецкая культура, в сущности, нам ближе, нежели французская или английская. Пора пересмотреть весь этот вопрос...

Увы, сомнение в уместности моего зачисления в одну группу с самыми заправскими и безусловными революционерами у меня явилось на первом же общем заседании членов редакции и сотрудников «Новой жизни», проходившем в той же квартире на Невском, против Аничкова дворца, которую Гржебин отыскал для Горького для устройства в ней разных издательских затей Алексея Максимовича. Заседали в этот день за одним очень длинным столом не одни причастные к новой газете лица, но подошли и другие столпы, с которыми меня тогда познакомили, но которые мне показались уж абсолютно *чуждыми*. Разумеется, не про войну и не про необходимость в первую очередь ее кончать шли речи, а все про какие-то ходы партийной политики, о которой я имел лишь самое смутное понятие. Естественно, что я не проронил ни слова, но молча волновался в предельной степени, ища во время перерыва (и находя) некоторое успокоение в беседе с милейшим, «бальзамически на меня действовавшим» Тихоновым или с «оптимистом до конца» — Зиновием Гржебиным. Впрочем, и Горький, отведя меня в сторону, глухим рокотом убеждал «не придавать

большого значения всем этим разговорам». Мол, это дела «домашние», тогда как «вещи действительно важные и нужные, мы их вынесем в газету и в той форме, какая нам покажется наиболее действенной... Главное, Александр Николаевич, пишите; все, что вы скажете, во сто крат значительнее, чем то, что эти господа болтают». Я и стал писать одну статью за другой, стараясь не заглядывать в соседние столбцы газеты и получая от Горького всяческое одобрение. У меня этих статей здесь нет, и я в общем забыл, о чем именно я писал; отчетливо запомнилась лишь одна тема, которую я почерпнул из купленной у Цинзерлинга французской книжки, только что тогда вышедшей, в которой превозносилась деятельность (чисто *военная* деятельность) священников на фронте. Меня это превозношение возмутило в чрезвычайной степени. Служители христианской церкви, отправляющиеся с ружьями, точно на охоту, против ближних, против таких же христиан! Помнится, как некоторые друзья меня тогда же предупреждали, что после таких статей мне въезд во Францию будет затруднен... Настойчиво старался меня отвести от сотрудничества в «Новой жизни» и Генри Брус, — мол, мне это не простят в Англии. Однако, обуреваемый тем, что мне казалось чувством долга, я не слушал дружеские уговоры... Но и не долго я сопротивлялся им: уже к концу лета я вышел из состава «Новой жизни», перестал же я давать туда свои статьи и заметки еще раньше. Последняя моя статья была посвящена некрологу моего милого друга и прекрасного художника — скульптора А. Обера.

Февральский (мартовский) переворот отозвался сразу на русско-финских отношениях. Обещания предоставить значительную независимость Финляндии — взамен системы всеяческого утеснения, процветавшей в последние годы царизма, — произвели в Финляндии отличное впечатление и даже вызвали у финнов надежду на полное отделение. Это отозвалось и на культурных взаимоотношениях, и уже около Пасхи у Добычиной была устроена демонстративно дружественная выставка финских художников, которые с самого 1898 года из патриотической солидарности воздерживались, несмотря на все наши попытки, от дальнейшего участия в наших выставках. Эта финская выставка у Добычиной, в которой приняли участие и прежние наши знакомые, и ряд молодых, «крайне левых» художников, не отличалась большим блеском, но послужила предло-

гом для всяких дружественных излияний и увенчалась банкетом (не то у Контана, не то у Донона)^[166], на котором было сказано немало трогательных и пламенных речей и на котором была выпита не одна сотня бутылок вина. Мне особенно памятен тот припадок какого-то бешеного энтузиазма, в который тогда впал художник Риссапек и который даже принял довольно тягостную лично для меня форму. Громадный, тяжелый, вдрызг пьяный, Риссапек все лез на меня и изъяснялся в какой-то страстной, граничащей с раболепством любви. Я несколько раз вырывался из его объятий, но он снова вцеплялся в меня, требуя, чтоб я непременно плюнул ему в лоб, в чем он почему-то видел единственный способ подтвердить мое к нему расположение или, вернее, мое «согласие на его поклонение»!.. На том же банкете мой сосед за столом, господин мне вообще незнакомый, настойчиво развивал идею о необходимости освобождения из тюрем *всех без исключения* заключенных. Меня поразило столь характерное для времени проявление «общественного оптимизма». — Не обошлось без «чествования финнов» и у нас на дому. Были и Риссапек, и Энкель, и какой-то бородатый генерал в форме, плохо говоривший по-русски, и *сам* грандиозный, красивый, «героический» Галлен, который покорила сердца всех наших дам и девиц. После обеда танцевали, причем мне особенно запомнилась плясовая прыть самого Галлена. И у нас все финны сильно подвыпили. Увы, весь этот оргиазм был первой и последней манифестацией возобновления дружбы между русскими и финскими художниками.

Те же наши дамы, с самой моей Акицей во главе, пребывали в это время (апрель, май) в каком-то экстазе от Керенского, видя в нем чуть ли не сошедшего с неба ангела — и именно ангела мира. Энтузиазм этот разделялся и нашими кухонными дамами. Я помню, как в полушутку Дуню, Мотю, Катю и самую кухарку Веру Григорьевну наши девочки вопрошали: «Кто наш спаситель?» и те с восторгом все в один голос отвечали: «Керенский!» Кульминационного пункта этот основанный на недоразумении культ достиг после того что и Анна Карловна, и наши дочери побывали на памятном митинге в Мариинском театре, когда Александр Федорович, поднявшись в одной из литерных, ближайших к сцене лож возгласил: «Протянем же руку народам поверх голов их правительств!» — Кажалось, что имеет он в виду не только союзные народы, но и

немецкий народ и как бы идет на «мир во что бы то ни стало». — Напротив, пространная и тусклая речь Милюкова, тогда же доказывавшего необходимость довести борьбу до победного конца, вызвала негодование и даже род отчаяния. Очень скоро после того Павел Николаевич, видя общее неприятие его политики (ныне, на расстоянии и особенно в отношении краеугольного вопроса о войне, <видится, что> позиция Милюкова, в сущности, мало чем отличалась от позиции Керенского), счел нужным выйти в отставку^[167], что было встречено у нас с каким-то вздохом облегчения, — мол, наконец-то главная помеха миру устранена. Однако как раз в этот же момент возобновилась с небывалой силой общественная пропаганда за *продолжение* войны. Всюду были расклеены гигантские плакаты с призывом жертвовать на военный Заем Свободы^[168] (у Публичной библиотеки такой плакат в виде знамени покрывал всю высоту здания), а по Невскому разъезжали телеги и грузовики, с которых визгливые дамские голоса приглашали подписываться на этот заем или жертвовать на какие-то военные нужды. На одной из этих повозок я узнал Е.С. Кругликову. Тогда же я застал на углу Среднего проспекта и 8-й линии художника Чехонина, ораторствующего перед небольшой кучкой слушателей все на ту же тему и взывающего к подписке на заем. «Буржуазия» продолжала недооценивать опасность положения и все дальше залезала в западню, расставленную ей судьбой, — на радость тех, кто поклялся ее изничтожить вконец. Какой-то речью разразился у Мариинского дворца и наш полукузен Саша Зарудный (ставший при Временном правительстве министром юстиции^{*}). Постепенно стала выясняться и настоящая позиция Керенского. О ужас! И он не только был, вне всякого сомнения, за продолжение войны, но он сам себя назначил военным диктатором-министром и отправился на фронт «подымать дух солдат» и готовить наступление, долженствовавшее смести одним взмахом всякое сопротивление немцев!

Наглядное доказательство того, до чего такая затея была несвоевременной («союзники», однако, настойчиво *требовали* от умирающей России этого «последнего» напряжения), представляла собой картина тех тысяч почтенных бородачей, час-

* Тогда же мой «вполне кузен» Сергей Митрофанович Зарудный стал сенатором.

тью седовласых, которых мы застали однажды недалеко от нашего обиталища на 1-й линии. Эта масса расположилась прямо на улице перед Кадетским корпусом. То были пригнанные с разных концов русской земли последние резервы. В угрюмом и мрачном молчании пролежали на мостовой несколько дней и ночей эти несчастные (им заправили не догадались приготовить квартиры!), но в их покорности чувствовалась страшная угроза. Чтоб эти бородатые, а то и седовласые старики смогли бы спасти положение — об этом не могло быть речи, зачем же их оторвали от их полезного дела, приволокли за тридевять земель и бросили, как собак?!

Как раз около того же времени (в июне 1917 года) Горький в помещении редакции «Новой жизни» познакомил меня с А.В. Луначарским. Последний показался мне настоящим «шармом»[□]. Разносторонняя образованность, прекрасное владение речью, «почти еврейская» прыткость! Вообще, он мне показался принадлежащим к избранному народу, однако ходила молва, что Луначарский вовсе не еврей, а чистокровный россиянин и даже дворянин и южный помещик. Самая странная фамилия как бы ведет свое начало от каких-то лунных чар, будто указывая на его «дворянское происхождение с левой стороны». Ко мне он отнесся с величайшим вниманием, как бы даже предлагая свои услуги и содействие во всем, в чем он мог бы быть мне полезным. Вскоре я использовал это его предложение, побывав при его помощи на большом митинге, устроенном в одном из залов (или в манеже?) I Кадетского корпуса. Наслушался я тогда с избытком очень эффектных, очень остроумных, но, в сущности, совершенно бессодержательных и пустых речей. Председательствовал «симпатия» Чхеидзе. Толково и просто говорил один только Каменев. Все же покинул я это собрание в немалом возбуждении. Все это было для меня так ново! Лишь постепенно я разобрался в себе и понял, до чего это все мне *чуждо*.

Около того же времени произошла моя окончательная размолвка с П.М. Макаровым и мой выход из состава «Горьковской художественной комиссии». Случилось, к сожалению, это в форме, мне свойственной, но вовсе не соответствующей моему вкусу. Словом, я *раскричался* на Макарова, даже дал ему не то «дурака», не то «болвана» и чуть не сломал свою трость, стуча по столу. Между тем, как такой выходки с моей

стороны он вовсе тогда не заслуживал; он просто раздражал меня своей увертливой манерой, своим намеком на то, что я-де изменяю своему классу и т.п. Он и крайне неодобрительно относился к моему сотрудничеству в «Новой жизни», и к моей «дружбе» с Горьким. Случился же этот «скандал» во время нашего обзора дворца принца Ольденбургского^[169], что надлежало сделать, так как Макаров собирался провести его конфискацию государством, однако в формах вполне «законных» и с полным денежным выкупом. Ввиду этого и надлежало составить инвентарь и оценку всего, что дворец (бывший дом И.И. Бецкого у Летнего сада) содержал в смысле художественных вещей. Идее «легальности» и выкупа я сочувствовал вполне, а потому и согласился принять вместе с Аргутинским участие в такой экспертизе. Но вот во время обхода дворца я принял одно из замечаний Макарова по моему адресу за оскорбительную дерзость, и не успел я толком разобраться, в чем именно дело, как уже «впал в аффект» и произнес действительно обидные для него ругательства. Милый Аргутинский, присутствовавший при этом и погнавшийся за мной до середины Троицкого моста (ибо я сразу же покинул дворец и направился чуть ли не бегом домой), — милый Аргутон пытался меня образумить и помирить с Макаровым (которого он сам тоже ненавидел), однако это ни к чему не привело, и я сразу же послал тогда свою отставку от поста товарища председателя нашей комиссии*. Без меня заседания в Готическом зале на Детской половине продолжали влачить жалкое и никчемное существование (Горький все реже появлялся), а там взамен нашей комиссии народился новый аналогичный орган — создание Макарова и Головина под председательством последнего. Меня туда тоже при-

* Дворец принца А. Ольденбургского мы нашли в полном порядке, хотя хозяева уже покинули за несколько месяцев до того Петербург, оставив все на попечение дворецкого и нескольких слуг. Особенных сокровищ, если не считать нескольких картин немецких школ начала XVI в., дворец не содержал. — До того мы такой же обзор произвели в Мраморном дворце^[170], и, кажется, в отношении этого памятника Макаров успел провести затейную им «легальную конфискацию». И в Мраморном все было в целости; и стояло, и висело на своих местах, и все три Ватто, и большое испанское Распятие, и фамильные портреты, и бронзовая группа Обера «Бедствие», стоявшая в углу кабинета Вел. Князя Константина Константиновича, и ряд монументальных ваз Императорского завода. Оценено было все, если не ошибаюсь, в 3 миллиона рублей, но с выкупом дело затянулось.

глашали, но я отказался, ибо не видел никакого смысла в такой «консультативной говорильне». Мой скептицизм оправдался вполне, однако эти господа (частью бывшие члены нашей комиссии) все же успели провести две меры, которым я не сочувствовал. *Первая* мера заключалась в том, чтоб издать закон о запрещении вывоза художественных произведений за границу (тогда как мое непоколебимое убеждение заключалось в том, что художественные предметы, пока они в неприкосновенных хранилищах, являются общечеловеческим достоянием и должны быть свободны от всяких запретов). *Вторая* мера — стараниями Макарова была налажена и начата эвакуация всех дворцов, музеев и (факультативно) частных коллекций — ввиду угрозы прихода немцев, которые были уже в Ревеле^[171]. И в данном вопросе я был убежден, что ничего от «нашествия гуннов» (я их за гуннов не считал) не грозит искусству, тогда как эвакуация как раз чревата возможными опасностями. Чудом затем многое и даже почти всё вернулось на свои места, в целостности пролежав в ящиках три или четыре года.

В начале июня моя семья переселилась на дачу. На сей раз показалось мне и жене неблагоприятным ехать в такую даль, как Крым, и поэтому, следуя какой-то газетной публикации, выбор наш остановился на усадьбе Пузырево в Новгородской губернии, близ станции Акуловка. Сначала Анна Карловна поехала одна на разведку и осталась более или менее довольна самым домом, оказавшимся обыкновенной, впрочем, достаточно поместительной двухэтажной деревянной дачей, стоявшей среди леса у самого озера. Через несколько дней переехало все наше хозяйство с бесчисленным количеством всяких чемоданов, тюков, узлов и корзин; одновременно переехала и вся семья... Кроме нас, пятерых, в Пузырево отправилась и наша верная спутница, племянница Надя — дочь брата Леонтия, художник Борис Попов, попеременно ухаживающий то за одной, то за другой из девиц (свой выбор он остановил через года два — на Елене), и мой юный приятель, историк искусства Сергей Эрнст. Впрочем, последний присоединился к нам позже: в начале же лета он проводил нашу старшую дочь в ее поездке в имение Лансере и Серебряковых Нескучное^[172], специально чтоб выяснить вопрос, не предпочтительно ли нам

поселиться на лето там. Соображения слишком большой отдаленности помешали, однако, осуществиться этому плану, и Атя со своим спутником вернулись ни с чем. Прислуг ехало к нам четыре: Дуня, Мотя (у которой тем летом начался «роман» с Кокой), новая (или «временная») кухарка, полька Тэкла, и прачка. Я застрял в городе еще на несколько дней — для устройства разных своих дел — и присоединился к своим 17 июня, в самый день подготовленного Керенским и столь печально кончившегося «генерального наступления»^[173]. Вспоминается разговор, который я имел с каким-то железнодорожным служащим в Акуловке. Он, как и масса других простых людей, предвидел печальный исход и был возмущен безумной затеей нашего самозванца Бонапарта. Но в этот свой первый приезд в Пузырево я пробыл там всего дней пять, и впечатление от этого пребывания у меня создалось не из самых приятных. Шел непрестанно дождь, в доме, несмотря на топящиеся печи, было сыро и холодно, а очень красивый с виду старинный диван, на котором я проспал первые две ночи, оказался резиденцией несметных полчищ клопов. К довершению зол у меня (от сырости) разболелись зубы, и явилась неотложная необходимость отправиться к дантисту. Со мной в Петербург поехала и Акица, которой понадобился целый ряд забытых вещей.

И как раз мы угодили тогда на ту «репетицию новой революции»^[174], которой были ознаменованы дни 3/16 и 5/18 июля. Акица сразу после 3-го помчалась обратно в деревню, я же досидел до 6-го, после чего казалось, что надолго наступило успокоение, и я поспешно присоединился к своим. В самый вечер 3-го мы сидели дома (в 9 ч. было еще светло как днем), когда вдруг послышалась далекая, однако очень «насыщенная» стрельба. Художник Яковлев не устоял перед любопытством, помчался в центр города и, прибыв на место главного боя у Публичной библиотеки, был вынужден вместе с другими пролежать несколько времени плашмя на мостовой, пока шла особенно опасная пальба, и улица после нескольких залпов усеялась убитыми и ранеными. На меня произвела сильное впечатление сцена, которой я был свидетелем на следующий вечер (4 июля) на Миллионной, когда я вышел после обеда у Аргутинского. Шагом проезжал вдоль самой панели патруль казаков — и вот к ним ринулась какая-то пожилая женщина (кухарка? дворничиха?), сидевшая вместе с другими простолюдинами у

ворот дворца Вел. Князя Михаила Николаевича. Она схватила ближайшего казака за стремя и в каком-то восторженном порыве стала благодарить его и вообще всех «верных присяге» за то, что они справились с крамолой! Казак остановил лошадь и благодушно ухмылялся, пока женщина не высказала всего, что у нее было на душе, а затем вымолвил: «Ладно, будьте покойны, постараемся» — и поскакал догонять свою часть.

Лично на меня «репетиция» произвела гнетущее впечатление. Это совпало с моим вообще разочарованием в революции и с моим горьким сожалением, зачем я покинул свою «хату с краю» и примкнул к людям, совершенно мне чуждым. А тут оказалось, что эти люди вовсе не собираются заняться мирным сооружением чего-то нового (все возможности для них как будто были открыты), а намерены сеять дальнейшие смуты, дальнейшее разорение. Они уж наверное не принесут того успокоения, в котором так нуждается страна, и едва ли принесут мир с соседями. И тогда я решил никаким убеждениям Горького не уступать и бесповоротно выйти из «Новой жизни», вернуться в свое «независимое одиночество». 6-го вечером я уже был в Пузыреве.

Очень кстати произошла тогда перемена в погоде. Дожди продолжали проливаться, но не каждый день и не сплошь. Все чаще попадались прекрасные солнечные дни, и ими мы пользовались, чтоб совершать далекие прогулки. Но и в непосредственной близости нашей дачи, да и в ней самой, я находил массу интересных живописных задач. Дача, в сущности, не имела сада как такового, а стояла просто в лесу, у длинного озера. И все вокруг были леса или же озера и непроходимые болота. Стоило сделать не более десяти шагов, как уже оказываешься среди дремучей чащи, среди елок, сосен и берез. Я же и развил в эту вторую половину лета 1917 года необычайную художественную деятельность, работая с удовольствием с натуры и отыскивая в этой родной, но мало до тех пор мной использованной природе удивительно волнующие и прямо трогательные темы. Месяц, который я провел в 1917 году в Пузыреве, принадлежит к одним из самых продуктивных в моей художественной деятельности. И как раз эти этюды имели затем особенный успех. Большая часть моих этюдов была раскуплена — главным образом нашими английскими друзьями, из которых несколько человек все еще продолжали пребывать

в Петербурге и которые покинули его лишь к весне 1918 года, когда им после Брестского мира^[175] стало бессмысленно оставаться под большевистским режимом*.

В одну из моих прогулок вне нашей дачной территории — к соседней, очень скромной, но необыкновенно живописно лежащей усадьбе Зинкино, откуда открывался далекий вид на хлебные поля, на озеро с лесистым островом посреди <не> и на деревни, лежащие по склонам плоских холмов, — произошел [не] очень приятный и, скорее, даже опасный инцидент. А именно: шедший мимо по дороге солдат (уже «красноармеец»), увидав, что я рисую, с яростью набросился на меня: «Это что? Планъ снимаешь?» <...>¹

Поглощающая работа с природы в значительной степени отвлекала мое внимание от войны и от того, что совершалось на «внутреннем фронте». Однако ощущение, что мы со все ускоряющейся быстротой катимся под гору, все же не покидало меня ни на час. Я и читал много в часы отдыха, и прочел тогда записки Бисмарка и воспоминания гр. Витте. Невольно приходили при этом такие мысли в голову: вот бы нам таких людей получить в настоящий момент! Их до цинизма *трезвые* взгляды, их «государственный» ум, их политическая находчивость и изворотливость, наверное, оказали бы спасительные услуги. Увы, ничего, кроме тупых доктринеров или бездарных дилетантов, нельзя было найти ни в России, ни в других странах! Все заврались в своих лозунгах, а рядом с ними всякие международные мошенники обдeldывали свои темные, но и грандиозные делишки. Даже немцы не умели должным образом использовать создавшееся положение. Их завладение территорией вышедшей из строя российской мощи производилось с преувеличенной осторожностью и без провозглашения каких-либо пусть лживых, но действующих обещаний освобождения

* Брус с Карсавиной и младенцем покинули из первых Россию. И усиленно звали нас с собой, причем Брус головой ручался, что он нас беспрепятственно провезет через границу (<нрзб.>) и великолепно устроит в Лондоне. — Почти одновременно (около Пасхи 1918 года) покинули Петербург и французы — но они застряли на несколько недель в Вологде, откуда, между прочим, я получил от гр. Робьена письмо с прелестной собственноручной акварелью, изображающей этот древний город. Палеолог был сменен и отбыл за год до того. Его заменил г-н Нуланс, который после блистательного предшественника произвел на меня впечатление чего-то очень среднего и серого <?>...

¹ Далее отсутствует страница текста.

и приведения страны в порядок. Надвигалось нечто такое безнадежное, ничего доброго не сулившее.

Перебрались мы обратно в город сравнительно рано, в середине августа*, и сразу погрузились снова в какое-то жуткое ощущение приближающейся и непредотвратимой смуты. Многие наши знакомые возлагали еще надежды на эффектно обставленное Московское совещание^[176], но и оно, кроме ничемных словопрений, ничего не дало. Станным и для нас непонятным камуфлетом закончился и «освободительный» поход Корнилова^[177]. Помнится мне, какие наши знакомые из Английского посольства возлагали надежды на эту авантюру и как они были смущены, когда из нее ничего не вышло. — После моего выхода из «Новой жизни» я почти не встречался с Горьким, но довольно часто я встречался с Луначарским, позиция которого стала все более уясняться для него же самого и расчет которого на большевиков, как на *единственную* группу людей, способных вывести страну из катастрофического состояния, все более крепили. С другой стороны, все менее надежд теперь возлагали на все другие партии и менее всего на личность недавнего полубога — Керенского. Про него ходили всякие иронические рассказы: будто он, поселившись в Зимнем дворце в комнатах, служивших когда-то резиденцией Александру III, целыми днями там распевает оперные арии, принимает всякий сброд и все менее интересуется делами. Его правительственная деятельность теряет всякую «отчетливость», он едва сам еще верит в свою миссию; за несколько же недель до Октябрьского переворота пронесся слух, что Керенский вообще *скрылся*. Из деятельности Луначарского того периода мне запомнилось лишь собрание в Городской думе, на которое он пригласил домашних хозяек, — иначе говоря, кухарок и других слуг женского пола. Тогда я последний раз побывал в

* Впрочем, почти как только мы водворились, так старшая наша дочь и ее кузина Надя отправились через всю Россию на юг, с целью там снять дачу (по рекомендации Сапожниковых, друзей Чистовичей <?>) — в Анапе и нас туда перевезти — в страну, еще не знавшую ужаса надвигающегося голода, подальше от петербургской сутолоки. Однако на месте обе девицы убедились, что условия тамошней жизни не для нас, и поспешили вернуться ни с чем. Самая эта экспедиция была чрезвычайно характерна для времени, для тогдашних переживаний и страхов. «Поиски нового места» стали с тех пор на многие годы явлением самым обыденным, и они разбросали русских граждан по всему миру.

огромной зале, знакомой мне с самого детства (ведь отец мой охотно брал меня с собой на место своей службы). Однако зала эта стала неузнаваемой; исчезли ее главные украшения — огромные царские портреты в своих тяжелых рамах под императорскими коронами (более отчетливо я запомнил портрет Александра II, изображенного Горовским среди своего кабинета, и портрет имп. Марии Федоровны, вдовы Павла I, ибо она была «крестной мамой моего папы»), исчезли и всякие прежние украшения по стенам, а теперь, согласно прихоти И.Ф. Фомина^[178], стены были *раскрашены* под архитектурные «русты», что придавало всему этому двухэтажному залу характер театральной декорации. Что же касается до самого «митинга кухарок», то он произвел на меня, скорее, комическое впечатление. Кухонных дам и просто всяких баб набралось великое множество, так что и дышать было трудно. И вот перед этой аудиторией, показавшейся мне с непривычки довольно странной, Анатолий Васильевич в течение двух часов рассыпал перлы своего красноречия, обращаясь к ней с призывом поддержать народную власть. Состоялись ли потом прения, я не помню, да, кажется, я и не досидел до конца, — вернее, не «достоял», ибо сидеть было не на чем. Сама речь показалась мне остроумной, а моментами даже блестящей, по существу же это был набор уже начинавших тогда мне приедаться формул и трюизмов. Говорил Л<уначарский> громко, отчетливо, однако не поднимал голоса до крика... и без малейшей запинки. А ведь еще не так давно (например, в дни моей юности) почиталось, что Россия не обладает ораторами. Теперь же мы, несомненно, вступили в эру самого безудержного словоизвержения...

С начала октября ст. ст. стало как-то для всех очевидно, что назревает нечто грозное и решительное, что близится катастрофа. Несомненно, было и то, что на сей раз выступают *большевики*, те самые большевики, штаб которых летом захватил прекрасную дачу Дурново и которые устроили в июле «репетицию революции», длившуюся три дня и подавленную довольно быстро^[179]. Тогда казалось, что если не навсегда, то все же надолго водворен возможный для жизни порядок. Но победители (поглощенные всякими междупартийными распря-

ми) не успели использовать свою победу, и теперь с каждым днем становилось яснее, что последнее слово в вопросе устройства страны будет произнесено не Временным правительством, а вот этими самыми «страшными новыми людьми». Они обещали хлеб, они его и достанут, раз мир будет ими же заключен! Откуда бралось это упование, трудно определить, но оно все более распространялось и крепло. С осени городская жизнь в Петербурге возобновилась почти во всем своем объеме: театры играли, чиновники шли на службу, трамваи мчались по рельсам, телефон, электричество и газ действовали, но питание становилось все более затруднительным, хвосты удлинялись и все холоднее становилось в домах вследствие недостатка дров. — С лета Временное правительство заседало в Зимнем дворце и для своей охраны держало при себе юнкеров и гардемаринов, а также нечто еще небывалое — целый Женский батальон^[180]. Керенский производил ему смотр, тогда как на лояльность расквартированных по соседству с дворцом войск уже нельзя было вполне положиться...

В самый день переворота (25 октября/7 ноября нов. ст.) я днем еще ездил по своим делам и, помнится, возвращаясь на трамвае, проезжал мимо Зимнего дворца. Было часа три, уже темнело, и я не мог вполне разглядеть, происходит ли что-нибудь ненормальное на площади. Почудилось только, что между горами сложенных дров движутся какие-то темные массы, но что они представляют собой, я не разобрал. Во всяком случае, я никак не ожидал, что «это на сегодня» и что мы *доживаем самые последние часы нашего «буржуазного строя»**.

Мало того, когда наши девицы, Атя и Надя, изъявили желание отправиться вечером в балет, то мы с женой не сочли нужным их от этого отговаривать. Правда, их самих уже перед самым уходом взяло сомнение, состоится ли спектакль, но когда, справившись по телефону у Карсавиной, они узнали, что она танцует, то они и отправились в Мариинский театр, сопровождаемые двумя «кавалерами»: Д.Д. Бушеном и С.Р. Эрнстом. Программа вечера состояла из балета Фокина «Эрос» и <сцен> из второго действия «Шелкунчика», в котором Карса-

* На самом деле буржуазный строй протянул еще несколько месяцев (до террора после убийства Урицкого^[181]), однако то была агония; больной постепенно впадал в кому.

вина исполняла роль Феи Драже. — Театр, по их рассказу, равно как и все улицы на протяжении всего их пути от дому представляли собой нормальный вид, но около десяти часов по театру пронесся слух, что где-то идет пальба, а еще через несколько минут выяснилось, что это целое сражение и что происходит штурм Зимнего дворца! Выяснилось и то, что мосты уже разведены, — и это для пропуска больших военных судов, проплывших к самой Дворцовой набережной. Нечего было думать возвращаться домой, и тогда девицы решили идти просить гостеприимства у своего дяди Альбера — в прародительском доме. Он их принял с вострогом и угостил чаем и чем попало, а Бушен и Эрнст, «сдав их», поплелись дальше, куда-то к Пяти углам^[182], где на Разъезжей проживали родные Бушена — Кузьмины-Караваевы. Часть пути им удалось сделать с (последним) трамваем, шедшим по Садовой, и они оказались в нем единственными пассажирами.

Тем временем мы, получив от Ати и Нади успокоительный телефон, решили отправиться спать раньше обыкновенного — еще не было десяти, — но тут до нас донеслись звуки стрельбы, которая с каждой минутой становилась все более громкой и густой. Чувствовалось, что это не случайная перестрелка, что в те дни являлось чем-то обыденным и привычным, что это целый выдержанный бой, целое сражение, причем моментами получалась очень странная иллюзия, точно это у нас по крыше сыпется густой сильный град. Из наших окон, глядевших на север, видно было, как черное ночное небо то и дело вспыхивало подобием зарниц, и тогда на фоне их вырисовывались силуэтом статуи и вазы на балюстраде, увенчивающей крышу дворца, а также главы обеих дворцовых церквей.

Наконец, на фоне ружейной стрельбы раздалось несколько отрывистых, более гулких и тяжелых ударов, и за последним из них послышался звук чего-то рушащегося. То пала «Аврора», ставшая на якорь посреди Невы между Крепостью и дворцом и палившая в упор по дворцу. У меня сжалось сердце. Неужели наступили последние минуты существования Зимнего? А ведь рядом Эрмитаж со всеми главнейшими сокровищами Русского государства, со всем тем, что мне лично дороже всего на свете!

Утром стало известно, что осада дворца окончилась тогда же, после тех нескольких пушечных ударов, и что в общем дво-

рец цел, и что члены правительства арестованы и отвезены в Крепость (среди них и мой милый В.Д. Набоков!). Тут меня стало мучить любопытство, в каком все же виде находится дворец и все то, что внутри <н>его? Меня неудержимо повлекло отправиться самому на место. И вот, сопровождаемый друзьями (Яремичем, Эрнстом и еще кем-то), я и отправился. Разумеется, пришлось проделать путь пешком — через лед. Однако дальше Александровского сада мы не решились пройти, а оттуда знакомый пейзаж казался неизменившимся вовсе, следов битвы не было вовсе видно, да и весь низ дворца был заслонен целыми стенами сложенных и лишь местами разметанных дров. Лишь когда, осмелев, мы (через арку Штаба) проникли дальше на площадь и ближе к дворцу, оказалось, что весь фасад дворца испещрен следами пуль, и что несколько окон выбиты и они зияют чернотой, и что стекла многих других, казавшихся издали целыми, были изрешечены правильными круглыми дырками. Я готовился увидеть картину полного развала, дымящиеся руины, — вместо того, слава Богу, вся громада дворца, а также то, что в перспективе виделось от фасада на Миллионную Эрмитажа, — все представляло собой прежний мощный, крепкий, незаблемый вид. Поразила нас и совершенная пустота как площади, так и прилегающих улиц. Все под унылым серым небом казалось замороженным, точно каким-то видением прошлого... Надлежало в точности узнать, как обстоит дело и внутри. С этой целью я, возвратившись домой, вошел в телефонный контакт с разными лицами, и среди них с Луначарским.

Это оказалось более легким, чем можно было ожидать, и уже на следующий день (27-го) Луначарский, ставший народным комиссаром по Просвещению, прислал ко мне двух молодых людей, которые принесли мне пропуск во дворец и которые были готовы меня туда сопровождать. Оба были мне совершенно незнакомы. Один из них, еврей Мандельбаум, сразу отрекомендовался в качестве усердного моего читателя. Не будучи каким-либо специалистом по истории искусства, он все же показался мне человеком с некоторой культурой и «внушающим к себе [доверие] — симпатичным». Вид у него был «буржуазный», манеры выдавали известную воспитанность. Напротив, у его товарища, Г.С. Ятманова, вид был самый простецкий, и он мог бы без грима играть в какой-либо исторической пьесе или фильме роль клеветы Пугачева, а то и самого Емель-

яна. Как мы узнали потом, он был художником-богомазом — помощником Ральяна при росписи церквей. Но этой своей профессией, для революционера крайне неподходящей, он отнюдь не гордился, а скорее даже скрывал ее. Оба они по собственному почину явились накануне вечером с предложением своих услуг в Смольный, где теперь обосновалось только что возникшее новое правительство [большевиков], и предложили новому правительству свои услуги. Луначарский их принял с радостью и сразу снабдил мандатами и полномочиями на предмет всяческого охранения государственного художественного имущества. К счастью, оба оказались не авантюристами, людьми честными, преданными делу, и первое время нашего знакомства мы с ними вполне ладили*. Луначарский в первую же очередь снабдил их наказом отправиться ко мне и получить от меня «инструкцию», что именно из всей массы художественных сокровищ (кроме Эрмитажа и Музея Александра III) представляет в Петербурге выдающуюся ценность и что требует особенно быстрого вмешательства охранителей власти. Тогда же я сговорился с ними о часе нашего ближайшего посещения Зимнего дворца. На следующий день и они же взялись созвать всех тех лиц, которых, по-моему, было бы желательно привлечь. То были главным образом те лица, которые еще со дней существования Горьковской комиссии были назначены во главе разных дворцовых комиссий. Таким образом, кроме меня 28 октября оказались в Зимнем дворце: А.А. Половцов, П.П. Вейнер, граф В.П. Зубов, князь В.Н. Аргутинский. Кроме того, в это новообразование, пока еще лишенное всяких определенных функций и прав, вошли В.П. Верещагин^[183] и его два помощника: г-да Петровский и Надеждин, которые все трое были назначены при Временном правительстве заведующими бывшей Собственной Его Величества библиотекой и которые в качестве таковых безотлучно находились во дворце.

Пожаловал на это первое наше собрание в Зимнем дворце и сам Луначарский, произнесший приветственную речь и обещававший, что через час прибудет и сам Ленин. Свою речь Ана-

* Мандельбаум, впрочем, через несколько месяцев исчез с нашего горизонта. Такие же полномочия, как этим двум, были выданы в Смольном в первые дни еще нескольким лицам, но постепенно у менее достойных улались эти мандаты отобрать обратно.

толий Васильевич закончил словами: «Владимир Ильич стремится с вами всеми познакомиться, вас же, Александр Николаевич, он будет просить взять на себя портфель Министерства искусства (таковое, однако, тогда еще не существовало даже в проекте)». Увидать вблизи столь всех тогда интересовавшего человека, услышать его голос — показалось всем, и мне в особенности, крайне любопытным, но «предложение портфеля» повергло меня буквально в ужас, и я тут же и сразу наотрез отказался. Обещания Луначарского, однако, не исполнились. Ленин в тот день и во все следующие не явился, и мы так и не вошли с ним в какой-либо личный контакт. «Портфель» же был мне еще раз предложен, о чем я сообщу в своем месте, но и тогда я наотрез отклонил эту честь*.

В качестве чего-то вроде «государева ока» к нашему собранию с первого же дня был приставлен некий товарищ Игнатов, но о нем у меня сохранилась самая смутная память. Мне кажется, он сам был несколько перепуган столь неожиданным для него самого назначением, и держался он, скорее, как-то в стороне. Но именно с ним, помнится, мы совершили наш первый обзор дворца, обойдя весь бельэтаж (*le premier*¹, по французскому счету, «Piano Nobile»², по итальянскому выражению), но в третий за недостатком времени и <из-за> наступившей темноты мы не поднялись. Там же Мандельбаум занялся уборкой бумаг, брошенных Керенским на произвол судьбы. Это отделение, носившее наименование Комнат Александра III, оказалось в наиболее хаотическом состоянии: шкафы и ящики в столах были взломаны; пол был густо устлан бумагами, из которых немало представляли собой чрезвычайное государственное значение. Именно среди валявшихся на полу <документов> Мандельбаум «откопал» несколько «отречений от престола». Об этом я расскажу подробнее дальше**.

* Был мне также через несколько месяцев предложен, ввиду ушедшего в отставку графа Д.И. Толстого, пост директора Эрмитажа, но я и от этого отказался. Лишь в августе 1918 года я наконец <склонился> на доводы моих товарищей по Совету Эрмитажа и «позволил» им выбрать себя на место управляющего одним из пяти главных отделов музея — а именно отделом Картинной галереи, Кабинета эстампов и Новой скульптуры, и на этом посту я затем пробыл до своей эмиграции.

¹ Первый (*фр.*).

² Бельэтаж (*ит.*).

** О самых этих документах — дальше в Дневнике.

При этом первом обходе дворца мы могли убедиться в том, что, хотя и было заявлено, будто все воинские части из внутренних покоев дворца удалены, многие солдаты с ружьями в руках все же бродили по дворцу и возможно, что еще и грабили. Впрочем, половина Александра II, особенно пострадавшая в первые дни и находившаяся под охраной Верещагина и его помощников, была теперь заперта на ключ со всех сторон, и там хищения, во всяком случае, прекратились. Вообще, мы нашли, что последствия того страшного испытания, которому подвергся дворец, оказались не столь значительными, как можно было ожидать. И эти раны могли быть без особого труда залечены (вставление новых стекол, исправления в полованных дверях, замках и в мебели — часть ее была эвакуирована в августе). Но все же я испытал глубокое огорчение при виде того, во что были превращены как раз два наиболее значительных «бытовых ансамблей» дворца. За те полтора или два дня, что доступ к ним не был еще закрыт, в них именно особенно дико хозяйничали «победители». Я говорю о комнатах Николая Павловича и Александра II. Особенно печальное зрелище представляла собой первая — та сводчатая комната в нижнем этаже, что выходит окнами на Адмиралтейство и что когда-то служила строгому Государю одновременно и кабинетом, и спальней. Тут стоял его письменный стол, на котором сохранялась масса письменных принадлежностей, а также всякие безделушки и портреты любимых людей; а стены этой комнаты были сплошь (и даже в амбразурах окон) завешены картинами и миниатюрами, большей частью сувенирного порядка; тут же стояла простая солдатская кровать императора. Теперь стены оказались голыми, стол разломан, пол усеян бумагами, а вся постель разворочана. Всего несколько месяцев назад, побывав здесь дважды за короткий период — в первый раз с генералом Е.Н. Волковым, а второй — с П.М. Макаровым, я каждый раз испытывал особое «историческое умиление», любуясь этим единственным в своем роде целым, в котором точно была заморожена жизнь иной эпохи, а теперь та же комната являла картину дикого хаоса...

Такую же мерзость запустения являл и кабинет Александра II, когда-то служивший кабинетом Александру I (он был отделан для него еще его бабкой, Екатериной II, в бытность его Великим Князем; архитектура этой комнаты была восста-

новлена после пожара 1837 года). Эта очень просторная комната с альковом за колоннами была из всех внутренностей дворца самой изящной и хранила отпечаток благородного вкуса XVIII в. И здесь письменный стол был уставлен всевозможными бронзовыми безделушками и портретами в изящных рамах. По стенам висели, кроме нескольких более крупных портретов (работы Винтергальтера и других первоклассных мастеров XIX в.), большие рисунки Карла Верне с военными сюжетами. Но и в этом покое пол был теперь сплошь покрыт письмами, всевозможными бумагами и поломанными вещицами. Картины и рисунки не были вынуты из рам, но стекла их разбиты, а рамы поломаны. Поломаны были и те низкие шкафы, которые тянулись à hauteur d'affaire¹ вдоль стен. Очевидно, солдаты искали здесь золото, воображая, в своей наивности, что царь, не иначе как именно в своей комнате, должен был прятать свои баснословные драгоценности. Каким-то парадоксом среди всего этого развала являлась группа разнородных декоративных предметов — монументальных ламп, канделябров, каминных гарнитур <?> и т.п., что были расставлены прямо на полу у окон. Среди них особенно поражала статуэтка золоченой бронзы, изображающая знаменитую танцовщицу Фанни Эльслер. И вот как прикрывавший ее стеклянный колпак, так и масса всякого другого стекла — все в этой группе было в совершенной целости и без малейшего полома*. Оставалось удивляться, как солдаты, которые тут же взламывали шкафы и рамы, расшвыривали всякую всячину, вот этих вещей не коснулись, и даже, вероятно, бережно обходили их в своих тяжелых сапожищах! Как это объяснить? Какое тут действовало табу?

Сравнительно мало пострадали личные комнаты Николая II и Александры Федоровны. Лишь на больших портретах родителей Государыни были проткнуты штыками глаза и исчез высоко над шкафом в углу висевший портрет Государя, писанный Серовым. Чтоб достать до него, пришлось тому, кто задался целью его получить, проделать сложную гимнастику. Портрет в те же дни нашли затем на площади, но уже в неузнаваемом виде: он был весь в дырах, от живописи оставался один тонкий слой, и

¹ На доступной высоте (*фр.*).

* Потом выяснилось, что эти предметы были привезены из Аничкова дворца в момент «макаровской» эвакуации и здесь ожидали своей укладки в ящики для отправки в Москву.

черты лица едва можно было различить, — и видно, над ним всячески издевались — топтали ногами, скребли и царапали чем-то острым!* — Удивило нас еще то, что гардеробные шкафы, которые были полны платьев Александры Федоровны, не были тронуты и платья висели в полном порядке**.

Еще один характерный эпизод произошел в эти первые дни после переворота. Я имею в виду «спасение» чудесного Строгановского дворца^[184] у Полицейского моста... К нему я еще с детства питал особый интерес и ему же я посвятил первый монографический номер моих «Художественных сокровищ»^[185]. И вот Луначарский дает мне знать, что матросы — эти герои дня — заявили о своем намерении занять дворец под свой клуб (всяких таких клубов тогда, при вящем поощрении нового правительства, народилось по всей территории России несметное количество). В первую голову Луначарскому нужно было узнать от меня, представляет ли сам дворец какую-либо историческую ценность, а затем — не содержит ли он внутри какие-либо предметы исключительно художественного значения. Я поспешил поставить его в известность, что и самое здание дворца является одним из самых замечательных произведений знаменитого Растрелли, а что внутри он битком набит ценнейшими картинами, историческими портретами, скульптурой и роскошной мебелью. Это *музей*, и никак нельзя допустить, чтоб он был превращен в место собраний совершенно чуждых искусству людей. Все это Луначарский в подробностях записал себе в книжечку, а уже через несколько часов он потащил меня на то заседание с матросами, которое должно было состояться в самом Строгановском дворце. В его планы входило убедить опьяненных успехом триумфаторов посредством одного вида прекрасных чертогов и всего, что в них стояло или висело, до какой степени это место не подходит под то назначение, которое матросы для него придумали. Но началась наша беседа с матросами не с демонстрации «чертогов», а с заседания, тогда как и доступ в чертоги был закрыт, и

* Эта печальная руина была сдана в Музей Александра III. К счастью, в Москве, в Третьяковской галерее, хранится абсолютно точное повторение этого портрета, сделанное самим Серовым.

** Эти платья (так же как и мундиры Государя) пригодились через несколько лет для постановок пьес с историческими сюжетами недавнего прошлого.

по плану Луначарского они были бы открыты лишь после надлежащего приготовления к эффекту.

Заседание происходило в последней из комнат в анфиладе, тянувшейся вдоль набережной Мойки. Это была просторная, но ничем особенным не отличавшаяся квадратная зала, которая когда-то при больших приемах служила «буфетом». За большой стол, накрытый зеленым сукном, село человек тридцать — кроме матросов, только мы двое. Я с первых же слов главаря закипел негодованием и ужасом. Он требовал совершенного уничтожения каких-либо памятников «позорного прошлого», но Луначарский не дал мне сказать и десяти слов, а стал очень толково, очень медленно, очень пространно, в самых изящных выражениях объяснять «товарищам», что представляет собой Строгановский дворец: какие в нем сокровища, сколь интересное самое здание, и постепенно, тоном чрезвычайно ласковым, то и дело взывая к несравненному благородству и к мудрости торжествующего пролетариата, и своей <?> длинной и удивительно складной речью так зачаровал аудиторию, что постепенно матросы стали сдаваться и, наконец, совсем отказались от предполагавшейся оккупации.

И вот тут произошло недоразумение, которое чуть было не погубило все дело. Перед тем чтоб разойтись, матросы пожелали осмотреть дворец и убедиться в правдивости всех услышанных его восхвалений. Был позван дворецкий с ключами, печати с дверей в первые апартаменты сорваны и двери отперты; но вместо всей обещанной роскоши перед нами открылась самая безобразная картина! Все хоромы, ввиду помещения в них военного лазарета, были заделаны досками или затянuty парусиной, а предварительно все убранство — и картины, и мебель, занавески, ковры — все изъято, отставлено по чуланам или даже сложено в ящики. Матросы недоумевали, но растерялись и мы оба. Я не был внутри дворца лет десять и не был поставлен в известность о произошедших в нем переменах (хозяин, последний граф Строганов, жил за границей, и петербургский дом был никем из семьи не обитаем). Матросы не могли скрыть своего недоумения. Они были готовы увидеть в нас обманщиков, они громко и грозно стали высказывать свое возмущение и снова стали требовать предоставить дворец под клуб. Помнится, что так тогда ни на чем и не порешили, и пришлось Анатолию Васильевичу уже действовать свыше, через Смольный, и в формах

абсолютного приказа. Одновременно под клуб морякам был в «ударном порядке» реквизирован какой-то другой особняк, кажется, на Васильевском острове, и моряки успокоились.

Заодно я тут же вспомнил о той речи, которой Луначарский на тех же днях разразился в Купольном зале Зимнего дворца, куда он пригласил явиться всех нижних служащих дворца и Эрмитажа. Собралось с полсотни, если не больше. Эта речь была очень эффектна, но он тогда же и сильно перехватил в своих посулах чего-то небывалого и прекрасного. Именно тогда была произнесена пресловутая фраза: «Отныне и любой швейцар может рассчитывать на то, чтоб стать министром». Что-то произнес он тогда и по адресу «Николая Кровавого», но в ответ на это раздался всего лишь один сочувствующий голос, тогда как вся масса хранила гробовое, и уж вовсе не сочувственное молчание. Мне показалось, что все эти люди были даже глубоко оскорблены в своих лучших чувствах. Прибавлю тут же, что мы вообще ошиблись в оценке этих царских слуг. Позже я и мои коллеги хорошо изучили их и совершенно изменили свое отношение к ним. Принято было считать их за «презренных подкупных холопов», между тем это были по-своему очень *убежденные* люди; они оставались «верными своей присяге» — тому, в чем они были воспитаны (многие занимали свои посты по наследству, от отца к сыну). Это была очень обособленная и в своем роде вполне достойная каста.

Почти такой же степени ужас, как тот, что я почувствовал, когда услышал пушечные удары «Авроры», целившей на Зимний дворец, обуял меня, когда стало известно, что в Москве идет осада Кремля^[186]. Страшно стало за все художественные и исторические святыни Кремля, но еще более острая тревога овладела мной (и моими друзьями), когда мы вспомнили, что именно в Кремле, в Большом дворце, нашли себе пристанище все ящики с эвакуированным из Эрмитажа и из петербургских дворцов имуществом! Осаждающие власти, несомненно, не были осведомлены о том, что это так, думали мы, и потому решили отправиться в Смольный, дабы сообщить эти сведения. Луначарского мы раздобыли там довольно быстро, но нашли мы его в состоянии, пожалуй, еще худшей тревоги, чем та, которой мы болели. Он даже собирался подать в отставку и отделиться от «товарищей», так как мысль о том, что он понесет ответственность за такую беду — за гибель и Крем-

ля, и всех там сложенных сокровищ, — была ему невыносима. Он и подал в отставку, но Ленин убедил его взять ее обратно. Сообща с ним мы тогда же в Смольном составили телеграмму (к кому, я не помню), которую мы тут же отправили. Могла ли она иметь какое-либо действие, я сомневаюсь, но, во всяком случае, через день или два специфическая тревога наша стихла, когда стало известно, что Кремль взят и что повреждения, нанесенные осадой, сравнительно очень незначительны и, во всяком случае, они не коснулись Большого дворца*.

В Петербурге мы пережили еще одну канонаду. Это большевики осаждали юнкерское училище на Петербуржской стороне. К нам на Васильевский остров доносилось каждое тяжелое уханье пушек. Сразу стало известно, что это такое, и становилось невыносимо больно, что там гибнут несчастные мальчики, решившие погибнуть геройской смертью, но только не сдать тем, кого они считали смертельными врагами всего строя жизни, всего того, что их выучили почитать превыше всего. И возмущение росло на осаждающих, которые могли бы ограничиться блокадой, щадя молодые жизни...

<ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗАПИСЕЙ>

Вот мы и подошли к моменту, когда кончается перерыв в моем дневнике, и можно снова обратиться к последним имеющимся у меня здесь отрывкам, начинающимся с записи, помеченной 6 ноября. Для уразумения дальнейшего надо еще вспомнить, что если выступления военного характера уже к этому времени закончились полной победой большевиков, то не так обстояло дело на фронте завоевания ими всей, скажем официальной гражданской, жизни. Здесь сопротивление только начиналось, здесь мы вступили в эру пресловутого саботажа, и вот тут тем немногим, кто если и не переходили во вражеский стан, то все же не гнушались иметь известный контакт с большевистским правительством и даже как бы представляли видимость какого-то сотрудничества с ним, — тут этим немногим, вроде всей нашей груп-

* Несравненно более тяжкий ущерб понес Кремль много лет позже от ряда нелепых вандализмов, учиненных большевиками, — тогда были уничтожены монастыри Чудов, Воскресенский^[187], сняты чудесные геральдические орлы с башен и т.д.

пы, болевшей душой за сохранность наших культурных ценностей, пришлось в течение многих месяцев довольно-таки жутко. Ни за что ни про что мы получили репутацию каких-то подлых предателей, и нам стоило больших усилий, чтоб все же продолжить свою деятельность охраны и спасения <культурных ценностей> и чтоб вечно встречаться с нелепой оппозицией со стороны иной раз издавна к нам очень расположенных людей. Многие даже и вовсе с презрением отвернулись от нас. Особенно же доставалось от общественно-го мнения мне — которого уже обвинили после Февральского переворота, в связи с моим переходом из «Речи» в горьковскую газету, в измене своему классу. Еще, к счастью, несколько ближайших друзей остались мне верными, и среди них все те, кого я называл в числе членов нашей зимнедворцовой комиссии. Особенно я оценил тогда какое-то долготерпение милого Аргутинского, который хотя и саботировал большевиков в своем Министерстве иностранных дел, хотя непрерывно ссорился со мной и с моей женой из-за несоответствия нашей оценки текущего момента с его взглядами, однако продолжал посещать наши зимнедворцовые собрания и почти ежедневно бывать у нас на дому. Воображаю, какую он тогда моментами переживал пытку!*

Возобновляется для нашего пользования Дневник под числом 6 ноября старого стиля, иначе говоря, 19 ноября по общеевропейскому календарю.

Понедельник, 6/19 ноября

Вечером у нас Платер** и его приятель, норвежец Элленберг. Последний — для того, чтоб выбрать что-либо из моих

* К концу же 1918 года мой милый друг Владимир, следуя за мной, оказался даже на службе у большевиков, после того что ему был предложен пост хранителя Отделения рисунков в «Государственном» Эрмитаже. На эту же службу под моим главенством мне удалось определить и других друзей: С.П. Яремича, Г.С. Верейского, моего двоюродного брата С.М. Зарудного, С.Р. Эрнста, Д.Д. Бушена. Но не все остались на этих местах, а многие покинули их, не будучи в состоянии переносить всех невзгод, которые вслед за войной принес, до учреждения НЭПа, большевистский режим. И я сам не выдержал и, покинув в 1926 году Россию, более в нее не возвращался.

** Николай Георгиевич Платер, художник-любитель, собиратель старинных рисунков, устроитель художественных аукционов.

работ в обмен за 2-й том гравюр Ж. Лепотра. Остановил он свой выбор на одном из альбомных листков 1915 года, где на первом плане изображен снятый хлеб, а позади, под тучами, рыжий (мыс) Алчак. Приятно было побеседовать с европейцем. Элленберг предпочитает большевиков Керенскому! Он даже идет так далеко, что находит правильным произвести учет всех текущих счетов на 75% (о необходимости девальвации, и даже двойной, и говорить нечего), но при этом находит, что все же *настоящим* спасением России было бы устранение *всех* ее одинаково безумных главарей, начиная с Милюкова и кончая Троцким. В близкий общий мир он не верит.

Вообще же, за день ничего примечательного не произошло. Часть его я даже просто провалялся на диване в кабинете, раздраженный разговором с Акицей о банках. Ей бы следовало пойти посоветоваться с кем-либо, более в этих делах сведущим, нежели мы оба (благо она взялась быть нашим «министром финансов»), но она «ненавидит банки», считает их дьявольщиной! Положение получается совсем глупое, ибо и я *не могу* превозмочь свое отвращение перед финансовым миром и поэтому тоже никуда не пойду. Между тем быстрое таяние имеющегося у нас дома запаса делает совершенно необходимым немедленное принятие решительных мер... А тут еще раздражение, получившееся от того, что у меня сломался под коронкой зуб. Завтра обязательно пойду к (дантисту) Хайкину. — Норвежец сообщил еще, что сейчас за 100 рублей дают не более 8 крон! Какова прогрессия падения! Он убежден, что в Экспедиции заготовления <государственных> бумаг за последнее время печатают без всякого контроля и служащие часть денег просто кладут себе в карман.

Дочитываю мемуары Лудвига Рихтера и одновременно перечитываю свой дневник 1892 года, записанный на всяких случайных листках. Сравнение этих двух «человеческих документов» о художественном мышлении двух двадцатидвухлетних молодых людей складывается не в мою пользу, хоть сущность иных рассуждений и чувств одна и та же. Рихтер был куда зрелее, сознательнее, а главное, более «классичен» в изложении (это прямо прекрасная литература!), тогда как мои записи полны ребяческого вздора, «некультурного» разбрасывания и дилетантской неряшливости. А ведь я еще «художник по природе», воспитанный в полуиностранной художественной семье (к сожалению, мои старшие братья все более обрусели, неже-

ли я), и ученик немецкой школы! Я еще отведал подлинного классического образования благодаря преподаванию такого типичного берлинца, как Мальхин.

Надя утверждает, будто ее брат Шура (преображенский офицер) «становится большевиком» и, во всяком случае, ярым противником войны*. В связи с этим даже у его матери появились слегка большевистские нотки.

Вторник, 7/20 ноября

Кондитерская «*Au bon goût*», находящаяся в том же доме, отказывается впредь выпекать для нас хлеб. Снова придется бедным нашим прислугам простаивать часами в «очередях»! Из политических новостей (по газетам) отмечаю следующие: а. Генерал Верховский приехал в Ставку, но из самой Ставки нет никаких сообщений; б. Министерство иностранных дел будто бы становится на работу. Это из «Правды»; с. Луначарский официально объявляет, что все служащие б. Министерства Двора должны продолжать работу. О назначении новых комиссаров умалчивается; d. Идет (мирная покамест) осада Государственного банка. Рабочие не допускают большевиков до кассы. Началась эта передрыга из-за требования миллионов в распоряжение Совета Народных Комиссаров; е. Арестован Пуришкевич и молодой Юсупов при весьма драматических обстоятельствах. В продолжение двух часов (П<уришкевич> <нрзб.>) в <4 нрзб.> и с целью его арестовать дозорными. Выдала <3 нрзб.> обувь; f. Обнародовано в «Новой жизни» и в других газетах письмо Пуришкевича и барона Бодэ к Каледину с призывом прийти на помощь Петербургу и учредить белый террор. Это пахнет плахой. На допросе П<уришкевич> объявил себя «убежденным монархистом»; г. «Новая жизнь» в подробностях описывала убийство священника в Царском Селе. Происшествие трагическое и омерзительное, но на страницах «Новой жизни» оно является таким же средством натравливания на большевиков, каким были пресловутые *atrocités allemandes*¹ во французской прессе в начале войны; h. Анало-

* Бедный Шура был в следующем году заколот штыками большевиков в Киеве. Он перешел на службу к «союзникам», совершив предварительно круговое путешествие во Францию.

¹ Немецкие зверства (*фр.*).

гичного характера «мужественная» статья Горького^[188]; i. Голлод начался и в армии. Это признается официально, и в этом наибольший ужас; j. Единственное интересное сообщение с Запада — это смерть Родена. Для меня он умер гораздо раньше (я перестал в него верить!).

Из личной жизни «самым значительным событием является удаление сломавшегося под коронкой зуба. Хайкин произвел это с обычным мастерством. Ходил туда вместе с Акицей. Грозный вид больших военных судов на Неве. Огромная эта тяжелая серая масса на фоне серого же, с редкими просветами лазури, неба. Хайкин в восторге от недавно приобретенной полицейской собаки. В гомео<па>тической аптеке на Кадетской линии ровно против нашего дома купил *Sina 0,2*^[189], однако своего обычного действия против паразитов она на сей раз не имела. На заседание в Народном доме я не пошел, но вечером после долгих колебаний все же отправился на собрание Союза деятелей искусств. Что за гротеск! Я вошел во время какого-то резюме, произносимого Тамановым, и был принят *холодно*. Собралось, впрочем, не более двадцати человек — исключительно моих «врагов». Среди них Ф. Сологуб, Настя Чеботаревская, Кирсанов (единственно кто говорил довольно путно) — молодой <нрзб.> с заросшим «мужицким лицом», К. Петров-Водкин, Э. Визель и ряд «бесполох девиц». Особенно буйно <?> ораторствовал некий представитель Совета Рабочих и Солдатских Депутатов *первого* созыва: Сергей Николаевич Наседкин <?> — безбородый ж□ном¹, обладающий весьма решительным голосом и безграничной глупостью. Он взывал к тому, чтоб Союз взял в свои руки охрану памятников (кому среди этой компании дело до них?), намекая на «непризнанность» нынешней власти, но, разумеется, от указания действительно каких-либо практических мер он воздержался. Кто-то затем понес чепуху об устройстве митингов и процессий, но дальше опроса мнений присутствующих дело не пошло после того что все поголовно отказались... Я на этот раз сказал несколько слов на тему, что Союз деятелей искусств до сих пор не проявил никакой инициативы по охране памятников. Председатель (Таманов) попробовал оправдаться тем, что телефоны плохо действовали. Я снова охарактеризовал Союз в каче-

¹ От фр. *jeune homme* — молодой человек.

стве носителя чисто нравственного авторитета без всяких исполнительных полномочий и был удивлен, что никто не возражал. — Вообще же, Таманов за эти несколько месяцев «научился вести прения». Он то и дело всех останавливал, требовал «большей конкретности», вводил болтливых авторов в смущение. Наловчился он и делать резюме, довольно цинично выражающие вовсе не то, что содержало то или иное предложение, а то, что самому Таманову желательно было провести. В конце концов решено было ограничиться каким-то беспартийным (и совершенно бесполезным) «выражением протеста».

Дома — уютнейшая картина. Атя и Надя за разглядыванием моих нидерландских гравюр, остальные за перелистыванием журнала <нрзб.>. Только Стип (Яремич) вносил в эту идиллическую картину неприятную ноту своим довольно-таки маразмическим юмором.

«Умный сердцем» художник Л. Рихтер дает мне в эти тоскливые ужасные дни какое-то «доверие к жизни». Поистине его мемуары ein Hausschatz¹.

О Риге слухи, будто немцы уже собирались покинуть город, но городские власти их не пустили. «Не оставляйте нас на пожранье <?> варварам!» А в Союзе деятелей и <искусств> Таманов (будто со слов жены Луначарского) сообщил, что в Смольном заседают уже два представителя немецкого Генерального штаба...

Трогательное и характерное для момента письмо я получил от художника В <ерейского>. <З нрзб.> несколько выдержек из него:

В í à ì í äó í à ãí äí ðè òù ñ Ààì è ! В í õí õí í ñääèäè áú ýõí õñò-
íí , í ðèäý è Ààì , íí , äí -í äðáú õ , äí äí ðè òù ý äí èæáí ñ Ààì è í ä-
í èì , çàðäì ý äí èæáí äí äí ðè òù í õí ì , ÷òò ì ó-ääò ì äí ý , í ðääæää
äñýèèõ äðòæèõ ðàçáí äí ðí á ñ Ààì è . Áí ýñü , ÷òí ýõí ì í æäò í á óää-
ñòñý ì í á ì ðè èè-íí ñäèääí èè ñ Ààì è , ý è ì èò ó Ààì . В í á ñòä-
í ó äí äí ðè òù í á í áú èõ ì óèäð , í áú èõ ó ì äí ý á ääí í ú è ì ì äí ò ñ
ì èèèèí í àì è èþ ääè , ó è <í õí ð>ú õ í äðääí ðà-èäääðñý äòò à í ò
õí äí í äñèú ðáí í í äí òí ðæáñòää í äñèèèý , í äí äí à è èæè , ÷òí ì ðè-
í äñèà ñ ñí äí þ í í áääà äí èüð ääèèí á . <...>

Ñ Ààì è ý õí ÷ò ñäè-äñ äí äí ðè òù í äðòáí ì . Ì äí ý ì ó-ääò
äí í ðí ñ ì õí ì , èäè ì õí äñèèññ Áú , Àèäèñáí äð Í èèí èäääèè- , è äí èü-

¹ Домашнее сокровище (нем.).

ø åâèñòñèí ò í í ãðí ò ñ ñàì í ãí åãí í à-àèà? ß çí àð, ÷òí Áú
í èðàèè ñèì ï àðèè é áí èüø åâèèàì . Í í ðàçáá ï í æáð áú òü áí í -
ðí ñ í òáð èèè èí ù ò í í èèðè ÷ãñèèð ñèì ï àðèÿð òàì , ããá áí çí í æ-
í í í áí í èèø ü ï òí í ø áí èã — «íí ÷ãèí åã-ãñðáó»? <...>

Áú òóáí æí èè è òðèñòèáí èí . Ýðèì åñã ñèçáí í, ÿòí áí èæ-
í í í ðí áí àòü åñã ñí ï í áí èÿ. È åñã-ðàèè... åñã-ðàèè í í è ï ó-àð ò
ì áí ÿ, ÿ Áàì ÷ãñòí í í ðè çí àð ñü á ÿòí í . Í ðí ñòèðá ï áí ÿ, Àèåè-
ñáí äð Í èèí èääàè÷, ÿ í á èì àð í ðááá í à ÿòè ñí ï áí èÿ, Áú ï í é
ó-èðáèü, Àèåèñáí äð Í èèí èääàè÷! ß áðí àèè ñ òðáí àðí ï á Áàø
áí í ! <...>

Ðãñãáéðá ÿòè ñí ï í áí èÿ! Ì í á òí ÷ãðñÿ çí àòü, ÷òí í è èðòí è-
öü Áàø åãí ñí ÷ãñðàèÿ í á áú èí ï í áääèðáèÿì ! <...>

Ñí äãðæáí èã ÿòí áí í èñüì à í èèí ï ó í á èçããñòí í; ÿ òí ÷ó, ÷òí -
áú çí àèè åãí Áú í àèí .

Áàø Á.

Среда, 8/21 ноября

Странно, когда я сажусь записывать свои впечатления за день, то я легко вспоминаю разные пустяковые подробности «домашнего характера» и, напротив, с величайшим трудом воскрешаю впечатления от внешних событий — хотя бы, читая о них в газетах, я и бываю *поражен*, или возмущен, или напуган! Одно время, чтоб вести эту свою хронику, я просто заново просматривал газеты. Но теперь я не хочу это делать. Пусть лучше получаются иногда и очень дикие пробелы, тем характернее выразится отношение меня, современника (довольно разносторонне осведомленного и мучительно болеющего душой), к событиям. — Так, за сегодняшней день во мне сохранилось следующее (буду записывать в том порядке, в котором появляются такие «мимолетности на экране памяти»).

1) Второй день, как выходят снова некоторые «буржуазные» газеты: «Петербургский листок», «Петербургская газета»^[190], «День». Последнюю, впрочем, не достать — ее сразу раскупают. 2) «Новая жизнь» в панике; только и пророчит глад и мор, но продолжает твердить о демократическом фронте («Пб. листок» также об этом бормочет). 3) Ф. Юсупов освобожден за непричастность к заговору Пуришкевича (вечером у А.А. Половцова слышал такую версию — его и не

арестовывали, его здесь даже *просто нет* (но это может быть «лганье» в силу некоей круговой поруки). 4) Возник проект реквизиции теплых вещей для фронта; «богатые» квартиранты (такowymi считаются те, что платят свыше 2400 р.) должны представить по одной вещи. 5) Приказ Луначарского о назначении Игнатова и замена Покровского Ляминым — простым солдатом*. 6) Акица снова в горе из-за хозяйственных дел. Кондитерская «*Au bon goût*» окончательно отказалась выпекать хлеб на весь наш дом (у нас самый нераспорядительный домовый комитет), так что кухарке Тэкле или горничной Моте снова придется простаивать часами в хвосте, при этом первая до того бестолкова, что ей не удается заручиться очередным билетом и таким образом обеспечить за собой место и получить возможность на время отлучаться. И другая неприятность: та же Тэкла (ужасная дура!) снова предъявляет какие-то претензии; ей-де нужно иметь отпуск по воскресеньям и т.д. А главное, лавочный хлеб (черный) невозможен! Он с песком, кислый, клейкий! 7) Спросил только что Акицу, пришедшую ко мне в комнату возиться с печкой (она, моя бедная, сейчас за истопника!), что ее более всего поразило из вчерашних известий, но и она, прочитывающая внимательно *все* газеты, тоже не смогла назвать <ничего>.

Лучше я запишу здесь то, что рассказывал Неманов. Он пришел, чтобы убедить меня писать в «Дне», и просидел целых два часа. С ним, впрочем, интересно беседовать; он довольно культурный человек (как-никак окончил Сорбонну) и много видел на своем веку, много встречал в качестве газетного корреспондента «государственных» людей. Ушел же он из «Речи» из-за вопроса войны (по своей политической ори-

* Днем от Покровского отчаянный телефон: необходимо, чтоб я немедленно ехал в Зимний дворец. Он-де все наладил, все сам, а под него Игнатовым подведена интрига во время того что он ездил в Гатчину очищать дворец от заполонившего его воинства (что ему и удалось). Я не мог сразу отправиться, так как ждал запаздывавшего Неманова (одного из значительных сотрудников «Речи»), но вечером Верещагин у Половцова рассказал, как это было. Приехавший Луначарский устроил род очной ставки и предложил баллотировать вопрос о том, кому оставаться (это уже после своего приказа!), тут же, в присутствии заинтересованных лиц. Верещагин негодует на такой *manque de tact* [отсутствие такта, бестактность (*фр.*)]. — *Перев.*] Решили весь вопрос отложить до субботы. Верещагин умоляет, чтоб я приехал. Ой, как не люблю таких историй!

ентации он «приспособляющийся» социалист — *un socialiste plutôt vague*¹). Оказывается, П.Н. Милюков и теперь не унывает и прямо «гениален» в своей доктринерской наивности. «Все наши расчеты построены на том, что у нас армия имеется, а у них (немцев) ее нет (!)» И.В. Гессен сейчас просто откровенно мечтает о монархии. Познали они и то, что война, правда, будет продолжаться «союзниками», но уже не в союзе с нами, а «на наш счет». Назначение Клемансо^[191] нужно ставить в связи с его речью летом, когда он заявил, что считает Россию «вышедшей из игры», а Франция получила право построить свою победу на предоставлении Германии компенсаций на Востоке, — значит, в России. Движение австрийцев в Италии остановлено у Пиаве благодаря своевременному подвозу английской артиллерии^[192] (при этом у Италии уже 45 миллиардов долгу!). Характерный анекдот про М.И. Терещенко. Нынче летом Т<ерещенко> обратился как-то к Неманову с вопросом: «Как быть с французской дружественной экспедицией, отправляющейся в Грецию вселять там союзнические чувства?» Неманов ответил: «Разве у России нет и без того достаточно своих дел, чтоб еще заботиться о Греции?!» На это Т.: «Да! Но как же быть? Мы ведь делаем демократическую политику!» — Керенского Неманов считает жалким лгуном и комедиантом (напротив, Набоков был *entrüstet*², когда я высказал подобное же мнение в корниловские дни); Корнилов, по мнению Н<еманова>, просто дурак, а Каледин — баран. Вообще же, Неманов считает, подобно Палеологу, что у нас в России *совсем нет* государственных людей. Был один, с настоящей волей и личным мужеством, — это Столыпин, оттого его сразу и убрали революционеры. Савинков уже у Каледина, но единственный дельный человек при последнем — это Богаевский.

Во время нашего разговора пришло из Зимнего дворца письмо от Луначарского. Помещаю его здесь вместе с черновиком ответа, который у меня вышел очень бесформенным благодаря тому, что Неманов все время мешал сосредоточиться, так как в качестве коллекционера стал рыться в моих папках.

¹ Социалист с неопределенными взглядами (*фр.*).

² Возмущен (*нем.*).

На конверте

Ánāđi nñe é nēe é Óái ðāæúí úé Èní í éí è ðāæúí úé Êíì è ðāð
Ní áāđi á Ðāáí -è ò è Ní éāāðñēè Ò Áái òðāđi á

Àèáèñàí äð Í è èí èāāāè -ò Áái òà

Самое письмо с заголовком слева

Óái ðāæúí úé Ánāđi nñe é nēe é Èní í éí è ðāæúí úé Êíì è ðāð
Ní áāđi á Ðāáí -è ò è Ní éāāðñēè Ò Áái òðāđi á

Í āð ði āðāā
8 í i ýāðý 1917 ā
1 13

Í āđi áí úé Êíì è ññāð í í Í ði ñāāù áí è þ

Áí ði áí é Àèáèñàí äð Í è èí èāāāè -

Áú í áāù àèè ì í á á í î ñēāáí áā í àø á ñāèāáí èā í ñāāāí ì è òú
ì áí ý í ðí í ñē ðāæúí úé éí í ñððéé òè è òí é ðóáí æāñðāáí í í é éí ì è ñ-
ñēè, éí òí ðāý ñí ñòí ýēà í ðè Áí éí áèí á, à ðāèæā Áāð è ò áçæýyāð
í á í áí áđí àèì óþ áā ðāđí ðì ó.

ß í ðāāí í éāāāþ á áèèçéí ò áóáóú àì çàì ýòúñý ðáí ðāáí è çà-
òèáé ýòí é éí ì è ññèè, áāç éí ðí ðí é ý í á ì í áó ñāðúāçí í áóì àòú í
í áí áđí àèì í ì ðóéí áí āñðāā áú àø è ì Í é í è ñāðññóáí ì Áái ðā, à
í ú í á Êíì è ññāðè ðāðì ì è ñēóññòāà è Í àèè í í æúí ú ò Áái ðóí á.

Í í ýòì ò ý í -áí ú çàèí òāðāñí ááí á òí ì, -òí áú í ðí áí èæè òú
í àø ðāçáí áí ð á ýòì ì í áí ðāāéáí èè. Í ðāáóí ðāæāāþ Áāñ, Àèáè-
ñàí äð Í è èí èāāāè -, -òí èàè áí āñā Êíì è ññèè, ðàè è ñþ āà ý áí è-
æáí áóáó áāñðè ø è ðí éí á í ðāāñðāāè ðāæúñðáí í ðāáí è çí ááí í í-
áí ððóáí áí áí í áđí àà, ò.á. ðāçèè -í ú ò Óái ðāæúí ú ò Èní í éí è-
ðāæúí ú ò Êíì è ðāðí á, Ní áāðí á, Áþ ðí ñí èāàð, ðāáí -è ò, è ðāñðúýí
è ò.á. Ðýáí ì ñ ýòèì í ðāāñðāāè ðāæúñðáí í æāèàðāæúí í í á ðí èúéí
í ðāāñðāāè ðāæúñðáí ðāçèè -í ú ò ðóáí æāñðāáí í ú ò áðóí ì è éí èè-
āèé, í í è í ðāāæúí ú ò ñí áòè àèè ñòí á. ß í ðāāí í éāāāþ í í āñáí ó
ì í áí ó éí ì è ññāðè ðāð òðè ðāèèá Êíì è ññèè, à ì í æāð áú òú, è -á-
òú ðā, òðè í á ñí ì í áāāþ ñú. Ýòí — Áí ñóáāðññóáí í áý Êíì è ññèý
í í í áđí áí í ò í ðí ñāāù áí è þ, éí òí ðóþ ý èàè ðāç ñāè -āñ òí ðì è-
ðóþ; Áí ñóáāðññóáí í ú é Óāāððāæúí ú é Ní áāð æý çāāāáí ááí è ý
ðāāððāè ì Ðāñí óáèèè è è Êíì è ññèý È ñēóññòāà è Í àèè í í æúí ú ò

Āāī ḏōī ā, ēī ḏī ḏāy çàī āī èḏ Āī ēī àēī nēōþ. Āī ò ḏòḏ ŷ í ā óāāḏāī, í ā í āāī èè ḏaçàèḏòū āā í ā āāā, ā í āī í ē āçŷòū ø èḏā āñ, í ḏī í nŷ- ù āāñŷ ē èñēōññòāó, à ā ḏḏóāōþ nāàòū āāī èī èñḏḏāḏēþ āāī ḏōī ā èàè ḏàēī āú ḓ. Í āī āñāī ŷḏī ì í ÷āī ú ḏī ḏāēī nū áú í í āī āī ḏèḏū. È ŷ í ḏī ø ó Āāñ í āī èñāòū í í ā, í ā ì í ā èè áú ŷ çāāḏāòū çà Āāī è ā í āēī èç àèèæàèø èḓ āī áé. Ì ŷ í ḏī āḏāèè áú ā Nñ í ēūī ŷ é èí- nḏèḏòḏ è í í āī āī ḏèèè áú ḏàī í í ḏī āī í.

Æī ó Āàø ó ḏóèó.

Í ḏḏī āī ŷ é Èī ì èññàḏ í í Ī ḏī nāàū āī èþ

À.À. Èóí à-àḏñèè é

Черновик моего (тут же составленного) ответа:

Āēóāī ēī óāàæāāī ŷ é
Āī ḏōī èè é Āāñèūūāè ÷

Nñ óāī āī ēūñḏāèāī āī ḏī ā ñ Āāī è í í àèāàòūñŷ è í í ḏī èēī āàòū í ā èī ḏāḏāñōþ ù āī Āāñ āī í ḏī nā. Áèèæàèø èā āī è í í èāī āñḏ ó í āī ŷ nāī āī āī ŷ, ḏàè ÷ḏī ŷ Āāī í ḏāāī nḏāāēŷþ áú āī ḏ āḏāī āī è. Ì í- æāḏ áú ḏū, Āú ì í ā nñ í áú èḏā ḓḏḏī ì í í ḏāèāóí í ó, èī āāā Āāñ ì í æ- í í í æèāàòū. Nñ-èḏāþ āñā æā nāī èì āī èāī, āī èçāāæāī èā í āāī- ḏaçóī āī èŷ, í ḏāāóí ḏāāèḏòū Āāñ, ÷ḏī ŷ èè-í í í è ā èàèí ì nēó-āā àèḏèāí í āī ó-āñḏèŷ ā nḏḏī èḏāèūñḏāā óóāī æāñḏāāí í í é æèçí è í ḏè- í ŷḏū í ā ā nñ nḏī ŷí èè, èāī āāñŷ ŷ ḓø àè ā ḏāī ḏ-āñḏāī. Í à nēī āàḓ í áúŷñī þ Āāī í í ḏī āī í, ÷ḏī ì āī ŷ é ŷḏī ì ó í í áóæāāàḏ. Í āī àēī çí àēī ì nḏāī í í ā ñ āāèāì è èñēōññòāā í í çāī èŷḷàḏ ì í ā äóī àḏū, ÷ḏī í àø à āāñāā ì í æāḏ ā ḏàèí ì nēó-āā Āāī í èàçàòūñŷ í í èāçí í é. ŷóī í ḏāā-àēī áú ì í āī ó æāèāī èþ.

Í ḏèī èḏā óāāḏāī èā ā ì í āī óāàæāí èè è í ḏāāāí í í nḏè,

Àèèèñāī àḏ Āāī óā

Обедаю у Половцовых с Верещагиным, молодым Шереметевым, княг. С.А. Долгорукой и каким-то офицером с очень злым лицом. Обед на сей раз, в сравнении с прежними, довольно скромный, но, по нынешним временам, все же «роскошный»: борщок с гречневиками, белорыбица с вареным картофелем, рябчики с пюре из капусты с жареными шарлотками,

слоеный пирог с яблоками, компот из персиков, шоколад ломтиками; хорошие вина и коньяк! Все уверены *que cela ne va pas durer plus de neuf semaines*¹ и крепко рассчитывают на возвращение монархии. Однако слышатся и такие тончики (даже от княг. Долгорукой): «Мы надеемся, что это не будет Николай II». Софья Александровна П<оловцова>, *très belle dans sa robe de velours noir*², рассказывала подробности о своем пребывании у Харитоненков в Москве. Как раз в день открытия большевиками военных действий во двор особняка прибыло несчетное количество кулей с картофелем, и, несмотря на пальбу, их спокойно разгружали и размещали в сарай. На вопрос, для чего такая их масса, Вера Андреевна Харитоненко отвечала: «Ведь будет голод, вот я и запаслась». — «Куда же так много?» — «А я по всему околотку буду раздавать». Так же В<ера> А<ндреевна> все приставала к Софье Александровне (*avec ce petit air dolent qui lui est propre*³): «А как вы думаете, С.А., мы не будем разорены?» Оказалось при этом, что под разорением подразумевается нечто относительное, ибо тем же плачущим голосом старушка жаловалась, что когда они *будут* разорены, потеряют все свои земли, все свои дома, то у них останется «всего» около трех миллионов рублей... доходу! (Надо надеяться, что капиталы, на то потребные, лежат в заграничных банках!) Всего пикантнее, что такие разговоры происходили под градом снарядов, пролетавших над их домом у Москвы-реки^[193] и с треском разрывавшихся на площади Кремля между соборами. — Верещагин очень озабочен тем, что Луначарский объявил о Павловске и о Мраморном дворце. Оба-де будут просто конфискованы ввиду того, что Вел. Князь Иоанн Константинович скрылся. Собирается по этому поводу устроить бойкот. Но разве это подействует? После обеда подошли П. Вейнер, Щавинский* и К. Романов. Последний своими манерами ласкового котика начинает мне действовать на нервы. Полвечера ушло на выработку ответа по запросу, пришедшему из Министерства финансов, о том, как осуществить недавно изданный за-

¹ Что это не будет продолжаться более двух месяцев (*фр.*).

² Очень красивая в своем платье из черного бархата (*фр.*).

³ С таким печальным, свойственным ей выражением лица (*фр.*).

* Управляющий мыльной фабрикой и страстный собиратель голландских картин.

кон, запрещающий вывоз художественных произведений за границу. Я старался убедить остальных пойти на попятный. Вначале, однако, Путя (Вейнер) хвастал, что этот закон издан именно <по> его инициативе. Подействовало мое сравнение их с большевиками, ведь этот запрет — только разновидность конфискации, раз вас лишают свободы распоряжаться своим имуществом. Но, увы, теперь все равно *поздно!* Закон, несомненно, будет проведен, и большевики действительно будут ему рады как лишнему средству удушения капиталистов. — Вторая часть нашего собрания была посвящена докладу Щавинского об Андреевской церкви в Киеве^[194].

Дивная, бодрящая ночь. Из-за выпавшего снега сразу все стихло. Поразительно романтическая картина у Зимней канавки! Блеск пылающих костров за черным силуэтом парашюта моста. Вся стена Эрмитажа и «моста Вздохов»^[195] освещены снизу, с глубокими тенями под сводами; греющиеся у костров солдаты. — В подъезде Половцовых встретился со стариком К. Горчаковым. Со мной поздоровался *en très grand seigneur*¹ почти с утрированной любезностью. Он зашел по дороге из клуба — на минуту. — Половцов рассказывал, что Вел. Князь Сергей Михайлович (на днях я его встретил на улице и поразился его до жути изнуренным видом — вылитый Кашей из «Млады»^[196]) целыми днями играет в клубе. Вел. Князь Николай Михайлович сам выстаивает в хвостах за хлебом, наслаждаясь разговорами «улицы». «*Il ne manque pas de pittoresque notre Philippe Égalité*»². Утром я был занят порталом «Петрушки». Собираюсь сделать его совсем по-новому — в красновато-розовых тонах — *très*³ 1830... Еще характерный рассказ Неманова — о Проппере... (издатель «Биржовки»)^[198]. Он еще весной говорил, что войну *надо* кончать! Но тут же прибавлял: «Но нельзя об этом писать!!»

Четверг, 9/22 ноября

Вместо самого Луначарского на наше собрание в Зимнем дворце пожаловал Ятманов — от имени своего принцепала,

¹ В манере очень важного господина (*фр.*).

² «Наш Филипп Эгалите^[197] выглядит довольно живописно» (*фр.*).

³ Очень в духе (*фр.*).

приславшего его снова для того, чтоб получить от меня «директивы». В первую очередь им нужен список лиц, которых нужно пригласить на художественную конференцию. Однако что это за конференция?! Тут и пошла неразбериха. Не то имеется в виду возрождение Головинского совета, иначе говоря, какой-то главный орган Министерства искусства (или того отдела Комиссариата по народному просвещению, который ведал бы художественными делами), не то объединение комиссий, занятых дворцами (только Петербургского округа? или по всей России?). Как сейчас теперь полагается, Ятманов настаивал на *чрезвычайной спешности*, — мол, уже к субботе *все* должны быть созваны! Ввиду чего Анатолий Васильевич получил надлежащие полномочия от Военно-Революционного Совета для пользования телеграфом. Итак, снова и без всякой надежды на перемену мы вступаем в хозяйничанье полного дилетантизма. Быстрота и натиск в распоряжениях, какая-то нелепая игра в революционность — и при этом полное невнимание к реальным условиям и возможностям. В продолжение целого часа я старался вдолбить крепкоголовому посланцу Луначарского (Ятманову) мои мысли и элементарные требования, но без настоящего успеха. Ятманов — настоящий дикарь. Он совершенно случайно и даже неожиданно для себя самого попал в комиссары, однако нам с фактом этого назначения приходится считаться, раз никто из нас не пожелал взять на себя такую опасную обузу (и окончательно прослыть за большевика). К тому же выбор мог быть и хуже. Ятманов только по глупости и невоспитанности подчас «хамил» (да и то в меру), а в основе он, пожалуй, человек честный. Другое преимущество — он (покамест) *не состоит в партии*. Я бился ему объяснить, сколь необходимо сначала создать хоть какую-то «схему плана». От этого зависят и самые первые шаги, за которыми следует все дальнейшее, и *может* получиться *удача*. Все же в конце нашей беседы Ятманов, прятаящийся за довольно-таки туманной инструкцией Анатолия Васильевича, сдался, видимо, испугавшись ответственности. И он соберет в субботу одних лишь членов дворцовых комиссий: Зимнедворцовой, Петергофской, Царскосельской, Павловской, Гатчинской, и им будут предложены исключительно «технические» вопросы. Но и для этой упрощенной задачи требуется какая-либо руководящая идея, а ее-то и нет. И зачем непременно приглашать всех? Без

того нас уже слишком много. Зачем, например, Верещагин приводит и своих помощников, — и они вообще стали нашими *завсегдашними*. Теперь без обиды их не отвадишь. В зависимости от этого приходится теперь приглашать и всех трех членов комиссии из Царского, и всех трех из Гатчины, что уже составляет вместе с нами довольно многочисленное сборище. С другой стороны, совсем еще не выяснены наши взаимоотношения с двумя такими первостатейными организациями, как Эрмитаж и Музей Александра III. Если пригласить весь служебный состав и этих учреждений, то сразу «техническое заседание» превратится в своего рода парламент. Я посоветовал предоставить обоим музеям делегировать по три или по два представителя, но даже это трудно провести, потому что остается до субботы всего *один* день! Ятманов, вдруг страшно заторопившись, покинул меня с несомненным сознанием, что и впрямь могут возникнуть какие-то тяжелые недоразумения и что поэтому следует быть более осмотрительным. Вероятно, он прямо от меня поехал к своему патрону, — на это указывает то, что в 10 ч. от последнего был телефон с просьбой принять его завтра между тремя и четырьмя. Я согласился, хоть и неприятно, что придется [отказать напросившимся] англичанам Линтоту и Бруксу, которым совсем не годится повстречаться *with a bolshevik*¹. И до чего же мне трудно выработать и установить свою собственную позицию! С одной стороны, меня побуждает род *долга* прийти на помощь людям, от которых теперь столь многое зависит и которые получили в свое распоряжение вещи, им совершенно чуждые, — как раз те самые вещи, которые мне дороже всего на свете. При этом эти новые люди вовсе не представляются мне менее приемлемыми и бездарными, нежели те, с которых началась в марте русская революция. С другой стороны, я отлично вижу, что и эти новые люди легкомысленны и *нелепы* во всю русскую ширь. В частности же, в Луначарском к этой нелепости примешивается какая-то старомодная эстетика, что-то от Прудона, что сулит мало хорошего. А между тем *ce sont eux les maî tres*² — у них *могут* оказаться гигантские средства, которые *могут* привести к грандиозным переменам... Во всяком случае, на меня, к великому мое-

¹ С большевиком (*англ.*).

² Они и есть хозяева (положения) (*фр.*).

му ужасу, накатил вихрь такой же силы, как тот, что закрутил меня в марте, и во мне снова возникли всякие проекты и чаяния. В первую голову, расширение Эрмитажа за счет Зимнего дворца, создание грандиозной портретной галереи русской истории и т.д. А тут же и проекты общего характера, среди которых имеются и такие, которые созревали с весьма давних пор... Но беда в том, что проводить эти проекты в жизнь через других и действуя из кулисы едва ли возможно. Взвалить же на себя самую эту ношу мне представляется непосильным. Мешает тому главным образом мой характер, лишенный личного мужества и избалованный «домашним халатом». К тому же я *никакой социалист* и никак не гожусь вообще к какой-либо политической деятельности. Опыт марта учит еще, что я, несмотря на огромный круг знакомств и бесчисленных *друзей*, не могу рассчитывать на какую-либо общественную (или хотя бы только дружественную) поддержку. Не могу уже потому, что, не будучи *от природы* «политиканом», я *брезгую* предпринимать какие-либо тайные ходы и то, что называется, *интриговать*. Между тем мой удельный вес, мой авторитет, при общей некультурности и мелкотравчатой сварливости, едва ли способен уберечь меня даже от обвинений в самых низменных происках личного карьеризма (что и вооружило Мейерхольда и ему подобных) и в том, что я ищу, как бы устроиться потеплее. Мой долг ввиду всего этого заставляет меня воздерживаться от *активного*, от прямого участия в каком-либо строительстве. В то же время я очень сомневаюсь, что наши новые строители обладали мудрой осмотрительностью и надежной выдержкой. Скорее всего, это «бесноватые», какой-то задор возьмет в них верх, и они просто все запутают и все загубят! В конце концов эту ныне пылающую лаву затопит, потушит все уравнивающая грязь невежества и бездарности... Завтра экзамен Луначарскому. И в то же время то будет экзамен моим нервам, моему самообладанию и просто благоразумию.

Троцкий произнес эффектную и вовсе не глупую речь об иностранной политике. Она несравненно более приемлема, нежели скороспелый и печальный декрет о *мире*^[199]. Генералу Духонину дан приказ вступить в переговоры с неприятелем о перемирии. Но уже к вечеру стало известно, что Духонин отказался выполнить приказ и что вместо него назначен Главоверхом Крыленко (товарищ Абрам). Бонч обещает спасти

положение на пищевом фронте использованием гигантских запасов продовольствия. Однако товарищ министра Теодорович, покидая свой пост, грозит катастрофой как раз в этой области. В Финляндии целую уже неделю тянется какая-то *«непонятная бестолковая смута»*. Вероятно, ее вгонят наконец в известное русло штыки русских матросов. Получится новая форма бобриковского насилия^[200]. С завтрашнего же дня Троцкий обещает публикацию «тайных договоров».

Вечером у нас Стип, Эрнст и Бушен. Смотрели мое маленькое собрание французских рисунков. До них Замирайло принес свои прелестные виньетки к «Гулливеру». Я кончил эскиз главной декорации «Петрушки»*.

Пятница, 10/23 ноября

Сегодня утром, во время того что я был занят двумя вариантами занавеса (с чертями) для «Петрушки», вбегает Акица с газетой. Она стала умолять меня, чтобы я был с «ними» *осторожнее* и «не вступал ни в какие дела», — очевидно, имея в виду визит Луначарского и не доверяя тому, что я уже неоднократно говорил ей о своем решении держаться в стороне от политики и политических деятелей; вступил же я с ними в контакт исключительно с целью охраны художественных ценностей. Из этой тревоги я понял, что произошло нечто значительное и печальное, и надо сознаться, что и меня смущают многие новые поступки большевиков — поспешное удаление Духонина, назначение Крыленки, обнародование тайных договоров (хоть многое и без того было давно известно)^[202]. Совершенно же «классичен» изданный несколько дней раньше приказ Муравьева^[203], ныне уже отставленного, что-де война кончилась и солдатам предлагается отдать свое снаряжение и расформироваться. Подобная ликвидация войны может повести к невообразимым бедствиям, и остается одна надежда, что стадное чувство самосохранения побудит самый фронт выра-

* Заказ, исходивший от Зилоти, заведовавшего при Временном правительстве Маринским театром... К сожалению, постановку «Соловья» они поторопились поручить Головину (и это несмотря на тот исключительный успех, который имела моя постановка этой оперы Стравинского на сценах Парижской Оперы и театра Дрюри-лейн в Лондоне)^[201].

ботать какие-либо меры к *разумному* устройению демобилизации. Эффект от прочтения газет (в «Дне» индискретность¹ Неманова) на сей раз был таков, что меня даже схватил род нервической лихорадки.

К счастью, как раз до прихода Луначарского к нам заехал гр. Робьен, и его веселая болтовня, его анекдоты и шутки мне несколько «ремонтировали мораль». Он в своеобразном *восторге* от того, что *la guerre claque*². Он прямо наслаждается многим из того, что происходит, хоть в то же время сознает, что известная опасность грозит и ему лично, и всему дипломатическому корпусу. Для получения бензина (для своей машины) он сам побывал в Смольном — насладился там видом всей этой «ярмарки торжествующего пролетариата»! Рассказал, между прочим, и о том, как арестовали Вел. Князя Павла Александровича и как стерегущие его солдаты попросили его почитать им газету. Тут же они раздобыли номер «Правды», и Вел. Князь, сидя, окруженный ими и обкуриваемый махоркой (солдаты, впрочем, сначала вежливо попросили разрешения покурить), прочел им «Правду» от доски до доски. В этом есть даже нечто символическое. — Настоящая же причина раннего визита Робьена заключалась в приглашении нас в ложу на воскресенье вместе с четой нового бельгийского посланника (Desprez — так ли пишется?), о котором он отзывается с похвалой. При нынешних обстоятельствах такая «эскапада» представляется мне довольно соблазнительной.

Луначарский пожаловал вскоре после отбытия Робьена. Он сейчас лучше выглядит, нежели в прошлый раз, но все же продолжает «пребывать в *трансе*». Это сказалось уже в том, что, приехав с тем, чтоб набраться у меня советов относительно ближайших художественных мероприятий, он почти не дал мне вымолвить слово, а сам непрерывно ораторствовал. Так как он просидел у нас два часа, то потребовалось бы много листов, чтоб записать все, что он нарасказал, — и это без особенного моего поощрения, а движимый как возбуждением <от> успеха большевиков, *превзошедшего* (по его же выражению) все их ожидания, так и некоторой фальшью создавшегося положения. Он находится в каком-то «экстазе излиятий»,

¹ От *фр.* indiscret — бестактный, болтливый.

² Война захлебывается (*фр.*).

моментами же переходящем во что-то похожее на исповедь и покаяние. Запишу только особенно запомнившееся.

Беседа, после прочтения им своего «Регламента комиссией о дворцах», сразу свернула к вопросу конфискации имущества великих князей. Тут больше говорил я, нежели он, стараясь его убедить (и это как будто в значительной степени удалось), насколько такая мера была бы несправедливой. *Увы*, «они» понимают революцию не иначе, как в смысле переворота в *самой идее* права собственности, — между тем этот переворот может повредить им самим и, во всяком случае, может их сразу дискредитировать. Зачем такая поспешность? Пусть вопрос такой важности решит Учредительное Собрание^[204], пусть *оно* возьмет его на свою совесть, на «всенародную совесть»! В ответ на это раздался ехидный смешок и фраза: «Ну, Троцкого не испугаешь жупелом частной собственности!» Мотивы же Луначарского сводятся к тому, что-де Павловск, напр., спасти нельзя, так как местные организации уже заявили, что желают завладеть дворцом, и потому «конфискация сверху» является единственным способом спасти заключенные в Павловске художественные ценности от разгрома. Однако зачем же тогда «заодно» отбирать и Мраморный дворец, которому пока никакая «местная организация» ничем не угрожает? К концу спора Луначарский не то из какого-то свойственного ему благодушия, не то чтоб «отвязаться» обещал мне пересмотреть вопрос и «во всяком случае не торопиться», причем он надеется обмануть своих Аргусов (Ленина и Троцкого). Затем Анатолий Васильевич приступил к характеристике момента и главных действующих лиц. Тут уж он говорил один. В Ленине он видит фанатика, беззаветно и совершенно искренне верующего *в творческую силу всего народа*. Он-де на этом пути пойдет до крайних пределов и ни перед чем не остановится. Все, что постановит и вынесет любой «народный коллектив», он сейчас же готов обратить в обязательный и всенародный закон. Троцкий же, которого Л<уначарский> называет *орлом*, с которым ему первому бывает весьма неуютно, нечто совершенно иное. В нем, несомненно, живет дух *разрушения*. Он *вовсе не верит* в успех нынешней революции, он *убежден*, что и он сам, и все с ним обречены на гибель, однако он желал бы успеть зажечь *такой* пожар, который, в конечном результате, вынул бы *весь мир* переустроиться по-новому... — От

назначения Крыленки Луначарский в *ужасе*. Но и Муравьева он считает «кондотьером-фанфароном» и авантюристом, однако очень храбрым человеком. Успех «царскосельского сражения» отчасти обязан ему^[205]. Однако еще более — удачной диспозиции, придуманной трезвым, умным Антоновым (Антонов и назначен вместо Муравьева), а также малой численности «вражеских» сил. «Керенский, дурачина, имел в своем распоряжении всего 5000 казаков!» Луначарский сам отлично понимает, что они, победители, вся руководящая верхушка, «висят в воздухе» и «колеса их корабля не зачерпывают воды». Но все же он не теряет надежды, что «нелегкая вывезет». Угроза голода при этом страшнее всего. Весь вопрос в том, чтоб удержаться хотя бы *один* месяц, а дальнейшее станет наматываться по инерции. — В сущности, сейчас управляет дуумвират. Что же касается подобия Конвента, который представляет собой Совет комиссаров, то это нечто жалкое — «машина для подымания рук»^[206]. Дуумвирам все же приходится считаться с двумя учреждениями: с ЦК партии и с Советом съездов. Однако дуумвират далеко не по всем вопросам входит и в эти учреждения. Сам Луначарский с большинством известных декретов знакомится *из газет*, и тогда уже, когда они превратились в *faits accomplis*¹, с которыми ничего не поделаешь. Таким *сюпризом* было для него, Луначарского, и назначение Крыленки, несмотря на то что еще в тот же вечер он видел обоих комиссаров-дуумвиров, которые при нем ни о чем таком не обмолвились. — Мне становится более понятным, что его *держит* (ведь он с переворота уже трижды просился в отставку). Очевидно, его держит гипноз авантюрной игры и какая-то еще «влюбленность в лица», нежелание их огорчить, с ними по-рвать, *их более или менее предать*. А также еще вера в их звезду. Ведь, бывало, и у Сережи до последнего момента все трещало, рушилось и к тому же все выглядело нелепо, а временами и гадко, а там, глядишь, все выпрямлялось, все превращалось в успех. И *какой* успех! Наконец, Луначарский, несомненно, надеется под их эгидой провести, попутно обезвреживая, то, что в предпринимаемых мерах будет особенно жестоко, многое, что он считает за благо. Но *от террора он в ужасе*^[207] (как и я впадал в ужас от некоторых мероприятий Сер-

¹ Свершившиеся факты (*фр.*).

гея, которые он считал необходимыми, напр. от замены в 1910 году черепнинской «Жар-Птицы» — «Жар-Птицей» Стравинского!). Однако весьма сомнительно, чтоб у него хватило мужества и умения против террора *реагировать*. Если же большевистский захват есть «дягилевский спектакль», то можно предугадать и то, во что это выльется в дальнейшем. Много помпсов¹ и фейерверков, но, может быть, при этом они и пожгут театр (ведь для фейерверка нужен *огонь*). И едва ли они построят что-нибудь прочное*. В конце концов восторжествует, пожалуй, трезвая, с виду благоразумная, а по существу несравненно более жесткая обыденщина — подобие той, что царила до переворота.

Ах, только бы не погибли в предстоящей суматохе «Даная» Рембрандта, «Благовещение» Ван Эйка, «Полифем» Пуссена, станцы Рафаэля, Шартрский собор и т.д. ...

Луначарский покинул меня в 6 часов, напросившись снова на завтра в 12 — для того, чтоб наконец поговорить о составе художественной конференции — до нашего собрания в Зимнем дворце. По дороге от меня он собирался заехать в Преображенский полк и подействовать на солдат, чтоб они оставили в покое царский винный погреб, что помещается, о ужас, в подвале под самым Эрмитажем (говорят, впрочем, что все особенно редкие и ценные вина уже эвакуированы в Москву). Оказывается, и в минувшую ночь происходила стрельба у Эрмитажа, и возникали нелады между караулом из красноармейцев и караулом из солдат. Придется их уговорить при помощи матросов или вывезти вина в Кронштадт...

В 7 часов — в Академии наук на докладе В.Н. Бенешевича о принятии мер к спасению памятников древности и искусства, главным образом в Москве. Я и так умирал от усталости, а тут пришлось еще вынести трехчасовую пытку, слушая всякие благоглупости. Вот когда появляется искушение какими угодно мерами разбудить, растолкать, а то и просто разогнать эту компанию. Наконец, полное язвительных намеков, мямление Якова И. Смирнова (великий ученый муж, но, Боже, ка-

¹ От нем. *putz* — пышность, pompa.

* В этом сомневаюсь. Но, пожалуй, для настоящей стройки нельзя было обойтись без таких грубых приемов, как те, что пустили в ход Сталин, Дзержинский и т.п. Воображаю, как Луначарский должен был страшиться их, как раскаивался, что втянулся в ту же компанию! (*Примечание 1955 года.*)

кой у него византийский склад ума!) меня взорвало. Он только что побывал в Кремле, однако «не успел попасть в Успенский собор, так как спешил на поезд». Поборов обычное смущение, я разразился целой речью, в которой дерзнул корить почтенных академиков и указывал Академии наук (они все прячутся за отговоркой, что их-де никто не слушает) на ее прямой долг, на соблюдение необходимой объективности в оценке событий, на необходимый для людей науки нейтралитет (это прямо по адресу злущего-презлущего, еле со мной поздоровавшегося М.И. Ростовцева) и на значение их авторитетности! Мои слова как будто оживили настроение, но, как всегда бывает у нас, маститое собрание чуть сразу не перевалило в другую крайность — предложив сформировать какую-то «белую гвардию» — специально для охраны памятников. Насилу при помощи на сей раз присоединившихся ко мне Ростовцева и милого С.Ф. Ольденбурга (первый весь пылал ненавистью к большевикам, второй в очень «симпатичных» тонах, недалеких от «христианского всепримирения и всепрощения») удалось удержать расходившийся ареопаг от такого опасного предприятия! М.И. Ростовцев прямо заявил, что большевикам такая мера была бы в руку, «ибо они поставили себе задачей известить интеллигенцию»*. Кстати, днем был телефон от Сувчинского, который отказался приехать завтра вечером, испугавшись призывов к разгрому интеллигенции, расклеенных по городу. За таковые (призывы) он принял угрозы В.Р.С.^[208] по адресу саботирующих чиновников. Мне кажется, что покамест это больше «игра в террор» и расчет на то, что напуганные смирятся и явятся на службу. Однако могут и *не* прийти... Еще неожиданность: Луначарский, оказывается, двоюродный брат Ростовцева!! Последний, впрочем, уже пять лет как не подает ему руки. Я же всегда был так далек от этого мира, что даже имени Луначарского до прошлого года не слышал.

* Больше всего на гвардии настаивал князь Голицын, который поднял и вопрос о том, чтоб выразить сочувствие московскому Собору. В конце концов, образована была подкомиссия (институт истинно национальный) для выработки редакции текста, имеющего появиться от имени Академии наук, и другого текста, обращенного от нашего имени к В.Р.С. Много толков возбудил вопрос, идти или не идти депутацией. Ольденбург: «Я бы охотно пошел». Я прочел список поврежденных, учиненных бомбардировкой в Москве. Его мне доставил Добужинский через С.М. Коровина.

Дома я застал еще Эрнста, занятого клейкой моих статей в специальный альбом, и Бушена, спорившего с Лелей и с Замирайло об искусстве.

А вот и вложенное в Дневник письмо Добужинского (однако списка повреждений при нем не оказалось):

Áí ðí áí é Ø óðà, í í ñú èàð òááá í àððè ðí èí á Êðàì èü. Áí óððü ü èäó çààòðà ñ Æðàáàðàì è ñí àèðàð ñü ðè ñí ààòü. Óæá óí òí àðà-ò èðóð ò. Í ðí í òñèàð ò òí èüèí í í ðàçðáø áí èüì . Ñí è ñí è ðàçðó-ø áí èè ñí òòàèèáí Æðàáàðàì è í í í é, í àñèí èüèí ü í í á í ñí í òðàòü àñà ñí àðóæè. Í áí àóí äèì í ýòí ò ñí è ñí è í í óáèèèí ààòü í àí àüèáí-íí, ááá — àñà ðàáí í. Æðàáàðü í ðí ñèò ááí í àðàáàòü è Õàì áí í áó. Ñàì ù é ò àèò í àñòí èüèí óæàñáí, ÷òí í àò í èèàèèò ñèí á è í ù ñèàé í àðáá ýðèì í í äèèí í ùì ááèì àüýáí èà. Êàè áú òí òáèí ñü ñ òí áí é í í áí áí ðèòü, ü áóí àð, òü òòðàáààø ü áí èüø á, ÷àì èòí -èèáí. Á Ì è-ðáðà ü áú è á óæàñí í í í àñòí áí èè è í èèí áí í í ÷èè í á àèäáè è í á òñí àè è òááá çàèèè. Ñ, ááðí ýòí í, ñèí ðí í ðèàáó.

Æðàáàðü í -áí ü í ááñí í èí áí òàì, ÷òí áí ñèò í í ð í á í ðèø àè òðàí ñí í ðò Ýðí è òàæà è Ì óçáý Æ<áèñáí àðà> III ñ èèí í àì è. Í í í ðí ñèè ñí àñòèñü ñ Á... (í àðàçáí ð-èèáý ò àì èèèü), ÷òí á áú ýñí èòü, ááá áááí í ù, è í òí ðààèòü (?) èð èèè á Ì í ñèáó, èèè á Ì èèðáð, è àì ó óæèáððàó è ðí ààòü á Õðàòüýèí àñéóð áàèáðàð. Í áðááàè ýòí òí æá Õàì áí í áó.

Í ó, í í èà, í áí èì àð òááý. Í ðèàáò òáí èì . Í èñü í í áðáñü -èàð ñ Ñ.Ì . Êí ðí àèí ùì — í í ÷òí è òáí áðü í ááí çì í æí í. Ñ í èà-çèàè ááðí áá.

Í áí èì àð .

Õàí é Ì òò è ñèàá

Í ÷áí ü òòðàò í í (!), ðàçðóø áí «Ì àððí í í èü»^[209] — í áðí í -í ù á áú ðü áí àñàò ýòàæàò, í í òòðàáàèè í àéí èèèà, í ñí ááí í í Áí-èí àéí ñèáý. Áí í áú á, èàè è ñèàèá-áí á Ì í ñèáà, òü è í ðàáñòààèòü í á í í æáø ü!

Суббота, 11/24 ноября

Продолжается публикация «тайных договоров». Царские ничего неожиданного не содержат, в телеграммах же эпохи Терещенки поражает чисто чиновничья рутина, какая-то скудность мысли, указывающие на то, что министр только подпи-

сывал эти документы, а составляли их другие, «люди в футляре», лишённые живого творчества. Люди кабинетные (тоже футлярные) скажут: худого в этом ничего нет, однако очень плохо, когда в *самый важный момент существования страны* отсутствует творческая воля. Умы «субалтернов»¹ даже *обязаны* мыслить и работать, как машина, и так, как их тому учили, но новые начальствующие должны были бы вдохнуть в этот заржавелый организм новую жизнь. Я даже думаю, что Клейнмихели, Аракчеевы, Муравьевы менее вредны, нежели *бездарные* «хорошие люди». И вся наша интеллигенция, пожалуй, потому и «взбешена большевиками», что она погрязла в какой-то бездарной «порядочности».

Но не слишком много доверия внушает мне и тот представитель новых людей, которого я сегодня *слушал* с двенадцати часов дня и до четырех. Прибыл Анатолий Златоуст специально для того, чтоб «*послушать моих советов*»; и это дабы подготовиться к слушанию советов всей собранной им конференции, однако говорил все время *только он*, а мы все — я, жена и дети (а в Зимнем дворце все приглашенные) — только внимали этому словоизвержению. Слушали, впрочем, с большим интересом, временами подпадая и известному наваждению, «шарму». Очень действенным приемом соблазна у Луначарского служит то, что свои утопические фантазии он пересыпает вставками известного скепсиса (и даже самоиронизирования), вследствие чего он к себе лично, к своей искренности вызывает большое доверие. Зато когда после слушания этой сирены остаешься с собой наедине и вполне приходишь в себя, то с особой ясностью слышишь голос простого здравого смысла. Домашним моим Луначарский понравился (и Акице, и Атечке), так как в более совершенной форме он высказал многие из тех мыслей, которые ныне они сами продумали и своим золотым сердцем прочувствовали. Главной же темой с дамами (за завтраком — на котором в качестве *pièce de résistance*² были макароны) явилась характеристика «*вождей*», а также необычайно увлекательное описание жизни и деятельности муравьев, в чем, впрочем, Акица узрела и некий довольно жуткий символ (вернее, *идеал*) как самого Луначарского, так и всего коммунистического учения. —

¹ От *фр.* *subalterne* — подчиненный.

² Основного блюда (*фр.*).

В самом же начале своего посещения он снова стал мне навязывать «министерский портфель», но я без труда противостоял «соблазну» (покорнейше благодаря), снова сославшись на свой главный довод против: «Ведь я даже не социалист, как же мне вступить в правительство, исповедующее коммунистическое credo?!» Мой довод, сформулированный столь категорическим образом, произвел, наконец, на него на сей раз нужное впечатление, и он уже к этому вопросу не возвращался.

На конференции в Зимнем дворце он счел нужным изложить, в довольно пространной форме, все этапы нашего революционного движения с марта 1917 года по сей день, и кончил он свою остроумную агитационную речь указанием на то, что ныне разыгрывается последняя ставка не только свободы и революции, но и просто всей культуры. «Предшественники» же наши довели своим бездействием положение до последних пределов. Если и большевикам не удастся справиться с задачей регулирования жизни, с прокормлением оторванных от работы масс, с восстановлением функционирования колес всей государственной машины (это все было изложено в очень пространной форме с массой цитат и примеров), то жизнь России остановится и даже получится «взрыв отчаяния» — *пугачевщина!* — Кстати сказать, эту пугачевщину, которую нам ныне то и дело суют в разных вариациях, я представляю себе вовсе не в виде страстной и героической свалки, не в виде циклона, а в виде чего-то затяжного, построенного на взаимном недоверии, на озлобленности, а главное, на повальной бездарности «закисания» — подобного нашей северной туманной слякоти с ее сгущающейся мглой.

После того что «верховный комиссар», наговорившись вдоволь и не послушав ни одного мнения тех «компетентных лиц», которых он созвал специально, чтоб *послушать их* советов, он покинул Зимний дворец*. Конференция занялась его

* Туда он меня доставил в «своем» автомобиле, который оказался просто *придворным*. Чего-чего не перевидал «царский шофер» этой машины! Вот чудесный сюжет для «*Mémoires d'un chauffeur du Tzar*» [«Воспоминаний царского шофера» (фр.). — *Перев.*!] Доехав по Университетской набережной до Дворцового моста, пришлось повернуть обратно на Николаевский, так как началась разводка моста, дабы пропустить крупное судно, похожее на царскую яхту. Очень эффектно, когда «стена» одной половины разводной части вздымается черной массой в воздух.

«декретом» об охране памятников, причем неспевшиеся члены быстро запутались благодаря обилию предложений, и тогда решили передать окончательную разработку вопросов подкомиссии (*nous n'en sortons pas!*¹), в которую вошли В.А. Верещагин (у него, бывшего статс-секретаря Государственного совета, несомненно, большой опыт на эти вещи), я, Вейнер и еще кто-то. Осторожный Нерадовский прислал вместо себя Н. Пунина, но он держал себя на сей раз — при Луначарском — скромно и тихо. Из эрмитажников же никто не явился, — очевидно, у них крепки принципы, высказанные Ростовцевым и Смирновым, мешающие им «пойти к этим мерзавцам и подлецам». Пусть лучше все погибнет, только бы не изменить своему благородству — французскому *honneur*². Половцов — сама элегантность. Он отвечал Луначарскому (он *успел* еще ответить — но уже тогда, когда Анатолий Васильевич подсунул свой портфель под мышку), причем привел не лишенный иронии рассказ о своих перипетиях с местным Советом в Павловске и о бедной королеве Греческой^[210], проживающей там вместе со своей кухаркой. Приятнее других В.П. Зубов. Нахохлившись воробышком просидел Путя Вейнер (и то хорошо, что пришел), совершенно неизвестно, почему пожаловал незванный гербовед Департамента геральдики — Владислав Лукомский. Забавно, как у нашего «обер-прокурора» Игнатова все более проявляются «тончики государственного деятеля». Но это так человечно, и я советую коллегам не обращать на то большого внимания. Хуже то, что мне все более становится ясным, что с ним едва ли возможно «работать». Но физиономия у него очень живописная — типичного «славного парня-революционера». С тех пор, однако, что обнаружилось, что он по профессии «актер» и «любимый в рабочих кругах декламатор», у меня доверие к этой *маске*, к этому «гриму» совершенно исчезло.

Луначарский поехал в Смольный узнавать, насколько правда, будто немцы ставят условием заключения перемирия отход наших войск на сто верст. Мне кажется, что это выдумка. Однако не поэтому ли поводу в Ставку поехали Милюков и Винавер?

Эрнста и Яремича я затащил с конференции (по метели) к нам обедать, — бедная Акица! К чаю подошел очень возбужден-

¹ Мы из этого не выберемся! (*фр.*).

² *Здесь*: представлению о чести (*фр.*).

ный Г<еоргий> В<ерейский>. «Учителя» своего (как он меня величает) он, однако, не слушал, а, напротив, поучал всех нас, отдавая своей однобокой и близорукой злобе на большевиков.

Пока мы ехали с Луначарским, я поднял вопрос о необходимости возвращения Петербургу его первоначального, данного основателем имени. Луначарский выразил тому полнейшее и даже горячее сочувствие* и сообщил, что и Ленин стоит за обратное переименование <нрзб.>, что в этом он сошелся не только с Мережковскими, но и с Палеологом, который находил, que cela (именование Петроградом) а été une lourde faute!¹

Воскресенье, 12/25 ноября

В газетах сплошная полемика, декреты и почти никаких фактов. Сегодня первый день выбор<ов> в Учредительное Собрание^[211], которое уже иначе не назовут, как «Учредилка». По стенам расклеены призывы голосовать. Из списков кандидатов чаще всего встречается список □ 2 («промышленников»); он тщательно отпечатан с картинкой в красках — в трех вариантах. На одном — силуэт деревни, церкви и фабрики. Кадеты выпустили очень уродливого богатыря (вс□ те же перепевы), а в самом тексте у них довольно хитро составленный (но слишком растянутый) диалог между большевиком и кадетом. На Дворцовом мосту и у Зоологического музея по большой «хоругви» и по плакату — от беспартийных, с призывом «К урнам!». Наша белка (Леля) исполняет заказ школы Гагариной — второй уже день занята изготовлением подобной же «наглядной агитации». Атя и Надя уже побывали у урны в Академии художеств и положили свои билетки в урну «христианских демократов». Пожалуй, и я завтра изменю своему обыкновению, пойду и положу туда же — я это сделаю только для того, чтоб поглядеть, как происходит вся процедура. Настроение в городе самое мирное, а из-за навалившегося снега даже и какое-то *праздничное!* Площадь Зимнего дворца и Миллионная улица к ночи производили иллюзию, точно ничего не переме-

* Несколько лет позже, но еще при жизни Ленина я от него же, Луначарского, слышал, что это Зиновьев внес законопроект о переименовании Петербурга в Ленинград, однако сам Ленин решительно тогда запротестовал против этого. К сожалению, его диалоги пренебрегли выражением такой его воли.

¹ Что это... было грубой ошибкой!

нилось; только, подойдя ближе, иллюзия исчезала при виде развороченной во время осады, составленной из дров баррикады перед Военным министерством¹. Митингов или хотя бы небольших скоплений не видать. Все же на душе у меня неспокойно, и даже мое «морское недомогание» за последние часы усилилось. Наиболее сильное впечатление произвели на меня отставка чиновников М-ва финансов (какое безумие! ведь это *сдача крепости!*) и декрет с угрозой отставки всем продолжающим саботировать, лишение их пенсии и особенно выселение их в трехдневный срок из квартир (казенных?). Таким образом, новая власть уже вступает в полосу (покамест «бескровного») террора. Саботаж же лишний раз с особой яркостью рисует повальную глупость интеллигенции и просто отсутствие практического смысла. Сотни лет подчинялись беспрекословно люди начальству, и хотя бы из элементарного лукавства следовало бы играть привычную роль, а между тем эти господа (эти сотни тысяч) вдруг решили проявить героическое благородство и войти в пассивную борьбу с насилием! Надо надеяться, что в последнюю минуту многие сдадутся. Если же не сдадутся, то дело станет совсем дрянью. Вот когда будет сделан крупный шаг в сторону пугачевщины — к чему-то непоправимому...

Тяжелое впечатление произвел на меня разговор с В.К. Макаровым, который явился в Зимний дворец по ошибке и присутствовал (совершенно некстати) на нашем обсуждении декрета Луначарского. И он, после беглого знакомства с Ятмановым, исполнился самого неприязненного отношения к нашему «соглашательству». Сам по себе В<ладимир> К<узъмич> М<акаров> — милая *quantité negligable*², и, разумеется, не он лично меня трогает, но беда в том, что его устами говорит все наше «общественное мнение», целая категория молодых культурных сил! При этом такой бессмысленный припев: «Почему бы вам лично, Александр Николаевич, не взять в руки все дело охраны памятников, не отделиться в нейтральную державу?»!

Долю печали я еще получил сегодня вечером в театре — в ложе гр. Робьен и в компании с новой бельгийской посланницей M-me Destrée и attaché Французского посольства M-r Gentil³

¹ Так в рукописи.

² Нечто не стоящее внимания; величина, которой можно пренебречь (фр.).

³ Г-жой Дестрэ... атташе... г-ном Жантилем (фр.).

(тогда как сам посланник не пожаловал). Давалось «Лебединое озеро», всегда неминуемо вызывающее во мне какую-то специфическую томную печаль. Вальс черных лебедей, да и вся эта милая старинка, имеет в себе нечто пыльно-похоронное, сладостно-кладбищенское, нечто *ужасно щемящее*. Вспомнили и то, как наши девочки-малютки танцевали под ту же музыку в исполнении их мамы в балетных тю-тю¹ после того, что мы их свели (то было в 1902 году!) именно на этот балет! Дни нашей молодости, дни, когда жизнь была еще впереди...

Вид зрительного зала Мариинского театра, такой обыкновенно радостный, праздничный, показался мне сегодня унылым и печальным. Пустые, темные царские ложи! Публика абсолютно *чужая*, ни одного из прежних завсегдатаев. Точно мы и не в Петербурге, в каком-то совершенно чужом городе... М-me Destrée старалась блистать художественностью своих вкусов. Среди ее воспоминаний молодости ей вспомнилось исполнение какой-то пьесы Бородина — в присутствии самого композитора. Бородин приезжал, по ее словам, в 1886 году, когда ей было четырнадцать лет, — следовательно, она родилась в 1872-м. *On ne l'aurait pas dit*². Впрочем, Акица, которая родилась за три года до нее, кажется рядом с ней молоденькой барышней — чуть ли не *Backfisch*³ ем³. Ей к тому же очень идет ее «новое» (прошлогоднее!) вечернее платье.

В общем, М-me Destrée представляется мне милым человеком, и лишь «*un tantinet province*»⁴. Во всяком случае, она изысканно любезна. Она нас усадила в свое *auto* и после того, что сама сошла у Контана на Мойке, где заседал *Le Club Belge*⁵, предоставила нам машину для доставки по домам, однако мы предпочли зайти к Аргутону, который болен (я уж днем побывал у него). Там оказались Костя и «произведший сегодня переворот» в Обществе поощрения художеств Стип, вдруг преисполнившийся какой-то революционной решимости. Однако на мосту через Зимнюю канавку попали в «заставу» (вокруг костра) красноармейцев, потребовавших предъявления пропуска. Шофер показал свой (консульский — машина принадле-

¹ От *фр. tutu* — пачка (балетная).

² В это трудно поверить (*фр.*).

³ Девочкой-подростком (*нем.*).

⁴ «Чуточку провинциальной» (*фр.*).

⁵ Бельгийский клуб (*фр.*).

жит Ивану Шарлье), но они этим не удовлетворились: «А пассажиры кто такие будут?» Высунувшись в окошко, я назвал свое имя, и на это последовало: «*Значит (!), вы не русский подданный, тогда проезжайте!*» Возвращаясь от Аргутона (пешком до самого дома!), мы слышали, как в проходе между Ламотовым павильоном и Зимним дворцом шла громкая, на всю улицу, пьяная перебранка. Это, очевидно, приставленный к погребу караул снова ломился к вину, а их не пускали менее соблазненные товарищи. От повстречавшихся у Зимнего матросов тоже сильно пахло спиртом — хотя они только еще направлялись к погребу...

Понедельник, 13/26 ноября

Плохо спал. Все лезут те же мысли вокруг декрета Луначарского, моего участия, моей неспособности и т.д. И тут же страх за личное будущее и просто ужас от повальной нелепости и от безвыходности общего положения. И вот еще штрих, рисующий эту безвыходность. Машенька Черепнина (она приходила звать к себе обедать) скорбит, начитавшись полемики вокруг «тайных договоров», о том, что «мы» (Россия) *не воспользовались* тем, что нам эти переговоры *давали* (это, очевидно, «проливыв», «Царьград») и чего мы *не пожелали* взять. Я убежден, что теперь миллионы наших соотечественников *это* именно извлекли из ознакомления с обнародованными «тайными» договорами. Кстати сказать, в этих договорах меня совсем не коробят старые — вполне понятные и разумные, вытекающие из тогдашних обстоятельств, а вот коробят и даже в ужас приводят те, что принадлежат Временному правительству.

Сегодня до вечера оставались без газет, а потому, пожалуй, и самочувствие чуть лучше. — Утром «исполнили свой гражданский долг», подав голос за список □ 3^[212] и изменив (единственно из любопытства) своему обыкновению. Организована в нашем районе подача голоса вполне культурно. «Бюро» заседает в вестибюле <у> парадной лестницы нашей «родной» Академии художеств. Сразу у входа барышня спрашивает удостоверение и по номеру направляет к одному из проверочных столов, расположенных полукругом, за которыми сидят по два почтенного вида гражданина (неизвестно к какой партии принадлежащие). В книге делается отметка, что выборщик явил-

ся, ему выдается чистый конверт. Затем вас приглашают зайти за ширму (у дверей в апартаменты Совета), и там вы вкладываете свой заготовленный список в конверт, подходите к «урне» (большому ящику), и два молодых человека за столом рядом берут у вас конверт и со словами «Вы видите, что опустили» опускают конверт. Выходить нужно в другие двери, очевидно, потому, что рассчитывали на большое стечение граждан. Мы проделали с Акицей всю процедуру без малейшей очереди. Абсентизм¹ в нашем квартале всюю.

После голосования я собирался побывать у Н.Ф. Обер (она на днях приглашала к себе — все насчет выставки работ Артюра), но меня перехватил арх<итектор> Руднев, который мне напомнил, что я обещал участвовать в жури (их уже было три!) по присуждению премии за плакат по «обороне». Как-то, застигнув врасплох, у меня вырвали по телефону согласие на это. Пришлось отложить <визит к> Н<аталье> Ф<ранцевне> и пойти в кабинет к Таманову (тут же, в Академии), который разрешил мне подать свое мнение до прихода других судей. Конкурс являет, как всякий другой конкурс, коллекцию бездарных композиций (в одной, впрочем, я узнал «руку» Володи Лебедева). Я посоветовал первой премии вообще не давать. Там же я застал Визеля и арх<итектора> Покрышкина, вернувшихся вчера из Москвы. Новостью в их рассказах было для меня то, что *очень* пострадала Патриаршая ризница. Опасаются за участь Мстислава Евангелия и саккоса Никона^[213]. Впрочем, в самом помещении ризницы В<изель> и П<окрышкин> не были, туда *никого* не пускают, но через (стеклянные?) двери можно увидеть картину *полного* развала. Придется произвести тщательные *раскопки* среди обвала стенки и битого стекла. Ящики с эвакуированными коллекциями Эрмитажа и дворцов, *по-видимому*, целы. Все это сложено в одно место, но ящики с художественными предметами заставлены ящиками с хозяйственными, с вином и имуществом из варшавских дворцов, прибывшими еще в 1915 году, так что к *нашим* ящикам и не пробраться... — В Успенском ничего внутри не пострадало, если не считать сшибленного (позднейшего, гипсового) орлана у «места царицы». Снаряд, наиболее грозивший собору, разорвался еще снаружи, ударившись об одну из боко-

¹ От фр. absent — отсутствующий.

вых главок. Брешь, образовавшаяся от удара рикошетом в барабан средней главы, имеет приблизительно 3 или 2,5 аршина в диаметре, но это объясняется тем, что сама стенка там очень тонкая. В сводах, тоже скорее тощих («как у готиков»), получилась, благодаря удару по соседству, масса трещин, что, по мнению Покрышкина, требует немедленного серьезного лечения, иначе это грозит дальнейшим разрушением. Впрочем, оба рассказчика старались *усилить* впечатление, утверждая, что виденное ими «превосходит все ожидания»... Типично для Таманова, что при упоминании Визелем того, что прицел пушки был очень точный, он, Таманов, многозначительно подняв палец, произнес (по моему адресу): «Заметь себе, А.Н., прицел был сделан с *немецкой* аккуратностью!» Меня брало искушение крикнуть: «Довольно этих глупостей!», особенно когда была сообщена сенсационная новость — будто у большевиков существовал задолго выработанный план, имевший целью уничтожить все святыни в Кремле, и будто в составлении этого плана участвовали два немца; Таманов еще прибавил — при осаде Зимнего дворца участвовали австрийские пленные. Легко могу себе представить, как и К.С. Станиславский с самой своей наивной манерой тоже пускается на такие гипотезы немецкой коллаборации; ведь слышал же я от него, что не то на Сивцевом Вражке, не то на Вшивой горке^[214] были открыты бетонные площадки для установления немецких орудий! Я спросил, почему же немцы не достигли поставленной цели и не разрушили всего, на что ответ: «Не успели — слишком скоро последовало перемирие». О Господи! Рядом с помянутой легендой возникла еще другая; эта особенно понравилась Визелю: икона-де св. Николая Чудотворца (на Никольской башне), которую *особенно* хотелось уничтожить большевикам, чудом осталась целой. Покрышкин уверяет, что хотя ее сейчас и не видно, но что она, несомненно, сохранилась — только под слоем пыли, осевшей от разрушений вокруг.

Зашел в Зимний, но уже никого там не застал, кроме поручика Криворутченки¹, выстукивавшего что-то на пишущей машинке. Жутко было бродить по едва освещенным керосиновыми лампами коридорам и лестницам исполинского здания. В одном из помещений, выходящих в нижний колоссальный

¹ *Правильно:* Криворученки.

коридор (ближе к центральным воротам), я констатировал, все еще там стоят две огромные золоченые ампирные (несомненно, *императорские*) кровати, на которые я уже столько раз обращал внимание — когда-то Макарова, недавно еще Ятманова, — дабы их убрать из этого проходного места и отставить в более надежное, в ожидании того, чтоб их поместить в какой-нибудь бытовой музей.

Обедали всей семьей на улице Глинки у милого Альбертуса. Обильно и вкусно. У отца сейчас гостит приехавший с Ближнего Востока сын Аля. Его, бедного, очень уродует какая-то болячка на носу. Туда же неожиданно притащился искавший меня по всему городу Замирайло; ему приспичило узнать мое мнение о довольно посредственной картинке XVIII в., которую он купил за грош и в которой ему желательно видеть произведение чуть ли не кисти Фрагонара.

За полтора часа до отъезда на обед был у меня Сувчинский. Сначала я был обрадован его приходу, но затем он меня порядком помучил нескончаемым и ужасно суетным рассказом про то, как и почему он вышел из «Музыкального современника». Он только что побывал на чествовании Направника и был в ужасе от всей этой пошлятины. Длинные речи произнесли В. Вальтер и В.Д. Набоков.

Вторник, 14/27 ноября

Все утро у меня отнял (о, как я ненавижу эти вторжения по утрам!) реставратор Тюляхтин — он принес показать картину (солдаты, играющие в кости) во вкусе Лутербурга или Норблена. Высказывал свои взгляды на Россию, на войну, и эти наивные взгляды оказались более похожими на здравый смысл, нежели то, что пришлось слышать от академиков Академии наук.

В назначенный час (12.30) в Зимнем. Еще издали я заметил перед главными воротами значительное скопление народу и что-то вроде смены караула. На сей раз я прошел в отведенное под наши собрания помещение через Андреевский коридор, там, где, между прочим, висит (с проткнутыми *штыком* глазами) великолепный портрет Св. Князя Волконского, пис<ан>ный Крюгером, и стоит какая-то старая пушка. По-прежнему на полу здесь всюду валяются тюфяки, служившие при Керен-

ском постелями Женскому батальону. В Комендантской какой-то моряк, весьма энергичный с виду, делал энергичное внушение одному из помощников коменданта. Ятманов (с огромным флюсом) сейчас же забрал меня и увел в другую комнату, дабы объяснить, в чем дело. Вчера «сознательные матросы», приставленные к погребу, сами стали его громить и даже пригрозили приближавшемуся Криворученке, что они его расстреляют, если он не достанет им вина через дыру, пробитую в окне. Насилу он их успокоил, и сейчас <же> бросился за Игнатовым. Тот взял очень строгий тон, но тоже ничего не добился. Пришлось обратиться в Военно-Морской Комитет с требованием военной подмоги — для острастки скандаливших. Но тогда произошло нечто совсем уж странное. Дубенко¹ арестовал Игнатова за... «пьянство» (!) и отправил его в Военно-Революционный Комитет в Смольный. Ятманов не захотел было поверить в основательность такого обвинения, но Луначарский, поспешивший в Зимний, скорбно признал, что это правда, и сам бедняга Игнатов покаялся, что не утерпел и полакомился несколькими глотками мадеры из какой-то бутылки с уже отбитым горлышком. После этого он счел своим долгом подать в отставку. Служащие дворца говорят, что вообще трудно препятствовать расхищению погреба, т.к. это расхищение приняло теперь организованную форму. Иногда, например, можно услышать такие фразки, которыми перекидываются солдаты и некоторые низшие служащие (дворники, сторожа): «Что, готово? Корзины принесены? Сейчас будут!» и т.п. К вечеру собираются отовсюду темные личности, и уже не с одними корзинами, но и с тачками. Целые партии вина припрятаны по разным углам необъятного здания и даже рассованы между дровами. — Игнатов явился с лицом, перекошенным от стыда. Повертевшись немного, он удалился, не попросившись ни с кем, — и его едва ли мы когда-либо снова увидим. Его роль Луначарский тогда же навязал Ятманову, ограничив, однако, функции последнего одной «цивильной» частью и сняв с него ответственность по наблюдению за погребом, которая будет возложена на доверенное лицо, присланное Дубенкой², — на некоего Рожкова — человека весьма энергичного. После этого

¹ *Правильно:* Дыбенко.

² *Правильно:* Дыбенкой.

распоряжения Л<уначарский> сразу перешел на весьма тревожное (и «конфиденциальнейшее») обсуждение, как быть с Раткевичем, о котором поступило сведение, что он бывший охранник! А как раз сам А<натолий> В<асильевич> был до последних дней в восторге от всех его мероприятий и даже считал нужным ему выразить официально свою признательность. П.П. Вейнер высказал было предположение, не кроется ли здесь недоразумение, — ведь при прежнем режиме Раткевич был полицмейстером дворца — и в качестве такового он *должен* был иметь дело с «охраной»; на что Л. ответил, что он был бы очень рад этому поверить и что он произведет самое обстоятельное расследование. Однако если бы донос все же оказался правдой, то встал бы вопрос — кем заменить такого ценного человека? Верещагин горячо рекомендовал Н.Н. Деметьева, честнейшего «смотрителя комнатного имущества», и на этом дело пока застряло. Все это довольно курьезно, однако, спрашивается, мы-то здесь при чем?!

Уже вчера у Таманова в кабинете я слышал негодующие слова, вызванные распоряжением Луначарского передать какие-то украинские исторические реликвии приехавшим за ними в Петербург представителям Рады (до прихода Луначарского Верещагин и Вейнер тоже говорили об этом), причем тяжело переносящий одиум¹ тамановцев за его сговор с большевиками Верещагин заявил, что если Луначарский не возьмет обратно своего распоряжения, то ему, Верещагину, придется уйти. К этому охотно присоединились бы Вейнер и я — хотя, по правде говоря, мне мало дела до украинских реликвий. Но Луначарский, к которому Верещагин сразу обратился с толковой и достаточно *строгой* речью, сразу сдал позиции, указывая, впрочем, что притязания Рады имеют в виду малоинтересные предметы («всего пару бунчуков и одну пушку»), не имеющие никакого художественного значения. С другой стороны, *политическая* польза, которая проистекла бы от такой уступки, была бы велика. Но вот не успел Анатолий Златоуст нас успокоить, как вваливается *сам* представитель Украинской рады — черномазый, довольно уже пожилой хохол, который тут же выдает Луначарского в том смысле, что, с его слов, требования Рады оказываются не только более значительными, но и в не-

¹ От *лат.* *odium* — непримиримость, ненависть.

котором отношении «беспредельными»: целая серия бунчуков, знамен; «историческая булава», сабля Мазепы и вообще *всё, что найдется в петербургских и московских хранилищах, имеющее отношение к Украине*. Мало того, на все красноречивые и ласковые убеждения Луначарского повременить, погодить до обсуждения вопроса в Государственном совете по делам искусства хохол стал ему грубить и даже вдруг объявил, что Россия — какой-то «винэгхрет народов», а Петрограду без Украины просто «гхибель», что Украина его *кормит* и без украинского хлеба он сдохнет с «гхолоду». Но не так-то легко справиться с нашей сиреной. Напротив, она в чрезвычайно складной, по всем правилам софистики составленной речи постепенно ублажила хохла, и тот, напялив свою каракулевую шапочку и свое поношенное пальтишко, не без конфуза удалился. Бедный Анатолий, не раз тебе придется свои утопии проверять на подобных столкновениях с действительностью!

Подвергнув «декрет» Луначарского, уже переработанный от начала до конца Верещагиным, еще одной корректуре и удалив из него все, что могло бы иметь особенно тревожный характер (самый больной вопрос о принудительном отчуждении смягчается вполне формулой: «Отсылается решению Учредительного Собрания»), я покинул своих коллег и прошелся по апартаментам половины Александра II, уже значительно прибранными стараниями Петровского и Верещагина. Последний считает, что девять десятых бывших здесь вещей погибло, но Петровский оспаривает это, и я думаю, прав, скорее, он. Мало того, я убежден, что когда все будет приведено в окончательный порядок, кое-что из сломанного починено, разбитые на картинах стекла заменены целыми, дырки на портретах и картинах заделаны, то разрушения станут просто незаметными. Вещи скончавшейся в младенчестве Вел. Княжны Александры Александровны почти все нашлись, но перегибавшийся в ручке детский зонтичек сломан. Но, разумеется, было бы неблагоприятно их оставлять там же, на ларе за альковом, куда они были положены когда-то безутешным отцом, — рядом со своей солдатской кроватью. Из гардероба Александра II утащено много брюк и мундиров, в которых похитившие их, вероятно, теперь и разгуливают. Похищено многое, что лежало в футлярах, которые теперь все пусты (печатки, миниатюры, медали и т.п.), но многие мелкие предметы, которыми был

установлен письменный стол и которые лежали на низких шкафах, все же нашлись (опись им была составлена Верещагиным еще летом), и лишь некоторые из них сломаны, будучи сброшены и раздавлены сапожищами. Чудом уцелела под своим стеклянным колпаком серебряная елочка (подарок на серебряную свадьбу Государю имп. Вильгельма?), на ветвях ее повешены овальные миниатюрные портреты членов императорского дома, и они целы! Замечательно, что печатный текст Евангелия, снабженный собственноручными пометками Александра II на полях, вырван и оставлен, но серебряный оклад похищен. Не тронут и серебряный бюст Петра I, очевидно, потому, что из-за патины, его покрывающей, его легко принять за чугуновый. Разломаны все ящики письменных столов и низких шкафов, но это не так печально, ибо они все были самой обычной работы, «даже не Гамбса»^[215]. Напротив, изящная конторка Александра I в углу у окна цела. Не знаю, что случилось со стереоскопическими картинками несколько легкого содержания, которые после погрома я видел еще вместе со всякими бумагами (ныне сланными в Архивную комиссию), валяющимися на полу. Как-то было конфузно справиться у моих провожатых о судьбе этих несколько предосудительных сувениров... Картины, висевшие по стенам в темной уборной, куда, очевидно, солдаты не догадались зайти, все еще висели на прежних своих местах*. В соседней с кабинетом комнате («Учебной», «Приемной») я нашел тот самый ящик на ножках роскошной работы, который был поднесен Государю по случаю двадцатипятилетия царствования и в котором хранились 25 листов с акварельными видами Петербурга — работы разных видных художников, в том числе моего отца, моих двух братьев, М.Я. Вилье, Вилье де Лиль-Адана, Премацци и т.д. Увы, этот ящик был жестоко поломан в разных местах, стекло в его крышке разбито, а виды Петербурга, частью порванные, разбросаны по всем углам. В таком печальном виде я увидел этот дар Городской думы, изготовлявшийся (в 1880 году) на моих глазах, когда я в первый раз после погрома посетил дворец.

* Среди них прелестная картинка Wattier [Ватье (*фр.*) — *Перев.*] «Пир у регента» и две довольно крупные картины отличной живописи, однако неизвестного мне, но несомненно французского мастера первой трети XVIII в., изображавшие довольно многолюдные сценки во вкусе Патера или т.н. Дюмона Римлянина. Что с ними случилось впоследствии, мне неизвестно.

Теперь все листы были снова уложены в ящик, а самый ящик (домашними способами) починен.

И снова во время этого моего нового обхода половины Александра II у меня ожила мечта о создании грандиозного музея в Зимнем дворце, точнее, целого ряда музеев историко-бытового характера, которые являлись бы известным продолжением Эрмитажа — с доведением коллекций до наших дней. Тут же, в связи с прочим, был бы расположен Восточный отдел, Кабинет эстампов (перенесенный из слишком тесного помещения в Эрмитаже) и многое другое*. Однако Верещагин сразу меня разочаровал. Он вдруг заговорил о необходимости предоставления значительной части дворца под разные организации (!). Ах, какие можно было бы сделать чудеса, если бы не было этих чиновничьих душ, вечно думающих о том, как бы угодить начальству, и хотя бы такому, которое они только вчера признали и в душе продолжают ненавидеть...

Из Зимнего дворца к Н.Ф. Обер в другой конец города все пешком, так как извозчики исчезли совершенно и трамваи переполнены. Бедняжка чуть повеселела. С ней теперь живет ее родственница, очень похожая на *taman Kind*, — мне это было приятно. Из столовой Н<аталья> Ф<ранцевна> сделала род музейчика работ покойного мужа, но, увы, вперемешку с převосходными вещами здесь стоят и очень слабые последних лет. Вообще же, должен сказать, впечатление, скорее, безотрадное, что, впрочем, обычно бывает при скоплении таких небольших гипсовых вещей. Разумеется, я ее не разочаровал, а все похваливал и одобрял. Думаю приобрести у нее (по специально высокой расценке) ряд книг из библиотеки милого Артюра: я тут же составил им краткую опись. Интереснее прочего серия альбомов XVIII в. с раскрашенными гравюрами птиц, каталог аукциона знаменитой коллекции раковин Франсуа Буше, печатанный красками небольшого формата анатомический атлас начала XIX в.

* Одно время в залах Зимнего дворца был устроен Музей революции, затем многие залы и кабинеты отошли Отделению французской живописи XVII–XVIII вв. и под Отдел живописи XIX в. Эрмитажа; однако комнаты Николая I, Александра II и Николая II оставались неприкосновенными, как «образцы бытового характера». Но в 1926 году неистовый хранитель Восточного отдела И.А. Орбели убедил директора Эрмитажа Тройницкого предоставить и эти исторические комнаты под восточные коллекции, и все эти ценнейшие ансамбли были разобраны. (*Примечание 1935 года.*)

Вернувшись домой, я слегка повздорил с моей обожаемой, которая взялась отменить назавтра Робьена и совершенно о том забыла. Чтоб исправить свою ошибку, она, несмотря на мои протесты, собралась проехать к нему на Моховую — и совершила это путешествие, несмотря на поднявшуюся вьюгу и на метель, захватив с собой Матрешу, которая постепенно становится ее *Kammerzofe*¹. Добрались они туда на трамваях (к вечеру они пустуют).

Из политических новостей главнейшие: отправка парламентариев к германскому фронту^[216]. Ах, только бы добраться до чего-либо более отрадного, нежели переживаемый момент! А впрочем, я себя чувствую за последние дни лучше, чем неделю назад...

Среда, 15/28 ноября

Предполагал сегодня весь день рисовать костюмы «Петрушки», но не тут-то было! В «Известиях» появилась дурацкая заметка о том, что мы с Верещагиным принимаем близкое участие в работе Луначарского! Мне это показалось настолько опасным (и вредным для самого дела, ибо все те, без которых нам не обойтись, могут окончательно от нас отмежеваться, прекратить всякое с нами общение), что я решил написать Луначарскому письмо и отправился с проектом такового к Верещагину, чтоб с ним вместе все обдумать. Однако В<ерещагина> я во дворце не застал, а в бывших комнатах Головина (на Детской половине), куда меня направили и где расположился комиссариат (Ятманов уже спит в спальне и в кровати Головина!), я застал самого Анатолия со своим «адъютантом» Дмитрием Васильевичем (не знаю, как по фамилии). Луначарского непрерывно теребили всякие посетители, и так до объяснения с ним у меня не дошло. С другой стороны, я не желал действовать порознь от В. в деле, нас обоих касающемся. Зато я прогулялся с Луначарским к пресловутому погребу (снаружи), который помещается не только в подвальном этаже Ламотова павильона (под квартирой Д.И. Толстого), но и в подвале главного здания музея — на Неву. Замурованный вход находится у черной лестницы, ведущей в апартаменты Нового Эрмитажа (иначе говоря, VII-й за-

¹ Камеристкой, горничной (*нем.*).

пасной половины, где заседала Следственная комиссия^[217], а погребные окна с решетками приходятся под анфиладой залов Отделения средних веков и керченских древностей. Там у одного из размурованных окон (новая закладка кирпичом показала мне очень ненадежной, «рыхлой») мы нашли партию, состоящую из дворцовых дворников, сторожей и двух представителей районного Совета раб<очих> и сол<датских> депутатов. У других окон просто навалена куча всякой рухляди. Ятманов и новый присланный Воен<но>-Рев<олюционн>ым Комитетом бравый «товарищ» в тулупчике, по фамилии Дашкевич, влезли через такое оконце в погреб и там застряли. Авось, изучив все на месте, они что-нибудь придумают, чтоб оградить это столь соблазнительное место от дальнейших посягательств. Мы же, промерзнув в течение четверти часа, отправились обратно, причем Луначарский выражал свое полное удовольствие от «образцового несения караульной службы», что тут же и подтвердилось, так как нас самих насилу впустили обратно во дворец, а один унтер Павловского полка даже счел <необходимым> нас для пущей верности проводить до самых комнат Комиссариата, готовый каждую секунду нас арестовать, так как у нас не оказалось пропусков новейшего образца. — Там, в Комиссариате, мы наконец набрали на Верещагина. Но Луначарскому было уже не до нас, не до декрета. Он спешил на торжества воссоединения солдатских и рабочих депутатов с Крестьянским съездом^[218], проходившими в Смольном. Он возлагает большие надежды на этот «мир» в смысле упрочения всего «демократического фронта». Однако крестьяне входят в союз при условии паритета, и, таким образом, большевики рискуют утратой своего доминирующего положения.

Отозвав Верещагина, Петровского и Надеждина в отдельную комнату, я их познакомил с заметкой в «Известиях». Верещагин, который и без того очень тяжело переносит одиум, вызванный своей «поддержкой самозваному правительству», всполошился чрезвычайно! Решено вместе составить <текст> объяснительного письма для печати. (Между прочим, выяснилось, что и Петровский ведет дневник, и это — с июня, однако я <о> своем дневнике благоразумно умолчал.) — Каким-то своим подсознательным чутьем я чувствую постепенное упрочение позиции большевиков. Но и факты налицо. Их правительство уже признал испанский посланник (посол?), а в Министерстве

иностранных дел растет число служащих, встающих на работу (дурацкие слова об уравнивании «швейцара с министром» были сказаны и там, при первой встрече Луначарского с низшим персоналом, — и они наделали там больше бед, нежели требование выдачи «тайных договоров»). Главнокомандующий немецкими армиями согласился начать переговоры о перемирии.

На то же упрочение позиции большевиков косвенно указывает и заметное уныние таких ярых их противников, как М.И. Ростовцев и С.Ф. Ольденбург. Их я встретил на докладе Лосского в Alliance Française¹, куда я отправился первый раз в жизни, — главным образом чтоб загладить свою вину перед любезнейшими господами Авенаром и Мальфитано. Ростовцев показался мне несравненно «менее недоступным», нежели в пятницу. Он даже подsunул мне статейку в «Свободной России»^[219] (так, кажется, называется), хвастливо указывая на то, что он все это уже предвидел два месяца назад. Я не удержался, чтоб не напомнить ему, что *мое* «предвидение» началось два года назад, чем его и огорчил (и напрасно, ведь как-никак я очень люблю и очень почитаю Михаила Ивановича!). — Ольденбург (в перерыве) поведал мне, что он *верит* в *искренность* Ленина (nouveau son de cloche²), но решительно отказывается верить Троцкому и Луначарскому, прямо намекая на их «предательство». Не лишен был пикантности мой разговор с М-г Petit, которому я признался, что не посещаю своего друга Диму Философова, — во избежание политических споров. М-г Petit очень зол на русских вообще; он не только полон укоризны по их адресу, но и грозит им самыми тяжелыми карами за их «измену» (эти страшные вещи он высказывал в безукоризненно корректной форме). Он убежден, что не далее как через два месяца здесь «Sur la Moika vous verrez les casques à pointe des prussiens!»³ Ныне же сюда приезжают сонмы германских агентов и т.д. «Nous avons des renseignements précis»⁴. Я не отказал себе в удовольствии подразнить и его указанием на характерную склонность русского человека к приятию и даже к благословию рабства, столь далекою до «трагизма свободомыслия латинян»...

¹ Французский союз (*фр.*) — ассоциация, основанная в 1883 г., задача которой — распространение французского языка во всех странах.

² Новый звук колокола (часто — новое мнение) (*фр.*).

³ «Вы увидите на Мойке остроконечные каски прусского авангарда!» (*фр.*).

⁴ «У нас точные сведения» (*фр.*).

В глубине же души я убежден, что в душе и по существу русские люди свободнее всех. Даже при царском режиме не было нигде во всем свете такой свободы (доходившей до распущенности) в быту, беседах, в мыслях, какая была именно в России. Самое наше пресловутое «право на бесчестие» лишь выражение такой внутренней, имманентной всякому человеку свободы, основанной на расовых особенностях, но питаемой и христианской идеей «Царства Божия внутри нас». — Я даже скажу, что и социализм в будущем не очень меня пугает. Просто здесь в *чистом* виде ему не ужиться! Это пока социализм оставался заморским учением, пока он являлся *мечтой*, он представлял собой нечто соблазнительное, а когда дойдет дело до его реализации посредством всяческих дисциплинарных мер (вплоть до террора), так русский человек очень скоро (а может быть, не «так уж скоро») выработает в себе иммунитет, который выразится, хотя бы в самой примитивной форме, — в разгильдяйстве, вялости, кисельности <?>. Поскольку во мне течет кровь латинянина, меня эти черты возмущают (хотя я сам в сильной степени заражен ими), а, поскольку я «мировой гражданин», меня это самое утешает, ибо я склонен думать, что именно Россия и все национальные (расовые) особенности русского человека спутают всю игру и не дадут совершиться тому муравьиному порабощению, которое горше всего другого.

Самый доклад Лосского с его систематизированным пересказом философа Бергсона получился не очень интересным. Охотников до прений не нашлось. — Робьен довез меня затем на своем курьезном, напоминающем субмарину автомобиле до дому. Он не перестает *любоваться* (*admirer*) большевиками. «Ce sont les seules gens d'esprit et de volonté!»¹ Дома я еще застал Бушена и Эрнста.

Верещагину и Петровскому я сегодня снова «приоткрыл занавес» на свои планы относительно использования Зимнего дворца. До этого, в беседе с Луначарским, он (Луначарский) пришел в восторг от случайно брошенной мной мимоходом идеи устройства в Зимнем грандиозного празднества (идея пришла во время того что мы поднимались по лестнице Иорданского подъезда — единственного места, не утратившего и

¹ «Это единственные разумные и волевые люди!» (*фр.*).

после возобновления дворца в 1837 году своего растреллиевского великолепия). При этом Луначарский вдруг обратился ко мне со словами: «Нам нужно будет выбрать вас председателем такого государственного совещания по вопросу о празднествах и церемониях». Тут мной сразу овладел великий ужас, и я стал играть на попятную, — мол, я чувствую непоборимое отвращение от всякой публичной деятельности и непреодолимое тяготение к покою, к «интимному халату» и т.п.

Луначарский подтвердил слух, что выборы в Учредительное Собрание дали большинство голосов за большевиков, но сразу идут за ними кадеты... И все же Луначарский продолжает считать (то и дело к этому возвращается), что им, большевикам, не удержаться у власти!

Четверг, 16/29 ноября

В Зимнем дворце в течение двух часов занимались с Верецагиным исправлением «Письма в редакцию». Ему при этом во что бы то ни стало хотелось, чтоб было выражено наше вообще несочувствие новой власти. Я же (найдя поддержку в Вейнере и в Петровском) убежден, что не следует совершать подобной «нетактичности». Нам необходимо оставаться на нашей строго нейтральной позиции. Сначала предполагалось сдать это письмо в «Новую жизнь», но когда обнаружилось, что сегодня вышла «Речь» под новым заголовком «Наша речь» и можно было бы наше обращение к прессе поместить и там, что я и рекомендовал, то коллеги все же решили довольствоваться одной только «Новой жизнью». Кроме того, мне навязали составить текст протеста от имени нашей комиссии, которую мы на сей раз самочинно окрестили «центральной»*.

* Такое самочинное решение побудил нас принять Ятманов, который нас напугал сообщением, что Луначарского уже осаждают со всех сторон с предложением услуг, — мол, надо дать Анатолию Васильевичу возможность сослаться на то, что этим делом уже ведает особый орган — целая «центральная, верховная» комиссия. — Объявился, среди прочих, и Сергей Маковский, предложивший себя в качестве посредника между народным комиссаром и *всеми* художниками, — на что по обыкновению Луначарский сразу и не без восторга согласился. Кстати, только сегодня выяснилось окончательно, что Ятманов по профессии действительно иконописец и что, между прочим, он писал иконостас в Новодевичьем монастыре, где работами руководил (считавшийся когда-то вундеркиндом) Фома Ральян. Это пикантно!

Дома Акица обрадовала меня известием, что Оливы вернулись и страстно желают нас видеть. Предполагаем обедать у них в воскресенье. Как-никак, а я их предпочитаю весьма многим. — К обеду у нас Робьен, Gentil, Аргутинский и Сомов. Боже! До чего милый друг Владимир (Аргутинский) туп и упрям! Аргутон снова завел песенку о немецких деньгах, на которые и «устроена вся революция». Робьен не отрицает, что немецкие деньги сыграли свою роль (особенно в первом фазисе революции — в феврале), он даже допускает, что Ленин и сейчас не отказывается от субсидий, откуда бы они ни шли, — ибо, как достойный преемник иезуитов, он исповедует принцип «цель оправдывает средства». Но все же Робьен считает Ленина по существу абсолютно честным, и он убежден, что полученные средства целиком пошли на пропаганду и на поддержку агитации. С другой стороны, все немецкие интриги ни в какой степени не могли произвести того, что породила война. Для Владимира (и, увы, для миллионов думающих, как он) дело обстоит проще: немцы платят русским солдатам по 40 руб. в день, «немцы развращают этих невинных овечек, это немцы произвели разруху, тогда как *ничего не мешало* кончить войну победой». Меня такие глупости ввергают в нестерпимое волнение, я чувствую, что эти господа уже готовят почву для будущих кровопролитий, и в первую очередь для реванша. В прочность Клемансо наши французские приятели не очень верят. Но и правительству Ленина они не дают много времени. Робьен даже слышал, что на место Троцкого уже готовится встать Мартов. Аргутинский, совершенно неожиданно, пришел в отчаяние от возможности такого поворота, и вот на каком основании: если-де «они» уйдут теперь, то «*nous avons encore à les subir plus tard*»¹. И обратно, если «они» останутся, то наделают столько гадостей и глупостей, что возвращение их окажется невозможным. Однако я вовсе не уверен, что «они» будут продолжать делать одни гадости и глупости (хоть легкомыслие и поверхностность Луначарского и *позволяют* так думать), а затем я вообще теперь чувствую внутри себя род успокоения. Раз теперь *дело пойдет на мир* (а снова на войну оно едва ли может свернуть!), то острота болезни исчезнет, и Россия вступит в эру восстановления своих сил. Между про-

¹ «Нам еще предстоит испытать это позднее» (фр.).

чим, Робьен сообщил, что Бьюкенен — горький пьяница и всецело находится под башмаком своей супруги, леди Джорджины, которую все в посольстве терпеть не могут за ее прециозность дурного тона. (А <ругутинский> не опровергает.) Р <обьен> очень интересно рассказал о торжестве объявления войны в Зимнем дворце^[220]... в 1914 году: от громopodobного «ура!» зазвенели хрусталики на люстрах — и еще больше продолжали звенеть, когда «ура!» стихло.

Пятница, 17/30 ноября

Стоят исключительной яркости лунные ночи. Возвращаясь сегодня от Сувчинского, я вспомнил далекие рождественские и масленичные вечера. Где-то вы все, бубенцы троек, зажженные елки в окнах, громады балаганов, замолкнувших, застывших в лунном сиянии?..

Домой *дошел* (верст шесть!) в 12 ч. 10 м. И умно сделал, что не сел в лифт, ибо не успел я к нему подойти и взяться за дверцу, как наступила мгновенная тьма и лифт перестал действовать. Если бы я уже был в лифте, то застрял бы между этажами, — пожалуй, до утра*.

Напрасно поверил Робьену (и своему собственному чувству), будто кризис рассеивается. Я не придаю большого значения выходке Временного правительства, выступившего в газетах с напоминанием о своем существовании и о том, что *оно обладает правом* назначения Учредительного Собрания. Это нечто очень неуместное и совсем никчемное, но благодаря <этому> снова могут пострадать кое-какие несчастные простофили вроде Женского батальона или юнкеров! Ведь говорят же (Гиппиус вечером подтвердила), что теперь формируются «кадетские» батальоны из гимназистов; в Тенишевской гимназии и у Мая все мальчишки уже такие кадеты! Гораздо хуже то, что изоляция Смольного продолжается, и едва ли найдется какой-либо безболезненный выход из положения. Сегодня закрыли Городскую думу, и граждане приглашаются к новым выборам...

Днем в Зимнем. У погреба снова была баталия. Толпа человек в двести. Ятманов думает, что часть их ютится днем

* Четыре раза в неделю электричество теперь выключается в 12 ч. 10 м. или в 12 ч. 20 м. и три раза — оно действует всю ночь.

по квартирам дворцовых служащих. Сегодня он собирается принять решительные меры, устроить облаву, схватить пьяниц и отправить их в кронштадтские тюрьмы. Ай да Григорий Степанович — *il a fait du chemin!*¹ Вот только сейчас сплошной ледоход (уже третий день), и это делает такой крутой план не слишком выполнимым. Придется пленников оставить здесь, а тогда явятся товарищи их выручать, с тем чтоб всем вместе вернуться к погребу. Какая опасность для Эрмитажа!

Сочиняли с Верещагиным, Половцовым и Петровским (взяв в основу мой проект) наше «суждение» о передаче музейных вещей по требованиям всяких самоопределившихся организаций. Однако сегодня, после всемилостивейшего рескрипта Луначарского на имя Жерома Ясинского (эта седовласая шушера с некоторых пор повадилась во дворец), я не верю в какое-либо толковое строительство под главенством блаженного Анатолия и снова вспоминаю возглас милого Нарбута на совещании у Горького: «Нэ тчерта нэ выйдет», а потому вообще руки отваливаются, и все представляется ненужной толчеей воды.

Мандельбаум завез сегодня прелестную Ларису Рейснер во дворец. Верещагин совсем растаял. *En effet elle est une fort belle fille*² — настоящая валькирия! Она что-то с Мандельбаумом готовит в области художественной промышленности — пролетарских кружков, они и меня туда хотят втянуть, а я и не прочь познакомиться с этим, вовсе до сих пор мне не знакомым, мирком. Оттуда пешком в «Новую жизнь» на Шпалерной, где я в течение нескольких минут говорил с Десницким (он, подобно многим другим представителям революционной интеллигенции, как в воду опущенный), и сдал наш протест. Обещают, что появится в ближайшем номере. Оттуда снова пешком (на трамвай невозможно попасть, все вагоны увиты гроздьями привесившихся к ним солдат) до Голике—Вильборг на Звенигородскую (там я получил от Скамони письмо, самого же не застал) и оттуда снова пешком к Сувчинскому.

Кроме меня, у последнего были: Владимир Гиппиус, Бютуев (небольшого роста господин с несколько женственными, пожалуй даже «уайльдовскими», глазами) и милый, но совсем рамолистый Феликс Блуменфельд, с которым мне приятно было

¹ Он продвинулся вперед!.. (*фр.*).

² В самом деле, она просто прелестная девушка (*фр.*).

обменяться воспоминаниями о далеких парижских триумфах («Борис Годунов», 1908 год). Асафьев не пришел — у него заболела жена (чем-то отравилась). — Обед был «старорежимный», очень вкусный. Да и беседа сначала была посвящена еде — ведь ныне все превратилось в лакомое, и, разумеется, Гиппиус не упустил случая, чтоб не заговорить своим глухим, чуть надтреснутым голосом, напирая на каждое слово, о *Святости Еды...* Жена Сувчинского (они недавно поженились) не без шарма в своей белой кофточке. После обеда Феликс и Бютуев отлично исполнили в четыре руки первую часть Третьей симфонии Мясковского (она гораздо значительнее, нежели Вторая) и сюиту Рахманинова, к которому у них культ. Кроме того, Бютуев «сказал» свои четыре сонета (перевод с Шекспира), из которых второй и четвертый («Осень» и «Игра на клавицимбалах») приятны, в тонах французов, которых он «признает», тогда как прочие считают своим долгом их презирать. Остальные сонеты (тоже не без Дебюсси) очень напоминают пресловутый Валечкин романс «*Mon ami es-tu mort?*»¹, поднесенный нам еще в 1892 году (!). «Вот когда только дошли»... Гиппиус неожиданно и не без строгой печали обратился ко мне с вопросом: «Зачем, А.Н., вы пошли к ним?» Мой ответ: «Для того, чтоб спасти вещи, оставшиеся без призора, брошенные на произвол судьбы, ведь никто не желал о них заботиться; я же исполнил некий свой долг; если мне удастся спасти хоть малую долю — уж это будет реальной заслугой». — «А разве не лучше было сохранить одного юнкера?» — «Не вижу связи. А впрочем, и юнкера не погибли <бы>, если бы не было войны или если бы война была вовремя остановлена». — «Да, я знаю, вы все сводите к войне, но сейчас не в войне дело» (это продолжает быть *обязательным* мнением российской «передовой» интеллигенции — и *вот почему она обречена*). — «Вы были бы правы, если бы углубили эту мысль и сказали так: “Не в войне дело, а в том, что ее вызвало, что ее питало и до сих пор питает”». Он поморщился, и вдруг такой идиотский вопрос: «Любите ли вы большевиков?» Господи, какая, помимо всего прочего, неразбериха, а под этим примитивность, некультурность — до лубочности! Тот же Владимир Васильевич за чаем (ох, сколько я уплел варенья из засахарен-

¹ «Друг мой, жив ли ты?» (фр.).

ной дыни!) стал развивать когда-то высказанную Карташовым мысль, что «социализм от дьявола» (до этого разговор шел об арелигиозности Луначарского). Однако Гиппиус забывает, что еще более от дьявола, если взывать именем Христа к войне или служить идее резкого цезаропапизма и... поощрять властолюбие Святейшего Синода.

Суббота, 18 ноября/1 декабря

Застал Верещагина и Петровского l'air très penaud¹. Оказывается, хохлы сегодня приходили в Эрмитаж и с превеликим нахальством требовали, чтобы им *немедленно* выдали «реликвии». Молодчина Дмитрий Иванович (граф Толстой — директор Э<рмитажа>) не растерялся и отвечал, что уступит только силе. Они ушли, но тотчас же вернулись... с орденом Луначарского (!) и в сопровождении солдат (!!). Насилу спешно вызванному Ятманову удалось утихомирить разбушевавшихся мазепинцев. Чтоб выиграть время, Ятманов уверил их, что необходимо обставить передачу (так и сказано в бумагах Луначарского) известной торжественностью, а на это, мол, требуется некоторая подготовка. Верещагин после этого снова заявил, что <нрзб.> не может оставаться у дел («Нас не слушают, с нами совсем не считаются, у Луначарского нет абсолютно никаких убеждений, это какая-то флюгерка, это мелкий бес на службе у более крупных чертей»). В то же время доброго Василия Андреевича беспокоит участь Петровского и Надеждина. Им буквально придется положить зубы на полку, если они, вслед за ним, лишатся своих мест. С другой стороны, он и сам порядком трусит перед таким решительным шагом. Подоспевший В. Зубов поддержал меня: нам-де нужно оставаться до последней люстры, до последнего наборного столика и отстаивать народное историческое достояние всеми силами. Тут он указал и на себя. Его-де компромисс начался еще в марте, когда он, убежденный монархист, решил преклониться перед force majeure². И какое ему, в сущности, дело до Лениных и Троцких? Но их деятельность ему все же «симпатичнее», нежели правительство Милюковых и Керенских (с чем

¹ Крайне сконфуженными (фр.).

² Непреодолимой силой (фр.).

и я согласен). В конце концов, соединенными усилиями удалось успокоить Верещагина и отложить решение по данному вопросу до понедельника, когда мы созовем общее собрание нашей (увы, до сих пор столь невыясненной) коллегии. Верещагин даже до того успокоился, что, уступая своему влечению снова увидеть хорошенькую Ларису, отправился в соседнюю комнату, где под председательством Мандельбаума шло заседание культурно-просветительских обществ — заседание, как всякие другие заседания заключающееся в топтании на месте, зато изобиловавшее контрроверзами <?> и сообщением разных *систем*. При этом каждый оратор должен начинать *ab ovo*¹. Один из пролетарских просветителей предложил предпосылать каждому спектаклю объяснительную лекцию*. Было много говорено — об устройстве великого (непрененно *великого*) «праздника революции» и о привлечении к нему *всех театров!*

И вот как раз во время этих бестолковых прений (под чудесной огромной четырехъярусной люстрой с желтыми вазами Екатерининской эпохи, висящей почему-то в задней, «альковной» половине наибольшей из сводчатых комнат бывшего помещения Головина) вдруг появляется с крайне озабоченным видом Анатолий, захватывает меня и Зубова (Верещагин сразу смылся) и отводит нас в соседние комнаты (<с видом> на Неву). Причина озабоченности сразу объясняется. Требования Рады достигли чрезвычайной степени, вплоть до угрозы *отпадения Украины!* Между тем вещи не представляют большой ценности. Впрочем, в выдаче шпаги (меча? сабли?) Мазепы он уже отказал напрямик, остаются же бунчуки, булава Апостола и две пушки. Вообще же, он всецело разделяет нашу точку зрения и будет впредь отстаивать неотчуждаемость музейных предметов без малейшей уступки, что он и собирается объявить соответствующим декретом...

Когда и Зубов после этих объяснений откланялся, а я остался наедине с комиссаром, то и воспользовался такой редкой оказией, чтоб его «дружески пожурить» за ту гаффу², которую он, на общее посмешище, учинил, представив появле-

¹ С самого начала (*лат.*).

* Это впоследствии и впрямь было введено — однако не долго продержалось. Самые организации взмолились — особенно после того, что и тут нашлись говоруны, которые иной раз на час затягивали поднятие занавеса или начало увертюры.

² От *фр. gaffe* — промах, оплошность.

ние в его ведомстве Жерома Ясинского как событие первостепенной важности (его статья, тому посвященная, озаглавлена «Сретение»). Этот, в сущности, пустяковый промах уронил его в глазах культурного общества больше, нежели все его прочее, с виду более серьезные оплошности. Анатолий В<асильевич> сконфузился и стал оправдываться тем, что он был *уж очень* тронут приходом «старика» (к тому же у старика faux air¹ с К. Марксом — по крайней мере в шевелюре). И тут же он снова помчался куда-то... чтоб принять Ясинского вторично. По дороге Лариса его перехватила и предложила свои услуги. «В каком смысле? На что именно?» — «На все, в чем я могла бы оказаться полезной». — «Но ведь до сих пор вы были в стане наших врагов — в Народном доме!» — «Они теперь капитулируют». Луначарский растаял и включил Ларису в нашу комиссию.

По дороге домой зашел к Коле Лансере, чтоб переговорить с ним об его beau-frère'e² Володе Зеленкове. От последнего я на днях получил письмо, из которого явствует, что он попросит у меня взаймы. Добрый Колечка охотно взялся ответить от меня эту неприятность. Вечером у нас Эрнст, И.М. Степанов, Генри Брус и (в первый раз) мистер Эвелин Рейнольдс — востроносенький, гладко выбритый англичанин. И он, и Брус забрали у меня ряд этюдов и рисунков (особенно римских, 1903 года). — Брус в панике. Уверяет, что они в ближайшие дни погибнут (однако это не мешает ему приобретать художественные вещи). Вполне со мной согласен, что самое удивительное в опубликованных договорах — это отсутствие всякой информации союзников о нашей *фактической* невозможности продолжать войну и отсутствие хотя <бы> какого-либо «нащупывания почвы» в смысле заключения, «пока не поздно», мира. По этому поводу он даже напомнил мне, будто *он*, Брус, всегда держался того мнения, что Керенский *погубит Россию!* Ну что ж! И то хорошо, что теперь ему это так *кажется*; значит, поумнел, значит, не даром прошел для него опыт последних месяцев. Вообще же, Брус сейчас мне куда милее, нежели в дни Корниловского похода на Петербург!^[221] А кроме того, мне просто жаль всех этих «жертв английской полити-

¹ Сходство (фр.).

² Родственнике (фр.).

ческой жестокости». Ведь вовсе не исключена возможность, что, pour créer (ou accentuer) les difficultés¹ (и на этом устроить род шантажа), «Сент-Джемский кабинет»^[222] допустит, чтоб их здесь (все посольства) в какой-то момент всех укукошили. И тут же у Бруса ребяческий припев: им-де (англичанам) доподлинно известно, будто в Смольном вместе с Лениным и Троцким заседают один немецкий и один австрийский агенты. И в этом он видит несомненное подтверждение тому, что большевики продали Германии Россию.

Пока что снова вся «буржуазная» (не коммунистическая) пресса приведена снова к молчанию, и дан мандат на арест министров Временного правительства, подписавших воззвание; в то же время продолжаются переговоры о перемирии. В освещении «Правды» и «Известий» это уже *полная* победа и... вся Европа охвачена революционным пожаром.

Только за обедом узнал, что сегодня состоялись похороны моей кузины Екатерины Сергеевны Зарудной-Кавос. — Я попробовал Степанову навязать издание мемуаров Обера. Особо отклика не встретил.

Воскресенье, 19 ноября / 2 декабря

Проспал, и потому сейчас же после своей полчашки какао с черным хлебом я помчался к Жене Кавосу*. Видимо, он глубоко потрясен кончиной своей жены (он даже мне показался более убитым горем, нежели дети). Особенно и не столько самой утратой, сколько всем за последнее время пережитым и виденным. Девочки же более спокойны, но и они тоже с чрезвычайным волнением вместе с отцом в продолжение двух часов рассказывали мне про болезнь и агонию матери. И действительно, это нечто *жуткое*. Для меня, считавшего Екатерину Сергеевну уже многие <месяцы> обреченной, случившееся не было неожиданностью, но они (Женя и дети) никак понять не могут, как их мама, как его Катя (последние годы они снова жили дружно) могла превратиться в эту «страшную бесноватую» (слова Жени). Самый вид ее после смерти — исступлен-

¹ Для того чтобы создавать трудности (или акцентировать на них внимание) (*фр.*).

* Мой двоюродный брат Евгений Цезаревич Кавос.

ное, изрытое судорогами лицо — был ужасающим. Он все возвращался к этому *лицу* и к тому, что тело ее превратилось в совершенный скелет. Девочки же больше рассказывали про ее заболевание, про ее галлюцинации. Началось еще летом с усиленного беспокойства и «трепетания», с мучительного реагирования на события (ей все казалось, что она *знает*, как спасти гибнущую Россию, и все приставала с этим к г-же Керенской). Около 5 июля обнаружилась мания преследования, в сентябре появились признаки религиозного экстаза. Ужаснее всего рассказ про последний фазис ее безумия. Она уверяла, что уже не ходит, как все, на двух ногах по земле, а летает вниз головой, ногами к небу, и что голова ее начинена бомбами и ядрами, готовыми разорваться, что ее — «великую преступницу» — ожидает *страшный* судия! Или же (это в самый последний день) ей казалось, что она в храме, в котором нельзя ни говорить, ни ходить! За эти месяцы безумной муки она превратилась в восьмидесятилетнюю старуху с волосами, стоящими дыбом. На самом деле ей было всего 53 года.

Поговорили мы с милым Женей и о политике. Мне даже удалось завязать с ним подобие спора, чего я и добивался, желая его хоть на несколько минут отвлечь от мыслей о покойной. Его взгляды ныне далеки от прежних «кадетских» и, скорее, окрашены монархическим оттенком. Он не без яду отзывался о нашем кузене Сергее Митрофановиче (Зарудном), который и сейчас продолжает твердить о победоносном конце (слава Богу, его что-то за последнее время не видно). Но курьезнее всего *убеждение* Жени, что русские войска возьмут Париж, но под главенством немцев (!). По его сведениям, такие разговоры уже слышатся и в войсках... Тут же Женя понес надоевшую околесицу о немецком засилье и стал требовать «железной рукавицы». А в конце заявил, что славяне вообще органически не способны на порядок и строительство. Он показал мне и последние работы Е<катерины> С<ергеевны>. Они не многим слабее прочего. Портретом Шансевича она еще была занята в сентябре*.

* Заносу для памяти. У Кавосов в их доме на Каменноостровском имеются: прелестная акварель Премацци 1864 года (Sant' Alessandro? в Милане), поколенные, в челов<еческий> рост портреты бабушки и бабушки (Ксении Ивановны) работы Тюриня (хорошие), два эскиза занавеса Московского Большого театра Хозроя Дузе, сепия Зичи — внутренность театра (с ложей первого яруса) и фойе того же театра — Садовникова.

Обед и вечер у Оливов (они живут в пустующей квартире Горчаковых) был бы очень приятен, если бы не мрачность Аргутинского. Монархизм Олива и его чисто практический, хозяйственный взгляд на вещи вполне понятны и даже в каких-то отношениях мне близки. Зато «лжекадетизм» Владимира (он даже сделал род сцены Акице, зачем она не исполнила свой долг и не голосовала за «представителей культуры» — за кадетов!), в связи с его поклонением Вел. Князю Николаю Николаевичу, Корнилову и Алексееву, просто невыносим — особенно благодаря усилившемуся тончику: «Ах, Боже мой, вы ничего в этих делах не понимаете» (в качестве бывшего дипломата он уверен, что он-то все знает и *понимает*). Вот кто ничему не научился; в таком же роде С.Н. Казнаков, но ему это, при его глухоте и косноязычии, более простительно. Оба колеблются, идти ли им завтра на совещание в Зимнем (приглашения они получили), — им-де слишком тяжело встречаться с Луначарским. *Pas de compromis avec ces gens (les bolcheviks)*¹ — основная точка зрения этих людей, начиная с Таманова, Ростовцева и т.д. Сейчас они отдали все на развал и расхищение (в их представлении большевики *только разбойники*, громилы, и больше ничего), и в то же время они не теряют надежды, что я и мои единомышленники сумеем кое-что спасти. Они предпочитают драпироваться в благородную тогу, фрондировать оказавшихся у власти и т.д.

Поговорили у Оливов и о проекте гражданского брака. Все, и даже люди с университетским образованием, «юристы», отождествляют проект признания законным исключительно только брак, заключенный в гражданском порядке, *с запрещением* церковного брака. Можно себе представить, что получится в смысле выводов из подобного недоразумения среди священства и простого народа. С другой стороны, я не понимаю, зачем большевикам понадобилось так с этим торопиться? Не от ощущения ли краткосрочности своего пребывания у власти? Или от «избытка творческого рвения»? Скорее всего, от *легкомыслия*. За последнее прямо говорит то, что я слышу чуть ли не каждый день из уст Луначарского. И это ужаснее всего. — Обед был отменный (при квартире Горчаковых остался и их чудесный, благороднейший *maî tre d'hôtel* — он же и заведует столом).

¹ Никакого компромисса с этими людьми (с большевиками) (фр.).

Понедельник, 20 ноября / 3 декабря

Давно ожидавшееся заседание общего совещания сошло сравнительно благополучно. Однако я с Колей (Лансере) и Эрнстом опоздали на целый час, что, разумеется, непростительно (я не хотел дольше откладывать покупку у бедной Н.Ф. Обер отложенных за мной книг; чудесный миниатюрный портрет бабушки Обера работы Рита я поручил Аргунону, который рассчитывает за него выручить тысяч пять, а то и больше). Втроем с Вейнером мы наконец установили текст нашего протеста, вызванного требованием выдачи «украинских реликвий». Однако «властям» и такое робкое «изъявление чувств» показалось неприемлемым. Ятманов (вероятно, по наущению Луначарского) вообразил, что ему удастся нас заразить своим украинофильством, и даже в простоте душевной предложил нам принять участие в торжестве, при котором произойдет самая передача. Но, разумеется, подобное выступление в качестве каких-то «союзников» народных комиссаров значило бы окончательно нас обречь на одиум нашего общества, и прямо — всей российской интеллигенции! Этот одиум нежелателен для самой нашей главной задачи: нам это затруднило бы «контроль над варварами» в деле охраны «вечных ценностей». Вчера состоялось собрание Союза деятелей искусства. Мейерхольд снова стал требовать ликвидации «самозванных комиссий» (иначе говоря, просто нашей — единственной) и по этому поводу снова облил нас помоями, обвиняя в каких-то самых мелкокорыстных замыслах! Ей-Богу, не предполагал, что он такая гадина! Таманову и Романову с трудом удалось его утихомирить и заставить собрание вынести резолюцию, для нас не оскорбительную! Но зачем они сами продолжают сидеть в этом осином гнезде? И мешать работать другим?

Увы, к составу осинового гнезда мне приходится отнести и близкого милого друга Владимира. Из всех членов нашего сегодняшнего собрания он в единственном числе настаивал (до прихода Ятманова) на необходимости выразить наше несочувствие «нынешнему составу правительства»... Его призыв не произвел, впрочем, никакого впечатления... Бедный Валечка Зубов удручен тем, что Д.И. Толстой к нему очень изменился и прежнюю ласковую либеральность заменил подчеркнутой сухостью. Верещагин (он приходится зятем Толстому) объяснил: Дмитрий Иванович не может одобрить вступление в сно-

шение с неприятелем *чиновника* Эрмитажа! А что же он раньше думал? Чем Милюков и Керенский более приемлемы для графа Толстого — церемониймейстера Двора E<го> V<еличества>? Все это ложь и дикая путаница.

Моментами мне ужасно досадно, что я отказался от принятия предложенного (дважды) портфеля! Тогда бы я получил в руки ту метлу, которая необходима для столь желательного *сoup de balai*¹. Однако если я (особенно после случая с Ясинским) совсем перестал «верить в Луначарского», то еще менее я верю... *в себя!* Поэтому и предпочитаю молчать и не высываться. А свое дело из-за кулис я все же делаю.

Вечером уютненько разглядывал купленные у Н.Ф. Оберкнижки: «Schmetterlingbuch», «Histoire des Insectes» par Castelnau, с детства знакомые «Les animaux peints par eux-mêmes» Гранвиля, «Mother Goose»², Анатомический атлас. Во время этого Акица играла первую картину и сцену письма из «Евгения Онегина». — У Коки начинается как будто пробуждаться настоящий интерес к музыке. Но вообще он нас беспокоит. Он какой-то грустный, бледный. И нехорошо, что он исключительно читает оккультистскую чепуху Успенского! Бедная Атечка лежит. У нее назревает нарыв на очень болезненном месте, и мне кажется, что Акица, против своего обыкновения, не достаточно серьезно к этому относится.

К чаю Замирайло. Когда нет Яремича, то он совершенно *сносен*. При какой-то ограниченности мысли, он все же подлинно художественная натура и, главное, обладает *даром восхищения*. А потом, он как-никак первостатейный *мастер* — особенно в графике. Стип же совершенно исчез. Он с головой ушел в «реформу» Общества поощрения. Как бы вместо реформы не получился бы разгром. Это вообще совсем *не его* дело. Эрнст утверждает, что, несмотря на близость развода, Стип снова совсем под башмаком <у> Марфы Андреевны.

Вторник, 21 ноября / 4 декабря

Ставка сдалась. Несчастный Духонин убит самосудом^[223]. Крыленко сумел в достаточно пристойной форме совершить

¹ Чистки (персонала, учреждения) (*фр.*).

² «Книгу о бабочках» (*нем.*), «Историю насекомых» Каствельно... «Естественное изображение животных» (*фр.*)... «Матушка Гусыня» (*англ.*).

обряд Пилатова омовения. И вот лишний раз, ретроспективно, берет досада на *ancien régime*^{1[224]}. Почему *они* тогда не находили настоящего выражения для объяснения своих поступков — «всем, всем, всем»^{2[225]}. Ведь, в сущности, им это было куда *легче*: весь аппарат власти был цел и к их услугам. А впрочем, нет; аппарат-то был цел, но был утрачен секрет, как им пользоваться. Люди, стоявшие у рычагов, были в подавляющем большинстве или импотенты, или вконец изолгавшиеся, а ложь, даже если она и очень ловко «препарирована», перестает при слишком частом пользовании действовать. Весь секрет успеха «новых людей» в том, что в них много подлинной свежести и чего-то вроде «святой простоты». Только все это смешано черт знает с чем, а головы одурманены испарениями от целого *океана крови*. — В «Известиях» весьма любопытный доклад Константина Набокова о противоречиях в отношениях англичан с нами.

Сегодня как раз выдался для меня «чисто английский день». Завтракал я у мистера Эвелина (Эдуардовича) Рейнольдса (Конногвардейский бульвар, □ 11), а к обеду отправился к сестре Камишеньке на Кушелевку. Однако эти два «лика» Вел. England² имеют мало общего с той гордой богиней Великобритании, которая, величаво восседая на троне Виктории и Эдуарда, поставила своей целью навязать всему миру свое главенство. Впрочем, в остреньком личике мистера Рейнольдса моментами мелькает отдаленное отражение «коварного Альбиона» (он, кроме своего личного дела, кажется лесного, играет какую-то роль в посольстве)... Но бедный, бедный мой зять Матвей Яковлевич, — куда девалась его колоссальность, его атлетическая сила, его никогда не унывавший юмор, его широкая улыбка в густой рыжей бороде? Я его застал сидящим перед ярко пылающим камином и все же накрытым шубой — так как его все время знобит. Ему совсем плохо. Все труднее бороться с одолевающей его сахарной болезнью. И до чего же было грустно, когда этот старик за обедом надулся, как малое дитя, потому что ему не дали запрещенной докторами картошки! Все же оба раза я сегодня окунулся в атмосферу типично английскую — как в битком набитой редкостями квартире мистера Рейнольдса, так и в своеобразной цыганщине Кушелевки. И там и здесь царит ни с чем не сравнимая уютность, и что-то общее между

¹ Старый порядок (*фр.*).

² Англии (*англ.*).

этими ликами можно наблюдать. На Кушелевке все тот же милый беспорядок, полное пренебрежение изяществом и стилем. В гостиной развешены для просушки пеленки очередного (ныне уже «внучатого») бэби, по стульям и диванам расположились собаки и кошки, чуть ли не во всех (многочисленных) комнатах — кровати. И в обеих этих *interieur*'ах (и у Рейнольдса, и у Эдвардсов) доминирующее место занимает священный очаг, *fire-place*! Даже для меня, полулатинянина-полурусского, это содержит совершенно исключительную прелесть.

Рейнольдс накормил меня вкуснейшим и изысканнейшим завтраком. Я особенно оценил «сладкое» из сбитых сливок с яблочным муссом (эти вещи теперь особенно оцениваешь!), да и беседа была из довольно приятных. Впрочем, говорил больше я (по-французски), стараясь этому чужестранцу выяснить свой взгляд на русский народ, что, однако, мой собеседник и слушатель едва ли воспринял так, как мне то было желательным. Днями я никак не могу совладать с собой и часто без настоящего повода лезу с идеями и чувствами, требующими специальной подготовки, а человеку без таковой они легко могут показаться несуразными и даже «возмутительными». На сей раз я что-то уж очень много наговорил про лукавство русского человека, про то лукавство, на которое и все, и самые хитрые люди Запада попадают. Я убежден, что именно это лукавство сыграло самую значительную роль в истории русского народа и что оно было ему присуще как особый дар, талант во все времена и до всякого «призвания варягов». Оно же помогло ему вынести тяжесть татарского ига, и опричнину, и крепостное право, и крутую реформу Петра Алексеевича, и систему Аракчеева. Необходимо же это лукавство ему для отстаивания своей неосознаваемой, но мощной по существу воли. Она делает его неуязвимым, несмотря на всю кажущуюся его рыхлость, уступчивость и слабость. И ныне не понадобилось никаких «немецких денег», чтоб создать (спасительную по существу) «картину разложения». Революция произошла сама собой, как *спасение* от нелепо затянувшейся войны, как средство с ней покончить. При этом я не отрицал, что хорошо всегда информированные немцы не могли не принять в расчет и не использовать создавшееся положение, так кстати для них сложившееся. Кое в чем они и *помогли* этому создавшемуся <положению>, поспособствовали — но это такие пустяки рядом

со стихийной тягой всего народа в целом к миру, к освобождению от *чужеземного понукания к убийству* — во имя абсолютно непонятных русскому человеку «идеалов»! Немцы в самом еще начале войны твердили про *Die russische Revolution*¹, ибо они внимательно относились к соседу и лучше его знали (для чего и шпионства не требовалось), пожалуй, лучше его *любили*, нежели совершенно безразличные к России и ничего в ней не смыслящие «союзники»: французы и англичане. Немцы не скрывали того, что весь вопрос в том, у кого нервы окажутся более крепкими, — нервы, впрочем, у русского мужичка очень крепки — свою линию к ликвидации войны путем немой обструкции и инерции он и сумел довести до конца благодаря этой своеобразной крепости нервов... Также теперь и русский пролетариат, я думаю, останется, несмотря на понукание к революционному энтузиазму на западный лад, величественно инертным (клеветники России скажут: «тошнотворно холопским»), зато нервы суетливой, оторванной от народа интеллигенции действительно не выдержали и расплясались <?>, а временами и закликушествовали...

К Камишеньке я поехал, сговорившись с Колей Лансере, которого я там, на Кушелевке, застал вместе с его, мне не особенно симпатичным, *beau frère*'ом Всеволодом Солнцевым — мужем его сестры Мани. Но на пути туда я ошибся, на Симбирской улице, трамваем, и этот ошибочный трамвай завез меня к черту на кулички, в какое-то совсем мне неведомое захолустье. Версты две, если не больше, пришлось мне затем плестись по занесенным снегом улицам, — точнее, по *дорогам* Полюстрова и прилегающих к нему деревень. Как в кошмаре, я все дивился, неужели со дней моего детства все до того здесь изменилось, что я теперь *ничего* не узнаю? Но затем оказалось, что я действительно попал в какую-то совершенно мне чуждую местность, вдобавок погруженную во мрак с едва мерцающими редкими фонарями. Ни одного встречного, у кого бы спросить дороги; совершенная, жуткая тишина и пустота, редкие домики — что-то вроде дач, длинные заборы, иногда здания фабричного типа. И нигде ни одного освещенного окошка. Наконец мне повстречалась в виде древней старушки какая-то добрая фея, и благодаря ей я выбрался на правильный

¹ Русскую революцию (*нем.*).

путь. Вскоре увидел я и знакомую аллею, ведущую к Минеральным водам (железному источнику), а там, за углом, и Кушелевский парк, — точнее, жалкие остатки вырубленного парка. К дому Эдвардсов теперь подходишь как-то с другого боку — а от массивного забора, отделявшего его¹ сад со стороны шоссе, осталось лишь несколько звеньев.

Камишенька по обыкновению сущий ангел. Ее глаза (всегда чуть меланхолические) засветились счастьем при виде меня. Больного (и ой сколь *тяжело* больного) Матюху я утешил своими (деланными) оптимистическими прогнозами; несколько пополневшая, но все еще прелестная Эля, не покидая своего грудного младенца, была тоже в тихом восторге, но с еще большей экспансивностью выразили свою радость сестры Эли Катя, Маня, а также дочка от второго ее брака, рыженькая Нанси. Нанси показывала мне чудесные китайские куколки. У ее старшей сестры Лили — несколько суровый вид. Сначала я по стародавней привычке чуть ломался и что-то разыгрывал (не могу от этой своей итальянской черты — *far l'arlecchino*² — отделаться), но потом освоился, и тогда установилось *полное*: *Behagen*³. Непременно вскоре повторю эту, увы, несколько слишком далекую экскурсию. По рассказам — в этих местах, обитаемых исключительно рабочим людом, все время стояла безмятежная тишина... Но и на Выреце, где у Мата большой дачный участок и где Камишенька провела все лето и осень, — бесчинства и жестокости стоявшей там Дикой дивизии оказались, по проверке, сильно преувеличенными. Бежали они отсюда, скорее, под действием увещеваний завязтого паникера Зеленкова...

В дивную звездную ночь с северным сиянием нас до Невы (до угла набережной у «Красной» бумагопрядильной фабрики) проводили затем милейшие Катя и Маня. Обе прямо светятся своей сердечностью и добротой.

В «Дне народа»^[226] снова высмеивают Луначарского за его злополучное «Сретение» с Ясинским. — Дома я застал Акицу почему-то на меня дующейся. Не пойму, в чем я провинился! То же, впрочем, было в эту же пору в прошлом году.

¹ Так в рукописи.

² Изображать арлекина (*ит.*).

³ Довольство (*нем.*).

Знаменитая ее *Launigkeit*¹, к счастью, теперь очень редко проявляется, но тем не менее мне она всегда доставляет весьма неприятные минуты. А тут еще я вздумал заняться перепиской вчистую сделанных карандашом дневниковых записей 1892 года на полях разных книг, и это всегда навеивает тоску, а в довершение всего электричество погасло в четверть первого. — Атечке лучше. Теперь она (запоем) читает «*Jean Christoph*’а»² Р. Роллана — это для нее довольно необычайно. Напротив, ее сестра (Леля) способна читать *одновременно* три и четыре книги — романы, главным образом французские.

Среда, 22 ноября/5 декабря

Чудесный морозный день. Акица продолжала дуться до середины дня, а затем внезапная перемена — объятия, улыбки, заглядывания в глаза и т.д. Заключили полный мир. Я вообще ничего не имею против этих (милых) ребячеств. Это очень молодит мою и без того столь моложавую душой и телом жену, но, пожалуй, *в данное время* эти штучки некстати — я и без того еле держусь в смысле нервов.

Кончил красками костюмы «Петрушки» и отправился к Бертенсону сговориться о дальнейшем. По дороге купил (по ордеру, выданному нашим домовым комитетом, — иначе нельзя) на Андреевском рынке резиновые калоши; к сожалению, кроме остроконечных, <других> не оказалось. В театральной конторе ошибся дверью и попал в кабинет самого Батюшкова. Был очень ласково принят. Но бедный совсем расстроен. На днях надо платить жалованье и, кроме того, предстоят разные расходы, а денег в кассе нет, «идти же на поклон к ним» он считает неподобающим. Больше всего Батюшкова смущает, что Ленин, по слухам, собирается сорвать Учредительное Собрание. Между тем вся надежда именно на это «изъявление воли народной». Если бы Учредительное Собрание стало функционировать, то сразу все деловые сношения и обороты наладились бы. Бертенсон в еще более, нежели Батюшков, «дерганом настроении». Большевиков он желал бы повесить *собственноручно* (*façon de parler*³). —

¹ Капризность (*нем.*).

² «Жан-Кристофа» (*фр.*).

³ По его выражению (*фр.*).

Явился он сразу с репетиции «Снегурочки» в коровинских декорациях, и они его *«просто убили!»*! Никогда еще Константин Сергеевич не доходил до такого цинизма, до такой небрежности. Тут же выяснилось, что в этом негодовании больше нашептывания Мейерхольда. От последнего (как от режиссера) Бертенсон в диком восторге. Очевидно, он смешивает в одно способность «дрессировать массы» с *подлинной* работой над выявлением поэтической сущности произведения. Особенно восторгался Б<ертенсон> тем, как Мейерхольд планирует и распределяет массы хора, как он в двух словах объясняет, что они должны делать. И тут же Б. согласился со мной, когда я заговорил о фатальной развращающей роли Мейерхольда для русского театра вообще, о том, что он *вынул из него самую душу*. — Очень смущен Б.: как-то будет идти одновременно и работа над «Соловьем» — под руководством Мейерхольда и Головина, и над «Петрушкой», где хозяевами постановки будем я¹ с Фокиным!* «А разве вы не верите, что мы до этого дойдем?» — «Нет, не совсем, однако мне все говорят, что если мы справимся с делом до 1 февраля, то успеем и дать спектакль». — «А дальше?» — «А дальше предвидится уж нечто окончательно темное, и, скорее всего, все полетит к черту». Эту фразу насчет полета к черту я слышу со всех сторон! О каком-то сроке «1 февраля» я тоже уже слышал от Аргутона.

Вчера у Оливов завтракал с ними M-r Sadoul² — тот французский офицер-«большевик», которого Горчаковы поселили у себя в квартире в надежде, что он охранит их имущество. У него,

¹ Так в рукописи.

* Еще весной постановка оперы «Соловей» Стравинского была по какому-то недоразумению или вследствие сознательной интриги Головина и Мейерхольда поручена им, тогда как после небывалого успеха моей *creation* [постановки (фр.). — Перев.] этой оперы весной 1914 года в Париже и в Лондоне казалось, что постановку должны предложить мне. Зилоти, тогдашний заведующий Мариинским театром, всецело взял мою сторону, — и я, со своей стороны, пытался войти в письменные отношения со Стравинским, в полной уверенности, что он-то меня поддержит, но Стравинский промолчал на ряд моих писем об этом (объяснялось это тогда непорядками на почте вследствие военных действий), и постановка осталась за Головиным и Мейерхольдом. Опера в их постановке не имела никакого успеха. Позже Эмиль убедил Стравинского переделать сюжет «Соловья» в балет и поручил, вследствие моего отсутствия, из Парижа — Матиссу. Особенного успеха и эта затея не имела.

² Г-н Садуль (фр.).

говорят, самые тесные связи со Смольным. И вот сведения Аргутинского идут именно от этого Садуля. Будто до 1 февраля хватит продовольствия, а дальше все под вопросом. Тот же милый Владимир рассказывает (со слов француза?), что и Троцкий, и Ленин в большой растерянности. Будто уже успела образоваться партия «левее» их, а кроме того, трудности встречаются буквально на каждом шагу. Также и их изолированность действует и на них угнетающим образом. Впрочем, и мне за самые последние дни начинает почему-то казаться, что большевики как-то слабеют, сдают. И самый переворот они не потому ли смогли затеять и произвести, что тогда не отдавали себе настоящего отчета в этих трудностях? Они ринулись на крепость и взяли ее штурмом — благодаря своей вере, но вера эта была построена на зыбком фундаменте книжного доктринерства. Теперь настала пора не покладая рук *делать дело*, и тут-то они увидели, что дела не знают (что особенно ясно на примере Луначарского) и что в их руках *нет* настоящих средств осуществить свою пленительную в теории, но сколь фантастическую программу! Они напоминают марсиан Уэльса. Они могут погибнуть, но не от внешних враждебных сил, а от собственного внутреннего разложения. Им не выдержать действия «новой для них атмосферы», им не справиться с микробами, коварно проникающими внутрь их организма.

Вечером Стип (он заходил к нам во время нашего отсутствия в воскресенье вместе с Аллегри, и, говорят, оба очень балаганили). Он продолжает пребывать в ультрабольшевистских настроениях. Когда же он встречается с Аргутинским — то становится прямо дерзким. Но от него Владимир почему-то все терпит. Это просто какой-то второй Троцкий по своему разрушительному энтузиазму! Аргутон же, скорее, сбавил тон. Теперь и он говорит, что войну *надо* было кончить раньше и т.п. Он подтверждает то, что Брус уже давно говорил о пагубном значении Керенского. Керенский как-то уж очень возмутил Бруса на каком-то обеде в посольстве, рассказывая ужасные вещи про Россию, — «sur le compte de sa propre mère!»¹ Брусу даже захотелось тогда его избить (*le rosser*). Однако не был ли тогда этот рассказ про «ужасные вещи» попыткой Керенского информировать союзников о настоящем катастрофи-

¹ «Насчет своей собственной матери!» (*фр.*).

ческом состоянии России, о том, чего союзники не знали и упорно *не желали* знать?

Кончил мемуары Лудвига Рихтера. Спасибо тебе сердечное, милый брат в искусстве и во Христе. Друг мой с *детства*. Чтение это пришлось ныне как нельзя более кстати и оказывалось временами настоящим лекарством для моей больной души!

Четверг, 23 ноября/6 декабря

В «Веке» (новое название «Речи»)^[227] сообщается, что тяжело заболел М. Горький. Однако Лариса Рейснер утверждает, что это больше для отвода глаз. Я же целую вечность не видал Алексея Максимовича — и это без особых на то причин. «Речь» изменила название, однако <не изменила> ни шрифт, ни душу, ни разум. Все те же тона и та же злоба. Вчера еще более злобно лаяла «Ночь» (бывший «День»)^[228]. Людей этого порядка ничего не исправит. В этом чуть ли не главная причина затянувшегося кризиса. Это, пожалуй, и приведет к тому, что Россия станет «колонией Запада». — На сей раз в антибольшевистской прессе злорадство по поводу того, что *и* перемирие не клеится. Заключение его отложено на неделю из-за спорного вопроса о переброске с фронта частей. Однако газеты умалчивают, что для столь важнейшего и технически труднейшего вопроса неделя весьма *малый* срок.

Утром у меня Б.Г. Скамони и с ним в первый раз председатель их правления (б. Голике—Вильборг) Наум Борисович Глазберг — важный, меланхоличный, самодовольный, толстый, огромный еврей с эспаньолкой. Предложили мне написать текст к монографии Сомова, продолжить переработку «Русской школы живописи», а кончил Глазберг просто «предоставлением всего их предприятия под какие угодно мои затеи». Я был искренне тронут и обещал подумать. К сожалению, в душе я мало верю, что все такие чудесные проекты, при наступивших условиях, осуществимы. Один кризис в денежном обороте помешает этому. Как раз за последние дни замечается катастрофическая убыль кредитных билетов — что, очевидно, находится <в связи> с закрытием Государственного банка и отчасти с обструкцией других банков. В Москве большевики уже издали запрещение выдавать с текущего счета более 500 руб. в неде-

лю. Здесь же сами банки постановили не выдавать более 1000 руб. зараз. — Глазберг был лично знаком с Духониным. Наружность его имела в себе «нечто восточное», характером он обладал мягким. С весны он был занят выработкой мер для безболезненной демобилизации и рассчитывал произвести ее посредством постепенного отпуска кадров (в возрастающей прогрессии), часть которых надлежало использовать для постройки дорог и устройства по ним питательных пунктов.

После завтрака (после долгого перерыва было мясное, очень вкусное блюдо с анапскими макаронами) я отправился в Зимний, вызванный Верещагиным и Ларисой Р<ейснер>. Опынительная погода; ярко-желтое солнце, *зеленые* тени по снегу! Верещагин очень смущен. Луначарский попросил отложить на время публикацию нашего протеста (видимо, он вообще им очень недоволен), и потому необходимо безотлагательно с ним объясниться в открытую, ибо Л<уначарский> просто многого не знает и не понимает. В то же время для меня вовсе не ясно, *нужно ли*, чтоб он все знал. К чему? Разве я в него верю? Разве ему так уж и до конца доверяю? С другой стороны, подобные объяснения не могут происходить в атмосфере каких-то открытых заседаний, а требуют интимной обстановки. Но как добиться этого от такой «заводной говорилки», от этого «вечно спешащего на митинг агитатора», я не знаю. Еще Верещагина смущает, что ему уже давно поручено посетить пустующий особняк гр. Апраксиной на Литейном, в который собирается вселиться какая-то организация, а он это все откладывает. Не таится ли под этим прямая конфискация всего дома? Верещагин подсылает меня выяснить этот вопрос. Однако случилось так, что, когда я входил в одну дверь помещения Комиссариата, Луначарский выпорхнул в другую (а оттуда на подъезд, где его ожидал *царский* автомобиль! Вспомнились макаровские времена); все же я догнал его уже в дверях, но он успел только мне в шутовском тоне бросить: «А погреб-то, несмотря на энергичное вмешательство *самого* Дыбенки, продолжают грабить пуше прежнего!» Зато «флигель-адъютант» Луначарского Дм. Ил. Лященко (наконец-то узнал фамилию) обнадежил Верещагина, что о *конфискации* не может быть речи, а имеется в виду *реквизиция* — с целью возвращения имущества хозяину по минованию надобности. Вот и необходима экспертиза чисто художественного порядка. На радостях

(камень свалился с сердца у В<асилия> А<ндреевича>) Верещагин составил тут же со мной и с подошедшим Половцовым перечень тех особняков и дворцов, которые имеют особенно выдающееся художественное, историческое или прямо *музейное* значение. Их необходимо объявить «свободными от постоя!» Зашла речь и о Музее Штиглица^[229] (Половцов — его попечитель). В нем теперь (безобразия, допущенные уже несколько месяцев назад) мастерская противогазов! Эта мастерская должна была служить гарантией против внедрения посторонних элементов. Ныне же она упразднена, и надо ее теперь оттуда выставить. — Выйдя из дворца, я его спросил, что слышно об общем военном положении (у А<лександра> А<лександровича> имеются всюду свои какие-то тайные *tuux*¹). Ответ с ссылкой на вчерашнее совещание послов был, скорее, оптимистический. Послы-де вполне понимают необходимость для России, ввиду ее внутреннего положения, изменить свое отношение к войне. Никаких насильственных, принудительных воздействий союзников, разумеется, не последует. Однако союзники готовы вступить в какие-либо переговоры лишь с правительством, *признанным всем народом*. Тут же А.А. прибавил: «J'en suis bien aisé! Voilà les boches attrappés! Ils avaient déjà mobilisé toute leur flotte y compris tous les sous-marins, afin de surprendre en mer les ambassadeurs à leur départ de Bergen. Il ne leur aura pas réussi de nous brouiller avec les alliés!»² В таких случаях я каждый раз себя спрашиваю: принимают ли эти господа своих собеседников за дураков или они сами *такие* дураки? Увы, что касается именно Половцова, то, при всей моей личной симпатии к нему, мне, пожалуй, пришлось бы его зачислить (временно) в последнюю категорию. Подобный же «государственный ум» обнаружил сегодня и Верещагин. В ожидании Луначарского мы беседовали с ним о всякой всячине и случайно попали на Петра Великого. Я не упустил случая, чтоб выразить и на сей раз мое высокопочитание Петра Алексеевича, указав на то, что вот *такой* феномен мог бы теперь спасти Россию (внутри себя я убежден, что «Петры» у нас в Руси не перевелись, подразуме-

¹ Сведения (*фр.*).

² «Я теперь в хорошем настроении! Немцы получили по заслугам! Они уже мобилизовали весь свой флот, включая все подводные лодки, для того чтобы захватить на море послов при их отплытии из Бергена. Им так и не удалось посорить нас с союзниками!» (*фр.*).

вая под этим соединении великой прозорливости с готовностью на всякий подвиг и жертву, а также связь непреклонной воли с *творческим* упоением); в ответ же я услышал знакомый припев: «Нет-нет, нам нужен не Петр, а нам нужен Иван Грозный (т.е. «возвращение к исконным началам») et une main de fer¹». — «Да что вы, В<асилий> А<ндреевич>, une main de fer без мудрости и без творческого начала ничего бы теперь не сделала!» — «Не говорите, вот такого Galliffet² было бы нам совершенно достаточно».

Мрачное впечатление на меня произвело сегодня то, что на ролях Потемкина, а то и Зубова при царице-Луначарском я увидел... Маяковского и Брика! Оба уже в штатском. Второй корчит ужимки, типичные для уверенного в своей силе фаворита. Они только промелькнули, направляясь к другому (тоже царскому) автомобилю. Если дело принимает такой оборот и эти господа (один из них настоящий скоморох, да и другой не многим выше), — если они вместе с Ясинским станут вершить судьбами русского искусства, то дело совсем дрянь, и мне необходимо подумать о скорейшем и полнейшем отстранении. Легкомыслие Луначарского вполне допускает такую возможность. Я попробовал было прозондировать Ларису, что означает это появление (особенно я озадачен, разумеется, таким хлыщом, как Брик), но нам помешал Мандельбаум. Я, впрочем, успел с ней условиться насчет какого-то общего совещания с Луначарским. Решено, что она сведет нас в воскресенье. Состав должен быть интимнейший: Луначарский, Ятманов, Мандельбаум, Лариса и я.

После Зимнего побывал на выставке частной коллекции у Добычиной. Прелестны вещи А.П. Остроумовой («Кавказский берег» и серия акварелей «Похороны жертв революции»); милы пейзажи Бродского; Россинэ-Баранов на все руки, но это типично еврейская приспособленность; талантливая, но несколько приторная скульптура Гризелли; прелестный рисовальщик (но тоже не без скомороха) Анненков (я бы даже не отказался приобрести две его вещи). Мои два *interieur*'а Версаля и рисунок «Надя на террасе» приобретены неким Павл. Оскар. Рей-

¹ И железная рука (*фр.*).

² Галифе (*фр.*). Маркиз Гастон де Галифе, французский генерал. В 1870 г. принял командование армией Версаля и жестоко подавил Парижскую коммуну.

нес<ом> (Знаменская, 2). Добычина была не слишком шумлива и экспансивна. Пока сидел у нее, я опустошил почти всю коробку на редкость вкусных лимонных леденцов. — С подошедшей Акицей зашли к Аргутону. У него новое приобретение — «Геркулес у Омфалы» Бассано (скорее, «произведение мастерской» с оригинала в Венском музее), прелестный пейзаж Пильмана (датированный l'an VII de la République¹) и предназначавшаяся мне Стипом, однако проданная им Аргутону, «Аллегория войны», которую я приписываю Verschuring'у². Поднялись к Карсавиной, но [ее] не оказалось. Вечером в кино «Форум» с нашими девами. Занятная шведская ерунда (изобретение взрывчатого вещества) и потешная комическая лента с Прэнсом. К чаю Эрнст, которому я подарил «Красного Мага» из «Армиды» (он во что бы то ни стало хотел *купить* этот рисунок)^[230].

Пятница, 24 ноября / 7 декабря

Утром у меня (незнакомый мне) Herr Privat-dozent Seeman³ — Гуго Генрихович. Характерно для момента, что он отрекомендовался: «Немец» (матушка его проживает в Dorpet⁴). Пришел получить сведения о Чюрл□нисе: я его отправил к Добужинскому. Кроме того, просил предоставить ему мои старые статьи о Чюрл□нисе, в чем я ему отказал, — однако разрешил приходить и читать их здесь. Чюрл□нис его интересует потому, что он занят проблемой «гений и безумство». Звал меня завтра на их собрание Общества историков революции к проф. Иванову (на Пантелеймоновской); бар. Мейендорф будет докладывать о психологии большевизма, в которой он усматривает «стихию лиризма». В их Обществе полная свобода мнений и отсутствие какой-либо партийности. Подход к вопросам по возможности «научно-беспристрастный». Очень его интересует и Андрей Белый. Поговорили в связи с этим и о «Петербурге».

После его ухода занялся газетами. Сначала подали «Полночь» («День»)^[231] и «Век» («Речь»), затем подошли «Известия» и «Правда». Знакомясь с первыми, мной овладевает ужас⁵, но не

¹ Седьмым годом республики (фр.).

² Фершурингу (нем.).

³ Г-н приват-доцент Зеeman (нем.).

⁴ Дерпте (нем.).

⁵ Так в рукописи.

от тех ужасов, которые они (в специальном освещении и переработке) сообщают, а от того, что все в целом (и самое их отношение ко всему) выражает безнадежное безумие. Оттуда и ожесточение не одного какого-либо слоя, а *всей* интеллигенции. Люди, способные все еще говорить с пеной у рта о Дарданеллах, а в большевизме видят¹ не больше того, что в нем видят Аргутоны и Степановы, — такие люди показывают, что их слепота неизлечима. Они точно напрашиваются, чтоб у нас была бы введена машина, укорачивающая людей «всего на голову» (страшные слова Троцкого). А вместе с ними погибнем и *мы, и все наше!* А в заключение этой трагедии появится, по выражению Димочки Философова, Фортинбрас в виде Вильгельма^[232]. Другого выхода не будет, если не будет *еще худший!* Россия как стала гибнуть, так и продолжает гибнуть, но вовсе не от немецкого засилья, и не от войны как таковой, и не от революции, разрухи, голода, а от неисправимой дурости ее «руководящих умников»!

Днем в Зимнем. Сговорился с Мандельбаумом и с Ларисой Рейснер на воскресенье. Мандельбаум продолжает таскать на себе важнейшие государственные бумаги, найденные среди хаоса в комнатах Керенского (он все еще при общей неразберихе не знает, куда эти бумаги пристроить), и среди них пространное (уже опубликованное) письмо ген. Гурко Государю и несколько отречений великих князей! Кроме того, записка карандашом на плохой блокнотной бумаге Вел. Князю Николаю Михайловичу (от апреля), начинающаяся словами «Опасайтесь яхов» и кончающаяся словами «...поговорите наедине с Вьельпольским², он еще лучше других, а впрочем, и он *г..!*». Еще характернее для нашего Philippe Egalité *письмо*-отречение, начинающееся с фразы, которая повторяется и в других отречениях, — она, очевидно, не без лукавства составлена: «Относительно моих прав на престол Всероссийский я, в горячей любви к родине (*цитирую по памяти, смысл, во всяком случае, таков*), всецело присоединяюсь к мыслям (*sic!*), выраженным в акте об отречении Вел. Князя Михаила Александровича»^[233] (иначе говоря: «Кандидатуру свою я все же оставляю»?). Дальше идет упоминание о вчерашнем разговоре с Александром Федоровичем (Керенск.), который произвел на Н<иколая> М<ихайловича> «самое светлое впечатление»; заверяет Его Высочество

¹ Так в рукописи.

² Правильно: Вьельпольским.

и о своей готовности участвовать в любой сумме на предмет сооружения памятника... декабристам (!). В конце же великокняжеское «С Вами Бог» и фраза «Судьба России в Ваших руках» (или что-то в этом роде). Характерный образец культуры наивысших кругов и другое письмо, в котором Н.М. сообщает Керенскому, что отречения уже получены: от Кирилла Владимировича — «легко», от Дмитрия Константиновича — «туго», а от двух меньших Константиновичей^[234] — «очень легко». Дальше говорится: «Телеграмму брату Александру я уже сварганил», а в *post scriptum*'е: «Получил по телефону отречение от Георгия из Гатчины». — Спешу поправиться: о памятнике декабристам и о «светлой беседе» говорится именно в *этом* письме, а не в письме с отречением, которое вообще имеет всего лишь один абзац после самих слов отказа Великого Князя от престола своих предков. Отречение Кирилла Владимировича написано на четвертушке почтовой голубой бумаги с синим шифром К.В. и якорем в левом углу. На письме Николая М. его литеры под великокняжеской короной, отпечатанные золотом.

Эти письма огорошили меня! Хотя я и давно знаю, какую степень упадка представляют собой наши верхи, однако в глубине души у меня продолжает жить такой респект перед самой монархической идеей, что каждый раз, когда я натываюсь нос к носу с каким-либо свидетельством подобного разложения, первое чувство, которое я испытываю, — не огорчение, не отвращение, а изумление, быстро затем переходящее в тоску. И ужас, связанный с такой тоской, таков, что вызываются и такие мысли: если им, этим упадочникам и циникам, суждено вернуться, то, пожалуй, и самая идея монархии перестает пленять, ибо выходит, что она целиком *выдохлась, опустошилась*. Тогда, пожалуй, предпочтительны и Ленин, и Троцкий, и даже анархокоммунисты. Авось они очистят атмосферу, авось сызнова начатое государственное строительство будет идти лучше, нежели та работа с непрерывной починкой, с непрерывным накладыванием заплат, которую производили сколько времени ужасно благонамеренные, но растерянные дилетанты (или просто безумцы, а то и негодяи). Но, увы, так рассуждает только мое общечеловеческое, не знающее робости Я, — *в своей же* повседневной жизни, в своем родном и привычном быту я целиком связан с этой по швам рвущейся и безнадежно починяемой рухлядью, и окончательная гибель ее,

несомненно, поведет и к моей личной гибели, поскольку и я составляю часть этой же неминуемой обреченности.

Были всей комиссией (подоспел и Эрнст) в Мраморном дворце. Так и не поняли, для чего ходили. Там, в сущности, все без перемен, и М-во труда, во всяком случае, до сих пор относится бережно к занимаемому помещению, в котором все по-прежнему: вазы, мрамор, бронзы, висят картины. Имеется и особый «товарищ», который за этим строго смотрит. Однако все три картины Ватто уже не оказались на прежних местах. Пошли всем составом к болящему генералу Ермолинскому, который нас принял в крошечном помещении в «службах», куда его загнали революционные события. Тощий, длинный господин слегка полицейского облика — в генеральской тужурке. Он нас информировал, что Ватто теперь признан в качестве «благоприобретенной» собственности королевы Греческой, и тут Ермолинский пояснил, что вообще в принципе и новым правительством уже постановлено: вещи, доставшиеся в наследство, должны быть конфискованы, а вещи, приобретенные самими нынешними владельцами, остаются за ними. При этом Ермолинский обратился к нашему *состраданию* (он, вероятно, принял нас за каких-то делегатов Смольного, явившихся уже забрать вещи), ссылаясь на безнадежное финансовое положение своих патронов. Мы постановили никаких перемен по охране дворца (ввиду его благополучного состояния) не предпринимать, а лишь от времени до времени командировать членов комиссии для наблюдения и защиты, в случае надобности. Для меня выяснилось, почему летом в документах, доставленных от Головина, была такая путаница. Вне всякого сомнения, под этим уже скрывался какой-то стражем (вполне бескорыстный) со стороны Макарова и Головина. Надлежало приобрести Временным пр-вом дворец с вещами малоценными, а все чрезвычайные ценности сохранить за великими князьями. Оттого в этих списках не были упомянуты ни Ватто, ни А. Кано, ни «Боттичелли», ни Сильвестр Щедрин, ни все остальное, на что мы указали как на желательные приобретения для музеев. Я тогда отказался подписать подозрительную бумагу и написал Головину письмо, в котором специально указывал на эти вещи. На это Головин никак не реагировал, а картины были перенесены в частные помещения их (якобы) «благоприобретших владельцев», великих князей, и

придумана басня о том, что картины Ватто «благоприобретенны». Ныне я не собираюсь вмешиваться в это дело, которое может повести к *ограблению* людей (летом вопрос шел о *выкупе*, и тогда было, скорее, *возмутительно* то, что при огромной сумме в 12 миллионов руб. он *lésinait*¹ на «каких-то сотнях тысяч»).

По дороге на юбилейное торжество Репина зашли с Эрнстом в Конюшенный музей^[235], чтоб убедиться в том, не заняла ли его какая-то военная организация, как о том пронесся слух*. Но оказалось, что заняты одни хозяйственные помещения, а художественным коллекциям, уже сильно обездоленным эвакуацией^[237], ничего пока не угрожает.

Чествование Репина из-за темноты оказалось перенесенным из Дворца искусств^[238] (по набережной Екатерининского канала) в фойе Михайловского театра. Почти все собрание состояло из людей, нам незнакомых. Масса еврейчиков из «Художественного кабаре»^[239]. «Маститый старец» выглядит издали, благодаря своим еще не седым волосам, тужурке и открытому à l'enfant² вороту, каким-то гротескным мальчиком. Впрочем, и все чествование обладало довольно-таки гротескным характером — как речи делегатов (Элиас Гинцбург благодарил от имени «молодой» русской скульптуры Илью Ефимовича за то, что он всегда относился к ней сочувственно; Николаев сравнил Россию с Ильей Муромцем, слезшим с печи и принявшим себя бить горшки, и т.п.), так и ответная речь юбиляра, в которой он советовал, ввиду близкого мира, приготовить для возвращающегося воинства «городки» и «деловые дворы» и т.п. род фаланстера³. К юбиляру я не подходил — авось газетчики упомянут о моем присутствии...^[240]

¹ Скражничал, «экономил» (фр.).

* В.А. Верещагин утром побывал в особняке граф. Апраксиной на Литейном — по просьбе занявшей его организации. Любопытно, что из двух военных, с которыми он беседовал, один считал эту оккупацию за «временную реквизицию», а другой — за «конфискацию». Вот и пойми... Занят и грандиозный многоколонный дворец А.А. Половцова на Каменном острове^[236]. Александр Александрович (внешне) никак не реагирует. Пожалуй, доволен, что ему не надо с этой, столь по нынешним временам непосильной, обузой возиться.

² По-детски (фр.).

³ От фр. phalanstère — дворец, в котором, согласно учению социалиста Ш. Фурье, должны жить и трудиться члены трудовой общины — фаланги.

К обеду Аргут и Стип. К чаю Мандельбаум. Он очень обеспокоен новым окружением Луначарского: Бриком и Маяковским, которые всюду следуют за ним по пятам и всячески ему льстят. Они же подбивают его реквизировать школу Общества поощрения художеств^[241] под какие-то их «учебные опыты». При этом обычный блеф — будто они опираются на «10 000 подписей художественного пролетариата», требующего создания этой новой «вполне свободной школы». Мы со Стипом выяснили Мандельбауму общественную природу всего Общества поощрения, также школы, давшей столько хороших мастеров и действительно *уже* вполне свободной. Его долг — предостеречь Луначарского от шарлатанских приемов присяжных новаторов, из которых мне лично особенно противен прихвостень Брик, абсолютно индифферентный к искусству и, однако ж, решивший делать на нем свою карьеру. Заодно я просил Мандельбаума *вообще* удерживать Л<уначарского> от поспешности и гаффов. Аргутон сразу, как только я ввел к вечернему чаю Мандельбаума, повис на телефоне, добиваясь свидания с женой арестованного барона Нольде (*c'est la grande nouvelle du jour*¹ — арест комиссии по выборам в Учредительное Собрание^[242]), а добившись его, ушел, «чтоб не оставаться с большевиком» (я же совсем не верю в большевизм именно Мандельбаума).

Забыл упомянуть о том, что меня *больше всего* за день поразило. Приступлено к *выкачиванию* царского погреба. По набережной пропускают не иначе, как по предъявлении пропусков и после ощупывания карманов, а у самого Эрмитажа стоит паровая «водокачка», и от нее идет толстенная пожарная кишка, через которую и выливается в прорубь Невы миллионное царское имущество! И это несмотря на предложение шведов заплатить за это вино золотом! Эта чрезвычайная мера принята после того, что в минувшую ночь была произведена форменная осада и чуть не вспыхнул пожар из-за утечки газа, вызванной буйством громил.

Суббота, 25 ноября / 8 декабря

К 12 ч. по сговору с Верещагиным отправился (пешком) в Зимний дворец. Теперь поставлена застава у Дворцового мос-

¹ Это главная новость дня (*фр.*).

та. Пускают только по пропускам. Вдоль ограды Собственного садика^[243] много битых бутылок. В воздухе (ветра нет) у дворца стоит легкий винный дух. Матрос, поставленный на лестнице Детского подъезда, дежурил все утро у самого погреба, пропах винными парами и, видимо, продолжает находиться в некотором дурмане, хотя едва ли врет, когда уверяет, что ни капельки не глотнул. К концу дня слышал, что почти все вино уже выкачано и в подвал пущена вода... Ходит слух, что когда вино было выкачано, то на полу погреба нашли три трупа тех солдат, которые очищали полки, разбивая тут бутылки и выливая вино; от действия паров они впали в обморочное состояние, свалились и утонули. От разных лиц слышал, что вчера всюду по городу продавали вино целыми ящиками и корзинами. Как раз когда я шел из дворца по набережной, я видел, как был остановлен солдат, вышедший из дворца, как его двое чаровых обыскали. У него под полкой оказалась бутылка очень внушительного вида и старинного образца. Ее тут же разбили о каменную садовую ограду. Впрочем, вчера не только продавали вино, но пьяные воины и постреливали, были, говорят, и раненые, и убитые. Наши девицы, возвращаясь от Степановых, попали под обстрел у Вознесенского моста. В печати нет никаких отголосков о всем этом. Только вечером в «Почте»^[244] упоминается о разгроме погребов.

Верещагина я в Зимнем не застал — он пришел гораздо позже — к самому концу заседания. Зато меня забрал Мандельбаум, чтоб поговорить о выставке «Труд в Искусстве», которую он собирается устроить для пролетариата. В этой нашей беседе участвовал и какой-то латыш-солдат из Риги, который успел побывать у Добычиной и заручиться ее согласием на безвозмездное предоставление своего помещения. Она, в свою очередь, указала на необходимость образовать Почетный комитет (Comité d'honneur), в который вошли бы И. Репин и другие наши художественные «верхи». Я указал на трудность привлечения видных людей для дела, имеющего слишком близкий контакт с большевиками, и на трудности самой организации выставки: почти полное отсутствие у нас внушительных произведений данного типа. Но этим ревнителей художественного просвещения пролетариата не испугаешь. «Ну что ж? За неимением оригиналов — можно их заменить репродукциями. Ведь на такой выставке важнее не столько удовлетворение

эстетических вкусовых потребностей, сколько *идеи*, а идеи выразились бы и в репродукциях, и в копиях»...

Уже я собирался покинуть дворец, когда вдруг наткнулся на Луначарского, который со словами «Вот как хорошо, Вы нам нужны» забрал меня и тут же оказавшегося Валечку Зубова и потащил нас на... заседание с посланцами Рады. Не далее как вчера Ятманов радовался тому, что «все с хохлами обстоит благополучно», так как в самой среде этих делегатов возникли раздоры на почве каких-то взаимных обвинений в демократическом самоуправстве, а сама Рада объявляется сейчас учреждением контрреволюционным... Ятманов и рассчитывал на то, что раздоры эти затянут вопрос о «передаче реликвий», а там и весь вопрос будет отложен в архив. Теперь же оказывается, что все обстоит по-прежнему, и хохлы снова терроризируют Луначарского, и, вероятно, добьются от него всего, что хотят. Нашей же случайной встречей Л<уначарский> решил воспользоваться для того, чтоб еще раз уяснить положение и... *убедить* нас в том, что наш протест (по словам Ятманова, появившийся в газете протест очень огорчил Луначарского) лишен настоящих оснований. И как раз одна гротескность этого заседания и его состава подтверждает основательность нашего сопротивления. Я даже покинул Зимний дворец «с сызнава созревшим» убеждением, что «надо уходить», и, разумеется, не из-за бунчуков и пушек, а из-за самого Анатолия и его непозволительного легкомыслия.

Вот состав самостийной депутации: 1) главный среди равных: тот «бисов сын», о котором я уже упоминал и который обозвал Россию «вынэгхретом» (его фамилия, теперь я и узнал, Марушевский — он оказался киевским знакомцем Стипа); 2) довольно простецкого вида дама, оказавшаяся его супругой; среди речи Луначарского «бисов сын» вдруг поднялся и, пересекая весь зал, в котором мы заседали (бывшая приемная Головина), взял у своей дражайшей половины носовой платок, высморкался в него, завернул и, отдав обратно, проковылял на свое место; 3) прапорщик — «головорез» и «болтун» в типе Печорина; 4) красивый грузный малый и, наконец, 5) мрачный солдат — единственный действительный представитель Рады (тогда как остальные — от Советов). «Великороссия» была представлена Луначарским на председателевом месте, развалисто усевшимся Маяковским, в тень забравшимся секретарем Луначарского, непрерывно пытавшейся вставить

слово Ларисой (к ней Луначарский относится по-отечески на-смешливо), Петровым, графом Зубовым, каким-то офицером, зашедшим по совершенно иному делу, но все же не отказавшим себе в удовольствии дать свой совет, Ятмановым, мной и к самому концу подоспевшим Верещагиным. Прения, в огромной своей части, заключались в потоках слов, извергавшихся Луначарским, и всего одна десятая времени досталась на обмен мнений остальных присутствующих. Украинцы говорили в тонах победителей, не идущих ни на какие уступки перед поверженными в прах москалями. Луначарский был не в своей тарелке, его, вероятно, смущало как раз наше присутствие. Он все пытался перевести разговор на более приличный тон. Временами он обращался к нам и безрезультатно понукал к выступлению, а то и журил за «непримиримость специалистов, не желающих понять, насколько сейчас важны для братского единения народов взаимные уступки», в данном же случае как самая предстоящая передача реликвий, так и составление грамоты, которая ознаменовала бы эту передачу. Но, кроме того, он возносился и перед украинскими демократами, желая в них пробудить чувство какого-то декорума. Бедный Анатолий! В ответ слышались лишь тупые, упрямые требования: мол, дай да подай *все* украинское, где бы оно ни хранилось. «Печорин» даже договорился до требования, чтоб им был выдан мандат, с помощью которого они могли бы разыскивать украинские древности по всей Великороссии — в спешном, революционном порядке. Другой же представитель даже заговорил о раскопках: «Само собой разумеется, что все, что поступило к вам посредством купли-продажи, — это за вами останется (и это еще вопрос, *какая* была купля), а вот, примерно сказать, клады (раскопки) — так это другой вопрос — имеется, напр., Перекопский клад — его нам надо вернуть, да-с!»

Из всего этого словопрения я вынес впечатление (которое я вообще выношу из всего, что сейчас творится), что у большевиков все еще нет настоящего ощущения власти и держатся они, пожалуй, единственно благодаря слабости всех других и инерции известного строя, находящегося накануне полного развала.

Днем мы побывали на золотой свадьбе стариков Сюзоров (живущих в старом доме ровно насупротив нашего). Я им снес подарок Н.Ф. Обер — шитье по рисунку милого Артюра с

сопровождающими стишками. Обильное угощение. Масса народу. В разговорах отовсюду несколько раз мы оба слышали откровенное вожделение о приходе немцев (а ведь бедного Павла Юльевича прусские солдаты били прикладами по спине в 1914 году, и он долгое время никак не мог им это простить). Впрочем, нечто подобное этим вожделениям сквозило вчера даже во время беседы у Сувчинского, хотя (для проформы) В. Гиппиус и возмущался «Фортинбрасом». Кстати, Зиночка (его кузина) заявила ему, что она все же остается непреклонной в своем отношении к большевикам, и негодовала на меня за мое «соглашательство». А вообще, у Сувчинского на сей раз было скучновато. Боровский долгое время ломался, уже сидя за роялем (ой, не люблю это кокетничанье виртуозов). Кроме того, исполнялась неплохая вещь «Siniplus» молодого ученика Скрябина — Миклашевского. С виду он смесь Петра I и Теляковского, но больше второго, чем первого, — блондин, тощий, большого роста. До обещанного чтения В.В. Гиппиуса так и не дошли. — Дома Атя мне рассказала, со слов уже удалившейся спать Лели, что сегодня явился к ним в школу Гагариной Брик. Он взывал к отобранию соединенными силами школы и учебных мастерских Общества поощрения художеств. Что-то, кроме того, инсинуировал против меня.

Воскресенье, 26 ноября/9 декабря

Вчера за обедом у Сувчинского пил венгерское вино и съел слишком много голландского сыра (предельное по нынешним временам лакомство). Поэтому всю ночь поташнивало. Поднявшись в 8 ч., пошел досыпать свой сон в кабинете на оттоманке. Темный день. Оттепель. Леля и вызванный на подмогу Бик Попов (он заведует Гагаринской школой) рассказали мне в подробностях о сенсационном посещении школы Бриком. Он анонсировал себя уже три-четыре дня назад, но пожаловал только сегодня около двух. Сначала, под шум сдвигаемых для аудитории стульев, он рассказал о погребе Зимнего дворца и о деятельности Луначарского вообще, а затем разразился чем-то вроде доноса по моему адресу — Бенуа-де собирается устроить выставку, где будут плакаты с кузнецами (это отзвук наших разговоров с Мандельбаумом о выставке «Труда» — для пролетариев), «тогда как пролетариату нужно сво-

бодное искусство» (точно оно не нужно *всем*). Когда все усе-
лись, то Брик, изощряясь в лести молодежи, произнес им ти-
пичную агитационную речь, полную известных клише. Мол,
долой всякое насилие, нужно самим организовываться, самим
творить свою жизнь. Довольно академий, довольно дипломов!
При этом он приглашал «художественный пролетариат» (в дан-
ном случае аудитория состояла почти исключительно из бары-
шень из богатых семейств; иные из них приезжают на собствен-
ных лошадях!) к тому, чтоб он, пролетариат, взял в свои руки
дело собственного развития. В заключение он пригласил всех
сплотиться и *захватить* «отлично оборудованную» школу
<Общества> поощрения. И еще: будто бы Общество собирает-
ся продать свой дом под какой-то банк (?!?) и надо с этим спе-
шить. Леля и другие барышни пробовали возражать, что никто
из профессоров в такую школу не пойдет и они-де останутся без
учителей, но Брик с очаровательной улыбкой рипостирировал¹,
что они говорят так только потому, что держатся старых пред-
рассудков, будто искусство есть нечто особенное, недоступное
для всех, требующее большого труда для усвоения, — на самом
же деле надо творить искусство так, как птица поет, оно долж-
но быть достоянием *всех, всех* и т.д., и т.д. — Успех он имел
громадный. Пролетарки с собственными лошадьюми, очарован-
ные юным и довольно смазливим оратором, «вибрировали», каж-
дая шуточка вызывала взрывы смеха, на раскрасневшихся ли-
цах сказывалось предвкушение того удовольствия, которое де-
вицы получают, участвуя в этом подобии «взятия Бастилии» (как
раз на этих днях разрабатывалась программа другого «проле-
тарского пикника» — девицы собирались, одевшись простыми
бабами, ехать за город рубить елки!). Пикантно еще то, что
все эти ученицы школы княгини Гагариной и четыре ученика
были до сих пор сплошь «кадетами», и даже с уклоном в чер-
носотенство, всегда яростно спорившие, когда затрагивались
политические темы (а где они ныне не затрагиваются?), с на-
шей тройкой (Атей, Лелей, Надей), которую они обвиняли в
«большевизме». Борис Попов из опасения, как бы его не запо-
дозрили в отстаивании собственного благополучия, ничего
Брику не отвечал, а Брик, окрыленный ощущением полной
победы, полетел в другие художественные школы.

¹ От фр. *riposter* — возражать, давать отпор.

К завтраку у нас были Нина Жук с братом Славушкой. Он предполагает, что гимназия Мая закрыта из протеста (вчера был второй день). Кока же считает, что это закрытие — следствие устройства в ней бюро выборов в Городскую думу. Гимназия, где учится Славушок, решила бастовать только в случае «физического насилия» со стороны большевиков. Неразбериха полная.

В 3 ч. я должен был отправиться в Зимний, но помешал Браз. Изредка приятно видеть человека, с такой страстью увлекающегося, но все же он может ох как надоест, когда заведет часа на два какой-либо рассказ о том, как ловко он обделал какое-либо дельце и задаром купил настоящий «мировой» шедевр. Принес он с собой похвастать прелестный овальный портретик — нечто среднее между Леписье и Давидом, а также два скульптурных распятия (одно деревянное, другое бронзовое).

На днях он продал шведам за хорошие деньги целую партию своих старинных картин, в которых он разочаровался, но вот с этими перлами он не расстанется, хотя бы ему предложили миллионы в «золотой валюте».

На ночь читал в «Известиях» о мирных переговорах. Дело не клеится. И вовсе не по вине немцев, которые ведут себя очень корректно, а из-за наших требований. Победенные (но не желающие в этом признаваться), поверх законных властей в стане победителей, обращаются к народным массам с прямым призывом к восстанию... Много разговоров о декрете, отменяющем самый институт домовладельцев и превращающем домовые комитеты в сборщиков квартирного налога — на нужды государства. Как-то без всяких протестов (по крайней мере в ближайшем нашем кругу) проходит и упразднение старого суда, и замена его революционным трибуналом. Просто никто *не верит* в подобную абракадабру. — Браз приносил какую-то «Волю»^[245]. Там рассказ о погроме погреба возведен в трагедию. Говорится: «Вся набережная у дворца буквально завалена битыми бутылками...» Сам Браз на пути ко мне видел нечто весьма пикантное: большая толпа мужчин, женщин и даже детей спешила с ведрами, банками и склянками к Неве. Оказалось, что там (у дома Ганзена на Английской набережной) сброшен отобранный у кексгольмцев^[246] ящик с вином, которое разлилось по снегу (еще ночью), но вследствие крепости

ледяной коры не просочилось дальше, и образовались *винные лужи!* Из этих луж и черпали прибежавшие пролетарии или тут же, лежа на брюхе, прямо лакали вино по-собачьи.

Понедельник, 27 ноября / 10 декабря

К 2 ч. в Зимний дворец на соединенное заседание всех комиссий, петербургских и загородных. Но явились далеко не все*. Пожаловали только Верещагин со своими двумя аколитами¹, Лукомский***, Зубов, Ятманов и я. В ожидании Луначарского (который опоздал на два часа!), Верещагин, злорадствуя, то и дело шептал: «*Ils ont d'autres chats à fouetter*»², намекая на продвижение Каледина^[248], которого, однако, как будто под Белгородом разбили. Ятманов предложил нашему совещанию заняться выработкой охранных мер ввиду того, что Военно-Революционный Комитет уже декретно решил все винные склады в Петербурге уничтожить, — как бы при этом не пострадали художественные ценности (тут обнаружилось то, что до сих пор скрывали, — что в ночь с четверга на пятницу пьяные солдаты *проникли* в Зимний дворец и наделали всяких бед, побывали на хорах церкви, доходили до библиотеки Е.В. и буянили в Новом Эрмитаже. Размер всяких «порч» Ятманов не определил). При этом Ятманов очень настаивал на том, чтоб мы сами лично присутствовали при подобных актах позорного бессилия, а следовательно, и несли какую-то за них ответственность. Я возражал, но Валечка Зубов поддержал Ятманова, за что и удостоился похвалы. Это взорвало меня настолько, что я, наконец, накричал на Я<тманова> и объявил, что покидаю собрание, как всегда в таких случаях наговорив в аффекте и много лишнего.

* Характерно, что Эрнст запросил меня по телефону, *нужно ли ехать*, и, несмотря на то что я ответил «*нужно*», он все же не явился. Друзья, Стип и Аргутон, за последние дни совсем меня покинули. Должен признаться, что получающееся от того ощущение изолированности не способствует уверенности, что я смогу что-либо достичь нужного. Не пришли и Вейнер, и Половцов.

¹ От *фр.* *asolute* — пособник, приспешник.

** Лукомский очень гордится, что он в «своем» Царском Селе предупредил события и с разрешения Р. и С. Депутатов Царского Села еще шесть дней тому назад «разбил» погреб Вел. Князя Бориса. Много бутылок в погребке оказались с печатями Сапеги^[247] и других польских магнатов, — вероятно, это были похищенные в Галиции вина.

² «У них есть и другие заботы» (*фр.*).

Наконец прибыл Луначарский. Он сразу стал нас заверять, что вся эта тревога преувеличена, что он рассчитывает продать все вино (частную собственность?!) за границу на золото и на «мануфактуру», которая-де так нужна пролетариату. Таким образом, эта чаша как будто нас миновала. Со своей стороны, А<натолий > В<асильевич> предложил нашему совещанию два вопроса: 1) как быть с имуществом Камеральной части, начальство и служащие которой «разбежались» и до сих пор отсутствуют, и 2) как быть с охотничьими сворами собак. Последний вопрос требует скорейшего решения, так как нет больше корма.

Наше премудрое совещание и эти неожиданно к нам попавшие вопросы постаралось разрешить, постановив: что касается драгоценных камней (это и есть Камеральная часть), обратиться к экспертам и, отобрав все ценное в художественном отношении, остальное передать в ведение М-ва государственного имущества. Что же касается собак, то этот вопрос находится в связи с вопросом о Царской охоте, о которой как будто все забыли, так же как и оносительно Конюшенной части. Однако как бы, пока будут выяснять этот вопрос, бедные псы не подошли с голоду. К счастью, по сведению Ятманова, в этих частях имеются почтенные, влюбленные в свое дело люди; они не саботируют и до сих пор изыскивали средства, дабы и самим не погибнуть, и не дать погибнуть всем тем живым тварям, которые от них зависят. — На прощанье я передал Луначарскому свое письмо. Он было испугался, но я заверил его, что ничего страшного нет, а все же необходимо уяснить нашу точку зрения.

Вот текст этого письма:

Ì í î ãî óääæääî ù é Áí àðî èèé Ààñèüüääè ÷!

Ààñ, àãðî ýòî î, óäèäèèî, ÷òî í à ðîî ñî ààù àí èè í á óèð-èí ñèèð ðäèèèäèèýð, í à èî ðî ðî á ý î î î äè ñî àãðø àí í î ñèó÷äèí î, Àù í á ðñèó ðäèè ì ð î àí ý í è í àí î ãî ñèí àà, í àñî ì ððý í à ðî ÷òî áóèüø àý ÷àñòü Ààø èð ðä-äè áú èà í àí ðääèáà í î ñ àäðàñó «òî î ð-ñòáóð ù èð èð ääè í áóèè è èñèóññòäà, í à î î èè àð ù èð àñàñ çí à-÷áí èý ñî àãðø àð ù àñî ñý àèðà» (í àðäàà÷è «ðäèèèäèèé»). Ñ-èèð àð î î èäçí ù î Ààî í áúýñí èðü, á ÷àî ääèí. В àí àñà í á áú è ñî àèàñàí ñ Ààø èè è àí àí ààî è, í î á ðî æá àðàî ý î í á î ðäèèè àñòòî àðü ñ

Ààì è á í ðèí òèí è àèúí ú é ñí í ð í ðè è þ äyð, äãðæääø èð ñááy í à-
 í í áí áèà àèèèà Áðáí éóñà^[249] í í ä ñðáí àì è ðèì à. Áñèè æá ý í èà-
 çàèñý áú á ñí ñðí ýí èè í ðááí çì í -ú òí -òáñðáí òí ñèè, éí òí ðí á
 àèääáèí í í í é áí ãñá áðáí ý ýðèð áááàðí á, òí ý í òááòèè áú Ààì
 í ðè áèèçè òáèúí í ñèääòþ ù èì í áðàçíì .

Í àø à òí -èà çðáí èý «óçèèð ñí áðè àèèñðí á» í ñðááðñý
 áàèí ñðááí í í äý ý í ãñ í ðè àì èáì í é, è áí ýðí è í á òí -èà çðá-
 í èý, à ýðí áú ðáæáí è á í í í èì áí èý í àø ááí áí èää, éí òí ðí í ó
 ì ù í áýçáí ú í ñðááàðúñý ááðí ù ì è, í áñí í ððý í è í á èàèèà äðó-
 àè á ñí í áðáæáí èý. Áñá, -òí Áú í ðè áí àèòá á í í äðááðæääáí è á
 ñáí áé òí -èè çðáí èý, ý í á ì í í áó í á ñ-è òàðú éí àè-í ù ì è óááäè-
 òáèúí ù ì — á í èáí á -è ñòí í í èèðè -áñèíì . Í í ãñá ýðí èì áí í í
 í í ñò í ðí í í áá (è *áí èæ í í áú ò ú í í ñòí ðí í í èì*) äýý í ãñ, è áí ì ù
 ñòí èì áí á ñò áðú í í èèðèèè, è òí èúèí í ðè í àèè-í í ñèè óááæ-
 ááí èý á òàèí è áí çì í æí í ñèè í ñðááàðúñý áí á ýðí é ñò áðú ì ù
 ì í æáì í ðí áí èæáðú í àø ó ñèðíì í óþ ðááí òó, çà éí òí ðóþ
 ì ù ðáññ-è òú áááì í í èó-è òú í áí áðáí è á óóáóú èð í í éí èáí è é.
 Áóì ááðñý í ðè ýðí ì, -òí òóáí áí á òí ì í è-ááí í áð, -òí èì áþ ò-
 ñý ñáé-áñ èþ àè, í á æáèþ ù èá í í áááàðúñý í áí áí ó áèá-áí èý,
 ñí òðáí ýþ ù èá èáèí á-òí í ù òú áí èá í ðááì ñðááí í í ñèè ááèí á è
 í ðè èááþ ù èá ñáí è ñèèú è òí ì ó, -òí á ñááðá-ú, ñí òðáí è òú áñá,
 -òí òí èúèí ì í æí í, í ò í ðí ø éí áí — äýý óóáóú ááí. Á ðáð æá
 ñèó-äýð, éí ááà è äáýðáèè, òáí ðýù èá è ñòí ðèþ, í ðí í èèþ ò á
 çáí í áááí óþ í áèáñòú ýðèð «í òðáí è òáè áé», òí, ðáçóì ááðñý,
 í ðè òí àèðñý óñòóí àðú ñèèá í áí áóí àèì í ñèè, í áí áèí áú éí áú
 ááñúì à í á-àèúí í, áñèè áú ýðè áðí ðæáí èý çáñðááèèè áú èð
 èçì áí è òú ñáí è óááæááí èý, çááú ááy í ðèí ýðú á èì è í áðáá ñáí-
 áé ñí ááñòþ í áýçàðáèüñðáá.

Ñ ñí ááðø áí í ù òááæáí è áí , í ðáááí í ú é Ààì

Àèðèñàí äð Ááí óà

Верещагина и его помощников я усиленно просил сегодня снова заняться приведением в порядок исторических ком-
 нат (почему-то они за последние дни это оставили, и многое
 так и остается в беспорядке). В первую голову надо заняться
 спальней-кабинетом Николая I. Кроме того, им следовало бы,
 в ожидании систематического инвентаря, сделать хотя бы «ли-
 тературное» описание всего содержимого в погромленных
 покаях.

Вечером в ложе Сувчинского на «Руслане»^[250]. К сожалению, это слушание было мне отравлено несмолкаемым перешептыванием Сувчинского с Асафьевым. Они возмущались буквально каждой нотой (дирижировал Малько). Из исполнителей они одобрили одного только Финна-Ершова, прослушав его внимательно. Он действительно мастерски провел эту (слишком короткую) роль, однако и не без свойственной ему подчас аффектированности. От Шаляпина-Фарлафа они, как помнится, разделили общий восторг, и как раз с этим *я не согласился*. Я даже прямо ненавижу эту тяжеловесную и претенциозную подделку под итальянскую буффонаду. В прологе (моя любимая часть оперы) я прямо проклинал шептунов. В общем же, после долгого времени, «Руслан» произвел на меня то впечатление, которое он производил на меня и раньше. Кроме нескольких действительно гениальных кусков («Баян», хор «Лада — Лель», канон «Какое чудное мгновенье», «Финн», марш и танцы у Черномора), остальное нечто довольно несуразное, тяжеловесное, нудное, а то и безвкусное. От «Головы» я даже ушел и отправился на сцену. Все меня радостно приветствовали. Просидел в уборной у Шаляпина, поболтал с Фокиным, Карсавиной, Шоллар, Личкой Смирновой. Узнал неприятную для себя новость: на собрании комитета Малько получил «Петрушку». Я стал было протестовать, а Асафьев даже успел выдвинуть свою кандидатуру (не уверен, чтоб это было большим выигрышем), но сам Малько меня и обезоружил. Встретившись со мной, он сразу восторженно начал так: «Вы можете меня поздравить. Сегодня я именинник, я получил “Петрушку”» — и тут же обещал самым внимательным образом прислушиваться к моим указаниям. — Не могу сказать, чтоб я был в восторге от танцев, возобновленных Фокиным. В сцене «Наины» они ни то ни се, не новое и не старое. Впрочем, очень вредят впечатлению идиотские костюмы Коровина. Марш Черномора, Турецкий танец, Лезгинка — лучше. Марш, впрочем, повторение выхода Кашея в «Жар-Птице». У «Наины» танцевала Карсавина, благодаря чему мы получили в ложу Бруса, который уже готовится простоять действие в проходе (!). Он рассказал, что вчера чуть было не реквизировали у самого театра автомобиль самого Бьюкена... Он уверен, что их всех в посольстве посадят в Крепость. — Заходил в ложу и В.Д. Набоков, выглядящий каким-то триум-

фатором после своего четырехдневного сидения в Смольном. Иронизировал на тему, что я-де *persona grata*¹ у Луначарского. Считает большевиков преступниками и глупцами. Решительно не верит в их долговечность. Ходил я с ним еще раз на сцену. Встречавшиеся с ним артисты (балетные, хор) делали род реверанса, как перед Высочайшими. К сожалению, во время этой прогулки мы пропустили какого-то эсера, который перед поднятием занавеса взывал со сцены к тому, чтоб поддержать бастующих учителей, причем очень грозно отзывался о большевиках. Рядом с нами в ложе сидели Маруся Кузнецова — *ex Venois*², и Любочка — нынешняя супруга моего брата (надолго ли?). Сын Маруси и Али — Миша — воспитывается в Мадриде.

Сегодня назначено в церквах всенощное бдение по случаю наступления дня Учредительного Собрания. Брус рассказывал, что Вырубова, попав в Смольный, «и выплакавшись на плече Каменевой», совершенно завоевала все сердца, а пользуясь ее покровительством, стала даже играть там некоторую роль. Думается, что это, скорее, характеризует доверчивость, легковёрность Бруса или плохую информацию Английского посольства.

К области плохо проверяемых слухов принадлежит и тот, будто послана в Тобольск военная экспедиция, которая должна вернуть царя, так как он там, в Сибирской республике, в руках не вполне надежных.

Еще встретился на «Руслане» с Гржебиным. Он прямо неузнаваем — так его огорчают неудачи с «Новой жизнью»^[251]. Все его планы нарушены большевиками, и он ничего хорошего для себя и для его³ затей в будущем не видит. Ну если уж и Гржебин утратил свой оптимизм, то, значит, действительно дело обстоит скверно. На этих днях газета спорадически выходила раза два-три, но я газеты не видал. Идет еще борьба большевиков с судебным ведомством. Неужели новый сенатор — мой кузен Сережа Зарудный — окажется выброшенным на улицу?

¹ Персона грата (*лат.*), желательное лицо.

² Бывшая Бенуа (*фр.*).

³ Так в рукописи.

Вторник, 28 ноября / 11 декабря

Le grand jour! Говорят, по городу развешены плакаты с призывами и аллегориями. Уже в полной тьме я видел вчера вечером три огромные хоругви, свешивающиеся над улицей Глинки с веревки, перекинутой у дворца (особняка) Вел. Князя Кирилла Влад<имировича>. Говорят, кое-где были и шествия мирного характера, со знаменами (я только видел издали большое скопище народа у Городской думы). Но притом никаких беспорядков. Большевики (в сознании своей силы) позволяли поиграть и отвести душу. *Pas de tête*¹. На самом открытии «Учредилки» (или, точнее, какого-то «Предпарламента»)^[252] присутствовал Аллегри, продолжавший работать над плафоном Таврического дворца со своими помощниками. Они что-то еще приколачивали, подшивали. По его словам, которым я готов верить вполне, получилось нечто, во всяком случае, печально-конфузное. Депутатов собралось человек тридцать, не больше, другие же не пришли, несомненно, только из страха. И даже до самого конца заседания этот страх не покидал ни собравшихся храбрецов, ни прессу, ни публику. Долгое время обсуждался вопрос, «открывать и не открывать». Все же решили открыть, и даже был устроен перерыв (для получения новой порции политического допинга?) после первых же тридцати минут. После перерыва заседание продолжалось, но только с полчаса. Пламенную речь произнес Родичев. Речь, полную протестов, произнес Чернов. Всего пикантнее то, что во время этих речей кто-то (Аллегри назвал имя, но я сейчас не могу вспомнить) вышел на площадь двора и с пафосом заявил собравшейся, довольно значительной, толпе, стоявшей с хоругвями, что: «Первое заседание идет. Ура!..»

Днем я убирал и сортировал свои и Акицины папки (последние содержат мои избранные этюды и композиции). В 4 ч. поехал к Добычиной на заседание. Там оказался один Мандельбаум, — инициатор же выставки г-н Дриль не пожаловал (типично). Мне немало труда стоило объяснить милейшему Люблинскому, пропитанному немецкой культурой (продолжаю его считать милейшим и в своем роде трогательным — на ма-

¹ Не упрямылись (*фр.*).

нер, скажем, Гржебина), всю никчемность, да и просто неосуществимость с затеей¹ выставки «Труд в искусстве».

Уже выходя от Добычиной (она и сегодня была спокойнее и скромнее обыкновенного; урывками она принималась иронизировать насчет Луначарского и его проекта каких-то лекций об искусстве для солдат и рабочих), Мандельбаум спросил меня, в чем причина всех интриг Брика против меня (он уже поставил ему на вид все неудобство подобных междоусобий); я чистосердечно высказался: «Все дело в ненависти ко мне Мейерхольда (он и вдохновляет Брика), а у Мейерхольда достаточно оснований для того, чтоб меня ненавидеть». Я его неоднократно оскорблял в своих фельетонах и не раз метко попадал на самые больные места. В глубине души Мейерхольд не может не знать, что он действительно *шарлатан*, и то, что он чувствует мою правоту, должно особенно мучить этого самого ныне преуспевающего, но на самом деле «обреченного *raté*». Однако в чем именно дело, *лично с Бриком*, я не догадываюсь. Тут может быть просто нечто *органическое*. Как по одному его голосу я сразу понял, что это *враг*, так и он по одному моему виду должен сознавать, что если кого ему никак не удастся провести своей скоморошьей чепухой, так это меня (а также тех, кто со мной). *Inde irae*². Оказывается, между прочим, что на прямой вопрос Мандельбаума, почему они, т.е. Брик и Маяковский, так восстановлены против меня, они только нашлись ответить: «Вы не знаете Бенуа!» Интересно было бы узнать, считают ли они и впрямь меня за интригана или они отлично раскусили мою, по существу, чуждую всякой воинственности натуру и мечтают меня «загнать в подполье» — *pour avoir les mains libres*³. Их больше всего раздражает и бесит тот *авторитет*, которым я окружен (и от которого я бы с удовольствием отказался).

Сегодня начал читать статьи Луначарского в «Очерках культуры»^[253]. Статьи посвящены мещанству. Больше всего я поражен тем апломбом, с которым он разыгрывает из себя какого-то «архистратига». А чем разит? Во имя чего рушит? Ох, недаром он похож на провинциального Мефистофеля. Хвост

¹ Так в рукописи.

² Отсюда гнев (лат.).

³ Чтобы развязать себе руки (фр.).

датского дога нет-нет и выглянет из-под фалд его пиджака... Напротив, хорошая статья о «союзниках» в «Правде»^[254]. Как-никак, а в основной своей линии «они» правы и служат *ad majorem gloriam Dei*¹ помимо собственного своего желания. Да и лгут они меньше, чем другие... Даже теперь их победа не так страшна и вредна для России, нежели была бы победа всех остальных партий (которым все безразлично — за войну до победного конца, т.е. за разорение).

Вечером у Сомова с Аллегри, Стипом и Эрнстом (последние два у нас обедали). Разглядывали прелестные книжки XVIII в. (басни Ламотта с иллюстрациями Жилло и др.). Превкусные куриные котлеты.

Получил от управляющего Кабинетом Его Величества (!) ассигновку на 250 руб. «за осмотр дворцов». Что это? Курьезно и то, что генерал Ермолинский приглашает меня «побеседовать об имуществе Мраморного дворца». Пойду завтра, но непременно с Эрнстом в качестве свидетеля.

Среда, 29 ноября/12 декабря

Сильный мороз. Днем с Эрнстом у Бертенсона. Передал ему свои эскизы костюмов и декораций к «Петрушке». Заодно обошел мастерские. Что за чудесные люди своего дела, какие истинные художники — и портной Павлов, и портниха Иващенко! Уже большинство материалов для первой серии костюмов подобрано. И как чудесно все налажено в этом учреждении! Какой порядок, какой во всем толк. Вот бы так всюду. Попались на глаза и рисунки бутафории Головина для «Соловья». *Cela manque de style*², а иное и просто пошлово — во вкусе того товара «на китайский лад», что видишь у Кноопа или у Александра.

Генерала Ермолинского мы застали среди приготовлений к завтрашнему аукциону обстановки своей квартиры (его выживает М-во труда). Его Тенирсы оказались фальшивыми, об его саксонских фигурках я уже сообщил Сомову (у последнего ларингит) и Аргутону. К последнему по соседству мы потом и зашли. Застали там двух дипломатиков: тонкого белокрысого

¹ К вящей славе Божьей (*лат.*).

² Это безвкусица; в нем нет (художественного) стиля (*фр.*).

Сухотина и толстого крикливого Панчулидзева (к чаю был подан превратившийся в камень черный хлеб!). — Ермолинский, между прочим, взывал к тому, чтоб комиссия не обобрала «его бедную старуху» (кажется, подразумевалась Вел. Княгиня Елизавета Маврикиевна, а может быть — «королева эллинов» Ольга Константиновна). При этом он сегодня уже не оспаривал, что все три Ватто — наследственные, а не благоприобретенные. Я посоветовал этому преданному, но, увы, недалекому служаке обратиться прямо к Луначарскому для выяснения вопроса с юридической стороны, ибо то, что было установлено при Макарове и Головине, теперь недействительно, а потому и нельзя более считаться с постановлением летней комиссии. Я лично, разумеется, озабочен только тем, чтоб лучшие вещи были *сохранены*, а кому они будут принадлежать — это для меня вопрос второстепенный. «По-обывательски» или «по-человечески» я бы предпочел, чтоб *никто* и ни под каким видом не был лишен своего достояния; и в глубине души я даже убежден, что *вся культура зиждется на институте частной собственности*. — Понял ли все мои рассуждения бедный дворцовый генерал, у которого к тому же своих собственных хлопот полон рот, сомневаюсь, но я был доволен уже тем, что никаких предосудительных предложений (чего я больше всего опасался!) не последовало.

Под Белгородом, Нахичеванью и Ростовом бои. Принимает участие и флот. Русский летчик сбил немецкого (провокация к возобновлению войны?). В правой печати (включая эсеров и кадетов) продолжается травля против мирных переговоров. Арестована партия кадетов (не угодил ли снова В.Д. Набоков?)^[255]. Не допущены до второго заседания Учредительного Собрания. Возмущение неудачей первого носит какой-то жалкий характер. Один факт столь малого числа собравшихся подрывает вообще все надежды на спасительность этого учреждения. Ленин с Зиновьевым как будто намерены и вовсе ликвидировать дело. Луначарский с этим не согласен (а по слухам, даже снова подал в отставку — в качестве его преемника называют Покровского).

У Публичной библиотеки на Невском гигантские «хоругви»: слева рабочий, справа солдат трубит в трубу; посредине витязь (так и знал: без «Васнецова» не обойдется) кладет обеими руками что-то в подобие урны. Плохо видно, так как

ветер все время теребит и волнует холст. Где-то на Миллионной имеется и Леличкин плакат. Вид улиц самый нормальный, только иногда проходят отряды красноармейцев человек в десять — тридцать. Атя и Надя, возвращаясь с концерта «квартета герцога Мекленбургского», слышали в районе Морской стрельбу. Мимо центральной телефонной станции запрещено ездить.

К чаю подошел Бушен, у него в доме (у Кузьмина-Караваева) полный маразм. — Что-то давно у нас не был Верейский. Пожалуй, совсем меня проклял за «союз с Луначарским».

Четверг, 30 ноября/13 декабря

Интересно бы знать, действительно ли ценны те мысли, что возникают в ночную бессонницу и складываются в убедительные формулы. Обыкновенно от них утром остаются лишь смутные воспоминания и какая-то ирония в их оценке. Сегодня, впрочем, промаявшись часа два с половиной, я был убежден, что то, что возникло у меня в мозгу и приняло отчетливые формы, вполне достойно записи, — что это нечто выражает мои *основные* мысли и все мое отношение к настоящему моменту. Увы, то, что я сейчас вспоминаю, лишено всякой убедительности. Да и помню я только то, что вся война и нынешняя политическая сумятица представились мне в виде фазисов агонии какого-то исполинского чудовища. — День прошел, скорее, беспутно. Проспали. Матреша рано закрыла печь и напустила чаду, а потом застудила комнаты проветриванием. Длительный запор и без того способствует тяжелому настроению, а тут еще приходится слушать экзерсисы¹ и разучивание сонат Бетховена, чем часами занята Атечка, которая снова серьезно взялась за музыку. Но хуже всего — прочтение газет! Опять выплыл подходящий налог в виде декрета народ<ных> комиссаров. Он поражает своей жестокостью и бестолковостью. Угроза конфискации всего имущества в случае невнесения полагающейся суммы к 20 декабря. Под декретом о кадетках не вижу подписи Луначарского, — пожалуй, и впрямь ушел? Кроме «Правды», нашли только «Новую жизнь» (удивительно плохо налажено вообще самое распространение прессы), и га-

¹ От фр. *exercice* — упражнение.

зета Горького так скверно напечатана, что всю середину просто невозможно разобрать. Недурны статьи Базарова, Григорьева, Строева и др., страдающие, однако, тем, что они *не могут отказаться* от доктрины. Ох, вообще вся беда именно от книжки, от ученой книжки, со статистическими сводками, с таблицами и диаграммами. Книжкой больны в равной степени все — и Милюков, и Ленин, и Церетели, и Россия, и Германия, и союзники! Увы, по ассоциации должен прибавить, что и от моих новых друзей, Сувчинского и Асафьева, меня отшатывает все та же их *книжность*.

Днем приходил Г.О. Харитон (мой бывший коллега в «Речи») с просьбой высказать мое мнение о двух картинах, доставшихся ему по наследству от его тестя, архитектора Кинага. Очень красивая картина «Грот Дианы с Актеоном» из круга Тинторетто, но с элементами нидерландских «маньеристов», и хорошая голландская марина, которая считалась за Бакхюйзена, но которую я склонен считать за ван Капелле. Заходил и жалкий Тренти за получением обычной подачки в 50 руб. Обедаем с Аргутоном у Карсавиной. Было уютно, несмотря на мрачность Бруса. Он снова уверял, что собственными глазами видел документы, обличающие Ленина в немецком подкупе (на сей раз Аргутон не спорил — он теперь держится объяснения Робьена). Про Троцкого Брус говорит: «Il n'est pas du tout bête»¹ — и доказательство видит в том, что Троцкий какому-то делегату от посольства, пришедшему жаловаться на причиняемые притеснения курьерам, ответил: «Для нас господин Бьюкенен уже не официальное лицо, а частный человек, он ведь был аккредитован к другому правительству» и т.д. И уже по *тону* Бруса я вижу, что им такой тон *impose*². Следовательно, я был прав в марте (да и раньше), когда я всем своим существом чувствовал, что *тон* и простое *сохранение достоинства* могут сделать все то, что представляется невероятным и недопустимым, — в том числе и все, что касается войны и ее ликвидации. А тогда объективные условия во много раз были более благоприятны, с царской Россией считались бы <в> несравненно большей степени, нежели с этими «самозванцами»! — Вообще же, Брус меня трогает своей заботливостью о нас.

¹ Он совсем неглуп (*фр.*).

² *Здесь*: внушает уважение (*фр.*).

В который раз он пристаёт ко мне, чтоб я с их курьером (it will be the last¹) отправил в Лондон для продажи мои рисунки. Но я ни за что этого не сделаю, опасаясь их лишиться!

Швейцар дома, где живут и Аргутон, и Карсавина, рассказал, что уже разгромлен погреб Рауля^[256] на Исаакиевской площади (наш семейный поставщик).

Пятница, 1 / 14 декабря

Весь день в странной тоске. Не могу вспомнить, но что-то связано именно с этим числом, 1 декабря, — что-то очень тяжелое. Но и без этих печальных блужданий в прошлом достаточно причин, чтоб быть огорченным. Ведь не предвидится никаких разумных выходов из положения. Никакой уверенности в завтрашнем дне, и не только в личном смысле, но и в отношении всего нашего отечества, да и всего мира. Об участии же в «новейшем строительстве» и говорить нечего!

Аргутинский вечером у нас рассказывал, будто в Москве футуристы прогнали Охранную комиссию^[257], обругали ее членов, взяли в свои руки охрану Кремля и теперь обещают чудеса в решете в смысле нового искусства. Недаром я встретил сегодня дуралея Л□ву Бруни, который мне улыбнулся кривой, но *торжествующей* улыбкой. Ах, да что говорить! Все это *стихия дьявольщины*: наступают времена и сроки. Характерно и то, что подпись Луначарского продолжает отсутствовать под печатанными декретами. — Брик поставил свою кандидатуру в школе Гагариной, чтоб стать ее представителем в том объединенном Совете художественных школ, который он формирует (он и с Тамановым спелся; тот дает ему помещение в Академии худ<ожеств>). Однако девицы, хоть и были им парализованы, выбрали своим представителем Шухаева. Что же касается до Москвы, то нельзя вполне доверять сведениям Аргутона. Может быть, тут что-то перепутали; но, с другой стороны, теперь *все* возможно, вплоть до какого-нибудь аутодафе всех Рембрандтов или всех религиозных картин.

Вчера вынырнул подоходный налог, сегодня финансовый гений Ю. Ларин выступил с идиотским проектом штемпелевания всех бумажных денег — на предмет покрытия государ-

¹ Это будет последняя возможность (англ.).

ственного дефицита. Само по себе это уж так глупо, что не стоило бы на этом останавливаться, но, как этап на пути к отмене частной собственности, идея чего витает в воздухе, и этот проект показателен и тревожен.

И общее политическое положение остается, судя по газетам Смольного, далеко не выясненным: Корнилов и Каледин разбиты, Ростовский «мятеж» подавлен^[258] и т.д. Напротив, в газетах буржуазных все это опровергается и считается, что в Ростове большевики подавлены. Вероятно, на самом деле ни то ни с□, и просто каждое действие расплывается в общей бестолочи. И для меня совершенно ясно (а подтверждение нахожу в речи графа Ревентлова), что немцы нарочно тянут переговоры перемирия¹, для того чтоб дать плоду созреть совершенно, и тогда он сам упадет им в руки.

А как понять, что когда мы в 7 ч. возвращались от Бразы, то позади нас шел, в продолжение всего перехода через Николаевский мост, военный оркестр, игравший «Марсельезу», каждый куплет которой завершался раскатистым «ура!»? Что это еще? Но кого спросить? Разве из газет можно вынести что-либо толковое? Разве, например, был в ней² отклик на то, что вчера на весь город раздалось то, что мне показалось орудийным выстрелом? Еще одна «приятность»: дворник явился сегодня с предупреждением, чтоб мы не пугались, если на днях произойдет обход всех квартир матросами, которые всюду ищут оружие!

Жена Бразы *plus patriotique que jamais*³. Эта дочь (правда, приемная) немцев считает своим долгом их ненавидеть и ужасаться их победам. Он, напротив, уже усвоил все более расширяющуюся формулу, что-де *только немцы могут спасти положение*. Даже наш милый Владимир и тот запел эту песенку*.

¹ Так в рукописи.

² Так в рукописи.

³ Еще более патриотичная, чем когда бы то ни было (фр.).

* У Бразы опять новости: довольно грубый по технике, но очень поэтический пейзаж (рыбачья деревня под бурным небом) ван Бееста (1652 или 1654 года), бронзовое распятие, в котором он не прочь увидеть самого Бенвенуто Челлини, и другое деревянное распятие (одна фигура Христа — без креста). Кроме того, терракотовая Мадонна, которую он приписывает Антонио Росселлини, — мне же кажется, она ближе к Луке делла Робиа.

Суббота, 2/15 декабря

Спал неплохо, но проснулся все же слишком рано — с фабричными гудками — под впечатлением очень странного сна. Точно у меня на стуле перед письменным столом сидит черный котенок, истекающий кровью! За ним ухаживают наши дамы; потом я его же вижу поправившимся, но хилого, качающегося на своих ножках... Уж не почудился ли мне наш Мурик, которого мы оба так горько оплакивали, когда он скончался в 1895 году и как раз 1 декабря? — Вслед за этим сном почудился уж совсем фантастический, в стиле Брейгеля: медвежонок (почти без шерсти и подрубленный, как то бывает с поросятами) гонялся за гусями; я сам всхожу по лестнице и по дороге тыкаю в нос каких-то медведей, сидящих кучкой за перилами; наконец, я разглядываю с какой-то девицей альбом фотографий, среди которых два волшебной красоты вида каких-то немецких увеселительных дворцов с фонтанами; и все это зашевелилось, заиграло, а по берегу стал носиться черный пудель (казалось, это вдали, но ясно, точно я это вижу в бинокль). Не тот ли это самый пудель, который несколько недель назад, тоже во сне, ударился в собственное отражение в зеркале, причем зеркало разбилось?!

Второй день по городу громят погреба. Ночью наши девицы даже слышали довольно громкую стрельбу. Днем все трамваи стали там, где их застигло прекращение тока. В газетах слух, будто Государю удалось бежать с семьей из Тобольска. Часть дня я сочинял письмо И.В. Гессену, вызванное его статьей «Запоздалое раскаяние»^[259]. Вечером переписывал. К Сувчинскому не пошел отчасти из-за отсутствия сообщения, отчасти не желая себя подвергать при возвращении стальным пулям. Эрнст, наконец, появился в Зимнем. У него какие-то счета личного порядка с Верещагиным. — Собрания в Зимнем все эти <дни> продолжались, я же, после того что вручил свое письмо Луначарскому и в ожидании какой-либо реакции с его стороны, решил не являться. Туда теперь явился и К.К. Романов. В добрый час; пожалуй, теперь недалек день, когда явится и Таманов. Мне Верещагин просил передать, что он желал бы меня видеть в середине *будущей* недели. Я рад такому признаку моего полного «освобождения». Что же касается моих коллег, то они как будто утвердили свои позиции и во мне больше не нуждаются.

И с Луначарским, и даже с Бриком они лучше спойются, чем со мной. Это все прожектеры и разновидности бюрократов. Встретив на улице Аргутинского, Эрнст отправился с ним к Чекато (на его квартиру на Загородном). Среди партии новых рисунков три очень «хорошеньких» Giganti¹, но для них не стоило так далеко ходить. По дороге оттуда Владимир прочел целую лекцию Эрнсту о большевиках. Их-де надо перевешать; это мерзавцы и т.д. На Яремича он махнул рукой — он-де анархист. Вероятно, попало и мне... — За чаем разглядывали папки «Bilderschatz'a»² с произведениями немецких художников XIX в. и монографии Грабаря. Мне чудится, что трехцветные даже в закрытых от света местах все же постепенно теряют свою яркость.

Кажется, еще вчера английское правительство согласилось пересмотреть дело Чичерина^[260] (мы знали об этом еще от Бруса); в связи с этим возобновился пропуск англичан, покидающих Россию; ходит слух, что Троцкого назначают послом в Англии. Клемансо заявил, что он готов рассматривать серьезные предложения мира.

Воскресенье, 3 / 20³ декабря

В «Известиях»: «Перемирие заключено». Вопрос о переброске войск хитро обойден. Бегство Николая II опровергается. Говорится открыто о лишении всех Романовых всего их имущества. «День» истолковывает слух о бегстве Государя как объяснение, почему в Сибирь отправлен отряд матросов, назначенное коих — привести к повиновению Сибирскую республику. Трамваи сегодня ходят, но спектакли в Мариинском театре прерваны — из-за отсутствия топлива. — Вечером друзья (Стип, Замирайло, Эрнст, Бушен, Аргутон) и Акица с детьми были заняты разглядыванием моей коллекции старинных рисунков; все это под лампой представляло собой прелестную картину уюта, однако передо мной мелькнул вопрос: неужели это один из последних вечеров, когда такая сцена еще возможна?.. Мы на вулкане, извержение коего как будто должно начаться в ближайшем будущем. Что, например,

¹ Джиганти (ит.) — итальянский художник.

² «Сокровища живописи» (нем.).

³ Правильно: 16.

означают те три ружейных выстрела, которые раздались у нас где-то по соседству? Говорят, во многих местах продолжается разгром погребов и вокруг идет стрельба. Трудно справиться с начавшимся пьяным бунтом. Пьяный же бунт может повести ко всяким другим безобразиям. Разгромят погреба, а там и соседние лавки: торговля остановится, наступит полный голод, начнутся поиски по частным домам вина и хлеба. Тогда волей-неволей придется прибегнуть к террору и т.д. «Аппетит до порядка», иначе говоря, «аппетит до немцев» растет с каждым днем. В «Нашем веке»^[261] этот аппетит скрывается под видом священного негодования за подписями Философова, Изгоева и *tutti quanti*; но по существу это то же самое, что побуждало Проппера произнести весной столь характерную фразу: «Войну надо было кончать, но нельзя же об этом писать!» Особо ярко все тот же аппетит выражается в раздаваемых на Невском прокламациях, напечатанных по-немецки (германофобы верят, что источник этих глупых провокаций действительно германский), в которых просят петербургских граждан не тревожиться, ибо между 6 и 7 декабря произойдет оккупация города, и *тогда будет наведен порядок*.

Я весь день маялся с желудком. Даже обедал (без всякого аппетита) в постели. Читаю IV том Р. Роллана, «*La Révolte*»¹, — в нем сказывается недостаточное знакомство с немецким бытом. Чувствуется, что это, в сущности, поверхностные (подчас остроумные) «заметки туриста», а не «глубокое ощущение окружающего». Неприятной чертой является и неопределенность возраста героя; не веришь, что ему 12, 15, 17 лет, настолько ему всюду 25 — 30 лет — по чувствам и мыслям. Однако, несмотря на эти дефекты, чтение «*Jean Christoph'a*» представляет собой *поглощающий* интерес. Это истинное счастье, что в подобный момент достались мне именно эти две книги: автобиография моего милого Лудвига Рихтера и вот эта умная, благородная исповедь француза, избравшего носителем своих идей представителя враждующего племени. Да и хороши просто самые *настроения* в обеих книгах — иначе просто можно было бы задохнуться в этом чаду лжи и чепухи.

Стип купил для меня на аукционе, устроенном в Обществе поощрения, две иконы — поздние: одна середины XVII в., дру-

¹ «Бунт» (*фр.*) — название четвертой книги Р. Роллана «Жан-Кристоф».

гая — чудесный складень — начала XVIII в., но еще без всяких «барочных» элементов. Моя постель «Sur le chemin d'Olette (S. Jean de Luz)»¹ пошла всего за 200 руб., в общем аукцион дал всего 4000 руб. Народу было очень мало. Захаживает на постоянную выставку П.М. Макаров, и это, пожалуй, недобрый знак. После отчаянного испуга он теперь настолько уже осмелел, что снова решается показываться. Я уверен, что у него снова живет Савинков. Стип принял Макарова вежливо: «Ведь надо быть в хороших отношениях со всеми клиентами». Он теперь совсем превратился в торгового человека. Эти «добрые отношения» развязали и язык П<авлу> М<ихайловичу>, который стал даже жаловаться Степану на Керенского за его невнимание к его советам: «Я еще весной настаивал, чтоб их всех (большевиков) засадить, и у нас все было тогда хорошо обдуманно и предусмотрено; Петербург было решено отдать немцам, для чего и была произведена перевозка вещей в Москву». Ох, только бы мне не встретиться с этим слизнем. Его вид обладает даром как-то особенно возбуждать во мне тошноту и даже бешенство! Вообще же, должен констатировать, что при всем теперешнем «ожидании конца» у меня на сердце все же теперь спокойнее, нежели вокруг 21 апреля или осенью, в период эвакуации. Вот когда мной овладевала безумная тревога, и я всеми силами сопротивлялся, чтоб не впасть в полное отчаяние. Теперь же, когда все уже упущено, все шансы потеряны и едва ли вернутся при иных комбинациях, я чувствую себя в каком-то царстве *jenseits der Vernunft und des Willen*², исключительно во власти стихий. Это *проще*. «Ничего не поделаешь» — лучше, нежели сознание, что *можно* еще многое сделать, да вот те, от кого это зависит, не хотят, не понимают, своей же пользы не понимают!

Вечером телефон от Добужинского, вернувшегося из Москвы в 7 ч. У бедного Мстислава на вокзале доброволец-носильщик похитил чемодан, и в нем все рисунки для постановки «Розы и Креста» Блока! Он безутешен. К сожалению, о хозяйничанье футуристов в Кремле он ничего сообщить не может. Он только мельком слышал, что, действительно, Маневич и Малиновский «спровадили ту компанию», в которой был и Грабарь, и теперь хозяйничают вместо них совсем безапелляционно!

¹ «На пути в Олет (Сен-Жан-де-Луз)» (*фр.*) (город во Франции).

² По ту сторону разума и воли (*нем.*).

Понедельник, 4/17 декабря

Вчерашняя стрельба была, вероятно, произведена грабителями погребов при большой колониальной торговле Баскова, отделение которой находится через дом или два от нас, на углу Среднего проспекта. И сегодня весь день там продолжается грабеж под предлогом уничтожения винного склада. Но особенные бесчинства сопровождали разгром грандиозного Елисеевского погреба, тоже неподалеку от нас. Об этом нам подробно рассказал Коля Лансере, пришедший вечером с Юрием Арцыбушевым и Солнцевым*. Коля живет в том же доме, во дворе которого колоссальные погребов Елисеева. Обстановка все же там более «мирная», нежели как то изложено в «Вечерней газете»^[262]. Все — и караул из солдат (красноармейцев?), и вызванные пожарные — сразу пьянеют и еле держатся на ногах, но ведут себя смирно, даже и не слышно криков и ругани. «Работают» деловито и систематично. Часть вина в бочках тут же грузилась и увозилась, но тысячи бутылок разбивались тут же, прямо на месте, и заливаемый погреб выкачивался посредством паровых насосов и выливался через пожарную кишку в Невку... Какой-то делегат районной управы пытался остановить это разорение и звонил во все телефоны, но добился только того, что пожарные стали подговаривать солдат разделиться с этим буржуем, после чего «буржуй» поспешил удалиться. По сведениям Коли, погребов тянутся под всем огромным их домом и «работы» там на много дней. Наш Кока, выходявший ненадолго, чтоб купить краски (в гимназию Акица его не пускает), видел, как двое пьяных солдат дрались, неистово ругаясь, и как чуть было не задушили проходившую мимо старушку. Публика, стоявшая на тротуаре противоположной стороны (5-й линии), только приговаривала: «Надо же, господа, ее освободить», но никто не трогался от страха перед винтовками.

Акица, ездившая к И.В. Гессену передать мое письмо (на Конюшенную), видела повсюду валяющихся пьяных и слышала стрельбу, даже пулеметную. Гессен не может покинуть Петербург (подобно Набокову) из-за болезни (воспаление лег-

* Оба зятя моего племянника Е.Е. Лансере, который женат на сестре Арцыбушева. Солнцев женат на сестре Жени.

ких) Анны Иса<a>ковны и ждет с часу на час ареста. По словам Акицы, он осунулся, грустен; винит во всем происходящем и себя, и всех, но видит ошибки и грехи как раз там, где их не следует искать, — в якобы недостаточном возбуждении патриотических чувств. И мое письмо пройдет без всякой для него пользы. Вообще же, примеры тому, что «никто ничему не научился», представляются на каждом шагу. Так и Юра Арцыбушев вызвал меня на спор своими комментариями. Спор шел вокруг высказанной мной формулы: «Если все происходящее может привести к поражению двух таких язв современного массового сознания, как культ коллективизма и национализма, то можно еще сказать, что благие результаты дались сравнительно дешевой ценой». Действительно, что может быть глупее и вреднее насилия *числа* вопреки разуму или самообольщение народностей? И разве вообще можно ожидать спасения, если не изменится самое *направление* общественного сознания? Разумеется, в этом споре мы перебрали все — и Познань, и Лоскутную империю^[263], и Эльзас, и о [«добровольном присоединении» этого куска Германии к Франции].

На днях Арцыбушев слушал Троцкого — ту речь, которая была произнесена в Николаевском зале Зимнего дворца перед большевиками, сразу после того, что он, Троцкий, был освистан в Александровском зале только правой половиной Крестьянского съезда. Наружность, по словам Юры, у Троцкого *жуткая*: острая бородка, глаза разбойничьи, «пустой», бездушный голос. Пользование известными ораторскими приемами и самой бессовестной лезтью*. Побывал Юра и на казачьих съездах в Екатеринодаре и в Новороссийске. Каледина он описывает в виде эффектного генерала с сильно горбатым носом. Отличительная черта этих собраний — это какое-то «общее хитрение, общее себе на уме». Так что и разглаговольствований там меньше; та или другая вещь иной раз не договаривается в предположении, что всем достаточно известна суть дела. Юра утверждает, что Донецкий бассейн не работал только из-за болтовни, из-за митингов, однако там, где Каледин уже навел порядок, — там к работам приступлено.

* В «Вечерней газете» (напечатанной почему-то на желтой бумаге) разговоры о гильотине. И в этих разговорах звучит в одинаковой мере и панический испуг, и провокация к скорейшему кризису — после которого-де должно наступить общее спасение.

Днем у меня, после долгого перерыва, Claude Anet. Заметна некоторая перемена, вызванная тем, что он сейчас информируется через французского большевика, поселенного в квартире Горчаковых (M-r Sadoul). О Троцком: «Il n'est pas du tout bête»¹. При этом и Анэ указывает на эпизод с дипломатическими курьерами. И снова я убеждаюсь, что был вполне прав, утверждая, что *тон* мог бы многое спасти, мог бы импонировать и упрямству союзников. Вся беда в том, что тон не является по внезапному желанию, что это как и «стиль» в искусстве — квинтэссенция целой культуры и глубинных убеждений. Анэ хотел интервьюировать Троцкого, но тот предпочел *обещать* ответить на предложенные вопросы (ils sont trop occupés parce qu'ils veulent tout faire à eux deux²). Тогда Анэ предложил Троцкому столь каверзные вопросы, что тот принужден был вовсе уклониться от ответа. Анэ передал смысл слов Троцкого: «C'est un réquisitoire»³. И все же проныра журналист не теряет надежды до него добраться на ближайших днях и рассчитывает нам все рассказать за обедом. И снова я услышал вариант формулы, уже слышанной мной от Луначарского: оба (т.е. Ленин и Троцкий) потому предпочитают изоляцию, что они поставили себе задачей провести столь глубокую борозду (sillon), что даже в случае, если бы им пришлось теперь покинуть власть, их каким бы то ни было преемникам волей-неволей необходимо было бы считаться с этой бороздой...

Начал статью для Сувчинского — и сразу запутался в каких-то> рассуждениях на тему об искренности.

Вторник, 5/18 декабря

Уже лежа в постели, слышал выстрелы — около часа ночи. Это, вероятно, продолжают грабить погреба Елисеева, Баскова и Католической Консистерии (тоже на нашей 1-й линии). Мотя напугана слухом, будто большевики собираются устроить забастовку прислуг (митинг на эту тему происходил у нас на углу) и устроить обход с этой целью всех квартир. Наши дворники и швейцар, в виде исключения в общем правиле, не бастуют. Среди дня пришлось заполнить заявление о неиме-

¹ «Он совсем не глуп» (фр.).

² Они очень заняты, потому что хотят сделать все только вдвоем, сами (фр.).

³ «Это обвинение» (фр.).

нии винного запаса. Это в предупреждение обыска (солдатами Финляндского полка).

Телефон от А.И. Зилоти. Собирается подвести интригу под Малько и водворить любезного своего Коутса. И я стою за Коутса, но не желал бы, чтоб эта история обрушилась мне на спину и не¹ отозвалась бы на постановке «Петрушки». С другой стороны, я так мало верю, что постановка «Петрушки» состоится, что склонен всем таким разговорам и пересудам отдавать лишь «самое рассеянное внимание». Снова услышал знакомые, характерные для Зилоти тончики: «Если надо дать в морду, то, разумеется, я *дам!* Однако сейчас для меня главное не дать в обиду Коутса, который, к сожалению, сам ужасно бестактен» и т.д. Все я да я, вот я каков! Уверяет, что против него самого созрела целая интрига, и во главе ее стоят Малько, Вальтер и, что хуже, Вольф Израель. — Кстати сказать: третьего дня телефон от матери Стравинского. Она обеспокоена отсутствием известий о сыне и тем, достаточно ли будут охраняемы интересы Игоря, если пойдет «Петрушка». Сегодня Зилоти сообщил, что они «специально» Игоря не запрашивали ввиду невозможности получить ответ, но они сами собираются отчислить Игорю 10% — как полагается. Я попросил его вспомнить и обо мне как об «авторе»; это как будто поразило его *неожиданностью!* А впрочем, мне наплевать на это торгашество...

К чаю Аргутон. Известие о перемирии не доставляет ему ни малейшей радости. И я ее не чувствую. С другой стороны, откуда могла бы и явиться радость у него, у этого «вояки до конца»? *Der große Kranke*², частью которого является и моя крошечная персона, ампутирован, и теперь есть надежда, что он, спасенный от дальнейшей гангрены, будет жить, однако, разумеется, не в такую минуту протрации, внутренней горечи и просто физического надрыва *можно ликовать!* И то хорошо, что ампутация прошла, против ожидания, довольно безболезненно. При этом у милого Владимира все тот же припев: «Девять месяцев развращали народ» и т.д. *Il y tient, ils y tiennent tous!*³

¹ Так в рукописи.

² Великий больной (нем.). Так в среде интеллигенции стала именоваться Российская империя, раздираемая глубокими противоречиями и конфликтами.

³ Здесь: Он твердит все одно и то же, они все твердят одно и то же! (фр.).

Сегодня должны начаться *мирные переговоры*. Переговоры о перемирии завершились обедом, данным честь честью немецкими генералами. Воображаю, какая это была курьезная комедия и как все было пущено в ход, чтоб усыпить бдительность и ублажить кастовую взъерошенность! Впрочем, надо думать, что немцы «все делают хорошо» — «хорошая немецкая работа». Если даже инициатива и у них ошибочна, несчастна или преступна, то, раз дело вслед за тем началось, оно будет совершаться на пять с крестом. С другой стороны, что в политике не преступно? Во всяком случае, представляется преступным все, что не увенчивается успехом. Я же не могу (в качестве — ну, скажем, художника) не любоваться совершенством *техники* «в делах кесаревых», — и вот недостаток, а временами и полное отсутствие техники, мастерства в представителях нашей политики меня больше всего злили и огорчали. У большевиков в этой области, естественно, не может еще быть ни навыка, ни техники, ни мастерства — у них пока во внешней политике «художественная импровизация», но со временем они *научатся* и смогут сразиться с любым противником, недаром в них чувствуется что-то *дьявольское!* — Переговоры о мире будут вестись: с одной стороны — гр. Черным и Кюльманом (*cela a l'air très sérieux!*), с нашей — для меня неизвестной величиной Покровским. — Казаки будто бы победили в Нахичевани и в Ростове. Еще значительнее то, что п<равительст>во комиссаров в ответ на разоружение Радой русских войск и на высылку их «за границу» вынуждено представить сорокавосемичасовой ультиматум в четырех (крайне неряшливо сформулированных) пунктах. Если Рада не уступит, то вот и новая война «с иностранной державой!» Если тамошние хохлы так же прямолинейны и неуступчивы, как те гайдамаки, что явились сюда за «реликвиями», то дело большевиков может принять и очень опасный поворот... Аналогичное известие из Харбина. Там какой-то «представитель иностранной державы» (?) «неожиданно» заявил, что в случае устранения от дел генерала Хорвата войска союзников вынуждены будут занять и Харбин, и Владивосток. Газеты уже говорят о его оккупации японцами и американцами как о совершившемся факте, и это же я слышал от Брукса и Линтота, бывших у нас сегодня

¹ Похоже, это очень серьезно (*фр.*).

с визитом (Линтот скоро уезжает, но не в качестве курьера). Мне же кажется, что в случае нашего банкротства союзники найдут нужным занять не только эти пункты на Дальнем Востоке, но и захватить также другие «выходы» — как-то: Архангельск и даже Петербург! Однако до этого еще далеко. К счастью, «доблестные» не отдадут себе отчета в том, до чего мы обессилели.

Вечером Добужинский, неутешный из-за потери своих материалов, эскизов и каких-то интимных писем. Он вывесил сегодня на Николаевском вокзале объявление с просьбой, обращенной к «товарищу носильщику, по ошибке унесшему его чемодан», вернуть ему хотя бы рисунки и прочие бумаги. — Жаловался на скарденость и «полное закисление» Худ<оже-ственного> театра, в котором теперь воцарился меркантильный дух Румянцева (заведующего финансовой частью); «вообще — лавочка!» Работает для них в последний раз. Ничего толком ни о Кремле, ни о Грабаре он сообщить не мог. По некоторым отрывкам заключаю, что Эфрос-Росций, в качестве эсера, натравливал Грабаря на большевиков, и очень может быть, что в этом причина утраты влияния Грабаря на Советы Р. и С. Д., а следовательно, и появления в Кремле футуристов. Всюду та же фатальная роль «макаровцев» и «маленьких Савинковых». Добужинский утверждает, что вообще в Москве настроение еще худшее, нежели здесь. Экспроприация стала самым обыденным явлением. На днях вечером он видит толпу, глазеющую на ярко освещенный особняк. Спрашивает, в чем дело. «Да вот там происходит экспроприация, и красноармейцы подоспели; да, видно, столкнуться не могут!» Телефон в Москве снова перестал действовать. Трамваями нет никакой возможности пользоваться — до того переполнены, а в 7 ч. прекращается вообще всякое движение. Пришлось Добужинскому несколько раз ночевать в декорационной мастерской. На вокзале сегодня утром Д<обужинский> видел целую *толпу* прибывших пленных австрийских офицеров. Очень удачно в лицах представил контраст наших осовевших, растерянных, расхлябанных «товарищей» с горделивой осанкой и великолепной выправкой этих «врагов». — У бедного А.А. Стаховича совершенно разорена его любимая Пальна и расхищена находившаяся там прекрасная библиотека, которой он так гордился.

Среда, 6/19 декабря

Кокины именины. Снова плохо спал. Преследуют ужасные кошмары. Особенно отчетливо запомнился один. Я пробрался в какую-то библиотеку в третьем этаже дома, выходящую окнами на Морскую, — насупротив Яхт-клуба. Светлая летняя ночь. Никого на улице; через открытые окна откуда-то доносятся звуки струнного оркестра. Я разглядываю книжку за книжкой. Приходит дикая мысль: если я спрячу себе в карман ту или другую, то никто не узнает. И тут шорох у окна, и из-за края окна (прикрытого спущенной маркизой) снизу появляется сначала фуражка, затем белокурое лицо, а затем и вся фигура молодого рабочего. Только в момент, когда он собирается вскочить в комнату, я догадываюсь, что это вор, и решаюсь бежать. С разбегу не могу сразу остановиться в полутемной передней у входной (красного дерева, я успеваю ее рассмотреть) двери. Со страшным усилием мне удается повернуть ручку, и я выбегаю, приликая ногами к полу, на площадку лестницы (шаги вора приближаются). И тут соображаю, что я быстрее спущусь, если, как в детстве, налягу подмышкой на перила и буду скользить. В то же время в дикой панике я изо всех сил кричу: «Швей-цар!», но тут меня расталкивает Акица.

От Гессена ответ на мое письмо. В целом он обнаруживает полное и, увы, непоправимое непонимание того, о чем я говорю и к чему зываю.

К именинному завтраку явились брат Мишенька (он же крестный нашего Коки) со своей дочерью Кикой. Она за спиной меня прозывает «большевиком из “Армиды”»; сегодня же они меня поддразнивали «Нахамкисом», намекая на мой действительно довольно иудейский вид (особенно когда у меня на голове черная ермолка, с которой я не расстаюсь из-за холода). Миша принес две бутылки французского красного. Кстати, запишу здесь же: Леонтий сам заявил в Управу о своем (богатом) погребке. Тем не менее к нему явились два самозванца и потребовали, чтоб их «допустили до разгрома!» Получив отказ, они ушли с угрозой вернуться с целым отрядом, однако не исполнили этой угрозы. Из окон моего кабинета было видно, как подымаются густые облака белого пара от пожара спиртного склада, где-то у Среднего. Все утро проезжали пожарные. В Смольном вс□ не решаются «сеять смерть» из-за вина,

однако слышно, что теперь убедились, что иначе не остановить расходившуюся стихию. Фокин (он был днем со своим музыкантом Карповским, играли «Петрушку» — проверяли целесообразность разных незначительных нововведений) из своих окон видел, как матросы вдоль Екатерининского канала несли четырех убитых, которых тут же положили в сани. После ухода музыканта у меня был не очень приятный разговор с Фокиным. Я пытался его убедить, чтоб он, ставя теперь заново балет на сцене Мариинского театра, изменил выход (самый стиль выхода) кормилиц и кучеров — согласно с нашими (моими и Игоря) пожеланиями. Нам хотелось бы, чтоб эти два номера врезались в прочий бытовой реализм, как картинки лубка. Из-за этого уже в Риме в 1911-м мы чуть не поссорились с Фокиным, и тогда же я за это же побранил М<ихаила> М<ихайловича> в своем фельетоне, посвященном «Петрушке», и из-за этого же Стравинский не желал, чтоб впредь Фокину поручались его балеты (что, разумеется, было уже преувеличением). Но Фокин — упрямый человек, а к тому же он просто не понимает, чего мы от него хотим. Я разжевывал, разжевывал, указывал, между прочим, и на такой же двойственный стиль в моей постановке «Мнимого больного» в Художественном театре. Самую эту двойственность (или двоякость?) я считаю за какой-то главный нерв театра (да, пожалуй, и всякого искусства). Нельзя довольствоваться одним «реализмом Станиславского» без условности — так же как нельзя довольствоваться одной «условностью Мейерхольда» без элементов реализма. Но, разумеется, самое это слияние должно происходить через фильтр подлинного театрального темперамента, а главное — вкуса. Я убежден, что именно такое слияние придавало главную прелесть *Commedia dell'arte*¹. На прощанье М.М. все же обещал во время своей поездки в Псков все сказанное «переварить», и, может быть, он что-нибудь еще придумает. Кроме того, он мне передал предложение Стокгольмской оперы поставить там «Петрушку» в моих декорациях и костюмах. Я спросил за право воспроизведения (оригиналы остаются в моей собственности) 3000 франков. Меня больше всего соблазняет иметь, на всякий случай, какой-либо запас за границей. Он думает, что спрашиваемая сумма покажется

¹ Комедии масок (*um.*).

чрезмерной. Впрочем, в самую эту затею я мало верю. Здесь же Ф<окин> воображает, что мы поспеем к 15 января. Мне показалось, что основная сейчас мечта Фокина — просто удрать из России. Вполне его понимаю, но едва ли самому мне бы это удалось.

К именинному обеду Стип и Эрнст. К чаю Аргутинский, дочь Вали Брюн (она сестра милосердия; она здесь проживает у своего дяди — Л□вы Брюна), Шура Леви, Бушен. Но «первейший друг» Коки — Саша Черепнин по своему обыкновению надул. Девочки играли попеременно чудесные марши Шуберта. — Кока чудесно реставрировал приобретенную мной на днях икону «Собор Божьей Матери».

Четверг, 7/20 декабря

Сегодня мог лично изучить состояние улиц по всему городу. С Юрой Арцыбушевым, который у нас завтракал, пошел в Зимний дворец, оттуда с Аргутинским и Эрнстом до Марсова поля, затем на трамвае до Гороховой, пешком по Гороховой на Звенигородскую к Голике—Вильборг, оттуда пешком до Чекато на Загородном, затем пешком через Чернышев мост и мимо Гостиного двора до Малой Конюшенной и, наконец, на трамвае домой. *Повсюду* слышал стрельбу, местами совсем близко, но ни на меня, ни на моих спутников это не производило ни малейшего впечатления. Привыкли! На Чернышевском мосту ужасная сцена — стреляли в вора, которого только что до нас сбросили на лед! Толпа любопытных, свесившись с перил, глазела; шла перебранка, сыпались шуточки и жалобные вздохи старушек. Но и на сей раз ничего грозного не было: обычный русский скандал. — Улицы полны народу. На Звенигородской уже нет того «праздника», который, по словам Скамони, там бушевал все эти дни (по случаю разгрома погребов Петровой); все же значительная толпа собралась у ворот одного из близких к Загородному домов, а когда мы проходили мимо, то выяснилось, что эта толпа ожидает какой-то подачки: во дворе смежного дома раздавались выстрелы. Во всем этом околотке сильно пахнет вином. Коля Лансере рассказывает, что у них, в доме Елисеева, весь двор заволокло паром, густым, как самый густой туман, и «вкусно» пахнувшим коньяком. Погибли погреба Вейнера и Берга, которые они дали на хранение Зубову. Погиб, как оказыва-

ется, и «винный музей», эвакуированный вместе с эрмитажными сокровищами в Москву под видом Архива Министерства гофмаршалской части. — Луначарский, которого я мельком видел в Зимнем, только что вернувшийся из Москвы¹, рассказывает, что с охраной памятников и художественных сокровищ там обстоит теперь вполне благополучно. С Грабарем «установили контакт на нейтральных основах». Самую охрану взяли на себя известные Луначарскому люди: инженер Малиновский и товарищ Х (забыл названную фамилию). Суровой критике Л<уначарский> подверг, однако, способ укладки эрмитажных вещей: они-де не могут быть проветриваемы, нумизматические ящики в щелях, через которые высыпаются монеты. — За дни, что я не бывал в Зимнем, я нахожу некоторую перемену. Ятманов прямо держится министром и жалуется на обремененность работой. С возмущением показывал афиши культурно-просветительских пролетарских обществ (я неточно их называю), [подписанные Луначарским и Игнатовым] и возвещающие в выпретенных тонах программу своей деятельности. Ятманов хочет, во всяком случае, эту афишу придержать и не клеить ее на стенах Зимнего дворца, как то повелено. Тут же у него я видел проект декрета, сочиненный Бриком (строчек 30 без подписи), поражающий своим доктринерским жаргоном и «абсолютной пустотой». Искусство-де было угнетаемо буржуазией, а теперь оно должно быть свободным и проч. бурда. Впрочем, с тех пор уже произошло нечто вроде разрыва. Брик в «Новой жизни» отрекся от социализма и больше в Комиссариате не появляется. Это очень показательный симптом. Лариса Рейснер возмущена им. Другой симптом: Мандельбаум собирается уходить, причина — арест кадетов. Я его убедил еще подождать, иначе все развалится. Мандельбаум предупредил Брика об их решении «все представлять сначала на усмотрение Александру Бенуа». Меня такое «изъявление доверия» так поразило, что я не нашелся дать сразу соответствующий отпор и только мягко пожурил Мандельбаума. Я вовсе не хочу, чтоб во мне видели какое-то подобие диктатора. Завтра я вернусь к этому вопросу и более радикально потребую, чтоб моим именем так не козыряли! Тут же М<андельбаум> на деле показал, что он действительно нуждается в моей санкции по двум вопросам, но опять-таки он это так мне

¹ Так в рукописи.

преподнес, что я просто, *sans penser à mal*¹, дал ему желаемые советы. Вопросы, впрочем, вздорные: нужно ли устраивать в январе выставку революционных плакатов (ответ: «Почему же нет?») и можно ли пользоваться услугами Гржебина, которого представили Луначарскому довольно неожиданно в качестве представителя и Зеемана (трехцветника), и Сытина. Явились у Мандельбаума сомнения — после каких-то неблагоприятных намеков Добычиной (всюду она!). Мой ответ: Гржебин, что бы против него ни говорили, во всяком случае, такой ценный, деловитый и деятельный человек, что с его приобретением можно только поздравить Комиссариат. Именно такие люди им нужны, и им их до сих пор недоставало! И действительно, не все ли равно, что Гржебин «аферист» (я лично в этом не удостоверился), — если он и «отбеливает» свои какие-либо дела, раз это не идет во вред тому общественному делу, которое ему поручено². Ведь «им» не хватает главным образом просто талантливых, расторопных, не боящихся хлопот и всяких препятствий [людей]. Но зачем же, зачем так все складывается, что я должен всему такому учить и Гессенов, и Мандельбаумов, и того же Гржебина? Ой, пора вовсе отойти... С другой стороны, какую-то фактическую пользу я все же приношу. Это меня и удерживает... Мой «послужной список» за эти полтора месяца существования большевистской власти как-никак складывается из следующих фактов. Я в первые же дни убедил Верещагина с двумя его помощниками оставаться при Зимнем дворце, и тем самым было сохранено какое-то ядро, не позволившее распозлзтись всему делу охраны художественных памятников, благодаря сохранению этого ядра и другие все комиссары, посаженные по дворцам при Временном правительстве, также остались на местах: в Петергофе, Гатчине, Павловске и в Царском. Благодаря моему же воздействию на Луначарского никакие посторонние организации или лица в Зимнем дворце не поселились, благодаря тому же воздействию Луначарский умерил свою декретоманию в области искусства. Наконец, я служу козлищем отпущения для всех благородно-саботирующих вроде Таманова и т.п. И — как бы то ни было — своим авторитетом подрываю их. И все же это я произвожу «закулисно», не имея политических каких-либо тех

¹ Без злого умысла (*фр.*).

² Так в рукописи.

убеждений¹, которые мне приписываются, а единственно ad majorem gloriam Dei² — бога Аполлона.

У антиквара Чекато меня постигло разочарование. Акварель Giganti в альбоме кн. Яшвиля <?> довольно слабая вещь. Зато недурны вид Флоренции Вассио³ и <вид> Рима Кнебел-рèре⁴. Оба я получил за обещание предоставить хитрому итальяшке эквивалент из своих работ.

К обеду у нас Робьен и Жантиль. О политике совсем не говорили, только Р<обьен> в шуточных тонах рассказал про визит Троцкого <к> Нулансу. Троцкий совсем очаровал посла: «Trotsky a très bien parlé de l'admirable effort fait par la France dans cette guerre. Quant à la paix il ne concluerait qu'une paix d'après la formule socialiste! "Et si les allemands n'en voudront pas?" — "Alors nous leur ferons la guerre à outrance... si nous le pourrons..."»⁵. Последняя фраза особенно порадовала нашего склонного к «веселому сарказму», младенчески розовенького, с острыми глазками приятеля. Про белобрысого M-r Gentil наши дамы решили, que c'est un parfait homme à femmes⁶. — Обед был вкусный.

Бедного Зубова принялись выживать из Гатчины местные организации. «Не хотят графа!» В Петергофе «местная самодеятельность» будто бы выразилась в занятии Большого дворца. Надо будет туда отправить Лукомского...

Вопрос с Украиной затягивается. Официально казаки вступили в Ростов... — Военно-Революционный Комитет переименован в Комиссариат борьбы с контрреволюцией.

Со вчерашнего дня здесь введено осадное положение.

В каких-то газетах, говорят, была угроза Горькому арестом за противодействие политике народных комиссаров. Вполне возможно.

О мирных переговорах какие-то смутные, но тревожные слухи.

¹ Так в рукописи.

² См. прим. 1 на с. 293.

³ Баччо (ит.). Баччо делла Порта — флорентийский живописец.

⁴ Кнебеля-отца (фр.).

⁵ «Троцкий говорил очень тепло о замечательных усилиях, предпринятых Францией в этой войне. Что же касается вопроса о мире, то он заключил бы мир лишь по социалистической формулировке. "А если немцы этого не захотят?" — "Тогда мы будем воевать с ними беспощадно... если это будет в наших силах..."» (фр.).

⁶ Что он истинный дамский угодник (фр.).

Пятница, 8/21 декабря

Днем был в Зимнем дворце. Мельком видел Луначарского. Он был занят диктовкой письма новой хорошенькой переписчице, адресованного Археологическому институту¹. В чем дело, не разобрал, но, кажется, это делается по желанию Петровского, который за последнее время как-то воспрянул и обнаруживает большую самостоятельность. Продолжает ходить слух о том, что Петергофский дворец занят какой-то организацией. — Но, может быть, это старая история и речь идет не о Большом дворце, а об Английском^[264]? Надо кого-нибудь отправить в имение Половцовых под Лугой в <...>², где, говорят, совсем разгромлен великолепный их дворец. Решено туда послать Петровского. В Петергоф — Эрнста. Неоценимые услуги в Гатчине в смысле защиты лично В.П. Зубова оказал латыш-солдат (и социалист) — фамилии не запомнил. — Лариса была вчера в «Новой жизни» и вывела там на чистую воду Брика. Оказывается, там он все время отрекался от Луначарского и вообще от большевиков (даже в тот период, когда в течение нескольких дней он гарцевал в качестве какого-то флигель-адъютанта Анатолия). Стип убежден, что он такую же двойную игру ведет и с Тамановым в Академии художеств. — Верещагин у нас сегодня завтракал. Бедняга совсем раскис. Он люто ненавидит большевиков. Я догадываюсь, что его служба — главным образом *une question d'argent*³. Он выхлопотал себе сегодня какую-то ассигновку от Луначарского... За завтраком завел все ту же старую песенку про войну, про мир, про немецкое засилье, про необходимость разгрома Германии. Ел же милейший с удивительным аппетитом, что доставило Акице особое удовольствие... С ним и с Эрнстом отправились к Александре Николаевне Нарышкиной (верхний этаж ее особняка занимают Половцовы) — взглянуть, по просьбе Аргутинского, на ее картины, которые А<лександра> Н<иколаевна> желала бы продать. На первом месте портрет графа Гурьева, писанный Энгром (Rome — 1826-й, кажется), на фоне пейзажа с виллой и горами (лицо отталкивающее, живопись *слишком* холодная, не совсем хорошего вкуса малиновая подкладка пла-

¹ Так в рукописи.

² Пропуск в рукописи.

³ Вопрос денег (фр.).

ща — но все же это чудесная вещь)^[265]. Кроме того, несколько вялый Герард Доу — «Девушка с попугаем у окна» (у кого-то здесь имеется такая же картинка); банальный Фр. Миерис (бритый старик, готовящийся выпить и закусить селедкой); очень опрятно писанный, но глуповатый по содержанию Дроллинг, 1786 года (спящий разносчик, у которого крестьянин пытается стащить содержимое в корзинке, тем временем как его сынишка с заговорщицким видом уже удаляется); приятный, но несколько чересчур оливковый Воуверман («Стоянка у харчевни» — с неизбежной белой лошадьё); маленький Карло Дольче («Отрок Христос с св. Иосифом и с Марией» — в ширину, фигуры поясные); копия (?) с Гвидо Рени («Le Sommeil de Jesus»¹); своеобразный, достоверный, несколько сухо писанный Тенирс («Христос среди учителей»); плохой Гр□з — «Девушка в окне» (поздний, окромсанный овал); небольшой портрет... Нарышкина — в рост, работы Стр□ли (?), в мальтийской мантии.

Идя оттуда уже в сумерки, любовались с Эрнстом роями галок, вившимися у Эрмитажа. Повстречавшийся нам М.И. Ростовцев, которого я окликнул, тоже удивился этому зрелищу. «С чего это они так?» — «Очевидно, готовятся к пиру!» — «Да-да, нам с вами не миновать; впрочем, я и забыл, это только *мне* угрожает, вы же гарантированы — вы пользуетесь “их” милостью». — «Ну, если дойдет до этого, — то мы вместе», — были мои заключительные слова этого курьезного диалога. Вся картина этой встречи врезалась мне в память: и кружащиеся галки над нами, и калмыцкое хитренькое и печальное, снизу вверх на меня поглядывающее личико Михаила Ивановича, и его приземистая фигурка, и шпиль Крепости по ту сторону белого поля Невы, и печальный петербургский горизонт... И ведь действительно, этот милый человек воображает, что я пользуюсь большевистской милостью!

К обеду у нас англичане: Линтот, уезжающий в четверг, и Брукс. Кроме того, Стип... Запоздавший на целых три четверти часа обед, приготовленный самой Акицей, был превкусный, но скука царила на сей раз адская — и до обеда, и после. Общая усталость, ломаный язык (вначале я еще пытался говорить по-английски, но затем съзжал на французский, причем заражаясь его коверканьем от своих гостей), утомление от того,

¹ «Сон Иисуса» (фр.).

что я употребляю чрезвычайные усилия во избежание мертвых пауз или чтоб не услышать от них слишком больших глупостей о «бошах» и т.п. (и то обезьянка Брукс вырвался из-под моей опеки и стал нести Акице ужасную чушь, причем были повторены уже слышанные от Бруса анекдоты, рисующие глупость гуннов). Был среди «наших» англичан один остроумный и интересный человек — Хьюг Вальполь, но его сочли почему-то нужным убрать. (Линтот *сам* убирается.) Не потому ли убрали, что положение посольств здесь становится опасным? И Робьен стал сомневаться, нужно ли ему выписывать сюда свою жену, а Брус совсем мрачно смотрит на ближайшее будущее. Уж не заговорило ли в нем подозрение, что для «мотивированного захвата» чего-либо (для постоянной военной базы) — ну, скажем, Архангельска — его правительство сочтет полезным, чтоб произошел какой-либо «погромчик» со многими, и избранными, жертвами в красном доме у Троицкого моста? — Среди беседы, к которой подоспели Платер и Эрнст, вдруг в одиннадцать с половиной погасло электричество. Линтот обещал моей жене оставить свои запасы корнбифа¹ и сахара.

У Леонтия вчера разгромили-таки его погреб, после чего громившие солдаты имели цинизм и наглость подняться к ним и просить «на чай за работу»! Кроме того, они унесли с собой целых и полных пятнадцать бутылок — швейцар помог им укладывать в ящик.

Суббота, 9/22 декабря

Еще валяясь в постели, прочел в «Нашем веке» очень грозные для нас, «буржуев», да и не только для нас, сообщения. 1) В Кронштадте вводится общая (для мужчин с 18 до 50 лет) охранная повинность. 2) Народный комиссариат по просвещению собирается раскассировать старшие классы гимназий, а учительский персонал отправить в деревню! Возможно, что эти слухи ложны и являются провокацией кадетов, но не исключена возможность, что нечто подобное намечается и в самом деле... В «Известиях» разоблачается какая-то путаная история с доставкой военных автомобилей на Дон (вместо Румынского фронта), причем в этом контрреволюционном деле

¹ От *англ.* cornbeef — солонины.

замешано Американское посольство. Речь Троцкого (в захваченном третьего дня Александринском театре) отличается очень крепким и даже прямо воинственным тоном — по адресу «союзников». О Каледине ничего положительного не сообщается. В Москве осадное положение и предварительная цензура. С Радой отношения не улучшатся после того, что здесь арестованы украинцы. Ну, словом, Беллона^[266] по-прежнему властвует во всем мире. В «Вечерней почте» уже говорится о передаче шести министерских портфелей эсерам. По городу ходит упорный слух, что Учредительное Собрание (вновь?) откроется на той неделе, и в каком-то диком сочетании с этим ползут слухи о том, что уже здесь находятся три немецкие дивизии и что на днях произойдет «оккупация Петрограда», что немецкий главный штаб уже заседает в Еленинском институте (по другим сведениям — в Ксеньинском)^[267]. И часто те же люди, которые возлагают последние надежды на Учредительное Собрание, возлагают теперь самые розовые надежды на эту оккупацию...

Акица заставила меня себя сопровождать в Азовский банк, чтоб узнать толком о подоходном налоге и если возможно, то там же его внести. Однако, уже дойдя до дверей банка, я почувствовал такое отвращение оттого, что придется говорить о вещах, в которых я ровно ничего не понимаю, и оттого, что А.И. Каминька может меня встретить *avec un visage de bois*¹ — за мое «отступничество» (от «Речи»), — что я заставил бедную мою обожаемую повернуть обратно. Идя пешком по лютому ледяному ветру, мы оба совсем было раскапризничались. Решили внести налог в ближайшую от нас сберегательную кассу (Акица узнала, что это возможно). Как странно — в этом учреждении нет никакой военной охраны. А между тем счета так и щелкают, и суммы очень большие лежат кучами на виду у всех. Довольно вежливый юноша (редкость), сидящий у приема подоходного налога, не мог, однако, помочь нам выяснить, нужно ли теперь же внести и «единовременный» (что-то в том грозном декрете говорилось и о нем), — им-де на этот счет не дано никаких распоряжений. То же и относительно штрафа за просрочку. Взял он с нас, справившись по табличке, не 3131 руб., как это высчитал Акорочко, а 3332 руб. Квитанция

¹ *Здесь: с каменным лицом (фр.).*

как-никак получена, и от сердца отлегло*. — Днем с Акицей ходили к Н.Ф. Обер. Акица купила у нее превосходную статуэтку (несомненный «портрет») сидящей собаки (к сожалению, гипс), а я снова несколько книг. Пришел туда и Коля Лансере, который вручил Н<аталье> Ф<ранцевне> злополучные 300 руб. доплаты за группу шимпанзе, из-за которой вышло столь неприятное для бедного Артюра недоразумение. Возвращаясь оттуда, видели зияющие бреши в Владимирском училище^[268] (на двух его фасадах). — Улицы оживлены, и вид у них вообще нормальный. Хвостов у лавок как будто меньше. Стрельбы не слышали. — К обеду замерзший у себя на квартире (которую он, одинокий, плохо протапливает) Стип, Борис Попов, очень огорченный тем, что заказ Народного дома, видимо, расстроится, и, к самому концу, Аллегри, принесший склеенную им макетку «Петрушки» для сцены Мариинского театра. Ко вторнику я должен ему приготовить детали портала, и тогда он сразу примется за живописную работу. К чаю явились еще Аргутинский, Эрнст и Замирайло. Кока занят рисованием программы для какого-то вечера в гимназии Мая. Леля в большой эмоции из-за выставки, устроенной у них в Гагаринской школе. — Увы, и сегодня электричество, вместо того чтоб гореть всю ночь, как это полагалось за последние недели, погасло в половине первого. — Акицу раздражает подхалимство, неопрятность и упрямство кухарки Тэклы.

Воскресенье, 10/23 декабря

После долгого перерыва разболелось левое ухо (очевидно, я его неосторожно дернул во время утреннего вытирания), но мазь доктора Богданова-Березовского помогла, боль постепенно утихла. В «Известиях» речь Троцкого, про которого еще вчера Коля Лансере рассказывал со слов Юры А<рцыбушева>. Характерно, что слова о мире вызвали бурную овацию, но заключительные слова: «Тогда мы все пойдем, как один человек» — не нашли никакого отклика. А тому¹, что «придется всем пойти», пожалуй, не миновать. Ведь немцы не примут тех

* Многие наши знакомые ничего не внесли и поддразнивали нас за нашу пугливую поспешность.

¹ Так в рукописи.

фантастических пяти пунктов^[269], которые им предлагают эмиссары «народного правительства». Однако что это вообще все значит? Теперь, видно, и Троцкий после всех запугиваний «союзников» увидел, что он у них в когтях (японские крейсера во Владивостоке)! В таком случае начинается «политика каботинажа», потрясающая оружием Брамарбаса^[270]. Лишь бы спасти свою *личную* «честь». Значит, и он не герой, не спаситель, готовый на все жертвы и на то, чтоб взять на себя позор уступок, только бы уберечь страну от дальнейшего кровопролития и разорения. В расставленную ловушку Советы забрались так далеко, что им оттуда так просто не выбраться. Если же катастрофа надвинется слишком близко, то всегда останется возможность, задрапировавшись в благородство, куда-то исчезнуть... В «Известиях» сообщается, что на Каледина в тыл движется стотысячный кавалерийский фронт. Это пахнет блефом. У Харькова кровопролитный бой с украинцами. Исход неизвестен.

Днем мы всей семьей на выставке работ учеников в школе Гагариной. На лестнице повстречался со сбегавшим по ступеням Бриком — однако мы «друг друга не узнали». Среди работ по-прежнему выделяются рисунки Лелички, Милашевского и Домрачева (*un peu trop de parti-pris*¹), натюрморты Флоры Шульц (череп лошади и чиж), Феликса Шлипса (глиняный сосуд с рыбками), Баржанского (стакан и блюдо с вишнями); подают надежды юные Акимов и Черкесов. Масса народу. Явился и милейший Брукс, приведший своего приятеля Кюнарда (великолепный джентльмен с моноклем в глазу) и мой братец Леонтий. Но последний остался недоволен. «Не умеют писать» — другого от поклонника Лефевров, Бугеро и Дегийома нечего и ожидать. Наконец, совершенно неожиданно появился Стип под ручку с Марфой Андреевной. А как же развод? Эрнст шепнул мне на ухо: «Я уверен, что это полная реставрация». Я после выставки, благо недалеко, зашел еще к Аллегри взять свой эскиз «Петрушки».

По улицам расклеен Приказ □ 3 Финляндского (Кексгольмского?) полка, снова повторяющий чепуху про спаивающую народ буржуазию. Приглашение к погрому? Обысков, во всяком <случае>, можно ожидать. Наши девочки были на вечеринке в школе.

¹ Слишком предвзято (*фр.*).

Понедельник, 11/24 декабря

Утром отправил с Атей (и в сопровождении Моти) письмо с поклонами Линтоту, который им, по уговору, вручил массу солонины и немного сахара. — По поводу нежелания Атечки вылезать из кровати (они вчера из-за их вечеринки поздно легли, целая история) Акица даже проявила нечто вроде гнева, и послышались даже обвинения в «буржуазной лени». Потом все обошлось, и моей обожаемой стало жалко дочку, хоть бранила она ее и за дело.

К часу дня похороны Marie Fuhrmann¹, рожд. Марии Леонтьевны Бенуа. Это единственная дочь (кроме того, были два сына) моего дяди Лулу, рожденного вместе с (XIX) веком. Она была замужем за Борисом Егоровичем Фурманом, папиным помощником, очень посредственным строителем, превратившимся впоследствии в зажиточного финансиста. Выйдя замуж за Фурмана, она стала мачехой детей от его первого брака, но вполне заменила им мать. Старший сын Фурмана, Эммануил Борисович, ныне наш домашний врач. Я этой своей кузины не видал лет тридцать, но сохранил, благодаря остроте детских воспоминаний, вполне отчетливое о ней представление. И тогда уже она была немолодой, засидевшейся девушкой (замужней я Мари просто не помню), склонной к полноте, с красноватым лицом, с воспаленными глазами за очень резкими очками. Она была где-то учительницей, и, кажется, как раз это обстоятельство (вместе с очками) особенно в ней мне не нравилось. Но все отзывы о ней рисуют ее как в высшей степени сердечную и добрую женщину.

Лютеранская церковь Annenkirche^{2[271]} (когда Мари перешла в лютеранство — по отцу она должна была быть католичкой, — я не знаю) поразила нас обоих (Акицу и меня) своей удивительной опрятностью, культурностью (мы в ней не были, кажется, с самой конфирмации Акицы); милая и несколько <нрзб.> архитектора Фельтена, приятный «благоразумный» порядок, тактичная, без лишнего пафоса речь пастора на подходящий текст Священного Писания. У меня даже промелькнула мысль, что Акица, пожалуй, напрасно перешла в католи-

¹ Мари Фурман (фр.).

² Церковь Св. Анны (нем.).

чество, с которым она все же так и *не сжилась*. Здесь же она могла бы временами иметь хорошую духовную поддержку. И стихи, которые пелись хором всеми присутствующими, были очень хорошие, пожалуй, самого Лютера — наивные, крепкие — как раз чему восхищается Jean Christophe. Даже некоторая трезвость (Nüchternheit) всего этого воспринимается как здоровая и освежающая атмосфера и пища. Особенно после всей той духовной голодовки, в которой мы пребываем уже четвертый год благодаря бесовскому пиршеству войны.

Идучи за гробом, повидался с братьями. Альбер жалуется на глухоту; он саботажничает в своих местах службы, жалуется на разорение; поддерживают только отдельные продажи случайным любителям, «помещающим» свои деньги в художественное коллекционирование. Миша был очень ласков с Акицей. Как раз сегодня годовщина того злополучного обеда у него, за которым наша Атечка накричала на своего дядю Леонтия: «Кровопийцы!» и т.д. Годовщина папочкиной смерти (в 1898 году), но как-то странно, никто об этом не упомянул. — Идти за гробом было мучительно: ледяной ветер, густой снег под ногами (за эти дни накопилось его чрезвычайно много — особенно на казенных местах, где его не сгребают). На углу Невского и Литейного простились с овдовевшим Борисом Егоровичем и повернули домой. До Гостиного шли с Альбером, от угла Морской удалось влезть в битком набитый трамвай.

Забыл записать, что вчера состоялось заседание домового комитета (в нижнем этаже нашего дома, в опустевшей лавке шерстяных изделий Фюрстера). Дворник нас предупредил, что хозяйка дома просит квартирантов взять на себя разницу, получившуюся от увеличения жалованья дворникам — согласно постановлению стачечного комитета. Мы вошли в положение г-жи П□ль и согласились. Тут же Дементий Иванович (старший дворник) заявил, что он с января больше не станет нести сторожевую службу (а разве он ее нес за последние месяцы? Парадная была всю ночь открыта, входил кто хочет!). Мы решили вместе с хитроватым добряком Федоровским (нашим соседом снизу) предоставить себя воле Божьей и ограничиться тем, чтоб повесить у входных дверей, но внутри, колокол, — чтоб в случае необходимости зазвонить тревогу. Авось не представится случай.

В вечерней газете «Новости» (маскированный «Биржевик»?)^[272] характерный фельетон с эстетическими претензиями некоего Пильского (говорят, бывший эсдек), в котором с разными ужимками уготовляется путь для торжества футуристов. Типично, что такая статья появляется в «буржуазной» прессе...

Вторник, 12 / 25 декабря

Хоть в «Правде» и трубят победу над калединцами в Белгороде, однако это сказано как-то неубедительно. Большое значение придается письму (действительно характерному) Алексеева Милюкову о Корнилове и о вовлеченных в заговор генералах. <нрзб.> к нему, уже арестованы Вышнеградский и Путилов. О мирных переговорах ни гу-гу. Но учреждается комиссия по обороне, и переговоры переносятся из Бреста в Стокгольм! (Разве в Бресте они прерваны?) Предоставление портфель левым эсерам как будто свидетельствует об известной поколебленности правительства народных комиссаров^[273]. С изумлением прочел, что дворцы и музеи выделены в отдельный Комиссариат и оный возглавлен каким-то Измайловским (какое легкомыслие!). А еще вчера Эрнст, побывавший в Зимнем дворце, ничего об этом не слышал. Как же теперь дальше? Надо будет самому поехать за справками, но я не выхожу из-за уха, которое после вчерашнего блуждания по ветру снова дает себя очень чувствовать. Телефон же стал совсем «невменяемым». — В Харбине, видно, неладно, ибо иначе не предоставили бы там дискреционную власть какому-то большевику.

Утром я наконец кончил новый портал для «Петрушки». Потом по просьбе Муси Ждановой (из Художественного театра) нарисовал ей новый костюм Мирандолины (к возобновлению моей «Хозяйки гостиницы»)^[274]. Заодно написал и М.А. Дурасовой запоздалый ответ на ее милое письмо. Спрашиваю ее, почему не она получила роль Мирандолины. Я продолжаю верить в ее талант и в своем письме стараюсь пробудить ее волю к деятельности, к поискам новых путей. Однако в душе я уже усомнился в том, обладает ли она «подлинной одержимостью» и настоящим призванием. Просто то хорошее, что всех так поразило в «Сверчке»^[275], шло от ее молодости и искренности...

Днем был Н. Купреянов, превратившийся в шелкающего шпорами вольноопределяющегося (был он и пажом, и юнке-

ром). Узнав, что он нуждается, купил у него несколько его гравюр. Он талантлив. Приходил просить работы в Комиссариате (он считал, что все еще действует комиссия Головина). Я ему растолковал, что имею лишь далекое к этому касательство. — Приглашение на чашку чаю от бельгийского посланника.

К обеду Добычина — без мужа, которого в последний момент отозвали в домовый комитет на принятие мер по поводу ожидающегося в четверг полного прекращения выдачи хлеба. — Все пребывание милейшей Надежды Евсеевны у нас было сплошной «истерикой». Наш отечественный Дюран-Рюэль в юбке (в то же время она не прочь сойти за внучку «бабушки русской революции») обозрела штук пятнадцать моих папок с этюдами и отобрала из них вещей тысяч на пятнадцать (всех их сразу я не дам). При этом она без умолку болтала на всевозможные темы, хихикала, отливала не пули, а то и целые монументы <?> всякого несуразного вздора, хвалилась победами на общественном и на политическом фронтах, хвасталась и своими победами «как женщина», конфузилась, дерзила, хамила и т.д. И все же она теперь стала куда сноснее, чем прежде. Видно, свыклась с нами и вообще внутри чуть успокоилась. — Неожиданно заявила, что она хоть и еврейка, а терпеть не может евреев (новый тон), и тут же — что Троцкий из *дурной* еврейской семьи (значит, бывают и *хорошие* еврейские семьи), что его дети учатся в одном детском саду с ее Даничкой и на днях явились с «конфискованными» сигарами (!). Рассказывала еще, как ее чуть было не ограбили павловские солдаты (из соседней казармы) и с каким хладнокровием она их встретила. Все же спас ее окончательно случайно подошедший какой-то «вернувшийся эмигрант», с которым она чуть что не была когда-то в ссылке! И вдруг выпад по адресу невежественных «меценатов», которых она презирает, но продолжает *учить*. Далее — разоблачения насчет Бродского и Бориса Григорьева. Оба отчаянные игроки и спускают в карты все, что зарабатывают, — спускают иногда тем же покупателям своих картин. Григорьев, кроме того, сильно пьет! Шеголяла Добычина и тем, где и как она меня защищает от всяких нападков и обвинений, кому и при каких обстоятельствах она «вдалбливала», что я «выше всех прочих художников России» (в ее восторгах от меня немало и настоящего убеждения и искренности). За обедом она рассказала, как сегодня днем видела из окон квар-

тиры своего дантиста на Гороховой, как расстреляли четырех грабителей. Замечательно, что [она], несмотря на всякие охи и ахи, видимо, перенесла это зрелище спокойно, даже равнодушно. Впрочем, и мы, слушатели, при этом рассказе с необычайным удовольствием продолжали наслаждаться уплетанием рябчиков.

К <...>¹ часам пришли брат Миша (с окороком), дочка его Кика и Эрнст. Кика выходит замуж за архитектора Баумгартена (не Евгения). Луначарский (Эрнст его сегодня видел) утверждает, что назначение Измайловского не имеет значения; он только «для видимости» будет подписывать бумаги. Добычина покатила со смеху, услышав, что отец ее подруги юности (и опять-таки компаньонки по ссылке) ныне сверхдиректор всех музеев. Кике я подарил маленький серенький этюд парижской Notre Dame.

Среда, 13/26 декабря

Бедного Ореста (Аллегри) я огорошил, прочтя в «Известиях», что Батюшков и Бертенсон отставлены от должности. А он и без того был расстроен тем, что все еще не может приступить к работе над «Петрушкой», так как мастерскую продолжает занимать Шервашидзе. А обе другие казенные мастерские заняты А.Я. Головиным. Впрочем, он уже слышал мельком в театре, что на место директора метит Мейерхольд при благосклонной поддержке режиссера Рудакова (?). Это очень может быть, и возможно, что Луначарский, обрадовавшись новому «Сретению», сразу сдаст эту позицию. Однако стоит ли тут горевать? По поводу ухода Батюшкова, во всяком случае, не стоит — его назначение было совершенным недоразумением. Но и назначение Мейерхольда только означало бы более ускоренную разруху. Это почти *соблазнительно*: «чем хуже, тем лучше», или «туда и дорога». Вот нам с Аллегри может не поздоровиться. Аллегри хочет завтра же пойти в контору и выяснить, а в случае надобности попросить расторгнуть договор.

Днем — Сувчинский, приехавший специально для того, чтоб уговорить меня написать что-либо для второго номера «Мелоса»^[276]. Я и на сей раз ничего не мог обещать. Однако

¹ Пропуск в рукописи.

меня немного взбудрило то, что он мне рассказал о какой-то статье Зиночки Гиппиус (Антон Крайнего) в «Вечернем звоне»^[277], до сих пор мне не попадавшемся. Сивилла корит там всех литераторов (и меня в том числе) за то, что мы съежились; называет нас «людишками». Может быть, прочтение этой статьи послужит мне допингом и побудит прервать молчание, поставит и самый спор на конкретную почву. На ту же тему (что мне писать? как прервать молчание?) у меня был бесконечный, при свете одной сломанной лампы, разговор с Тихоновым, приехавшим, по нынешним понятиям, поздно — в 10 ч. Я всячески объяснял ему, что главной помехой для моего выступления является то, что нет во мне такой мысли, которая сейчас же не стала <бы> «закручиваться» или «расщепляться». О чем бы я ни начал писать, все во время процесса писания принимает какой-то неожиданный и противуречивый оборот. Ну хотя бы, в частности, о театрах или вообще о художественном строительстве. Меня тошнит от прежнего, меня еще больше тошнит от того, что дала революция, и я *ничего* не ожидаю от теперешних обстоятельств с их навязанными обязательными лозунгами, которые неминуемо приведут к триумфу пошлости и всякой бездарщины. Другого средства для успешного художественного творчества в широком государственном (а тем более «демократическом») объеме нет, как <только> единоличное начало. И вот стоит мне попасть на эту дорогу, как тотчас же, оглядываясь на факты, понимаю, что такие мечты *не могут* быть осуществлены. И тогда — надежды, воля к творчеству, к строительству сменяются во мне отчаянием и, что хуже всего, каким-то *благословением* отчаяния. То, что мне за минуту <до этого> представлялось живым творчеством, уже представляется лишь какой-то гальванизацией трупа. Я знаю, мне и Дягилеву удались бы и сейчас подобные гальванизации; еще на время «дорогой покойник» мог бы оказаться живым, но все же эта иллюзия продолжалась бы недолго. Так не лучше ли тогда *полная* смерть, полная разруха, полное столпотворение, пусть даже те же футуристы, а там: «Und neues Leben blüht auf den Ruinen»¹? Но это уже вне всяких пределов нашего осознания момента и наших предвидений... Забавный анекдот рассказал Тихонов о Ленине (об ораторской неотрази-

¹ И расцветет новая жизнь на развалинах (*нем.*).

мости его он тоже много и убежденно говорил) — как Ленин в Стокгольме попросил их общего приятеля свести его в музей, «но так, чтоб товарищи не узнали». Вообще же, для Ленина искусство есть нечто чужое и для социалиста скорее ненужное, а то и запретное — как всякая роскошь. И вот это мне, скорее, *нравится*. Лучше всего не касаться искусства, нежели представляться, будто благоволишь ему. Мерзость разных прихвостней, вроде Бриков и *tutti quanti*, заключается именно в том, что они *совсем не ведают*, что такое искусство, а горланят, а трещат об его *освобождении*, вгоняя его в то же время в сугубое, самое пагубное из рабств. Никогда искусство (настоящее, вдохновенное искусство) не было рабом, это всегда было скорее одно из проявлений человеческой *свободы*. Шедевра не создать из-под палки и «нарочно», «умышленно» — хотя бы под шпицрутенами целой демократической организации, хотя бы при самых трескучих воззваниях. В момент высшего проявления абсолютизма — в век Людовика XIV — рабовладельцем, в сущности, было искусство, а не наоборот. *Все было подчинено искусству*. Художественное творчество в своем увлечении идеей богочеловека, короля-солнца создало из марионетки громадную, великолепную фигуру и придало ему значение (для пущей важности) своего покровителя и поощрителя. Беда в том, что не все деспоты так просвещенны, так чутки к искусству, как был Луи Каторз¹. Когда же деспоты принимаются *учить* — там, <где> им следует самим учиться, — то получается нечто жалкое... И вот сейчас монарх-народ собирается вмешиваться в художественную жизнь. Однако всего мне здесь не пересказать из того, что мне тогда, в беседе с Тихоновым, длившейся до двух часов <ночи>, приходило на ум. К тому же это была импровизация, и, как всегда бывает в импровизациях, кое-какие «крупницы истины» тонут в потоках парадоксов...

Тихонов думает, что Смольному несдобровать с анархистами, которые все более поднимают голову и даже терроризируют самого Ленина! Впрочем, Т<ихонов> только что получил известие о весьма приемлемых условиях мира немцев (они согласны с лозунгами Советов, но в том случае, если «союзники» действительно к ним присоединятся). А если мир будет

¹ От фр. Louis Quatorze — Людовик Четырнадцатый.

заключен, то большевики (сами себя считающие обреченными) усидят еще несколько месяцев. А что дальше будет, неизвестно. Тихонов, во всяком случае, еще не утратил вполне своего оптимизма. В заключение пригласил меня обедать во вторник к Горькому, которого «очень потрепала Москва», от чего <он> сейчас «отходит».

Днем М-г Avenard¹. Читал мне сочиненный им манифест французской колонии. Придравшись к тому, что несколько раз упомянуто у него слово *alliés*², я высказал ему откровенно свою точку зрения, аполитичную и гуманитарную, отмежеванную от какой-либо политической программы интернационалистов, к которым он меня вздумал причислить. К сожалению, я ужасно путал, не находил слов. Разучился говорить по-французски?

Четверг, 14/27 декабря

Вчера Тихонов рассказывал об усилении анархического движения и о том, что смольные правители уже терроризированы критикой и воззваниями тех, кто левее их. Сегодня в «Дне» сценка на фабрике между рабочими квалифицированными и «черными» — как раз написана совсем согласно с этим рассказом и, очевидно, *с натуры*. — Днем Чекато. Он пришел, чтоб получить что-либо из моих вещей за те итальянские акварели, которые я у него «купил». Он остановил свой выбор на (оцененной в 800 руб.) гравюре, изображающей Александра I, кормящего кур в царскосельском «Адмиралтействе», — вещь, которая была как раз отложена для отправки Добычиной. От него узнал, что банки секвестрированы. Вчера он посетил Вел. Княгиню Елизавету Маврикиевну, которая, узнав, что он знаком со мной, обращается ко мне с просьбой, чтоб Художественная комиссия не отбирала у нее последнего имущества. При чем я тут? Что вообще за чепуха творится у меня за спиной? Какие ходят вздорные (и сколь компрометантные) слухи! Что только не приписывается моему могуществу «благодаря связи с большевиками»! Вообще же, она готова даром отдать все, и даже из вещей благоприобретенных, — лишь бы

¹ Г-н Авенар (фр.).

² Союзники (фр.).

им было разрешено распорядиться остальным. Она и ее сыновья живут на положении нищих...

Позже я от Сувчинского в театре узнал подробности о банках. Еще вчера какой-то знакомый банкир уверял, что все тревоги в этой области лишены основания, и не советовал брать деньги из сейфа! Продолжает ходить слух, что А.И. Вышнеградский уже арестован. — На улицах спокойно (я и в театр отправился больше для того, чтоб посмотреть, «что творится»). Возвращаясь, слышал в направлении Адмиралтейства три гулких выстрела и, подходя уже к дому, два выстрела со стороны Биржи, но на это не обращаешь теперь никакого внимания. Спектакль (премьера возобновленной «Снегурочки») прошел тускло, вяло. Публика серая, пожалуй, можно сказать: интеллигентски-кадетская. Речей перед занавесом, как это теперь иногда водится, не было. — Встретил «уволненного» Бертенсона. Он чувствует себя героем; ждет ареста, уверен, что все эти меры Луначарского приняты по наущению Мейерхольда. Стал даже очень пространно рассказывать про интригу, в которой участвуют: Черкасская, Малько, машинист Граф, одна артистка Александринского театра и Беспалов, — но я, признаться, слушал рассеянно, ибо вообще плохо разбираюсь в этой возне разных недотыкомков. Вс□ же «Петрушку» они поставят; уверен в поддержке всей труппы, которая заявила Батюшкову, что она его не оставит и даже «готова его кормить своим трудом» — до того дойдет. Я не утерпел и предложил этому легкомысленному оптимисту вопрос: надолго ли этого хватит? Встретил и Зилоти. У него, несмотря на все его уверения, что он «разобьет все морды», очень увядший и прямо жалкий вид. Постановка (декорации и костюмы) Коровина очень серая, тусклая, никакой поэзии. Сувчинский и Асафьев настаивают, чтоб я написал об этом. Однако я совсем ослабел, совсем утратил веру в то, что могу связно о чем-либо высказаться. — В ложе у Сувчинского был Мясковский. И после этого личного контакта я «не очень в него поверил». Что-то капризно-развинченное и какое-то высокомерие. Я не ощущаю в нем «подлинного художника», зато — большое тяготение к «эстетическому восприятию мира».

Акица ездила сегодня в Казначейство справляться насчет единовременного налога. Со смехом потом рассказывала об этой типично расейской трущобе.

Пятница, 15/28 декабря

В «Известиях» декрет о национализации частных банков и о ревизии сейфов. Что это — вящий дилетантизм, кризис безумия, провокация или подготовка развала перед полной отдачей государства немцам (последнему комментарию меньше всего верю, однако вообще это излюбленное толкование)? В «Известиях» статья о Раде, которая обвиняется в союзе с французским правительством. Почему-то забыл вчера записать, что пункты немцев опубликованы, и это мне представляется весьма приемлемым, — об этом уже сообщил Тихонов. Передовица «Дня» кончается словами: «Хочется верить, что войне нанесен смертельный удар!» Тоже пахали <?>.

К завтраку Стип. У него оказались два превосходных рисунка Чернышева, которые Платер предназначил Аргутинскому, но я их выпросил себе (по секрету). — От банковских декретов Стип в восторге! Днем на осмотре аукциона, устроенного Платером в Общ<естве> поощрения. В сущности, дребедень, но кое-какие гравюры и книжки мне быгодились. Зашел по соседству на Передвижную. Репинские «Бурлаки» — точно пародия на собственный его знаменитый шедевр. Написана картина в той же «мусольной» технике, в которой работают его сын Юрий или Савинов. Вместо холста — какая-то обойная материя, местами просвечивающая. Типично для репинского оппортунизма название: «Быдло империализма». Портреты совсем слабые; лучше других Реми — но вовсе не похож. И все же Репин бесконечно выше всего остального... Кое-какие успехи сделал Александр Маковский (sic!), и что-то хорошее, но не совсем настоящее у Саши Скалона (в образе Охотника он как будто изобразил брата Николая — моего друга). Стип настаивает, чтоб я завтра пришел на заседание Общества поощрения и в качестве действительного члена Общества помог бы ему и Степанову бороться с учительским составом, который не согласен передать школу ученической группе. Непременно пойду... — В художественной лавке на 1-й линии, где я покупаю бумагу (стоила до войны 1 руб. 80 коп., теперь — 8 руб. 50 коп.), мне сказали, что появился немецкий товар, но я думаю, что это остатки прежних запасов. — К обеде Стип и Эрнст, позже Замирайло, Аргутинский и Коля Лансере с двумя своими beau-frère'ами. Аргутон про мирные пере-

говоры говорит совсем в стиле «Дня», за что ему попало от Акицы. Но дурень Замирайло на сей раз с ним заодно. — Продолжаю чтение «Jean Christophe». Кончил трогательный <?> роман «Antoinette»¹, начал «Dans la maison»². Многое в «парижской» серии мне гораздо менее по душе, нежели в первых томах. Сам Romain Rolland не так приятен, как хотелось бы. Поза на святого человека, и я не переношу его «национализма»... Характерно, что, кроме французов и немцев, для него на свете никто не существует!

Суббота, 16/29 декабря

У Акицы что-то с желудком — 39,5°. Не отравилась ли рыбой? Пришлось ехать одному к Claude Anet — он живет в двух шагах от Аргутона и рядом с Павловскими казармами (и с домом, в котором «бюро» Добычиной). Обед был (для француза) очень средний; беседа скучнейшая, все на политические темы. Я умышленно держался общих мест, ибо нельзя спорить с таким ограниченным и уж слишком узкофранцузским господином, как Анэ, тем более в присутствии еще Аргутона и юной (очень хорошенькой) блондинки, состоящей при Анэ на положении секретарши. Анэ из всех сил старался выявить свою непримиримую ненависть к бошам. Окончательно я почувствовал себя скверно, когда явился еще один россиянин нововременского толка, с которым М-ше Бибергалл (?) и упорхнула — в соседние казармы, где она, по словам Анэ, агитирует среди солдат (какие же теперь порядки? Я, впрочем, все забываю, что *порядков*-то и нет). После их ухода беседа потекла по безмятежному руслу коллекционерских сувениров, гипотез, интриг, подкопов и т.п. Длинный рассказ Анэ о каком-то золотом сасанидском (?) льве (очень маленького размера), найденном им в Дагестане еще до войны. — В «Известиях» статья Троцкого. От него Анэ в восторге, хотя Троцкий лично его все еще не принял. C'est un homme d'énormement d'esprit³. Он слышал как раз [эту] речь в Александринском театре. Барышня

¹ «Антуанетта» (фр.) — название шестой книги романа Р. Роллана «Жан-Кристоф».

² «В доме» (фр.) — название седьмой книги романа Р. Роллана «Жан-Кристоф».

³ Это человек исключительно остроумный (фр.).

очень старалась доказать свою проницательность. Нет, она не поддастся подлостям и лукавым утайкам немецких предложений! И подумать, *все дамы* нашего круга, за редкими исключениями, так же мыслят; «идея реванша» ныне уже зародилась. Ох, собственные могильщики!

Днем пробовал писать «ответ» А. Крайнему, но жестоко мешала слишком громкая и длительная музыка, доносившаяся снизу от Федоровских (я уничтожил бы все рояли в домашнем обиходе). Из-за Акицыной болезни совсем позабыл о просьбе Стипа прийти на заседание в Общество поощрения.

Воскресенье, 17/30 декабря

Акица совсем поправилась, однако к Дестрэ не решилась ехать. Странное у меня сегодня получилось впечатление от улицы. Уже празднование 1 Мая было бледным отголоском торжественного погребения «жертв революции»; совершенно же тусклым вышло нынешнее мирное торжество. Впрочем, я сужу только по тому, что часов в 11 утра я видел из окна: колонны рабочих и солдат, направлявшиеся со знаменами и с песнями к Марсову полю, и просто улицы на протяжении от Морской до Потемкинской и оттуда — до дому. Но и этого достаточно, чтоб познать сегодняшнюю «физиономию города»: насупленную, угрюмую, без тени чего-либо радостного. То же констатировал и Стип, чуткости которого я очень доверяю. Мне представилось все точно притаившимся, точно готовящимся к близкой расправе. Но какой? С какой стороны? Или это за-таилась паника перед надвигающимся голодом или перед зреющей «контрреволюцией»? Так ли, однако, верят в нее те, которые больше всех о ней кричат и всех пугают? Или тут действует ощущение *запоздалости* мира, который теперь уже не может спасти страну от полного оскудения, и одновременно это были бы плоды травли правых «воинствующих» элементов, которые взвалют теперь всю вину на пролетариат и на большевиков — с больной головы на здоровую, вернее, на полубольную. Рабочие несли знамена с надписями: «Красный террор саботажникам». Шейхель рассказывал, что его, глядевшего на проходившую колонну с панели, один из манифестантов окрикнул: «Вот погоди, проклятый саботажник, доберемся до тебя — чего не идешь с нами?» Характерно и то, что на улицах было вооб-

ще меньше народу, нежели обыкновенно, и это особенно бросалось в глаза благодаря отсутствию трамваев и крайне редким извозчикам и автомобилям. Невский имел такой вид, какой у него бывает очень рано утром. Едучи (за 6 руб. до Дворцового моста) от Дестрэ, я встречал только одних солдат и баб. Многие бредут с узлами. Сравнительно с другими днями — мало матросов. Значительный митинг собрался у Александровской колонны, небольшая кучка стояла и у Летнего сада, но это не может идти ни в какое сравнение с тем, что было в марте и в июне. Устали? Надоело? Или это как-никак ощущение, что главное дело сделано, война кончилась, а теперь хотя бы царь или немец? Тот же Шейхель видел, как у Лермонтовского переулка навстречу путиловцам выбежала толпа австрийцев, которые стали обниматься с нашими при криках «ура!» и возгласах «Да здравствуют братья — австрийцы, русские!». И сам я не ощущаю радости от мира, на сей раз как будто несомненного.

На аукцион, устроенный Платером, пришло много народу. Мало знакомых. Я намеревался купить две очень типичные для Второй Империи раскрашенные литографии Com<p>te-Calix'a и Barote¹, но они пошли слишком дорого — по 200 руб. Зато мне удалось купить две гравюры Zucchi² (итальянские виллы XVIII в.), прелестный маленький эльзевир^[278] (исследование о государственном устройстве Венеции — милейший А.А. Ильин мне позавидовал); Œuvre³ Перье и Фонена — кипсэк⁴ в прелестном переплете. Но Brillat-Savarin⁵ с иллюстрациями Бертана перехватил Костя Сомов (он сидел рядом с его закадычным другом — юным Лукьяновым).

До Дестрэ, поселившихся в квартире Оливов, плелся пешком. На Пантелеймон<ов>ской попытался взять извозчика, но он заломил до Потемкинской 10 руб.! — Сам Дестрэ имеет что-то общее с Брианом (без «смешного шарма» последнего). Длинноволосый, с усталым лицом, с «галльскими» усами, неповоротливый. Он напускает на себя величественную, слегка «кислую» вежливость (может быть, это от робости?). Со мной перемолвился всего тремя словами, но и того было достаточно,

¹ Комт-Каликса... Барота (фр.).

² Дзукки (ит.).

³ «Сочинения» (фр.).

⁴ От *англ.* keepsake — альбом со стихами и иллюстрациями.

⁵ Брийа-Саварена (фр.).

чтоб я его включил в категорию людей если и считающихся художественными знатоками, однако не имеющих *личного* подхода к искусству. В общем, он показался мне скучилой. Она лучше, хотя тоже вначале *faisait l'ambassadrice*¹ (может быть, она была обижена, что моя жена, несмотря на *письменное* согласие, не пожаловала). Но потом, угощая меня чаем, она растаяла, а к концу визита стала и совсем приветлива. Кроме меня, была чета Дюперье (с ними мы должны в среду обедать у Жантиль). Он — *genre* интеллигентного *contremaître*², простой, очень приятный, не глупый; она — хорошенькая, очень юная блондинка с прелестным цветом лица. *Mise queleque peu extravagante voulant paraître artiste*³. Она коллекционирует; ищет *des choses typiquement russes — surtout des icônes*⁴. Тоже не дура. Кроме того, во время нашей беседы ввалилась чета Pothier⁵ с сыном 12 лет. Их встретили с буйным проявлением радости. Оказалось, что этого благодушного и симпатичного толстяка сегодня, после трехдневного ареста, выпустили на честное слово (и после подписания бумажки с обязательством подчиниться всем требованиям народных комиссаров). Его и его коллег красноармейцы приволокли прямо с какого-то заседания в Смольный — по доносу двух служащих на заводе *Société Russo-Belge*⁶. Им всем ставится в вину саботаж и контрреволюционное общение с казачеством (у них завод в Донецком бассейне, оттуда Потье прибыли несколько недель назад). Ныне они декретом отставлены от службы, а самый завод со всем имуществом взят в казну. Потье спрашивает себя, как ему теперь быть. Всем саботирующим техникам угрожают строгими карами, но он не только директор-администратор, но и главный *техник* всего дела, — а его отставили!.. Он убежден, что вся эта разруха русской промышленности производится по специальному плану Германии. — Дюперье мне понравился тем, что не верит в подкуп Ленина и Троцкого, а считает, что они убежденные люди, проводящие в жизнь свою доктринерскую программу. — В Смольном, без заботы о них друзей, и главным обра-

¹ Строила из себя посла (*фр.*). *Здесь: важничала.*

² Тип... старшего мастера (*фр.*).

³ Одеты она была несколько экстравагантно, поскольку хотела показать, что принадлежит к миру искусства (*фр.*).

⁴ Типично русские вещи — особенно иконы (*фр.*).

⁵ Потье (*фр.*).

⁶ Русско-Бельгийского общества (*фр.*).

зом толстушки М-me Потье, они бы умерли с голоду. Их кормили исключительно чаем, водой и щами, которые приходилось хлебать из ушата. Обвинений им не предъявляли целых три дня (мы уже начинаем *привыкать* к такому пренебрежению уставами дореволюционного русского суда), до самого освобождения спали все в одной комнате какого-то прапорщика. — Меня М-me Дестрэ за чаем занимала рассказами о немецких грабежах.

Вечером у нас Платер, Эрнст, Стип и (все более едко пахнувший) Замирайло. Последний принес похвастать только что приобретенным «Journal pour rire»¹ с действительно *чудесными* карикатурами Гюстава Доре. — Девочки (все три: Атя, Леля и Надя) в величайшей эмоции из-за намечающегося романа между Надей и их товарищем по школе Гагариной — Сазоновым. Борис Попов страдает. Сазонов (*très joli garçon*) *se laisse adorer*².

В «Известиях» окончание *profession de foi*³ Луначарского о театрах. Следовало бы ответить и на эту легкомысленную беллиберду, сводящую все к классовым влияниям. Но я теперь знаю наперед, что у меня ничего не выйдет. — Остроумное воззвание Троцкого к народам и правительствам союзных стран^[279]. — Сегодня годовщина убийства Распутина. Господи, сколько воды утекло, сколько тревог! И сколько пророчеств старца уже сбылось...

Понедельник, 18/31 декабря

После бессонной ночи встал в 8 ч. (по «новому», все еще не отмененному времени) — в совершенной тьме. Залюбовался эффектами рассвета — когда занялась на востоке (прямо против наших окон) бледная заря, снег на крышах и фасады домов (менее высоких, чем наш) все еще озарялись таинственным светом заходящей луны, а все окна осветились (по понедельникам в нашем квартале электричество горит всю ночь).

День закончился ссорой с Аргутинским. Il *fallait s'y attendre*⁴, хотя ее основную нелепость я и ощущаю. Нельзя же считаться

¹ «Юмористическим журналом» (фр.).

² (Очень красивый мальчик) и позволяет собой любоваться (фр.).

³ Кредо (фр.).

⁴ Этого следовало ожидать (фр.).

всерьез с мнением человека, до такой степени ограниченного и упрямого! Но вот чаша переполнилась. Случилось это за вечерним чаем, после того что ушли Сомов, Сувчинский, Вл. Гиппиус и Асафьев (Гиппиус читал свои статьи о звучестве; Асафьев развивал некоторые свои музыкальные теории). Мы продолжали мирно сидеть у самовара, Стип шелкал орехи. И вот тут Аргутому вздумалось рассказать про то, как вчера чуть было не разгромили их дома (Миллионная, 11) вследствие неосторожных слов швейцара, поддержавшего какого-то <человека>, заспорившего с солдатом. По этому поводу, но с чрезмерной агрессивностью и настойчивостью наш милый Владимир снова затвердил свое: «Девять месяцев развращали народ» и т.д., и это в ответ на наши слова (мои и Стипа), что буржуазия сама вызвала ту жгучую ненависть, которая может теперь перейти во всевозможные эксцессы. Сначала спокойно спорили, но потом меня вдруг охватило бешенство (впрочем, сдержанное), и я разразился негодованием на индифферентность многих моих друзей. «Довольно этих разговоров о табакерках, люстрах, фарфоровых статуэтках» и далее что-то <про> людей, ничему за все это время не научившихся, — мол, «не им говорить о предметах, в которых они ничего не смыслят!». Аргут попробовал было заявить, что он «в политике ничего не понимает» (а зачем он тогда только и занимается «политической моралью?»), и все кончилось бы, пожалуй, тем, что я дружески отчитал бы его или Акице удалось бы свести разговор на другую тему, но тут упорно молчавший Стип вдруг вскочил и заторопился домой. Тогда, мрачнее ночи, поднялся и Владимир и, еле протянув мне на прощанье руку и что-то процедив хозяйке дома, последовал за ним. Надеюсь, что и эта очередная драка завершится без особых осложнений и обычным обменом письмами. Совсем некстати осложнять и без того уж намученную психологию подобным вздором. В конце же концов особенно жаль — *его*.

У Коки в Майской гимназии забастовка. Гиппиус жаловался на идиотизм стачечного (дворянского) комитета вообще. Ходил я на Театральную улицу, чтоб взглянуть на работу портных и портних. Милая Иващенко старается вовсю, однако сомневается, что спектакль может пройти в январе и вообще в этом сезоне. Напротив, Бертенсон, несмотря на вид, «готовый к аресту», *верит*, что все еще поспеет (декорационная мастерская все еще не предоставлена Оресту). Вообще, сегодня у Б<ертенсона> более

оптимистический взгляд на ближайшее будущее; найден какой-то компромат, благодаря которому они получают деньги за декабрь (Луначарский готов вместо того, чтоб подписывать ассигновки, только «просматривать» их; *il y a des accords avec les bolcheviks!*¹).

В мое отсутствие были у нас Брукс и Кюнард — они скоро ушли. Пришедший по поручению Н.Ф. Обер скульптор Троу-нянский ни с того ни с сего пожелал приобрести два моих этюда Версаля. Взял один из снежных <?> (с рыжей девочкой) 1905 года и масляный «<нрзб.> d'Enulado». Сувчинский принес первый номер «Мелоса», и как раз пришел и «Музыкальный современник».

Вторник, 19 декабря 1917 года / 1 января 1918 года

Мне очень хотелось после долгого времени повидать Горького, и потому я был огорчен вчера, когда Тихонов по телефону предупредил меня, что обед сегодня отменяется. И напротив, был обрадован, когда, уже сидя за столом у себя, Мария Федоровна по телефону (что-то сваливая на Тихонова) сообщила, что они меня *ждут*. Я и отправился к семи с половиной туда. Однако напрасно радовался. Горького я почти не видал! Уже в передней я встретил трех «товарищей», направлявшихся (из кухни?) в комнаты, в кабинет, и там на весь вечер (в компании с Десницким) они и засели. Пришлось довольствоваться, в продолжение трех часов, беседой с Марией Федоровной и ее (добродушной) дочерью, вышивавшей тут же на пальцах орла, копируя какой-то японский образец, и с двумя военными, из коих один оказался сыном М<арии> Ф<едоровны>, другой — художником Ракитским. После обеда я заявил было о своем желании проникнуть в святилище (уж очень мне захотелось послушать этих рабочих, оказавшихся неизвестными представителями Выборгской районной думы, — вероятно, упрекавших А<лексея> М<аксимовича> за то, что он изменил пролетариату, не приняв беспрекословно новое правительство, а также его объяснения, почему это так случилось), однако Мария Федоровна меня непустила, уверив, что я их «смущу»... Не везет мне с моим желанием войти в более тесный

¹ Имеется соглашение с большевиками! (*фр.*).

контакт с «пролетариатом», а жаль, хотелось бы именно так, в интиме, вне путающей обстановки митингов послушать этих людей — этот «глас народный». (Еще Сватикову я когда-то на это жаловался, а затем — и Тихонову, и самому Горькому.) Часов около десяти «сам», наконец, появился, но только на мгновение. С очаровательной улыбкой во весь рот, с «самыми ясными» глазами изображая удивление, что он меня видит, он только пожал мне руку и отправился обратно. Мария Федоровна передала ему мое желание присутствовать при его беседе с «товарищами», но он сразу и определенно отклонил под тем же предлогом — что я их *смущу*. При этом, все улыбаясь и добродушно тараща глаза, он прибавил: «Жаль мне их, да, жаль! Хорошие ребята! Просто совсем не знают, что им делать, как быть! Вот ведь какая штука!..» После чего он прошел к «ребятам», тихо закрыв за собой дверь. Наконец в 11 часов под предлогом, что я рискую не попасть к себе в дом, так как с прекращением тока и звонок входной двери может перестать звонить, я решительно стал прощаться. Тогда Мария Федоровна, набравшись храбрости и несмотря на мои протесты, сочла нужным вызвать мужа. Он, высунув голову, довольно сварливо буркнул на нее, однако тотчас же заулыбался и, грустно склонив голову набок, с чрезвычайным чувством пожал мне руки и, извиняясь за несчастливую случайность, потребовал нового свидания на ближайших днях... Мария Федоровна при этом настояла, чтоб я непременно у них отобедал. Мы сговорились на пятницу. Но я теперь больших надежд на это не возлагаю. Опять будут улыбки, заглядывания в глаза, пожимания рук, — все это «наполовину искренне», а по существу — знакомое прятание, а то и поза. — А как было бы интересно для историка русской революции все же побывать хотя бы на моем, отнюдь не очень лестном месте! Уж одно то, что это действительно столовая *самого* Горького, что это *его* подруга жизни, что это все□ реальные и достоверные, ближайšie к нему вещи и люди, — уж это одно могло <бы> ему весьма многое объяснить и на многое открыть глаза. Думаю при этом, что, хоть он и бесконечно умнее ее, все же его нынешние мысли и чувства как-никак отражаются и в болтовне светского стиля этой российской Эгерии или Madame Rolland^[280]. «Вы понимаете, А.Н., уж если я это говорю, я — настоящая большевичка!!» — повторила несколько раз в связи с какими-то возмуще-

ниями против «товарищей». Ну, а то «ужасное», что она сообщила — с весьма конспиративным видом (точно она выдает какие-то государственные тайны), — это все я уже читал на страницах «Дня», «Речи», «Вечерней почты» и «Вечернего звона» или слышал из уст Бруса, Брукса, Аргутона, Замирайло, Анны Петровны, брата Леонтия и Марии Александровны, Гессена и т.д. и т.д., — иначе говоря, просто из уст «международного обывателя». Всяческое негодование на большевиков за позорный, «похабный» (ça у est¹) мир, за Приказ □ 1 (офицер — товарищ <ее> сына — тут взял мою сторону в споре, считая, что армия без того была деморализована чуть ли не с самых первых наших неудач в Восточной Пруссии). Особенно же возмущалась Эгерия письмом Луначарского Горькому, — письмом, которое она «даже не решается передать мужу». Попутно узнал с ее слов, что где-то в «Дне» или в «Речи» на днях упоминалось мое имя, что я-де занят составлением проекта «Художественного уложения». Воображаю, какие вообще легенды слагаются на мой счет. Все эти возмущения — знакомые перепевы, но они получают особый шмак² в устах жены Горького. «Ленин — ведь это мой старый друг, я его давно знаю, разумеется, Аввакум, книжник и изувер, все только книжка!.. Троцкий — это, пожалуй, и предатель; это политический неудачник (?!), полный зависти, хитрый, лукавый: я не знаю, получил ли он деньги или ему их только обещали, но он, несомненно, играет двойную игру». И эти раздражающие «du соq à l'âne»³! Не успеет М<ария> Ф<едоровна> с тоном «воодушевленной надежды» произнести: «Немцы наведут здесь порядок», как уже слышится и другой звон: «Я тогда здесь ни за что не останусь». Затем полное опорочение советской делегации: «Иоффе — нуль, Карахан — темный журналист-репортер из “Новой жизни”». Оказывается (это со слов Павловича, который был у них сегодня), наши «вс□ сдали и ни о каких аннексиях и контрибуциях не было и речи». А через пять минут другой вариант: «Немцы им говорят: вы не хотите аннексий и требуете самоопределения народов — что ж, Эстляндия, Курляндия, Финляндия, Латвия, Польша, Литва — самоопределились и будут с нами». И снова на все лады: Россия погибла,

¹ Уже подписанный (фр.).

² От нем. Geshmack — вкус.

³ Бредни (фр.).

нет больше России, нет людей. В настоящее время и после того, что самоопределившийся коллектив ее «выставил» из Народного дома^[281], она вся ушла в спасение «жертв большевиков»^[282]. На днях она побывала в Крепости (с разрешения, лично ею испрошенного у Ленина), дабы самой удостовериться, что «они живы» (при этом рокамболический¹ рассказ о том, как она предотвратила какой-то чудовищный заговор против них, заключающийся в провокации узников к бегству, во время которого они были бы схвачены, а далее — гильотина — так и было сказано: «гильотина», не расстрел — эффектнее). О Терещенке такой тон, точно сидит сам Христос или Сократ. Некоторым утешением во время всей этой, в общем, очень дамской болтовни служило мне разглядывание нескольких книг, недавно приобретенных Горьким, и среди них — одной, посвященной чудесным рисункам кн. Гагарина. Изредка М<ария> Ф<едоровна> давала свои комментарии. Чем-то она временами до полной иллюзии напоминала мне другую нашу модную bel esprit², милейшую Марию Клавдиевну Тенишеву, тоже ведь мнившую себя по крайней мере Екатериной II.

В «Известиях» довольно загадочная передовица, как будто подготовляющая общественное мнение к размолвке в мирных переговорах: «Шаг вперед, шаг назад», с финалом: «Попробуйте, господа!» — пересказ неглупой статьи Левина (вчера в вечерних <газетах>, сегодня — всюду). А что же, Левин вернулся? Значит, мир близок? Угрожающее письмо Троцкого Румынскому посольству (за попытку разделаться на фронте с большевиками). Предложение народных комиссаров признать независимость Финляндии, обсуждение проекта отделения церкви от государства; в «Правде» декрет о расторжении брака и о революционном трибунале печати. В «Нашем веке» беседа Павловича по поводу Брестских переговоров (делегация вернулась), арест Авксентьева <?>, приостановка сделок на недвижимость; в «Вечернем звоне» о взрыве на аэропланном складе на Гутуевском острове^[283] (шум от взрыва нас разбудил, но нам просто показалось, что грохнулся какой-то тяжелый предмет в соседней комнате); в Чернигове заключено перемирие между казаками и большевиками (а вообще, о положении дел

¹ От *фр.* rocambolesque — невероятный, неправдоподобный.

² Остриячку (*фр.*).

на фронте южной войны трудно судить); в Новороссийске объявлена большевистская Черноморская республика. Мережковский разразился стихотворением в прозе о том, что в воскресенье не хватало трех гробов: Совести России, Свободы России и просто России (характерна вообще эта «бобровская» страстишка до гробика^[284]). Риторика, пытающаяся сойти за пророческое вдохновение...

Среда, 20 декабря / 2 января

Уже за ряд дней намечалось понижение настроения в прессе. Сегодня это выразилось в более определенной форме: в отчаянии от исхода мирных переговоров. В «Известиях» передовица — «Маски сорваны»; в «Новой жизни» — «Неудача мирных переговоров»; в «Речи» — ликующее злорадство; в «Дне» — «Лживая игра»; в вечерних — и того хуже. Наш швейцар, когда мы уходили, с прискорбным видом сообщил: «Придется снова идти в окопы сидеть». Однако, мне кажется, тут что-то иное. Начать с того, что из доклада Каменева не видно неудачи, а показан лишь *риск* неудачи, если немцы не отменят своего решения на вывод войск из оккупированных областей под предлогом, что они самоопределились и от России отпали (советская же точка зрения — что можно считаться с народным возглавлением этих стран только по снятии с них военной опеки). Неожиданным является потрясение мечом Троцкого. Или это только прием для нажима на германское правительство? Однако разве можно теперь заставить принять картонный меч за стальной? Или это действительно отчаяние? Ведь не подлежит сомнению, что германцы ни в каком случае не допустят, чтоб в оккупированной области была бы введена социалистская или «антибуржуазная» агитация, — и тем самым приблизится коммунистический пожар к самым их границам! В таком случае бравые призывы Троцкого — уже последняя демонстрация «под занавес» и уже приготовление к удалению в кулисы. Как бы то ни было, мне кажется, что Россия (с немцами) воевать больше не будет по всяким психологическим и фактическим причинам.

В Зимний меня вызвали на соединенное заседание комиссий. Верещагин хлопочет, чтоб приготовить отпор против ожидающихся домогательств поляков; по этому поводу обозначил-

ся какой-то антагонизм между Ятмановым и Мандельбаумом. Поговорили и <о> лучшем устройении охранной комиссии в Петергофе — выдвинута желательность туда назначить Ф.Г. Бернштама; выслушали жалобы Г. Лукомского на притеснения, чинимые Царскосельским Советом Р. и С. Д., и т.д. В сущности, вызов меня на это заседание оказался лишним. Но, кроме того, я имел довольно длительную беседу в стороне с Ятмановым, который от имени Луначарского мне на сей раз прямо предложил пост директора Эрмитажа. Однако я изложил ему те главные основания, в силу которых я едва ли возьму на себя эту непосильную в данное время задачу. При всем соблазне получить в руки дело, к которому я как бы готовился всю жизнь, я чувствую, что я для него в данный момент не гожусь просто вследствие моего ужасно путаного душевного состояния; к тому же, приняв этот пост из рук все еще не утвержденного, не принятого значительной частью общества <правительства> большевиков, я сразу оказался бы в полной изоляции...

Обед у любезнейшего M-r Jentil прошел в уютном настроении, даже весело. Бельгийская молодая чета понравилась и Акице. К сожалению, Робьен был несколько стеснен этими новыми посторонними людьми.

Утром почти закончил эскиз заднего занавеса (с Адмиралтейством и балаганами) для «Петрушки». Очень стесняет окоченение рук от холода.

Четверг, 21 декабря/3 января

Окна занесены неистойвой метелью. После вчерашнего, несколько истеричного, тона прессы сегодняшней кажется более спокойным. В добрый час! Авось еще последнее благо-разумие не вымерло, и перед тем, чтоб толкнуть друг друга в бездну, люди опомнятся, пожелают считаться с реальными условиями. То, что дальнейшие переговоры предполагается перенести в Стокгольм, я думаю, следует объяснить не столько желанием ближе информировать «специфический интернационал», сколько желанием обеспечить за беседой более спокойную и более культурную атмосферу. Судя по газетам, главная квартира «контрреволюции» теперь в Новочеркасске. Там и Савинков, и Алексеев, главнокомандующий Корнилов. Со-

мневаюсь, чтоб у них были шансы на успех, если даже и верны слухи, что в Петербурге и в Москве налаживается организация «белого» заговора, в котором участвуют и форменные монархисты, и умеренные социалисты. Вечером пронесся слух, будто Государь с семьей благополучно прибыли в Нагасаки. Димочка (Философов) проливает в «Речи» слезы по Европе...

Весь день разбираю свою коллекцию старых газет времени Февральской революции и привел ее в некоторый порядок. К обеду Стип и Плалер. У последнего «для поддержания добрых отношений» покупаю за 300 руб. книгу офортов В. Денона, хоть, в сущности, я в ней и разочарован. Подошедший к чаю Эрнст встревожен сообщениями о Зимнем дворце. Забыл вчера записать, что Ятманов во время нашей отдельной беседы прошелся вообще насчет «невозможного состояния наших музеев» и специально — Музея Александра III и был изумлен, узнав, что я очень ценю Нерадовского... Тогда я не обратил на то большого внимания, а теперь оказывается, что Нерадовский был сегодня вызван в Зимний дворец. Эрнст убежден, что против него готовится целая интрига. Это, несомненно, дело рук Пунина и, в еще большей степени, Околовича... Если большевистское сверхначальство произведет там какую-либо чистку и пострадают люди, абсолютно ни в чем не повинные и даже, наоборот, очень полезные, то мне придется порвать с ними, т.е. с Луначарским, и прекратить даже и тот «контакт на расстоянии», который до сих пор существует. Эрнст мне передал свой разговор с т. Игнатовым, повстречавшимся <ему> вкупе с тем же Бриком и Андреевой в «кулуарах» дворца. Эта шушера, видимо, тоже горит желанием добраться до вершения дел (уж не метит ли он на место Нерадовского?). На сетования Эрнста по поводу разгрома погребов Игнатов, взбив свой клок, разразился целой тирадой о том, что «для вас всех», мол, это имеет значение, а вот для него, не забывающего, что фундаменты этих роскошных строений все устланы косточками его дедов, это представляется правильным *возмездием*. «Да и все, что здесь охраняется, — все это *совсем не нужно*; все это должно уступить новому, светлому, прекрасному, идущему из глубин народных». Типичное гаерство хама, или хамство гаера, лишь теперь начинающего чувствовать свою силу! После таких слов можно ожидать и организованные, декретирован-

ные погромы — и музеев, и дворцов, снесение памятников и т.д., — все во имя расчищения пути для пролетарского творчества. И это *стихия*. Перед ее лицом чувствуешь то отчаяние, которое выражается в таких словах: «Ну что же делать? Видно, так нужно. Такова судьба! Так всегда было (ведь “нужно же было для чего-то” — гибель чудесного античного мира)!» И т.д. и т.д. И тогда хочется бежать без оглядки, только бы не видеть этой мерзости запустения, этого попрания святынь и красоты. Необходимо изловить Луначарского! Он как уж вывертывается, когда его настаиваешь, — ему более по себе с Бриками и Пуниными! И до чего *некстати* Горький отошел от своих прежних друзей и единомышленников. Вот когда пригодился бы его авторитет.

Пятница, 22 декабря/4 января

Увы! Надежда найти себе в беседе с Горьким какую-то моральную поддержку оказалась тщетной. Покидая сегодня его, я уже совершенно твердо ответил Тихонову на его приставание, чтоб я писал, что *я не в состоянии*. Если бы я услышал от Алексея Максимовича слова, подобные словам Толстого, т.е. действительно от сердца, от совести идущие, слова без лукавства, то это меня могло бы приободрить и, пожалуй, подвигнуть на то, что в настоящем моем душевном состоянии представляется мне просто непосильным. Но таких слов я и не услышал, а весь вечер вышел одним из самых обывательских, ерундовых и просто бессмысленных. Зато опять-таки для историка быта и культуры тут нашелся бы чудесный материал. Именно то, что *даже у Горького* могло в такие трагические дни говориться и думаться подобное, показывает, что мы, что русские люди недостойны иной участи, которая ожидает наше общество и наше государство, наш русский народ. И прямо я не могу себе представить, чтоб такое общество, государство и народ оказались способными противустоять тому порабощению, которого они заслуживают. Наша судьба *должна* нас привести снова под какое-либо *иго!*

К сожалению, у меня нет того мастерства (Достоевского или того же Толстого), чтоб передать и запечатлеть такой *типичный* для данного момента русский вечер во всех подробностях. Вся соль его — в его обывательщине, в общем *тоне*, в

скакании с одной темы на другую, в общем каком-то благодушii и оптимизме, под которыми кроется самое изумительное *легкомыслие*. И как раз в легкомыслии и в фантастичности обвинял вчера Горький и Ленина, и Троцкого («авантюристы» и т.д.)! — Особенно же досталось Луначарскому, причем как раз сам Горький в своих репликах и словечках, в своем всегдашнем *любовании* «странностями» русского народа, в своем смешении важного и не важного и хотя бы в своих грубостях по адресу Марии Федоровны выказывал всю свою мужичность. Вполне понимаю, что она может его раздражать своей претензией на светскую *изящность*, понимаю, что в интимной обстановке ему труднее «преодолеть в себе мужика», но все же немало здесь и распушенности. Среди вечера пожаловал Шаляпин, позже зашла на полчаса столь же жеманная, как в былые времена, «мать принца» — Елизавета Михайловна Терещенко (у нее было какое-то дело до Горького, но какое, я не понял — видется с сыном она может и без того). Наконец, подошли Тихонов и Гржебин. И каждому новому гостю Горький «с вариантами», то короче, то длиннее, передавал свои впечатления о Москве. «Какой чудак русский народ! То заколоть тебя собирается, а через минуту мирно разговаривает» (самого Алексея Максимовича потыкали штыком и подергали за воротник у крыльца Исторического музея — и это после того, что он за кого-то вступился). Особенно его поразил случай где-то в «бабьем городке»^[285] (?). Горький застаёт такую сцену: несколько красноармейцев схватили какого-то человека (несомненно, только что пережившего что-то ужасное, а то и просто безумного) и собрались его прикончить. Горький вступается и начинает их корить, увещевать. Те грубо ему отвечают и чуть что не собираются расправиться и с ним. Однако ему все же удается их переубедить, и тогда они все вместе отводят арестованного к себе и сдают самым добросовестным порядком на поруки домовому комитету — с выговором, за чем-де «такого» они оставляют бегать по улицам одного. Кончается вся авантюра на том, что Горький отправляется пить чай с ними и лишь на уходе открывает, кто он (пространно, с соответствующей мимикой он описывал при этом их изумление). Началась же наша *беседа* с того, что он на мое замечание: «Еще воевать будем» — сообщил о готовящемся назавтра декрете с призывом всех мужчин от 19 до 35 лет! За обедом

присутствовала какая-то американская социалистка*, отправляющаяся в Стокгольм (милое, стареющее существо, но я теперь закаялся верить таким «милым существам»). Мне не хотелось углублять эту тему, и разговор сразу перешел в шуточный тон, так как заговорили о другом декрете — устанавливающим «всеобщую снеговую повинность», и о недавно произошедшем ограблении продовольственного склада, очевидцем чего был Ракитский. Когда мы перешли в кабинет и остались (до появления Шаляпина) вдвоем, то я стал допытываться о настоящем отношении Горького к новой вспышке «воли к войне», однако в этом, самом для меня интересном, никак не преуспел. «Алексей Максимович, что же это такое? Ведь это (декрет о военной повинности) безумие!» — «Разумеется, безумие, но ничего не поделаешь». — «Они же должны понять, что это в первую очередь гибель всего *их* дела». — «Должны, но другого выхода нет». А дальше усмешечки, игра глазами, какое-то хмыканье, *кашель* и обычные приговорки: «чужак народ», «ну и народец, ей-богу, удивительный!» и т.п. А то: «Положение трагическое! Да-с!» — и сейчас же вслед за этим какой-либо анекдотец или характерное замечание. С прихода же Шаляпина мы снова перешли в столовую, и там пошло шутовство. Шаляпин в валенках на ногах очень живописен и с демократическими ухватками и словечками. И раньше Федор Иванович был щедр на них, но теперь он уж сплошь шеголяет ими. Для начала он рассказал во всех подробностях про тот успех, который он имел на своем концерте в Кронштадте, где его (в манеже) слушали свыше 10 000 человек. Неразлучный с Шаляпиным его «фактотум» Исайка тоже был впущен в столовую, однако посажен за отдельный стол у стены... К концу Федор совсем разошелся и рассказал, с видимым смаком, как в Казани большевики мозжили головы юнкеров о стену. «Посмотрели сначала, крепка ли стена, а затем возьмут тех за ушко — и бац со всей мочи — так что от головы — одна лепешка». И, вперемешку с такими рассказиками, все время шуточки, меткие (и вовсе не такие уж меткие) словечки и, в соревновании с Горьким, безграничное дивование на русский народ. Даже спели вдвоем (Горький вполголоса, странно хитро улыбаясь)

* Получила она визу Английского (sic!) посольства для пропуска только после того что она обещала работать на возбуждение революции в Германии!

куплет с рефреном «Вот так народ!» из какой-то Мамонтовской оперетки. Настаивал Шаляпин и на оценке каких-то стихшков про Ленина в «Вечерней почте», даже потребовал достать газету и прочел их с величайшим умилением... Однако шутки шутками, а, видимо, его особенно беспокоила судьба его дома в Москве и его сейфов, а с другой <стороны> — ему уж очень любопытно разгадать тайну надвигающегося фазиса революции, в котором он (и не он один) видит торжество анархизма. При этом, видимо, он путает понятие «политический анархизм» с тем «мистическим анархизмом», который был в большой моде у эстетов в дни и самого крайнего самодержавия. Тихонов рассказал смешной случай в Министерстве иностранных дел, как помощник Троцкого чуть было не арестовал корреспондента «Новой жизни», тут же по нечаянности заблудив¹ поданную им для приема визитную карточку среди бумаг по какому-то заговору, лежавших открыто на столе. «Почему же ваша карточка здесь — среди документов контрреволюционного порядка?» Гржебин сомневается, чтоб ему удалось что-либо сделать для Сытина, которого разорило закрытие «Русского слова»^[286]. Странно, что Горький ничего до сих пор не знал о том, что Гржебин находится в постоянном сношении с Луначарским. — Запишу еще, что Горький чрезвычайно заинтересован Вырубовой, которая была у него и которую он хочет заставить написать свои воспоминания. Он хорошо объясняет, как она из полного неведения подлинной России сразу попала в самую революционную *квашню* и как она это для себя совершенно новое «принимает как должное». Революционный доктор позволил себе над ней чудовищное издевательство, раздевши ее догола перед сторожившими солдатами и матросами, тут же обсуждавшими, что с ней делать — выбросить ли ее в печную трубу («толста больно, не пролезет») или разрезать на куски. И другой рассказ, как матросу, ведшему ее в крепость через тысячную толпу в Выборге, удалось ее спасти, укротив массы самыми простыми словами. Горького не пустил Ленин в Петропавловскую крепость, но благодаря его настояниям переведены в больницу совершенно больной Коновалов и сошедший с ума Третьяков. При самой переправке присутствовала Мария Федоровна. Пришлось три раза

¹ Так в рукописи.

ездить в Смольный за разрешением, и каждый раз коменданту гарнизона данное разрешение оказывалось недостаточным. Наконец комендант уступил только после больших и довольно дерзких препирательств. — При отбытии солдаты, ворвавшиеся в камеры, тыкали штыками в матрацы и грубо обшаривали самих узников. То же повторилось в лечебнице, причем конвоировавший грозно заявил, что они не оставят своих жертв без постоянного контроля. — Еще прошлый раз Мария Федоровна рассказывала, каким истязаниям подвергся несчастный Карташов, проведенный двенадцать часов в холодном карцере (будучи сам в легком летнем костюме), после того что гарнизону было прочитано его перехваченное письмо к сестре, содержащее какие-то нелестные про большевиков вещи.

Днем на заседании Общества поощрения, но с первых же слов почувствовал, что я напрасно сдался на просьбы Стипа. Никогда до сих пор не бывал, а тут для чего-то весьма непонятного явился. К тому же оказалось, что я единственный из присутствующих «действительный член» Общества (имеющий право присутствовать — однако без права голоса — в комитете). Прения Бориса Рериха, Химони, с одной стороны (они представляли собой «преподавательский состав» и заявляли свою готовность безвозмездно продолжать свою работу, лишь бы не закрывали столь культурное дело, как школа), с другой — сутяги Щавинского, Д.И. Верещагина, Яремича и отчасти Руманова (при очевидной поддержке барона Тапполидо в лице председателя) не уяснили мне, как мне быть. Наслушавшись вдоволь речей той и другой стороны, я попросил И.М. Степанова меня извинить и поспешил удалиться à l'anglaise¹. Я боялся, что Стип мне этого не простит, но, очевидно, он простил, ибо в мое отсутствие был у нас к обеду.

По дороге домой купил вечернюю «Антант», вышедшую, вследствие запрещения, под «новым» заголовком «Entente trahie»^[287]. Послушаешь то, что она вещает, и получается, что большевикам крышка, а Каледин — триумфатор (пожалуй, главную роль в этом листке играет тот господин, которого я видел у Клода Анэ). Поразительно, что, несмотря на уже начавшийся «красный террор», эта антиправительственная газетка про-

¹ По-английски (*фр.*).

дается и раскупается в самом центре Петербурга совсем открыто и даже очень бойко.

Дивный пейзаж представляет собой сейчас занесенная снегом Дворцовая площадь! Я долго любовался ею с встретившимся Колей Лансере. На первом плане чернеющие из-под белого покрова громады сложенных дров, из-за них — резко освещенные отблеском неба дворец и колонна. Еще фантастичнее был вид Тучковой набережной, когда я возвращался около полуночи от Горького (трамы из-за снежных заносов не ходят — и ряды их стоят, местами занесенные и брошенные). Спереди черный, без единого фонаря мост, и из-за него ярко горящие фонари, каждый с высоко торчащим к небу столбом светящегося пара. Впереди, где их столпилось больше и где по ним стлалась пелена дыма или тумана, этот «чюрлунистый» эффект приобретал характер странной кошмарной зари или «холодного» пожара...

Суббота, 23 декабря / <5> января

Напрасно беспокоился со среды об участии Нерадовского и Д.И. Толстого. Из беседы с Ятмановым узнал, что после моего решительного отказа от директорства Эрмитажа Смольный постановил никого пока взамен Толстого не назначать, да и Нерадовского не заменять кем-либо другим... Курьезную фигуру представляет собой еще один революционный деятель при Луначарском — эст или латыш Киммель, специальностью которого является улаживать трения между локальными организациями и дворцовыми хозяйствами. Маленький человек в солдатской форме и в гетрах, влюбленный в свою «просветительную миссию». У него удивительно настойчивое и упрямое личико с напряженным, несколько страдающим взглядом затравленного зверька. Я имел неосторожность спросить его, как дела, и получил в ответ целый доклад, длившийся три четверти часа, — и это несмотря на то, что его то и дело звали на какое-то «соединенное» заседание дворцовых садовников, где обсуждался вопрос о пользовании парниками для продовольствия. Мелкодробчатой речью он изложил мне всю свою программу (ой, какой сумбур, — несомненно, почерпнутый из плохо понятых немецких учебников по социализму), и все дипломатические ходы, и все свои победы. Излюбленный его проект —

превратить Павловск в один сплошной *Детский Сад*. Последнее было бы вовсе не дурно, но как же при этом сохранять за дворцом, битком набитым драгоценными вещами, музейный характер?

К чаю явился, предупредив о своем приходе, Коля Альбертович (бывший преображенец) со своим бывшим денщиком Иваном Александровичем, который ныне состоит при нем на положении чего-то вроде управляющего Охтенским заводом, но который иногда исполняет и роль телохранителя. Курьезнее всего, что этот георгиевский кавалер, которого мы сочли нужным посадить за стол и который вообще держит себя с достоинством, при здорованье и прощании прикладывается к ручке — даже мужчин! С Колей, когда-то «убежденнейшим» и даже крайним монархистом, перешедшим даже в православие в угоду этим убеждениям, произошла в короткий срок полная метаморфоза. Ныне он, несмотря на своего конвойного, целующего ручки, большевик à outrance¹, и явился он ко мне, видимо, прослышав о том, что я «пользуюсь фавором новых хозяев». У этого неисправимого прожектера и афериста (уже забравшего у своего бедного дяди Миши 500 000 руб.!) сейчас какой-то новый фантастический проект, который он собирался мне прочесть, но так и не прочел, увлекшись рассмотрением моих папок. Зато он слезно просил прийти послушать, когда он его будет читать у «дяди Саши Зарудного»*. Этот проект касается учреждения ведомства или предприятия (толком я не понял), цель которого — примирить программу большевизма («но ты понимаешь, дядя Шура, дельного, жизненного большевизма») с интересами промышленников. Проездом через Москву он уже заручился поддержкой у какой-то правой руки Рябушинского — которого из Рябушинских, он не сумел определить.

За чаем, впрочем, разговоры между ним и нами (мной, Акицей, Аллегри, Петровым-Водкиным — последний пуще прежнего теперь щеголяет, что он из мужиков), спор о войне. Коля (еще не приостановивший изготовление военных снаряжений на своих заводах здесь и в Казани) ждет эпических чудес во

¹ Беспощадный (*фр.*).

* Видимо, для него было сюрпризом, когда я ему пояснил, что Саша Зарудный в качестве бывшего члена Временного правительства едва ли имеет у большевиков большой вес, а может быть, даже сидит в Крепости!

вкусе 1792 года^[288] от *готовящейся войны* осознавшего себя пролетариата с империализмом и уверяет, что вся деревня никогда не согласится на «похабный» мир. Мы же предвидим быструю катастрофу большевизма, если он не заключит как можно скорее мир *tout court*¹, а будет вдаваться во фразеологию à la Danton и повторит авантюру 18 июня (при этом и Колечка не находит слов негодования по адресу «прохвоста Керенского») ... Разумеется, ни до чего путного не договорились, но, когда племянничек удалился, то я внутренне сотворил молитву, чтоб подобные посещения были сколь возможно более редкими...

Снова электричество потухло в 12 ч. 10 мин., и я на сон грядущий читал при свечке (фунт — 10 рублей).

Воскресенье, 24 декабря/6 января

Елка *Lénine régnante*² сошла удачнее, чем можно было ожидать. Правда, *настоящей* лесной елки мы не достали (продажу елок подвергли каким-то таксам, вследствие чего они сразу исчезли с рынка), зато за четыре рубля с половиной мы купили в цветочном магазине взрощенную в горшке елочку, имеющую не более 50 сантиметров высоты (повесить на нее что-либо оказалось невозможным), водрузили ее в хрустальную вазу, обложили самый горшок орехами и яблоками, а вместо свечей на ней горели по сторонам ее два серебряных канделябра. Вышло довольно эффектно. Мотя, мастерица, устроила у себя в комнате еще более эффектную елку. Кока склеил из картона каркас, и она его увесила всякими побрякушками, оставшимися от прежних времен, и увила «ангельскими волосами». Под этим суррогатом красовался подарок Коки: написанная им икона Богородицы с лицом самой Матрешы, которая собирается ее снести в церковь освятить. Родителям дети подарили: Атя — две акварели, изображающие цирковую и балетную дам (в основу положены ее наброски с голой натуры, что придало этим ее изображениям несколько непристойный характер!); Леля — просто выделила из своих этюдов три сангвины, причем две в натуральную величину (один мужской этюд — без головы à la система Саши Яши), зато Кока постарался всерьез и написал

¹ Просто (*фр.*).

² При ленинском правлении (*фр.*).

большую темпера, изображающую «второе» Рождество, — очень любопытную по замыслу, но, разумеется, еще несколько поребачески воспринятую мысль: светлый восход где-то в Италии, в простом домишке на большой дороге, украшенном полустертой фреской Мадонны, в окне видны светящийся, только что появившийся на свет младенец и его родители; по дороге спешат к дому пастухи, и на самом первом плане рабочий с тачкой остановился, пораженный изумлением. Все это из головы и все же складно, с большим запасом технического опыта*. Стип поднес мне прелестную маленькую книжку, Бушен — две пастели с театральными сюжетами, Эрнст — два томика старинного издания «*Les jeunes naturalistes*»¹, Платер — Акице цветы (*toujours élegant*)², мне — 3 редкие гравюры, Б. Попов — две китайские бумажные фигуры. Ничего не поднесли Замирайло и Шейхель. В ответ каждый из них (и даже два последних) получили по моему этюду к плафону ф<он> Мекка, Стип — даже целый эскиз главного (среднего) сюжета того же плафона, а Эрнст получил рисуночек XVIII в. *Delarue*³... Вследствие холодины я оставался все время в халате (еще отцовском) и в ермолке, что давало особую характерность *Weihnachten*⁴. Был исполнен мной и «Гросфатер»⁵, причем уморительный вид представляли собой долговязая косолапая фигура Стипа, чело Виктора Гюго Замирайлы, неуклюжие жесты Тэклы. Напротив, Мотя преврати-

* Несмотря на относительное совершенство этой вещи (и «Мотиной» иконы), меня начинает за последние месяцы тревожить Кокино художественное развитие. Я чувствую в нем известный кризис... Как бы над яркими, здоровыми, простыми впечатлениями жизни не взяли бы верх всякая «старьевщина», «стильность», мудреная «философия»! Все данные за то, что он, шестнадцатилетний юноша, — сосредоточенно-впечатлительная натура, наделенная недюжинным умом и талантом, но как бы эту чудесную натуру не отравила современная, как чисто эстетическая, так и бытовая, пошлость. Увы, и в нашем кругу далеко не все обстоит благополучно. И «враг силен», а внутренней опоры для юноши не так уж много. Не думаю также, чтоб Коке всегда был полезен Саша Черепнин, более определенно отражающий недостатки нашей эпохи. Однако можно ли влезть в душу хотя бы родного и горячо любимого сына? А уж советовать и «направлять» и вовсе не годится. При этом надо еще помнить, что не «всякое зло вредно и опасно *художнику*! В банку я отнюдь не собираюсь сажать нашего чудного мальчика.

¹ «Юных натуралистов» (фр.).

² Всегда элегантен (фр.).

³ Деларю (фр.).

⁴ Рождеству (нем.).

⁵ Немецкий народный танец, исполняемый на праздниках.

лась за последние месяцы из форменной деревенщины в очень изящную субретку. После раздачи подарков «старики» занялись разглядыванием всякой коллекционерской всячины, а молодежь плясала, несмотря на темноту, ибо электричество потухло. Не хватало только Нади, которую родители увезли с собой в Петергоф, к Фроловым. Об отсутствии бедного Аргута, резко отказавшегося (по телефону) последовать ласковому приглашению моей жены («У вас невозможная атмосфера! Я приду только когда кончится война и революция»), никто особенно не жалел: без него было уютнее и веселее*.

Отчасти известному улучшению моего настроения сегодня способствовало и то впечатление, что я вынес из прочтения утром газет. Дело мира обстоит не столь уж безнадежно. Пошумев четыре дня и побряцав картонным мечом, Троцкий сегодня дал информацию, отредактированную маловразумительно, однако из которой можно понять, что уступка с нашей стороны идет по всей линии. Он уже соглашается продолжать переговоры в Бресте (под предлогом, что немцы уже туда выехали) и сам едет туда. С другой стороны, кто-то, со слов проживающего здесь Ландегофа (тестя Браза), рассказывал, что немецкая торговая делегация собирается уезжать, придя в ужас от состояния наших дел и считая, что невозможно с нами что-либо наладить.

Газеты сегодня, по стародавнему обычаю, вышли с обычным, чисто «литературным» материалом (к сожалению, «Новой жизни» дурында Тэкла не достала, а мы с августа перестали ее получать даром). Я прочел только письмо Карташова. На девять десятых это хорошее письмо, вот только в самом конце снова тончики, низводящие его основную мысль до националистического кликушества! И это наши (и не только наши — но и вообще в свете) лучшие умы! Война не только *не победила* войны, но она затушила в людях, по существу мирных, всякую человеческую совесть, заменив ее «народной гордостью» и вытекающей из нее жадной мщенья. «Nous entrons dans une longue période de guerres»¹, — пророчил Палеолог, и был, пожалуй, прав!..

* Я чувствовал бы себя еще счастливее, если бы не приходилось все время видеть перед собой кислую физиономию Шейхеля, которого я перед обедом счел долгом пробрать за его нелепое письмо. И, ох, как мне вообще опротивела вся эта израильская скорбь, все эти глубинные переживания!

¹ «Мы вступаем в длительный период войн» (фр.).

Понедельник, 25 декабря / <7 января>

Убийственно действуют капризы электричества в эту темнейшую пору года. Сегодня электричество зажглось в 4 ч., но погасло в семь с половиной, снова зажглось в восемь <с> четвертью и уже совсем погасло в 10 ч. Я вижу в этом обещание гораздо более серьезных бед. Темнота действует даже на неисправимый до сих пор оптимизм Акицы. *Даже она приуныла**.

Наши девицы переживают своего рода кризис. Они до часу, до двух жгут свечи (великую редкость и драгоценность), калякая и умываясь в ванной комнате. Сейчас у них идет какая-то сложная интрига. Надя, но и невеста Леля очень увлечены новым учеником их школы Сазоновым. Бедный Бик Попов сгорает от ревности, но он слишком вял, чтоб призвать невесту к порядку! Шутка сказать — пуля в самом сердце, которую он себе всадил в припадке отчаяния много лет назад. Вследствие это<го> у девиц непрерывные сговоры по телефону, какие-то экскурсии, встречи — Эрнст исполняет роли не то ментора и конфиденнта¹, не то *postillon d'amour*².

После завтрака — неожиданно Таманов. Предлог посещения: передача мне проектов нового устава Академии художеств, но я думаю, здесь главным образом желание возобновить со мной контакт, и не только со мной лично, но через меня и с новой властью, прочность которой становится для целой категории лиц все более убедительной. Но его постигло жестокое разочарование, когда я ему повторил, что в последнее время Луначарского не вижу и вообще стараюсь держаться как можно больше в стороне. Напротив, Брик, принужденный Союзом деятелей искусства объясниться публично, заверяет, что ему известны проекты Луначарского, клонящие к насаждению и к выработке <принципов> «пролетарского искусства», и что Александр Бенуа принимает в этом активное участие. Тут, кроме

* У Н.Ф. Обер, к которой мы пришли с Эрнстом в четыре с половиной и просидели до семи с четвертью, электричество и вовсе не зажигалось. — Эта милая чудачка мечтает теперь о совершенно *отдельной* выставке произведений Артюра... Ей кто-то посулил колоссальные барыши от одной входной платы и от «вешалки»!! Я, впрочем, не особенно разубеждал ее, т.к. сомневаюсь, состоится ли наша выставка «Мира искусства», — ввиду отсутствия целого ряда наших членов.

¹ От *фр. confier* — доверять, поручать.

² Вестника любви (*фр.*).

личной подлости, скрывается и та услуга, которую мне учинил Мандельбаум, признавшийся мне как-то, что он Брику заявил о принятом им правиле — все предъявлять Бенуа на одобрение. Вообще же, Таманов начинает теперь познавать настоящую цену тем людям, которым он оказал поддержку в их борьбе против меня и всего моего ближайшего кружка. Иначе, как «эта сволочь», «эти прохвосты», он их теперь не называет. Увы, поздно. Уже *меня* им не вернуть. Сидел Таманов часа два! Беседа шла в самых дружеских тонах. О положении моей работы над плафоном ф<он> Мекка он (из тактичности?) не справлялся.

К обеду Стип, Эрнст, Попов, Замирайло. Последний, наконец, решился «дотронуться до яств» — но только до десерта, — уж очень его соблазнил действительно божественный, испеченный собственными руками Акицы яблочный пай.

Брус не пожаловал, но прислал несколько бутылок вина, и среди них две шампанского. При этом горячие пожелания *Акице* — *о мире*. В добрый час! Уж не следует ли ставить такую щедрость в связь с сегодняшним отъездом Бьюкенена? Газеты не вышли, и *поэтому*, несмотря на темноту и адский холод в квартире, настроение довольно праздничное. Авось за эти три дня, что мы не будем их читать, назреет на свете нечто более отрадное. — Читаю «*Le buisson ardent*»¹ (Р. Роллана). Много общего с нашими нынешними настроениями, и это как-то утешает.

Вторник, 26 декабря / <8> января

Опять метель. В квартире нестерпимая холодина. Утром пришлось заниматься в ванной комнате, благодаря чему угорел (Мотя переусердствовала и закрыла трубу раньше времени). После этого весь день болела голова. Пришедший к обеду Стип делал мне горячие примочки. Помогло. Электричество совсем не горело, и пришлось *M-me Destrée* и чету *Duperrioux*², запоздавших на целый час, принимать и угощать чаем в потемках, при свете двух канделябров. Опоздали же они потому, что у них не оказалось автомобиля (неужели отняли? или он в

¹«Неопалимую купину» (*фр.*) — название девятой книги романа Р. Роллана «Жан-Кристоф».

²Дюперье (*фр.*).

починке?), а трамваи не ходят. Пройдя пешком полдороги, они наконец нашли извозчика и втроем (!) поехали, причем на подъеме моста посланнице и супруге секретаря пришлось слезать, а секретарю толкать санки. Беседа получилась, скорее, уютная, хотя М-me Дестрэ нет-нет <да и> вспоминала, какую она делает нам честь, и тогда принимала *des airs d'ambassadrice*¹.

Говорили много о России. Политики совсем не дотрагивались, но по каким-то намекам было ясно, что они все в ужасе от того, что происходит. В ужасе и в бешенстве... Дюперье считает Троцкого человеком необычайного ума — *le seul homme d'état*². Уж не обнадежил ли он их, что Россия продолжит борьбу за угнетенные народы?

Отсутствие света заставило и вечер весь провести со Стипом в одних разговорах (а не в разглядывании чего-либо, как это у нас принято). — Утром я налаживал дело с Оберовой выставкой. Н.Ф. Обер прислала превкусные марципановые картошки — это ее специальность. Вечером девицы отправились к Наде, она одна вернулась из Петергофа, где была елка. Утром большой компанией они ходили доставать билеты в цирк (по метели) пешком — и все это *pour les beaux yeux de l'irresistible Sazonoff*³, чтоб с ним провести вечер. Однако ничего не достали! — Весь день затем и висели на телефоне. Совсем потеряли голову.

Среда, 27 декабря / <9> января

Ясно и немного потеплело. Сегодня в полночь предписано переставить стрелку часов снова на час назад — таким образом и этот след Керенсиады исчезнет. У нас ночевал товарищ наших девиц по школе Акимов, которого безумица Надя не отпустила вчера вовремя домой и сдала на попечение Ати. Зато Леля пошла ночевать к Наде. Наверное, всю ночь они провели в болтовне. Мы оба с Акицей терпеть не можем такого цыганства, но Леля вся такая. Вообще, эта девица сильно нас тревожит. Один беспорядок в ее комнате чего стоит. Зато все всегда прибрано у ее сестры и у ее брата.

¹ Вид жены посла (*фр.*).

² Единственный государственный деятель (*фр.*).

³ Ради красивых глаз неотразимого Сазонова (*фр.*).

Два за день неприятных впечатления. Пришедший к завтраку (без приглашения) Слава Жук самым нахальным образом попросил у меня рекомендательное письмо к Луначарскому! У него-де в гимназии занятия прекратились, шестой класс он как бы окончил (согласно декрету Луначарского), мать его в качестве (вынужденной) саботажницы ничего не зарабатывает, деньги им нужны до крайности. «Положим, он не согласен с большевиками», но ничего не поделаешь, а потому — дайте рекомендацию. Мне все это, самый стиль ужасно за последнее время огрубевшего юноши не понравились, но какое-то чувство долга и просто слабость взяли верх, и я написал строчек десять, чувствуя и всю несообразность отправки такого мальчишки к самому министру, и всю неприятность такого моего «обращения к большевикам» с просьбой, при сознании, что лучше было бы мне продолжать держаться от них в стороне. И все это потому, что мальчишка меня тогда тронул своим собиранием всяких картинок — вырезок из журналов и т.п. А кроме того, ходит молва, что он «натуральный» сын одного из моих двоюродных племянников... Впрочем, он юноша не без способностей, однако и с большой склонностью к хамству. Не нравится он мне теперь и внешне. Нос как-то вылез и раздавил верхнюю губу, волосы стали хохлом над «слишком прямым» лбом. Кожа его терпеть не может, и визит Славушки — для него пытка.

Вторая досада явилась в конце вечера от прочтения интервью Шебуева с Фокиным в «Вечернем часе»^[289]. В общем, обычная пошлятина, но все же характерно, что Ф<окин> ни единым словом не обмолвился обо мне, настоящем создателе «Петрушки»! Да и из слов Ф. о Карсавиной так и сквозит зазнавшийся каботэн. Неприятны мне эти впечатления уже потому, что как раз завтра предстоит первое общее заседание насчет «Петрушки», и как раз по моей же просьбе (для удобства большинства живущих по соседству с театром) мы должны собраться у Фокина. А тут еще ощущение, что Мейерхольд и Головин все пустят в ход, чтоб мне досадить и «отвадить» меня от театра. Если бы они знали, до какой степени они вообще меня утомили за многие годы, как благодаря им мне опротивело то дело, к которому я, несомненно, призван и для которого я когда-то отдал бы жизнь!

Зато в том же «Вечернем часе» имеются сообщения, скорее, утешительного характера, касающиеся политического по-

ложения. Эту *утешительность* (вернее, намек на нее) я усматриваю в том, что, судя по этой сплетнической газете, между Лениным и Троцким возникло несогласие в вопросе о мире. Ленин стоит за «священную войну», Троцкий — за мир во что бы то ни стало; но первый-де *устал* и поехал отдыхать в Финляндию. За Троцкого и против Ленина высказался и Луначарский. Все это позволяет думать, что мир действительно приближается, и хотя теперь он, увы, и запаздывает в смысле настоящего исцеления страны, но все же он сделает свое благое дело, все же с его заключением откроются какие-то возможности благоразумного строительства и возвращения к какому-то более нормальному укладу. Да и *спокойнее* было бы, если за дело управления взялся бы Троцкий — не доктринер и фантазер, а настоящий политический и государственный деятель, не имеющий попользования прыгать в окно и подвергать всех величайшим рискам. Говорят, Троцкий — честолюб, — и прекрасно. Предпочитаю дельного честолюбца (и пусть даже жуликоватого) благородным и никчемным книжникам, фарисеям и мечтателям.

К завтраку Браз, пришедший по поручению своего друга Аничкова, которого аграрные беспорядки разорили и который теперь готов выставлять свои пейзажи на наших выставках (вдруг найдутся до них охотники?). Я видел его вещи в прошлом году и тогда оценил в этих скромных, чуть тусклых этюдах их искренность и некоторую поэтичность. Но как-то отнесутся к ним мои коллеги, и самый строгий среди них — Кузька (Петров-Водкин)? Браз заодно похвастал своими новыми приобретениями (очевидно, его тесть дает ему на то средства): портрет г-жи Виже-Лебр^н, портрет Боровиковского и тот «Отдыхающий охотник», которого в прошлом году я видел у Половцова, — Браз не прочь его приписать М. Свертсу. За завтраком Браз рассказывал о своем тесте Ландегофе, который снова здесь, но на сей раз в делегации Мирбаха. Он в ужасе от всего того, что здесь происходит («Ein Irrenhaus ist eine Universität dagegen»¹), но считает, что немцы ни в каком случае не должны вмешиваться в наши внутренние дела (и я уверен, что они не так глупы и предпочтут наблюдать *со стороны, но на близком расстоянии*). Переговоры Мирбаха затягиваются и рискуют каждую минуту оборваться из-за того,

¹ «По сравнению с этим сумасшедший дом просто университет» (нем.).

что Смольный настаивает на предоставлении свободного пространства революционного «факела» на немецком фронте, чего, разумеется, немцы не допустят! До настоящих же условий для торгового обмена еще не доходили. Ландегоф сидит почти без дела (даже часто покидает заседания), но как будто времени не теряет (судя по другим источникам, он скупает бумаги русских предприятий и — «целые банки!»).

Четверг, 28 декабря / <10> января

День обещал быть ясным, но утренний туман, при восемнадцатиградусном морозе, не рассеялся, и совершенной фантастичности достигла картина, когда я шел по Николаевскому мосту и через бело-розовую мглу проглядывало оранжевое солнце, подымавшееся из-за перегруженных снегом крыш и среди белых дымок из труб. На этом «фоне апофеоза» подвигалось по мосту навстречу мне погребальное шествие с лошадьми в черных пополах, влачивших дроги с черным балдахинном (вообще же, езды никакой, и даже трамваи не ходят).

Никола Морской^[290] на фоне оранжевого тумана и с диском солнца, светящегося из-за его пяти глав, представляется чудовищно-прекрасным...

Утреннее заседание у Фокина прошло в утомительном споре представителя балетной труппы Иванова с Фокиным. Фокин отказывается приступать к репетициям «Петрушки», пока не выяснится вопрос о том, останется ли «Петрушка» на репертуаре после десяти условленных по договору с представителем Стравинского (Струве) спектаклей или нет. В то же время Иванов этой оттяжкой старается как-то связать вообще Фокина и принудить его к подписанию контракта на балетмейстерство, от чего Ф<окин>, стремящийся удрать за границу, увиливает. Пришлось вызвать Зилоти, который взял на себя ответить¹ за Стравинского, что «Петрушка» остается вообще за балетом. Не обошлось без обычных «в морду дам», «пусть мне наплюют в морду» и т.п. Я в известный момент прибег к испытанному приему — стал твердить, что вообще пора отказаться, ввиду хаотичности всех условий, от всей затеи в целом, что вызвало со стороны Вольфа Израеля (представителя оркестра) воодушев-

¹ Так в рукописи.

ленный протест и заверения, что оркестр даже готов отказаться для такого «праздника искусства» от некоторых материальных выгод. Тогда дело вдруг приняло более *реальный* оборот. Зилоти обещал от имени дирекции (однако она ведь раскассирована?) «подтверждение своему честному слову», Аллегри взялся написать все декорации к 25 января, Фокин — попеть с репетициями, машинист Граф — со всей технической частью. Бертенсон, присутствовавший в качестве «частного лица», заявил, что и костюмы поспеют, и в конце концов все расстались в уверенности, что премьера состоится 30-го.

Оттуда к Бразу, где я и позавтракал. Увы, «Виже-Лебр \square н» оказался русской посредственной картиной во вкусе Дрожжина (однако Браз упорствовал на своем; забавно, до чего он часто не понимает самих *основ* искусства, — до того ему *хочется иметь* того или другого художника), «Боровиковский» (портрет богача Яковлева) достоверен, но скучен; автора картины «Отдыхающий охотник», якобы Свертса, следует, по-моему, искать или в Дании, или на севере Германии (*le tout mal fichu*¹ — особенно ноги). Чтоб доказать достоверность своего «Виже-Лебр \square н», Браз потащил меня в библиотеку Академии художеств (куда мы проникли благодаря попавшемуся по дороге Бернштаму и еще более благодаря любезности сторожа), где он торжественно мне указал в книге Nolhac'a на «тождество» (?) позы и пейзажа с известным портретом M-lle Dugazon². Я же, просмотрев еще раз весь увраж³, лишь еще более убедился в том, что это вовсе не так. Заходили в художественный магазин Буффи поглядеть на картины Аничкова и отобрать те, которые мы признали достойными быть выставленными... В общем, впечатление от них слабое, но некоторые довольно верно передают тихую грусть Русского Севера.

Во время моего отсутствия Кулечка, прочитав в газете, что сегодня вызываются обладатели сейфов для присутствия при вскрытии таковых, помчалась в Учетный банк (сейф на *ее* имя), но оказалось, что она опоздала. Ее попросили снова приехать в субботу от десяти до двух. «Большевик» был любезен. Солдаты, стерегущие банк, поражают своим распушенным видом. Встретила там брата Мишеньку и Женю Фену...

¹ Все сделано плохо (*фр.*).

² Нолака... мадемуазель Дюгазон (*фр.*).

³ От *фр. ouvrage* — труд, произведение.

Обед кончился мрачно благодаря тому, что Атя обратила наше внимание на все более сказывающееся ухудшение в здоровье сестры и на необходимость немедленного обращения к врачу. Очень возбужденная за все последнее время, Леля раздраженно говорила какую-то чепуху и, наконец, демонстративно удалилась с безмолвным и покорным Борисом (с намерением отправиться в кино). У нас руки опускаются — теперь как раз не найти тех средств, которыми лечится базедова болезнь, и невозможно установить настоящую диету, и самое главное — с Лелей нет возможности совладать, она сама все делает наперекор тому, что повелевает элементарное благоразумие.

С невеселыми вестями из Зимнего дворца прибыл Эрнст. Ко мне собирается Лариса для совещания по вопросу о «государственном художественном совете» (поручение Луначарского). Среди низших служащих — брожения против Верещагинской комиссии, которую обвиняют в «контрреволюционности» и даже (что хуже) в хищениях! Последнему я абсолютно не верю, но усматриваю в этом обвинении естественное последствие того, что Верещагин и его помощники уже полтора месяца ничего не делают, ожидая у моря погоды. Зовут меня завтра на заседание, но мне необходимо быть в это время в мастерской Аллегри, ибо он наконец приступает к письму декораций «Петрушки». К чаю — Стип с двумя картинками во вкусе Ж. Доу (на одной изображен мальчик, пускающий пузыри, на подоконнике подсолнечник; я думаю, что это Слингеланд; на другой — мальчик с клеткой). Обе принадлежат сестре Казнакова.

Пятница, 29 декабря / 11 января

Мне уже вчера не понравилось, когда я шел от Браза, что снова у Нового Адмиралтейства появилась громада «Авроры». Сегодня же таких чудовищ оказалось уже три — «Аврора» и «Ермак» (?) стоят у верфи Нового Адмиралтейства, третье судно — в тумане по ту сторону Невы. Что это значит? Что готовит это «волеизъявление демократии»? Не значит ли, что на днях может произойти какой-либо *chambardement*¹? Вот только когда? Не по случаю ли открытия «Учредилки» и ввиду ее недопущения? По поводу этого близкого открытия

¹ Переворот (*фр.*).

(оно назначено на 5 января) снова масса разговоров о стеснениях, чинимых пресловутым комиссаром Урицким. Ожидается нечто очень решительное и в связи с предстоящим открытием «съезда Советов», из которых большевики якобы собираются создать свою лейб-гвардию. Во всяком случае, силуэт на Неве очень грозен. Я прошел совсем близко (направляясь на Алексеевскую, в мастерскую Аллегри), и на таком расстоянии обмерзшая, заиндеветшая «Аврора» в тумане напоминает иллюстрацию путешествий на Северный полюс. Два-три матросика сползали по внешней лестнице и ковыляли затем по льду к тому углу на набережной, у которого когда-то стояла — *tempi passati*¹ — пристань петергофских пароходов. Считается, что из-за этих постоянных прибытий кронштадтских судов и требуемого для этого взрезания льда до сих пор Нева во многих местах, несмотря на мороз в 19 градусов, все еще не стала, и поэтому нет и сообщения прямо по льду, что весьма неудобно для жителей Васильевского острова, привыкших зимой перекашивать Неву по диагонали.

Зато появилось на улице забавное зимнее новшество — масса конькобежцев. Это все мальчишки до десятилетнего возраста, но бегают они не по каналам, а прямо по панелям и среди улицы. Встречаются и совсем потешные сценки. По Конногвардейскому бульвару катит трамвай, а за ним тащится хвост таких конькобежцев, из которых первый прицепился к заднему вагону, а остальные гуськом друг за друга. Только от таких картинок получаешь некоторое впечатление жизни; во всем остальном наша петербургская улица стала еще более унылой и тусклой, чем была прежде. — Сегодня усиленно убирается снег с транспортных путей, но нарядов из обывателей пока еще не видно. Впрочем, в «Речи» рассказывается, что в Рождественской части уже погнали нашего брата буржуя на общественную работу.

У Аллегри я был все время занят письмом к Зилоти по поводу разных затруднений, возникающих на пути создания постановки «Петрушки», в чем мы склонны видеть интриги Мейерхольда и Головина. Так, например, Шервашидзе, очищая мастерскую на Алексеевской, собирается увезти весь технический инвентарь: кисти, горшки с красками, палитры, ли-

¹ Прошедшие времена (*ит.*). *Здесь*: когда-то.

нейки. К сожалению, старший маляр при мастерской, преданный нам Василий Кокин, по болезни отсутствует. Также и бу-тафор Евсеев вторую неделю числится больным и т.д. Однако, набросав вчерне эту свою «жалобу», я решил ее не посылать, а подождать еще дня два-три — авось тогда лучше обозначится общее положение. К тому же я заметил, что Аллегри, следуя своей итальянской натуре, склонен все утрировать.

Хотел я на обратном пути зайти к Валечке (Нувелю), который уже несколько недель совсем исчез (у него тяжело больна его мать — почтенная Матильда Андреевна), но ветер и стужа погнали меня домой.

Обед с Клодом Анэ и со Стипом (от последнего я скрыл, что его ожидает сидение часами с французом) получился если и порядочно скучным, то все же вполне благополучным. Самое кушанье Акица состряпала весьма «укусным», как говорит Мотя. От политических тем воздерживались, только Анэ пытался дать характеристику Троцкого, к уму которого он питает безграничное почтение, но в искренности которого он сильно сомневается («il ne fut jamais maximaliste»¹). Зато А<нэ> рассказывал о Париже, о приемах у тамошних вельмож, о садах Решта^[291], о персидском миниатюристе-реставраторе и подделывальщике. Вообще же, его рассказы не отличаются большой красочностью.

Днем вчера заезжала Лариса Рейснер, но по отсутствию тока так и не дозвонилась. Сегодня она вытребовала к себе в Зимний Бориса Попова, которому (это уже со слов Лелички) предложила принять участие в некоторых художественных реформах. В первую очередь намечается реформа театрального дела. Луначарский в этой области готов «поступиться многими демократическими принципами», только бы поставить дело на должную высоту. Но при чем здесь милый Бик Попов? Или это travaux d'approche² к моей особе?.. Да я с удовольствием помог бы, но наперед знаю, что сам Луначарский не даст, и опять потянется знакомая канитель из бесчисленных заседаний, подкомиссий, словопрений. Сам Анатолий не опустит случая вдво-воль наговориться.

Забавно, как Первая соната Бетховена и какая-то пьеса Шуберта, которые за последнее время разучивает Атечка, пре-

¹ «Он никогда не был максималистом» (фр.), т.е. большевиком.

² Попытки приблизиться (фр.).

вратились для меня в своего рода лейтмотив. Вообще, вещи, внедряющиеся в музыкальную память, получают какую-то конкретность, телесность, и уже их не слышишь в последовательном развертывании звуков, а в качестве каких-то «единовременных целостностей».

Сегодня вышел декрет о национализации судоходных обществ. Бедный мой милый брат Мишенька (директор «Кавказа и Меркурия» и других обществ)! Впрочем, бедные мы все — и левые, и правые, и серые, и яркие, и пролетарии, и буржуа! Всех ожидает расплата за годы бойни! Дай Бог, чтоб эта расплата была менее тяжелой, нежели самая вина!

Суббота, 30 декабря / <12> января

Утром с Акицей в банк, но оказалось, что до нас очередь дойдет только в 2 часа... Я воспользовался этой отсрочкой и отправился на квартиру к Евгении Ив. Зыбиной (моей бесподобной переписчице в редакции «Речи») дать ей переписать мое письмо Шейхелю и мои замечания на проект реформы Академии художеств. Удивительный эффект снежных заносов у Михайловского замка^[292] и особенно на бывшем Цепном мосту^[293]. Остается узкий проход между двумя сугробами, которые легли огромными подушками на перила и свешиваются вниз. Ухабы на мостах уподобляются морским волнам в бурную погоду. Трамвы местами стали и заносятся снегом! Электричество сегодня вовсе не дали... Милейшая Евгения Ивановна встретила меня как родного, несмотря на мою измену «Речи» (а ведь у нее культ к П.Н. Милюкову — которого она считает чуть ли не за святого). Гессен уехал уже две недели назад, и теперь газету ведет Ганфман. Искал по разным лавкам керосиновую лампу, но ни одной не нашел (у нас старые все поломаны или переделаны под электричество). Придя домой, тотчас же послал Мотю купить замеченную вчера мною в соседней лавке лампу (ее испугала цена — 40 руб.), и ныне мы обладаем истинным шедевром безвкусия (розовый верх, подножие из персиков), но по крайней мере она заливает столовую светом, дающим и мне возможность писать эти строки. Лишь бы достать теперь порядочно керосину. Любезнейший мистер Брукс, рывшийся у меня сегодня в папках, обещал нам его раздобыть, в ожидании чего (и в награду за то, что добряк уже привез

сегодня какао, бисквитов, сардинок, овсянки и бутылку Scotch whisky) он получил этюдик, сделанный с высоты Monte Boglia¹. Случившийся тут же Моисей (Натан?) Павл. Венгров, зашедший за обещанной данью для устраиваемой им лотереи в пользу Красного Креста, получил этюд «Ponte dei sospiri»², а лично в подарок — этюд с дороги в Ажу (с чем мне было довольно трудно расстаться). Он в *панике* (поделом всем этим «дилетантам социа<ли>зма») (vous l'avez voulu³) от сегодняшнего декрета о национализации типографий (с меня все, и даже это, — как с гуся вода: я слишком *привык* к ощущению катастрофы). И он думает, что все наши нынешние ужасы — *наказание за бойню*; он согласен с моими обвинениями интеллигенции, в частности разных «специалистов по Христу». Оказывается, Зиночка Г<иппиус> ныне летом, после трех лет войны, разрешилась стихотворением, осуждающим войну, — посвященным Горькому.

За обедом Акица рассказывает про свое вторичное посещение банка. Большевистский комиссар, имеющий очень растерянный вид, был чрезвычайно любезен — ее пакет с серебром даже не развертывал. Очень плакалась одна старушка, у которой отняли ее золотой империал, который был ей положен в башлык на свадьбу. Встретившийся там Шмаков (некогда «пораженец», а ныне негодующий на «похабный» мир) рассказал, как он в Финляндии перед обыском местными большевиками зарыл ночью 5 пудов муки у большой дороги; такой же операцией были заняты и все его соседи — как финны, так и русские. — Возмущена моя жена только караулом солдат в банке, расположившимся бивуаком в нижнем вестибюле: часть ест, часть среди бела дня спит прямо на полу, идут споры, стоит ругань. Прислуга банка в ужасе. В общем, у Акицы осталось впечатление какого-то гнусного, подлового грабежа. И действительно, есть что-то гадкое, подкрадывающее в той системе, с которой наши новые властители раскачивают институт частной собственности. И неужели среди них действительно имеются такие святые идиоты, которые верят в возможность культуры (ее состояния, ее развития) вне психоло-

¹ Монте-Больша (*ит.*) — название горы.

² «Моста Вздохов» (*ит.*).

³ Вы этого хотели (*фр.*).

гии личной заинтересованности? И еще раз скажу: было бы спокойнее на душе, если бы во главе движения и среди его руководителей стояли бы люди *не столь* одаренные, не столько голубиной чистоты, сколько змииной мудрости.

Вечер закончился в уютнейшем сидении вокруг новой лампы. Акица с зеленым абажуром доктора Бермана над глазами читала «Antoinette» Р. Роллана, Кока достал папку с репродукциями Терборха и Метсю, постепенно и все остальные тоже собрались вокруг него. Меня *радует*, что наш сыночек так страстно заинтересовался голландцами, и среди них больше всего как раз наиболее искусным и *точным* (*précis*) и среди них — Терборхом. «Чюрл□низм» совершенно отходит в прошлое, оказав, впрочем, свое благодетельное влияние. Вот меня удивляет только, почему Кока вовсе ничего не читает *дельного* (и Успенского своего бросил) и почему Саша Черепнин ничего не делает для его музыкального развития? Но мне кажется иногда, что сам Саша лишен настоящей чуткости и отзывчивости... Начинает меня тревожить и то, что они так застряли на такой ребяческой бурде, как их (рукописный) сатирический журнал «Тик-так». Пора бы обратиться к более пытливому изучению окружающего. Тем более что оба, по существу, очень умненькие и лишенные всякой извращенности юноши. Еще меня тревожат, но это уже в «физическом» плане, Кокины руки — их склонность к опуханию, к *engelures*'ам¹, связанным с бешеной чесоткой. Возможно, что это последствия его несколько изнеженного воспитания (*keine Abhärtung*²), а также его дурацкой «самобытной» гимнастики (Леличкина базедова болезнь — *наверное* следствие дикой гимнастики под руководством Саши Яши во время морских купаний в Крыму). Слабость Коки к Матреше становится все более заметной. Но до сих пор я не разберу, имеется ли тут *настоящий* роман в ходу.

Воскресенье, 31 декабря/13 января

Снова период нечитания газет. И потому на душе спокойнее. Хуже всего не самые известия (главнейшие все рав-

¹ Обморожениям (*фр.*).

² Никакой закалки (*нем.*).

но узнаешь и без газет), а газетные комментарии к ним, одинаково лживые (или нелепые), из какого лагеря они бы ни исходили. — Стип говорит, что вчера была очень остроумная декларация Троцкого, но с сегодняшней — об Украине — Стип, всецело стоящий на украинской точке зрения, не согласен.

Днем с дочерьми у Добычиной на выставке коллекции Н.А. Смирнова, который, получив отказ Музея Александра III (и за дело — почти всё ужасный хлам), [хоть несколько вещей] теперь хочет распродать. По дороге занес письмо Аргунтону. Однако сегодня он все равно не пришел бы, так как, со слов швейцара, узнал, что Владимир все еще хворает и не выходит. У Добычиной встретил Остроумовых. С ней облобызался, после того не знал, о чем говорить, чувствуя ее накопившуюся затаенную злобу. Он откровенно сух и холоден. Поговорили об их новой казенной квартире в доме Военно-медицинской академии. Добычина познакомила с банкиром Р. (фамилию не разобрал). Это аккуратнейший, опрятенький господинчик. У него *отчаянный* тон. Он не только в ужасе от того, что сейчас вообще творится, но считает, что создается некое *непоправимое* зло, я думаю. Но зло этого порядка создается с самого 19 июля 1914 года! Денег у этих *денежных* людей *совсем нет!* Добычина хоть и продала много вещей за последнее время (в Москве на выставках, по ее словам, картины раскупаются прямо десятками и сотнями), однако при этом художникам ничего реально не достается. Она собирается обратиться к Луначарскому, дабы он приравнял эти получки к общим получкам по предприятиям — «для расплаты с трудящимися». Если сопоставить эту идею с некоторыми другими и, напр., с тем призывом, с которым ко мне обратился вечером Платер («Александр Николаевич, разве вы не можете воздействовать на правительство и *спасти* положение художественных дел?»), то это означало бы начало «капитуляции» наших саботажников; ведь именно такие люди, как Добычина и Платер, были до сих пор *aux feu et flamme*¹ за борьбу с большевиками, главным образом посредством их полного игнорирования. Из собранных на выставке старинных картин запомнились: приписываемый Лебедеву

¹ Горячими сторонниками (*фр.*).

пейзаж «Вид в Екатерингофе» (слева гранитная чаша, с которой льется вода на блистающие от влаги камни, много фигур 1830-х годов); небольшой пейзаж Эрени — современный Калам; милый «Мостик» (ошибочно: «Царское Село») папиного друга Фрикке; большой, малопривлекательный портрет, пис. Тропининым, супругов Енгальчевых и его же уменьшенный автопортрет на фоне Кремля; характерная для «направленчества» сценка Седова (спящий в тени дерева в растерзанном виде поп, рядом за самоваром — поповна), «Ранняя весна» Саврасова (вроде академического Суходольского), этюд Шишкина. Мою «Рабочую комнату в Монтаньоле» Добычина обещала мне устроить на более выгодных началах (оценена она в 2000 руб.). Другая моя акварель — «Порт у дворца Борромео на Isola Bella» (меня меньше интересует).

Оттуда, отправив девочек за моими текстами к Зыбиной, пешком по чудно прекрасному, но сильно морозному вечеру — к Рериху, который приехал вчера из Финляндии и остановился у брата. Он пожелал составить интимное заседание, на которое явились я, Стип и Борис Рерих (опоздавший на целый час).

Пока мы были одни, Рерих с большим изъяснением дружбы изложил положение вещей. Он из-за здоровья не может покинуть Финляндию («даже туберкулез угрожает»), и потому реформу школы нужно отложить на осень; это и устраивает самим собой¹ все мучительные вопросы нынешнего сезона. Приехал же он потому, что от всех — от Степанова, от Химони и Рылова — получил тревожные письма; ты-де один можешь только научить, как быть, и спасти положение. Рылов при этом был в ужасе от моего появления на заседании в школе.

Думается мне, именно *этот* ужас и подвигнул Рериха приехать, — дурачье, никак не могут поверить, что мне до них, до их квашни и до их теплых мест нет никакого дела! Я поспешил его успокоить, рассказал ему, как я попал тогда на заседание, как я себя глупо чувствовал на нем, как я поспешил покинуть поле битвы. Тут Рерих, поверив моим [словам], распоясался и стал жаловаться на Щавинского, на «всю его подлость». В назидание был поднесен и рассказ о том,

¹ Так в рукописи.

как весной Щавинский всюду ругал *меня* за участие в «Новой жизни», как хвалился, что не подаст мне руки, и т.д. Обнаружилось даже, что он сочинил какие-то позорящие стишки на большевиков под псевдонимом Ильинского (сам же открыл Рериху эту страшную тайну) в «Единстве»^[294], где, между прочим, и про меня что-то сказал, вроде «известная цыганка Шура Бенуа споеет что-то такое» и т.д. Заодно попало, но очень осмотрительно, и Яремичу, за его дружбу со Щавинским. Дружба эта основана на обедах и на обильной выпивке, а отчасти и на культуре Украины.

Когда Стип и брат Рериха прибыли, то Рерих прочел свой пространный проект о «свободной Академии» (я раза три засыпал) с приложением вполне выработанного [проекта] реформы. Хоть убей, теперь не помню, что это было такое (какое-то хитроумное деление на мастерские и воскресную школу — дабы удовлетворить всех, а чтоб сам Рерих сохранил в качестве «ректора» свою квартиру и т.д.). Борис Рерих тут же тихонечко приготовил «протокольчик». Я, для проформы, предложил какие-то поправки (наплевать мне на всю эту ерунду).

Послушав от Н<иколая> К<онстантиновича> и от Елены Ивановны (*toujours belle*¹) жалобы на всякие трудности житья в Сердоболе (эти жалобы были изложены больше для того, чтоб другие русские, не дай Бог, не наводнили Финляндии), я со Стипом отправилась² домой.

К встрече Нового года пожаловали Добужинский с Верочкой, Платер, Борис Попов, Эрнст, Бушен, М.Д. Бронников и Шейхель. Добужинский приехал из Москвы еще в Сочельник; ехал сам-три в спальном купе; было невыносимо жарко, несмотря на выбитое вверху стекло; коридоры полны солдат, которые все время громко и злобно ругали «буржуев»; в Москве настроение мрачнее здешнего; в полночь тушатся фонари, и весь город погружен в тьму; с К.С. Станиславским <у> Добужинского снова примирение; в восторге от постановки «Двенадцатой ночи» в студии^[295]; Немирович по-прежнему полон энергии, даже кричит (!); возобновлен мой Пушкинский спек-

¹ Как всегда, красивой (*фр.*).

² Так в рукописи.

такль^[296], от которого Немирович в восторге и даже собирает-ся мне о том писать*.

* Письмо я действительно получил. Оригинал приложен к рукописи Дневника. Вот текст этого интересного документа:

24 декабря 1917 г.

(получено 1.1.1918 г.)

Орфография письма дореформенная. Писано на бумаге со штемпелем «Чайки» под словами «Московский Художественный Театр».

Дорогой Александр Николаевич

Вчера, 23<-го>, я возобновил Пушкинский спектакль. Это дает мне повод, а долг обязывает написать Вам. «Обязывает» как бы неким отчетом, а «дает повод» высказать восхищение многими заключенными в эту постановку красотою. Первым толчком написания было, скорее, именно это. Когда вчера мы релетировали в полной обстановке, то радость была в нас, та самая радость, ради которой мы только и можем мириться со всеми невзгодами. Вчера я лично особенно почувствовал ее, потому что в последнее время идет такой натиск против художника-живописца в театре, и именно у нас в Худ. Т. С. двух концов этот <натиск>: и со стороны нового «курса» Станиславского и со стороны непомерной дороговизны, которая также скорее заставляет театр отказываться от всего, что не грозит полным распадом дела.

И вот: хотя обстановка Пушкинского спектакля и может служить... образцом «засилья» художника в царстве актера, но она такова, что, когда смотришь ее, должен признать ее право самостоятельности на сцене. Красота обстановки получает minimum равнозначащую силу в театре — равнозначащую силе царя сцены актера.

И вливается тогда в меня напор желания побороться еще прежде, чем театр окончательно перейдет в руки драпировщика <создающего> фоны актеру — драпировщика хотя бы и с большим художественным вкусом.

Возобновление Пушкина назло Луначарскому: я, конечно, шучу. Но главный мотив возобновления — именно говорить сейчас со сцены языком Пушкина, Чехова, Тургенева, а не митинговым языком «Известий» и «Правды» и тех организаций, имена коих дают повод подтрунивать в подражание Игорю Северянину. Только у него это талантливо, а у этих Запфронком'ах, Главковерх'ов и т.д. плоско и противно.

«Моцарта» пришлось снять, т.к. Станиславский от одной мысли, что ему придется играть, потерял сон.

«Пир» совсем заново, в смысле раздачи ролей, и отчасти — уже извините за эти — интерпретации. Председатель — Хмара, священник — Попов, Молодой человек — Рустейкис, Мэри — по-прежнему Дурасова, Луиза — Бирман и Порфинова. Остальные, кроме <пропуск в тексте> новые.

Я говорю отчасти потому, что, может быть, эта интерпретация имела место и раньше, но состав исполнителей не осуществил ее.

Я установил трагическое в столкновении двух явлений человече-

Платер хлебнул лишнего (виски) и понес заплетающимся языком ужасную чушь о своих коммерческих достижениях. Он в ужасе от намерения большевиков взять 20% с аукционов и мечтает о расширении художественных торговых дел с границей; Шейхель полвечера мрачно сидел в стороне и старался уразуметь мое письмо (я ему вручил его, как только он явился); Бронников с Атечкой в четыре руки играли неуваждающую <нрзб.>.

Шампанское Бруса привело всех в веселое настроение. Молодежь плясала, а <нрзб.> Мотя даже переделалась хохлом и презабавно постукивала каблуками — «Чбботы мои, чоботы». Когда мы удалились к себе, девочки с ней еще до трех часов гадали.

Сорокарублевые конфеты, на днях мной купленные у Журавского, оказались просто от Эйнем^[297], и самого низкого качества, иные даже отзывались мылом, зато в один миг были расхвачены и съедены чудесные, изготовленные Акицей печенья-лепешки (на что пошло, несмотря на мой запрет, порядочно муки из «неприкосновенного» запаса).

Стужа стоит в комнатах адская, все принуждены были кутаться кто во что попало. Электричество зажглось около восьми и горело до половины второго.

Брус, Карсавина и никто из англичан, несмотря на приглашения, не приехали, но Брус прислал милое письмо, которое я и привожу (письмо написано на трех страницах толстой почтовой бумаги малого формата, с рельефным гербом Великобритании и с рельефной надписью):

ского духа — одно, ищущее утешение от бедствия в религии, другое — в бесстрашии, в неизъяснимых наслаждениях того, «что гибелью грозит», в упоении ея было и т.д. Поэтому действие от мадригала сильным толчком несется вверх, и это движение останавливается только после последней фразы: «Пир продолжается».

Хмара, конечно, лучше Бакшеева, но тоже далек от великолепия с отличным актерским нервом, но грубоват, криклив и малообаятелен. Однако растет с каждой репетицией и хочет многого достичь. Попов очень хороший, сильный, нервный, то Савонарола, то до слез молящий. Остальные средне. Дурасова приятна, как была.

В «Каменном госте» новая Лаура — большая и интересная для театра удача — Бакланова.

В надежде, что мое письмецо развлечет Вас, крепко жму Вашу руку. Шлю привет Анне Карловне и всему дому Вашему.

В. Немирович-Данченко

Trés cher Monsieur Benois

Mille remerciements pour votre charmante invitation pour demain. Je n'ai pas besoin de vous dire combien l'idée me tente, mais je crains presque que j'y devrai renoncer par le fait que Tamara Platonovna est au lit et que même si elle se remet les difficultés des communications surtout après minuit sont telles que je ne pourrai guère lui conseiller de sortir et je n'aimerais pas la laisser seule. Si par un heureux hasard quelconque elle se remet suffisamment avant demain et si je peux lui garantir le moyen de transport je me ferai l'énorme plaisir de venir fêter avec vous le triste commencement d'une année qui nous apportera j'espère tout le bonheur qui nous a si longtemps manqué. Que l'année 1918 nous voie tous à Paris ou en Italie *ensemble*. Pour moi je ne peux pas m'imaginer un plus grand bonheur.

Votre affectueusement dévoué

*Henry Bruce**

* *Английское посольство в Петрограде*

Дорогой господин Бенуа

Тысячу раз благодарю за Ваше чудесное приглашение на завтра. Мне не надо Вам говорить, как эта идея меня соблазняет, но я боюсь, что почти наверняка мне придется отказаться из-за того, что Тамара Платоновна пока прикована к постели. Но даже если ей станет лучше, после полуночи передвигаться так трудно, что я не советовал бы ей выходить из дому, а оставить ее одну я бы не хотел. Если, по счастливой случайности, завтра ей станет лучше и я смогу найти для нее какой-нибудь транспорт, я с огромным удовольствием прибуду к Вам, чтобы отпраздновать вместе грустное начало года. Я надеюсь, что он принесет счастье, которого нам так долго не хватало. Пусть 1918 год перенесет нас с Вами в Париж или в Италию. Для себя я не представляю большего счастья.

Искренне преданный Вам

Генри Брус

1918 год

Переписываю в 9 утра 25 ноября 1955 года в ожидании посещения советского академика, историка искусства Кеменова, в сопровождении (контролирующего товарища?) Ф.А. Акулова (!), заведующего Культурно-просвет<ительским> отделом при посольстве.

Что они от меня хотят?!!

11 ч. 20 м. Слава Богу — ничего. Уехали — и меня не забрали!

Понедельник, 1/14 января

Проснулся в 8 ч. с сильной болью в левом ухе. Вероятно, спросонок неосторожно за него дернул. Мазь Березовского на сей раз не помогла. Авось само собой утихнет. Акица видела странный сон. Точно мы протискиваемся через густую толпу к какому-то отелю. Нас разъединяют. К ней свирепые физиономии обращаются с негодующим вопросом: «Как, у вас нет еще значка? Надо сейчас же купить значок и надеть!» Значки оказались бронзовые, вроде древних киевских крестиков, со стеклышком, и их надо было приколоть по одному к каждому плечу.

Идя (днем) к Добужинскому, увидел по всему Среднему проспекту расклеенные объявления о подписке «Новой жизни» с упоминанием моего имени среди участвующих. В сущности, мне это все равно, но опять пойдут вопросы, науськивания. Придется реагировать. И именно потому, что мне все равно, а это только *нужно*, — задача очень затруднена. Уже в голове придумал целых пять версий письма Тихонову (просто обратиться к Горькому слишком противно), но ни одна из них не нравится. Надо выбрать какую-то «маску» — в моем распоряжении их несколько, но ни одна не нравится. Одна

— «дружеского упрека», но я недостаточно интимно дружен с А<лександром> Н<иколаевичем> для этого. Другая — «маска негодования за насилие», но это может повести к ссоре; третья маска — «холодной сдержанности с достоинством», однако это может выйти тускло и неубедительно. Четвертая маска — «делового обсуждения» и т.д. — это требует долгого разжевывания. А вась, когда возьмусь за перо, станет виднее. Но опять *трата времени!*.. А к тому же, наверное, о моем протесте никто не узнает, а вот имя мое будет продолжать красоваться на улицах, где всякий может его прочесть и сделать соответствующее, мне невыгодное, заключение... Отрекаться посредством «письма в другую редакцию» слишком по нынешним временам противно.

По дороге к Мстиславу зашел к художнику Гурвичу по просьбе (в субботу) его сестры. Сам Гурвич не появился, но она очень симпатичная в наряде больничной сиделки, круглолицая. Извинилась: «Он у нас чудак, прячется от всех». Сюжеты все библейские, точнее, национально-иудейские: «Суламифь», «Вавилонская башня», «Царь-псалмопевец Давид», «Иаков и Рахиль» и т.д. Вс□, как полагается в «лапидарном» стиле, отчасти напоминаящем Рериха, но и Чюрл□ниса. Вс□ в тусклых, тоскливых, синеватых тонах. Лично для меня нечто чуждое и даже глубоко противное. Но, приглашенный «как врач» для установления диагноза, я, не кривя душой, засвидетельствовал, что «больной» — натура художественная, ум своеобразный, с поэтическим уклоном. Разумеется, обращение ко мне за две недели до открытия нашей выставки имеет специальную цель — получить на нее доступ. Я указал, какие из картин имеют больше шансов пройти через жюри, причем, однако, предупредил М-ше Гурвич, что я отнюдь не могу ручаться за то, что мои коллеги эти композиции примут. Как раз она состоит сестрой милосердия в больнице, куда только что привезли изможденного Коновалова и Третьякова.

У Добужинского смотрели его работы, имели рассуждение о реформах, предполагаемых в училище Штигилица, и о приглашении Добужинского туда преподавателем. Я предупредил Славушка об опасности впасть в «месмахерский энциклопедиум»^[298], что является тамошней традицией, и советовал больше развивать личное начало. Старался я и объяснить,

почему я больше не в силах писать, прервать молчание. Он же не переставал меня к тому понукать. «Ты *должен* писать, Шура!» В некоторых словах и мыслях я при этом увидел отражение того брюзжания, которое идет на мой счет (а теперь еще усилится благодаря рекламе «Новой жизни») и в котором особенно изощряются «люди, желающие мне добра, но жалеющие, что я пустился в политику». Точно я недостаточно ясно и определенно излагал во всеуслышанье свою внеполитическую позицию. Увы, я совсем не уверен в том, что и сам Добужинский не принадлежит к этим недоумевающим благожелателям... Во всяком случае, я сомневаюсь, чтоб он эти недоумения кому-либо разъяснил. — Оба его мальчика отморозили себе, бегая на лыжах, пальцы ног и теперь лежат забинтованные. Но ничего серьезного. Из эскизов к «Розе и Кресту» Блока мне кое-что нравится, другое (в чем больше «археологического усердия») нудно или уж *sehr dagewesen*¹.

Во время обеда (кушали у нас Стип и Эрнст) появилась, без предупреждения, прелестная Лариса, в каком-то китайском халатике, который ей очень к лицу. Ближайший предлог ее прихода — возмущение Луначарского по поводу только что выпущенных почтамтом новых, «революционных» марок, но затем заодно она в течение полутора часов изливала свою юную душу по всем статьям своей неожиданной для себя самой деятельности. С марками же случилось то, что и можно было ожидать, — банальный рисунок Зорина: кулак с мечом перерубает цепь (его мы выбрали со Стипом в третью очередь из массы других, еще более бездарных, зоринских, — по *настоянию* «марочного экспедитора»: неловко-де совершенно отбросить такого «заслуженного» мастера), тогда как без употребления остались прелестные рисунки Чехонина и Нарбута. Все то же самое. Изливая душу (мы уединились в единственной теплой комнате — Коки) «товарищу», девушка и чиновница особых поручений (в общем же, очень милое, очень благожелательное существо) рассказала в новой, проверенной версии историю о якобы обнаруженных покражах, о навете коллектива низших служащих (попросту сторожей) на комиссию Верещагина, о несомненной обдуманности случившейся кражи, о негодовании Верещагина и его помощни-

¹ Очень избито (*нем.*).

ков, а в качестве вывода из всего и в предотвращение дальнейшего разорения она стала настаивать на скорейшем учреждении все еще только предполагаемого «совета» Зимнего дворца. «Как этого добиться, не натываясь на саботаж и не производя слишком громкого скандала?» Я ей рекомендовал такой способ: пусть Луначарский всячески сначала заявит о внеполитическом характере такого совета и попробует войти в непосредственный контакт с не скомпрометировавшими себя представителями аполитического художественного мира* — в первую голову с Тамановым и Д.И. Толстым. Пусть он соберет с ними предварительную конференцию, которая и выскажется о необходимости учреждения помянутого совета. Ну, а там, Бог даст, они же, эти вожаки, сумеют уговорить остальных. Ведь названным господам все же не безразлична целостность всех государственных сокровищ и продолжение собственной деятельности. Лариса поручилась за своего патрона, что он всецело встанет на точку зрения такого «нейтралитета» (ах, только бы на конференции он не пустился в свою митинговую элоквенцию!). Не знаю, усвоила ли Лариса все, что я ей толковал, но она все время грациозно кивала головой и даже умиленно, в знак сочувствия, жмурила глаза. Ее роль сводится теперь к тому, чтоб не допускать до Луначарского «всех, кто влезет из жадных до пирога, всяких Бриков и Браков!». Полная воодушевления, она обещала, что «как увидит, что такой Брик лезет в окно, так она его за фалды и назад». Вообще же, от последних мероприятий большевиков она в большом, «чисто буржуазном» ужасе (я уверен, что ее ужас — отражение ужаса ее принципала и уж наверняка ее отца, который тоже подвергся общественному гонению за «передачу большевикам»^[299], о чем она скорбит). К сожалению, милая девушка лично ровно ничего не смыслит в искусстве (как, впрочем, и ее принципал, который только здорово об искусстве умеет растабаривать). За чаем вышла даже маленькая неловкость. В шутку, указывая на новую лампу, я говорю: «Посмотрите, какую мне удалось приобрести на днях

* В противоположность мне, уже скомпрометировавшему себя «дружкой» с большевиками и навлекшему на себя непонятную ненависть художественного стада.

¹ *Здесь:* исполнение танцев, как во время народного гулянья в Южной Германии (*нем.*).

севрскую лампу», а она, бедняжка, и поверила. — Акице Лариса понравилась (больше, пожалуй, за ее типично немецкое *Kirbeschen und Platzen*¹ во время того, что Эрнст с Атей отплясывали свои новомодные танцы), но все же она нашла в ее глазах что-то фальшивое, вроде того что у Николая Альбертовича, — *Der gleissende Wurm*¹. Под конец мы сидели в оживленной беседе в столовой у самовара, пока не заехал за ней ее бравый, видимо по уши влюбленный, моряк-телохранитель^[300].

Стип рвет и мечет на увертливость и дипломатическое хитрение Рериха. Он даже хочет совсем выйти из Общества поощрения (точно его Щавинский лучше). Мечтает выбрать весной на Украину. Эрнст его ужасно огорчил, передав ходячий слух, будто Украина идет на капитуляцию, а Рада уже распущена.

От милого Владимира ответ на мое письмо. Я глубоко тронут. Не ожидал, что искреннее чувство возьмет верх над дурью и упрямством. Вот эти строки, написанные его размашистым почерком. Его я читаю легко; каждая буква вырисована (так его научили в Кембридже?).

1 января 1918

Петербург

Дорогой друг,

Дружески и от всего любящего сердца обнимаю Вас и Анну Карловну и благодарю за письмо. Вчера я весь день пробовал дозвониться к Вам, и всякий раз мне отвечали, что Ваш телефон занят. Наконец часам к 11-ти одна из барышень смилостивилась и сказала мне, что звонок Ваш не звонит. Несмотря на это, я еще раз, в 11 часов 50 м□ин□., позвонил к Вам и получил тот же ответ. Мне хотелось Вас поздравить и вместе с Вами пожелать вам всем и всем исстрадавшимся душам *мира внутри и вне*, и не только Вам одним, но и всему человечеству. Но сейчас всюду такая ночь и такая темнота, что ничего не видно, и не будь у каждого из нас веры, что лучшее будет

¹ Притворство (*нем.*).

и должно прийти, что безумие, происходящее внутри страны и за ее (?) границами, — словом, повсюду, повсюду в мире, — не может продолжаться, не будь у меня веры в том, что лучшие времена придут, — я бы давно покончил с собою — слишком уж тяжело жить и присутствовать при происходящем. Пока же остается одно утешение — это сознание неизбежного в настоящей дружбе, и я больше, чем когда-либо, верю, что дружба сильнее смерти!

До свидания, дорогой друг, я еще не выхожу, и при первой возможности буду у Вас.

Ваш всегда и неизменно, несмотря на все□,

В. Аргутинский

Вторник, 2/15 января

Днем с двумя Аннами совершил пешее хождение на Потемкинскую к Дестрэ (трамваи не ходят, извозчики запрашивают 20 и 25 рублей!). На сей раз почти все время с нами сидел сам посланник. Все трое мы нашли, что они добродушные люди, но не без несколько провинциального оттенка. Молодая чета Duperré более умна (в этом мы удостоверились, когда обедали у Жангиля, однако, к сожалению, мужа сегодня не было). Оба — и Дестрэ, и его супруга — стараются быть важными и даже величественными, и тут же *de petits démêlés domestiques*¹. Он полон негодования (что вполне понятно) на произошедший в воскресенье арест румынского посланника (от Дестрэ мы узнали об этом и лишь затем прочли о том в вечерних газетах — утренних вообще сегодня не было). *De mémoire d'hommes on n'a pas vu rien de pareil!*² (Я не утерпел, чтоб не напомнить ему о том, что в XVIII в. в Турции была даже «мода» сажать послов в семибашенный замок.) Весь дипломатический корпус ездил в Смольный, и при этом случае Дестрэ увидал в первый раз Ленина. На мои расспросы, как он выглядит, Дестрэ довольно неожиданно заявил: «П

¹ Мелкие семейные ссоры (фр.).

² С незапамятных времен не было ничего подобного! (фр.).

³ «На вид он настоящий немец» (фр.).

⁴ О внешности... о нравственных качествах (фр.).

a tout à fait la tête d'un boche»³ — и вообще отозвался о нем, как au physique, так и au moral⁴, крайне отрицательно. Сербский посланник потрясал над головой Ленина кулаками, говорил о тех жертвах, которые для общего дела принесла Сербия; кажется, американец указал, что эта мера, якобы принятая во избежание войны с Румынией (?!), может лишь повести к войне с нею. A côté de Lénine se tenait cette petite vipère qu'on nomme Monsieur Sal-kind! Après que le représentant de l'Amérique ait prononcé son discours — en anglais, il (Salkind) a préféré continuer en français qui est la langue diplomatique reconnue¹. В конце концов, Ленин сдал, обещал освободить Диаманди, но весть об освобождении была привезена только во время нашего чая (с очень вкусными пирожными) одним из чиновников Légation². — Несравненно лучшего мнения Дестрэ о Троцком, с которым он имел свидание dans la maison d'un ami commun socialiste³ вскоре после переворота (М/недели две тому назад, пожалуй, о таком знакомстве и о таком свидании не говорилось бы). Троцкий вел себя вначале очень агрессивно, бросая упреки по адресу «de votre Vandervelde»⁴, который-де оправдывал союз с царизмом. Но затем они, видимо, поговорили по душам. И напряженность Троцкого (которая мне представляется достаточно «дьяволичной») импонирует Дестрэ — особенно его «crinière de lion»⁵. Притом, оказывается, Троцкий говорит sans le moindre accent⁶ и по-французски, и по-английски, и по-немецки. В частности, Дестрэ не сомневается и верит всем его расчетам на революцию в Германии. Мы же с Акицей убеждены, qu'il va les rouler tous⁷, и некоторое подтверждение тому получено в вечерней газете, где даже говорится в умышленно туманной форме о достигнутом согласии насчет Польши и Курляндии. Верю я слухам о начавшихся контрах между нашими обоими олигархами, и, я думаю, Троцкий сумеет в

¹ Рядом с Лениным находилась эта маленькая гадюка, которую называют «господин Залкинд». После того как представитель Америки произнес свою речь — по-английски, он (Залкинд) предпочел продолжать по-французски, так как это признанный язык дипломатии (фр.).

² Дипломатической миссии (фр.).

³ В доме одного общего друга — социалиста (фр.).

⁴ «Вашего Вандервельде» (фр.).

⁵ «Львиная грива» (фр.).

⁶ Без малейшего акцента (фр.).

⁷ Что он всех обведет вокруг пальца (фр.).

известный момент сбросить более далекие от жизни теории Ленина, который к тому времени успеет себя скомпрометировать окончательно своей маниловщиной. Да и применению социализма к особым условиям России Троцкий придаст такое течение, которое не разрушит всего государственного здания. Постепенно и вся эта абракадабра может даже приобрести вполне разумные формы, далекие от митинговых лозунгов и выкриков. Но не испортили бы тут эсеры. Что означает, напр., покушение на Ленина вчера вечером, после его выступления в Михайловском манеже^[301]? Или это нечто подстроенное для оправдания введения террора — вплоть до гильотины? Не думаю. Эту технику они еще не выработали. Но пока что город объявлен на осадном положении (*АВ!* продовольственное дело принимает остро угрожающий характер; подвоза нет; пригородное сообщение на Виндаво-Рыбинской дороге — следовательно, и с Царским Селом — совсем прекратилось из-за недостатка топлива; *лавки пустые!*). 5-го, 7-го, 10-го ожидаются какие-то очень крупные события, которые в ночную бессонницу рисуются мне крайне угрожающими, но о которых днем вовсе не думаешь...

По дороге домой, усадив своих дам на извозчика, я пошел на лекцию В.Г. Черткова в Тенишевском зале: «Толстой и современные события». До лекции и во время перерывов сидел у В.В. Гиппиуса. Снова он приставал с тем, чтоб я писал для «Мелоса» (который, видимо, поглотил и «Сумрак»^[302]). Сам же он уже написал столько (на политические темы), что это уже просится в отдельную книгу (которая, я думаю, будет интересной). [Я то же мог бы сделать со своим дневником (как раз у Гиппиуса работа носит дневниковый характер), но ведь в этом сыром виде мои записки нельзя печатать, а для] того, чтоб сделать из них выемки и их препарировать, у меня нет ни времени, ни охоты... При этом Г<иппиус> жаловался, что вся его жизнь никчемна и не устроилась так, как нужно (этот его припев мне знаком издавна, и я думаю, он внутри очень честолюбивый или, вернее, тщеславный человек), он «завидовал» тому, что мне удалось «расчислить пути» в моей специальности — в искусстве (Боже, какие иллюзии!); «завидовал» и Асафьеву за то, что он «окружил» свою задачу таким тесным кругом... Говорил Г. и о том, что в литературе, как и в музыке, «ничего не сделано». Зас-

тал я его в обширной, пустой и холодной столовой директорской квартиры одиноко сидящим после обеда в уголке на диване у лампы, с бутылкой сотерна (из погреба Сувчинского), с финской шапочкой на голове и в самоедских оленьих сапогах. По стенам странная по выбору смесь фотографий и гелиографюр: «Иоанн Креститель» Леонардо («Единственная вещь, которая здесь висит не случайно, Елена Васильевна очень любит эту вещь» — удивительно, что эта изможденная, маленькая, рыженькая, с надорванным голосом, тихая женщина могла выбрать именно эту «лукавую картину» — не скрыто ли в этом факте какой-то основы буржуазной греховности — совершенно неосознанной), нестеровское «Рождество» (Г<иппиус> был очень удивлен, когда я его побранил за эту слащавую «иллюстрацию», — тут-то в оправдание и было сказано, что «все здесь случайно»), «Венера» Корреджо («тоже не совсем случайно, я почему-то очень люблю эту вещь — эти ножки, и вообще она такая юная»), «Страшный суд» Микеланджело, русский современный, очень гадкий лубок «Страшного суда», маленькие фото с двух Рембрандтов и еще что-то; тут же портрет Лермонтова и, кажется, Грановского; в большом кабинете — большая гелиографюра с «Сикстинской Мадонны» (по пояс, Г. был удивлен и очень обрадован, когда узнал, что я эту картину ценю и даже считаю ее в некотором роде [за чудо]). — Вместе с супругами спустился на доклад (позже к нам присоединился Женя Лансере). Меня удивило, что Владимир Васильевич в раздражительности то и дело буркает на свою подругу жизни. В ней, впрочем, есть нечто неопределенно раздражающее: «примитивно-жалкое», напоминающее диккенсовских жалких <?> героинь (она не англичанка ли по происхождению?). Мне думается также, что ее сильно покалечили декадентские моды и фокусы дней ее молодости (*нашей* молодости). Счастье или успокоенье она едва ли способна давать в наши ужасные дни, а то счастье, которое она и дала мужу когда-то, когда она была «хрупким боттичеллиевским цветком», было болезненным и чуть нудным. «Поэтично-надорванной» я ее помню всегда, но, может быть, то, что было больше известным кокетством (выработанным между книжкой и зеркалом), стало подлинным после того что она потеряла своего второго сына — мальчика семи лет. Вероятно, посещение смерти немало способствовало и

тому унынию, которое чувствуется в их пустынном доме.

Лекция началась с того, что вышел барского вида господин с бородкой клином (мы по невежеству его приняли за самого Черткова) и прочел, без всякого предисловия, недурно и с очень монденным произношением (и даже картавлием), ряд сценок, в которых детям отведена роль «представителей чистой человеческой совести», обращающейся с озадачивающими вопросами о богатстве, о войне, о труде с ясной простотой. Прочел и, без дальних комментариев, удалился. Тут только и появился «настоящий» Чертков. Он еще более *барской* наружности, но одет по-пролетарски, в тужурку и плохо сшитые штаны. Говорит почти без монденного акцента, но и не по-народному. Борода и волосы подстрижены, лицо очень благообразное, но мне лично не очень приятное, вероятно, потому, что я больно часто бывал обманут именно этими красивыми, «открытыми» русскими лицами (смесь «московского» Гагарина Николая Викторовича, Сержа Зарудного и даже, пожалуй, Вел. Князя Николая Михайловича), — большой, тяжелый, но все же статный и очень подвижный. Особенно характерно для «барина» было то, что он долгое время не мог найти подходящего места для своего переносного (оркестрового) пюпитра (штепсель у кафедры он сразу же выключил) и, не переставая говорить, все носил пюпитр то туда, то сюда, ставя его то под один зажженный бракет, то под другой, то между ними. На пюпитре у него лежали листочки с выписками из Толстого, которые он читал, сопровождая своими комментариями, к сожалению, более пространными, нежели эти, подчас чудесные, кусочки Льва Николаевича. От такого поучения стало скоро очень скучно (к тому же в зале, почти полном, стояла невыносимая стужа), и я остался на вторую половину только из любопытства — что за вопросы, по приглашению докладчика, будет ему предлагать аудитория. К сожалению, эти вопросы подавались «немыми» записочками, и словесных контроверз не получалось. Чертков не задумываясь сейчас <же> импровизировал, в большинстве случаев, очень коротенькие ответы. Самые же вопросы были нехитрыми и нетипичными. Лишь один пролетарий à la Игнатов^[303] с очень нахальным видом подал более длинную записку, в которой он славил коллектив, его душу и в то же время корил Толстого за гнусный эгоизм. Но и это нисколько не

кольнуло Черткова, а вообще от всех его речей веет чем-то уж чересчур уверенным и простым. Когда Лев Николаевич «ломает себя», стараясь опроститься и достигая (иногда) поразительной убедительности, то чувствуешь под этим тяжелую душевную драму, борьбу, преодоление. Для Черткова же все «ужасно просто и ясно», никакой *борьбы* не чувствуется. Многое даже и просто глупо. Еще характерно для «барина» его преклонение перед русским мужичком (по существу, это нечто очень близкое к тону салонных попечительниц русского крестьянства), а его настаивание на *России* <как> чуть ли не на какой-то «национальной гордости» плохо вяжется с космополитизмом Толстого (но все же в вопросе о войне он тверд и логичен — по-толстовски), а также мне показалось мало соответствующим учению Христа презрение Черткова к интеллигенции и к культуре, ибо ведь Христос останавливался у мытарей, ел и пил на пирах с фарисеями и книжниками и советовал платить дань кесарю. Наконец, далека от толстовского бича легкомысленно-антиклерикальная злоба на православную церковь (нападки на нее, столь долго запретные, Чертков произносил с особым смаком). Еще характерна манера Черткова — его разгуливание по эстраде, причем вопросы ему прочитывал его секретарь (помощник?), снова зажегший штепсель. Мне показалось, что Чертков слишком верит, что он Левин, что он «толстовский герой», что он «обрел Бога» — *c'est une affaire faite*¹. Руки в карманах, крутые повороты, пользование закругленными, ничего не говорящими фразами. Во всем что-то и миссионерское. Пожалуй, в близком общении *c'est un raseur que je n'aimerais pas connaître de plus près*²... Но, вероятно, он и добрый, «хороший» человек, даже не без святости, но и не без гордыни, и лишенный всякого интереса к красоте, к искусству. Если бы подобные люди повели человечество (в частности, русскую демократию) дальше, то оно (человечество) вскоре впало бы в одичание, и на земле воцарились бы мрак и смрад — как раз обратное Царству Божию, на что указывает Христос. Это те же *безумцы* — социалисты. А безумие их в том, что они торопятся осуществить христианский порядок на земле, что недостаточно понимают «силу

¹ И это уже окончательно (*фр.*).

² Это зануда, с которым не захочешь общаться более тесно (*фр.*).

вещей» и благотворительную силу времени, недостаточно верят в возможность обретения Царства Божьего *внутри нас*.

Среда, 3/16 января

На воздухе потеплело, зато в квартире (такова ее природа) стало еще хуже и прямо невыносимо. Как бы только не заболеть! Кока, бедный, стал вдвое страдать от *engelures*, руки у него чешутся до бешенства. Что это такое? Мне кажется, это едва ли только наружное, это, скорее, какое-то общее недомогание кровеносных сосудов. Хайкин находит, что это на *ревматической* почве!

Вызванный в Зимний дворец, я нахожу там только Верещагина — в уединенном верхнем помещении, занятом его комиссией. (Позже подошел Эрнст.) Я думал, что стряслась какая-нибудь новая беда, но оказалось, что наш «запуганный старик» (как-никак он лет на пятнадцать, если не больше, старше меня) встревожен «изменившимся к нему отношением начальства», и призвал он меня для того, чтоб со мной посоветоваться, не заявить ли ему первому [и его двум аюдам] об уходе, пока их о том не попросили. Тут и какие-то слухи, разносимые *tracassier*¹ Петровским, будто бы у «начальства» намерение ликвидировать всю комиссию «черносотенцев» и заменить ее пролетарской организацией; тут и возмущение Верещагина тем, что Ятманов очень резко сделал вчера внушение Дементьеву (Комаров — начальник последнего — по-прежнему просто саботирует; его я, кажется, еще ни разу не видел) и даже пригрозил ему *Крепостью* (отсюда, главным образом, и у Верещагина припадок острого страха)! Я не счел нужным скрыть от Василия Андреевича, что побывавшая у меня Лариса (которая вообще благоволила к нему какими-то «дочерними» чувствами) жаловалась на то, что атмосфера в Зимнем дворце *окислилась*, и изумлялась, почему и та и другая стороны прибегают ко мне, когда им, работающим каждодневно в одном и том же здании, проще было бы сталкивать-

¹ Надоедливым (*фр.*).

* Этот совсем новый персонаж только что прибыл из Парижа, — Лариса характеризует его как «живописца в духе “Мира искусства”», вроде Машкова. Я его мельком видел; он произвел скорее впечатление чего-то жалкого, убогого. Маленький, кривенький, на дряблых ножках.

ся и объясняться непосредственно одним с другими. Сейчас же я распорядился о вызове Ларисы (как это характерно, что я, никакого официального поста не занимающий, однако распоряджаюсь и вызываю Ларису, тоже никакой определенной должности не занимающую). У нее оказался «новый заведующий художественной частью» (это вместо Мандельбаума? А разве М<андельбаум> ушел?) — Давид Штернберг*. — Когда Лариса поднялась к нам, я устроил очную ставку между ней и Верещагиным, приведшую к полному миру и согласию. Она объясняет резкость и грубость Ятманова «нервностью общего положения» (третий день Луначарский, под предлогом каких-то семейных обстоятельств, никуда не является), причина тут в подготовке отпора назревающим грозным событиям (кстати сказать, в покушении на Ленина в Москве^[304] она подозревает Савинкова, который будто бы здесь; насилу Луначарский убедил верховников не вводить сразу террор).

Получается сугубо фальшивое положение (я думаю, что так идет по всей административной линии). Ятманов является как бы ответственным за все лицом, однако не знает, на кого опереться. Дементьев жалуется на падение дисциплины среди «низших служащих» (сторожей, лакеев, швейцаров и т.д.), но сам уклоняется от признания того начальства, которое является его непосредственным и которое *признано* его подчиненными!

Лариса остановила печатание почтовых марок с рисунком Зорина и получила от Луначарского одобрение рисунков Чехонина и Нарбута. Она же поехала вечером (довезла на царских открытых санях и меня до дому) к Б. Попову, Шухаеву, к Добужинскому для заказа еще новых типов марок. Она вообще молодец!

Из газет трудно себе вполне уяснить, что происходит в Бресте. Но впечатление у меня такое, что все же дело мира налаживается (все равно, верить ли при этом в действительность блефирующих приемов Троцкого или не верить). Несмотря на громкую «героическую» статью Радека, там как будто мосты устанавливаются и даже «проглочено» что-то вроде ультиматума (вообще, печатающиеся протоколы отличаются большой, едва ли не умышленной неясностью). Зато

¹ Я узнал об этом последним (фр.).

писаки в «Дне» и в «Речи» не унимаются, шипят и травят и тем самым затрудняют дело. В «Речи», между прочим, сказано, что постановка «Соловья» отложена, а пойдет «Петрушка» вместе с «Кашеем». Je suis le dernier à le savoir¹, тогда как было условлено, что Зилоти будет меня держать в курсе...

Вечером у нас супруги Рерих. Разговор был оживленный и главным образом вращался вокруг Щавинского, Стипа, Д. Верещагина и вообще дел Общества поощрения. Но изредка съезжали и на политику, причем Елена Ивановна неожиданно обнаружила необычайно ретивую германофобию. «Умоляла», чтоб я «спас Стипа» от дурного влияния Щавинского, который его опаивает водкой и пивом. Позиция Стипа довольно двусмысленная. В душе он жаждет реформ (в школе Общества поощрения), болеет душой за порученный ему музей Общества^[305], но лично при этом не способен ни на действия, ни на удачный выбор людей и тем менее на руководство ими. Получается нечто несуразное. Затеяв, по инициативе Рериха, реформу школы, он со своими новыми приятелями, которых он сам едва ли очень ценит, но которые ему импонируют решительностью своего тона (а еще более угостениями), вздумал повести интригу-заговор против отсутствовавшего Рериха. И вот Рерих внезапно покинул свое уединение в Финляндии, пожаловал в Петербург и сразу уладил все недоразумения, но, естественно, не желает вообще работать с людьми столь неверными и нелепыми или — как Стип — слабыми. Тамошний Верещагин возбудил против себя весь педагогический состав своими «большевистскими» приемами. Будучи казначеем и видя недостаток в кассе, он распорядился самолично выдавать жалованье только по своему выбору (предварительно попробовав узнать через кассиршу, кто из преподавателей более нуждается), а на днях он в раздражении во всеуслышание бросил фразу: «Дайте этим нищим, что им причитается». Быть <может>, что все это кончится ссорой Стипа с Рерихом и вынудит его подать в отставку, а тогда он снова лишится и крова, и определенного дела, очень ему по существу близкого (хранительство музея!). — Косвенно во время разговора выяснилось, что Рерих здесь из-за своего сейфа, но, к величайшей своей досаде, Елена Ивановна, всегда такая осмотрительная, на сей раз забыла в Финляндии ключи от несгораемого шкафа, в котором лежат ключи от

сейфа ее покойной матери. Вернуться обратно за ними нет мыслимости, а тут угроза, что и в Финляндии готовится ревизия сейфов. Бедный Рерих, удревший от революции, попал теперь в самый разгар ее и принужден застрять в Петербурге. Даже для *такого* хитреца и мудреца довольно простоты!

Кончил «Jean Christoph'a», но на то, чтоб запечатлеть здесь подробный отчет о всей этой грандиозной поэме, у меня сейчас нет сил. Скажу только, что я в общем *благодарен* Ромену Роллану; он меня в течение всего последнего времени и утешал, и ободрял. Но только *я не верю* <ни тому,> что Jean Christophe немец (это у автора, несмотря на его хорошее знание Германии, не вышло), <ни тому,> что его музыка так сверхъестественно гениальна. Вообще, музыкант такого масштаба немислим, он *не ко времени*. Да и во многих других отношениях роману недостает убедительности, — вероятно, потому, что вся *поэзия* книги построена на рассудочной основе; нет внутреннего горения. Что-то и общее с Мережковским, и это очень большой недостаток! Как памятник кануна войны, роман, во всяком случае, остается весьма внушительным и полным психологического материала. Последний том носит видимый отпечаток не только некоторой усталости автора, но и усталости всей эпохи, всей нашей культуры. Вспоминаю, до чего меня в первые дни [войны] в S-te Jean de Luz¹ (в июне и июле 1914 года) возмущали буржуазные отели и виллы, изгадившие всю эту прелестную местность, до чего преследовала мысль о какой-то *необходимости* все это переменить. При этом на меня действовала и целая категория мыслей и чувств, носившихся тогда в воздухе, — они-то и вызвали войну и все дальнейшие ужасы, которые должны будут смести весь старый мир! Утешаюсь мыслью, что хоть все на свете обречено на гибель, однако кое-что переживает, и даже переживает многое самое существенное...

Все мучаюсь тем, что никак не могу прервать свое молчание (в прессе) и даже не могу собраться послать письмо в «Новую жизнь»! Все же долг мой — высказаться! Однако что я скажу, где и как? Окончательное препятствие заключается, пожалуй, в том, что я не понимаю до конца того, что я вижу. *Никто* не понимает.

¹ Сен-Жан-де-Луз (фр.).

Четверг, 4/17 января

Снова принялся читать газеты и... расстраиваюсь. Однако записывать впечатления не хочу.

Назавтра, в связи с открытием Учредительного Собрания, ожидаются всякие ужасы. Днем побывал у Н.Ф. Обер. Бедняжка ничего не знала о ревизии сейфов и пропустила свой черед. Все ее крохи лежат во «Взаимном кредите», и их могли конфисковать. Кроме того, у нее еще одно горе: ее покинула ее Поля, миловидная и разбитная девчонка, которую они привезли с собой из Курска и которую здесь совсем закрутили столь процветающие в нашем пире во время чумы «балтанцы». По всей Зелениной улице густые и длиннейшие хвосты ожидающих выдачи керосина у двух складов «Метеора». Гул, крики, смех, грубые шутки. Много жалких старичков и старушек, но много и молоденьких барышень, даже гимназистов. — Шагать приходится по горам частью утоптанного снега. — После обеда наконец появился у нас «товарищ» художник Штернберг — новое, пожаловавшее из Парижа доверенное лицо Луначарского — «начальственные функции» которого, однако, пока вовсе не выяснены. Несмотря <на> очень общипанный вид, он держится довольно начальственно, почти величественно. Его живописная специальность — «реалистический натюрморт». В парижском Салоне он выставил какие-то «Селедки». С виду маленький <?>, серый, очень типичный еврей. Говорит с сильным жаргонным акцентом и охотно съезжает на французский, тоже сильно жаргонистого привкуса... Он оставался недолго, не более десяти минут, он и приехал только для того, чтоб извиниться, — его-де «внизу ждут». Мне показалось, что его, скорее, смутило довольно многочисленное общество, которое он застал у нас: Стип, Эрнст, Б. Попов, Бушен и все наши. На меня он произвел, скорее, жалкое впечатление, на остальных — определенно *противное*. В нем есть что-то от диккенсовского Урии Гипа^[306]. После обеда всей компанией рассматривали итальянские гравюры XVI в. и под мою и Акицыну музыку плясали. Атя с Эрнстом великолепно танцуют. Мило грациозен Бушенчик в имитациях балетных танцоров. Даже я прошелся несколько раз мазуркой со своей обожаемой под собственное пение. Все это, глав-

ным образом, чтоб побороть *холод*.

Пятница, 5/18 января

Один из исторических дней нашей, чрезмерно насыщенной историей эпохи... В нашем доме он прошел совершенно спокойно, лишь по приходившим вестям извне можно было бы составить какое-либо представление о том, каким этот день перейдет в историю... однако и эти вести не дали какой-то эффектной картины... Правда, на Среднем проспекте Васильевского острова собирались большие и малые «митинги», и довольно внушительные массы спешили к Николаевскому мосту, но у нас из окон улица представляла вид самый обыкновенный, пустынный и унылый. Утром Аллегри был в Таврическом дворце. И там в это время было совсем спокойно. Его с советским мандатом матросы и кексгольмцы пропустили беспрепятственно, людей же с другими документами не пропускали (Аллегри не оставался долго во дворце). В столь же тусклых красках повествовал Эрнст, побывавший до полудня в Зимнем: Луначарский при нем поехал в Тавриду, но на сей раз ему пришлось нанять извозчика, так как его казенный автомобиль куда-то запропастился (уж не заговор ли? Как раз его «адъютант» Лященко сообщил, что раскрыт где-то еще один заговор против советской власти и найдена масса взрывчатых веществ). Однако Бушен, пришедший к чаю, рассказывал уже форменные ужасы, которых он был на Литейном отчасти и свидетелем — издалека. Он слышал стрельбу и неистовые (при его-то глухоте!) крики. Ему объяснили, что рабочие расправляются самосудом с красногвардейцами (?) за то, что те стреляли в манифестантов, причем убили их вождя... У Шпалерной огромная баррикада и баррикада из дров у Литейного моста — однако были ли какие-нибудь бои

* Этот первый день оказался и последний. Было произнесено с кафедры несколько речей, однако во время речи (Чернова?) в зал вошли солдаты и окружили оратора; один из них, положив руку ему на плечо, произнес: «Ну, а теперь довольно», после чего все собрание было разогнано. Этот рассказ ходил по городу на следующий день, однако при этом не сообщалось ни о каких-либо протестах, ни о жертвах. *La force des bai onnettes* [сила штыков (*фр.*). — *Перев.*] была на сей раз применена, но исходила она от власти «революционной».

у этих баррикад, он не знает. Самые манифестации (это рассказ Эрнста) имели, скорее, печальный, а то и трагический вид — из-за того, что они состояли в значительной степени из «чистой публики» — почтенных отцов семейства, дам и гимназистов. В «Вечерней газете» мы прочли, что Учредительное Собрание возымело свой первый день бытия*.

Какие-то «ощущения и полуфакты» указывают на известную растерянность и склонность к частичным уступкам смольных правителей. Не влияют ли тут дурные вести (если не перевернутые) с Украины? Или новая заминка в мирных переговорах? Вечером мы отправились большой компанией в кино (на 1-й линии). Соблазнили уверения Саша Черепнина, что в фильме (с Гзовской) участвуют девочки Спендиаровы (дочери композитора) и что самое действие происходит в Судаче. Но по обыкновению оказалось, что Сашка налгал, и пришлось просидеть около часу, глядя на то, как эта противная актриса (Гзовская) «душкуют», изображая сначала монашенку-иконописицу (?), а затем, благодаря ее роману с художником, становится сама художественной звездой первой величины. Художник от зависти вскрывает себе вены, а она, уйдя снова в монастырь, преследуется его видениями, падает с подвесной малярной люльки и разбивается!! Чтоб ему пусто было — Сашке! Еще хуже был куплетист (Яша) — абсолютная бездарность, — спевший язвительные куплеты, направленные (как и все куплеты на наших *tréteaux*¹) против большевиков или издавающиеся над «керенками». Он имел успех и спел на «бис» вещи еще менее сносные.

На ночь прочел первую статью Асафьева в «Мелосе». Все ищу стимул для собственного выступления. Увы, и на сей раз не нашел. Кое-что из замечаний остроумно, но в общем это довольно претенциозный набор слов, долженствующий представлять великую глубину мысли. Ой, скучно с этими людьми! Им я *совсем* не верю (зато до чего я наслаждался за чаем разглядыванием старых немцев; я особенно теперь возлюбил Кранаха).

¹ Подмостках.

² «Эти люди — прирожденные правители» (*фр.*).

³ *Здесь*: способности (*фр.*).

Суббота, 6/19 января

«Правда» игнорирует вчерашние демонстрации и вчерашние убийства^[307]. «Ces gens ont l'étoffe de gouvernants»², — сказал бы Палеолог. И это же доказывает приведенная как будто без урезок дискуссия между ген. Кюльманом и Троцким^[308]. Как будто последний идет на сдачу, но делает это искусно и с достоинством (тем максимумом достоинства, которым сейчас представитель России может козырять). Для меня весь вопрос сводится по-прежнему: идет ли он на *мир*, решил ли он вести на мир или нет, иначе говоря, имеет ли он действительно l'étoffe³ государственного человека, имеющего здравое понятие о реальных обстоятельствах и умеющего уступить силе вещей, где того требуют эти обстоятельства, или же он книжник, доктринер. Если он первое, то дай Бог ему здоровья и удачи, — тогда он предотвратит от России еще худшие беды, повернет колесо на благополучие. И мне кажется, что Троцкий таков. Тогда действительно необходимо зажать рот всем крикунам и мутилам и сначала *во что бы то ни стало закончить с войной*. Было бы, разумеется, важно, чтоб немцы — для видимости — сделали бы кое-какие уступки — для придачи большей авторитетности и большей заслуге работе Троцкого. А там ему недалеко и до диктатуры. Если он человек действительно умный, то и здесь ему удастся еще поправить все, что натворили его идеалисты и «благодетели человечества» коллеги. Задача трудная, но более возможная при состоянии развала, на психологии отчаяния и уныния, нежели при состоянии мало-мальски общего восстановления. Пока что «Учредилка» (как характерно, что уже и этот почтенный институт, на который возложено столько надежд, о котором мечтало столько поколений, уже получил такую *кабацкую* кличку) дышит на ладан, а пожалуй, и вовсе кончилась. В вечерней <газете> «Наши новости» (бывшая «Биржовка»)^[309] уже определенно говорится, что Смольный решил ее закрыть!

Выходил сегодня только около четырех, и то лишь через улицу — навестить болеющих стариков Сюзоров. Специальная цель: справиться у Павла Юльевича насчет сейфов (по поручению Н.Ф. Обер). Но и П<авел> Ю<льевич> ничего

¹ Праздника Богоявления (*фр.*).

толком мне не смог сказать. Теперь и он только и мечтает о мире, и на сей раз ему вторит сама Софья Александровна. У них от сына известия из Владивостока и Харбина. Генерал Хорват отставлен благодаря ультиматуму китайцев. Слух об оккупации (под видом охраны японских граждан) Владивостока японскими и английскими судами как будто подтверждается, несмотря на успокоительные опровержения советских органов.

С утра вьюга; около 5 ч. наступило затишье, но потом возобновилась с бешеной силой. — В городе тихо, лишь около трех Мотя слышала недалекую пулеметную пальбу.

Традиционный обед *Fête des Rois*¹ (о, как я любил этот праздник^[310] в детстве, когда огромная картина Иорданса с тем же сюжетом точно участвовала в нашей семейной пирушке). Сегодня к обеду были приглашены: Эрнст, Бушен, Б. Попов, Яремич, Добужинский и Платер (за последним «ухаживает» Акица в надежде через него получить финляндских или даже шведских денег — что было бы важно ввиду нашего желания с весны серьезно заняться лечением Лелички), и явился еще, к общей досаде, незванный Зеленков, от которого распространялись на всех волны скуки. *Le pauvre homme!*¹ Обед состоял всего из чудесного супа (щи на грибах и всякая в них всячина) и еще более дивного пирога... с капустой (сахар, к сожалению, становится все большей редкостью, и даже за 10 руб. за фунт его не достать!). Традиционный боб (в пироге) пришлось заменить кофейным зерном, так как нигде ни одного бобика во всем околотке не нашлось. Сие зерно досталось Коке — в королевы он же избрал свою мамашу. Короли домашнего изготовления тоже вышли довольно мизерные, что не помешало молодежи веселиться и устроить гадание при помощи французской, затрепанной от употребления, книжки «Оракула». Разошлись до полночи. — Я начал читать (во второй раз) «*L'éducation sentimentale*»² Флобера. Упоительно. Электричество зажглось в 6 ч. и горело до половины первого. Это считается благодатью.

¹ Бедняга! (фр.).

² «Воспитание чувств» (фр.).

³ Правильно: января.

Воскресенье, 7/20 декабря³

Дивное солнечное утро при 6° мороза. В комнатах чуть потеплело. Я даже думаю перебраться с мольбертом (из столовой) в кабинет, тогда как о мастерской нечего и думать — там лютая стужа.

Тяжелое впечатление произвело известие о жестоком умерщвлении Шингарева и Кокошкина в больнице^[311], в которую их перевели из Крепости! Даже Стип, несмотря на всю его ненависть к кадетам, возмущался и огорчился — до полного уныния. Ничто не производит такого омерзительного действия, как подобное бессмысленное злодеяние, совершенное при такой обстановке, которая вызывает особую жалость к беззащитным, уже пострадавшим жертвам, и полное возмущение той чисто звериной жадной крови, которая двигала самозваными палачами. Когда убивает пулемет, палящий по толпе манифестантов, или когда грабитель, прокравшись в дом, убивает его обитателей, то слишком очевидно, что действует не столько определенный умысел, сколько нечто, как-никак постороннее от главной цели, руководившей смертью. Но здесь — одна преступная грязь, один позор! И хоть я убежден, что смольные владыки несколько сами не повинны в этом злодеянии и что они не менее возмущены подобным *своеволием*, однако это убийство сделает больше для их дискредитации, нежели все их декреты и прочие благоглупости. Кадетская партия украсилась *мучениками*. И лично меня трогает смерть Шингарева, как человека, которого я знал лично и которого часто встречал у Гессена (напротив, Кокошкина я, кажется, вовсе не знал). Я не ценил писаний Шингарева, в которых он рассказывал свои впечатления от поездки «за рубеж», где он и не сумел увидеть иное, нежели то, что хотели ему показать воинствующие элементы союзников, но сейчас я вижу не эти карикатурные стороны и не его наивно выражавшееся довольство собою (черта, общая с Милоковым), а его приземистую скромную фигурку, его честное, простонародное и чем-то располагающее к себе лицо (Пуришкевич почему-то находил в этом простоватом и простодушном лице «глаза конокрада»), и мне просто становится жаль этой «жертвы политического недоразумения», которая, как-никак, по-своему, пусть нелепо, пусть пребывая в сплошном самообма-

не, не ведая, что творит, все же искренне хотела добра. Ныне Шингареву выдалась честь стать великомучеником партии, и нужно думать, что его более хитрые коллеги (особенно Маклаков — в Париже) сумеют из этого извлечь всю для них нужную пользу...

Узнал я об этой трагедии у Гиппиуса, к которому отправился, побывав сначала в мастерской, где работает Аллегри, а затем в Мариинском театре. Бедный Орест переживает снова тяжелую семейную драму. Он снова сошелся со своей стародавней пассией Е.П.К. и весь в этом романе, который осложнился еще тем, что вернулся из (военной) ссылки ее муж — германец! В доме у них полный кавардак: старший сын и старшая дочь даже съехали на другую квартиру, остальных он изводит своими придирками, причем сам это сознает, кается, однако ничего с собой поделывать не может. В театр мы пошли искать Фокина, однако его не застали, зато попали на очередной скандал. За час до нашего прихода хор сорвал дневной спектакль «Онегина». Вышел, спел заупокойную в память погибших третьего дня (эти политические панихиды — чисто национальное явление) и заявил, что он расходится по домам, выражая заодно и протест по поводу удаления Зилоти! Машинист Граф, которого мы выловили из артистической (где все еще шел бурный спор между Ершовым и представителями хора), и Вольф Израель, которого мы вызвали из какого-то заседания оркестра, оба подтвердили наши догадки, что дело с постановкой «Петрушки» рухнет*. На меня лично вся эта кашня не производит особого впечатления. В душе я никогда не верил, что «Петрушка» ныне может пойти и что Мейерхольды и Головины вообще допустят балет до петербургской сцены. Если же я все-таки создал новую постановку «Петрушки» и употребил на это три месяца, то это только для того,

* Все это подтвердил Сувчинский, который достоверно знает, что под всем этим интрига Мейерхольда, Головина и Малько. Первый на днях был представлен Луначарским собравшимся артистам, а Малько насмерть обижен за то, что у него отняли «Петрушку». С другой стороны, особенно жалеть об уходе Зилоти нечего, ибо он монополизировал всю музыкальную жизнь и в то же время он продолжает «саботировать», объявив, что не даст своего концерта, пока Терещенко не выпустят из Крепости... Но бедный, бедный сам милейший Сувчинский! Он переживает весьма тяжелую тревогу: имения он лишился, квартиранты здесь не платят; прощай все чудесные планы об издательстве и музыкальном театре!

чтоб себя как-нибудь *занять* в это тяжелое время. Я и теперь не прочь продолжить начатый эскиз комнаты арапа (дочь Атя дала мне очень хорошую новую идею), да и Аллегри объявил, что он *будет* продолжать работу — как ни в чем не бывало. Мы искали Фокина по театру, а оказывается, что он днем был у нас и что он имеет мне сообщить о принятии Стокгольмом моих условий. Не знаю, радоваться ли тому или нет. В сущности, я бы предпочел, чтоб меня вообще оставили в покое! Возвращаться в Россию после своей поездки в Швецию Фокин как будто не намерен...

У Гиппиуса я полтора часа просидел зря, так как все время нам мешали всякие посетители — главным образом преподаватели Тенишевской гимназии, заинтересованные тем, будут ли и когда, возобновлены занятия. Среди них оказался, к моему большому удивлению, и Альберт Петрович Пинкевич — мой летний коллега по сотрудничеству в «Новой жизни». — Лишь когда каждого из этих господ В<ладимир> В<ладимирович> кое-как успокоил и наступило затишье, он отвел меня в свой кабинет и стал читать продолжение своей статьи для «Мелоса» (Гиппиус считает, что «Мелос» все же будет выходить под заглавием «Мелос и логос. Пиитика и Риторика»). Меня особенно поразило сходство некоторых мест в этой статье со многими из продуманных мной за последние недели мыслей (в частности, с тем, что я высказал в своем письме Шейхелю). Поразило и другое совпадение: я на днях старался вспомнить, как по-русски фраза из псалма, которая по-немецки гласит: «Was ist das Menschen Kind dass Du Dich annimmst?»^{1*}. С этими словами у меня связаны разные молитвенные переживания, но я даже не попробовал заглянуть в Библию, лежащую у меня на ночном столе, так как я не рассчитывал найти данные строки во всей массе текста Псалтыри. Тут же, ожи-

¹ «Что есть человек, что Ты знаешь о нем, и сын человеческий, что обращаешь на него внимание?» (Пс. 143:3).

* Еще во время наших с Акицей посещений Реформатской церкви (в 1886–1887 годах) мне запали в память некоторые строки из псалмов в немецком тексте. Да и после я любил обращаться к немецкому тексту; мне нравится его «баховская» звучность и строгая торжественность.

** Почти всю эту свою «исповедь», занимающую страниц двадцать Дневника, я исключил ее из настоящей редакции. Я нашел ее, после почти сорока лет, какой-то слишком путаной и недостаточно убедительной. (Примечание 1955 года.)

дая Гиппиуса, вызванного к телефону, я машинально взял выпуск русской Библии, машинально его открыл и как раз попал на искомые слова. Они оказались принадлежащими к псалму 143-му, вообще содержащему многое отвечающее данному моменту!

Гиппиус переживает аналогичные со мной сомнения, относящиеся к вопросу, чтоб ему печатать. Имеется у него и Дневник, в котором — как и у меня — он высказывается по мучающим его общественным вопросам; имеется и неоконченная, но уже частью прочитанная мне статья на тему «Религия и искусство». Дневник он опасается публиковать по всяким соображениям «доброго отца семейства», точь-в-точь как и я, опасаясь за то, как бы мой этот Дневник не попал в руки «нежелательного читателя». Тем не менее он почти меня убедил, чтоб я к будущему воскресенью сделал извлечения из своего Дневника. Попробую: сознаю сам, что это нужно, однако вопрос большой, решусь ли^{**}.

Брат Владимира Гиппиуса, Шура, очень приятный и как будто добрейший человек, возмущенный большевиками, рассказывал, что они, саботажники, получают жалованье на частных квартирах и там им ручаются, что до мая обеспечена эта получка. Многие, впрочем, чиновники из их Министерства продовольствия все же возвращаются к своим столам.

К чаю пожаловал (приехавший на царских лошадях) Давид Петрович Штернберг. На сей раз я просидел с ним полвечера, вдвоем в студенческом кабинете, при свете одной свечки, и затем он был угощаем чаем в обществе Акицы, Стипа, Б. Попова и Коки (остальные члены семьи — на «капустнике» в Академии художеств и вернулись только в 3 ч. ночи; Акица уверена, что у Лели роман в полном ходу с Сазоновым; бедный беспомощный Борис «ждет»). Первая половина беседы ушла на трудно выясненное выяснение моего положения (я и «у дел», я и «в стороне», я «авторитет» без настоящего права голоса и т.д.); вторая половина — на то, чтоб преподать Штернбергу всякие советы по всевозможным, порядочно нелепым «их» затеям, как, напр., по формированию совета государственных художественных и просветительских изданий, по формированию совета государственных худо-

¹ В стиле Руссо Таможенника (*фр.*).

жественных заводов (гранильного, фарфорового) и общественных работ (уже Революц<ионный> трибунал обратился с пожеланием фресок на своих стенах — тогда как самые эти стены еще только проектируются). Я посоветовал устроить именно конкурс между Петровым-Водкинским, Шухаевым и Рерихом. Кроме того, Штернберг рассказывал про художественную жизнь Парижа. К кубистическим художникам и к футуристам (особенно к Пикассо, которому он «не верит») он относится со сдержанностью и как будто, скорее, исповедует «учение искренности» à la Rousseau le Douanier¹. Брига он брезгливо называет «адвокатом» и считает нужным все сделать, чтоб его обезвредить и «отбить у него молодежь». Попал он в комиссары (но какого комиссарства, он сам в точности не знает) «случайно», встретившись с Луначарским, с которым он был знаком в Париже, в понимании искусства которого он очень сомневается по личному опыту, но которого он *любит* и считает добрым и мягким человеком. В Москве ему в ноябре «удалось спасти» Петровский дворец и Останкино^[312], и тогда же он пришел, последовав приглашению Луначарского, к нему, «всеми оставленному, на помощь». Я убеждал Штернберга, чтоб он повлиял на своего патрона, чтоб тот оставил бы, елико возможно, большее [количество] вещей без вмешательства (мероприятия Луначарского в театрах, которые ведь, несмотря ни на что, *играют*, я считаю крайне несчастными и бесцельными), но в то же время не мог удержаться, чтоб не назвать ему лиц, которых было бы полезно пригласить в «совет издателей» (самое это дело, как и многое другое, Штернбергу *абсолютно* чуждо). Как мне быть иначе? Если бы я не спрашивал своей совести и своего вкуса, я бы весь отдался делу, учил бы открыто этих людей, наставлял бы их, помогал бы им. Ведь не гнушался я этого, имея (тоже всегда «неофициально») дело с «царскими слугами» и со случайными ставленниками Временного правительства. Лично же Луначарский, наверное, стоит гораздо выше бездарного Головина и суетливого Макарова. Но опять-таки я сознаю, что, отдайся я всецело тому, что от меня ожидают «новые люди», я бы загубил себя зря, и не потому, что большевики недолговечны (все же и сейчас уже огромные силы на их стороне), а потому, что я не могу рассчитывать на поддержку многих самых близких. Наконец

Штернберг вспомнил, что он «заказал лошадей» к 10 часам с половиной, а уже было больше одиннадцати, и заторопился. Впечатление от всего этого визита (и беседы при одной свечке — электричество так и не зажглось) у меня довольно странное — чего-то окончательно нереального; сам Штернберг, несмотря на напускную важность, производит (и на меня, и на моих домашних) жалкое впечатление — какой-то, быть может, и незлобивой, но и никчемной, недотыкомки. Но более всего я снова остался недоволен собой...

Погода сегодня была райская. Трамваи ходили до 9 ч. вечера. На улицах полное спокойствие. Дивный вид у Николаевского моста. Сфинксы, обданные солнцем, среди снежных насыпей, по которым стелются ярко-голубые тени. У самого моста свалка снега превратилась в целую гору (сажени две высотой!). В «Известиях» длинный отчет о заседании в Бресте 5-го числа. Троцкий ведет «арьергардные бои».

Понедельник, 8/21 января

Кока пошел в гимназию, но тотчас же вернулся. Там, впрочем, еще не решено, будет ли продолжаться забастовка. Разнесся слух об убийстве Гоца и Церетели. Газет нет. Кока и Леля подняли при Акице вопрос, почему снова мое имя значится на афишах среди сотрудников «Новой жизни». Акица, до сих пор ничего о том не зная (не хотелось ее зря тревожить), приняла это сообщение совершенно спокойно и не советует писать Тихонову, так как этим дела все равно не поправишь, а я себе только наживу еще лишних врагов. Вполне согласен с ней. Тут же я воспользовался случаем, чтоб вообще пожаловаться на свою судьбу, — в частности, на те свои поступки, которые я совершал не столько по свободному убеждению, сколько поддавшись влиянию других или целой среды. Насколько, например, мое положение было бы сейчас и проще, и достойнее, если бы я не выступал в «Новой жизни», — выступил же я в ней, в значительной степени понуждаемый внезапно проснувшимся во мне революционным энтузиазмом, охватившим тогда все наше окружение и затем очень скоро испарившимся.

Главная тревога сегодняшнего дня: приказ об очистке

снега, расклеенный по всему городу и вменяющий домовым комитетам, под контролем и понуждением полковых комитетов, составить наряды для производства работ. Призванными считаются все трудоспособные от 18 до 50 лет. *Устрашающий* смысл такой меры очевиден. Это начало исполнения целого плана, задуманного людьми, которые ни перед чем не остановятся, чтоб добиться своего. Под этим еще и желание излить свои накопившиеся годами подполья чувства. По кухонным сведениям, у нас в доме уже готовятся списки, но к нам лично за справками пока не обращались. Я уверен, что юркий студентик, который на заседаниях проявлял наибольшую дерзость и вместе с шерстяным торговцем Фюрстером настаивал на несении всеми ночной сторожевой службы (не злой человек, но несомненный дурак), уже проставил мое имя в качестве «капиталиста». Акица главным образом встревожена за Лелю, как бы и ее, несмотря на ее болезненное состояние, не погнали сгребать снег. Она уже поговаривает, что *сама* поедет к Луначарскому. Авьось, однако, и эта чаша минует! Пока что наступила оттепель, и началось *естественное* таяние снега. Под вечер стало до странности тепло. Вместе с тем так скользко, что по панелям совершенно нельзя ходить, и все пешее движение происходит посреди улицы.

Общее настроение, насколько можно судить по разным признакам, скверное. В трамвае с удвоенной силой возобновились общие споры. Снова слышатся слова: «немецкие деньги», «немецкие агенты» и т.п. И тут же из тех же уст: «Немцы очень умные люди, немцы знают, что делают». Или свирепые (и даже «кровожадные») обвинения во всех бедах — «буржуев»*. Общее недовольство объясняется тем, что фактические продовольственные условия становятся все тяжелее, и до поры до времени они едва ли поправимы. Сегодня дали на нас семерых 2 фунта хлеба, завтра, говорят, дадут всего 1 фунт.

В театрах, тем не менее, работа продолжается, и как раз швальные мастерские главным образом заняты «Петрушкой». При этом, однако, бедная главная закройщица, неутомимо усердная Александра Федоровна, чуть не плачет — такая во

* «Во всем виноваты буржуи», — говорит даже наша Мотя, однако нас она не считает принадлежащими к этому сословию.

всем неразбериха. У всегда такого «покорного» главного портного Павлова пошли истерики. *Исчезновение* всякого начальства исполняет каждого низшего служащего психологией ответственности перед чем-то туманным и все же грозным. Кстати сказать, невозможность покупать новые роскошные материалы (напр., парчу для шугаев^[313] моим «кормилицам») заставляет обращаться к прежним великолепиям и пороть роскошные одеяния, ходившие на сцене двадцать и тридцать лет назад. Но какая это возня!

Фокин торопит с пересылкой моих рисунков костюмов (или копий с них), уже шведский посланник ждет меня с ними. А тут слух в вечерних газетах — об осложнениях как раз со Швецией! Только этого не доставало.

Заседание выставочного комитета «Мира искусства» происходило на сей раз у Нотгафта. У его жены на днях скончалась в Париже мать, а она сама имеет очень нездоровый вид... Милейший добряк Федор Федорович бодрится, но все же он как-то осел, приуныл (и при этом пуше прежнего возмущается «немецким засильем» — положительно больше всего стараются в этом смысле как раз наши *русские немцы*, — очевидно, из желанья снять всякое подозрение, что они этому засилью потворствуют). Ужасно тревожит всех таких частных к биржевым кругам людей то, что денег в обращении становится все меньше и меньше!

Однако Борис Григорьев привез из Москвы сведения, что там, напротив, «капиталисты», чуя готовящуюся беду, успели вынуть из банков огромные массы денег и платят художникам наличными. Так, Жуковский продал сразу на 950 000 рублей. — Браз сообщил, что его тесть Ландегоф на днях покидает Россию вместе с другими членами финансовой делегации. Им-де тут нечего больше делать! Из-за бестолочи русских представителей переговоры все еще вертятся вокруг вопросов о пленных, о корреспонденции и т.п. Остаются тут только субалтерны — именно для подобных дел. На днях пришло к Ландегофу требование от Кюльмана сообщить полный список финансовых предложений, и Ландегофу пришлось ему ответить, что до каких-либо серьезных финансовых разговоров дело вообще не доходило, да и неизвестно, когда дойдет.

¹ Поручительства, гарантии (*фр.*).

Русские делегаты до того невежественны, что приходится им растолковывать самые обыкновенные термины банковского дела; так, напр., на выяснение вопроса caution¹ на днях ушел целый день. Вообще же, Ландегоф в ужасе от нашего финансового положения и думает, что дело фатально должно кончиться вмешательством «культурных» государств, которых-де примирит общая опасность. Этому я никак не верю. Благодарзуме давно отлетело от всех «культурных» государств. Нотгафт, со слов на днях приехавшего французского офицера, <говорит,> будто в Париже царит такое убеждение, «что война только теперь *начинается* и не кончится раньше трех-четырёх лет!..»

Заседание «Мира искусства» происходило во мраке при двух свечах. Сначала порешили, что выставка *должна* состояться (подсчет показал, что она обещает, несмотря <на> отсутствие многих членов, быть интересной). После того занялись, главным образом, проектами нового устройства Академии художеств. Я поделился своей критикой, и все, кроме Петрова-Водкина, согласились с ней. Карев — удивительный тупица: придрался к самой «неправомочности» нынешней Академии заниматься проектом о своей реформе (сколько ныне расплодилось таких доморощенных «крючков общественности»!). *Сам* Таманов не удостоил явиться. А.П. Остроумова feu et flammes¹ за выставку, — очевидно, ей очень нужны деньги, и она надеется продать кое-что (ее Сергей Васильевич совсем приуныл — ведь его доходы с окончанием войны страшно оскудели). На посмертной выставке Обера никто не настаивал. Чехонин снова запел песенку о *руководстве* кустарным делом и, несмотря на свое активное (но как будто уже забытое) эсерство, спелся насчет этого с новым большевистским начальством в Министерстве земледелия. Я ему рекомендовал устройство художественного совета (М-во идет навстречу всяким реформам и готово на такое чисто народное дело ассигновать миллионы), однако с *непременным* привлечением *представителей с мест!* Он же мечтает именно о *руководстве*, о насаждении вкуса и мастерства *свыше*. Крайне характерно — для *народника* эта тенденция переделывать народ на свой лад!

¹ Здесь: мечет гром и молнии (фр.).

Наши девочки были сегодня в первый раз на вновь открывшихся в Академии «вечерних набросках». Под этим какие-то романы. У всех трех (у Ати, Лели и Нади). От Дурасовой очень милое, задушевное письмо, но я в затруднении, что отвечать. Все это, связанное с Художественным театром, «давно минувшее». Она ожидает младенца, но едва ли это ей поможет утвердить свою позицию в театре. Ведь тамошние тупицы так и не поняли, что она собой представляет.

Упразднен Сенат... Сенаторы как будто «не саботировали», но они и не признали нового правительства. Бедный мой кузен Сережа выброшен на улицу.

Вторник, 9/22 января

Прислуги говорят, что ночью шла стрельба на Невском. День, по сообщениям побывавших на улице, прошел мирно (я не выходил). В «Известиях» и в «Правде» возмущенные статьи по поводу убийства Шингарева и Кокошкина. И я убежден, что они написаны совершенно искренне, ибо большевикам совсем не выгодно это нелепое самоуправство. Искренен и кивок на провокацию. Однако не слишком ли много чести бездарщине крыла Маркова II и великих князей, когда им приписывается макиавеллизм подобной сложности?

«Приказ» о снеге (не вспомню в точности, от кого он исходил) в официальной форме не подтверждается; вместо него вышел более мягкий, с обязательством домовым комитетам подчиняться во всем распоряжениям комиссаров районной милиции. По этому поводу был созван сегодня вечером наш домовый комитет — в квартире г-на Фюрстера*. Электротехник с острыми глазками и другой наш сожитель, в новой шубе**, очень волнуются и хлопочут, чтоб всячески оградить дом от сугубых неприятностей. Они собираются подать требуемые приказом □ 7 списки трудоспособных жильцов, но при этом о каждом будет оговорено, что он (или она) на тяжелый-де труд не способен (они же советуют, кроме

* Судя по словам его супруги, он был усердным читателем моих статей в «Новой жизни»; ныне он слывет в околотке за большевика.

** Вчера с Шухаева, как раз после нашего заседания и у самого подъезда его дома, партия грабителей сняла шубу и даже пиджак.

¹ На что мне рассчитывать (*фр.*).

того, обзавестись докторскими свидетельствами). Тем временем снег все тает и тает. У нашего подъезда целое озеро. Дворники, а местами и швейцары по всему городу так и орудут метлами и ломами. Стук последних долетает и до нашего 6-го этажа.

Днем у меня Фокин. Ничего у них с «Петрушкой» не клеится. Иванов уже вышел из состава представителей балета, контракт с Фокиным еще не подписан и т.д. Что-то путает оркестр, куда-то тянет хор, Карсавина будто бы озабочена присвоением *всех* ролей, подозревает Фокина в темных интригах и своих коллег по комитету, главным образом Графа и Мейерхольда. Одно для меня ясно: театр разваливается. На место дельного Мещнера (одного из видных чиновников бывшей Дирекции) воссела какая-то баба в валенках; новоназначенных комиссаров осаждают артисты с разными требованиями, и они никак не могут разобраться в ворохах бумаг и т.д. Хуже всего — *самоопределение* разных частей всего это <го> чудесно налаженного внушительного механизма б. Императорских театров...

По мнению Михаила Михайловича, теперь «Петрушка» уж *навверное не* пойдет! Но хоть бы они это постановили и решили. Надо мне знать, *à quoi m'en tenir*¹, — ну хотя бы в вопросе рисунков моих костюмов; мне нужно получить их обратно, дабы Орестик Аллегри мог бы кончить снимать с них копии. Кстати сказать, я до сих пор не получил за них ни копейки — сдуру я все откладывал об этом позаботиться. Шведский же посланник получил согласие Стокгольмского театра на мои условия. В глубине души я все менее верю, чтоб из всей этой стокгольмской затеи что-либо вышло. Да еще вопрос, удастся ли Фокину выехать? И как тут снова не вспомнить слова Нарбута: «Ны тчерта не выдет». Ныне милый Егор состоит профессором при «Академии» буржуазной Рады^[314], из которой как будто тоже «ны тчерта не выдет», ибо большевики взяли Полтаву и «одолевают украинских буржуев». Именно эти украинские распри будто бы вызвали приостановку в Брестских переговорах, и, по слухам, Троцкий уже снова здесь.

Иванов-Разумник в «Знамени труда»^[315] (номер принес

¹ Государственном перевороте (*фр.*).

Шейхель) козыряет пророчествами, которые изрек Герцен в 1848 году и которые точно прямо относятся к настоящему моменту. При этом наш мудрец сопоставляет безумных и благоразумных, суля последним окончательное поражение. Но почему же вслед за умилением над «проницательностью» Герцена он не вспоминает о том, что произошло после 1848 года во Франции, о *coup d'état*¹ 1851 года, о восемнадцатилетнем царствовании Наполеона III, о подавлении Коммуны и т.д.? И что означают все эти недостойные истинного «знатока жизни» посулы какого-то светлого далекого будущего, к которому стремится человечество и которое в их освещении является под знаком социализма идеальным полицейским распорядком в духе все той же аракеевщины?

Горький в «Новой жизни» сопоставляет 9 января 1905 года с 5 января 1918 года (разгон Учредительного Собрания)^[316]. Совершенно никчемное сопоставление. Лучше бы, в свое время, он высказался недвусмысленно о *войне!* Эх, Алексей Максимович!!

Обедали у нас сегодня Шейхель и Эрнст. Последний настаивает на том, чтоб я побывал завтра в Зимнем дворце — на заседании, на котором будет обсуждаться (в который раз!) судьба дворцов в Петербурге и за городом. Верещагину очень хотелось бы узнать *мой* план о возможном использовании Зимнего, Елагинского и Аничковского^[317] дворцов, но я продолжаю его хранить про себя, так <как> уверен, что Верещагин, присвоив его, только его опошлит и испортит. Обедал еще и Борис Попов; Леля совершенно его забросила, все более поддаваясь новому увлечению Сазоновым. Это новое увлечение заставляет всех трех наших дев, *folles d'amour*¹, усердно посещать «наброски» в Академии... В Царском Селе завтра уже решается участь дворцов при участии местных организаций. Лукомский умоляет всех нас туда отправиться спасти положение. Однако он паникер, и, вероятно, дело не обстоит так уж плохо.

¹ Помешанных на любви (*фр.*).

² Обманывающая глаз (*фр.*).

* Ныне эта удивительная картина приписывается Гендрику ван дер Борхту и находится в... Таким образом, моя тогдашняя тревога не имела оснований...

** Оказалось, что побеспокоились мы напрасно, ибо сам Сувчинский был уже утром сам и получил от Луначарского охранный документ.

Среда, 10/23 января

На днях окончился процесс Пуришкевича и его сообщников^[318]. Это дело меня не волновало особенно, и я не мог относиться <к нему> иначе, как к одному из случаев «Дневника происшествий». Впрочем, сам П<уришкевич>, скорее, возбуждает некоторую симпатию своей «относительной честностью».

От гр. Сюзор слышал о пожаре дома, снятого герц. Александром Серг. Лейхтенбергским в Финляндии специально для хранения в нем своих художественных коллекций (которые герцог собирается продать за границу). — Не те ли это картины, которые года два-три назад я осматривал в Петергофской лейхтенбергской даче? В таком случае могла погибнуть и та чудесная картина, которая меня тогда так поразила. Она изображала вид на сад через окно, на подоконнике которого лежали, en trompe l'oeil², разные предметы. Картина имела черты, общие и с Метсю, и с Питером де Хоогом, однако и отличалась от них настолько, что приписать ее одному из этих двух мастеров нельзя было*.

Нахожусь под тяжелым впечатлением от заседания в Зимнем дворце, на которое, однако, я попал случайно, отправившись с Асафьевым (он у нас завтракал) к Луначарскому просить его спасти бедного Сувчинского, особняк которого собирается отобрать районный Совет Р. и С. Д.** И вот Луначарский меня «подцепил» по дороге и затащил на заседание, происходившее на сей раз в кабинете Ятманова. Это оказалось чем-то вроде предварительного совещания перед учреждением художественных советов. Тут я впервые увидел и г-жу Каменеву, и тов. Аврамова, и еще какого<-то> молчаливого господина, и, наконец, «наследника генерала Волкова» — пресловутого Флаксермана <?>*. В руки г-жи Каменевой сдается все театральное дело в Российском государстве, за исключением, однако, бывших Императорских, ныне госу-

* Эта фамилия упоминается в моих записках всего два раза, и в настоящее время я никак не припомню, что могло бы оправдать приданный ему эпитет «пресловутый». Видно, тогда о нем было много разговоров, ныне совершенно забытых.

¹ При длительном общении (фр.).

дарственных театров, «в дела коих (слова Луначарского) мы не будем особенно вмешиваться, — они, по-видимому, устраниваются сами». Это значит, что Мейерхольд отмежевался, сумев и этого «начальника» (Луначарского) пленить и «укротить». М-ме Каменева — дама высокого роста с темным лицом, с выражением «саламандры», не без претензии одетая во все черное. Она сидела рядом с Луначарским и неоднократно его перебивала среди самых красноречивых излияний Анатолия, требуя, например, чтоб он уяснил то или другое предложение посредством графических схем; вообще же, она проявила необычайно «дотошную» деловитость. Это та же Мария Федоровна А<ндреева>, но еще более уверенная в себе, вероятно, à la longue¹ еще более несносная. — У Аврамова очень странное лицо — рыжая борода, глаза, напоминающие <глаза> разных обитателей зоологического сада (гну, горного барана, волка) или «животных с острова доктора Моро»^[319]. Одет он был в бархатную тужурку. Впрочем, он улыбнулся (!) мне при знакомстве (тогда как Каменева еле поздоровалась) и хранил во все время заседания благоразумное молчание. Флаксерман в прениях не участвовал, но то и дело врывается из соседней комнаты и, неистово стуча сапогами, гордо проходил в последнюю комнату, где стучала машинистка. Среди самой патетичной речи своего принципала он подошел к столу и, бесцеремонно закрыв его совершенно от нас, схватил печатку и стал тут же ею хлопать по изготовленным бумажкам. Эрнст пояснил мне потом, что этот эффектный, стройный, красивый эфеб на длинных ногах в военной форме — любимец Луначарского. Энергию (или *видимость* таковой) он развивает чрезвычайную, а мое присутствие подвигнуло его, вероятно, на известную утрировку своих воинственных манер. Всякое отданное в руки такому мальчишке дело неминуемо должно рассыпаться в труху. — Самое же заседание было заполнено непрерывным потоком красноречия Анатолия. Неплохой и, несомненно, очень благонамеренный он человек, но что за отвратительный порок — эта

* Ятманов наедине позже мне и Эрнсту отстаивал другую комбинацию: во главе всего стояла бы коллегия — это был бы государственный совет по делам искусства; при всей моей ненависти к коллективам, в данном случае я согласился с ним, так как уж слишком страшно все отдать бесконтрольному единоличному хозяйничанью такого фантазера, как Луначарский.

болтливость и это самослушание! Что за беспредельное легкомыслие, что за вера в *слова* и как мало внимания к жизни! Не усидеть ему. Его неминуемо съедят более цельные и крепкие натуры, — пожалуй, та же Каменева. Снова пошли призывы «не повторять ошибки прошлого», и это рядом с требованиями *охранять* тем же прошлым созданные памятники и т.д. Самих советов Луначарский хочет учредить восемь. Первый — дворцов и музеев (этот будет каким-то междуведомственным, ибо хозяйственная часть дворцов будет подлежать Комиссариату госуд. имущества — иначе говоря, Карелину), второй — педагогический, третий, четвертый и пятый — словесности (главным образом издания республики, но о них как-то заботится и второй, а «педагогией» масс обязан заниматься и первый) далее два театральных (шестой — ведающий государственными театрами, седьмой — всеми театрами вообще; бедная, бедная свобода искусства! — и подумаешь, все это делается во имя «раскрепощения») и, наконец, восьмой — музыкальный. Средоточием всех этих советов явится персона самого комиссара*. С частичными возражениями выступали Ятманов, Лариса (она несла какой-то милый вздор) и Штернберг (последний заспорил с Ятмановым, но то — по недоразумению). Я попробовал было высказаться, но был стеснен тем, что меня торопили подняться к Верещагину, а к тому же Луначарский меня сразу перебил, что не помешало ему при прощании *потребовать*, чтоб я непременно пришел еще завтра, на что, в свою очередь, я настойчиво попросил, чтоб заседание было перенесено в менее «бойкое место», так как постоянная беготня и шум не дают сосредоточиться. Пойти я, так и быть, пойду, но проку от этого будет мало. Лучше бы взять шапку в охапку и бежать без оглядки!

Верещагину я умышленно не сообщил всего своего плана о том музее, который следовало бы устроить, используя гигантское помещение Зимнего дворца (не стану я открывать все свои карты этой милейшей лисе; я открою их, как настанет момент, более близкий к делу). Все же я ему изложил несколько принципиальных положений (он меня

¹ Как она есть (*фр.*).

² Приняв всерьез свою роль в качестве заместителя (министра) по вопросам искусства (*фр.*).

вызвал именно для того, чтоб сговориться, чтоб уяснить, за что стоять). Среди них: проведение личного начала в управлении музеями (и, как это было бы важно, в театре — но без Мейерхольда) и полное выделение специального хозяйства музеев из общего хозяйства бывшего царского имущества. Завтра об этом поговорю с Луначарским, но боюсь, что Каменева увидит в этом конкурирующее поползновение проникнуть в ее область и станет совать палки в колеса. — Верещагин очень недоволен обилием выхлопотанных Зубовым «штатов» для Гатчины (по-видимому, Валечка желает сохранить Гатчину со всеми ее сокровищами, *telle quelle*¹, а это противно моему заветному плану создать грандиозный специальный портретный музей). Для Петербурга же и для Петергофа штаты очень ограничены.

Весь вечер читал Флобера. Совсем переносюсь в Париж, который в 1840-х годах уже мало отличался от того, каким мы его застали в 1890-х. О дивный город, которого нам уже более не видать! Несчастные мы, исключенные из общего существования человечества парии!

Четверг, 11/24 января

Луначарский на им же созданное заседание не пожаловал! У него заболел только что приехавший из чужбины сын семи лет (кажется, единственный; двух других похитила смерть). Штернберг, *prenant au sérieux son rôle de sous-secrétaire aux Beaux Arts*², представил от имени Анатолия Васильевича его извинения. Зато я посидел в компании его сателлитов: Штернберга, Каменевой, Ларисы, одного бритого еврея — очень мрачного, но добродушного — и другого, блондинистого еврея, которого я встречал в «Новой жизни», и всегда молчавшего. Ольга Денисовна^[320] *daignait faire des frais*¹, чтоб завоевать мое расположение; она все время улыбалась, шутила, заглядывала в глаза (видимо, она заметила, что я вчера обозлился, а может быть, и то, что Луначарский ей поставил на вид ее неподходящую к случаю манеру). По проверке она оказалась меньше ростом и менее тощей, но лицо определен-

¹ Очень старалась (*фр.*).

² Все более и более хочет походить на министра (*фр.*).

но еврейского типа, скуластое, тяжелое, с горбатым носом и безгубым ртом (что и дает впечатление «саламандры»). В целом и несмотря на (безвкусную) изошренность прически, она произвела и сегодня то же неприятное и в то же время «довольно внушительное» впечатление. Она старается изобразить из себя государственного человека, придирается к подробностям, напоминает о «партийных соображениях». Я им выложил свои взгляды на необходимость значительной автономии музейных дел и — в хозяйственном отношении — на более последовательное разделение функций между разными дворцовыми советами, а также <на> создание общего художественного совета, который только и можно будет назвать *государственным*.

Штернберг со всем соглашается. Ятманов только заглянул к нам и своих соображений не представил. Кстати, Верещагин очень недоволен усиливающимся вмешательством Ятманова в его сферу — однако не происходит ли это оттого, что он со своими помощниками в ожидании событий действительно ничего не делает и беспорядок в комнатах Александра II царит по-прежнему? Вообще же, Ятманов действительно *prend de plus en plus des airs de ministre*² (действует дворцовая обстановка и... общая неразбериха) и начинает хамить, но пока это выражается еще в довольно робкой форме... Прибывший из Царского Села Лукомский приглашает всех в воскресенье к себе — хотя бы и с ночевкой (вследствие неудобства железнодорожного сообщения — переполненных вагонов и т.п.). Я, пожалуй, соблазнусь, так как таким образом, наконец, попаду к Небольсиным, которые мне собираются показать два рисунка моего отца, случайно к ним попавшие*. Много потрачено было времени сегодня и на обсуждение вопроса о штатах. Верещагинское пожелание отражает его преувеличенную осторожность. На весь Петербургский округ (или секцию) он себе в подмогу просит всего трех или четырех человек. Г.

* Это две в аршин высоты акварели — с карикатурами на жизнь римских кентурионов. Милые Н<ебольсины>, к которым эти рисунки попали совершенно случайно, их мне подарили. К сожалению, они остались в Петербурге. Несравненно более значительная карикатура-акварель моего отца хранилась в редакции журнала «Зодчий»^[321].

¹ С несколько покровительственным видом (*фр.*).

Лукомский *avec un petit air protecteur*¹ его наставлял, а вообще Лукашка «совсем директор» и полон планов; хочет даже сделать из Александровского дворца инвалидный дом для великих людей... «например, для Шалапина» (!!). Кто знает, он, пожалуй, и угадывает, что в самом деле грядущий день нам готовит.

В сказочно прекрасные лиловые с розовым сумерки прошелся пешком (к Фокину). Горящие кресты над церковью Зимнего дворца, тающая в воздухе Александровская колонна, громадная деревянная пирамида на первом плане, точно весь воздушный, невесомый Исаакий, гордый Николай Павлович, скачущий (*caracolant*), не смущаясь, на своем коне высоко над мятежным Петербургом и над занесенными снегом четьрьмя своими дочерьми!..^[322]

Пришлось просидеть с час при свете одинокой свечи с милейшей матушкой (немкой) Михаила Михайловича и с менее милой Верашей. Сам же он снова застрял на каком-то заседании в театре. Выслушал все жалобы обеих дам на производственные затруднения и на прислуг, которые внезапно их покинули. Одна вышла замуж, другую пришлось выставить, так как она грозилась «своими большевиками-солдатами», бывало посещавшими ее на кухне человек по двенадцати сразу. Угощали дамы меня чаем с ренклодовым вареньем — нечто по нынешним временам баснословное по редкости. Наконец явился в совсем заморенном виде сам Фокин. Ему удалось добиться решения, что «Петрушка» отлагается на неопределенное время (Иванов продолжает оставаться управляющим балетной труппой, несмотря на свое смещение Лучначарским). *Мечтает об эмиграции*. Показывал фотографии Стокгольмского балета, от которого он в восторге. Завтра мы идем с ним к посланнику.

Домой шел опять в каком-то необычайном окружении. Сказочно прекрасны в лунном сиянии самые обыденные и даже уродливые вещи: высокие дома противоположного берега Екатерининского канала, Консерватория, Благовещенская церковь в глубине совершенно темной Благовещенской улицы, растворившаяся в голубом тумане набережная Невы, разукрашенные инеем деревья Большого проспекта, очень «заг-

¹ Церковь Св. Екатерины (*нем.*).

раничная» площадка перед Sankt-Katharinenkirche^{1[323]}.

Вечером читал, беседовал с детьми, объяснял им общность творческой психологии у различных художников (по поводу частой «формальности» новейших работ всех последователей Саши Яши). Борис Попов принес свой эскиз рисунка почтовой марки — довольно слабую имитацию венецианских деревянных гравюр начала XVI в. Я, чтоб несколько ему помочь, посоветовал фигуру России-Миролюбицы одеть в сарафан и кокошник. Это может отнять то, что в его рисунке слишком выдает какую-то беспомощность. Мне его жаль: милейший и приятнейший человек, но едва ли он найдет счастье с Лелей. Он ей совсем не импонирует.

Пятница, 12/25 января

Ложась спать, подумал, как неосновательны были пророчества швейцара Данилы о каких-то решающих событиях на эту ночь. Тем более встревожились мы, когда в 2 часа нас разбудила Мотя, только что поднятая дворником, пришедшим предупредить господ, чтоб все были наготове, т.к. красноармейцы «ломают все парадные двери». Мы с Кулечкой оделись, а я даже спустился вниз. Но тревога оказалась напрасной. В соседнем доме действительно происходил обыск, и это побудило ночного (наемного) стражника вызвать нашего Дементия, а того известие повергло в панику. Был вызван и домовый комитет, но по исследовании дела все мирно разошлись по квартирам. «Уполномоченный» электротехник, за час до того вернувшийся домой, видел, как недалеко от нас, на Среднем проспекте, красная гвардия арестовала двух гимназистиков, стрелявших озорства ради из револьверов. По отобранию оружия они были отпущены. — К сожалению, после этой тревоги я долго не мог заснуть.

«Правда» трубит о поднятии красного флага во всей Ев-

¹ Совета пятисот (фр.).

² Игра окончена, ставки не принимаются (фр.).

³ Так в рукописи.

⁴ Капитана (нем.).

⁵ «Мы были плохо информированы» (нем.).

⁶ «Но как же мы могли это знать, когда мы были в состоянии войны с вами?» (нем.).

ропе! Но, пожалуй, мы ближе к истине, когда читали во вчерашнем «Combat» (прежней «Entente»^[324]), что Гофман грозит взятием Ревеля, если русские не пойдут на германские условия. С Радой таковые будто бы уже заключены, причем к Украине отходит и Холмщина. В то же время продолжается борьба большевизма с буржуазией на самой Украине, и, несомненно, мы еще очень далеки от решений всех «проклятых вопросов». Левые газеты полны бряцания оружием. Тошно читать, как «Наш век» (в том числе наш Димочка в своей вчерашней статье) пользуется трупами Шингарева и Кокошкина. Съезд, воссевший на местах, уготовленных для Учредительного Собрания^[325], абсолютно не возбуждает во мне (и, вероятно, ни в ком) интереса — это уже нечто вроде Conseil des cinq cents^[326], готового для разгона. Но *войне* все равно конец! *Le jeu est fait, rien ne va plus*².

Утром с Фокиным у шведского посланника. По дороге снова любовался «альпами» у Николаевского моста. Несмотря на запрещение, возы с новым снегом и сегодня преспокойно взбираются на гору и сваливают новые массы по ее гребню. Стоя у Академии, от часовни на мосту видна одна только маковка!^[327]

На мосту встретил Браза, направлявшегося в Академию для нашей выставки. Ландегоф уехал вчера. Браз был у него и встретил там какого-то немецкого Hauptmann'a⁴, великолепно говорящего по-русски. Они сознают, что делегация пустилась в путь, не подозревая того, что здесь творится. «Wir waren schlecht informiert»⁵. Браза это очень удивило, ибо он верил в премудрость и достаточность германской информации. «Aber wie konnten wir (es) wissen, da wir im Kriegszustande mit ihnen waren?»⁶ Как всегда, настоящая причина оказывается в том, что представлялось наименее вероятным. Зато теперь немцы, уже информированные вполне, могут взять иной тон, и дело может дойти и до оккупации Петербурга, что, вероятно, до последнего времени вовсе не входило в их планы, ибо *das wäre zu umständlich*¹.

Шведский посланник, принявший нас в комнатах верх-

¹ Это было бы слишком обременительно (нем.).

² Нотный материал (нем.).

³ Приятнейший господин (нем.).

него этажа своего заново и очень недурно облицованного особняка на Английской набережной, — стройный старик, как будто немного стесняющийся, но очень «достойный». Сам нам прочел и перевел письма дирекции театра в Стокгольме, а затем спросил, какими деньгами я желал бы получить свой гонорар; платить будет посольство. Я пожелал получить шведские кроны или английские фунты. Младшие чиновники держатся навтыяжку, еле дерзают говорить. В письме дирекции говорится, что театр согласен мне уплатить испрашиваемые 3000 фр., но я должен получить одобрение Фокина, и сначала [должно стать известным,] получен ли в Стокгольме das Notenmaterial² от Струве — представителя Стравинского. После долгого совещания с любезнейшим канцеляристом г-ном Лундбергом (хорошо говорящим по-русски) решено послать телеграмму театру: «Ввиду зависимости вопроса вознаграждения г-на Бенуа от того, будет ли получен нотный материал “Петрушки”, мы просим известить, в каком сейчас положении это дело». Вообще же, я все еще не верю вполне в это дело и лишь по инерции продолжаю им заниматься. — Посланник был так любезен, что проводил нас до площадки лестницы. Ein feiner Herr³.

За завтраком у Клода Анэ я встретился после двух недель ссоры с Аргутоном. Он мне показался очень бледным. Все те же жалобы, что *все разорены*. Однако это не мешает ему как раз продолжать отдаваться, с каким-то бешенством, своей коллекционерской страсти. Так, им приобретены за последние дни картина Сомова «В боскетах», когда-то купленная (всего за 150 руб.) Вел. Князем Владимиром Александровичем (а ныне посредник Савостин получил за нее 3500 руб.), альбом превосходных декоративных рисунков Джузеппе Валериани — от герцога Лейхтенбергского (через Ару Мусину-Пушкину, которая назначила за весь альбом 1500 руб., я был бы готов дать *вдвое*); пейзаж во вкусе Гаккерта, который Аргутон считает за раннего Сильвестра Щедрина, и целый ряд акварелей Лангера — во вкусе Т. де Томона и Орловского (после завтрака я зашел к нему и все это с великим наслаждением разглядывал — особенно Валериани). Разговоров на политические темы я и с ним, и с Анэ избегал. Все же после ликера Анэ разошелся и выложил какую-то свою очень путаную теорию о взаимоотношениях интриг Смольного с интри-

гами германского социализма. Охотно верю его информации, что Троцкий уже решил сдать позиции немцам, лишь Ленин сопротивляется.

Побыв у Аргутона с час, поднялся с ним к Таточке Карсавиной, которая лежит под лисьей шубой и выглядит под своей лисьей шубой «прелестным затравленным зверьком». Ей кажется, что у нее тиф (по городу ходит слух, что свирепствует сыпной голодный тиф). В ужасе от того, что творится в театре. Читает английские мемуары какого-то дипломата. Угощала меня конфектами, на которые я с жадностью набросился... Длинно, в подробностях выяснял ей свои отношения с Луначарским. Узнав от нее, что Зилоти посажен в «Кресты», я сразу отправился в Зимний, однако застал там одного Ятманова (занятого какими-то пробами темперных красок). Оказалось, что за Зилоти хлопочет ряд лиц и что Луначарский уже дал распоряжение об его освобождении. На мой вопрос, зачем же было засаживать ни в чем не повинного артиста, Ятманов заволновался (он еще склонен к таким внезапным вспышкам) и объявил, что Зилоти посадили в тюрьму не в качестве музыканта, а как политического мутилу.

На заседание в М-во народного просвещения решил не ехать. К чаю Стип и Эрнст. Первый негодует на все. Эрнст служит конфидентом наших барышень, совершенно обезумевших благодаря своим новым увлечениям. Леля и Надя теперь соперницы!

Суббота, 13/26 января

Увы, наступили темные дни. Оттепель и это мешают мне заниматься живописью, которая служит мне обыкновенно отличным средством для успокоения нервов... «Новая жизнь» вышла в сокращенном составе. Она признана «погромной» — в той национализированной типографии (бывшего «Нового времени»), в которой она печатается (о свободолюбивая Русь!). Горький третьего дня ранен случайным выстрелом^[328]. Надо, не откладывая, навестить его...

Зилоти, как я узнал из телефона Асафьева, еще не освобожден. *Il en fait un martyr, un grand homme*¹. Придется снова

¹ Он делает его мучеником, великим человеком (*фр.*).

отправиться хлопотать, да и все равно придется, так как и дело с особняком Сувчинского продолжает обстоять неблагополучно. «Товарищ Луначарский, очевидно, был неверно осведомлен, и потому власти с его распоряжением считаться не станут». Вся теперешняя власть *такова*. Раз так, то большевики будут вынуждены передать ее другим, и, вероятно, в первую очередь тем, которые уже теперь призывают обходиться и вовсе без власти. Все чаще слышишь об анархистах и об их неминуемом приходе к власти. К 20-му числу назначен их съезд, заседания которого будут проходить *при закрытых дверях!* Тут никак не обойдется без террора. Только бы при этом не погибли хорошие люди и хорошие вещи! Но, может быть, получится и то, что анархистское выступление заставит теснее сплотиться «элементам порядка». Перед общей опасностью большевики (и среди них «не жалеющие миллионов голов» матросы) поймут, что они имеют больше общего с разными правыми элементами, нежели с этими новыми и еще более радикальными бунтовщиками. Ведь и кадеты не поняли в свое время до конца, что сдача ими монархического принципа равносильна их собственному поражению.

В «Вечерних» недвусмысленно говорится, что Украина уже заключила мир с Австрией и объявила себя независимой. Стип прямо сияет. Но удержится ли Рада? Каково теперь ее положение?

Днем участвовал в жюри нашей выставки. Очень слабые посылки «экспонентов» (их только мы и судили — пришлось массу забраковать). Процедура получилась из самых утомительных. Петров-Водкин и Б. Григорьев по поводу каждой вещи пускались в нескончаемые теоретические дискуссии, однако чего-либо ценного я от них и на сей раз не слышал. Все замечания Петрова-Водкина делаются с тоном глубокой продуманности и неукоснительной систематичности, а на самом деле это совершенно ребяческие импровизации. Рассуждения Б. Григорьева носят более живой оттенок, но, в сущности, и это нечто капризно-дилетантское. Петров-Водкин при этом старается выставить себя «защитником живописи». Рассказывая за чаем о всем этом Шейхелю, я вспомнил о *теплоте* (о, сколь милой теплоте!) Бакста. Ах, до чего сладостно бывало с ним (или с Серовым) разглядывать какие-либо прекрасные вещи — книги, картины! А вообще, на на-

шей выставке настоящей живописи действительно нет. Вс□ перепевы сомовизма, чюрл□низма, саши-яшизма — вс□ типичный «Мир искусства», т.е. нечто очень продуманное, культурное, правильное, умелое, но ни в чем не видно настоящего живописного темперамента. Еще самым душистым представляется Бушенчик. С собой я доволен менее всего...

Дома у меня была М-Пе Цейдлер (вещи которой только что были нами «прокатаны», но я не решился ей это сказать, а она не спросила). Она приходила хлопотать о какой-то акварели, которая была принята в прошлом году, а потом в последний момент отставлена, — целая драма! Побывали и два ученика «школы поощрения», которые пришли за пожертвованием на лотерею или аукцион. Я им дал один из первых вариантов декорации I акта «Гибели богов».

Перед обедом Добужинский читал мне свои тезисы (для Училища Штиглица). Мне они показались несколько туманными (я был *убийственно* утомлен), но и, как и все у Мстислава, *очень благородно*... Все дело, впрочем, в *личном* составе. — Акица заставила меня прочесть речь Ленина на съезде^[329]. Увы, не то чтоб любоваться, как она, моя чудная, любит, — у меня не хватает наивной веры в сбыточность таких мечтаний (да и в действительное *благо конечной цели!*).

Поздно вечером снова засел за статью для «Мелоса», и снова ничего не вышло. И уж очень соблазнительно было взяться за Флобера!

Воскресенье, 14/27 января

Не получив более толкового ответа от г-жи Небольсиной, решил сегодня в Царское не ехать. Характерная, довольно гнусная статья милого, честного, но, как столь многие мои соотечественники, нелепого Базарова в «Новой жизни». Все <нрзб.> большевиков за сепаратный мир, неминуемость которого, однако, очевидна (и сколь желательна!). — Анархисты собираются больше не считаться с частной собственностью и готовятся опустошить лавки. Весь тон газеты стал походить на «нововременский» (или на тон «Речи»). Вполне понимаю, что люди прямодушные, вроде моей обожаемой, уже поговаривают о *полном* запрещении газет. Нужно признать, что из мер Смольного истинно благодетельских до сих пор

является только изъятие из обращения «Биржовки», «Дня», «Нового времени». Но тогда не проще ли водворить в стране тот самый откровенный порядок молчания, запрета и муштры, который составляет самую основу нашего *ancien régime* и который определенно отвечает некоторым особенно характерным национальным особенностям? Ох, еще произойдет то, о чем мечтали все «черносотенные народники», по-своему, несомненно, любившие родину и по-своему хорошо знавшие одну из ее существенных сторон.

Днем на «феноменально роскошном» завтраке у Платера, в обществе четы Элленбергов. Она лучше говорит по-русски, нежели он. Странная дама с несколько старообразным остроносым лицом, под копной пушистых и жестких, почти седых волос. Когда говорит и улыбается, внезапно молодеет и становится почти хорошенькой. На войну, на финансы — тех же взглядов, как муж. Стип в восторге от того, что она по-должному оценивает пользу от мешочников-солдат (наших истинных кормильцев — спасителей от голода) и не возмущается ими, как это считают своим долгом делать те самые люди, которые ими пользуются. Он по-прежнему в общем обожает большевиков, однако все же считает, что, в конце концов, будет хорошо, когда они удалятся. Иностранной валюты берется достать сколько угодно, и даже не так дорого (40 руб. за фунт стерлингов, рубль двадцать за франк и т.д.), но на что нам валюта, когда некуда ехать? В Швеции нельзя оставаться больше трех дней. В Данию и Францию вовсе не пускают. Да возможно, что и в Германию на первых порах не будут нас пускать из боязни революционной заразы.

В коллекции Платера кое-какие новости: Миерис от Казнакова (я его определил по фотографии с подобной же картины у Зедельмейера), грубоватая, но все же приятная «Зима» — подражание <2 нрзб.>, овальный В. Кнейф, которого ему хочется считать за Гойена (фальшивая монограмма и год 1699-й),

* И Асафьев, и Сувчинский — оба относятся к тов. Аврамову с некоторым почтением, хотя и в ужасе от его безмерного прожектерства, касающегося демократизации музыки. Свои планы Аврамов надеется провести посредством сложной и дробной группировки сил и посредством «сообщения музыкальности» всем городским шумам — как-то: фабричным гудкам, автомобильным рожкам, звонкам трамваев и т.д. Сам он очень ученый «музыкальный алгебраист». В общем же, сплошная чертовщина!

маленькая марина первой половины XVII в., ряд хороших рисунков, и среди них этюд спящего ребенка Буше, который ему опрометчиво продал К. Сомов. Последний тоже был — но, бедный, все время страдал мигренью. Он плохо выглядит. Валечка не пришел из-за болезни матери, которой не лучше и которая ужасно страдает.

Дома меня ждали Сувчинский и Асафьев. Первому все же несдобровать с большевиками! Он побывал в районном Совете; там сплошная неразбериха, но притом вполне определенное намерение завладеть его особняком. Теперь он ищет себе квартиру — на всякий случай, так как перестал рассчитывать на Луначарского. Все же мы все вместе собираемся отправиться к нему завтра. В четверг С<увчинский> был в Зимнем дворце с тов. Аврамовым, только что вернувшимся из Крепости, куда он угодил из-за какой-то истории (довольно темной) с казаками (не то он что-то растратил, не то как-то иначе обнаружили его чрезмерную беспечность и... вольность)*. Аврамов явился к Сувчинскому прямо из Крепости, как был, без нижнего белья и, узнав, что грозит «Мелосу», потащил его к Луначарскому, а последний тут же написал бумагу и сообщил оной, посредством приложения печати, всю нужную (увы, не признаваемую «товарищами») авторитетность. От «министерского» кабинета Анатолия Сувчинский в каком-то «восторженно-ироническом ужасе». Его поразило, что Луначарский диктовал свое письмо, сидя на туалете (когда-то служившем Головину), а Лариса тоже «присаживалась на все столы». Я уже так привык ко всему подобному гротеску, что его и не замечаю. Легкомыслие и какая-то «воздушность» общего тона тоже поразили Сувчинского. Во всем, что сейчас происходит, эти черты сами по себе, скорее, тревожные, в то же время смешат и обезоруживают. — Судя по «Новой жизни», Зилоти выпущен, судя по сведениям Сувчинского — «все еще сидит». И... очень доволен (!). В совершенном же упоении — дочери: «Папа теперь совсем как Терещенко».

Вечером Стип, Эрнст и Бронников. Последний помешал мне импровизировать — а я как раз был в ударе.

«Красная газета»^[330] (еще один официоз, редакция которого в самом Смольном) ликует по поводу воссоединения Крестьянского съезда с Рабочим, а также по поводу отложения

двадцати казачьих полков (их представителей) от Каледина. Так ли это? Бронников считает, что чиновничий саботаж подходит к концу. Но уже все рычаги государственной машины в руках большевиков! Любопытно, как саботажников теперь прирут и как они приспособятся.

Кончил «L'éducation sentimentale». С половины второго тома не отрывался — до конца. Великая благодарность Флоберу! Многое можно бы и покритиковать (даже в самой идее книги и в ее проведении, далеко не всегда свободном от натяжки), но в общем это чудесная вещь, и особенно сладок мне в ней «запах Парижа». Почему только, перечитывая, многое, мне те же места представились иначе, нежели когда в начале 1890-х годов я читал этот роман впервые? Не существует ли переработанная окончательная редакция?

Продолжается оттепель. Ходить по тротуару просто опасно. Ухабы местами в метр глубины! Добрая треть встречаемых — матросы, весьма удальского вида, почти все с открытым настезь воротом и с ухарской прядью волос, висящей сбоку из-за фуражки. — Очень эффектна погорелая церковь Литовской тюрьмы — совершенная декорация: «двор капуцинского монастыря».

Понедельник, 15/28 января

* Орестика Аллегри забирают на военную службу (ему 18 лет). Наивный папаша отправился было торговаться с консулом и предложил такой вопрос: «Ну, а что будет, если он не поедет?» — «То есть как так?» — «Ну, просто не поедет». — «Да что с вами, маэстро, тогда он будет объявлен дезертиром и ему некуда деваться, он и паспорта не получать не может!» И тут же, сжалившись, консул на прощанье шепнул: «Едва ли партия наших вольнообязанных <окажется> дальше Мурманска!» На самом деле Орестика все же забрали, он в Италию попал и после окончания войны пожелал вернуться к отцу, но злая судьба распорядилась иначе — он как раз появился в Петербурге тогда, когда отец с младшим братом уже были на пути в Италию. Но бедный, милый юноша не долго еще прожил с нами (его мой Кока взял к себе в помощники — Орестик уже успел выработаться под руководством отца в отличного техника). В жаркий июньский день он вздумал выкупаться в канале, что тянется к морю от дома умалишенных (на 11-й версте); с ним сделался удар, и он сразу пошел ко дну. Его вдову и сына после разных хлопот Аллегри удалось выписать к себе в Париж (в 1923 или 1924 году).

¹ Нелепости, вздор (*фр.*).

** Оказывается, она — внучка милого графа Ф.П. Толстого.

Судя по вечерним газетам, беспорядки в Финляндии постепенно превращаются в войну с Россией (и в то же время сохраняют характер междуусобицы)^[331]. Поезда ходят только до Териок. Отправленные в Финляндию матросы вынуждены были возвратиться. С Гельсингфорсом прервано телефонное и телеграфное сообщение, так что Энкель лишился возможности сговориться со своим правительством. Чувствуется и возможность выступления Швеции в помощь финским «белогвардейцам» (и шведоманам). В то же время на юге война с Румынией тоже грозит осложнением, а, по сведениям Аллегри, в итальянской колонии распространено предупреждение от консульства — держаться наготове к отъезду через Архангельск*. О Румынской миссии две версии. По одной — ее вышлют (тоже через Архангельск), по другой — ее задержат в качестве заложников. Все это в целом создает глухую и очень неприятную атмосферу.

Все же на душе сегодня менее смутно, нежели то было все эти последние дни. Вероятно, благодаря чудесной, совершенно весенней погоде, яркому солнцу. Или это наша натура вырабатывает своего рода иммунитет ввиду предстоящих еще более тяжелых испытаний. Очень интересные держит речи Троцкий перед нашим *Conseil des cinq cents* (съездом), на котором оппозиция сведена к шумливой, но совсем для правителей неопасной кучке вокруг Мартова, речь которого рядом с речами большевиков напомнила *fadaises*¹ Церетели. Он говорит не иное по существу, и тем более выступает внутренняя ложь при игре в благородство. — Аллегри был на этом заседании 14-го, но, спеша к своей даме**², не досидел до очень запоздалого выступления Троцкого. Зато он успел вдоволь послушаться всяких словопрений и налюбоваться дикостью новых наших парламентариев («современные хулигане»). Особо его огорчает то, что в заново вычищенном здании Таврического дворца уже все заплевано, загажено, засорено, точно

¹ От *фр. barbe* — борода.

² Грива (*фр.*).

³ Понемногу везде (*фр.*).

* Сувчинский во многом мне напоминает молодого, очень молодого Дягилева, когда тот еще представлял собой временами, скорее, робкого, вовсе еще не уверенного в себе юношу, однако с почти неврастеническими нотками болезненного самолюбия.

и не чистили. Самого Троцкого Аллегри видел в Екатерининском зале, как он, несомненно «позируя», с особо глубоко-мысленным видом прогуливался взад и вперед, давая подхлывшим к нему господам какие-то отрывистые распоряжения. В наружности его больше всего поражает длинная «барбишка»¹, но вовсе не та *crinière*², о которой с каким-то восторгом рассказывал Дестрэ. Эта бородка придает лицу Троцкого что-то итальянское! Итальянский певец в роли Мефистофеля.

У нас завтракал сегодня мой бывший (по «Речи») сотрудник, милейший Ростиславов, на днях упавший и разбившийся на улице и потому весь покрывшийся пятнами, что не служит украшением его и без того довольно замухрышистому лицу, которое пересекается широкой черной тесьмой от <нрзб.>. Он полон возмущения по поводу всяких вандализмов, учиненных за последние месяцы, *un peu partout*³. Я очень уважаю этого удивительно трогательного в своем усердии и в своей все же беспомощности служителя Аполлона.

Днем с Асафьевым и Сувчинским у Луначарского в Зимнем. Там, оказалось, меня и без того ждали, но не могли дозвониться по телефону. «Сдав» моих компаньонов на руки самого народного комиссара, я удалился в другую комнату и засел за сочинение нового текста охранного листа для особняка Сувчинского*. Покончив с этим, я «полетел» в Академию — на заседание, посвященное реформе Экспедиции <заготовления> государственных бумаг (уж очень просил меня о том Таманов, с которым добрые отношения постепенно восстанавливаются), под председательством автора этой реформы М.К. Лембке. Реформа вполне приемлемая но выходит, что, в сущности, это возвращение к порядкам времени Г.И. Франка. И слава Богу! Сам Лембке — господин со «сдобным» говором, охотно украшающий свою речь шуточками, довольно «властный» на вид. В книжном деле он едва ли что-нибудь смыслит и говорит фразами, уже во дни Франка казавшимися устарелыми: русская-де графика и русская книга находятся на низком уровне (тогда как за последние двадцать лет то и другое сделали колоссальные успехи и т.п.). Фирму Голи-

¹ Свидетельство... нищеты (*лат.*).

² Волочился за красавицей Ларисой, которая млела от удовольствия (*фр.*).

ке—Вильборг укорял за то, что она не желает учить других — какое *testimonium* собственной *pauperitatis*! Такие речи слушать из уст представителя когда-то «не сравнимой ни с чем» Экспедиции!.. После заседания в Академии снова в Зимний — на заседание соединенных дворцовых комиссий. Луначарский, однако, уже успел упорхнуть (Верещагин записочкой меня известил, что я пропустил «еще одну лекцию»). Там оказались Половцов (*brin de cour à la belle Larissa qui s'en pâmat d'aise*²), Путя Вейнер, еще несколько человек, частью мне вовсе не знакомых. — Вейнер от какого-то *умного* француза («Не от Анэ?» — «О нет, это не умный француз, а просто прохвост!») слышал, что общий мир будет заключен не позже как через месяц и после того произойдет общеевропейская оккупация России. При этом милый Путя не теряет надежду, что в Зимнем дворце будут водворены «те, кто ныне из него изгнаны» (при этом милейший, вероятно, снова возмечтал о камер-юнкерстве, а может быть, и о чем-то более высоком!). Исторический музей и он предполагал устроить в Михайловском замке — иначе говоря, он высказывает ту же мысль, которая вылилась у меня в одном <из> фельетонов «Слова» еще в начале 1906 года^[332], за что мне тогда, Бог знает почему, попало от Димочки Философова.

У нас дома была С.С. Полоцкая-Емцова, собирающая от художников дары для аукциона Политического Красного Креста и устраивающая в его же пользу концерт. Она пожаловала к нам, «зная, что это неправда, будто я стал большевиком» (такой-де слух ходит у Гессенов). Анна Исааковна Г<ессен> ныне буквально *молится* на Милюкова (это она-то, милая, всегда так мило-заговорщически посмеивавшаяся со мной во время наших пацифистских разговоров²). Напротив, Сара Семеновна не видит особой разницы между обоими книжниками-доктринерами — Милюковым и... Лениным. Кроме того, нас посетили два курляндца-графика — г-н Витберг и г-н К. (фамилии не расслышал). Первый необычайно, но и мучительно техничен, второй — более живой; однако оба заражены до мозга костей декадентской бурдой и стилистикой. Мне это глубоко противно!

¹ От *фр.* *chef d'école* — глава школы.

Вторник, 16/29 января

Сегодня дошел черед до бедного Петрова-Водкина выслушать мой очередной «гневный крик»! Обсуждался прием на выставку «Мира искусства» вещей, присланных художником Шлейфером. Среди них оказался этюд головы лупоглазой девчонки — значительно больше натуры. Я и большинство членов жюри высказались за этот этюд, Петров-Водкин — против. И не то чтоб надлежало *во что бы то ни стало* принимать эту вещь (лишь на малость выдающуюся из общей посредственности умеренно-модернистского характера), но просто манера отстаивать свое мнение Кузьмы, его непрерывное учительство, его назидательные указания на «живопись» (причем тон у него такой, что только он и знает в этом толк: я, мол, один из вас *живописец*, а вы все — презренные «графики»), тон таков — что я, наконец, не выдержал (помимо того, я уже был издерган и шлепаньем по распутице, и убожеством представленных на жюри вещей) и сначала резко попробовал защитить свою точку зрения, а затем вдруг совсем вылетел из петель и *накричал* на «мэтра» и «шефдеколя»¹! Даже обвинил его в шарлатанизме! В сущности, была то истинная правда, ибо в Кузьме на три четверти шарлатанства и лишь на четверть действительной художественности, но все же я сознаю, что так поступать не следовало! Я тут же раскаялся. Сам Кузьма притих было, но через пять минут по поводу другой какой-то вещи он заявил: «Я больше не участвую в жюри, прощайте; вот и вы не можете продолжать, потому что у вас незаконное число», после чего отправился к выходу. Тут весь инцидент представился мне до того глупым, что, спрятав свое достоинство, я побежал за ним, задержал его в темной проходной и представил ему «все извинения». Он немного поартачился, однако сдался, и мы вернулись — причем, по настоянию совершенно растерявшегося нашего распорядителя Арбенина, даже облобызались. — После того Кузьма совсем притих и лишь для проформы иногда что-то бубнил себе под нос.

¹ Путаницы, недорозумения (*лат.*).

² *Здесь*: уметь приспособиться к общему тону, попасть в тон (*фр.*).

* Впоследствии выяснилось, что это работа ученика Венецианова — Алексева.

Вообще, должен признаться, что временами для меня пытка работать с этими милейшими ребятами и порядочными дикарями. Ощущение одиночества является настоящей причиной того, что я все более отхожу от всей нашей группы «Мир искусства» (без того, чтоб я видел иную — к которой можно было бы пристать). — Сегодня были на жюри, кроме нас двух: Борис Григорьев, Замирайло и впервые удостоивший нас своим появлением, однако ничего не выставивший Альтман. И вот все они, а больше всего Петров-Водкин, гордят сплошную чушь со вставками каких-то клише парижского происхождения. Особенно характерно, что все абсолютно не понимают шутки, иронии. Кроме того, у всех (особенно же у безмерно самовлюбленного Альтмана) вкоренилось убеждение, что я старый сапог и «ничего в новом искусстве не понимаю». На этой почве при моей неисправимой манере все время шутить и иронизировать получают самые нелепые *qui pro quo*¹. Я, скажем, шутя похваляю какую-нибудь вопиющую пошлятину, а они это принимают за настоящее мое мнение и начинают всерьез со мной спорить. Или я сделаю какое-нибудь карикатурное сравнение какой-либо самой жалкой банальщины с каким-нибудь классическим произведением, а они мне назидательно говорят: «Вы, верно, забыли, как выглядит Микеланджело или Тициан!» Вообще, эта неспособность схватывать *le ton de la musique*² меня ужасно раздражает в нашем «суперкультурном» художественном мире! Это самое меня поражало и тогда, когда я имел дело с Художественным театром. — Продолжалась подобная пытка сегодня и тогда, когда я провел своих коллег в канцелярию, где временно находится предлагаемая Музеею Александра III картина венециановского круга, изображающая мастерскую художника с несколькими гипсовыми слепками. Я уже вчера любовался этой совершенно поразительной картиной — настолько превосходящей все работы в том же роде, что я даже склонен ее приписать кисти самого Алексея Гавриловича*. И вот все наши гении и пророки (Альтман, несомненно, считает себя за какого-то Езекииля^[333] живописи) тыкали носами в картину, пробовали изрекать обычные свои формулы, и лишь Замирайло обнаружил большее внимание по существу. При прощании он мне признался, что не приходил к нам потому, что он не любит, когда ему зажимают рот, намекая на своего

закадычного приятеля Яремича, который, со своей стороны, в претензии на Замирайло — за то же самое... Я его усиленно звал, ибо мне жаль этого высокодаровитого, но несчастного в своей нелепости чудака.

После завтрака побывал в мастерской Аллегри. По дороге опять загляделся на чудовище — «Аврору», по-прежнему стоящую у верфи Нового Адмиралтейства. Теперь к ней построены мостики, спускающиеся к набережной, — видимо, она не собирается покинуть Петербург. — И посещение Аллегри не оставило во мне хорошего впечатления. Из-за отсутствия ли некоторых тонов или из-за экономии в пользовании дорогими цветистыми колерами, все выходит у него тускло, серо, грязно. Вспоминается яркость и лихость мазка Анисфельда, который писал наипервейшую версию «Петрушки» (в 1911 году). Бутафор — скульптор Евсеев — действительно был болен, сейчас же поправился и со рвением принялся за работу (распоряжения «свыше» остановить работу над «Петрушкой» к ним не поступало). Затем к А.Б. Сальникову в его красильную мастерскую в Тюремном переулке. У Орестика дело с копиями не подвигается, и потому я заказал остающиеся копии хромоногому помощнику Сальникова — очень способному молодому художнику совершенно пролетарского вида. Добрейший Александр Борисович Сальников просадил все свои сбережения в «Заем Свободы»; теперь он хочет осуществить тот план, на который я его уже годами толкаю, — учреждение самостоятельной красильной мастерской. Изумительный человек! Сама энергия, такт, усердие, распорядительность, толковость, мастерство и личная обаятельность — и при этом совершенная беспомощность в чисто житейском, материальном смысле. Подобно Сапунову — одна из «жертв театра». У меня же к Сальникову прямо какая-то нежность. Вот истинно художественная натура и притом русский человек в лучшем понимании слов.

К обеду Стип и Эрнст. К чаю В.В. Эмме — один из декораторов б. Императорских театров и удивительный, самобытный, одинокий путешественник в самых пустынных горах Средней Азии; послушать его рассказы — одно наслаждение. Все вместе смотрели том «Illustration» 1848 года. Поразило, до чего быстро тогда вылез и достиг трона Наполеон III. На ночь читал краткую историю этой удивительной авантю-

ры.

Среда, 17/30 января

Плохо спал. Всю мучительные думы о положении — как общем, так и частном. До чего все зыбко, ненадежно... Ночью все представляется абсолютно и даже каким-то гармонично запутанным. Исходным пунктом этих размышлений на сей раз представляется угроза предполагаемого заселения квартир. Лишь бы уцелеть семье, лишь бы сохранить все, что составляет мой архив, и вот эти мои записки — «правдивый протокол текущего безумия». Должен при этом сказать, что, несмотря на все ужасы, связанные с «большевистским опытом», мои симпатии остаются пока на «их» стороне. Это *плохой знак* — это значит, что старый строй действительно обречен на полное исчезновение. А это как-никак *мой* строй! Моментами мне до слез жаль этого исчезающего нашего же прошлого, прямо продолжать жить не хочется! А потом, как вспомнишь какие-то «милостивые улыбки» всяких заперевшихся в оградах своих родовитости и сановитости бездарностей, всю «упадочную душу» этого отжившего мира, так становится до того тошно, что готов принести какие угодно жертвы, только бы не возвращаться в это болото. Тогда во мне потухают и последние вспышки моего монархизма.

Последний кусок был написан утром, а вечером нашел еще «лишнее подтверждение тем же чувствам». Я присутствовал на заседании художественной комиссии по государственному изданию классиков, учрежденному на сей раз в Зимнем дворце под председательством тов. Полянского и при участии его секретаря — рыжего господина с кудрями à la Бальмонт. Среди приглашенных участвовать оказались, кроме меня, Б. Попов (приглашенный лично Ларисой, у которой как будто некоторая слабость к нашему действительно чарующему Алеше Поповичу), Лариса, Штернберг, А. Блок, Шухаев, Альтман, еще один быстроглазый, неглупый «партийный человек» (имени не расслышал). Вернулся я с этого заседания удрученный... Никогда еще как будто я так остро не ощущал весь нелепый деспотизм большевизма, всю без-

¹ От *фр. couvert* — столовый прибор.

² Здесь: на полном ходу (*фр.*).

надежную бестолковость его представителей, всю их оторванность от жизни. И в то же время всю безвозвратную, беспомощную обреченность старого мира, без которого они, однако, не могут ступить и шага.

Боже! Иметь бы гений Достоевского или хотя бы память хулигана Аверченки! Так в схемах не передать самой соли этой ерунды. А нужно было бы почти дословное фиксирование всего диалога, и особенно всех нечаянно вырывающихся и обнаруживающих ослиные уши словечек. И как все характерно для момента! И то, что эта конференция происходит в каком-то альковном отделении одного из покоев царского дворца, под сверканием несуразно огромной люстры, когда-то освещавшей какой-либо бальный зал великой Екатерины! И то, что за этим столом «на тридцать кувертов»¹ Полянский оказался в каком-то чрезмерном отдалении от прочих, а его секретарь уже совсем терялся, сидя в полумраке за отдельным столиком... Характерны и певучие фразы «первой ученицы этого класса» — нежно-величавой (все же очень милой) Ларисы, наивно стремившейся показать себя (особенно передо мной) в свете изысканнейшего эстетизма (совсем пропал ее летний слегка оппозиционный хулиганистый тончик), и потешные французские выражения «парижанина» Штернберга (напр.: *en tout train*², чтоб выразить поспешность), и хамоватое лежанье на столе всем туловищем Альтмана, старавшегося по всякому поводу выразить свою независимость! С другой стороны, и менее характерные, нудные (точно камни ворочает) возражения Блока или, наконец, быстрые, в подражание Луначарскому, «лекции» Полянского... Все начало заседания ушло на определение круга компетенции данной конференции, причем как раз никак не могли спеться между собой «представители революционной власти». Полянский гнул к тому, что этот совет имеет над собой «инстанцию в виде комиссии при Комиссариате народного образования», Штернберг и Лариса отстаивали «нашу» полную автономность, при этом Полянский — видимо, тертый калач в коллективах — не терял благодушного тона (это целая техника), а оппоненты доходили и до весьма колючих слов, а то и до «огрызаний». Затем перешли к вопросу о правописании. Блок никак не хотел допустить, чтоб классики печатались без «еров» и «ятей», и настаивал на глубоких, «чисто творческих» мотивах, лежащих в основе правописания и в то

же время тщательно оберегая свои заявления от обвинения в эстетизме и в гурманстве. Полянский не возражал по существу, однако считал, что раз произведена реформа в правописании, то нельзя же ее самим реформаторам ее не соблюдать! Я лично думаю, что если в доводах Блока и есть доля истины, то все же к «неприятностям» новой орфографии читатель скоро привыкнет (ну, а я сам буду читать своих любимых авторов в старом, их привычном виде). Опять-таки забавно получилось, [что] после двухчасового спора на эту тему мы узнали, что такие новые издания классиков будут печататься только со временем, тогда как покамест «придется бросить в народ» массы изданий, уже отпечатанных со старых «национализированных матриц» (изд. Глазунова, «Панорамы», Маркса и т.д.), причем, разумеется, не может быть речи не только об изменении орфографии, но хотя бы формата!

Вся эта беседа отчасти вскрыла и экспроприаторские намерения Смольного, чем повергла меня в глубокое уныние. И не столько самая «угроза праву собственности», сколько обнаруживавшиеся попутно государственно-деспотические инстинкты новых владык. С одной стороны, говорят жалостливые слова о книжном голоде, с другой — предпринимаются такие шаги, которые неминуемо должны принести тяжелый ущерб русской книге. Издание классиков монополизировано государством, и на первых порах это выразится в печатании с готовых конфискованных матриц; если же частная инициатива тоже пожелала бы издать Пушкина или Тургенева, то пришлось бы представить смету на утверждение и разрешение правительства (как мы далеко ушли от либерального Цензурного комитета!), и последнее должно заняться вопросом, нет ли под этим «какой-либо эксплуатации». Все это является проведением в жизнь принципа пресловутого «контроля над производством»,

* Княгиня Мария Дмитриевна назначила к продаже два низких открытых шкафа Буль³³⁵¹ (имитация позднейшей эпохи), две такие же консоли, два терракотовых барельефа круга Донателло (пляшущие дети, плохо видно; темно, раньше я их у них не видал), маленькое распятие, приписываемое Дуччо (очень переписано), большая картина круга Карпаччо, «Вшествие в Иерусалим» — каталонской или южнофранцузской школы, ряд пострадавших миниатюр на меди, прелестный костяной кубок негритянской работы, вроде тех, что в Британском музее. С произведениями Г.Г. Гагарина и с семейными портретами они не желают расставаться.

¹ «Чудо» (нем).

о котором я до сих пор только читал, а теперь уже «нащупываю вполне реально». Можно ли, однако, накладывать на дело торговли пути какой-то малопонятной этики и разве возможно, чтоб дело жило и процветало, раз не будет больше неотделимого от него коммерческого нерва? Доктринерам все это кажется проще простого (как простыми казались и Аракчееву все его «реформы»^[334])... Худшее грозит именно от таких «чистых душ»! На днях ко мне собирается Б.Г. Скамони; очень будет интересно потолковать с этим чудесным специалистом данного дела.

Днем я заходил к М.Д. Гагариной, обратившейся ко мне с просьбой взглянуть на несколько принадлежащих им картин, которые она желала бы продать, так как они нуждаются в деньгах. Болтливая, добрая, непоседливая, неугомонная, она мне при этом свидании излила и все свои мысли о деревне, о русском мужике — все это уже ни в чем не напоминает ее прежние восторги... Главное, по ее мнению, — не надо мужику подавать виду, что его боишься. Надо себя держать, как укротитель в клетке диких зверей. Чуть покажешь испуг — моментально загрызут. Рассказала княгиня и случай, произошедший с их родственницей, живущей в жалком домишке по соседству с их помещьем. Старушка прятала те крохи, что ей удавалось при крайней экономии сберечь, среди дров и по разным тайникам. И хоть разбойники, явившиеся к ней, и избili ее до полусмерти, она все же так и не открыла тайны этих пряталок... Ныне же все это, с таким героизмом утаенное, попадет в руки большевиков, так как зять этой дамы убедил ее положить деньги в сейф...^{*} Кстати сказать, сегодня (или вчера?) вышел декрет о монополизации золота. Скверно то, что и церквям, и монастырям, и музеям приказано дать сведения об имеющихся у них золотых предметах.

Обедал дома в 10 с половиной! Наши были, по настоя-

* Еще слух: в Кремль собирается перебраться Совет Р. и С. Д.! Неужели Грабарь и его группа допустят это?

** Речь идет о картинах, находившихся когда-то в Мальмезонском шато имп. Жозефины, которые были приобретены Александром I, но на которые могут заявить свои претензии германцы, так как эти картины были когда-то похищены и присвоены каким-то наполеоновским генералом, а принадлежали они ландграфу Гессен-Кассельскому и входили в состав его знаменитого собрания^[336].

¹ От *фр.* *escarmouche* — перестрелка, стычка.

нию Платера, на фильме «Das Mirakel»¹ с Марией Карми, в которую П<латер> считает своим долгом «быть влюбленным», — как Пьеро в луну. Вернулись наши в негодовании на все!

Четверг, 18/31 января

В Крыму — Татарская республика, в Финляндии на почве голода война, польские легионы в войне с большевиками, германцы отказываются уступать в вопросе об эвакуации балтийских провинций, демобилизация продолжается, революционная армия образуется, хлеб не доезжает до Петербурга. Лунтпольд Баварский готовится взять Ревель, погромы продолжают под видом сыска продовольствия, Киев ждет большевиков, под Камбре англичане бьют немцев, на Асиаго (Аччиро?) итальянцы бьют австрийцев и проч. Здесь же все более утверждается слух о съезде анархистов, которые будто бы захватили особняк Гинцбурга на 11-й линии*. В Ялте чума. Последнее, пожалуй, посерьезнее всего остального.

Днем пошел на за неделю намечавшееся заседание с Луначарским, однако в Зимнем никого из официальных лиц не оказалось... и тогда я с Верещагиным прошли в Эрмитаж, чтоб получить от Джеймса Шмидта сведения о Мальмезонских картинах, что понадобились Луначарскому или скорее Троцкому**.

Джеймс вполне оправдал возложенные мной на него надежды; он оказался, как всегда, досконально информированным. Однако и он мог дать *вполне докуменальную* информацию, так как архив Эрмитажа эвакуирован в Москву. Я думаю, впрочем, что ничего эрмитажным сокровищам не угрожает. Если даже верно, что германцы предъявляют эти требования, то это была бы не более как попытка — авось при «общем индифферентизме одичавших русских» удастся вытащить таким образом очень эффектные «военные трофеи»! Троцкому же эти сведения понадобились, так как этот лукавый человек может использовать эти карты при переговорах. Ведь иногда мелкие «эскармуши»¹ бывают весьма полезны в качестве «диверсий» от более значи-

¹ Очень бодрый (фр.).

² И вовремя (фр.).

* Его я застал за показыванием эрмитажных (увы, на три четверти пустых вследствие эвакуации) зал<ов> — членам Крестьянского съезда (des personnages d'aspect peu rassurant [людям, не внушающим доверия (фр.). — Перев.!!]).

тельных сражений... По дороге в Эрмитаж Верещагин изложил мне *свой* проект превращения Зимнего дворца в один грандиозный музей, и это оказалось тождественным с тем, что вкратце я на прошлой неделе ему изложил о *своем* проекте!.. На мое же замечание о том Василий Андреевич подтвердил: «Мне и казалось, что мы с вами во многом сходимся». Впрочем, я так привык «себя раздавать», что меня подобный цинизм уж более не злит. Хуже то, если, взяв мою идею, ее изгадят. Вот это может мне причинить настоящее страдание. В Эрмитаже встретился, после очень долгого промежутка, с Д.И. Толстым, который совсем поправился от своего падения и чувствует себя превосходно; *très gaillard*¹, очень веселый и очень любезный. Милый Липгардт в смешной ермолке — из-за царствующей во всем музее холодины. Жарновский так до сих пор и не выбрался в Рим. Он только сегодня утром вернулся из Выборга. В Териоках почти у него на глазах расстреляли двух служащих на станции, которых красногвардейцы заподозрили в покушении на взрыв их поезда. После Эрмитажа посетил Карсавину, которая собирается в Псков. Поплакались вместе о своих тревогах. Она совершенно поссорилась с Фокиным. Угощала меня кофеом с концентрированным молоком. Рассказывала, что у них по соседству на Марсовом поле каждую ночь происходят убийства. — Зашел к Аргутону передать просьбу княг. Гагариной, чтоб он зашел к ней. Он сидит без денег, но с волчьим аппетитом до художественных приобретений.

Пятница, 19 января/1 февраля

Все эскизы декораций «Петрушки» готовы и снабжены

* В типографии Голике—Вильборг.

¹ От. *фр.* *jérémiade* — плач, сетование, ламентация. Связано с именем Иереми — одного из четырех великих пророков Ветхого Завета. Он сетовал на горькую судьбу израильтян после разрушения Иерусалима и их вавилонского пленения.

** Очень характерен случай, произошедший с моей бедной *belle-sœur* [невесткой (*фр.*)]. — *Перев.*] Марией Александровной — супругой брата Леонтия. У нее в сейфе лежал целый сундучок, полный бриллиантов и других драгоценностей. К ним явился какой-то темный персонаж <?>, который за очень высокое вознаграждение обещал раздобыть эти сокровища... Мзду он получил вперед, но вместо стотысячных ожерелий и целых <*нрзб.*> — принес только один браслетик и одну брошку. Пришлось и с этим примириться — не подавать же в суд по делу, в котором можешь оказаться самым главным преступником!

обстоятельными пояснениями (по-французски), но нет времени (ни решимости) отправить их Фокину «на утверждение», как того требует контракт. Продолжаю сомневаться, дойдут ли они при нынешних обстоятельствах (серьезные беспорядки в Финляндии) до места назначения. — Утром приходил пианист Зак. В один год он из человека нуждающегося превратился в миллионера и потому без особенного огорчения перенес кражу (в трамвае) в размере 63 000 рублей! Он заывает меня сотрудничать в журнале «Международные отноше-
н и я » [3 3 7] .

Днем в Зимнем. Джеймс Шмидт изготовил очень обстоятельную ноту, но сам отказался зайти к Луначарскому, хоть, со слов Верещагина, сам Д.И. Толстой «заделался большевиком» — *à la bonne heure*². От Петровского* я получил немецкий текст требований германцев, и оказалось, что, при своей краткости, он настолько ясен, что и Шмидта придется просить переделать сообразно с этим свой текст, причем больше настаивать на том, что в свое время Александр I готов был отдать кассельские картины, но с условием возмещения ему за истраченные на приобретение их деньги, однако «скупой» курфюрст (ландграф?) отказался дважды платить за вещи, ему принадлежащие и у него украденные. На нашем заседании в Зимнем постановлено (предложение Вейнера) войти к Луначарскому: 1) с заявлением о необходимости учреждения контроля по выделению «художественных предметов из золота», которые оказались бы конфискованными; 2) с запросом о судьбе церковных вещей (необходимо привлечь в комиссию проф. Георгиевского); 3) с настойчивым указанием на недопущение вселения Совета Р. и С. Депутатов Москвы в Кремль. В частности, Эрнста я начинил проектом применения Елагина дворца и его служб — самого дворца под читальный зал и зал для докладов. С самим Луначарским условились, что заседание о Советах состоится завтра. Лариса и Штернберг уже интригуют против Полянского. — В. Зубов по секрету сообщил, что Криворученко и есть «любимый дядька цесаревича Алексея» — Дедученко (?) или что-то в этом роде^[338]. Он продолжает преспокойно сидеть в канцелярии и править какие-то бумаги... — Дома меня поджидали Б.Г. Скамони и Наум Борисович Х (никак не запомню фамилию этого претенциозного сучилы). Они на Звенигородской* не унывают и

продолжают работать. Не удержался, чтоб не преподнести им целую иеремиаду¹ насчет своего душевного состояния, но все же, по слабости, возобновил обещание сделать им книгу о Сомове и в более далеком будущем создать целую серию монографий. Оба (так же как и до них г-н Зак) рассказывают, что «вокруг Смольного» и на почве вскрытия сейфов идет сплошное воровство^{**}. Однако закрытие банков как будто капиталистов еще не доконало. Оказывается, Сергей И. Шуккин в Москве уже приспособился к новым порядкам, и теперь его особняк охраняют красногвардейцы. «За войну он так разжирел, что не мешает и отдохнуть».

После Скамони и г-на Х — милейший П.Ю. Сюзор. Тоже с предложением заняться юбилейным изданием «Истории Академии художеств». Я наотрез отказался. Развивал ему (в который раз) свои взгляды — все в связи с критикой проекта нового устава Академии. — Теперь старик совсем забыл про свой *французский* патриотизм и только мечтает о мире — все равно каком! В революцию же в Германии, о чем так много здесь трубят, не верит.

От Правления Общества Моск. Казанской Ж.Д. запрос, буду ли я в Москве для переговоров по поводу повышения цены за мою картину «Триумф Европы» для зала буфета I класса. Я твердо решил отказаться от этой пытки и думаю посоветовать им Сашу Яшу или Шухаева (по моему эскизу?). — Письмо и от «друзей Румянцевского музея^[339]» с напоминанием (о, конфуз!) о моей *трехлетней* задолженности. Все это, однако, можно счесть за симптомы известного оживления<ия>.

К чаю Замирайло. Предлог прихода: просьба подписать подаренный ему на елку этюд, однако он тут же с самым мрачным видом объявил, что не даст своих вещей на выставку, если мы не примем работ его приятеля — скульптора (<из> весьма слабых) Ясновского (Ясиновского?). Ужасно не люблю подобные фокусы со стороны людей, претендующих на какую-то «абсолютную прямоту».

Продовольственные обыски начались уже сегодня. К нам в дом заходили, но удовольствовались заявлением представителей домового комитета, что у нас ни у кого запасов нет.

¹ Анархистскую жратву (*нем.*).

Легкая ссора с Атей по поводу того, что она заставила бедную Кулечку (у которой болит нога) пойти пешком (извозчиков нет) отнести Полоцкой билеты на ее концерт. Никто их не захотел брать: пришлось самим раскошелиться на целых 100 рублей!

Суббота, 20 января/2 февраля

Сегодня, наконец, состоялось давно жданное совещание с Луначарским; но Боже! Что это было! Перед тем чтоб засесть, было торжественно заявлено, что сегодня приема у народного комиссара не будет, — это было сделано, дабы он мог всецело обратиться к вопросам, требующим безотлагательного решения. На самом же деле в продолжение часа с половиной шла какая-то непрерывная борьба с посторонними людьми, из которых несколько даже вообще просто по недоразумению попали в Зимний дворец. Тут же бегал двенадцатилетний мальчишка Каменевой, тут же явились какие-то садоводы, тут же делегаты Крестьянского съезда, желающие осмотреть Зимний дворец, тут же проник к нам, несмотря на запреты, какой-то бледный бритый ученый человек, который заставил нас ни с того ни с сего прослушать его сонливые разглагольствования о необходимости театрального музея (благодаря ему образуется заседание в заседании), и тут же вваливаются, в состоянии большого раздражения, спорившие на ходу и продолжавшие спор В. Зубов и Ятманов, первый — отстаивающий дом А.Д. Шереметева на набережной^[340] от захвата металлистов, тогда как Ятманов утверждает, будто Зубов сам их туда впустил. Их сменяет Лариса, не нашедшая другого момента, чтоб показать мне результаты конкурса почтовых марок, что ее больше заинтересовало, чем что-либо на свете... Наконец весь состав нашего совещания *in corpore*, не переставая обмениваться мнениями, пробиваясь сквозь стену просителей, отправляется в заднюю комнату, где мы садимся за стол, покрытый грязной скатертью, и где Луначарский принимается при нас улепетывать неаппетитного вида битки с гречневой размазней, угощая и других, послав предварительно дворцового лакея в устроенную при царской кухне обще-

¹ «Суэта» (лат.).

ственную столовку за тарелками, вилками, ложками и графином воды. Что бы сказал обер-гофмаршал П.К. Бенкендорф, если бы увидел этот *Anarchistenfrass*¹?! За сим высочайшим столом изволили кушать, кроме самого народного комиссара, Лариса (ее «чин» до сих пор не выяснен), Ятманов, граф («бывший граф») Зубов, Петровский, сынишка Каменевой, красавец Флаксерман (на сей раз в штатском), Штернберг, Лященко и я (однако я отказался от еды). Под общий шум и с полными ртами Петровский и Ятманов стали меня убеждать взять на себя председательство всех соединенных комиссий, сулили крупное жалованье, говорили, что «неловко мной пользоваться даром», и т.д. В ответ я им выставил свои обычные резоны. Знакомые дворцовые лакеи за спиной у этих новых особ первого ранга корчили мне гримасы, как бы говоря: «Вот до чего мы дожили!» Насытившись, Луначарский, наконец, сдался на убеждения Каменевой, и мы уединились в *ее* половине — в знакомом со дней комиссии Горького «Готическом» зале, и там, наконец, в лютом холоде были обсуждены в сравнительном покое несколько вопросов. Должен сознаться, что вся эта дикая суматоха показалась мне чрезвычайно забавной (я любитель до всяких курьезов). Иллюзий здесь не надо иметь. Из такой нежити ничего толкового создаться не может. Особенно характерно то, что никаких записей ниже протоколов при этом не ведется, а всякие наметки о будущих встречах происходят «на память» и в таком тоне: «Ах, в четверг? Что у нас в четверг? Подождите, подождите, нет, в четверг не годится, у меня Совет народных комиссаров; в пятницу? Хорошо. Впрочем, нет, нельзя, я обещал говорить на митинге в цирке Чинизелли^[341], впрочем, это можно отложить» и т.д. Во всем этом можно при желании увидеть что-то стихийное, какой-то «вихрь воодушевления»; есть что-то напоминающее широкую мазню, à *grands coups de pinceau*, и нет унылой сонливости Макаровых, Головиных и им подобных. Но все же!.. Провалилось, между прочим, предложение представительства от всех художественных течений, предлагавшееся Ятмановым. Принято мое предложение о созыве предварительной конференции для опроса видных деятелей: Таманова, Д.И. Толстого и проч. Однако меня при этом поразило, что о такой конференции, на ко-

торой я настаивал еще в беседах с Ларисой и позже со Штернбергом, Луначарский услышал в первый раз...

Заходил с Эрнстом на аукцион Платера. На «постоянной выставке» хороша «Vanitas»¹ Адриансенса, которую торгует Браз. В вечерних газетах сомнительное известие, будто патриарх предал большевиков анафеме. Либкнехт освобожден. — Вечером Стип. Уютно беседовали. Вернулась горничная Дуня и навезла всякой провизии; между прочим, величайшую редкость: два пуда муки. Тем не менее Акица, щедро заплатив ей за все, не соглашается ее оставить у нас, и бедная девушка должна себе приискывать место. До обеда приходил Крадко, опоздавший со своей скульптурой на жюри. Его семья приобрела на днях бронзовый завод Робекки. Удивляюсь, до чего все евреи за последние месяцы разбогатели! Я очень раздражен тем, что вопрос с «Петрушкой» все еще не разрешен.

Воскресенье, 21 января / <3> февраля

Вчерашний слух об анатематизировании не подтверждается, зато в «Известиях» декрет об отделении церкви от государства, дышащий все тем же легкомыслием! Так и видишь, побывав на таких заседаниях, как вчерашнее с Луначарским, как подобные акты, предназначенные для того, чтоб «глубоко вспахать всю народную душу», составляются в спешке и в суматохе, по статейкам, написанным когда-то в Лозанне или в Цюрихе и с полным игнорированием русской жизни. В косной массе эти импровизации должны все же произвести какое-то будоражащее действие, раз будят сонливое внимание, нарушают навыки, заставляют людей думать и тревожиться. По выражению Стипа, «это освежает». Полный возврат к старому после таких встрясок действительно окажется невыносимым. Я, в частности, этому закону в принципе вполне сочувствую. Только благодаря расторуже-

¹ Он стал невыносим (*фр.*).

² «Я не узнаю вас. Это вы мне такое говорите?» (*фр.*).

³ «Следует в ближайшее время считаться с большевиками» (*фр.*).

⁴ «Однако же, у нас здесь (лежат) миллионы!» (*фр.*).

⁵ Очень славный малый (*фр.*).

⁶ «Говорящим на всех языках» (*фр.*).

нию противуестественного союза христианской церкви с государством самый дух церкви воспрянет и станет более действенным. Пока что этот декрет привел к «крестному ходу всех церквей», который, по рассказам свидетелей, был грандиозен. Когда голова процессии достигла Николаевского вокзала, конец ее был еще у Казанского собора. Часть ее Брус видел из окон посольства. Нина Жук вчера на всю ночь слышала, как священник настойчиво призывал прихожан участвовать в этой религиозной манифестации!

Утром побывал у Фокина со своими эскизами. Он теперь остается до 5 февраля, — мол, шведы «подождут»! От эскизов (значительно усовершенствованных) в восторге и требует, чтоб я их отправил. Решил завтра идти в посольство за справками. Положение с «Петрушкой» в Мариинском театре остается невыясненным, зато Ф<окин> «совершенно расплевался» с труппой и теперь только и мечтает об эмиграции. Он уверен, что Мейерхольд (которого Луначарский уже величает «столь компетентное лицо, как Мейерхольд») продолжает вести свою линию, причем пугает образовавшейся вокруг него целой стайей захватчиков и насильников. Потеряв все свои сбережения в разных бумагах, Фокин теперь опасается, как бы французское правительство не конфисковало, в качестве репрессалии, его виллу в Аркашоне. Зашел в Академию. Торопясь завтракать и затем на концерт, я снова не успел осмотреть выставки конкурентов (говорят — хороши архитектурные работы, в чем я мимоходом и удостоверился); все в классике, но несколько обароченной; влияние «Мира искусства» продолжает действовать во всем. Очень приличная работа — полустатуя Крадко. В концерт пошли гурьбой (все на наш счет!). Бедный наш Владимир теперь каждый день обедает у Карсавиной — из экономии, слишком далеко ходить к сестре на Сергиевскую. По отзыву Бруса, *il est devenu impossible*¹; с ним не о чем говорить, он все еще держится таких мнений, какие были возможны три года назад. На днях он накричал на Бруса, когда тот стал ему возражать:

¹ От *фр.* *casaille* — сволочи, подонки.

² Гара «Весной моей жизни», «Жницы»... «Сицилийка» (*фр.*).

³ Сидит без гроша (*фр.*).

⁴ Жанине (*фр.*).

«Je ne vous reconnais pas. Est-ce vous qui me le dites?»² Это на то, что Брус произнес такую фразу: «Il faudra prochainement compter avec les bolcheviks»³ (думаю, тут играет большую роль, что посольство не может пользоваться своим здешним капиталом; «et pourtant, nous avons ici des millions!»⁴). Замечательно еще то, что новый лакей Бруса — австриец, которого еще в начале войны приютил один из членов посольства — дабы этот *très brave homme*⁵ не угодил куда-нибудь в Вологду. Я бы сказал, что вообще за последние дни (в связи с победами над Радой, над Дутовым и Калединым) намечается какое-то новое отношение к большевикам. И Сюзор с каким-то удовольствием рассказал мне про кн. Гедройца, посетившего на днях Дыбенко. «Матрос» оказался культурным человеком «*parlant toutes les langues*»⁶ и т.д. И тут же Д<ыбенко> обрушился на какую-то делегацию от гельсингфорских моряков, явившихся просить прибавки жалованья: «Ракалии!¹ Что же, прикажете, чтоб я для вас фальшивые бумажки печатал?!»

Самый концерт старинной музыки доставил нам удовольствие, хотя моментами мы и поскучали. Однако больше звуков пленил буфет, на который публика набросилась, причем иные даже забрали «на вынос» целые пакеты. Я совсем истратился на угощение (и себя не забыл), причем пришлось платить за мятный пряник 20 коп., а за крошечную булочку-пышку 1 рубль! — Хорошо играл скрипач Коханский. Особенно прелестна меланхолическая песенка *Garat* «*Dans le printemps de mes années*», «*Les moissonneuses*» Куперена и «*Sicilienne*»² Франк□ра. После концерта все отправились к Аргутому, кроме Акицы, которая с Брусом поднялась к Карсавиной поглядеть на прелестного Никиту, оставленного матерью. Она в Пскове. Настоящая причина этой гастро-

* Брус в подробностях рассказывал, что произошло на днях в Английском магазине (*Druce'a*). Красногвардейцы явились среди <дня> — арестовать какого-то воришку, который, по их сведениям, там скрывался, — и тут же, на набережной Мойки, они его расстреляли, но расстреляли и одного из своего отряда за то, что во время последнего обхода он сунул себе под пальто дамскую кофточку. Тем не менее банда забрала из кассы 15 000 рублей на глазах у вызванного хозяина.

¹ Свеженькая, с огоньком в глазах... бледный и в прострации (*фр.*).

² От *фр. dévaliser* — грабить.

³ Сошедших с ума от любви (*фр.*).

⁴ «Сумасшествие от любви» (*фр.*).

ли Тамары — надежда раздобыть там масла, муки, сахара и молока. Кстати, весь город только и говорит о том, что прибыл из Америки огромный транспорт конденсированного молока, в чем усматривается расположение к большевистскому правительству Соединенных Штатов. — Аргутинский действительно *dans la purée*³, и не у кого занять! Теперь рассчитывает выколотить немного денег из продажи красочных гравюр *Janinet*⁴, украшающих чудесный театральный увраж XVIII в. (попавший к нему уже в разрозненном виде). Он собирается их вырезать, вставить в рамы и продавать (через Добычину, с которой у него завязались самые дружественные сношения) по 500 и по 1000 рублей за штуку (!). Наш друг превращается в современного торгаша, и про него Стип не иначе выражается, как «Ходы-на-моя-лавка». Купает (вернее, набирает в долг) пуше прежнего. Род помещательства. На днях он побывал у М.Д. Гагариной (которую он, «как всех Оболенских», ненавидит) и привел к ней Клода Анэ. Княжеское угощение к чаю состояло из лепешек, какими в Англии кормят собак. Аргут негодовал.

Садясь в трамвай (у Адмиралтейства), мы слышали изрядную, но довольно далекую стрельбу. Вероятно, какой-нибудь «самосуд», однако мы так к этому привыкли, что не обращаем больше никакого внимания*. На концерте были и Тройницкие. Марфа Андреевна, *pimpante l'œil allumé*; он, напротив, унылый *blême et abruti*¹. На днях М<арфа> А<ндреевна> видела, как среди дня у Казанского собора был остановлен (стрельбой) автомобиль и на глазах всей собравшейся публики извлеченный из него «буржуй» девализирован².

К обеду Стип, Эрнст, Попов (всё говорим, что пора сократить наш стол, но это ни к чему не приводит, — я махнул рукой!). К чаю Платер. Атечка возмущена поведением Надюшки. Та теперь «втюрилась» в Бика Попова и собирается его отбить у Лели, которая, впрочем, сама к нему охладела!.. Атя как будто увлечена юным Черкесовым (ее товарищем по школе Гагариной). Это как будто нечто серьезное. Она прямо

* Это не все; придется выложить еще столько же, если не больше — и, однако, у меня нет уверенности, что «Петрушка» вообще (где-либо) пойдет!

неузнаваема. Стала кроткой, веселой. Кроме того, Надюшка раздражает наших девиц нарочной грубостью своих манер и всяким непристойным шутовством. Сегодня, идя на концерт, она среди Дворцовой площади скинула шубу; а на днях влезла на растущее около нашего дома дерево! Мне эти штучки, скорее, нравятся, но возможно, что она пересаливает. Эрнст и Стип служат конфидентами во всех этих перекрестных интригах наших *folles d'amour*³ (выражение, заимствованное от названия модных духов: «Fol<les> d'amour»⁴).

О мирных переговорах полный молчок. В добавление к минорным разговорам Бруса можно рекомендовать статью в «Известиях» об отчаянном положении английских финансов. Статья как будто толковая.

Понедельник, 22 января / <4> февраля

Утром хромоногий помощник Сальникова Алексей Александрович Александров. Он принес сделанные им (куда лучше Орестика) копии с моих костюмов «Петрушки». Стоило это мне 165 рублей*. Сам <Александров> — курьезный тип, пленяющий меня своей непосредственностью и всей своей российской свежестью. Хромает он потому, что в младенчестве выпал из люльки и сломал себе ногу. «Однако, не случись это тогда, я бы давно сломал бы себе впоследствии шею». Он отчаянный мореплаватель. Семейей обзавестись не хочет «из боязни перед женским полом вообще». «Как же я жёнюсь, когда летом я весь голый хожу?» Вообще, и он, и Сальников — удивительная пара, чрезвычайно характерная из категории чудесных русских людей-самородков. Оба удивительно одарены, споры на все руки, в то же время до смешного бескорыстны. *Хорошие* люди. Между прочим, Александров мне рассказал, что на днях матросы на «Авроре» отправили под лед несколько человек. Хорош и другой рассказ, как на другом судне чуть было не расстреляли матроса, подавшего (единственный) голос за расстрел командира.

Во всяком случае, я пока, несмотря на уговаривание Фокина и г-на Лундберга (мы зашли к нему в посольство), от посылки эскизов с курьером воздержусь; у меня на то «не

¹ Шкафчик для хранения медалей (*фр.*).

хватает доверия к моменту». Ответ на наш телеграфный запрос не получен, а выехавшие с тех пор курьеры добрались только до Улсаборга <?> и должны были вернуться. Не уверен я и в том, что сам Фокин, наконец, выберется. По крайней мере в том учреждении, что заменило градоначальство, где выдавали заграничные паспорта, ему отказали; или же он предварительно должен обзавестись разрешением какой-то культурно-просветительной комиссии, однако что это именно такое, никто в точности не знает. Вот он и отправился сегодня в Зимний дворец, где уже оказалась его жена, которой я посоветовал обратиться к Ларисе — для получения беспешинного пропуска их (огромного) багажа с костюмами и партиями. Однако даже всеведущая Лариса не сумела сказать, какая это комиссия, но похлопотать по обеим статьям она обещала. Завтра едет новый курьер, и Ф<окин> умоляет, чтоб я доверил ему эскизы.

На заседание (в Зимнем дворце) Луначарский не пожаловал. Его задержала театральная комиссия. Штернбергу по-

* К Дневнику приложен черновик этого письма:

Многоуважаемый Григорий Степанович

Пишу Вам из Шереметевского дворца, который мы только что осмотрели. Завтра к 12-ти в Зимнем будет сам граф и на словах выяснит сложившееся положение дела. Но *до* этого *совершенно необходимо* принять меры, чтобы остановить (то), что было предпринято сегодня, а именно переноску по собственному усмотрению мебели высокого художественного значения, которую металлисты отбирают для своих надобностей! Такие вещи, во всяком случае, не могут годиться для утилитарных целей и подвергаться всем связанным с этим рискам. Переноска подобных предметов, так же как и картин, скульптур и проч., должна быть предоставлена распоряжению владельцев, которые и отведут подходящие помещения под их склад, и для такой операции должно быть им предоставлено время. Я с товарищами по комиссии и рассчитываем, что Вы выясните металлистам данное недоразумение и удержите их от действий, могущих повлечь за собой недопустимые вандализмы.

Совершенно преданный Вам

Александр Бенца

P.S. По свидетельству служащих дома Ш<ереметевых>, работы по переноске мебели начинаются в 10 ч. утра. К этому моменту и следует отправить распоряжения по этому вопросу.

ручено меня пригласить в какое-то «Театральное бюро». Я о таковом ничего не ведаю, а если это нечто вновь возникшее, то необходимо, чтоб я был приглашен «коллективно», а не так — «назначен по щучьему повелению». К тому же я *ни в каком случае не сяду за один стол* с Мейерхольдом, меня оскорбившим. Штернберг взялся все это выяснить; я же предпочел бы, чтоб сия чаша меня миновала.

Заседание в Зимнем было посвящено обсуждению положения, выработанного В. Зубовым для своего союза служащих при дворцовой комиссии, «включая писцов». Оно вызвано тем, что, благодаря интригам княгини Шаховской, союз стал предъявлять не сообразные ни с чем требования, вплоть до замены одного из членов комиссии (г-жи Ратнер) другим лицом, а именно художником Яковлевым, и т.д. Постановлено никакого положения не издавать и отставки г-жи Ратнер не принимать.

Милый Валечка З<убов>. Он склонен вообще вносить путаницу в дела — благодаря лишней поспешности и усер-

¹ От фр. *alarme* — тревога; *здесь*: панические.

* Вот это письмо — случайно оказавшееся между страницами Дневника (оно помечено 22 янв. 1918 года):

Мой дорогой брат Александр

Товарищ Управляющего Экспедицией Александр Александрович Гертельман имеет поручение переговорить с тобой относительно твоего избрания на должность Главного художника по новому положению. Все лица, причастные к худож. отделу Экспедиции, мечтают тебя видеть во главе этого дела, а потому я и все заинтересованные лица *убедительно* просим тебя ни в коем случае не отказывать взять на себя эту лестную, в высшей степени интересную и полезную должность.

Экспедиция готова оказать тебе возможные удобства в смысле сообщения, о чем тебе лучше и обстоятельнее сообщит Александр Александрович.

Еще раз прошу тебя вникнуть в это предложение и приложить все (sic!), чтобы не отказать тебя видеть среди нас в деле худож. творч. Экспедиции.

Твой тебя люб. бр.

Альбер

Очень сожалею, что моя исключительная усталость сегодня лишает меня возможности присоединиться к А.А. посетить тебя.

дию. Так, из-за его внезапной «рекомендации» допустить в дом гр. Д.А. Шереметева металлистов вышла теперь целая история. Д.А. Шереметев явился вчера во дворец и умолял спасти его сокровища.

Всею компаниею (и даже со Стипом, случайно оказавшимся во дворце) мы сразу и отправились исследовать на месте, в чем дело. Потешно, что нас приняли за большевиков. Оказалось, что по ошибке в бумаге Луначарского отданы под металлистов оба дома Шереметева, что металлисты вытесняют (безвредный) клуб социалистов-трудовиков и уже распоряжаются по своему усмотрению с мебелью, среди которой имеются два великолепных шкафа (*médailleur*¹) работы Буля и другие драгоценнейшие предметы. Представителей металлистов, впрочем, на месте не оказалось (было уже 6 ч. и полная темнота), и пришлось мне письмом попросить Ятманова*, дабы он с утра распорядился приостановить переноску мебели, после чего Д.А. Шереметев сам пожаловал бы (к 12 ч.) во дворец для полного выяснения этой путаницы... Он, скорее, симпатичен, но удивительно недекоративен, и [нельзя сказать,] чтоб вид его соответствовал представлению родовитого барина. Да и родители его не отличались большой декоративностью. И вот, глядя на такие простецкие лица, не соответствующие представлению о каких-то высоких сферах, видя их обстановки, устроенные уже по личному их вкусу (по нынешнему вкусу *всего* их «класса»), а не завещанные их дедами, лишней раз понимаешь неизбежность и непоправимость того, что сейчас творится. Людей жаль, жаль их страданий,

* Как раз вчера вечером зашедший к нам Вс. Солнцев прочел нам письмо, полученное от Жени. Между прочим, он сообщает, что памятник Аргунтинскому^[342] низвержен солдатами, от которых Женя вообще в ужасе.

¹ Другой разговор (*фр.*).

** Уже днем я, со своей стороны, настроил Вейнера на то, чтоб он воздействовал на Таманова в смысле прекращения саботажа (имея в виду его приглашение на нашу «конференцию»), и таким же образом я начинил и Фомина (завтра у них академическое собрание), причем указывал на то, что мне (в случае отказа Таманова от прекращения саботажа) едва ли удастся удержать Луначарского от полного разгрома Академии художеств. Ведь взывал же Штернберг в прошлый раз к *уничтожению* Академии, в чем, однако, он столько же смыслит, сколько свинья в апельсинах! Это тем более возможно, что старичье упорно не желает сдавать и не желает принять вполне безвредного нового устава.

того, что должны они испытывать в своем оскорбленном самолюбии и в своих тревогах за будущее, но заслужить эту судьбу — они заслужили... Все вытекает одно из другого по закону необходимости. И отсюда получается, что и самый авторитет, самая священность института наследственной собственности исчезает. С другой стороны, можно ли себе представить настоящую, живую культуру без этой наследственной преемственности?

Садясь в трамвай (у Казанского собора), слышал выстрелы, доносившиеся из-за тонувшего во мгле и мраке собора. В вечерних газетах как раз очень тревожные (если не «алармистские»¹) сведения о чудовищных грабежах, погромах и убийствах в минувшую ночь — на Вознесенской улице. Сообщается также, что в Финляндии борьба продолжается и, между прочим, будто белогвардейцы на Иматре арестовали И.В. Гессена (почему белогвардейцы?).

Дома застал депутацию от Экспедиции <заготовления> государственных бумаг, точнее, от ее художественного совета, состоящую из аккуратнейшего, не снимавшего перчаток А.А. Гершельмана и на днях вернувшегося в Петербург Фомина. Меня избрали там на пост «главного художника», с жалованьем в 12 000 руб., с автомобилем к моим услугам. Однако, невзирая на патетическое письмо милого моего братца Альбера*, настаивающего на принятии мной этого поста, я сразу отказался (а вот в былое время — как подобное же предложение явилось бы желанным и спасло бы от скольких мук и тревог). Я посоветовал послать телеграмму «второму кандидату» — Жене Лансере в Темир-Хан-Шуру*.

Аналогичное предложение я уже отклонил днем, когда с Верещагиным я шел к Шереметеву. Снова он заговорил о том, чтоб я взял на себя пост председателя объединенных дворцовых комиссий, и пытался соблазнить крупным жалованьем. Однако, имея в своей кассе денег, которых может хватить на три месяца (а что дальше будет, одному Богу известно), я не хочу себя связывать какой-либо определенной должностью, а вообще, пока у меня имеется это обеспечение, мне лучше воздержаться от всего, на что может лечь какое-либо «подозрение в корысти».

К обеду Аргутон. Совершенно *autre son de cloche*¹, вплоть до осуждения саботажа чиновников** и сожаления, что мир

не был заключен еще в прошлом марте.

Вторник, 23 января / <5> февраля

Столько за день случается интересного и характерного, что я решил попробовать перейти в этих записках к системе параграфов, дабы совсем себя не стеснять соображениями хронологии, относительной значительности разных происшествий и просто стиля. Буду просто записывать все, что вспомнится, по мере того что то или другое будет приходить на ум.

Вл. Гиппиус, у которого я сегодня был между пятью и семью, прочел мне часть своего Дневника. Это, в сущности, не Дневник, а статья в характере исповеди, «написавшейся» под впечатлением ряда «исторических дней» последних трех месяцев. Во многом это нечто весьма близкое ко мне (часто даже точно навеянное мной; но и в данном случае сказывается все то же «витание идей в воздухе»), но другое мне совершенно чуждо. Особенно — его «молитва за Россию», в которой неожиданно и некстати выплывает (или прорывается) определенно *националистское* начало. Он прочел очень большой кусок, но все же пришлось отложить продолжение до другого раза, так как я спешил домой... Оставалось до моего ухода всего несколько минут, и мы не успели объясниться, но все же один его «резон» мне лучше осветил суть дела. Он говорит, что он *молится* за Россию, как всякий не может не молиться за свою любовницу. А «законная его жена» — это европейская культура. Решено, что я приду к нему снова в субботу, что он закончит мне чтение и что еще вернемся к теме в совокупности всего изложенного. Во всяком случае, эти его записки очень меня *возбудили*... Я многое в себе же яснее увидел и снова почувствовал какое-то понуждение выступить с этим, столь тяжело надуманным, перед своими современниками.

Днем купил две анархистские газеты: «Труд» и «Буревестник»^[343]. Поразило опять, сколько общего есть между мной и ими и как все же *по существу* мы расходимся. С Гиппиусом меня сближает религиозная стихия, но отталки-

¹ Берентца (*фр.*).

² Ж.Б. Реньо (*фр.*) — французский художник.

вает слишком большое значение, которое он придает национализму. С анархистами (обоих толков — это не важно) сближает «аполитичность», считание с одними фактами, но беспредельно разъединяет их нежелание считаться с *главным* фактом — с религиозным сознанием. Вообще же, они мне представляются «тщедушными», «легковесными» и потому никчемными. Однако царство их все же как будто близится, ибо война затягивается из-за «империализма» социалистов (на что *им* балтийские провинции?), и вместе с затягивающимся положением войны — все более растет угроза голода и полного развала.

Я не сразу получил В.В. Гиппиуса, когда к нему зашел, и меня приняла и «занимала» его жена. Елена В. вкратце рассказала про «Утро поэзии»^[344], которое состоялось в воскресенье. Гротеск и что-то невыносимо противное дошли до крайней точки, когда выступила Зиночка (З.Н. Гиппиус), которая металась, подбоченясь, по эстраде и выкрикивала: «Их надо барским хлыстом отстегать» (я всегда чувял, что под разными ликами нашей «белой дьяволицы» прячется истеричка-крепостница). Знаменитая Верочка о двух косах (это отличительный признак «Зеленого кольца»^[345]) докладывала публике перед каждым очередным номером, что предстоит услышать; перед выступлением Черкасской (кроме пения, были и танцы, в высшей степени уродливые) она выступила с мило-ребяческим заявлением: «А сейчас будет петь Черкасская, которая так ужасно (?) пострадала от большевиков». — Живо рисую себе и всю публику. Больно все заросло сорной травой, больно задушено то, что принято называть вкусом.

Перед тем чтоб отправиться в Зимний, я побывал у нашей хозяйки дома, г-жи П□ль. Она хочет продать ряд своих художественных предметов: картин, бронз, — так как ей сейчас просто не на что питаться. Два больших натюрморта Berentz'a¹ 1689 года; две картины в высоту, подписанные J.B. Regnault²: «Похищение Венеры Вулканом» и «Марс, посещающий Венеру»; эскиз Угрюмова к своему «Усмарю»; отличная старинная копия с Пуссена; целый ряд французских бронзовых групп конца XVII в. и несколько отличных бронзовых бюстов, среди них два или три *античных* (!); наконец, целая библиотека архитек-

¹ Вместе (фр.).

турных увражей. Хочу обо всем этом сообщить Бразу и другим знакомым собирателям. Попытаюсь сам приобрести (если милая дама не заломит недоступной цены) две или три книги.

В Зимнем меня потрясла встреча в кабинете Луначарского с двумя великими князьями — Николаем Михайловичем и Сергеем Михайловичем. Первого я не видал с самого вечера памяти барона Н.Н. Врангеля; второго — с самого 1902 года! Николай Михайлович, увидав меня, поднялся (он сидел рядом с Л<уначарским> у окна) с почти радостным восклицанием: «А! Бенуа!»; Сергей Михайлович остался сидеть в неловкой позе на низком мягком стуле перед столом и только ласково «осклабился». Он стал еще более жутким, косолапым, несуразным и, несмотря на свой высокий рост, выглядел понурым, удрученным... Получив от Анатолия то, за чем они пришли, они удалились, крайне сухо со мной попрощавшись. «Ох! — подумал я. — Если эти господа вернутся к власти, то несдобровать мне, они мне не простят, что я оказался свидетелем их унижения». По отзыву Ларисы, беседа между ними и Анатолием длилась около часа, и он был с ними чрезвычайно мил и обещал сделать все, о чем они его просили, — все по вопросу охраны художественных ценностей, находящихся в их дворце, наполовину уже занятом какими-то организациями.

От Ларисы же узнал, что за полчаса до прихода великих князей состоялся коллективный визит <к> Луначарскому всех музейных деятелей Эрмитажа и Музея Александра III. Пришли они [с] проектом нового устава, предоставляющего им автономию. На радостях Луначарский их всех en bloc¹ экспромтом пригласил на «предварительное заседание» в воскресенье... Что за дилетантизм! Очень недоволен этой сдачей позиций и этим соглашением моргач Пунин. Провожая меня затем до Марсова поля, он заявил, что он отлично умеет ладить «со всеми категориями служащих». — Его тревожит судьба рейтернской коллекции (гравюр и рисунков)^[346], которую он хотел бы устроить в музей «всего за 100 000 рублей». О Таманове отзывается весьма пренебрежительно. Он-де вовсе не умеет вести прения и отстаивать свою программу. Вообще, моргач снедаем честолюбием и, видно, считает, что перед ними открывается самая блестящая карьера...

Когда я (после г-жи П□ль) шел во дворец по сугробам и

ухабам снега, наваленным у Соляного городка^[347], то повстречался с группой лиц, обратившей <на себя> особое мое внимание. Между двух конвойных с ружьями шел матрос, в котором я признал (глазам своим не поверил) того архитектора-пролетария, ученика Щусева, который в самые первые дни Октябрьской революции предложил свои услуги Луначарскому. Последний с восторгом тогда его принял и сразу назначил архитектором Зимнего дворца — благо состоящий в должности казенного архитектора Крамской <?> решил саботировать новую власть. И что же, этот товарищ (Суханов?), очень нам всем понравившийся, с быстрыми, ласковыми глазками, довольно скоро по вступлении <в должность> был заподозрен в краже одного из медальонов, висевших на серебряной елочке, стоящей на письменном столе в кабинете Александра II, однако успел как-то перед Луначарским оправдаться. Теперь же окончательно выяснилось, что он учинил как эту кражу, так и несколько других, и вот я уже увидел его направляющимся под конвоем в узилище в «Кресты». Рассчитывают, что удастся получить от него и погубивший его медальончик.

Бедный Луначарский! — Ему суждено, благодаря его доверчивости и благодущию, подвергнуться еще немало числу подобных горестных испытаний! Как раз за последние дни он испытывает (и охотно в этом признается) сильные страдания вследствие «выяснившейся необходимости» вернуться к смертной казни. Легко было ему говорить в сентябре, в фойе Народного дома, когда он в шутку сказал, что мечтает устроиться эшафот для врагов революции, а каково-то теперь оказаться в одной компании с людьми, которые вполне готовы действительно взять на себя роли русских Робеспьеров и Сен-Жюстов! Между тем, по сведениям Ларисы (вероятно, это она узнала от своего «жениха»), за одну прошлую ночь в Крепости расстреляли 125 человек солдат, принимавших участие в погроме магазинов и погребов по Вознесенскому проспекту! А к чему еще придется прибегнуть, раз не находятся

¹ После упорного сопротивления (*фр.*).

² «Вальс» (*фр.*).

³ «Диана де Пуатье» (*фр.*).

* Я еще не теряю надежды, что свою автобиографию мне удастся продолжить — хотя бы до моего окончательного переселения в Париж в 1926 году.

способы, чтоб покончить с главным развращающим злом — с войной (ведь мирные переговоры опять застопорились и могут каждую минуту оборваться).

Вечером к чаю Лариса явилась у нас — она почувствовала потребность еще раз со мной столкнуться в ожидании воскресной конференции. И как раз она попала на Полоцкую-Емцову, пришедшую «с визитом» после своего концерта. Надо было видеть изумление последней, когда она разобрала, что сидит за одним столом с «форменной большевичкой», о которой по городу ходят самые фантастические легенды. На лице С<ары> С<еменовны> был написан ужас, подобный тому, что испытывает кролик, оказавшись лицом к лицу с удавом. А тут еще в «Вечернем часе» извещение (ложное), что Александр Бенуа получает «высокое назначение» — председателя совета по художественным делам. Воображаю, как станут теперь чесать языки во всех салонах Гессенов, Ростовцевых, Каратыгиных!.. Как все эти милые люди друг перед другом <будут> величаться своим благородным негодованием за мое «предательство».

Фокину я написал отказ от предоставления костюмов, но он не успокоился и примчался вместе с Верашей сначала к нам на дом (я в это время уже был на Бассейной у г-жи П□ль), а оттуда в Зимний, где, изловив меня, *заставил* меня согласиться поручить мои эскизы ему, когда он отправится в Швецию. Что он отправится, в этом он нисколько не сомневается. *De guerre lasse*¹ я уступил...

На этом кончается тот фрагмент моего Дневника 1918 года. Имеется ли его продолжение или его начало, я до сих пор не знаю^[348]... В качестве же некоторого эпилога могу еще сообщить следующие факты. Фокин (и с ним мои эскизы) благополучно выбрался из Петербурга и больше не возвращался. Поселился он в конце концов и преуспел в Нью-Йорке, но неоднократно посещал Европу и Париж, причем каждый раз бывал у меня. Более «последовательные» встречи у нас происходили во время того, что он по моему желанию «переставил» для Иды Рубинштейн балет Равеля «Le Valse»², заново поставил балет Ибера «Diane de Poitiers»³ (в моих декорациях 1934 года)^[349]. Наши добрые отношения при этом ос-

тавались теми же, как и в самые первые времена нашего знакомства в 1907 году (для постановки моего балета «Павильон Армиды»). Что же касается меня самого, то всего, разумеется, никак не перескажешь*, но ограничусь главнейшими фактами. Мои добрые отношения с Луначарским были испорчены после того что я решительно отказался поставить его (двухактную?) символическую пьеску «Волшебная палочка», что произошло, если я не ошибаюсь, в феврале или в марте 1918 года. Этот разрыв привел к тому, что я лично окончательно отстранился от всяких дел, имевших прямое касательство до него. Это, однако, не помешало <тому>, что мне (после отставки гр. Д.И. Толстого) был снова предложен пост директора Эрмитажа. Когда я снова отказался, то совет Эрмитажа, избрав на пост директора С.Н. Тройницкого, убедил меня принять пост управляющего Отделами картинной галереи, Скульптуры новейших эпох (с XV в. начиная) и Собрания гравюр и рисунков. В этой должности я оставался до самого того момента, когда выяснилось (в 1927 году?), что я уже не вернусь в Россию... Однако до того самые тяжелые годы «военного коммунизма» я пережил с семьей в Петербурге — будучи поглощен, несмотря на все материальные лишения и нужду, своей работой по воссозданию (после возвращения эвакуированных коллекций в 1920 году) Музея Эрмитажа и по распространению его на Зимний дворец. Одновременно я был усиленно занят постановками в театрах — Большом драматическом, Мариинском и Александринском. Об работах в Большом драматическом у меня сохранились, благодаря дружескому сотрудничеству с Н.Ф. Монаховым и Андреем Николаевичем Лаврентьевым, особенно приятные воспоминания...

В ряды «белогвардейцев» (как о том сообщается в разных советских изданиях) я никогда не поступал, однако и не мог себе представить, чтоб я мог вернуться в условия того «порабощения духа», которым прославилась наша родина, — и это несмотря на все, что в ней продолжает меня манить и пленять, и несмотря на то, что я не вполне принял в душу то, что продолжает оставаться для меня *чуждым* на Чужбине.

Октябрь 1955 — январь 1956
Париж

ВАРИАНТЫ

С. 8.

- ⁹⁻¹⁰ *После:* окрестностях — *зачеркнуто:* Судака
¹⁰ *После:* Судака — *зачеркнуто:* с его древней Генуэзской крепостью
¹² *После:* этой — *зачеркнуто:* пустыне
¹⁵ *Вместо:* сознание — *было:* ощущение
¹⁶ *После:* войны, — *зачеркнуто:* которой никто из [всего моего семей<ства>] всей [моей семьи] моей группы и из всех ближайших мне друзей ни в какой степени не сочувствовал
После: не омрачало — *зачеркнуто:* нашего
¹⁷ *Над словом:* наша — *вписано и зачеркнуто:* моя
²⁰ *После:* ласкательные — *зачеркнуто:* уменьшительные
²¹ *После:* детей — *зачеркнуто:* Николая (Коку) и
²³ *Вместо:* принадлежала — *было:* «тесно примыкала»
²⁵ *После:* дочери» — *зачеркнуто:* — дочь моего брата Леонтия

С. 9.

- ² *Вместо:* строгости и гармонии — *было:* пластичности
³ *Вместо:* красоте — *было:* красочности
⁴ *Вместо:* мне «античным», «гомеровским» — *было:* нам античным и гомеровским
⁶ *Вместо:* город — *было:* Петербург (свой родной город я иначе не называл, как своим настоящим именем)
⁹ *Вместо:* нужно было — *было:* надо спешить
¹² *После:* трогать). — *зачеркнуто:* Между тем
¹⁴ *После:* гонорара — *зачеркнуто:* за мое сотрудничество в газете Милюкова и Гессена «Речь», так и отчасти
¹⁸ *После:* Гессеном. — *зачеркнуто:* Немалые суммы поступили тогда в нашу кассу и от случайных продаж моих произведений.
²³ *После:* 1914 года) в — *зачеркнуто:* верхней квартире
²⁴ *Вместо:* большой — *было:* просторной
²⁷ *После:* комнате. В — *зачеркнуто:* нашем же

³⁰⁻³¹ *Вместо:* удобно и уютно — *было:* уютно и удобно

³⁷ *После:* но — *зачеркнуто:* уже

С. 9–10.

³⁸⁻¹ *Вместо:* каким я пишу эти строки — *было:* вдовца, <нрзб.> безутешного после потери в 1952 г. своей горячо любимой (с самых юных <?> лет) супруги

С. 10.

¹¹⁻¹² *После:* прелесть... — *зачеркнуто:*

Итак, мы начинаем. Занавес пошел, спектакль начался.

С. 13.

¹⁴ *После:* сумма — *зачеркнуто:* (500 р.) — почти

¹⁶ *После:* ни строчки — *зачеркнуто:* почему и не накопилось

²³ *После:* между прочим, — *зачеркнуто:* грандиозного

²⁴ *После:* Москве — *зачеркнуто:* декорировка ресторанный зала была поручена мне

С. 14.

¹⁷ *После:* художник), — *зачеркнуто:* князь

¹⁹ *После:* художник), — *зачеркнуто:* очень было приятно снова оказаться в этой милой компании.

²⁴ *Перед:* Целый — *зачеркнуто:* Снова у Аллегри.

²⁶ *Вместо:* раздумывая — *было:* в раздумье, все более мрачном, думая о том

²⁷ *После:* ничего — *зачеркнуто:* толкового

После: не придумал... — *зачеркнуто:* Наконец

С. 15.

⁴ *Вместо:* но — *было:* однако

²⁰ *Вместо:* в пользу — *было:* на пользу

С. 16.

⁶ *Вместо:* и еще более — *было:* тоже

¹¹ *После:* Хлои. — *зачеркнуто:* Получено 200 рублей за виньетку Царскосельского Сада, которую почему-то Костя не счит нужным обкромсать

¹¹⁻¹² *Вместо:* всем комнатам — *было:* всему этажу <нрзб.>

¹⁸ *После:* Я — *зачеркнуто:* очень

²⁴ *Перед:* Ездили — *зачеркнуто:* Безрезультатно

С. 17.

⁸ *После:* анархию — *зачеркнуто:* (с чем я вполне согласен: разве Россия способна на революционное творчество?)

²² *После*: фантастично — *зачеркнуто*: — на рассвете!

²⁹ *Вместо*: ее — *было*: композицию

³⁰ *Вместо*: установлен — *было*: решен

С. 18.

¹ *После*: опыта — *зачеркнуто*: — и знаний

⁸ *Вместо*: леса, а во всю сцену амбар — *было*: леса. Действие происходит внутри амбара

²¹ *После*: посоветовал — *зачеркнуто*: раньше не знали о таком благотворительном учреждении

Вместо: Авань — *было*: Мало надежды, что

²⁴ *Вместо*: мало талантлив — *было*: бездарен

С. 19.

⁴ *Вместо*: довольно — *было*: ужасно

⁵ *После*: Несомненно, — *зачеркнуто*: однако

¹⁵ *Вместо*: его «техническими секретами» — *было*: моими «техническими средствами»

³¹ *После*: Веласкес. — *зачеркнуто*: От обеда у молодых Бобринских, как было условлено с Аргутинским (а после обеда мы собирались к Бразу, который там же — только мост перейти), я отказался, так как одолел новый приступ тоски. Засел за писание <?> своих Воспоминаний о минувшем лете.

³³ *После*: доставило — *зачеркнуто*: служащие

³⁴ *Вместо*: скромную — *было*: ничтожную

С. 20.

⁶ *Вместо*: которая пожелала — *было*: которой я понадобился для того, чтобы

⁸⁻⁹ *Вместо*: Российского государства — *было*: Российской территории

⁹ *После*: и это толчая воды. — *зачеркнуто*: Вечером в синема с Акицей и нашей молодежью. Чудный вечер!

¹⁸ *Вместо*: Здесь же атмосфера — *было*: а. Между тем атмосфера вокруг; б. Между тем атмосфера здесь

¹⁹ *После*: тревогой! — *зачеркнуто*: и это здесь ощущается гораздо сильнее!

В 2 ч. Шуручка. Написал фельетон о «Хованщине». Пере-
сматривал и датировал летние этюды.

²⁷ *После*: Мальм□). — *зачеркнуто*: Возвращался с Анной Петров-
ной.

³⁰ *После*: Третьяковки. — *зачеркнуто*: Хорошо, чтоб получить их
дешевле.

С. 21.

- ¹³⁻¹⁴ *После:* бестолочь! — *зачеркнуто:* Вот
¹⁹ *Вместо:* как-никак — *было:* как-нибудь
²⁶ *После:* нашим... — *зачеркнуто:* Между тем
³³ *После:* повесить!» — *зачеркнуто:* Только на 23-м году бездарного [своего] царствования Николая II люди начинают прозреть.

С. 22.

- ⁷ *После:* св. Евгении. — *зачеркнуто:* Пробовал опять продолжать свои воспоминания о лете, но никак не выразить самого существенного. Все выходит как-то слащаво-сентиментально и просто *неумело*. Прятаться же за иронией не хочется. Будет нечестно в отношении самого себя.
⁹ *После:* гуманность — *зачеркнуто:* или гуманитивность <?>
¹⁰ *После:* «требованиями — *зачеркнуто:* с долгом
¹¹⁻¹² *Вместо:* кроме того, еще — *было:* также
¹³ *После:* утешает. — *зачеркнуто:* А, кстати сказать, не подгадил ли немного и переводчик Л<...>допуло? Забавно, если в таком случае такой прогрессист в данном случае заодно с царской цензурой? Но это <нрзб.> явление с самого начала войны...
¹⁵ *После:* плафона — *зачеркнуто:* (для кабинета Н.К. ф<он> Мекка)
²³ *После:* пришел — *зачеркнуто:* наконец
²⁷ *Вместо:* чем-то смахивающих — *было:* чем-то они смахивают

С. 23.

- ¹ *После:* своим членом — *зачеркнуто:* общества
После: для него, — *зачеркнуто:* — дилетанта
⁷ *После:* улицу: — *зачеркнуто:* что
⁸ *После:* ногой»... — *зачеркнуто:* К Жоржу Бруни, как обещал, за поздним часом не поехал. Да и это совершенно никчемное знакомство...
¹⁷⁻¹⁸ *Вместо:* в эту затею — *было:* этой чепухе
¹⁹ *Вместо:* Сам — *было:* Просто сам
После: (обиженным — *зачеркнуто:* мной
²⁴ *После:* закармливает — *зачеркнуто:* их кониной
²⁹ *После:* Белосельской — *зачеркнуто:* — американки (Сюзи)
³¹ *После:* как-то — *зачеркнуто:* совсем
³² *Вместо:* уютный — *было:* приятный

С. 24.

- ⁷ *Вместо:* рвутся — *было:* исчезают
⁸ *После:* Шурочку — *зачеркнуто:* для Азии

- ¹¹ *После*: войну — *зачеркнуто*: и все готовящееся
- ¹⁷ *Вместо*: Анэ показался — *было*: Показался
- ¹⁹ *После*: конца». — *зачеркнуто*: — В 8 ч. заседание Общины св. Евгении (Красного Креста) у графини Гейден.
- ²³⁻²⁴ *После*: дворца. — *зачеркнуто*: Я на сей раз пошел, главным образом, из соображения, что эти люди могут пригодиться, если бы и меня стали бы забирать на военную службу (меня несколько напугала паника Грабаря).
- ²⁵⁻²⁶ *Вместо*: обыкновенно такой энергичный, на сей раз был как в воду опущенный — *было*: какой-то весь выдохшийся

С. 25.

- ¹ *После*: смешная — *зачеркнуто*: но более близкое знакомство открывает и ее внутреннюю пустоту и не лишнюю смешного претензию на артистизм
- ⁷ *После*: Акице — *зачеркнуто*: очень
- ¹¹ *После*: издаются в — *зачеркнуто*: Киеве
- ¹⁹⁻²⁰ *После*: предпочитаю — *зачеркнуто*: добродетельной, но и
- ²²⁻²³ *После*: Боткина-Хохлова*. — *зачеркнуто*: Mauvais goût accompli, manières! <2 нрзб.> и прямо поза на какую-то распутную женщину! В то же время утрачена и ее прежняя «вакхичная» пикантность. Бедная, бедная жертва глупейшего воспоминания!
- ³⁰ *После*: «Азия». — *зачеркнуто*: Les dernières touches de maî tre².

С. 26.

- ⁶ *После*: нидерландским — *зачеркнуто*: мужским
- ⁹ *Вместо*: не любитель — *было*: не охоч
- ¹⁸ *Вместо*: зашел — *было*: отправился

С. 27.

- ³ *После*: неистово — *зачеркнуто*: настойчивый и
- ¹² *После*: сообщив. — *зачеркнуто*: Впрочем, я не особенно жалею, что так получилось. Не всегда приятно выслушивать его очень остроумные и даже блестящие разъяснения момента.
- ¹⁶ *Вместо*: поспешила — *было*: сумела
- ¹⁹ *Перед*: Днем — *зачеркнуто*: Делаю копию со своих иллюстраций к «Медному всаднику» 1905 г. (с тех, что Степанов получил из Общества (Комитета?) грамотности, где они без проку пролежали все эти годы).

¹ Законченная безвкусица (фр.).

² Последние штрихи мастера (фр.).

- ²² *После:* Линтотом — *зачеркнуто:* (занимающим какое-то третьестепенное место в Английском посольстве)
- ²⁶ *После:* ним — *зачеркнуто:* довольно бесцеремонно и даже несколько бестактно

С. 28.

- ² *Перед:* Телефон — *зачеркнуто:* Писал воспоминания о лете.
- ⁸ *После:* проектом — *зачеркнуто:* довольно, как будто, вздорным
- ¹⁶ *После:* Пушкина — *зачеркнуто:* которых я собирался послать в подарок знакомым капсельским девицам
- ²⁹ *После:* запоздало! — *зачеркнуто:* запоздало...

С. 29.

- ⁴ *После:* даму — *зачеркнуто:* довольно перезрелую и
- ¹² *После:* известить. — *зачеркнуто:* Не придавая большого значения самой этой чести, я не прочь получить «розетку», ибо во Франции она продолжает иметь магическое действие в смысле открывания разных дверей.
- ¹⁸ *После:* Палеологу — *зачеркнуто:* с благодарением за честь и
- ²⁰ *После:* наконец, — *зачеркнуто:* зашел
Вместо: последнего — *было:* него
- ²⁶ *После:* мила, — *зачеркнуто:* тем более что

С. 30.

- ⁵ *После:* Герциг, — *зачеркнуто:* омерзительный хам
- ¹⁴ *Вместо:* дурачок — *было:* кретин
- ¹⁷ *Вместо:* Все же какая-то старая дева — *было:* Какая-то старая дева так и <нрзб.>
- ¹⁹ *Вместо:* остался. Умом не блещет. — *было:* остался дурачком.

С. 31.

- ¹⁸ *После:* Перетц — *зачеркнуто:* немного
- ²⁶ *Вместо:* плохая — *было:* дрянная
- ²⁹ *После:* перепевы — *зачеркнуто:* уже успевшие приесться

С. 32.

- ⁵ *Вместо:* Рерихов — *было:* них
- ¹¹ *Вместо:* зачислил — *было:* причислил
- ¹⁶ *Вместо:* третий сорт — *было:* дрянь
- ¹⁹ *Вместо:* самого — *было:* всего
- ²⁹ *Вместо:* скорее — *было:* довольно

С. 33.

- ⁷ *После:* гидропланном парке. — *зачеркнуто:* — Вечером пишу фельетон и пробую продолжить свои воспоминания о лете.
¹⁰ *Вместо:* тремя гувернантками — *было:* M-lle Boni¹ (гувернанткой)
¹⁴ *После:* их — *зачеркнуто:* даже
¹⁵ *После:* проклятый!) — *зачеркнуто:* и они
²¹ *Вместо:* секретничает — *было:* хитрит
²² *Вместо:* плохая — *было:* дефектная
³⁰ *После:* Вдовина — *зачеркнуто:* (заплатил ему за беспокойство)

С. 34.

- ⁵⁻⁶ *Вместо:* этой музыки — *было:* от него
⁹ *Вместо:* Удивительно — *было:* Очень
⁹⁻¹⁰ *Вместо:* l'étoffe d'un vrai poète — *было:* <нрзб.> une nature vraiment poétique².
¹⁰ *Вместо:* «буржуазной» — *было:* кадетской
¹¹ *После:* на — *зачеркнуто:* такого <?>
²² *Вместо:* «поубито немало» — *было:* немало убиты
²⁷ *Вместо:* схватывает — *было:* понимая
³⁴ *После:* Долгорукая» — *зачеркнуто примечание на полях:* «Софи», рожденная Софья Алексеевна, рожд. Бобринская; вторично вышедшая замуж за Св. Князя П.П. Волконского. Скончалась в Париже в 1950 г.
После: пикантно — *зачеркнуто:* смешивается нечто цыганское с ее <нрзб.>

С. 35.

- ¹ *Вместо:* Яремичем — *было:* Стипом
² *После:* все же — *зачеркнуто:* надо думать
¹⁴ *После:* взята — *зачеркнуто:* была
¹⁶ *Вместо:* внизу — *было:* в нижних
¹⁷ *Вместо:* а целых полтора часа — *было:* так как весь, с какой-то
¹⁷⁻¹⁸ *Вместо:* разглядывал — *было:* стал разглядывать
²⁴ *После:* Бьюкенен — *зачеркнуто:* (английский посол)
Вместо: отказался — *было:* отказал ему в просьбе его
³² *После:* стратажема — *зачеркнуто:* Платера с весьма посредственным рисунком Матвеева
Вместо: произошла — *было:* повторилась

¹ Мадемуазель Бони (фр.).

² Истинно поэтической природы (фр.).

С. 36.

- ⁴ *После*: «елочка». — *зачеркнуто*: Заходила А.П. Остроумова.
²⁴ *После*: Стипом — *зачеркнуто*: (и ведь моя жена все еще питает какие-то> иллюзии насчет сердечности и благородства нашего порядком самодурского друга!)
²⁵ *Вместо*: Сомов — *было*: Костя
²⁶ *Вместо*: один капсельский этюд (берег с облаками) — *было*: этюд (берег с облаками) Капселя

С. 36–37.

- ³³⁻¹ *После*: привели — *зачеркнуто*: безумные неистовые купания и

С. 38.

- ⁹ *После*: неприятное — *зачеркнуто*: какой-то приторный
¹³ *После*: понравился — *зачеркнуто*: большой
²⁴ *После*: балаганах). — *зачеркнуто*: Однако
²⁹ *После*: низкопробной — *зачеркнуто*: (<нрзб.> холопской)
³² *После*: Величеству». — *зачеркнуто*: А вообще, *такой* <нрзб.> теперь запоздал. Впрочем, под всем этим кроется и другое — то самое, что этим далеко не храбрым людям придало храбрости на подобные выступления.
³³ *После*: Подобным — *зачеркнуто*: преемникам
³⁵ *Вместо*: сделает — *было*: совершит

С. 38–39.

- ³⁸⁻¹ *Вместо*: не оказалось. Ходит слух — *было*: не было. Говорят

С. 39.

- ⁷ *Вместо*: них — *было*: прочих
¹¹ *Вместо*: участие — *было*: присутствие
¹⁷ *После*: выслушивать — *зачеркнуто*: очень неумные и
³⁶ *Вместо*: к черту — *было*: в пропасть
После: черту! — *зачеркнуто* *примечание на полях*: Позднейшее примечание: ныне, в 1939 г., тот же наш милый Аргут твердит то же самое!

С. 40.

- ² *После*: фельетон. — *зачеркнуто*: Не мудрено, что вышла гнусность. Заходила некая г-жа Бонч-Ковалевская узнать мое мнение о своих работах. Нечто очень посредственное. Что в этих случаях говорить? А «отшить» не умею.
⁷ *После*: вдохновения! — *зачеркнуто*: Вялость.
⁸ *После*: Наконец, — *зачеркнуто*: просто

- ⁹ *После:* всей — *зачеркнуто:* этой
- ¹³ *После:* не сварись. — *зачеркнуто:* Все же что-то решили, постановили, но
- ¹⁴⁻¹⁵ *После:* этого! — *зачеркнуто:* Нарбут только повторяет на своем украинском жаргоне: «Нэ тчерта нэ выдет!»
- ²³ *После:* в «пропасть»! — *зачеркнуто:* Наконец — прыжок с огромной высоты в море.
После: Зина — *зачеркнуто:* Серебрякова

С. 41.

- ² *Вместо:* нужд — *было:* потребностей
- ⁶ *После:* И вот — *зачеркнуто:* (уже в больнице)
- ¹⁶⁻¹⁷ *Вместо:* Большинство, однако, продолжало гореть патриотическим пылом... — *было:* Почти все евреи и еврейчики, напротив, все еще полны патриотического задора...
- ²⁷ *Вместо:* вступление — *было:* начало

С. 42.

- ¹⁰ *После:* чепцах. — *зачернуто:* В других
- ¹⁸⁻¹⁹ *Вместо:* свидетельством — *было:* доказательством
- ³⁶ *Вместо:* Мне — *было:* И все же мне
- ³⁹ *Вместо:* первоначальной — *было:* прежней

С. 42-43.

- ⁴⁰⁻³ *Вместо:* Зато [чего] не должно касаться какое-либо усовершенствование, — так это кабинета Государя Николая Павловича, занимающего верхнюю, антресольную комнату — *было:* Чего во всяком случае не должна касаться рука <нрзб.> архитектора, хотя бы и самого тонкого, даровитого и ученого, — это кабинета Государя Николая Павловича, занимающего верхнюю, антресольную комнату, — [в нижнем этаже, выходящем] которая сохранилась совсем такой, со всеми ее бесчисленными деталями (масса небольших картин по стенам, сводчатый потолок

С. 43.

- ⁴ *Вместо:* вполне — *было:* в точности
- ⁹ *Вместо:* по чугунной лестнице — *было:* через чугунную лестницу
Вместо: картин — *было:* виды
- ¹² *После:* кабинет — *зачеркнуто:* царевича
После: Александра Павловича — *зачеркнуто:* вероятно
- ¹³ *После:* после — *зачеркнуто:* большого

- ¹⁴ *Вместо*: в этой — *было*: там
¹⁶ *После*: всякой — *зачеркнуто*: бытовой
¹⁷ *Вместо*: детские платяница — *было*: детский гардероб
²¹ *После*: мы — *зачеркнуто*: несомненно
²⁵ *Вместо*: трескотня — *было*: болтовня
После: приехал — *зачеркнуто*: этот
²⁵⁻²⁶ *Вместо*: Мика с интереснейшими проектами — *было*: человек, полный интереснейших проектов
²⁸ *После*: руки — *зачеркнуто*: или по крайней мере под моим руководством
³¹ *После*: осуществимо. — *зачеркнуто*: И я из «вежливости» тоже делал вид, что верю.

С. 44.

- ⁹⁻¹⁰ *После*: настойчив — *зачеркнуто*: и упрям
¹⁵ *После*: остается — *зачеркнуто*: очень
¹⁸ *После*: Славянк(ой)). — *зачеркнуто*: — Я стал что-то плохо спать ночи.
²² *Вместо*: дружке — *было*: другу
²³ *После*: интересной — *зачеркнуто*: и ставшей необходимой

С. 45.

- ³ *Вместо*: Рериха — *было*: Первого
Вместо: плюс — *было*: на
⁴ *После*: монографии — *зачеркнуто*: и на <нрзб.> пышный обед, к которому, однако, он решился явиться ([а все это якобы равнялось] сумма в 800 р. отвечала колоссальному запасу сахара, застрявшего в Гельсингфорсе, который надо было без промедления выкупить). Помощником при нем состоит
⁵ *После*: был — *зачеркнуто*: еще
⁷ *После*: тыл. — *зачеркнуто*: Помощником при этом классическом жулике состоит какой-то актеришка.
⁹ *После*: Marquise». — *зачеркнуто*: Местами как будто оказывается, что зрение его слабеет. Нет прежней отчетливости в линиях <?>*.
¹¹ *После*: плафона — *зачеркнуто*: а. формата; б. большего формата
¹³ *После*: купил — *зачеркнуто*: несколько лет назад
¹⁴⁻¹⁵ *Вместо*: попали в мою монументальную монографию — *было*: были воспроизведены даже в моей монографии

* Эти опасения не оправдались. Впрочем, Костя ныне принужден работать в очках. (*Примечание 1938 г.*)

- ¹⁸ *Вместо:* Обедаем — *было:* Обедали
- ²⁰ *Вместо:* Распутина. Он — *было:* Распутина, которого он
- ²⁵⁻²⁶ *После:* Царском — *зачеркнуто:* и прямо-таки *выжила* Р<аспутина> своими неистовыми приставаниями.
- ³¹ *После:* источник. — *зачеркнуто:* Однако и для этого «героев» едва ли найдется. Или <нрзб.> «помазанника» <нрзб.> Божья воля, которой

С. 46.

- ³ *После:* неспособному, — *зачеркнуто:* и это царствование
- ⁷ *После:* книг — *зачеркнуто:* и <2 нрзб.> немецкий и французский каталоги не просмотрел.
- ¹¹⁻¹² *Вместо:* «петушковом» — *было:* (билибинском, но без мастерства Билибина)
- ²² *После:* Кисловодск. — *зачеркнуто:* К завтраку Гржебин.
- ²⁴ *Вместо:* теперь — *было:* ныне

С. 47.

- ²⁻³ *Вместо:* но довольно занятно — *было:* и совсем не занятно
- ⁸ *После:* безумием! — *зачеркнуто:* Да сейчас и темно до отчаяния. Я буквально ничего не способен делать. Работа красками стала. Слоняюсь.
- ¹²⁻¹³ *Вместо:* но раздражает известная поза — *было:* а. и довольно мастерски; б. не без позы
- ¹³ *После:* гениальность. — *зачеркнуто:* Большинство верят.
- ²³ *Вместо:* Ходит слух — *было:* Я убежден
- ³² *Вместо:* к которому — *было:* я почему<-то>
- ³³ *Вместо:* хоть <он> и старается — *было:* к этому господину, старающемуся
- ³⁶ *После:* Томона — *зачеркнуто:* изображающую

С. 48.

- ⁴ *Вместо:* По этому поводу — *было:* На эту тему
- ¹³ *После:* человек. — *зачеркнуто:* В 2 ч. Гржебин о детских книжках. Одновременно и А.П. Остроумова со своей чудесной собакой булем.
- ¹⁶ *После:* Крыму. — *зачеркнуто примечание:* Считается, что она la bonne amie¹ Коковцева.
- ¹⁸ *После:* обнадеживает. — *зачеркнуто:* Вечер закончил у Лукомского. Все время ушло на моих биографических данных <?>.

¹ Любовница (фр.).

С. 49.

- ²¹ *После:* кабинетом — *зачеркнуто:* Фельки
²⁷ *Вместо:* шутя сказал — *было:* пошутил
³⁰⁻³¹ *Вместо:* за столом, раздвинутым во всю его длину — *было:* во всю длину нашего расставленного стола

С. 50.

- ⁴ *Вместо:* мои братья Альбер, Леонтий с женой и дочерьми и некоторые — *было:* еще другие
¹⁰ *После:* обаятельности — *зачеркнуто:* и остротах
¹⁰⁻¹¹ *После:* рассказывал — *зачеркнуто:* исторические
¹⁴⁻¹⁵ *Вместо:* нарисованы — *было:* изготовлены
¹⁵⁻¹⁶ *Вместо:* и на сей раз не удержался, чтоб не — *было:* изготовил каких-то кош<марных>
¹⁶ *Вместо:* Более — *было:* Очень

С. 52.

- ²⁴⁻²⁵ *Вместо:* моей монографии — *было:* его монографии обо мне
²⁷ *Вместо:* было сказано — *было:* сказано
²⁸⁻²⁹ *Вместо:* предложениях — *было:* переговорах
³² *После:* вслух — *зачеркнуто:* приглашенным почти исключительно сотрудникам «Речи»
³⁴ *Вместо:* близок — *было:* наступ<ит>

С. 53.

- ¹⁷ *Вместо:* Против — *было:* Напротив
²⁷⁻²⁸ *После:* пожалуй, ты — *зачеркнуто:* мой милый Иосиф Владимирович
²⁸ *Вместо:* взмолишься — *было:* попросишь
³⁴ *После:* т.д. — *зачеркнуто:* Снова
³⁵ *После:* в них — *зачеркнуто:* спасение

С. 54.

- ³ *Вместо:* назвать — *было:* упомянуть
²⁸ *После:* 5 ч. — *зачеркнуто:* дневной
После: дипломатом — *зачеркнуто:* (кажется, важная шишка)
²⁹ *Вместо:* Типичный — *было:* Потешный
³⁰ *Вместо:* Он, кажется, самая — *было:* Самая

С. 55.

- ¹⁵ *После:* болтовня! — *зачеркнуто:* Да вообще ненавижу все, в чем отзывается l'alliance.
¹⁶ *После:* Лебедевы — *зачеркнуто:* (А.П. Остроумова с мужем)

- ¹⁸ *Вместо:* на ней — *было:* на которой
²² *После:* скромнее. — *зачеркнуто:* Все же при этом у него репутация вполне достойного человека и серьезного мастера.
²³ *После:* по-французски. — *зачеркнуто:* Немцев он как будто ненавидит.
²⁶ *Вместо:* плафона — *было:* плана
²⁸ *После:* сквозь — *зачеркнуто:* мой неизбывный дилетантизм и
³⁰ *После:* я — *зачеркнуто:* именно

С. 56.

- ¹ *Вместо:* несколько — *было:* порядочно
¹⁰ *После:* водки. — *зачеркнуто:* (Она как будто в интересном положении.)
²⁵ *Вместо:* с тем — *было:* со мной

С. 57.

- ⁴ *Вместо:* выяснить — *было:* выразить
²⁸ *Вместо:* центрального — *было:* среднего

С. 58.

- ²⁻³ *Вместо:* посвященное «парадным изданиям — *было:* об «парадном издании
¹⁴ *Вместо:* догадываюсь — *было:* усматриваю
²⁵ *После:* общаться и — *зачеркнуто:* у ней бывать
²⁷ *Вместо:* их встречи — *было:* ее встречи с ним
³⁶ *После:* подчас — *зачеркнуто:* очень

С. 59.

- ¹ *Вместо:* княгиня — *было:* она
⁴ *Вместо:* трамвае — *было:* конке
⁵ *После:* Зинаиду — *зачеркнуто:* Владимировну* Ратькову. Она несколько оправилась после гибели сына
¹² *После:* французов — *зачеркнуто:* из Бордо
³¹ *После:* но — *зачеркнуто:* к сожалению, все
После: семейного — *зачеркнуто:* а. благо; б. полного благоволения
³¹⁻³² *Вместо:* случился самый уродливый — *было:* случилась невероятная глупость и целый

С. 60.

- ⁷ *Вместо:* перенести — *было:* пережить
¹¹ *После:* стала — *зачеркнуто:* его с бешенством
¹² *После:* посыпались!.. — *зачеркнуто:* Бог вас накажет!

¹⁶ *Вместо*: А вообще, все менее — *было*: Все ста<новится>

¹⁸ *После*: трюк? — *зачеркнуто*: (в сговоре с Германией?)

²⁴ *Вместо*: все то — *было*: всего того

²⁹ *Вместо*: более — *было*: еще более

С. 61.

³ *Вместо*: только — *было*: уже

⁵ *Вместо*: с — *было*: со своим

¹⁴ *После*: вся. — *зачеркнуто*: В. 5 ч.

²³⁻²⁴ *Вместо*: доиграются — *было*: достучаются

С. 62.

¹ *После*: советом. — *зачеркнуто*: Дойдет и до меня?

⁸ *После*: не — *зачеркнуто*: принимать

¹⁷ *Вместо*: вся эта — *было*: эта

²⁰ *Вместо*: Сильное ночью желудочное — *было*: Сильные желудочные колики и

С. 63.

¹ *Вместо*: новая путаница и хитрение — *было*: новые глупости и путаница

³ *Вместо*: уточнил — *было*: указал

¹² *После*: зарисовочки — *зачеркнуто*: — и эти довольно скучные...

²⁷ *Вместо*: не осведомлены — *было*: ничего не знают

С. 64.

¹¹ *Вместо*: сведениями — *было*: извести<ями>

С. 65.

¹⁹ *Вместо*: устранению — *было*: ликвидации

С. 66.

¹⁰ *После*: все? — *зачеркнуто*: Заметание следов собственного совсем недавнего «пораженчества»?

³² *Вместо*: резко ответил — *было*: разрядился

³⁴ *После*: занятого — *зачеркнуто*: из засады (и во избежание призыва на фронт)

С. 67.

¹⁶ *После*: Волкова). — *зачеркнуто*: Я сказал тогда

¹⁷ *После*: поразило — *зачеркнуто*: и в [антракте] перерыве наших [Вот в антракте наших] обсуждений насчет реставрац<ии>

¹⁸ *Вместо*: сказал — *было*: высказал

¹⁹ *Вместо*: приблизительно такую фразу — *было*: фразу — звучащую приблизительно так:

²⁹ *Вместо*: в первую голову — *было*: вкупе

С. 68.

¹ *Вместо*: времени — *было*: перерыва

¹⁹ *После*: насчет — *зачеркнуто*: отн<ношения>

С. 69.

¹⁰ *После*: вообще — *зачеркнуто*: очень

После: представление — *зачеркнуто*: вообще

¹⁵ *После*: ней — *зачеркнуто*: Однако ее

³¹ *Вместо*: Беда, однако — *было*: Но беда

С. 70.

²⁷ *После*: углам — *зачеркнуто*: «Оживление» получилось образцовое.

С. 75.

¹⁰ *Вместо*: своим долгом — *было*: нужным

²⁰ *Вместо*: до общего разорения и — *было*: до факта, до общей

²⁴ *После*: Он — *зачеркнуто*: из вежливости

С. 76.

¹⁶⁻¹⁷ *Вместо*: Впрочем, второй может, пожалуй — *было*: Однако второй, пожалуй

¹⁷ *Вместо*: воодушевить — *было*: оживить

¹⁹⁻²⁰ *Вместо*: возлагать надежды на Евреинова — *было*: возлагать на Евреинова большие надежды

³¹ *После*: подходящим — *зачеркнуто*: а также где они лучше всего могут найти материалы...

³⁵ *После*: изысканий — *зачеркнуто*: документов

С. 77.

²² *После*: приютил! — *зачеркнуто*: И в этом сказывается все тот же стиль Николая II и Распутина.

С. 78.

⁶ *Вместо*: М.С. Олив — *было*: Михаил Сергеевич

¹⁷ *После*: что — *зачеркнуто*: уже

С. 81.

⁷ *Вместо*: по обыкновению — *было*: становится положительно

- ⁹ *После:* необоснованные — *зачеркнуто:* и довольно-таки претенциозные
- ¹⁸ *Вместо:* Прокофьева — *было:* Прокоши
- ²⁸ *После:* поехали — *зачеркнуто:* пить чай
- ³⁰ *Вместо:* решительные — *было:* неуклончивые
- ³⁴ *После:* Уэльса — *зачеркнуто:* (он чуть не плакал над последним <нрзб.>)
- С. 83.
- ¹⁰ *Вместо:* звуки — *было:* вещи
- ¹⁹ *После:* уже — *зачеркнуто:* почти
- ³⁰ *Вместо:* продолжать держать — *было:* держать
- С. 85.
- ³ *Вместо:* это те, в которых — *было:* там, где
- ⁵ *После:* нравы — *зачеркнуто:* пошли
- ¹² *Вместо:* за графическими материалами — *было:* клянуть материалы
- ²⁰ *После:* Дуни. — *зачеркнуто:* Одна деревенщина Мотя никогда бы не справилась!
- С. 86.
- ⁸ *После:* вместе — *зачеркнуто:* однако
- ⁹ *Вместо:* мы — *было:* мы оба
- ¹⁵ *После:* нервы — *зачеркнуто:* профессор
- С. 87.
- ³ *После:* с ним — *зачеркнуто:* (и у него на дому)
- ³² *Вместо:* изворот — *было:* уклон
- С. 88.
- ¹²⁻¹³ *Вместо:* не так уж обычно — *было:* скорее необычно
- ²³ *После:* Марии Федоровны — *зачеркнуто:* (этому я охотно верю)
- С. 89.
- ¹⁴ *Вместо:* все — «контррельефы» — *было:* исключительно все — «контррельефы» — это он так называет
- ¹⁶ *После:* «фигур» — *зачеркнуто:* состоит из склеенного трубой листа ватманской бумаги («посмотрите, как использован материал!»)
- ³³ *После:* иллюстраций в — *зачеркнуто:* журналах второго сорта.
- ³⁴ *После:* «Огоньке» — *зачеркнуто:* и тому подобных
Вместо: считал, что — *было:* вообразил, что он без ошибки

С. 90.

- ⁵ *Вместо:* зазвучали — *было:* появились
²³ *После:* к черту — *зачеркнуто:* столь [этого] дерзкого вестника,
<нрзб.> явившегося со столь дерзкой вестью, <нрзб.>
²⁶ *После:* сдать. — *зачеркнуто:* Эфроса я ненавижу всеми силами души!
²⁸ *После:* хроническими! — *зачеркнуто:* Не в это ли
³⁰ *После:* куличках — *зачеркнуто:* — коллекционера
³² *После:* очень — *зачеркнуто:* вкусным и
³⁴ *Вместо:* крикнула — *было:* затрещала — однако
После: благополучно*. — *зачеркнуто:* — На ночь

С. 91.

- ⁶ *Вместо:* бескорыстность — *зачеркнуто:* лояльность
¹⁶ *После:* изданием — *зачеркнуто:* посвященным столетию
После: опять я — *зачеркнуто:* ему безжалостно
³⁸⁻³⁹ *Вместо:* а то, пожалуй, еще и зависти — *было:* <нрзб.> «старческого непонимания» — их свежих и прекрасных порывов к чему-то новому

С. 92.

- ¹¹ *Вместо:* Вероятно — *было:* И, действительно
¹⁹ *Вместо:* меня — *было:* нас
²¹ *После:* я — *зачеркнуто:* снова
²⁴ *Вместо:* флорентийское *Diomo* — *было:* церковь
²⁶ *Вместо:* бойкий — *было:* славный <?>
После: тогда же — *зачеркнуто:* тоже

С. 93.

- ³² *Вместо:* композиция — *было:* картина
После: Рибейру — *зачеркнуто:* но которую
Вместо: я — *было:* мне
³⁵ *Вместо:* Эти картины — *было:* Они сей

С. 94.

- ¹ *Вместо:* на то — *было:* однако
¹⁴ *Вместо:* настоящее — *было:* данное

С. 95.

- ² *Вместо:* Снова идиотский банкет*. Бодрящие речи. — *было:* Снова приходится присутствовать на политическом банкете*. Снова бодрящие речи.
После: банкет. — *зачеркнуто:* Снова

- ⁶ *Вместо:* речей — *было:* призывов
¹⁰ *Вместо:* без труда — *было:* жестокая
¹² *Вместо:* Тогда — *было:* Но тогда
¹³ *Вместо:* затеял — *было:* вздумал
²⁰ *Вместо:* главным образом — *было:* ведь
²¹ *Вместо:* Скамони — *было:* этому человеку
³³ *Вместо:* всевозможные — *было:* всякие

С. 96.

- ⁵ *Вместо:* картин — *было:* вещей
¹¹ *Вместо:* старых — *было:* старинных
¹⁵ *Вместо:* Дома снова — *было:* Снова приходил
¹⁷ *Вместо:* отдельных — *было:* частных
²⁴ *После:* метранпаж». — *зачеркнуто:* Но Скамони как будто [при этом] забывает при этом, что на нынешние «бумажные заработки» ничего нельзя приобрести, ибо несоразмерно выросли и цены. [Никакие] Ни у кого из всего круга моих знакомых нет сознания, что война угрожает полной и непоправимой разрухой...
³⁰ *Вместо:* Заходил к Бразу. — *было:* Был у Браза.

С. 97.

- ^{24–25} *Вместо:* виньетку, любую картинку — *было:* книжку, любой листок с картинкой
²⁹ *Вместо:* принадлежащую ему коллекцию произведений — *было:* хранящуюся у него коллекцию акварелей

С. 98.

- ¹ *Вместо:* большая акварель — *было:* городской пейзаж
²⁸ *После:* письмо — *зачеркнуто:* и отправил с нарочным
³⁰ *Вместо:* возмущения от его жадности — *было:* возмущения, вызванного его стяжательством, жадностью

С. 99.

- ⁴ *После:* данному — *зачеркнуто:* в сущности
⁸ *Вместо:* побывать у нее на Потемкинской — *было:* приехать по делам книги о коллекции ее мужа Сергея Сергеевича на Потемкинскую
¹⁹ *Вместо:* с его стороны — *было:* самое злостное упрямство и

С. 99–100.

- ^{33–1} *Вместо:* условился — *было:* сговорился

С. 100.

¹⁰ *Вместо*: вообще его — *было*: его вообще

¹⁴ *После*: В общем же, — *зачеркнуто*: в чем дело, что

¹⁸ *Вместо*: да оно — *было*: и которое у меня

¹⁹ *Вместо*:знакомился — *было*: был знаком

После: литературой. — *зачеркнуто*: А «дружба» его с Добычиной не может рассеять это «подозрительное» отношение. Не может свидетельствовать и об его вкусе и его пронизательности...

С. 101.

¹⁴⁻¹⁵ *Вместо*: действительно — *было*: беспредельно

³⁰ *После*: салона — *зачеркнуто*: маркиза де

³² *Вместо*: гимнастерке — *было*: форме

³⁵⁻³⁶ *Вместо*: Его тесная (как будто) дружба с милой Робьен — *было*: Его связывает с милой Робьен тесная

С. 102.

¹⁶ *Вместо*: нашего издательства детских книжек «Радуга» — *было*: детской книжки «Радуга»

С. 103.

¹⁹ *Вместо*: наконец — *было*: вполне

²⁰ *Вместо*: общественное мнение — *было*: публику

С. 104.

²⁰ *Вместо*: поместить — *было*: издать

²⁷ *После*: телефоны от — *зачеркнуто*: деловых людей — от

С. 105.

²⁰⁻²¹ *Вместо*: что делать — *было*: во что вложить нашу довольно-таки жалкую фортуна <?>

С. 106.

⁶ *Вместо*: «отмененной» — *было*: моей «замененной»

¹⁴ *Вместо*: предлагаемую — *было*: предназначенную

²³⁻²⁴ *После*: оказались — *зачеркнуто*: nepозволительным

³¹ *Вместо*: можно будет! — *было*: придется.

³⁴ *Вместо*: Обожаемая моя — *было*: Моя обожаемая

С. 107.

²⁻³ *Вместо*: чтоб к спасительным идеям обратились союзники — *было*: чтоб спасительные идеи явились от союзников

⁸⁻⁹ *Вместо*: супруги Яремичи — *было*: супруги Стипы

³⁰ *Вместо*: не явился — *было*: не пришел

С. 108.

⁹⁻¹⁰ *Вместо*: в окопы, приглашает видеть в ней совершенно иные чувства — *было*: в окопы, выставил ее в совершенно иных чувствах

²⁵ *Вместо*: книжках — *было*: изданиях

²⁸ *Вместо*: более близком знакомстве их — *было*: большем знакомстве это

²⁹ *Вместо*: К ним — *было*: К нему

С. 109.

²⁸ *Вместо*: но выручили — *было*: если бы не выручили

С. 110.

² *После*: среди — *зачеркнуто*: совсем

⁴⁻⁵ *Вместо*: стол верхней парадной столовой был раздвинут во всю длину — *было*: стол был раздвинут во всю длину большой парадной столовой

⁶ *Вместо*: посол — *было*: «хозяин»

После: него — *зачеркнуто*: был посол

¹⁸ *Вместо*: столь мне понравившийся — *было*: завоевавший мои симпатии

¹⁹⁻²⁰ *Вместо*: перемолвиться несколькими словами — *было*: довольно долго побеседовать

²⁷ *Вместо*: Не было и Бруса. — *было*: Бруса, однако, почему-то не было.

²⁸⁻²⁹ *Вместо*: Концертное отделение состояло из пения и рояля; пела — *было*: После обеда пела

С. 111.

²⁻³ *Вместо*: следить за тем — *было*: видеть то

⁴ *Вместо*: различить — *было*: понять

Вместо: творится — *было*: происходит

С. 112.

⁵ *После*: подходящий для — *зачеркнуто*: какой-нибудь

⁶ *После*: наша — *зачеркнуто*: неосторожная

²² *Вместо*: оборот — *было*: характер

С. 113.

³ *После*: временам — *зачеркнуто*: Зашел Браз

¹⁰ *После*: разведены — *зачеркнуто*: через несколько минут

- ¹⁷ *После:* можно — *зачеркнуто:* теперь уже
²⁷ *Вместо:* возбужденные — *было:* взвинченные
³⁴ *После:* настроением — *зачеркнуто:* духом

С. 114.

- ³ *После:* музей. — *зачеркнуто:* Вчера
⁹ *Вместо:* Пройдя — *было:* Дойдя до
¹³ *Вместо:* там же — *было:* вот отсюда
¹⁴ *После:* Царицыну лугу — *зачеркнуто:* и к «Дому Добычиной»*
¹⁹ *Вместо:* как раз когда тот — *было:* произносившего речь
³¹ *Вместо:* Государственную думу — *было:* Таврический дворец

С. 115.

- ⁷ *Вместо:* нечто вроде — *было:* род
¹⁹ *Вместо:* никому — *было:* нам не
²⁸ *После:* часть — *зачеркнуто:* предварительно получив всякое поощрение [всякие подарочки] от пришедшей <в> восторг публики
³⁴ *После:* планомерность. — *зачеркнуто:* И думается, что Государь и на сей раз выйдет невредимым; лишь пострадает масса ни в чем не повинных людей.

С. 116.

- ¹ *Вместо:* все же — *было:* однако
¹³ *После:* войну! — *зачеркнуто:* Ведь и в Евангелии [сказано, что] преподан совет — тот <нрзб.> скорее мириться, если видишь, что враг сильнее.
¹⁶ *Вместо:* во мне возникла — *было:* у меня появилась
¹⁷ *После:* в 6 часов. — *зачеркнуто:* У меня все еще не вполне осознанное, но все же определенное «ощущение момента»!
²⁷ *Вместо:* такие же — *было:* эти

С. 117.

- ⁶ *После:* обыкновения, — *зачеркнуто:* чрезвычайно
¹⁰⁻¹¹ *Вместо:* совершенно молодых офицера — *было:* прапорщика
¹³ *После:* проходи — *зачеркнуто:* проходите
²⁴ *Вместо:* разбежалась — *было:* побежала
²⁶ *Вместо:* убраться — *было:* домой
²⁷ *После:* принесла — *зачеркнуто:* печатанную

* Позже мы узнали, что на нашей выставке в этот день была масса народу.

- ³¹ *Вместо*: клише — *было*: трафаретов
³³⁻³⁴ *После*: капитализма — *зачеркнуто*: и алчной буржуазии
³⁸ *После*: предназначаются? — *зачеркнуто*: Больше всего для таких же суетливых, егозливых людишек, которые с ним[и] носятся.

С. 118.

- ¹ *После*: демагоги из — *зачеркнуто*: евреев или
³ *После*: коридоре — *зачеркнуто*: нашей Alma Mater
После: студентов — *зачеркнуто*: митинговых сборищ
¹¹ *После*: Оттуда — *зачеркнуто*: мы прошли
¹⁸ *После*: сугробов — *зачеркнуто*: снега
²⁹ *Вместо*: двух — *было*: обеих

С. 119.

- ¹⁷ *Вместо*: вызываемых — *было*: когда проезж<али>
²⁵⁻²⁶ *После*: правительству — *зачеркнуто*: или каких-либо
³¹ *После*: значения — *зачеркнуто*: кроме как «характерного для времени» документа

С. 120.

- ⁷ *После*: павильоном — *зачеркнуто*: крепости
¹² *Вместо*: много городских — *было*: многие городские
¹³ *Вместо*: Все же — *было*: Однако
¹⁴ *После*: чердаках — *зачеркнуто*: куда их отправил Протопопов
Вместо: оттуда постреливать — *зачеркнуто*: отстреливаются
¹⁸ *После*: Петербурга. — *зачеркнуто примечание*: Среди дня и я сам получил наглядное подтверждение этому слуху, когда <?> и из окон столовой и детских комнат видел, как пули (из ружей или пулеметов) шлепали по запорошенному снегом брандмауэру соседнего дома, вызывая как бы вспышки отделяющегося снега. Эта стрельба (шум которой был едва слышен через двойные рамы) происходила с колокольни лютеранской церкви, что на третьей линии <2 нрзб.> и Среднего проспекта. К счастью, эти пули не попадали в окна.
¹⁹ *Вместо*: Ожидается — *было*: Не то ожидается
²⁰ *После*: Михаила Александровича — *зачеркнуто*: не то
²⁴⁻²⁵ *Вместо*: сообщения и от наших друзей, разбросанных по всему городу, а самые сенсационные (и верные) от Палеолога — *было*: сообщения от Палеолога и от наших друзей, разбросанных по всему городу, а уж, несомненно, самые сенсационные (и верные) новости мы бы наверное получили от Палеолога

- ³⁴⁻³⁵ *Вместо*: бессвязный — *было*: отрывистый
- ³⁸ *После*: воля — *зачеркнуто*: или чьи-то направляющие по известному плану руки. Серость, понурость и явная бессознательность толпы говорит за первое, отсутствие хаотичности в самых беспорядках указывает на второе...

С. 121.

- ¹ *Вместо*: знак — *было*: признак
- После*: все — *зачеркнуто*: без исключения
- ² *После*: лавочки. — *зачеркнуто*: Воображаю, какие чудесные дела они делают!
- ¹⁹ *После*: безумия! — *зачеркнуто*: Где тут спеться? Где тут найти спасительные примиряющие компромиссы? В воздухе вообще запахло анархией, которую все время пророчил наш мудрец Палеолог.
- ²⁹ *Вместо*: приколоть — *было*: прицепить
- ³² *После*: «Известий» — *зачеркнуто*: (состоящих, впрочем, из одного сплошного обращения [призыва] к пролет<ариям>)
- ³⁵ *После*: слушала. — *зачеркнуто*: Вероятно

С. 122.

- ³ *Вместо*: туда — *было*: на это зрелище поближе
- ⁶⁻⁷ *После*: такой — *зачеркнуто*: произвольной
- ⁸ *Вместо*: боковых — *было*: четырех
- ¹² *Вместо*: как жаль — *было*: зачем
- Вместо*: его — *было*: Сережи
- ¹⁵⁻¹⁶ *Вместо*: исполнить: пришлось бы <в> такую даль плестись пешком! Да — *было*: поехать: точнее, пройти [плестись] пешком — уж больно далеко да
- ¹⁶ *После*: небезопасно — *зачеркнуто*: (между прочим
- ³² *Вместо*: запасов предназначалась — *было*: сокровищ была принесена
- ³⁵ *После*: книжками! — *зачеркнуто примечание*: Дня через два я проходил по набережной Екатерининского канала, но тут меня поразило нечто не лишнее грандиозности: перед красивым зеленым домом, служившим архивом Охранного отделения, лежала недогоревшая груда — занимавшая почти всю мостовую и достигавшая до второго этажа — одних только этих паспортных книжек. И никакой стражи — бери кто что хочет, обзаводись какими угодно документами. Я из любопытства поднял несколько и даже собирался взять на память, но почему-то почувствовал [к ним] отвращение и бросил поднятое обратно.

⁴⁰ *После:* боюсь!..» — *зачеркнуто:* Это забавно, но и довольно страшно.

С. 123.

²¹ *После:* в правительстве — *зачеркнуто:* а не действительно один из органов общего тела

^{23–24} *Вместо:* трудно сказать — *было:* я не пойму

²⁸ *Вместо:* С него все — *было:* Пожалуй, с него и это

³² *После:* некий — *зачеркнуто:* неистовый

³⁶ *После:* за — *зачеркнуто:* то, что она принимает за

С. 124.

⁹ *После:* об — *зачеркнуто:* запорошенный

¹² *Вместо:* замечательно — *было:* курьезно

¹⁷ *Вместо:* совсем — *было:* уже

²¹ *После:* «Республики». — *зачеркнуто:* Оба клялись, что это именно так.

²³ *После:* упадочной — *зачеркнуто:* (бездарной)

²⁸ *После:* улице. — *зачеркнуто:* Впрочем, А<ллегри>, как ребенок

³⁵ *Вместо:* достоверному — *было:* правдивому

С. 125.

^{6–7} *После:* Аллегри видел — *зачеркнуто:* собственными глазами

¹² *После:* жена — *зачеркнуто:* Марфа Андреевна

^{43–44} *Вместо:* в доме Общества поощрения художеств при помещении школы — *было:* при помещении школы И<мператорского> Общества поощрения художеств

С. 126.

¹⁸ *Вместо:* «Известия солдатских и рабочих депутатов» — *было:* «Известия» журналистов^[350] и «Известия солдатских и рабочих депутатов»^[351]

¹⁹ *После:* распространены — *зачеркнуто:* и их очень трудно достать

²¹ *Вместо:* противуречивые — *было:* смутные

²⁵ *Вместо:* я отправился — *было:* мы отправились

С. 127.

¹ *Вместо:* точно помазана — *было:* расцветена

² *После:* тюрьмы — *зачеркнуто:* (вчера)

^{11–12} *Вместо:* получилась временная задержка — *было:* получился временный застой

¹⁴ *После:* наклеен — *зачеркнуто:* гектографированный

²⁹ *Вместо:* низвержения — *было:* падения

С. 128.

¹²⁻¹³ *После:* заколочена — *зачеркнуто:* досками

¹³⁻¹⁴ *Вместо:* влезают в нее и вылезают — *было:* входят в нее и выходят

²² *Вместо:* а точно — *было:* а также они

³¹ *После:* До — *зачеркнуто:* этого

³⁶ *После:* проживающего — *зачеркнуто:* в квартире

³⁸⁻³⁹ *Вместо:* в начале XIX в. — *было:* когда-то

С. 129.

³ *Вместо:* произошло — *было:* это

¹²⁻¹³ *Вместо:* Наконец, подходя уже к нашему дому — *было:* У самого нашего дома

²⁴⁻²⁵ *Вместо:* и, вероятно, за углом покончили с ним — *было:* только исполнявшего приказ начальства

²⁸⁻³⁰ *Вместо:* тотчас затем она увидела, как мимо ее окна летел вниз головой городской — *было:* тотчас же сбросили засевшего там полицейского с шестого этажа; Миклашевская видела, как несчастный летел вниз головой мимо ее окна

³¹ *Вместо:* была — *было:* видела

³⁵ *Вместо:* как раз <в> этот момент — *было:* через Фонтанку

С. 130.

⁴ *Вместо:* выпуск — *было:* издание

⁵ *После:* наших с — *зачеркнуто:* величайшим

¹⁰ *После:* (Финансы) — *зачеркнуто:* (он-то почему?)

¹² *Вместо:* среде — *было:* партии

³⁰ *Вместо:* них — *было:* этих мальчишек

С. 131.

²¹⁻²² *После:* чудесная — *зачеркнуто:* благородная

²² *Вместо:* направляемся — *было:* идем

²⁹ *После:* перемене — *зачеркнуто:* (и ужасно хотелось бы поверить, что это так) и тогда есть шансы, что мы скоро и докатимся до «нового здоровья», до разумной налаженности строя

³¹⁻³² *Вместо:* размаха — *было:* диапазона

³⁸ *Вместо:* мои холсты — *было:* мою живопись

С. 132.

³ *После:* коробили — *зачеркнуто:* с самого раннего детства

После: возвращение — *зачеркнуто:* au bercail

- ⁶⁻⁷ *Вместо*: точнее, которая окутывает — *было*: и окружает
- ¹⁴ *После*: мира! — *зачеркнуто*: Какие-то старые мои (и не только мои), глубоко во мне внедренные, противоречия проснулись с особой силой, и не могу я решить такой вопрос: следует ли безусловно, безгранично, безоговорочно любить всю русскую сущность и в ней видеть чуть ли не самое прекрасное, что заложено в человечестве (сказать кстати, раз я спрашиваю, то, значит, по-настоящему я не люблю, ибо любящий не спрашивает), не то это превознесение России — «националистские бредни», которыми прикрывается мерзость запустения, не святыня, а пакость, не красота, а предельная пошлость, покоящаяся на презренном самомнении.
- ²⁹ *Вместо*: что творят — *было*: о своей внутренней солидарности и

С. 133.

- ³ *После*: деле — *зачеркнуто*: и (кошка Кадака <?> не дает писать, лезет на бумагу, сует для пожатия свою растопыренную лапochку!) <З нрзб.> служении <нрзб.> в этом служении общему делу
- ⁵⁻⁶ *Вместо*: *приподнятый* тон. И говорят они не только — *было*: характерный дух и чувствовалось, что они говорили, вещали не потому, что это от них
- ¹³ *Вместо*: для выражения — *было*: характеризующая
- ²¹ *После*: реакции» — *зачеркнуто*: (в ее олицетворении <нрзб.> европейской антиреволюционной коалиции)
- ²⁵ *Вместо*: в первые годы революции — *было*: в 1792 году
- ²⁶ *После*: ложь — *зачеркнуто*: может быть
- ³¹ *Вместо*: мое — *было*: это

С. 134.

- ⁴ *Вместо*: тех же — *было*: одних с ним
- ⁵ *После*: мирозерцания — *было*: он не знает
- ¹² *Вместо*: поскольку <?> — *было*: за это
- ²² *Вместо*: до дверей дойти — *было*: надеть наши пальто
- ³⁴ *После*: разошлись. — *зачеркнуто*: Но при прощании я еще считал нужным сказать несколько слов: «Обиженно я себя не чувствую, а — напротив — [чувствую благодарность к созда<вшемуся>] считаю, что создавшееся положение дает мне возможность, при наступившей свободе, говорить только то, что я думаю.

С. 135.

- ¹² *После*: писать — *зачеркнуто*: ибо я, во-первых
- ²³⁻²⁴ *Вместо*: начертано — *было*: написано

С. 136.

- ⁶ *Вместо:* отвратительного — *было:* почти гадливое
⁷ *После:* Точно — *зачеркнуто:* плохой актер
⁸ *После:* сконфуженно — *зачеркнуто:* и извиняясь
²⁷ *Вместо:* даже — *было:* уже
³⁰ *После:* революционерами... — *зачеркнуто:* Я лично доволен тем, что «недостойный» монарх выбыл из строя, а чего желать в дальнейшем, это — не мое дело. Только бы вообще нашлись, народились талантливые, прозорливые, <нрзб.> чувствующие люди!

С. 137.

- ³⁻⁴ *Вместо:* стал я видеть — *было:* я вижу
¹³ *Вместо:* телефон от — *было:* звонит
²⁷ *После:* этим — *зачеркнуто:* кратчайшим

С. 138.

- ¹⁹ *Вместо:* сорока — *было:* пятидесяти
²³ *Вместо:* достойный сюжет — *было:* дивный мотив
²⁸ *Вместо:* тусклым — *было:* малозвучным
⁴⁰⁻⁴¹ *Вместо:* директору, Д.И. Толстому — *было:* эрмитажному начальству

С. 139.

- ¹ *После:* забасил — *зачеркнуто:* и сам
² *После:* фразу — *зачеркнуто:* что
⁶⁻⁷ *Вместо:* и грубо бранился — *было:* перебранивался
¹⁴ *После:* он, — *зачеркнуто:* как-то наспех,
¹⁵ *Вместо:* данного — *было:* нашего
¹⁶ *Вместо:* правительству. Хуже всего — *было:* правительству, а хуже всего получилось
¹⁸ *Вместо:* уж совершенно неряшливо — *было:* до того «неаккуратно», что избрание их <нрзб.> нельзя было счесть за провальное
²⁴ *Вместо:* должно было ей придать «поистине — *было:* в его представлении должно было придать ей «настоящий
²⁵⁻²⁶ *После:* формул). — *зачеркнуто:* А кончил он под общее невнимание.
³² *Вместо:* и произнести что-то — *было:* что-то произнести
³⁵ *После:* стала — *зачеркнуто:* истерически

С. 140.

- ³ *После:* имел — *зачеркнуто:* какое-то
⁷ *Вместо:* в чем-то — *было:* точно

- ⁷⁻⁸ *После*: заметно — *зачеркнуто*: был
¹⁰ *После*: ступени — *зачеркнуто*: откуда
Вместо: вознесла бы — *было*: повела бы
¹⁵ *Вместо*: теперь — *было*: таким образом
¹⁹ *Вместо*: у него усердия хоть отбавляй — *было*: он-то и хлопотал
³³ *После*: Мария Федоровна — *зачеркнуто*: недавно
³⁵ *После*: не только — *зачеркнуто*: не ответил ей приветствием, не только
³⁶ *После*: поделиться — *зачеркнуто*: но даже и сам не приветствовал
³⁷⁻³⁸ *Вместо*: и, наконец, погнал ее вон — *было*: а погнал ее из

С. 141.

- ⁵ *После*: от Горького — *зачеркнуто*: пешком
⁸ *После*: порядок. — *зачеркнуто*: Повстречали
²¹ *После*: мучимого — *зачеркнуто*: тревожным

С. 142.

- ⁶ *Вместо*: последнему уж — *было*: которому видимо
⁹ *После*: какое-то — *зачеркнуто*: ребяческое
После: тщеславие — *зачеркнуто*: что вполне возможно и в большом художнике!
¹⁷ *Вместо*: сегодня — *было*: вчера
¹⁸ *После*: выработанными) — *зачеркнуто*: вчера

С. 143.

- ³ *После*: шли — *зачеркнуто*: по Шпалерной
¹³ *Вместо*: обладающими — *было*: имеющими
¹⁷ *Вместо*: мусора — *было*: всяких отбросов
²⁹ *Вместо*: проникаем внутрь — *было*: входим
³² *Вместо*: отряд — *было*: масса
³⁸ *После*: на месте. — *зачеркнуто*: Сразу бросаются в глаза многочисленные фигуры типично еврейского облика.

С. 144.

- ² *После*: знакомого — *зачеркнуто*: (среди них [встечаем] видим кн. Павла Долгорукова)
³ *Вместо*: комнату — *было*: залу
⁵ *После*: пальто — *зачеркнуто*: приходится
Вместо: топтаться — *было*: стоять
⁸ *Вместо*: между собой — *было*: промеж себя
¹² *Вместо*: что нам угодно — *было*: чего мы хотим

- 15-16 *Вместо:* оживленно о чем-то спорят — *было:* я на них не обратил внимания, но
17 *После:* Немало — *зачеркнуто:* и в этой зале
18 *Вместо:* мечется — *было:* снует
24 *Вместо:* С.И. — *было:* Сергей Илиодорович
27 *Вместо:* (посылая, вероятно, — *было:* (несомненно, посылая
34 *После:* тех — *зачеркнуто:* детективов
35 *После:* которые — *зачеркнуто:* в американских фильмах

С. 145.

- 10 *После:* ужимкою — *зачеркнуто:* немецкого
12 *Вместо:* несколько листов бумаги — *было:* с какого-то стола бумагу
18 *После:* наставление — *зачеркнуто:* самозванного редактора
19-20 *Вместо:* самозванный редактор — *было:* господин
20 *После:* редактор — *зачеркнуто:* и даже не знаем его фамилии
24 *Вместо:* В бумаге говорится — *было:* Наконец бумага составлена. В ней
25 *После:* нам — *зачеркнуто:* полной

С. 146.

- 11 *Вместо:* крики — *было:* клики
Вместо: сборищ — *было:* кучек
16 *Вместо:* слышал — *было:* рассказывает
28 *Вместо:* отречения — *было:* того же самого
29 *После:* тот — *зачеркнуто:* какой-то
35 *Вместо:* Театральной дирекции — *было:* Дирекции Имп. театров

С. 147.

- 1 *После:* Пальто — *зачеркнуто:* с усердием
4 *После:* лестницу — *зачеркнуто:* внизу
5 *После:* на — *зачеркнуто:* а. конечной; б. верхней
10 *После:* манеры — *зачеркнуто:* напоминают манеры <нрзб.> или Мити Бенкендорфа.
11 *После:* Характерна — *зачеркнуто:* судорожная
12 *После:* припадать — *зачеркнуто:* обращаться
29 *После:* момент — *зачеркнуто:* подоспевший
31 *После:* делами, а — *зачеркнуто:* какими-то
34 *Вместо:* наконец — *было:* поднялись уже
36 *Вместо:* коридора — *было:* в какой-то коридор

С. 148.

- ⁴ *После*: какой-то — *зачеркнуто*: милостиво
⁷ *После*: внезапных — *зачеркнуто*: его коллег не принимать за сановных министров, а
²⁰ *Вместо*: или если — *было*: ну, положим
²⁰⁻²¹ *Вместо*: то хотя бы — *было*: а скорее
²¹ *Вместо*: и его — *было*: который
²³ *После*: у нас — *зачеркнуто*: готовый
³⁰ *Вместо*: Все это время — *было*: Однако

С. 149.

- ¹ *Вместо*: писаришку — *было*: секретаришку
¹⁰ *После*: не то — *зачеркнуто*: лакейской
¹⁴ *После*: человек; — *зачеркнуто*: который оказывается [приближенным]
¹⁷⁻¹⁸ *После*: как последний принялся — *зачеркнуто*: в очень возбужденном тоне
¹⁸ *Вместо*: принял — *было*: [перех<..?>] принимает
¹⁹ *Вместо*: обостренный — *было*: возбужденный
Вместо: переходит в спор — *было*: скорее становится спором... нежели беседой
²² *После*: бледным. — *зачеркнуто*: Видимо, он
²³ *После*: спал. — *зачеркнуто*: Говорит
²⁸ *Вместо*: высоким — *было*: с легким

С. 150.

- ² *После*: Из — *зачеркнуто*: такого слегка <2 нрзб.>
⁴⁻⁵ *После*: противника — *зачеркнуто*: забияку петуха
⁹ *После*: Керенский, — *зачеркнуто*: не посоветавшись с ним и после
¹² *Вместо*: дворцом — *было*: ним
³¹ *Вместо*: нашей беседы — *было*: нашего разговора
³³ *После*: тонов, — *зачеркнуто*: когда
После: выдают — *зачеркнуто*: что
³⁶ *Вместо*: с патетическим — *было*: с тупым

С. 151.

- ³ *После*: это — *зачеркнуто*: уже
²⁷ *После*: Керенским, — *зачеркнуто*: <3 нрзб.> он счел лишним беспокоить и тотчас после этого
³⁰ *После*: князю — *зачеркнуто*: Львову
³¹ *Вместо*: сунул его себе в — *было*: препроводил его в свой

- ⁴¹ *После:* Керенский — *зачеркнуто:* возможно, комиссаром <нрзб.> бывшего Министерства Двора будет этот самый Макаров. Производит он впечатление человека скорее очень скромного, и как будто он имеет некоторую художественную культуру.

С. 152.

- ² *После:* действительно — *зачеркнуто:* большой
⁶⁻⁷ *Вместо:* курьер, вызвавший — *было:* служащий, который вызвал
⁸ *Вместо:* собой — *было:* ним
¹¹ *После:* дом с — *зачеркнуто:* бывшим
¹⁴ *Вместо:* вдруг стала остро сказываться — *было:* брала свое
²⁰ *Вместо:* просторной — *было:* пространной
²² *Вместо:* удаленным — *было:* куда-то спрятанным
²²⁻²³ *Вместо:* на месте одна лишь — *было:* на стене только его
²⁴ *Вместо:* среднего сорта — *было:* средней руки
³² *После:* нас — *зачеркнуто:* <З нрзб.> нашей затеи. Он
³³ *Вместо:* пользовались — *было:* воспользовались
³⁴ *После:* его — *зачеркнуто:* перепечаткой
³⁶ *Вместо:* господин — *было:* человек

С. 153.

- ⁵ *После:* массам», — *зачеркнуто:* в котором
⁶ *Вместо:* «вандализм» — *было:* «эксцессов»
¹⁵ *Вместо:* поспешивших — *было:* поспевших
¹⁶ *После:* и с — *зачеркнуто:* предупреждением ко
¹⁷ *После:* самозванстве. — *зачеркнуто:* Пошли нелепейшие
¹⁸ *После:* разговор, — *зачеркнуто:* причем особенно отличался своей бестактностью
²² *После:* Россию». — *зачеркнуто:* Эта же четверка успела
³⁰ *После:* людям — *зачеркнуто:* <нрзб.> желающим <?>
После: настоящее — *зачеркнуто:* благое
После: дело. — *зачеркнуто:* С другой стороны, я отдаю себе отчет
³² *После:* до — *зачеркнуто:* середины
³³ *Вместо:* со мной — *было:* мы

С. 154.

- ¹ *После:* не то — *зачеркнуто:* «скороспелого блудливого гимназиста» или
⁶ *Вместо:* Уверен — *было:* Думаю
²² *После:* «барине» — *зачеркнуто:* вроде Н.Н. Львова
²⁵ *После:* в целом, — *зачеркнуто:* но я уже

⁶ *Вместо:* ложно-скромный, тихоня — *было:* ложно-скромен, тихонький

⁷ *После:* замышляющий, — *зачеркнуто:* а. (вероятно, потом хитренько проводящий в исполнение. Сам Керенский, пока он сам еще внове, да и [слишком порою] вообще слишком обременен взятыми на себя разнообразными задачами (он сам объездил все дворцы; сегодня его ожидают в Эрмитаже), он и завел при себе такого «своего человечка»; б. а затем, под сурдинку, проводящий так [это] [что он придумал] замышленное в исполнение. Что же касается его принципала, то, естественно, что на первых порах Керенский, пока он внове, он только озирается. Но он уже переобременен работой, а [вероятно] часто совершенно зря. Зачем, например, ему, министру юстиции, понадобилось самолично объехать все дворцы (сегодня его ожидают в Эрмитаже). «Новичкам» вообще свойственно не доверять людям, больше его знающим, даже бояться их, и ему мало знающий, но *свой* человек более подходит. Отсюда и этот «фавор» Макарова, привлечение его к какому-то уже управлению. Все это довольно件но понятно, однако вот мы, рвущиеся в бой и уже давно знакомые со всей данной сферой, куда-то отодвинуты. Но как бы за время, пока все наладится, нам не остыть совершенно...

Сегодня, побывав мимоходом в Русском музее у пригласившего меня Н.М. Могилянского (он показался мне перепуганным, ищущим опоры), я отправился на 2-е заседание у Неклюдова. Еще более убедился сегодня в том, что и этот «лишившийся места парламентарий» рассчитывает через нас найти себе какое-либо амплу поближе к правительству. Возможно, что он даже увидал в нас каких-то посланцев судьбы. Ведь почти в каждом таком милон, холонем, родовитом барине сидит «воевода, тянувшийся к кормежке». Это вроде традиции в служилом сословии. Это приятнейшие, славные ребята, ясные, веселые, щедрые на шутки и анекдоты и производящие вообще самое симпатичное и безобидное впечатление. Но верить им нельзя. Во всяком случае, я *разучился* в них верить. Да были бы еще действительно деятельны и деловиты, а то под таким усердствующим скрывается самый непробудный лентяй Обломов! К сожалению, все так (вероятно, потом хитренько проводящий в исполнение. Сам Керенский, пока он сам еще [замышляющий внове, да и вообще [слишком порою] слишком обременен взятыми на себя разнообразными задачами (он сам объездил все дворцы; сегодня его ожидают в Эрмитаже) он и завел при себе такого «своего человека»].

⁴⁰ *После:* делам» — *зачеркнуто:* при Временном правительстве

С. 156.

- ¹ *Вместо:* И снова тревога — *было:* Мы снова взволнованы
⁵ *Вместо:* Тут является и опасность [тревога] — *было:* К тому же страшно
⁹ *Вместо:* съездить — *было:* ехать
²⁹ *Вместо:* Е.В. — *было:* Еленой Валериановной
³⁰ *Вместо:* ведь решено послать — *было:* для посылки
³¹ *Вместо:* телеграмму — *было:* выработанной нашей комиссией телеграммы
³¹⁻³³ *Вместо:* «вернуться в Россию для общей работы» (вероятно, и для ее *возглавления*). Елена Валериановна — *было:* «вернуться для общей работы» (вероятно, и для ее *возглавления*) в Россию. Она

С. 157.

- ² *Вместо:* войти — *было:* присоеди<ниться>
⁶ *После:* и — *зачеркнуто:* как бы за
¹⁸ *Вместо:* осуществления — *было:* того
¹⁹ *После:* средства... — *зачеркнуто:* Да в самой российской жизни *Вместо:* еще менее можно рассчитывать на то, что нам — *было:* едва ли
²¹⁻²² *Вместо:* «комнатных революционеров» — *было:* «эстетов-революционеров»
²³ *Вместо:* Аргут. Он — *было:* Аргут, который
³¹ *После:* России в — *зачеркнуто:* федеративную
³⁷⁻³⁸ *Вместо:* О том, как это переименование произошло — *было:* Об этом
³⁸ *После:* один — *зачеркнуто:* знакомый

С. 158.

- ² *Вместо:* курьезен — *было:* пикантен
²³⁻²⁴ *Вместо:* с ним лично — *было:* с его творениями
²⁷ *Вместо:* он укатил — *было:* уехал он
²⁹ *Вместо:* речи — *было:* разглагольство

С. 159.

- ² *Вместо:* крутится — *было:* вертится
⁴ *После:* полнотой. — *зачеркнуто:* Запишу одни факты.
²⁰ *Вместо:* нашего — *было:* моего
²⁵⁻²⁶ *После:* министров. — *зачеркнуто:* Он
³⁰ *После:* занят — *зачеркнуто:* прощальным по
³³⁻³⁴ *Вместо:* при нем и по его вкусу — *было:* им отделанной
³⁴ *После:* и — *зачеркнуто:* под его

С. 160.

- ¹ *После:* бы — *было:* его
¹¹ *Вместо:* впрочем — *было:* однако
¹² *Вместо:* то — *было:* он
¹³ *После:* раздражает — *зачеркнуто:* и то
¹⁵ *Вместо:* теперь меньше верю, чем прежде — *было:* перестал верить
¹⁷ *Вместо:* относящиеся — *было:* относящийся вздор
²⁰ *Вместо:* автомобиле — *было:* автомобилишке
²⁴ *Вместо:* считается — *было:* говор<ят>
³³ *Вместо:* кончился доклад милейшего пискуна — *было:* кончились пискания
³⁴ *После:* шли — *зачеркнуто:* крепкие
После: этого — *зачеркнуто:* доклада

С. 161.

- ³ *Вместо:* Всех этих схоластов — *было:* Все это очень схоластично
⁸⁻⁹ *Вместо:* государством (государственным организмом) искусства — *было:* государства (государственного организма) в искусстве
¹⁰ *После:* удалились. — *зачеркнуто:* Живого слова от других мы тоже не услышали.
¹⁶ *После:* обывателя», — *зачеркнуто:* пытающегося даже [заверить] [считать] заверить себя, что
²⁷ *После:* Недавно — *зачеркнуто:* наши дамы негодовали
³⁵ *Вместо:* во имя того принципа — *было:* за тот принцип

С. 162.

- ⁶ *После:* На — *зачеркнуто:* Балтийском
¹¹ *После:* запоздания. — *зачеркнуто:* При входе в вокзал грозные пулеметы.
¹⁶ *Вместо:* А.С. Зарудный — *было:* Стип Зарудный (Александр Сергеевич)
¹⁸ *Вместо:* самого нашего — *было:* него самого
²⁰ *После:* оптимизме... — *зачеркнуто:* Все
²⁹ *После:* вообще — *зачеркнуто:* никаких сведений нам

С. 163.

- ¹⁵ *После:* тамошним — *зачеркнуто:* дворцовым центром <?>
¹⁶ *После:* дворец — *зачеркнуто:* уже
После: выдумкой; — *зачеркнуто:* и, вероятно,
²¹ *После:* вагоне — *зачеркнуто:* старик <?>

- ²³ *После*: солдат — *зачеркнуто*: и штатских
²⁵ *Вместо*: с радостью согласились — *было*: были очень довольны разрешением
³¹ *После*: вандализмах. — *зачеркнуто*: Но воз<можно>
³⁷ *После*: Для — *зачеркнуто*: добы<вания>

С. 164.

- ² *После*: взятых — *зачеркнуто*: напрокат
⁸ *Вместо*: задние мысли — *было*: лукавство
¹¹ *После*: места — *зачеркнуто*: куда сесть
²³ *После*: мне — *зачеркнуто*: торговцу-жидку
³⁷ *Вместо*: на рытье — *было*: на дело по рытью

С. 165.

- ²⁷ *После*: Керенского — *зачеркнуто*: и Керенский под влиянием Философова
²⁸ *Вместо*: выработки — *было*: составления
³⁴ *После*: Головин — *зачеркнуто*: представляет
³⁵ *После*: этого — *зачеркнуто*: первыми

С. 166.

- ⁴ *Перед*: К чаю — *зачеркнуто*: Весь день и вечер у меня прошли в ожидании телефона Макарова, который обещал мне устроить свидание с Головиным или устроить поездку к захворавшему Д. Философову, но так его и не дождался. —
¹² *Вместо*: действует как-то — *было*: как-то действует
²² *После*: опасаясь — *зачеркнуто*: что затратить (в который раз!) свою
²⁴⁻²⁵ *Вместо*: начинает уже — *было*: уже начинает
²⁷ *После*: временем — *зачеркнуто*: всякие Вейнеры и А<..?>
³⁵⁻³⁷ *Вместо*: и, имея это в виду, нужно первым долгом в корне реформировать Эстампный отдел. Вернулся я и к реализации своей заветной — *было*: (и с этой целью нужно первым долгом в корне реформировать наш Эстампный отдел), а также по созданию моей дав<ней>

С. 167.

- ¹⁶ *Вместо*: заслуженные — *было*: древние
¹⁷ *Вместо*: которых я достаточно тогда — *было*: от которых я [пришел] тогда бежал из Зуб<овской>
¹⁹ *Вместо*: принять — *было*: принимать
²⁰ *После*: жаль — *было*: как бы рвать

- 21–22 *Вместо:* М<ихаил> И<ванович> как раз тот художественный деятель — *было:* он в разных смыслах один из наших художественных деятелей
- 22–23 *Вместо:* душевное — *было:* большое
- 27 *После:* вопрос? — *зачеркнуто:* Да и

С. 168.

- ³ *Вместо:* засуетилась — *было:* как-то заюлила
- ⁵ *Вместо:* я — *было:* мы
- ¹³ *После:* что — *зачеркнуто:* тогда
Вместо: схватываю — *было:* понимаю
- ¹⁵ *После:* мнению — *зачеркнуто:* назн<ачить>
- ¹⁸ *Вместо:* Тут — *было:* Но тут
После: я — *зачеркнуто:* их
- ²¹ *После:* однако — *зачеркнуто:* тут же и
- ²⁶ *После:* самым — *зачеркнуто:* была
После: ослаблена — *зачеркнуто:* (он был бы скомпрометирован своим союзом с «буржуазным» правительством)
- ²⁷ *Вместо:* все осталось — *было:* оставили
- ²⁹ *После:* т.п.). «Пусть — *зачеркнуто:* а потом «пусть
- ^{38–39} *После:* поскольку — *зачеркнуто:* такое и

С. 169.

- ³ *Вместо:* Видно — *было:* Или же
- ⁸ *Вместо:* лозунги — *было:* формулы
- ¹² *Вместо:* таком — *было:* этом
- ¹³ *После:* увидать — *зачеркнуто:* всех
- ²² *После:* о *Христе!* — *зачеркнуто:* Как
- ^{26–27} *Вместо:* все напоминающий: и Макиавелли, и Талейрана, и св. Павла, и Будду, и Ницше — *было:* а. претендующий на...; б. на что только не претендующий: и на Макиавелли с Талейраном, и на св. Павла, и на Будду, и на Ницше
- ^{28–29} *Вместо:* невзначай — *было:* а. вскользь; б. проходя <?>
- ³³ *Вместо:* этот — *было:* эта фраза
После: вопрос — *зачеркнуто:* был

С. 170.

- ² *Вместо:* Нашу комиссию — *было:* У нас в комиссии
- ¹¹ *После:* втайне — *зачеркнуто:* готовил
После: готовил — *зачеркнуто:* уже многие
- ¹³ *После:* него — *зачеркнуто:* от какого-то коллектива
- ²² *После:* печать, — *зачеркнуто:* надоб<ность> безотл<агательно>

- ²⁴ *Вместо:* Горький — *было:* Алексей Максимович
Вместо: довольно — *было:* крайне
²⁹ *Вместо:* «спасти» его — *было:* о спасении его
³² *После:* живописи — *зачеркнуто:* [это произошло] на том большом митинге, который должен состояться в воскресенье и на котором будут представлены все художественные общества и группы.

С. 171.

- ⁷ *Вместо:* подобные пошлости — *было:* этих пошлостей
⁸ *Вместо:* какие потоки — *было:* сколько
²⁹ *После:* от — *зачеркнуто:* входной
³⁰ *После:* нескольких — *зачеркнуто:* небольших
³⁴ *После:* Тощий, — *зачеркнуто:* с заостренным книзу лицом
³⁵ *Вместо:* подбородком — *было:* заостренным лицом

С. 172.

- ¹ *Вместо:* себя — *было:* очень
¹⁻² *После:* неловко — *зачеркнуто:* себя
⁵ *Вместо:* а при случае — *было:* но
³¹ *После:* заседание — *зачеркнуто:* в доме Неклюдова
³⁴⁻³⁵ *Вместо:* Сплошное перескакивание — *было:* Перескакивание

С. 173.

- ² *Вместо:* Последнему — *было:* Этому я
¹⁹ *Вместо:* то и дело возвращался — *было:* надоел всем своим постоянным возвращением
³⁰ *Вместо:* не оказалось — *было:* оказалось ничем иным
³² *Вместо:* Правда, то — *было:* а. Положим, то; б. Правда, то; в. То
³³⁻³⁴ *Вместо:* художественной области — *было:* художественному миру
³⁴ *Вместо:* в своих представлениях — *было:* принадлежит у нас

С. 174.

- ³ *Вместо:* ценным — *было:* точным
³⁻⁴ *После:* показателем — *зачеркнуто:* ее
¹⁵ *Вместо:* человек Тамаша — *было:* армянин
После: Тамаша! — *зачеркнуто:* Он убедил себя
¹⁹ *После:* он — *зачеркнуто:* (за исключением одного вообще всем немилотого <?> Лукомского)
²⁵ *Вместо:* забывает — *было:* не считается
²⁶ *После:* особенно — *зачеркнуто:* что

- 30 *После:* попытаться — *зачеркнуто:* с нами
 31 *Вместо:* мои — *было:* наши
 34 *Вместо:* при — *было:* на
 35 *После:* избрал — *зачеркнуто:* своим
 36 *Вместо:* С этой целью — *было:* Для этого
Вместо: отправился — *было:* поехал
 37 *Вместо:* за завтраком — *было:* к завтраку и не
После: завтраком — *зачеркнуто:* и не
 38 *Вместо:* «Kabale» — *было:* «Каморры»^[352]
После: «Kabale» — *зачеркнуто:* У бедного Владимира Дмитр-
 р<невича> я был

С. 175.

- 1 *Вместо:* В<ладимир> Д<митриевич> — *было:* он
 3 *Вместо:* навязанную ему обузу — *было:* председательствова-
 ние
 10 *Вместо:* Это мужество или — *было:* И это едва ли мужество, а
 скорее
 11 *После:* «толстокожесть»? — *зачеркнуто:* то самое, что подчас
 так меня бесит в некоторых моих соотечественниках при встре-
 чках на выставках, в музеях, в театре?
 13 *После:* часов — *зачеркнуто:* что провел в этом бедламе
 14 *Вместо:* должно быть, совсем так, как — *было:* как [любовал]
 любятся люб<ители>
 16 *После:* гладиаторами — *зачеркнуто:* или борцами
 17 *Вместо:* недаром он — *было:* и даже
 29 *После:* секции — *зачеркнуто:* (если не председателем съезда
 вообще — тут получилось нечто не вполне <нрзб.>)
 40 *Вместо:* дело все равно — *было:* все равно дело

С. 176.

- 3-4 *После:* регламенту — *зачеркнуто:* который был выработан
 8-9 *Вместо:* «представители обществ» — *было:* ораторы
 13-14 *Вместо:* Не то юноша-поэт, не то якобинец — *было:* и вообще
 с видом вдохновенного поэта или якобинца
 17 *После:* власти» — *зачеркнуто:* (речь была
Вместо: громил — *было:* громче
 18-19 *Вместо:* намекая на «всеподданнейшие подношения» — *было:*
 ибо говорить о каких-то «всеподданнейших подношениях»
 21 *Вместо:* всякое — *было:* такое
 27 *Вместо:* набрасывать — *было:* рисовать
 28-29 *Вместо:* нелепые, претендующие на гениальность — *было:* без-
 дарные и претенциозные

- ²⁹ *Вместо:* Мейерхольда — *было:* нашего реформатора
³⁰ *После:* живописен — *зачеркнуто:* и курьезен

С. 177.

- ⁵⁻⁶ *Вместо:* Однако — *было:* Все же
⁶ *После:* он же — *зачеркнуто:* несколько
⁸ *После:* Маяковский — *зачеркнуто:* голосил за
⁹ *Вместо:* мастерски — *было:* ловко
¹¹ *После:* формулировал — *зачеркнуто:* предложенное
После: абсурдной — *зачеркнуто:* форме предложенных
¹² *Вместо:* высказанные — *было:* поданные
¹³ *Вместо:* стоял непрерывный — *было:* поднялся
¹⁴⁻¹⁵ *Вместо:* нельзя было различить — *было:* не было слышно
¹⁵⁻¹⁶ *Вместо:* криками — *было:* галдежом
¹⁶ *После:* а — *зачеркнуто:* разумеется
¹⁷ *Вместо:* Тут — *было:* Наконец
¹⁸ *Вместо:* удалились. Он — *было:* удалились — он
²⁵ *После:* за 1917 — *зачеркнуто:* и последующих годов
²⁶ *Вместо:* какое-либо хранилище — *было:* какой-либо архив
³¹ *Вместо:* краткий перечень — *было:* конспект
³⁴ *После:* обладаю — *зачеркнуто:* здесь
³⁴ *Вместо:* никаким — *было:* ни малейшим
³⁴⁻³⁵ *Вместо:* (я не смог вывезти — *было:* ибо я не вывез из Петер-
гофа
³⁷ *После:* фактов, — *зачеркнуто:* ни за их хронологию
³⁸ *Вместо:* разных — *было:* некоторых

С. 178.

- ³ *После:* театре — *зачеркнуто:* я продолжаю:
⁴ *После:* дворец — *зачеркнуто:* я продолжаю:
⁸ *Вместо:* целости — *было:* порядке
¹¹ *Вместо:* сложнейшую «топографию» — *было:* сложнейший план
¹⁴ *После:* постановлено — *зачеркнуто:* о
После: его — *зачеркнуто:* оттуда
²¹ *После:* фрейлину, — *зачеркнуто:* с ужасом на нас взглянув-
шую и
²³ *После:* каких-то — *зачеркнуто:* страшных
После: головорезов. — *зачеркнуто:* Все помещения были туск-
ло освещены одинокими лампами, подвешенными к огромным
незажженным люстрам.
²⁷ *После:* Головина — *зачеркнуто:* состоявшее из одного прямого
сводчатого зала и нескольких двух-трех комнат
²⁸⁻²⁹ *Вместо:* устроился — *было:* помещался

- ³¹⁻³² *Вместо:* вазой желтого стекла — *было:* малиновой [желтой] стеклянной вазой
- ³²⁻³³ *Вместо:* с которым я поделился — *было:* а. выслушав мое; б. познакомившись с
- ³⁶ *Вместо:* револьвер — *было:* пистолет
- ³⁸ *После:* же — *зачеркнуто:* вслед за сим

С. 179.

- ³ *После:* должно — *зачеркнуто:* было
- ³² *Вместо:* расположилось — *было:* устроилось

С. 180.

- ³ *После:* дворцов — *зачеркнуто:* (как Большого, так и Китайского)
- ⁴ *После:* все же — *зачеркнуто:* отдельные группы солдат продолжали
- ⁵ *После:* группы — *зачеркнуто:* и одиночные
- ⁷ *После:* мы — *зачеркнуто:* были свидетелями
- ⁸ *Вместо:* оттопыренным — *было:* вспухшим
- ⁹ *После:* и — *зачеркнуто:* тот
- ¹² *Вместо:* Зато — *было:* Но
- ²⁰⁻²¹ *Вместо:* были расставлены — *было:* продолжали стоять на досках
- ³³ *После:* благополучно. — *зачеркнуто:* После на

С. 181.

- ⁵ *После:* я — *зачеркнуто:* в ней
- ⁵⁻⁶ *Вместо:* высочайшие особы — *было:* они
- ⁸ *После:* при этом — *зачеркнуто:* была
- ¹² *Вместо:* подтвердил — *было:* доказал
- ¹³ *После:* недалекого — *зачеркнуто:* (сама его [баб<ка>] мать В.К. Екатерина Михайловна [прозва<ла>] дала ему прозвище Egel, тогда как старший его брат Георгий носил ничего не означавшее прозвище Berel)
- ¹⁵ *После:* согласии — *зачеркнуто:* «самоуправных», но и местных
- ¹⁸ *После:* границу; и — *зачеркнуто:* чаша в его
- ¹⁹ *После:* из — *зачеркнуто:* этого
- ²⁰ *Вместо:* павильоне — *было:* Pavillon
- ²³ *После:* выставить — *зачеркнуто:* (все через [их приятеля] того же Макарова) или прямо <?>
- ²⁴ *Вместо:* Однако как — *было:* а. Но как; б. Как
- ²⁵ *Вместо:* Мережковские — *было:* они
- ²⁶ *После:* они — *зачеркнуто:* даже

²⁷ *После:* этого — *зачеркнуто:* собрания, что

³⁴ *Вместо:* затем — *было:* после того

³⁶ *Вместо:* особняка — *было:* дачи

С. 182.

² *Вместо:* Ленина — *было:* его

³ *Вместо:* он — *было:* Ленин

⁴ *Вместо:* или — *было:* но, пожалуй,

После: раньше — *зачеркнуто:* возник вопрос

⁶ *Вместо:* местные — *было:* или

⁸⁻⁹ *Вместо:* В сущности, в самом — *было:* Если сами по себе

¹¹ *После:* всего — *зачеркнуто:* этого

После: знаменитого — *зачеркнуто:* «с перспективой» вида

¹³ *Вместо:* не откладывая — *было:* тотчас

¹⁷ *Вместо:* припомню — *было:* помню

²¹ *Вместо:* «тихой» — *было:* уютной

²²⁻²⁶ *Вместо:* образ его с тех пор врезался мне в память: запомнилась плешь во всю голову, густая черная борода, приземистая фигура и какие-то необычные, <с> широкими и открытыми воротничками, рубашки — *было:* он мне тогда нравился даже одним своим видом, плешью во всю голову, густой черной бородой, приземистым сложением и даже каким-то необычно широким [отворот<ом>] воротом и открытыми воротничками сорочки

²⁸ *Вместо:* находился — *было:* заседал

³⁰ *После:* когда — *зачеркнуто:* какая-то

Вместо: «солдатских депутатов» — *было:* солдатские агитаторы

³¹ *После:* издать — *зачеркнуто:* такой

³² *Вместо:* манифеста — *было:* приказа

³²⁻³³ *Вместо:* сами авторы предложения — *было:* предложение это было со

³⁴ *Вместо:* нескладной — *было:* неуклюжей

³⁵ *Вместо:* внушительную — *было:* юридическую

⁴⁰ *Вместо:* крики и перебранки — *было:* дикий галдеж

С. 183.

³ *После:* был — *зачеркнуто:* тут же

⁵ *После:* Соколов — *зачеркнуто:* неоднократно впоследствии

⁶ *Вместо:* своим — *было:* таким

⁸ *Вместо:* такого авторства — *было:* авторства Приказа □ 1

¹⁵⁻¹⁷ *Вместо:* особенно оценил «силу слова» вообще и в частности талант самого Соколова — *было:* чуть ли не впервые мог любоваться ораторским [Сокол<овским>] талантом самого Соколова и силой его убедительности

- 17 *Вместо:* рекреационном — *было:* акт<овом>
- 18 *Вместо:* (гимназии?) — *было:* (в гимназии?)
- 20 *Вместо:* (я, впрочем — *было:* но я, однако, предпочел пересечь в первый ряд стульев, так как
- 22 *Вместо:* делам, касающимся — *было:* делу, касающемуся
- 24 *Вместо:* солдатом — *было:* унтером
После: солдатом, — *зачеркнуто:* который, видимо, пользовался полным доверием своих однополчан
- 26 *Вместо:* хотела — *было:* желала
- 27 *Вместо:* Когда же — *было:* Однако когда
- 28 *Вместо:* угомонилась — *было:* несколько успокоилась
Вместо: Соколов — *было:* он тогда
- 30 *Вместо:* причем он объявил, что готов он — *было:* и объявил готовность
- 32 *После:* но — *зачеркнуто:* при этом он
- 32–33 *Вместо:* вопросы изложить в письменной форме — *было:* требования формулировать [то] в записочках
- 33 *После:* записок — *зачеркнуто:* накопилось [целая] [около] несколько десятков, и он [перед ним]
- 34 *После:* горка — *зачеркнуто:* перед ним
- 34–35 *Вместо:* собрание возобновилось — *было:* прения [заседание] возобновились
- 35 *После:* он — *зачеркнуто:* стал действительно
После: сначала — *зачеркнуто:* очень
Вместо: записки — *было:* вопросы
- 35–36 *После:* затем — *зачеркнуто:* быстро
- 36 *Вместо:* он — *было:* до того
- 36–37 *После:* остроумно — *зачеркнуто:* придумал вопросы такие
- 37 *Вместо:* принялся за разрешение поставленных вопросов — *было:* разрешил все содержащиеся в записках вопросы
- 38 *Вместо:* что казалось, точно присутствуешь на каком-то — *было:* мне показалось, что я присутствую при
После: сеансе — *зачеркнуто:* какого-то
- 39 *После:* фокусника — *зачеркнуто:* и, вероятно, только диву давался тому, как все у него выходило ладно и убедительно. Это же впечатление удачного фокуса произвел Соколов на всех присутствующих, и если даже несколько протестов к концу раздалось, [то] однако все же громадным большинством голосов было выяснено «согласие» и

С. 184.

- 2 *Вместо:* которое — *было:* на котором
После: нам — *зачеркнуто:* было

- После:* показалось — *зачеркнуто:* самим
После: для — *зачеркнуто:* данного
- ⁴ *После:* дворец — *зачеркнуто:* со стороны ротонды
После: пожалуй, — *зачеркнуто:* там
- ⁷⁻⁸ *Вместо:* в Петербурге похороны «жертв революции» — *было:* похороны «жертв революции» в Петербурге
- ⁹ *После:* окон — *зачеркнуто:* которого все
- ¹⁰ *После:* поле — *зачеркнуто:* [казалось] представлялось как на ладони
- ¹⁰⁻¹² *Вместо:* Горький не долго оставался зрителем, его вытребовали к самым могилам, а он и меня потащил за собой — *было:* Горького не [оставили] дали оставаться зрителем и потребовали его присутствия у могил, а он же потащил за собой меня и еще каких-то художников
- ¹³ *После:* напечатанных — *зачеркнуто:* в журналах, напр.
- ¹⁴ *После:* я — *зачеркнуто:* как будто
- ¹⁹ *Вместо:* и среди них — *было:* а также
- ²⁴ *После:* настроении, — *зачеркнуто:* выраз<ившемся>
- ³⁰ *После:* (художников) — *зачеркнуто:* среди
- ³⁴ *После:* поклеп — *зачеркнуто:* затем многие люди
- ⁴⁰ *После:* Горчаковой — *зачеркнуто:* у которой

С. 185.

- ¹ *Вместо:* аристократической — *было:* титулованной
- ⁵ *После:* революционера. — *зачеркнуто:*
 В эти же дни у меня произошла очередная ссора с В.Н. Аргутинским, но по поводу чего я забыл. Вероятно, из-за выражения моих симпатий к революции, в которой я видел как бы обещание скорого окончания войны.
- ⁶ *Вместо:* Тогда же — *было:* Вскоре
- ⁷ *Вместо:* заставил меня покинуть газету — *было:* до моей мысли ухода из газеты
- ⁹ *Вместо:* Но тогда — *было:* Тогда
- ¹⁰ *Вместо:* теперь же — *было:* но
- ¹² *Вместо:* предоставлена — *было:* гарантирована
- ¹⁷ *После:* имел — *зачеркнуто:* полное
- ¹⁸ *После:* существу — *зачеркнуто:* и по всему их отношению к жизни
- ²² *После:* но — *зачеркнуто:* все же
- ²⁴ *После:* подъем», — *зачеркнуто:* и первые мои фельетоны
Вместо: фельетонов — *было:* коих я
- ²⁵ *Вместо:* умеренной — *было:* буржуазной
После: дней — *зачеркнуто:* в защиту

- ²⁶ *Вместо:* его — *было:* которого
³¹ *Вместо:* буржуазию — *было:* буржуазную
³⁴ *Вместо:* являлся — *было:* был

С. 186.

- ³ *Вместо:* духовное и материальное — *было:* непосильное
⁵ *Вместо:* шаг к миру — *было:* предвестника мира
¹² *Вместо:* «Что — *было:* Но что
¹⁵ *Вместо:* кого бы то ни было — *было:* каких-то «посторонних»
После: весь — *зачеркнуто:* наш
¹⁹ *После:* выйти — *зачеркнуто:* из всей этой дьявольской свалки
²⁰⁻²¹ *Вместо:* французская или английская — *было:* французы или англичане
²² *После:* Увы, — *зачеркнуто:* первое
³¹ *После:* которые — *зачеркнуто:* все
³³ *Вместо:* шли речи — *было:* была речь
Вместо: какие-то ходы — *было:* обсуждение каких-то ходов
³⁷ *После:* находя) — *зачеркнуто:* утешение и
³⁸⁻³⁹ *Вместо:* «оптимистом до конца» — Зиновием Гржебиным — *было:* в оптимистской юркости Зиновия Гржебина
⁴⁰ *После:* убеждал — *зачеркнуто:* меня

С. 187.

- ³ *Вместо:* какая — *было:* кото<рая>
¹⁰ *Вместо:* тема — *было:* статья
¹⁴ *Вместо:* в чрезвычайной степени — *было:* до глубины души
¹⁸ *Вместо:* статей — *было:* слов
¹⁸⁻¹⁹ *Вместо:* затруднен... Настойчиво — *было:* станет невозможным... Особенно настойчиво
²¹ *Вместо:* Однако — *было:* Но я
²² *Вместо:* Но — *было:* Впрочем
²³⁻²⁴ *Вместо:* к концу лета я вышел из состава «Новой жизни», перестал же я — *было:* в середине лета я покинул «Новую жизнь», а [я] перестал я
²⁷ *Вместо:* Февральский (мартовский) переворот — *было:* Переворот в
²⁸⁻²⁹ *Вместо:* предоставить значительную независимость — *было:* предоставления значительной независимости [свободы]
³⁰ *После:* утеснения — *зачеркнуто:* и контроля
После: годы — *зачеркнуто:* русского
³² *Вместо:* полное отделение — *было:* полную независимость
³⁷ *Вместо:* наших — *было:* русских
⁴⁰ *После:* блеском, — *зачеркнуто:* но все же она была

С. 188.

- ¹⁷ *Вместо:* для времени проявление — *было:* проявление для времени
^{24–25} *Вместо:* весь этот оргиазм был первой и последней манифестацией — *было:* это была первая и последняя манифестация
³³ *После:* восторгом — *зачеркнуто:* должно быть

С. 189.

- ¹¹ *После:* устранена — *зачеркнуто:* сама собой
¹⁴ *Вместо:* жертвовать — *было:* покупать
^{20–21} *Вместо:* Тогда же я застал на углу Среднего проспекта и 8-й линии художника Чехонина ораторствующего — *было:* На одной из линий Васильевского острова я застал художника Чехонина, ораторствующего
²⁸ *Вместо:* Постепенно — *было:* За это же время
После: Постепенно — *зачеркнуто:* тогда же

С. 190.

- ³ *Вместо:* улице — *было:* мостовой улицы
^{3–4} *После:* пригнанные — *зачеркнуто:* в последних
^{4–5} *Вместо:* В угрюмом — *было:* Угрюмо
¹⁰ *После:* зачем же их — *зачеркнуто:* право
¹¹ *После:* бросили — *зачеркнуто:* без
^{14–15} *Вместо:* показался мне настоящим «шарм□ром» — *было:* произвел на меня впечатление «шарм□ра»
¹⁶ *После:* Вообще — *зачеркнуто:* же
¹⁷ *После:* народу — *зачеркнуто:* но
После: однако — *зачеркнуто:* а. уже; б. и тогда уже
¹⁹ *После:* дворянин — *зачеркнуто:* и даже
²⁰ *Вместо:* как бы ведет свое начало от каких-то лунных чар, будто — *было:* «Лунная чара» как бы
²⁴ *Вместо:* Вскоре — *было:* Тогда же
²⁵ *Вместо:* побывав при его помощи — *было:* и при его помощи побывать
^{29–30} *Вместо:* Толково — *было:* Хорошо, толково
³⁰ *После:* Все же — *зачеркнуто:* я

С. 191.

- ¹ *Вместо:* вовсе — *было:* никак
³ *Вместо:* классу — *было:* слою общества
Вместо: Он и — *было:* И он
^{7–8} *Вместо:* конфискацию государством — *было:* а. ликвидацию; б. конфискацию; в. приобретение в пользу государства

- ⁸ *Вместо:* «законных» — *было:* легальных
После: «законных» — *зачеркнуто:* Уже такую реквизицию
- ⁹ *Вместо:* денежным — *было:* материальным
Вместо: Ввиду этого — *было:* Ввиду чего
Вместо: составить — *было:* создать
- ¹⁰ *После:* дворец — *зачеркнуто:* содержал
- ²² *После:* которого — *зачеркнуто:* впрочем
- ²⁷ *Вместо:* все реже — *было:* лишь изредка
- ³¹ *Вместо:* до того — *было:* назад
- ³² *Вместо:* дворецкого — *было:* управляющего
Вместо: Особенных — *было:* Впрочем, особенных
- ³³ *Вместо:* немецких школ — *было:* немецкой школы
- ³⁶ *Вместо:* целости — *было:* полном порядке
- ³⁷ *После:* Ватто — *зачеркнуто:* (лишь одну из этих Fêtes Galantes¹ можно считать за вполне достоверное произведение чудесного художника)
- ⁴⁰ *Вместо:* Оценено было все — *было:* Уплачено было за все

С. 192.

- ¹ *Вместо:* видел — *было:* вижу
- ¹⁻² *Вместо:* такой — *было:* этой
- ³ *Вместо:* однако — *было:* но все же
- ⁴⁻⁵ *Вместо:* провести две меры, которым я не сочувствовал. *Первая* мера заключалась в том, чтоб издать — *было:* наделать две глупости. *Первая* подготовить
- ⁷ *Вместо:* заключалось — *было:* было всегда
- ¹² *Вместо:* коллекций — *было:* собраний
- ¹³ *Вместо:* И в — *было:* Я как
- ¹⁵ *После:* тогда как — *зачеркнуто:* операция
- ²² *Вместо:* наш остановился на — *было:* моей жены на
- ²³⁻²⁴ *Вместо:* Сначала Анна Карловна — *было:* Она
- ²⁶ *После:* поместительной — *зачеркнуто:* дачей
- ²⁹⁻³⁰ *Вместо:* перебралась и вся семья — *было:* перебрались и все наши
- ³⁰ *После:* пятерых — *зачеркнуто:* тут
- ³¹ *Вместо:* племянница — *было:* кузина наша
- ³⁴ *Вместо:* юный — *было:* молодой
- ³⁵ *Вместо:* Впрочем — *было:* А, впрочем
- ³⁶ *После:* нам — *зачеркнуто:* пожалуй

¹ Галантных праздников (фр.).

С. 193.

- ¹ *После*: поселиться — *зачеркнуто*: нам
¹⁻² *Вместо*: слишком большой отдаленности — *было*: дали
⁵ *Вместо*: Кокой — *было*: Мотей
⁹ *Вместо*: Вспоминается — *было*: Помнится
¹² *Вместо*: печальный — *было*: такой
После: нашего — *зачеркнуто*: ново<го> самоуверенного
¹³⁻¹⁴ *Вместо*: в Пузырево я пробыл там всего дней пять, и впечатление — *было*: я пробыл на даче всего дней пять [в Пузыреве]. <2 нрзб.>
¹⁵ *Вместо*: самых приятных — *было*: веселых
¹⁷ *Вместо*: а — *было*: диван
¹⁸ *Вместо*: проспал первые две ночи — *было*: спал
Вместо: резиденцией — *было*: настоящей колонией
²¹⁻²² *Вместо*: Акица — *было*: моя жена
²² *После*: вещей. — *зачеркнуто*: В городе при квартире оставалась милейшая жена швейцара, которая нам в это короткое пребывание и прислуживала...
²³ *Вместо*: новой — *было*: большевистской
²⁷ *После*: успокоение — *зачеркнуто*: на фронте революции
После: и — *зачеркнуто*: тогда
²⁸ *После*: днем) — *зачеркнуто*: но [в чрезвычайной] в большой тревоге, так как
²⁹ *Вместо*: когда вдруг слышалась — *было*: начала слышаться
Вместо: однако — *было*: но
³⁰ *Вместо*: стрельба — *было*: перестрелка
³¹ *После*: помчался — *зачеркнуто*: от нас
После: города — *зачеркнуто*: (главное место боев было на Невском у Публичной библиотеки)
³⁴ *Вместо*: пальба — *было*: перестрелка
Вместо: после нескольких залпов — *было*: быстро
³⁸ *Вместо*: проезжал — *было*: проходил
Вместо: патруль — *было*: взвод

С. 194.

- ⁴ *После*: крамолой — *зачеркнуто*: что они и впредь готовы усмирить всякие попытки устроить мятеж.
⁷ *Вместо*: свою часть — *было*: своих товарищей
⁸ *Вместо*: гнетущее — *было*: тягостное
¹⁷ *После*: я — *зачеркнуто*: твердо
¹⁹ *После*: одиночество». — *зачеркнуто*: С восторгом я выбрался тогда из Петербурга и уже
²² *Вместо*: проливаться, но не — *было*: лить почти

- 22–23 *Вместо*: Все чаще попадались — *было*: Бывали и
 26 *Вместо*: живописных задач — *было*: мотивов
 27 *Вместо*: а — *было*: но
 29 *После*: болота. — *зачеркнуто*: В лесах
 30 *После*: сосен — *зачеркнуто*: и изредка
После: берез. — *зачеркнуто*: Пред всеми деревьями [нашли из
 травы] набрали <?> грибы и *какие* грибы: белые, [красные]
 подберезовики, грузди. Их дети и их друзья собирали их целы-
 ми грудами, и тут же Акица [из них] готовила из них чудесные
 блюда (даже и при ограниченном употреблении масла).
 31 *Вместо*: необычайную — *было*: необычайно усердную

С. 195.

- 2–3 *Вместо*: им после Брестского мира стало бессмысленно оста-
 ваться под большевистским режимом — *было*: англичанам стало
 слишком опасно оставаться [под] при большевистском режиме.
 3 *После*: режимом. — *зачеркнуто*: Брус был
 4 *Вместо*: прогулок вне нашей дачной территории — *было*: дале-
 ких прогулок
 9 *Вместо*: очень — *было*: слишком
 11 *Вместо*: набросился — *было*: разорался
 12 *После*: снимаешь? — *зачеркнуто*: Не знаешь, <нрзб.> что [те-
 перь]. Теперь
 15 *Вместо*: Однако — *было*: И все же
 28 *Вместо*: использовать создавшееся положение — *было*: пользо-
 ваться своими успехами
 28–29 *Вместо*: территорией выбывшей из строя — *было*: Российской
 выбывшей из строя
 30 *После*: и — *зачеркнуто*: что глупее всего
 37 *После*: от — *зачеркнуто*: милого гра<фа>
 38 *После*: до того. — *зачеркнуто*: Последний <нрзб.>

С. 196.

- 1–2 *После*: безнадежное — *зачеркнуто*: производившее впечатле-
 ние просто <?> безграничной <?> тупости и
 2 *После*: сулившее. — *зачеркнуто*: Ничто не вызывало какие-
 либо иллюзии в среде разбитого врага.
 5–6 *Вместо*: приближающейся и непреодолимой смуты. Многие
 наши знакомые — *было*: приближения чего-то очень смутного и
 неизбежного. Какие-то глупцы
 7 *Вместо*: оно — *было*: там
 7–8 *Вместо*: никчемных словопрений — *было*: безысходной бол-
 товни

- ¹⁰ *Вместо*: какие — *было*: как
- ¹² *После*: они — *зачеркнуто*: пали духо<м>
- ¹⁴ *Вместо*: но довольно часто я — *было*: напротив, я довольно часто
- После*: Луначарским, — *зачеркнуто*: который стано<вил-ся>
- ¹⁵ *После*: стала все более — *зачеркнуто*: и расчеты на больше-в<иков>
- ¹⁷⁻¹⁸ *Вместо*: катастрофического состояния, все более крепи. — *было*: того смутного состояния, в котором она оказалась. Менее всего
- ¹⁸⁻¹⁹ *Вместо*: все менее надежд теперь возлагали — *было*: менее всего надежд возлагается на Керенского и
- ²² *Вместо*: комнатах — *было*: третьем
- ²⁵ *Вместо*: правительственная деятельность теряет — *было*: <нрзб.> функции теряют
- ²⁶ *Вместо*: едва сам еще верит — *было*: скорее уже сам не верит
- ²⁷ *Вместо*: пронесся слух — *было*: а. уже говорится; б. проносится слух
- ²⁸ *После*: *скрылся* — *зачеркнуто*: добровольно покинул политическую арену и т.д.
- ³⁶ *После*: Однако — *зачеркнуто*: а. побыв немного в Анапе; б. осмотревшись
- ³⁷ *После*: поспешили — *зачеркнуто*: отказаться от дачи <нрзб.>

С. 197.

- ³ *После*: неузнаваемой; — *зачеркнуто*: благодаря той
- ¹³ *Вместо*: произвел на меня — *было*: оставил во мне
- ¹⁵ *Вместо*: было — *было*: стало
- ¹⁸⁻¹⁹ *Вместо*: поддержать народную власть — *было*: осознать ту власть, которую она получила, и прийти на помощь советск<ой>
- ²⁴ *Вместо*: Л<уначарский> — *было*: он
- ³⁵ *После*: подавленную — *зачеркнуто*: сторонниками Временного правительства
- ³⁶ *Вместо*: быстро — *было*: <нрзб.> круто
- ³⁸ *Вместо*: победители — *было*: видимо, устроители

С. 198.

- ³ *Вместо*: произнесено — *было*: сказано
- После*: не — *зачеркнуто*: уже одряхлевшим
- ⁴ *Вместо*: новыми людьми — *было*: большевиками
- После*: Они — *зачеркнуто*: обещают мир, они и дадут его,

- ⁹⁻¹⁰ *Вместо:* чиновники шли на службу, трамваи мчались по рельсам — *было:* как ни в чем не бывало, меломаны посещали концерты, ходили трамвай
- ¹⁰ *Вместо:* но — *было:* однако
- ¹³ *После:* дров — *зачеркнуто:* и по мере того что [холод снаружи] погода становилась все более суровой
Вместо: С лета — *было:* Теперь
После: правительство — *зачеркнуто:* с [осени] лета
- ¹⁵ *Вместо:* еще — *было:* совсем
- ¹⁶ *Вместо:* ему — *было:* им
После: смотры — *зачеркнуто:* и подымал их дух
- ¹⁸ *Вместо:* положиться — *было:* полагаться
- ²⁰ *После:* делам — *зачеркнуто:* по городу
- ²¹ *После:* дворца — *зачеркнуто:* а. — к Дворцовому мосту; б. и через Дворцовый мост
После: площади — *зачеркнуто:* перед дворцом.
- ²⁴⁻²⁵ *Вместо:* движутся какие-то темные массы, но что они представляют собой, — *было:* темнеет какая-то темная масса. Все же
- ³⁸ *После:* агония; — *было:* и смертельно бо<льной>

С. 199.

- ²⁰ *Вместо:* становилась — *было:* стала
- ²¹⁻²² *После:* перестрелка, — *зачеркнуто:* к чему
- ²⁶ *Вместо:* видно было, как — *было:* то и дело
- ²⁸⁻²⁹ *Вместо:* увенчивающей крышу дворца — *было:* дворца
- ³⁴ *Вместо:* в упор по дворцу — *было:* в последний в упор

С. 200.

- ³ *Вместо:* любопытство — *было:* тревога
- ⁴ *После:* <н>его. — *зачеркнуто:* Однако
- ¹⁰ *После:* видно, — *зачеркнуто:* [ибо] отчасти и двор, и
После: был — *зачеркнуто:* сокрыт от глаз <нрзб.>
- ¹⁰⁻¹¹ *Вместо:* заслонен целыми стенами — *было:* стояла целая стена
- ²¹ *После:* вид. — *зачеркнуто:* Как этим <?> он
- ³¹ *Вместо:* мне — *было:* нам всем
- ³³ *После:* отрекомендовался — *зачеркнуто:* мне
После: читателя. — *зачеркнуто:* Он
- ³⁶ *После:* был — *зачеркнуто:* [совершенно] самый
- ³⁷ *После:* манеры — *зачеркнуто:* были
Вместо: известную — *было:* некоторую
- ³⁹ *После:* мог бы — *зачеркнуто:* и
- ⁴⁰ *После:* роль — *зачеркнуто:* какого-либо

С. 201.

- ² *После:* росписи — *зачеркнуто:* каких-то
³ *Вместо:* революционера — *было:* большевика
⁴ *Вместо:* гордился — *было:* хвастался
⁵ *После:* явились — *зачеркнуто:* еще
⁶ *Вместо:* обосновалось — *было:* а. образовалось; б. засело новое правительство
⁷⁻⁸ *Вместо:* новому правительству — *было:* там
⁹ *После:* полномочиями — *зачеркнуто:* по
После: предмет — *зачеркнуто:* всяческой
¹⁵⁻¹⁶ *Вместо:* художественных — *было:* государственных
¹⁷ *После:* выдающуюся — *зачеркнуто:* художественную
¹⁹ *Вместо:* ближайшего — *было:* первого
²⁰ *После:* следующий — *зачеркнуто:* же
²¹⁻²² *После:* привлечь — *зачеркнуто:* на общее дело
²⁴ *После:* меня — *зачеркнуто:* назвали
²⁴⁻²⁵ *Вместо:* 28 октября — *было:* на следующий день
²⁵ *После:* дворце — *зачеркнуто:* все собираше
²⁶ *После:* Аргутинский. — *зачеркнуто:* Получилось нечто основы какой-то новой комиссии.
²⁹ *После:* все — *зачеркнуто:* а. три дня <?>; б. последние
³² *После:* во дворце — *зачеркнуто:* даже и при его взятии большевиками
³³ *Вместо:* Пожаловал на это первое наше собрание в Зимнем дворце — *было:* На это первое наше заседание в Зимнем дворце пожаловал
³⁵ *Вместо:* через час — *зачеркнуто:* [к концу] собирает<ся>

С. 201–202.

- ³⁵⁻¹ *Вместо:* Свою речь Анатолий Васильевич — *было:* Речь Анатолия Васильевича

С. 202.

- ¹⁻³ *Вместо:* «Владимир Ильич стремится с вами всеми познакомиться, вас же, Александр Николаевич, он — *было:* «вас же, Александр Николаевич, Владимир Ильич
³ *Вместо:* взять на себя — *было:* принять <нрзб.>
⁴ *Вместо:* таковое, однако, тогда — *было:* которое пока
⁵ *Вместо:* даже в проекте — *было:* вовсе
⁸ *После:* буквально в — *зачеркнуто:* совершенный
⁹ *После:* отказался. — *зачеркнуто:* Однако
¹⁰ *Вместо:* не явился — *было:* опять и прождали мы <нрзб.> целый час, однако Ленин к нам не пожаловал, да и не пожаловал во все следующие дни

- 11 *После:* контакт — *зачеркнуто:* с ним
- 13 *После:* месте — *зачеркнуто:* Дневника
- 18 *Вместо:* назначением — *было:* поручением
- 20 *После:* весь — *зачеркнуто:* его
- 22 *Вместо:* но — *было:* однако
- 24–25 *Вместо:* Это отделение — *было:* а. Эти комнаты; б. Эта половина
- 27 *После:* столах — *зачеркнуто:* и комодах
- 30–31 *После:* престола» — *зачеркнуто:* членов императорской фамилии, которые он затем много дней носил на себе в своем бумажнике, не зная, куда их сдать на хранение. Их он демонстрировал при каждом удобном случае и однажды он это сделал у нас в самой семейной обстановке за вечерним чаем*.
- 34 *Вместо:* в августе — *было:* осенью
- 35 *Вместо:* выбрать себя — *было:* себя выбрать
- 38 *Вместо:* затем пробыл до своей — *было:* оставался до 1928 г., когда уже, будучи в

С. 203.

- 1 *Вместо:* этом — *было:* нашем
- 3 *Вместо:* удалены — *было:* изъяты
После: многие — *зачеркнуто:* однако
- 6 *После:* дни, — *зачеркнуто:* была
После: под — *зачеркнуто:* бдительной
- 10 *Вместо:* значительными — *было:* ощутительными
- 14 *Вместо:* глубокое — *было:* глубочайшее
- 14–15 *Вместо:* при виде того, во что были превращены как раз два — *было:* как раз от состояния двух
- 15–16 *Над словом:* значительных — *вписано и зачеркнуто:* замечательных
- 18 *Вместо:* «победители» — *было:* победное воинство
- 20–21 *Вместо:* первая — та сводчатая комната в нижнем этаже, что выходит окнами на Адмиралтейство и что — *было:* та выходящая окнами на Адмиралтейство сводчатая комната (верхняя «антресошь»), которая
- 24 *После:* масса — *зачеркнуто:* всяких
После: письменных — *зачеркнуто:* предме<тов>
- 25 *После:* людей; — *зачеркнуто:* тут же
- 27 *После:* частью — *зачеркнуто:* чисто
- 29 *После:* усеян — *зачеркнуто:* всякими
- 34 *Вместо:* целым — *было:* «ансамблем»
- 36 *После:* картину — *зачеркнуто:* самого
- 37 *Вместо:* Таковую же мерзость запустения являл — *было:* Не менее печальное зрелище погрома производил

- ³⁸ *После:* Александру I — *зачеркнуто:* (еще при
³⁸⁻³⁹ *Вместо:* он был отделан — *было:* отделанным
⁴⁰ *После:* была — *зачеркнуто:* в точности

С. 204.

- ⁴ *Вместо:* И здесь — *было:* Но и
Вместо: уставлен — *было:* покрыт
⁸ *После:* сюжетами. — *зачеркнуто:* Все в целом представляло собой целое. Но и в этом покое прекрасный интерьер мы застали теперь в таком же хаотическом состоянии. Пол был
¹⁰⁻¹¹ *Вместо:* всевозможными бумагами и поломанными вещами. Картины и рисунки — *было:* бумагами, фотографиями, рисунками и другими всевозможными бумагами и всякими сломанными вещами, среди которых светились своими красками почти вдребезги разбитые стереоскопические диапозитивы, служившие Александру Николаевичу воспоминаниями приятно проведенных [[часов]в Париже дней] в европейских столицах дней. Акварели К. Верне
¹² *После:* и — *зачеркнуто:* все
¹⁴ *Вместо:* в своей наивности — *было:* в своем наивном представлении
¹⁵ *Вместо:* свои — *было:* свою мощну и всякие
²⁰ *После:* них — *зачеркнуто:* меня
²² *После:* вот — *зачеркнуто:* как сама эта скульптура, так и
²⁵ *После:* как — *зачеркнуто:* те же
²⁶ *Вместо:* вот — *было:* от всех
²⁷⁻²⁸ *Вместо:* бережно обходили их в своих тяжелых сапожищах — *было:* крайне бережно толкались в своих тяжелых сапожищах вокруг
³² *После:* висевший — *зачеркнуто:* («подальше от глаза»)
³⁴ *Вместо:* сложную — *было:* целую
Вместо: Портрет — *было:* Его
³⁵ *После:* виде: — *зачеркнуто:* вернее
Вместо: он — *было:* портрет
³⁶ *После:* слой — *зачеркнуто:* краски

С. 205.

- ³ *После:* острым!* — *зачеркнуто:* К счастью, имеется в московской Третьяковской галерее сделанное [тогда же, когда писал] самим художником абсолютно точное повторение этого превосходного произведения.
⁷ *После:* переворота — *зачеркнуто:* и до возобновления
⁷⁻⁸ *Вместо:* Я имею в виду «спасение» чудесного Строгановского дворца — *было:* Он заключался в том, [как] [что была] как был спасен чудесный Строгановский дворец

- ⁸ *Вместо*: я — *было*: у меня
- ⁹ *После*: питал — *зачеркнуто*: какой-то
Вместо: питал особый интерес — *было*: с детства какое-то особое пиететное отношение
После: ему же — *зачеркнуто*: в первую очередь
- ⁹⁻¹⁰ *Вместо*: первый — *было*: целый
- ¹¹ *После*: Луначарский — *зачеркнуто*: в тревоге
- ¹³ *Вместо*: при — *было*: под
- ¹⁴ *Вместо*: нового правительства — *было*: советского начальства
После: народилось — *зачеркнуто*: тогда
- ¹⁵ *Вместо*: В первую голову — *было*: Анатолию
Вместо: Луначарскому — *было*: комиссару Народного просвещения
- ¹⁷ *Вместо*: историческую — *было*: художественную
Вместо: он — *было*: дворец
- ³⁵ *Вместо*: сдана — *было*: передана
- ³⁹ *После*: постановок — *зачеркнуто*: историчес<ких>

С. 206.

- ³ *Перед*: Заседание — *зачеркнуто*: И тут произошло [какое<-то>] недоразумение, которое чуть было не испортило всего дела.
- ¹¹ *После*: Луначарский — *зачеркнуто*: понял
- ²⁵ *После*: отперты; — *зачеркнуто*: О ужас!
- ²⁹⁻³⁰ *Вместо*: занавески, ковры — *было*: и скульптуры
- ³⁰ *После*: даже — *зачеркнуто*: (ввиду готовящейся эвакуации)
- ³² *Вместо*: не был внутри — *было*: не видал
После: десять — *зачеркнуто*: (хозяин его — последний граф Строганов жил безвыездно за границей)
- ³⁴ *После*: и — *зачеркнуто*: дом
- ³⁵ *После*: не обитаем) — *зачеркнуто*: — а. для; б. так что и для меня

С. 207.

- ¹ *После*: Одновременно — *зачеркнуто*: для переговоров
- ² *После*: другой — *зачеркнуто*: дом
- ³ *После*: и — *зачеркнуто*: тогда <?>
После: успокоились — *зачеркнуто*: что от всей обещанной роскоши ничего не осталось [не было видно], вернее, что от нее ничего нельзя было видеть. Все хоромы (ввиду помещения в них лазарета) были заделаны досками или затемнены парусиной, [[Все] Нигде ни одной картины, ни одной какой-либо изящной мебели —] а предварительно все было снято со стен и уложено в ящики — для эвакуации. Нигде ни одной картины!

Матросы не [сочли нужным скрывать] скрывали своего недоумения, а то и [возмущения] негодования. Они были уверены, что мы их собирались обмануть, и они громко и грозно стали протестовать, снова требуя, чтоб им [эти комнаты дали под клуб] все это помещение было <нрзб.> предоставлено. [И снова Лунначарскому пришлось отстаивать свои позиции...] Помнится, что так тогда ни на чем не порешили, и пришлось Анатолию Васильевичу [прибегнуть] воздействовать уже «через Смольный» и [уже] в [тоне] форме решительного *приказа*. [К тому же <нрзб.>] Одновременно товарищам-морьякам было подыскано более для клуба подходящее помещение, и они успокоились.

- ⁴ *После:* той — *зачеркнуто:* эффектной
- ⁶ *После:* дворца, — *зачеркнуто:* эта речь была действительно эффектна, однако
Вместо: куда — *было:* в которую
- ⁸ *После:* была — *зачеркнуто:* действительно
- ⁸⁻⁹ *Вместо:* перехватил — *было:* переборщил
- ¹² *Вместо:* произнес — *было:* выкрикнул
- ¹⁴ *Вместо:* вовсе — *было:* совершенно
- ¹⁵ *Вместо:* Мне показалось, что — *было:* а. Напротив; б. Тогда
- ¹⁷ *После:* этих — *зачеркнуто:* людей
- ¹⁷⁻¹⁸ *Вместо:* в оценке этих царских слуг. Позже — *было:* считая этих дворцовых слуг за [какую<-то>] каких-то низменных холопов. Мои
- ¹⁸ *После:* Позже — *зачеркнуто:* мои
Вместо: их — *было:* этих людей
- ²⁰ *Вместо:* это — *было:* они
- ²¹ *После:* оставались — *зачеркнуто:* более
- ²²⁻²⁴ *Вместо:* (многие занимали свои посты по наследству, от отца к сыну). Это была очень обособленная и в своем роде вполне достойная каста. — *было:* (очень многие среди них были «наследственными слугами») и что их приучили почитать и любить.
- ²⁹⁻³⁰ *Вместо:* острая тревога — *было:* острое беспокойство
- ³³ *После:* дворцов — *зачеркнуто:* и музеев
Вместо: Осаждающие — *было:* Но эти осаждающие
- ³⁴ *Вместо:* думали мы — *было:* думалось
- ³⁵ *Вместо:* потому — *было:* даже

С. 208.

- ² *После:* Ленин — *зачеркнуто:* взял ее обратно
Вместо: ее — *было:* свою отставку
- ³ *Вместо:* мы — *было:* что

- ⁹ *Вместо*: они не коснулись — *было*: не касаются
¹⁰ *Вместо*: канонаду — *было*: осаду
¹¹ *После*: на — *зачеркнуто*: Васильевском
¹³ *Вместо*: Сразу — *было*: Почти сразу
После: и — *зачеркнуто*: сердце <2 нрзб.>
¹⁴ *Вместо*: больно — *было*: жалко
Вместо: там — *было*: это
²¹ *После*: и — *зачеркнуто*: мы снова
²¹⁻²³ *Вместо*: к последним имеющимся у меня здесь отрывкам, начинающимся с записи, помеченной — *было*: к последнему фрагменту, начинающемуся под числом
²⁵ *После*: победой — *зачеркнуто*: на фронте
²⁶ *После*: фронте — *зачеркнуто*: внутренние <?>
²⁷ *После*: Здесь — *зачеркнуто*: напротив
²⁹ *Вместо*: кто — *было*: которые
После: кто — *зачеркнуто*: вроде всей нашей группы
³¹ *После*: иметь — *зачеркнуто*: с ним какие-то сношения и
³⁶ *После*: вандализм — *зачеркнуто*: (изуверств)
Вместо: тогда — *было*: когда
³⁷ *Вместо*: монастыри — *было*: монастырь
После: Воскресенский — *зачеркнуто*: [а кроме] а главное <?>, бессмысленно стерт с земли древнейший московский памятник — крошечный, «никому не мешавший» Спас на бору.

С. 209.

- ¹ *Вместо*: болевшей — *было*: болевших
² *Вместо*: довольно-таки — *было*: и очень
⁴ *После*: усилий — *зачеркнуто*: (и при великом терпении)
⁵ *После*: свою — *зачеркнуто*: эту
⁷ *После*: раз — *зачеркнуто*: и очень
После: нам — *зачеркнуто*: и
⁹ *Вместо*: Особенно — *было*: В этом особенно
¹¹ *После*: переворота, — *зачеркнуто*: в измене своему кл<ассу>
После: в связи с — *зачеркнуто*: чем
¹⁸ *После*: со мной — *зачеркнуто*: однако все же продолжал посещать наши собрания
²³ *Перед*: Возобновляется — *зачеркнуто*: а. И так, теперь; б. Теперь можно снова обратиться к Дневнику.
После: Возобновляется — *зачеркнуто*: для нас
²⁹ *После*: года — *зачеркнуто*: Аргу<тинский>
После: Владимир, — *зачеркнуто*: прямо <?>
³¹ *Вместо*: хранителя Отделения — *было*: моего помощника — по отделению

- ³² *После:* службу — *зачеркнуто:* мне удалось
Вместо: главенством — *было:* управлением
³⁶⁻³⁷ *После:* не выдержал — *зачеркнуто:* больше восьми лет

С. 210.

- ¹⁸ *Вместо:* Положение — *было:* И положение
²² *После:* принятие — *зачеркнуто:* каких

С. 212.

- ¹ *После:* «мужественная» — *зачеркнуто:* (или выдающая «испуг до конца»)
¹⁻² *После:* Голод — *зачеркнуто:* и в армии
¹² *Вместо:* на — *было:* помещенной по
²⁹ *Вместо:* намекая — *было:* указывая
³² *После:* понес — *зачеркнуто:* какую-то
³⁴ *После:* отказались... — *зачеркнуто:* Петров-Водкин снова взывал к «энергии» и «серьезу» и выступил в защиту совета Головина, когда я напомнил о том, что Временное правительство, без малейшего протеста со стороны этого совета, стало заселять Зимний дворец и, наконец, само туда перекочевало. По словам совета Головина, было предложено на выбор: или чтоб Зимний был занят Временным правительством, или чтоб туда водворился Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, или же просто какая-то военная часть. Совет-де и предпочел Временное правительство.
³⁵ *После:* что — *зачеркнуто:* до сих

С. 213.

- ⁶ *После:* резюме, — *зачеркнуто:* неизменно и
¹⁷ *После:* дни — *зачеркнуто:* и тихий сон
²² *После:* сообщил — *зачеркнуто:* — <нрзб.> «совсем по-гимназически» по<..?>, впавший в детство, рамоллический <?>, Со-логуб*

С. 214.

- ⁸ *После:* я — *зачеркнуто:* к великой радости моей
¹² *После:* победителям — *зачеркнуто:* что Вы сразу порвали с гг. Луначарским и пр. Рассейте этот кошмар, Александр Николаевич, в котором кровь истерзанных жертв, вопли насилуемых

* Настя Чеботаревская, [напротив,] вся fer et flammes [железо и пламя (фр.). — *Перев.*]. Она так и вцепилась после заседания в Кирсанова (Корсакова?). Напротив, сам Федор хранил упорное молчание, вперив унылый взор в председателя.

женщин, гибель произведений искусства заставляют меня с мучительным вопросом думать о Вас

¹⁵ *После: Ваш В. — зачеркнуто:*

Здесь в рукописи пропуск одного дня.

²⁸ *Вместо: следующее — было: следующие проявления <нрзб.>*

²⁹ *Вместо: в котором — было: как*

³⁴ *После: в — зачеркнуто: предельной*

³⁵ *Вместо: твердить — было: лепетать*

С. 215.

² *После: в — зачеркнуто: духе*

После: некоей — зачеркнуто: монденной

⁴ *Вместо: платят свыше — было: начиная с*

⁵ *Вместо: Приказ — было: Декларация*

⁹ *Вместо: выпекать — было: от выпечки*

²⁰⁻²¹ *После: поразило — зачеркнуто: за вчер<ашний>*

С. 215–216.

²⁹⁻¹ *Вместо: ориентации — было: классификации*

С. 216.

² *После: vague). — зачеркнуто: Однако он не порвал с редакцией «Речи» и там бывает.*

¹⁰ *После: игры» — зачеркнуто: («балканский вопрос исчерпан»)*

²⁰ *После: нет — зачеркнуто: уж*

³⁶ *После: моих — зачеркнуто: стоящих открытыми*

С. 219.

⁵ *Вместо: Долгоруковой — было: Долгорукой*

С. 220.

² *Вместо: старался убедить — было: почти убедил*

С. 221.

²⁵ *После: большевика). — зачеркнуто: Слишком многое теперь от этого «факта» зависит, да и действительно надо спешить (если и в таком угорелом темпе, как того желают новые хозяева, ничего в данной сфере не смыслящие!).*

³⁵ *После: ответственности — зачеркнуто: и что на субботу*

⁴⁰ *Вместо: Без — было: И без*

С. 222.

² *Вместо: вообще — было: теперь*

- ⁷ *Вместо*: совсем еще не выяснены — *было*: все еще не знаем
¹⁴ *После*: день! — *зачеркнуто*: Одного все же мне удалось достичь:
¹⁴⁻¹⁵ *Вместо*: заторопившись — *было*: заторопился
²¹ *Вместо*: отказать — *было*: отменить

С. 223.

- ² *После*: в — *зачеркнуто*: февр<але>
³ *Вместо*: В первую голову — *было*: Говоря более конкретно
⁴ *После*: создание — *зачеркнуто*: русской гал<ереи>
⁶ *После*: пор... — *зачеркнуто*: При <нрзб.>
¹³ *После*: деятельности. — *зачеркнуто*: И
³¹ *После*: бездарности... — *зачеркнуто*: В данную минуту моей прямой обязанностью остается по возможности канализировать эту лаву — в той сфере, которая мне более близка, — в сфере искусства. В этом моя неотложная миссия. Надо спасти мировые ценности. Если же после нынешнего периода «бури и натиска» окажется, что эти новые люди обладают и подлинными творческими силами, то тут всегда можно будет помочь и по существу!
³⁸ *Вместо*: Но уже к — *было*: К

С. 224.

- ⁴ *Вместо*: уже неделю — *было*: неделю уже
¹² *После*: Петрушки*. — *зачеркнуто*: Прошлой ночью снился очень страшный кошмар.

С. 225.

- ⁵ *Вместо*: как раз — *было*: еще
⁸ *Вместо*: Он прямо — *было*: и
¹² *Вместо*: — наслаждался там — *было*: и он там
¹⁸ *После*: сначала — *зачеркнуто*: очень
¹⁹ *Вместо*: «Правду» — *было*: его
²⁵ *Вместо*: довольно — *было*: особенно
³⁴ *После*: возбуждением — *зачеркнуто*: как

С. 226.

- ⁹⁻¹⁰ *Вместо*: между тем этот переворот может — *было*: переворота, могущего
¹⁰ *Вместо*: во всяком случае, может — *было*: во всяком случае, могущего
¹³⁻¹⁴ *После*: совесть» — *зачеркнуто*: ничем не вызванное вторжение в частную [жизнь] собственность
¹⁷⁻¹⁸ *Вместо*: уже заявили, что желают — *было*: хотят
¹⁸ *После*: завладеть — *зачеркнуто*: самовольно

С. 227.

- ²⁵⁻²⁶ *После*: не обмолвились. — *зачеркнуто*: Рассказы Л<уначарского> вызвали во мне воспоминания о «дягилевских настроениях», и, пожалуй, Луначарский как раз состоит у большевиков на том же амплуа, какое я занимал при Дягилеве, — однако с большей примесью личного безумия и как-никак «во всероссийском масштабе». В таком же случае
- ³⁷ *После*: многое — *зачеркнуто*: такое

С. 228.

- ² *Вместо*: черепнинской — *было*: черепнинский балет
- ⁵ *Вместо*: захват — *было*: спектакль
- ⁷ *После*: фейерверков — *зачеркнуто*: они произведут
- ⁹ *Вместо*: что-нибудь — *было*: что-либо
- После*: прочное*. — *зачеркнуто*: Во всяком случае
- ¹¹ *Вместо*: несравненно — *было*: еще
- ²⁸ *После*: 7 часов — *зачеркнуто*: и я уже был
- ³² *После*: благоглупости — *зачеркнуто*: что мямлило собравшееся старичье
- ³⁷ *После*: для — *зачеркнуто*: построения
- ³⁸ *После*: Сталин — *зачеркнуто*: и вся прочая

С. 229.

- ⁴ *После*: я — *зачеркнуто*: попросил слова и
- После*: в которой — *зачеркнуто*: я
- ¹⁶ *После*: первый — *зачеркнуто*: пылал
- ²⁴ *Вместо*: таковые — *было*: такие
- ³⁸ *Вместо*: не иди депутацией — *было*: не уйти депутации

С. 230.

- ²⁰ *После*: отправить (?) — *зачеркнуто*: доставить (?)
- ²³ *После*: тебя — *зачеркнуто*: крепко (?)
- ²⁵ *После*: вернее. — *зачеркнуто*: Я писал ему. <нрзб.> пользуясь <нрзб.>, но не знаю, получила ли она. Если возможно, будь добр, или Анна Карловна, позвоните, и скоро приеду.
- ³⁶ *После*: что — *зачеркнуто*: он

С. 231.

- ⁹ *После*: Муравьевы — *зачеркнуто*: гораздо
- ²⁵ *После*: искренности — *зачеркнуто*: он
- ³⁰ *Вместо*: он высказал — *было*: высказал он
- ³¹ *После*: ныне — *зачеркнуто*: владеют их умом и
- После*: они — *зачеркнуто*: их золотым

С. 232.

- ³ *Вместо*: сославшись на — *было*: напомнив ему
⁵ *Вместо*: правительство — *было*: кабинет
⁶ *Вместо*: Мой — *было*: Этот
⁶⁻⁷ *Вместо*: сформулированный столь категорическим образом —
было: в столь категорической фразе
⁷⁻⁸ *Вместо*: нужное впечатление, и — *было*: такое впечатление,
что
¹⁶ *Вместо*: Если и — *было*: Если-де
²⁰ *После*: примеров — *зачеркнуто*: из жизни
²² *Вместо*: Кстати сказать, эту — *было*: Эту
²³⁻²⁴ *Вместо*: я представляю себе — *было*: надо [я] себе представ-
лять
³² *После*: дворец*. — *зачеркнуто*: Первая

С. 232–233.

- ³²⁻¹ *Вместо*: его «декретом» — *было*: составлением декрета

С. 232.

- ³⁴ *После*: машины! — *зачеркнуто*: Доех<ав>

С. 233.

- ² *После*: обилию — *зачеркнуто*: добрых <?>
После: тогда — *зачеркнуто*: было
³ *После*: вопросов — *зачеркнуто*: небольшой
⁶⁻⁷ *Вместо*: я, Вейнер и еще кто-то — *было*: я и еще кто-то ([Вей-
нер?] Половцов?)
²¹ *После*: пожаловал — *зачеркнуто*: (без приглашения?)
³² *После*: правда — *зачеркнуто*: в сообщении Шрейдера <?>*
³³ *Вместо*: ставят условием — *было*: требуют очеред<..?>
³⁴ *Вместо*: Мне — *зачеркнуто*: Однако мне
После: это — *зачеркнуто*: типичная эсерская
³⁴⁻³⁵ *Вместо*: Однако не — *было*: — Не
³⁵ *После*: Винавер? — *зачеркнуто*: Во всяком случае, такое тре-
бование немцев (а также их категорические заверения, что они
будут считаться только с Учредительным Собранием) означало
бы косвенно необоснованность всех наговоров на подкуплен-
ность Ленина и Троцкого.

С. 234.

- ³ *После*: большевиков, — *зачеркнуто*: чтоб мы порвали с ними.
Тут же и новый тончик. Теперь он уже толкует, что войну не
все с самого начала *ненавидели*. Где у этих людей память? Впро-

чем, это простейшая форма самооправдания. Ведь даже Платер теперь сюсюкает, что «войну надо было кончить».

¹⁹ *После:* уродливого — *зачеркнуто:* и пошлого

Вместо: те же перепевы — *было:* та же отыжка

²¹ *После:* кадетом. — *зачеркнуто:* Прохожие его читают.

²⁸⁻²⁹ *Вместо:* обыкновению — *было:* принципу

³⁰ *После:* как — *зачеркнуто:* это

После: происходит — *зачеркнуто:* эта

После: процедура. — *зачеркнуто:* У наших девиц операция прошла благополучно, а вот швейцар Аргутинского рассказывает, что там, где он клал, у урн стояли свирепого вида солдаты, которые грозно взглядывали на каждого, кто баллотировал за кадетов.

³¹ *Вместо:* мирное — *было:* спокойное

³³ *Вместо:* иллюзию — *было:* впечатление

С. 235.

⁴ *После:* Все же — *зачеркнуто:* внутри меня

⁵ *После:* даже — *зачеркнуто:* какое-то

⁸⁻⁹ *Вместо:* продолжающим саботировать — *было:* саботирующим

¹³ *После:* и — *зачеркнуто:* какое-то типично российское

²¹ *После:* чему-то — *зачеркнуто:* уже

³⁰ *После:* молодых — *зачеркнуто:* и лучших

³¹ *Вместо:* При этом — *было:* И притом

³³ *После:* державу?»! — *зачеркнуто:* Мое положение ухудшается уже потому, что я как раз органически физически и морально просто не обладаю теми силами, которые нужны для того, чтоб играть хотя бы некоторую общественную, а тем паче политическую роль. Я это попробовал в марте, но меня сразу смяли люди и обстоятельства. Лучше было бы теперь мне совершенно отойти, благо уже наладилась какая-то конференция <?> и уже приготовлен новый декрет об охране. Намечены и кое-какие общие положения о применении бюрократического аппарата бывшего М-ва Двора к обслуживанию новых начинаний по расширению отдела музеев, к которым присоединены все дворцы.

³⁴ *Вместо:* печали — *было:* раздражения

³⁵ *После:* новой — *зачеркнуто:* по<сланницей>

С. 236.

⁶⁻⁷ *Вместо:* ту же музыку в исполнении — *было:* игру Акицы (на Малой <нрзб.>) под

⁸ *После:* что — *зачеркнуто:* они чуть не заболели от восторга, когда

- ¹³ *После*: абсолютно — *зачеркнуто*: тяжело <?>
¹⁵ *После*: блистать — *зачеркнуто*: своей
¹⁷ *После*: в — *зачеркнуто*: его
²⁴ *После*: мне — *зачеркнуто*: очень
²⁹ *Вместо*: зайти к Аргутону — *было*: побывать у Аргутона
³² *Вместо*: революционной — *было*: большевистской
После: Однако — *зачеркнуто*: не отъехав далеко от театра, мы едва не раздавили какого-то подскользнувшегося матроса, а

С. 237.

- ⁸ *После*: не пускали — *зачеркнуто*: товарищи
¹¹ *После*: погребу... — *зачеркнуто*:
По Костиным сведениям, его приятель Брайкевич был одно время товарищем министра Просвещения.
¹³ *Перед*: Плохо — *зачеркнуто*: Плохо спал, все тот <же> вихрь мыслей вокруг моего «участия» и моей неспособности, вокруг молодых и старых стариков и, наконец, просто вокруг страха за личное будущее и просто — от повальной человеческой глупости.
¹⁴ *Вместо*: т.д. — *было*: вокруг старых и молодых стариков.
²⁷ *После*: что — *было*: были созданы
³¹ *Вместо*: обыкновению — *было*: основному убеждению
³² *Вместо*: районе — *было*: околотке
³³ *После*: заседает — *зачеркнуто*: на
После: лестницы — *зачеркнуто*: Академ<ии>

С. 238.

- ³ *После*: конверт, — *зачеркнуто*: затем
¹⁰ *Вместо*: побывать у — *было*: к
²¹ *После*: Я — *зачеркнуто*: дал
²⁴⁻²⁵ *Вместо*: Опасаются — *было*: Опасения
²⁷ *Вместо*: но — *было*: лишь

С. 239.

- ¹³ *Вместо*: Меня — *было*: Да и в дальнейшем меня не раз
¹⁵ *Вместо*: сообщена сенсационная новость — *было*: рассказана легенда
После: большевиков — *зачеркнуто*: а. в; б. при сотрудничестве двоих <?> у немцев
¹⁵⁻¹⁶ *После*: существовал — *зачеркнуто*: план заранее
¹⁹ *После*: дворца — *зачеркнуто*: также
²² *После*: я — *зачеркнуто*: чуть ли не
²⁵ *После*: немцы — *зачеркнуто*: до сих пор
³³ *После*: вокруг — *зачеркнуто*: ее временно не видеть стало

С. 240.

- ⁶ *После:* надежное — *зачеркнуто:* место
⁷ *После:* музей. — *зачеркнуто:* Дома лежало приглашение на завтра, подписанное Игнатовым, по вопросу о составе «совета». Кошмар продолжается, но я все же теперь спокойнее, с тех пор что внутри меня выработался некий «более толковый» отказ от публичности.
¹⁵ *После:* не — *зачеркнуто:* рук
После: Фрагонара. — *зачеркнуто:* Дивная лунная ночь!
¹⁶ *Вместо:* За полтора часа до отъезда — *было:* Как раз перед отъездом
²¹ *Вместо:* всей этой — *было:* той
После: пошлятины — *зачеркнуто:* которую несли
³¹ *После:* Зимнем. — *зачеркнуто:* Подходя, уже издали я
³³ *После:* прошел — *зачеркнуто:* по коридор<ору>
³⁴ *После:* собрания — *зачеркнуто:* (служебное)

С. 241.

- ²⁷ *Вместо:* с одними — *было:* только
²⁸ *После:* вина — *зачеркнуто:* рассованы и
³² *После:* увидим — *зачеркнуто:* (против чего я ничего не имею)

С. 242.

- ¹ *После:* сразу — *зачеркнуто:* обратился
¹⁻² *Вместо:* тревожное — *было:* страстное
³ *После:* сведение — *зачеркнуто:* о том
⁵ *После:* от — *зачеркнуто:* его
⁶ *Вместо:* ему выразить официально — *было:* выразить ему
¹⁰ *После:* «охраной»; — *зачеркнуто:* но Л<уначарский> бы <нрзб.> и был бы
²⁵ *После:* придется — *зачеркнуто:* подать
³⁶⁻³⁷ *После:* выдает — *зачеркнуто:* Анатоли<ия>
³⁸ *После:* оказываются — *зачеркнуто:* с его слов

С. 243.

- ⁷⁻¹⁰ *Вместо:* вдруг объявил, что Россия — какой-то «винэгрет народов», а Петрограду без Украины просто «гхибель», что Украина его *кормит* и без украинского хлеба он сдохнет с «голоду». — *было:* объявил Россию каким-то «винэгретом народов», а Петрограду заявляет, что без нее ему грозит «гхибель».
²⁷ *После:* будет — *зачеркнуто:* сломанное
²⁸ *После:* сломанного — *зачеркнуто:* удастся
Вместо: починено — *было:* склеено

- ²⁹ *После:* стекла — *вписано и зачеркнуто:* будут
После: целыми — *зачеркнуто:* и т.д.
³⁰ *Вместо:* станут — *было:* покажутся
³³ *Вместо:* Но, разумеется, — *было:* Теперь
³⁵ *После:* отцом — *зачеркнуто:* (в 1848 году)
³⁶ *Вместо:* своей — *было:* его
³⁷ *После:* их — *зачеркнуто:* товарищи
³⁸ *Вместо:* многое — *было:* все
³⁹ *После:* пусты — *зачеркнуто:* — портсигары
⁴⁰ *Вместо:* многие — *было:* все же те всевозможные мелочи

С. 244.

- ² *Вместо:* все же — *было:* почти все
⁸⁻⁹ *После:* Евангелия, — *зачеркнуто:* возможно, принадлежавший Александру II и
¹⁰ *После:* оклад — *зачеркнуто:* этого Евангелия
¹² *Вместо:* покрывающей — *было:* покрывавшей
Вместо: его легко принять — *было:* легко было принять его
¹⁹ *Вместо:* ныне — *было:* уже перед<анными>
¹⁹⁻²⁰ *Вместо:* валяющимися на полу — *было:* валялись разбросанные по всему полу
²⁶ *После:* поднесен — *зачеркнуто:* Городской думой
²⁸ *После:* Петербурга — *зачеркнуто:* — эти акварели
³²⁻³³ *Вместо:* разбросаны по всем углам — *было:* частью замараны ходившими по ним солдат<ами>
³⁸ *После:* мастера — *зачеркнуто:* среди<ны>

С. 245.

- ¹ *Вместо:* листы — *было:* эти
³ *Вместо:* обхода — *было:* подхода
¹¹ *Вместо:* Он — *было:* Этот типичный бюрократ ancien regime
¹⁶ *После:* ненавидеть... — *зачеркнуто:* Ну да увидим!
²³ *После:* слабые — *зачеркнуто:* скульптуры
²⁴ *После:* сказать, — *зачеркнуто:* что
²⁵ *Вместо:* обычно — *было:* всегда
²⁸ *После:* Артюра: — *зачеркнуто:* который
³³ *После:* революции, — *зачеркнуто:* продержавшийся здесь до 192... <г.>;

С. 246.

- ² *Вместо:* взялась — *было:* взяла на себя
⁴ *Вместо:* мои — *было:* свои
¹⁰ *После:* фронту — *зачеркнуто:* но Франция (Клемансо) собирается воевать до победного конца

- ¹⁹ *Вместо*: те — *было*: люди
³⁵ *После*: Неву — *зачеркнуто*: (под залами Средневекового отделения и Керченских древностей).

С. 247.

- ²¹⁻²² *Вместо*: мы наконец набрали на Верещагина — *было*: нас ожидал Верещагин
²² *После*: Верещагина — *зачеркнуто*: который *извинялся* перед Л<уначарским>, что не доставил ему текст декрета (я же рекомендую вообще с этим тянуть, однако старый служака уже трепещет перед новым начальством).
²⁸ *После*: рискуют — *зачеркнуто*: фактически
²⁹ *После*: положения — *зачеркнуто*: (им грозит сокращение пропорционального [числа] количества голосов)
³¹ *Вместо*: их познакомил — *было*: им сообщил
³² *После*: переносит — *зачеркнуто*: тот
После: одиум — *зачеркнуто*: который он <нрзб.>
³⁴ *После*: чрезвычайно — *зачеркнуто*: и мы реш<или>
³⁹ *После*: большевиков. — *зачеркнуто*: Их
После: Но — *зачеркнуто*: правительство

С. 248.

- ³ *После*: Луначарского — *зачеркнуто*: со всем
⁸ *Вместо*: ярых их противников — *было*: русских патриотов
¹² *После*: Мальфитано — *зачеркнуто*: (важничали <2 нрзб.> и <нрзб.>?)
¹³ *Вместо*: недоступным — *было*: суровым
¹⁹ *После*: Ивановича!). — *зачеркнуто*: Мое же предвидение и покоилось на учетывании специфической безнадежной нелепости наших лучших представителей интеллигенции, не исключая и самого учнейшего и талантливейшего Михаила Ивановича.
После: Ольденбург — *зачеркнуто*: снова мне повторил
²⁰ *После*: (в перерыве) — *зачеркнуто*: что

С. 249.

- ¹ *Вместо*: в душе — *было*: внутренне
¹⁰ *Вместо*: пугает — *было*: смущает
После: ужиться — *зачеркнуто*: — хотя бы его стали прививать посредством самого жестокого террора
¹⁴ *Вместо*: вплоть до — *было*: даже до
¹⁶ *Вместо*: который выразится — *было*: выражающийся
¹⁹ *Вместо*: возмущают — *было*: бесят
²² *После*: человека — *зачеркнуто*: все

- ²⁶ *Вместо*: получился не — *было*: не был
²⁹ *После*: любоваться — *зачеркнуто*: (les
³⁴ *Вместо*: (Луначарский) — *было*: (А.В.)
³⁷ *После*: по — *зачеркнуто*: грандиозной
После: лестнице — *зачеркнуто*: грандиозного

C. 250.

- ¹ *После*: после — *зачеркнуто*: пожара
⁵ *Вместо*: Тут мной сразу овладел великий — *было*: Итак, меня взял
⁸ *После*: т.п. — *зачеркнуто*: а. Действительно, наглотавшись; б. Наглотавшись горечи с Макаровым и Головиным, я стал болезненно осмотрительным, а тут еще и страх перед одним!
¹⁹ *После*: Вейнере — *зачеркнуто*: который, милейший, теперь позирует на какого-то спасителя русского искусства,
²⁴ *Вместо*: там — *было*: туда или куда угодно
²⁵ *После*: рекомендовал — *зачеркнуто*: (в «Биржевку», в «День»)
²⁷ *После*: протеста — *зачеркнуто*: (все относительно украинских реликвий)
²⁸ *После*: «центральной»*. — *зачеркнуто*: Этот протест касается все той же задачи «музейного достояния» — по требованию разных самоопределившихся групп. Попутно было много говорено об *убеждениях*. Разумеется, все трое моих коллег — «черносотенцы», как принято теперь называть монархистов (к концу заседания подошел еще четвертый: Половцов), однако каждый из них — особого оттенка, и каждый готов поставить выше своих политических взглядов и симпатий спасение художественных памятников. Так как и я по своим *симпатиям* (убеждений у меня никаких нет и не может быть) сторонник единовластия, то мы можем, на некоторое время, *faire bon ménage ensemble**. Но, разумеется, мое это квазиубеждение, имеющее лишь далекое подобие с монархическими принципами, уж ни в коем случае не может согласиться с той пародией на самодержавие, которое осуществлялось бедным Николаем II... У моих же коллег преклонение перед *принципом* таково, что они готовы мириться со всяким его опорочением.
³¹ *После*: услуг — *зачеркнуто*: в качестве хранителей дворцов
³² *Вместо*: особый — *было*: специальный
После: целая — *зачеркнуто*: такая
³⁴ *Вместо*: народным — *было*: верховным

* Составить вместе хорошую семью (*фр.*).

С. 251.

⁵⁻⁶ *После:* упрям! — *зачеркнуто:* Робьен рядом с ним просто орел.

¹² *Вместо:* Но — *было:* И

²⁰ *После:* разруху — *зачеркнуто:* и т.д.

²⁶ *После:* времени. — *зачеркнуто:* Они

³³ *Вместо:* хоть — *было:* правда

С. 252.

⁵ *Вместо:* интересно — *было:* мило

⁶ *После:* дворце... — *зачеркнуто:* июля

¹⁷ *После:* тьма. — *зачеркнуто:* Если бы я сел, то за<стрял>

²¹⁻²² *Вместо:* Я не придал большого значения выходке — *было:* Большого значения новая выходка

²³ *Вместо:* напоминанием — *было:* упоминанием

После: существовании — *зачеркнуто:* едва ли имеет

²⁴ *После:* Собрания — *зачеркнуто:* я не придаю

²⁵⁻²⁶ *Вместо:* нечто очень неуместное и совсем никчемное, но благодаря <этому> — *было:* просто очередная очень неуместная авантюра и провокация, но благодаря ей

²⁷ *После:* или — *зачеркнуто:* несчастных

После: говорят же — *зачеркнуто:* что

³⁰ *Вместо:* Гораздо — *было:* Еще гораздо

³³ *После:* выборам... — *зачеркнуто:* Забыл записать, что вчера у меня был морской врач из Ревеля — собственник рисунка (вид Крыма) лейтенанта Шмидта. Он рассказывает, что в Ревеле большевики заменили охрану, организованную из обывателей, красной гвардией, и там сразу успокоение сменилось подавленностью.

С. 253.

⁴ *Вместо:* сейчас — *было:* идет

¹⁶ *Вместо:* возглас — *было:* пароль

²⁷ *Вместо:* подобно многим другим — *было:* как и многие другие

³⁴⁻³⁵ *После:* Бютуев — *зачеркнуто:* (короткий)

С. 254.

⁸ *После:* поженились) — *зачеркнуто:* показалась мне несколько простоватой, однако

²² *Вместо:* спасать — *было:* спасти

С. 256.

² *После:* Верещагина — *зачеркнуто:* и он даже до того успокоился, что

- ⁶ *После:* Ларису, — *зачеркнуто:* он
¹⁶ *Вместо:* этих — *было:* этого
¹⁷ *Вместо:* четырехъярусной — *было:* многоярусной
¹⁸ *Вместо:* эпохи — *было:* люстры
²¹ *После:* меня и — *зачеркнуто:* Верещагина и
²⁴ *Вместо:* чрезвычайной — *было:* такой

С. 257.

- ⁵ *После:* оплошности. — *зачеркнуто:* Бедный
⁹ *После:* принять — *зачеркнуто:* его
²⁵ *После:* погибнут — *зачеркнуто:* (что

С. 258.

- ²⁴ *Вместо:* Особенно — *было:* Однако он особенно

С. 259.

- ² *После:* лицу — *зачеркнуто:* тогда как

С. 260.

- ¹⁰ *Вместо:* усилившемуся — *было:* усиливающимся
¹⁸⁻¹⁹ *Вместо:* этих людей, начиная с Таманова, Ростовцева — *было:*
 <нрзб.> Тамановых, Ростовцевых, Ар<гутинских> <?>
³⁰ *Вместо:* подобного — *было:* такого
³⁶ *Вместо:* из уст — *было:* от

С. 261.

- ⁴ *После:* непростительно — *зачеркнуто:* (и
⁹ *После:* нашего — *зачеркнуто:* «академического»
¹⁰ *После:* требованием — *зачеркнуто:* передачи
После: реликвий». — *зачеркнуто:* Это необходимо было сделать, чтоб разрядить атмосферу.
¹² *После:* Луначарского) — *зачеркнуто:* даже
¹⁴⁻¹⁵ *Вместо:* торжестве — *было:* празднике
¹⁵ *После:* передача. — *зачеркнуто:* По его проекту, я должен был бы взять на себя составление какой-то «грамоты». Я бы, пожалуй, и не отказался бы, случись это при других обстоятельствах (почему не вернуть хохлам их бунчуки, булавы, пушки, сабли?).
¹⁶ *Вместо:* каких-то «союзников» — *было:* какого-то «союзника»
¹⁷ *Вместо:* нас — *было:* себя
¹⁹ *Вместо:* главной задачи — *было:* главного дела
²⁰ *Вместо:* контроль — *было:* само□ наблюдение
²¹ *После:* ценностей». — *зачеркнуто:* Тем более следует теперь быть осмотрительными, что «Союз Деятелей Искусств» снова

поднял голову и уже *зашипел*. За подписью выжившего из ума Федора Сологуба в Союз внесено предложение о «захвате полноты власти» над художественными делами Союзом (это после того, что он [лишний раз] в минувшие критические дни лишний раз обнаружил полную свою беспомощность и никчемность!).

После: Вчера — *зачеркнуто*: по этому поводу

²³ *Вместо*: нашей — *было*: нашего совета

²⁵ *После*: не — *зачеркнуто*: подозре<вал>

³⁸ *После*: сухостью. — *зачеркнуто*: Вечер<ом> <?>

С. 262.

² *Вместо*: более приемлемы — *было*: менее неприемлемы

¹² *После*: уютненько — *зачеркнуто*: всей семьей

²⁴ *После*: какой-то — *зачеркнуто*: местами <?>

²⁵ *После*: и — *зачеркнуто*: умеет

³¹ *Вместо*: Стип снова совсем — *было*: он снова подпал

С. 263.

¹ *После*: обряд — *зачеркнуто*: передачи полномочий

Вместо: ретроспективно — *было*: в ретроспективе

² *После*: тогда — *зачеркнуто*: когда пользовались полнотой власти

⁴ *Вместо*: «всем, всем, всем» — *было*: «urbi et orbi»¹

⁷ *Вместо*: подавляющем — *было*: громадном

⁸ *После*: изолгавшиеся — *зачеркнуто*: [либо] (затяжное лганье питает бездарность)

¹¹ *После*: и — *зачеркнуто*: какая-то, quand même², доля подлинной правды — что-то

¹⁵ *После*: с нами. — *зачеркнуто*: Изложено очень толково, однако под этой внешней формой толковости чувствуется какая-то безнадежная бестолочь по существу, это объясняется тем, что Костя за все время войны (да и до нее лет пять) не был в России и совершенно утратил настоящее о ней понятие.

³⁰ *Вместо*: его — *было*: ему

³⁸ *После*: уютность — *зачеркнуто*: на Ку<шелевке>

С. 264.

⁹ *Вместо*: прелесть — *было*: поэзию

²² *Вместо*: человека — *было*: мужичка

²⁶ *После*: варягов» — *зачеркнуто*: или татарского ига

¹ «Городу и миру»^[353] (лат.).

² Все-таки (фр.).

С. 265.

- ³ *Вместо:* непонятных русскому человеку — *было:* русскому человеку непонятных
- ²⁴ *Вместо:* этот ошибочный — *было:* он завез
- ²⁵⁻²⁶ *Вместо:* в какое-то совсем мне неизвестное захолустье — *было:* к каким-то совсем мне неизвестным «Пяти углам»
- ²⁸ *Вместо:* деревень — *было:* кварталов
- ³⁰ *Вместо:* теперь — *было:* уже
- ³³ *Вместо:* редкими фонарями — *было:* среди <нрзб.> огоньки редких фонарей
- ³⁴ *После:* совершенная — *зачеркнуто:* пустыня
- ³⁵ *Вместо:* что-то вроде дач — *было:* почти хоромы
- ³⁶ *Вместо:* И — *было:* Но
- ³⁷⁻³⁸ *Вместо:* мне повстречалась в виде древней старушки какая-то добрая фея — *было:* повстречалась какая-то старушка

С. 266.

- ⁷ *Вместо:* сущий ангел — *было:* сама прелесть
- ⁸ *После:* при виде — *зачеркнуто:* своего брата
- ¹⁴ *Вместо:* второго ее брака — *было:* второго брака Эли
- ¹⁴⁻¹⁵ *После:* рыженькая Нанси. — *зачеркнуто:* Но мужа Кати — художника Соколова — не было дома.
- ¹⁹ *После:* полное — *зачеркнуто:* довольство
- ²⁰ *После:* эту — *зачеркнуто:* экскурсию
- ²³ *После:* тишина... — *зачеркнуто:* Да и на

С. 267.

- ¹⁻² *Вместо:* проявляется — *было:* а. наступающая; б. проявляющаяся
- ²⁻³ *Вместо:* доставляет весьма неприятные минуты — *было:* болезненно ощущается
- ⁴ *Вместо:* сделанных карандашом — *было:* карандашом сделанных [на] в книжках
- ⁶ *Вместо:* всего — *было:* же досада
- ¹⁰ *После:* книги — *зачеркнуто:* в одно время
- ¹⁶ *Вместо:* без того — *было:* вообще
- ¹⁷ *После:* пожалуй, — *зачеркнуто:* в настоящее время они
- После:* штучки — *зачеркнуто:* являются
- ¹⁸ *После:* нервов. — *зачеркнуто:* Ja <4 нрзб.> Frau. Это еще Костя Сомов констатировал (и формулировал).
- ²²⁻²³ *Вместо:* остроконечных — *было:* заостренных к носкам
- ²³ *После:* конторе — *зачеркнуто:* по ошибке
- ³⁰ *После:* народной». — *зачеркнуто:* Бертенсон в

С. 268.

- ⁹ *Вместо:* тем — *было:* о том
¹⁵ *После:* «Соловьем» — *зачеркнуто:* Стравинского
Вместо: руководством — *было:* заведованием
²⁰ *Вместо:* нечто окончательно — *было:* окончательно нечто
²³ *После:* Аргутона — *зачеркнуто:* будто бы переданы <нрзб.> с помянутым самим Троцким
³² *После:* тогдашний — *зачеркнуто:* дирижер, заведовавший
³⁵ *После:* но — *зачеркнуто:* оказалось, что
³⁷⁻³⁸ *После:* Мейерхольдом. — *зачеркнуто:* Она

С. 269.

- ⁴ *После:* Владимир — *зачеркнуто:* (который теперь менее решительно обвиняет Троцкого в подкупленности немцами)
¹⁰ *После:* сдают. — *зачеркнуто:* Они
После: переворот — *зачеркнуто:* смогли
²³ *После:* организма. — *зачеркнуто:* Саботаж всего административного аппарата им, скорее, в руку. Это самоубийство их врагов может их спасти... заставит их *soû te que соû te** после захвата власти ее и использовать по <нрзб.> совсем по-своему.
²⁸ *После:* то — *зачеркнуто:* возбуждаемый [чрезвычайной тупостью] чрезвычайным упрямством Владимира, он
³⁰ *После:* скорее — *зачеркнуто:* вообще
³² *После:* Он — *зачеркнуто:* уже
³³ *Вместо:* значении — *было:* влиянии
Вместо: Керенский — *было:* который [он] его
³⁴ *После:* рассказывая — *зачеркнуто:* какие-то

С. 270.

- ¹ *Вместо:* о том, чего — *было:* о том, что
После: союзники — *зачеркнуто:* упорно не
¹⁴ *После:* злоба. — *зачеркнуто примечание:* Та же глупая злоба царит и в нынешней газете Милюкова «Последние новости». И, увы, снова я под его главенством сотрудничаю (*примечание 15 декабря 1934*). Но вовлек меня [в это дело] сюда милый И.П. Демидов, и с ним моя душа отдыхает.
³⁰⁻³¹ *После:* искренне — *зачеркнуто:* глубоко

С. 271.

- ⁹ *После:* завтрака — *зачеркнуто:* (к которому было
¹³ *Вместо:* очень — *было:* совершенно

* Во что бы то ни стало (*фр.*).

- ²² *Вместо:* этого от — *было:* того, что
²³ *Вместо:* на митинг — *было:* куда
После: агитатора — *зачеркнуто:* на митинг
²⁴ *После:* посетить — *зачеркнуто:* с его коллегами
³² *Вместо:* времена); все же я — *было:* времена). Все же, когда я
³³ *После:* мне — *зачеркнуто:* на ходу и

С. 272.

- ⁴ *После:* художественное — *зачеркнуто:* или
После: историческое — *зачеркнуто:* значение и даже
⁷ *После:* безобразия, — *зачеркнуто:* — однако
⁸⁻⁹ *После:* мастерская — *зачеркнуто:* казалось
¹¹ *После:* выставить — *зачеркнуто:* застрявшие там <противогазы>. (Половцов вполне согласен с этим, причем так категорически и заявил: «Раз теперь больше не понадобится фабриковать противогазы».)
¹⁴⁻¹⁵ *Вместо:* оптимистический — *было:* утешительный
²⁵ *После:* спрашиваю: — *зачеркнуто:* считают

С. 273.

- ⁴ *После:* Петр — *зачеркнуто:* (ох, не любят современники Николая II все талантливое)
⁸ *Вместо:* было бы нам — *было:* этого
¹² *После:* увидел — *зачеркнуто:* сегодня
¹³⁻¹⁴ *Вместо:* ужимки, типичные для уверенного в своей силе фаворита — *было:* типичные для уверенного в своей силе фаворита ужимки
¹⁵ *Вместо:* автомобилю — *было:* самокату
¹⁹ *После:* отстранении. — *зачеркнуто:* Между тем

С. 274.

- ² *Вместо:* нее — *было:* него
³ *Вместо:* на редкость вкусных лимонных леденцов — *было:* с на редкость вкусными лимонными леденцами
⁹ *Вместо:* Поднялись — *было:* Зашли
¹⁹ *После:* Чюрленисе — *зачеркнуто:* (он пишет о нем диссертацию)

С. 275.

- ¹ *Вместо:* которые — *было:* что
¹⁴⁻¹⁵ *После:* засилья, — *зачеркнуто:* и не разрухи, голода
²⁰ *Вместо:* среди хаоса в комнатах — *было:* разбросанными по комнатам

- ²¹ *После*: куда — *зачеркнуто*: их
²⁵ *После*: начинающаяся — *зачеркнуто*: неожиданными
³⁶ *Вместо*: вчерашнем разговоре — *было*: вчерашней беседе
^{37–38} *Вместо*: который произвел на Н<иколая> М<ихайловича> «самое светлое впечатление»; заверяет Его Высочество — *было*: который, видимо, произвел на Николая Михайловича самое светлое впечатление; а кончается же письмо заверением, что

С. 276.

- ⁴ *Вместо*: Характерный — *было*: В целом характерный
⁸ *После*: легко». — *зачеркнуто*: В post scriptum'e
⁹ *Вместо*: говорится — *было*: а. сообщается еще, что; б. сообщается
¹⁴ *После*: слов — *зачеркнуто*: (условного)
После: отказа — *зачеркнуто*: этого
²³ *Вместо*: подобного — *было*: этого
²⁶ *Вместо*: ужас, связанный с такой тоской — *было*: а. эта связанная; б. этот связанный с такой тоской ужас
³⁵ *После*: растерянные — *зачеркнуто*: ни во что больше не верящие

С. 277.

- ¹ *После*: я — *зачеркнуто*: не <?> случайно
^{22–23} *Вместо*: ссылаясь на безнадежное финансовое положение — *было*: ввиду безнадежного финансового положения
²⁵ *После*: не — *зачеркнуто*: принимать
²⁹ *Вместо*: под этим — *было*: тут
^{29–30} *После*: стратажем — *зачеркнуто*: (и, вероятно,
³⁸ *Вместо*: На это Головин — *было*: После этого от Головина
³⁹ *Вместо*: картины — *было*: вещи

С. 278.

- ^{1–2} *После*: «благоприобретены» — *зачеркнуто*: (Кано, кажется, был приобретен В<еликим> К<нязем> Константином Константиновичем).
⁶ *После*: тысяч» — *зачеркнуто*: отвечающих оценке помянутых «нужных для музеев» вещей
¹⁶ *После*: незнакомых — *зачеркнуто*: и вида самого буржуйного...
¹⁹ *После*: вороту — *зачеркнуто*: выглядит молодо
²⁰ *Вместо*: чествование — *было*: остальное
²⁵ *Вместо*: т.п.), так и — *было*: т.п.). Не лучше
²⁸ *После*: фаланстера. — *зачеркнуто*: В одном же особенно патетическом пассаже мы едва удержались от смеха.

³¹ *Перед:* В.А. Верещагин — *зачеркнуто:* Бедный

³³ *После:* считал — *зачеркнуто:* что

С. 279.

¹ *После:* чаю — *зачеркнуто:* пришел

³ *После:* которые — *зачеркнуто:* оба

¹⁴⁻¹⁵ *Вместо:* решивший делать — *было:* делающий

²² *После:* Мандельбаума) — *зачеркнуто:* который вообще очень с нами мил и услужлив. За чаем [самоваром] Мандельбаум в самой нашей семейной обстановке под лампой; рядом с самоваром показывал свои Великокняжеские «Отречения», которые он все носит на себе.

²⁵ *Вместо:* пропускают не — *было:* не пропускают

³⁰ *После:* Эта — *зачеркнуто:* мера

С. 280.

⁴ *После:* подъезда, — *зачеркнуто:* через который мы обыкновенно входим

⁶ *Вместо:* врет — *было:* врал

⁷ *Вместо:* К концу дня — *было:* Позже

¹¹ *Вместо:* вино; от — *было:* вино. Пары от

¹⁴ *После:* Как раз — *зачеркнуто:* при мне

После: набережной — *зачеркнуто:* был обыскан заставой солдат

³¹⁻³² *Вместо:* образовать Почетный комитет — *было:* собрать то, что у французов называется

³⁷ *Вместо:* данного — *было:* этого

После: ревнителей — *зачеркнуто:* поощрения пролетариата

⁴⁰ *После:* не столько — *зачеркнуто:* эстетическое

С. 281.

³ *После:* собирался — *зачеркнуто:* а. уходить; б. уй<ти>

После: когда — *зачеркнуто:* я

Вместо: наткнулся — *было:* натыкаюсь

⁶ *Вместо:* с посланцами — *было:* посланцев

¹³ *Вместо:* Теперь — *было:* А теперь

¹⁵ *После:* хотят — *зачеркнуто:* заставят через него Совет Народных Комиссаров отдать распоряжение о немедленной выдаче и бунчуков, и пушек из Эрмитажа и из Преображенского собора.

²⁸ *Вместо:* он — *было:* что

²⁹ *После:* 2) — *зачеркнуто:* а. дама; б. его

³⁸⁻³⁹ *После:* месте — *зачеркнуто:* (за большим столом секретаря Макарова)

- ³⁹ *Вместо:* усевшимся — *было:* рассевшийся
⁴⁰ *После:* Луначарского — *зачеркнуто:* (так и было сказано: «мой секретарь») Ляшенко

С. 282.

- ³ *Вместо:* зашедшим — *было:* пришедшим
⁴ *После:* совет, — *зачеркнуто:* и неким
¹⁷ *После:* составление — *зачеркнуто:* подходящей
^{26–27} *Вместо:* раскопках — *было:* кладах
²⁸ *После:* купли-продажи, — *зачеркнуто:* то

С. 283.

- ¹ *Вместо:* стихками — *было:* стихами
¹³ *После:* виртуозов) — *зачеркнуто:* — как раз нечто аналогичное в «Aube»¹ Ромена Роллана)

С. 284.

- ⁸ *Вместо:* из богатых семейств; иные из них приезжают — *было:* приехавших в школу
¹¹ *Вместо:* и — *было:* для того чтоб
¹⁶ *Вместо:* учителей, но — *было:* учителей. Но
¹⁷ *После:* держатся — *зачеркнуто:* еще
²² *Вместо:* Пролетарки — *было:* Пролетариат
²³ *После:* «вибрировали» — *зачеркнуто:* вот <?> и была <нрзб.> в предельной степени
^{25–26} *Вместо:* девицы — *было:* они
^{27–28} *Вместо:* разрабатывалась программа другого «пролетарского пикника» — *было:* разрабатывался <нрзб.> другой «пролетарский пикник»

С. 285.

- ¹¹ *Вместо:* часа на два — *было:* на часы
¹³ *Вместо:* похвастать — *было:* на сей раз
^{18–19} *Вместо:* с этими перлами — *было:* эти перлы
¹⁹ *После:* расстанется — *зачеркнуто:* и
После: предложили — *зачеркнуто:* ему

С. 286.

- ²⁰ *Вместо:* всяких «порч» — *было:* разной «порчи»
²⁷ *После:* лишнего — *зачеркнуто:* по адресу В.Р. Комитета. Мой гнев возымел хорошее действие. Ятманов сразу сбавил тона и

¹ «Заря» (фр.) — название первой книги романа Р. Роллана «Жан-Кристоф».

стал извиняться, и все свалил на недоразумение. Верещагин (его чиновничий опыт бывает в таких случаях весьма полезен) придумал, к общему удовольствию, вполне приемлемый выход: представить В.Рев. Комитету необходимость считаться с возможными, при разрушении погребов, эксцессами, могущими [вредно] [дурно] гибельно отозваться на соседнем имуществе, — во избежание чего мы предлагаем Комитету каждый раз пред тем, чтоб предпринимать новое разрушение, запрашивать нашу комиссию, не имеются ли поблизости какие-либо художественные или исторические ценности, и, в случае указания на таковые, принимать соответствующие меры *военной* охраны. Как раз на днях нами был выработан список тех особняков и квартир, которые на том же основании не могут подлежать реквизиции под какие-либо демократические учреждения. Я с Надеждиным настаивал еще на том, чтоб собственникам художественных коллекций или целых памятников были бы выданы охранные листки за подписями и печатями нынешнего правительства. Как раз на этих днях было спасено какое-то польское собрание оружия только благодаря такому листку, полученному из Смольного.

С. 287.

⁴⁻⁵ *Вместо:* пролетариату. Таким — *было:* пролетариату, и, таким

¹⁰ *После:* собак. — *зачеркнуто:* Вопрос

¹¹ *После:* корма — *зачеркнуто:* и несчастные [псы] царские псы могут подохнуть с голоду. Последнее было сообщено в игривом тоне, однако бедным псам просто грозит гибель (вообще про всю [Охотничью] Царскую охоту как-то все забыли!)

¹⁵ *После:* отобрав — *зачеркнуто:* для музеев

²⁰⁻²¹ *Вместо:* бедные псы не подошли с голоду — *было:* все многочисленные живые твари, входящие в состав этих частей, могут и подохнуть

²³ *После:* не саботируют и — *зачеркнуто:* самостоятельно

После: до сих пор — *зачеркнуто:* ими

С. 288.

² *После:* Рима — *зачеркнуто:* и договорившихся

⁷ *После:* единственно — *зачеркнуто:* правильной

⁹⁻¹⁰ *Вместо:* другие — *было:* посторонние

³²⁻³³ *Вместо:* исторических комнат — *было:* комнат Александра II

³⁴ *После:* надо — *зачеркнуто:* это сдел<ать>

С. 289.

¹⁶ *После:* Лель» — *зачеркнуто:* или как это там

- ¹⁸ *После:* и — *зачеркнуто:* просто
²⁰ *После:* у — *зачеркнуто:* разгрими<ровывающегося>
После: Шалаяпина, — *зачеркнуто:* занятого разгримировкой

С. 290.

- ⁶ *После:* Высочайшими. — *зачеркнуто:* Он мило
⁷ *После:* который — *зачеркнуто:* в антр<акте> со
⁸ *Вместо:* поднятием занавеса — *было:* началом действия
После: сцены — *зачеркнуто:* на
¹⁹ *Вместо:* Думается, что это — *было:* Это
²¹ *После:* посольства. — *зачеркнуто:* Наконец
²⁹ *Вместо:* если уж и — *было:* уж если
³¹ *После:* скверно. — *зачеркнуто:* С завтрашнего дня даже собирается устроить *полную* забастовку газеты. С зав<трашнего>
³² *После:* не видал. — *зачеркнуто:* Главная причина закрытия газеты вовсе не в политическом плане, а в экономическом: в борьбе за монопо<ли>зацию объявлений.

С. 291.

- ⁵ *Вместо:* с веревки — *было:* и прикрепленных
⁸⁻⁹ *Вместо:* Но притом никаких беспорядков. — *было:* Беспорядков никаких.
¹³ *Вместо:* плафоном — *было:* реставрацией живописи плафона
²² *После:* допинга?) — *зачеркнуто:* но
²⁴ *Вместо:* но только — *было:* еще
³⁶ *Вместо:* Люблинскому — *было:* Мандельбауму

С. 292.

- ² *После:* искусстве». — *зачеркнуто:* По наведенным им справкам, Брик узнал о моем проекте «с плакатами» <не> от Андрева (юноша с лицом Христа, довольно здраво рассуждавший на собрании Культурно-Просветительного Отдела в Зимнем дворце), а тот от Дриля, но они лгут, когда говорят, что они ознакомились с этим лишь вечером в субботу. Как Брик мог *говорить* об этом всего двадцать минут после того, как у меня *возникла* эта в сущности не столь плохая, но напрашивающаяся на карикатуру мысль?
⁶ *Вместо:* Мандельбаум спросил — *было:* Надежда Евсеевна спросила
⁷ *После:* Брика — *зачеркнуто:* которому
⁸ *Вместо:* подобных — *было:* таких
¹⁵ *После:* особенно — *зачеркнуто:* этого
²¹ *Вместо:* чепухой — *было:* а. игрой; б. дьявольской чепухой

- ²⁷ *После:* мою — *зачеркнуто:* невоинственную натуру
²⁸ *После:* меня — *зачеркнуто:* (и всю мою инертность)

С. 293.

- ¹ *Вместо:* дога — *было:* пса
После: из-под — *зачеркнуто:* его
Вместо: пиджака — *было:* сюртука
⁴ *Вместо:* своего — *было:* их
⁵ *После:* Даже — *зачеркнуто:* и
После: победа — *зачеркнуто:* была бы
⁸ *После:* разорение). — *зачеркнуто:* И большевики — «мещане», ибо все мещанство, что не во Христе и не с ним, но все же они менее мещане, нежели прочие «устроители жизни».
¹⁴⁻¹⁵ *Вместо:* Курьезно — *было:* Характерно
²⁴⁻²⁵ *После:* учреждении — *зачеркнуто:* все налажено
²⁵ *После:* всюду. — *зачеркнуто:* Видел
²⁶ *Вместо:* рисунки бутафории — *было:* эскизы

С. 294.

- ¹⁷ *Вместо:* я даже убежден — *было:* верю, что
¹⁹⁻²¹ *Вместо:* все мои рассуждения бедный дворцовый генерал, у которого к тому же своих собственных хлопот полон рот, — *было:* бедный дворцовый генерал, у которого к тому же своих собственных хлопот полон рот, все эти рассуждения
²² *Вместо:* чего — *было:* этого
³⁰ *После:* Собрания. — *зачеркнуто:* а. Воз <мушение>; б. Общее
³²⁻³³ *После:* учреждения — *зачеркнуто:* пошатнулись
³⁷ *Вместо:* У — *было:* На
³⁹ *После:* знал: — *зачеркнуто:* между

С. 295.

- ³ *Вместо:* иногда — *было:* местами
¹³ *После:* складываются в — *зачеркнуто:* очень
²² *После:* в виде — *зачеркнуто:* последующих
²⁴ *Вместо:* закрыла — *было:* закрывшая

С. 296.

- ⁴ *Вместо:* доктрины — *было:* социализма
После: доктрины — *зачеркнуто:* иначе говоря, от узкой политической доктрины, между тем, явления, в которых *стихийная* сторона стала господствующей, могут быть обсуждаемы, оцениваемы или «лечимы» только с общечеловеческой <точки> зре-

ния простого здравого житейского смысла и *вне* каких-либо книжных прописей.

¹⁵ *После*: Тинторетто — *зачеркнуто*: (!)

²⁰ *Вместо*: на мрачность Бруса — *было*: на то, что Брус мрачен

²⁴ *После*: доказательство — *зачеркнуто*: тому он

³⁴⁻³⁵ *Вместо*: были более благоприятны — *было*: облегчали задачу

³⁷ *Вместо*: Вообще — *было*: А вообще

С. 297.

³⁴ *Перед*: Вчера — *зачеркнуто*: К тревогам общего характера за последние [дни] прибавились и тревоги личного характера.

³⁵ *После*: Ларин — *зачеркнуто*: уже

С. 298.

³ *После*: чего — *зачеркнуто*: уже

¹⁵ *Вместо*: А как понять, что — *было*: Кстати, вчера

¹⁷⁻¹⁸ *Вместо*: каждый — *было*: каждая строфа

¹⁹ *Вместо*: можно — *было*: может

²¹ *Вместо*: вчера на весь город — *было*: на весь город вчера

С. 299.

⁵ *После*: дамы; — *зачеркнуто*: и

⁶ *После*: вижу — *зачеркнуто*: уже

¹⁰ *Над словом*: медвежонок — *вписано и зачеркнуто*: облезлый

После: медвежонок — *зачеркнуто*: который гонялся за

¹⁸ *Вместо*: в бинокль — *было*: в камере-обскуре

³⁵ *После*: Таманов. — *зачеркнуто*: Половцов (игра которого мне не ясна) отказался прийти на помощь мл. «Константиновичам»*, обвинив их в бестолковщине и в <нрзб.> «индискретности».

С. 300.

⁴ *После*: Загородном) — *зачеркнуто*: куда я позже подоспел

¹⁰ *Вместо*: монографии — *было*: современные искусства

²¹ *После*: обойден. — *зачеркнуто*: У англичан под Камбрэ не все благополучно, и генералу Хейму (?) грозит опала.

²¹⁻²² *После*: опровергается. — *зачеркнуто*: Тут же обнаруживается, зачем эта утка была пущена:

²⁷⁻²⁸ *После*: Вечером — *зачеркнуто*: когда

³⁰ *После*: это — *зачеркнуто*: вместе

³² *Вместо*: вечеров, когда — *было*: разов, что

* Сыновьям В<еликого> К<нязя> Константина Константиновича.

С. 301.

- ¹ *После*: раздались — *зачеркнуто*: как будто <нрзб.>
³ *Вместо*: Трудно — *было*: а. Как будто; б. Видно, трудно
⁴ *После*: бунтом — *зачеркнуто*: который в первую голову угрожает <нрзб.>
⁶ *Вместо*: наступит полный — *было*: начнется
¹⁵ *Вместо*: все тот же аппетит — *было*: это
²⁰ *После*: порядок. — *зачеркнуто*: На самом деле это менее
²⁵ *Вместо*: глубокое — *было*: сплошное
²⁸⁻²⁹ *Вместо*: Однако, несмотря на — *было*: Несмотря на
²⁹ *После*: Christoph'a — *зачеркнуто*: мне доставляет большое наслаждение и
³⁸ *После*: XVII в., — *зачеркнуто*: но красивее

С. 302.

- ⁵ *Вместо*: пожалуй — *было*: очень
⁸ *Вместо*: принял — *было*: его принимает
³⁰ *Вместо*: телефон — *было*: телефонировал
³³ *Вместо*: хозяйничанье — *было*: действиях

С. 303.

- ⁶ *После*: склада — *зачеркнуто*: и то и другое идет параллельно — во дворе этого дома
⁹⁻¹⁰ *Вместо*: подробно рассказал Коля Лансере, пришедший вечером с Юрием Арцыбушевым и Солнцевым*. Коля — *было*: сообщил подробные [сведения] показания пришедший вечером Юрий Арцыбушев в сопровождении Солнцева*. Первый
¹⁴ *Вместо*: пьянеют — *было*: опьянели
¹⁶⁻¹⁷ *Вместо*: Часть вина в бочках тут же грузилась и увозилась, но — *было*: [Однако] Вино таскали вчера ящиками и бочками, которые тут же грузили и увозили. Но прямо
²⁴ *Вместо*: По сведениям Коли — *было*: По Колиным сведениям
²⁶ *Вместо*: ненадолго — *было*: на минутку
²⁶⁻²⁷ *Вместо*: Акица — *было*: Кулечка
²⁹ *Вместо*: стоявшая — *было*: обступившая их
³⁰ *После*: стороны — *зачеркнуто*: улицы
После: (5-й линии) — *зачеркнуто*: в значительном количестве
³² *После*: винтовками. — *зачеркнуто*: Акица-Кулечка
³³ *Вместо*: Акица, ездившая к И.В. Гессену передать — *было*: Акица (она же Кулечка) ездил к И.В. Гессену [отвезти] [даб<ы>] передать
³⁵⁻³⁶ *Вместо*: покинуть Петербург — *было*: уехать
³⁷ *Вместо*: Оба зятя — *было*: Первый зять

С. 304.

- ³ *После*: но — *зачеркнуто*: (очевидно, ничему не научившись)
⁴ *После*: искать, — *зачеркнуто*: но, скажем,
⁶ *Вместо*: Вообще — *было*: А вообще
⁹ *Вместо*: происходящее — *было*: творящееся
¹⁶⁻¹⁷ *После*: сознания — *зачеркнуто*: или вместо
²⁶⁻²⁷ *Вместо*: Пользование известными ораторскими приемами и самой бессовестной лестью — *было*: а. Оратор; б. Всем известные ораторские приемы, и среди них самая бессовестная лесть
³³ *После*: что — *зачеркнуто*: она

С. 305.

- ⁵ *Вместо*: Анэ — *было*: он
¹⁰ *После*: убеждений — *зачеркнуто*: (хотя бы «преступных»)
²² *После*: преемникам — *зачеркнуто*: пришлось бы
²³ *После*: было бы — *зачеркнуто*: с ней считаться

С. 306.

- ⁴ *Вместо*: водворить — *было*: вывезти
⁶ *Вместо*: и не отозвалась бы на постановке — *было*: в смысле постановки
⁸ *После*: лишь — *зачеркнуто*: очень
¹⁹ *Вместо*: Игоря — *было*: его
²² *Вместо*: поразило его — *было*: его поразило
²⁷ *После*: Kranke — *зачеркнуто*: ампутирован
²⁹ *Вместо*: спасенный — *было*: будет спасен
После: гангрены — *зачеркнуто*: и
Вместо: однако — *было*: но
³⁴ *После*: tous! — *зачеркнуто*: Того требует обычай с большой головы перекладывать на... ну если не на абсолютно здоровую, то все же на *относительно* здоровую.

С. 307.

- ⁵ *После*: взъерошенность! — *зачеркнуто*: Вот эти «не саботируют» и хорошо делают.
⁶ *Вместо*: думать — *было*: сознаться
⁸ *После*: то — *зачеркнуто*: разве
Вместо: вслед за тем — *было*: от такой инициативы
¹⁷ *После*: у них — *зачеркнуто*: это
²⁴ *Вместо*: значительнее — *было*: серьезнее
³⁴ *Вместо*: устранения — *было*: устранен будет
³⁷ *Вместо*: как о — *было*: как об уже

С. 308.

- ² *После:* что — *зачеркнуто:* если
После: союзники — *зачеркнуто:* если
- ³⁻⁴ *После:* Востоке, — *зачеркнуто:* они вам <?>
- ⁵ *После:* Однако — *зачеркнуто:* мне кажется, что
- ¹⁴ *Вместо:* теперь воцарился — *было:* господствует
- ¹⁵ *Вместо:* заведующего — *было:* управляющего
- ²⁴ *Вместо:* еще худшее, нежели здесь — *было:* гораздо хуже здешнего
- ⁴⁰ *После:* гордился. — *зачеркнуто:* Сам Д<обужинский> нанимает мастерскую на Александровской площадке. Его соседи: Фальк и Уткин. «В общем, живется уютно».

С. 309.

- ²⁻³ *Вместо:* ужасные — *было:* ужасно жуткие
- ¹⁵ *После:* дерева, — *зачеркнуто:* даже
- ¹⁶ *После:* мне — *зачеркнуто:* все же
- ¹⁸ *После:* вора — *зачеркнуто:* все
- ¹⁹ *Вместо:* быстрее — *было:* скорее
- ²⁴ *После:* взываю. — *зачеркнуто:* Чья вина? Его? Моя? Кроме того, оно содержит два конкретных вопроса, требующих выяснения. Еще недавно такие вопросы ввергли бы меня в большое волнение [и даже в бешенство], но теперь такая «диверсия» является чем-то скорее «желанным» — настолько меня мучает другое — «все мировое», настолько я полон не то предчувствий, не то какого-то нетерпения: «Да чем же это все разрешится?» А вопросы следующие: «От очень близких [вам я слышал] мне и близких Горькому Гессен слышал (я не решаюсь это знать): 1) [что Вы] будто я ходатайствовал о награждении [Вас] орденом св. Владимира (будто бы в капитуле орденов найдено) [Ваше] мое прошение, 2) что [Вам] мне намекнули на неприятные последствия для Вас <меня> в будущем, и после этого [Вы] я написал Горькому письмо с отказом от участия в «Новой жизни», чтоб [Ваше] мое имя не значилось больше в числе сотрудников, но затем [Вы] я снова напечатал там за своей подписью фельетон, который в «Речи» [хотелось] я хотел, чтоб был напечатан безымянно». Разумеется, в этих вопросах [острее всего слышится] разит зловонием, идущим от всякого доносчика, [или сплетника, сплетничающего] сплетника, «благородного Тартюфа», но, кроме того, я усматриваю здесь и известную драму, переживаемую этим действительно мне преданным и действительно [простосердечным] чистосердечным человеком (за то и за другое я его *действительно люблю*), но сказывается [здесь] и опасность [надвигающегося] скандала. [На

последнее я, пожалуй, обратил бы внимание, если бы было другое время, но помянутый «соблазн диверсии» и заставляет меня пренебречь <нрзб.>] Это заставляет меня обратить на [эту] данную чепуху более [пытливое] серьезное внимание. К сожалению, прежде всего надлежит выяснить с И.М. Степановым, как все это произошло с [получением] награждением меня орденом [св. В<ладимира>]. Не напутал ли этот милый человек чего-либо? И не вовлек ли он меня теперь, совершенно того не желая, [меня] в одну из неприятных историй, которые клеймят в некоторых кругах чуть ли не хуже настоящих преступлений? Все, что у меня осталось в памяти, это то, что Степанов, Яремич и Черепнин (помощник Степанова) год или больше назад ходили вокруг меня с заговорщическими минами. Я догадывался, в чем дело, но не <нрзб.> считал нужным выяснить, зная, что эти, дружески ко мне расположенные, люди ничего [дурного] для меня вредного не предпримут. Мотивом моей «пассивности» являлось отчасти то, что мне не захотелось «им портить удовольствие» и мешать им сделать то, что им представлялось как нечто, что мне могло бы доставить особую приятность. С другой стороны, в самом факте награждения меня за многолетнее мое служение почтенному делу Общины св. Евгении (отделения Красного Креста) я ничего постыдного для себя не усматривал. [Мне даже казалось] Меня тешила и мысль, что чин или орден могут порадовать моих близких — особенно моих детей. Для полноты не скрою даже от себя, что, догадываясь специально о «Владимире» (из каких-то шуточных намеков Яремича), я ощущал на «поверхности своего обывательского тщеславия» (тут играли и «воспоминания» детства, тот восторг, который я испытывал, видя своего отца, увешанного знаками отличия) — известное щекотание. А вообще, я просто не придавал [тому большого] всему этому серьезного значения, а конспиративное молчание приятелей способствовало тому, что я и вспомнил об этом [вздоре] случайно и лишь в виде мимолетного ощущения. *Во всяком случае я лично [никак] ни малейшей активности не проявлял*, никаких ходатайств никуда никому не подавал да и до самого конца был *sensé de ne rien savoir**¹. Но [все же] вот все же что меня тревожит: не мог ли милейший

* Как выяснилось только сегодня, Акица *была* в курсе. Степанов даже через нее получил мой университетский диплом — для снятия с него копии. Ей он при этом открыл, что дело идет о награждении меня (нигде не служившего) награждением или чином статского советника, или орденом. И она не придавала тому большого значения; ее скорее тревожило, как бы я «не выкинул чего-либо» — вроде отказа.

¹ *Здесь: якобы в неведении (фр.).*

Иван Михайлович (Степанов) учинить какой-либо промах? Но мог ли он, прилагая копию с моего диплома и, не дай Бог, какое-либо перечисление моих заслуг (мне помнится, что он для предпологавшегося издания моей маленькой монографии взял у меня мое *curriculum vitae*¹ и чуть ли не сам предлагал мне конкретные вопросы... и тут же записывал ответы), итак, не мог ли он все из того же дружеского желания [мне] сделать мне удовольствие и как бы отплатить мне за все те услуги, которые [я] в течение почти двадцати лет [делал] я безвозмездно оказывал его любимому детищу — издательству св. Евгении, сам от себя [написать] подать бумагу, в которой он (уверенный, что бумага останется в архивных глубинах) обратился в третьем лице, но от моего имени, [что-де] мол, «художник ходатайствует»? Может быть, нечто подобное требовали установленные формы делопроизводства? Яремич собирает все это сегодня же выяснить. В случае надобности я потребовал бы от Степанова, чтоб он сам со мной поехал к Гессену. Меня это беспокоит (и то — в меру) только в том отношении, что все Брики и Мейерхольды могут подобное использовать как средство борьбы, и было бы ужасно противно, если бы мое имя стали бы трепать так же, как имя Горького или Нахамкиса. Что же касается до «Новой жизни», то тут дело обстоит проще. Черновик письма Иосифу Владимировичу я уже начал, но закончу я его только после получения разъяснения Степанова...

²⁵ *Вместо:* явились — *было:* были

С. 310.

¹¹ *Вместо:* хотелось бы — *было:* хочется

¹² *После:* прочий — *зачеркнуто:* елико возможно, более

³³ *После:* придумает — *зачеркнуто:* (он очень трусит там участвовать в спектакле, устраиваемом партией Народной Свободы)

³⁷ *После:* иметь — *зачеркнуто:* там

Вместо: какой-либо — *было:* хотя бы этот

С. 310–311.

³⁸⁻¹ *Вместо:* спрашиваемая сумма покажется чрезмерной — *было:* это покажется чрезмерным

С. 311.

¹⁴ *Перед:* Сегодня — *зачеркнуто:* Стип обещал сегодня сообщить о своем разговоре со Степановым (все насчет идиотской исто-

¹ Жизнеописание, краткие сведения о чьей-либо жизни (*лат.*).

рии с орденом), однако так ничего за весь день от него не было. Вследствие этого не могу кончить письмо к Гессену.

¹⁹ *Вместо:* через Чернышев мост — *было:* по Чернышеву переулку к Гостиному двору

²⁷ *После:* грозного — *зачеркнуто:* или зверского
После: не было — *зачеркнуто:* видно

²⁸ *После:* скандал. — *зачеркнуто:* Мы, разумеется, промчались мимо этой расправы, не попытавшись даже выяснить, в чем дело, однако должен сознаться, что и у меня не сжалось сердце, а разве только чуть замутило.

³² *После:* домов — *зачеркнуто:* (Петровой и есть!)

С. 312.

¹² *Вместо:* высыпаются монеты — *было:* сыпятся предметы

¹⁴ *Вместо:* прямо — *было:* уже

¹⁵ *После:* работой — *зачеркнуто:* (в сущности

Вместо: возмущением — *было:* негодованием

¹⁸ *После:* тонах — *зачеркнуто:* пространную

¹⁸⁻¹⁹ *Вместо:* хочет, во всяком случае, эту афишу придержать и не клеить ее на стенах Зимнего дворца — *было:* не хочет клеить эту афишу на Зимнем дворце

²⁹ *После:* развалится. — *зачеркнуто:* А не в этом ли причина, почему и Брик отстранился [Брик]? Дело в том, что

³¹ *После:* Бенуа». — *зачеркнуто:* Это могло спугнуть.

Вместо: Меня — *было:* Меня же

³² *После:* поразило — *зачеркнуто:* неожиданостью

³⁶ *После:* Тут же — *зачеркнуто:* впрочем

С. 313.

⁶ *Вместо:* Явились — *было:* Вот и явились

¹⁴⁻¹⁵ *Вместо:* раз это не идет — *было:* если это не оказывается

¹⁵ *Вместо:* которое ему поручено — *было:* к которому он представлен

¹⁷ *Вместо:* не боящихся — *было:* не страшщихся

¹⁷⁻¹⁸ *После:* [людей] — *зачеркнуто:* храбрых работников. А эти доблести в Гржебине имеются в избытке.

²⁶ *Вместо:* сохранено — *было:* положено

²⁹ *Вместо:* Временном правительстве — *было:* Керенском

После: на — *зачеркнуто:* своих

³³ *После:* умерил — *зачеркнуто:* уже <?>

³⁴ *После:* искусства — *зачеркнуто:* как и в других сферах своего ведомства

С. 314.

⁴ *Вместо*: довольно — *было*: очень

⁹⁻¹⁰ *Вместо*: рассказал про визит Троцкого <к> Нулансу — *было*: а. представил, как третьего дня посол Нуланс сделал визит Троцкому; б. Троцкий сделал визит послу Нулансу; в. рассказал про визит, сделанный Троцкому; г. рассказал про визит посла Нуланса

¹⁰ *После*: Нулансу. — *зачеркнуто*: Последний

С. 315.

² *Перед*: Днем — *зачеркнуто*:

Вечером Стип успокоил меня насчет Степанова и награждения. Он утверждает, что никаких гаффов Иван Михайлович не делал, никаких *моих* бумаг при своем ходатайстве не прилагал, а вдобавок он готов отправиться когда и к кому угодно вместе со мной, дабы дать все нужные подтверждения. Теперь я со спокойной совестью могу написать (кончить начатое и послать) письмо Гессену, но теперь у меня к этому охоты сильно поубавилось. [С тех пор] За последние дни я прочел несколько номеров «Нашего века» («Речи»), и в них с особой ясностью обнаружилась безнадежность [их позиции] газеты, [их] органическая неспособность ее участников понять настоящее значение создавшегося общего положения. К тому же и *обидно* как бы «оправдываться» перед таким безнадежно непонятливым человеком. Но, может быть, я все же превозмогу себя и *напишу*, т.к. все же мне *его жаль*, и как-никак факт, что он обратился ко мне с теми двумя вопросами, меня *трогает*. Он как-никак поступил *дружественно*, более дружественно, нежели если бы он затаил и «про себя» махнул бы на меня рукой.

⁷ *После*: большую — *зачеркнуто*: самодеятельность

После: самостоятельность — *зачеркнуто*: (отдельно от прячущегося своего патрона Верещагина). Тут как-то путается и Влад. Лукомский.

¹⁰ *После*: Английском? — *зачеркнуто*: Надо отправить туда Г. Лукомского.

²⁸⁻²⁹ *Вместо*: что доставило Акице особое удовольствие — *было*: Акица была в восторге

С. 316.

³⁶ *Вместо*: Общая усталость — *было*: Утомление

³⁸ *Вместо*: от своих — *было*: у своих

С. 317.

³ *Вместо*: вырвался — *было*: вырывается

⁶ *Вместо*: гуннов — *было*: немцев

- ⁷ *Вместо:* Хьюг — *было:* Гюг
⁸ *Вместо:* убрать — *было:* отозвать
¹⁰ *После:* Робьен — *зачеркнуто:* уже
¹¹ *Вместо:* совсем — *было:* так нервничает и так
¹¹⁻¹² *После:* будущее. — *зачеркнуто:* Не считает ли он, что Альбион
¹² *После:* что — *зачеркнуто:* его коварный Альбион

С. 318.

- ³ *После:* крепким — *зачеркнуто:* тоном
²¹ *После:* уже — *зачеркнуто:* доехав (на извозчике!) и
³¹⁻³² *Вместо:* на виду у всех — *было:* в каске
³⁶ *Вместо:* штрафа — *было:* пенни
³⁷ *После:* просрочку. — *зачеркнуто:* Зато он

С. 319.

- ¹³ *Вместо:* заказ — *было:* дело с
¹⁸ *Вместо:* рисованием — *было:* изготовлением
³⁰⁻³¹ *Вместо:* рассказывал со слов Юры А<рцыбушева> — *было:* со слов Юры А<рцыбушева> рассказывал

С. 320.

- ² *Вместо:* вообще все — *было:* все вообще
⁵ *После:* Владивостоке!)! — *зачеркнуто:* Лишь бы ему спастись.
⁸ *После:* на себя — *зачеркнуто:* весь
⁹ *Вместо:* уберечь — *было:* спасти
¹¹ *После:* не выбраться. — *зачеркнуто:* Или ими движет сейчас стихия отчаяния? Но авось вывезут *стихию!*
²⁰ *Вместо:* рисунки — *было:* сангвины
²⁷ *Вместо:* последний — *было:* он
³⁷ *После:* ожидать. — *зачеркнуто:* Часть вечера поправлял и переписывал письмо Гессену.

С. 321.

- ¹³ *Вместо:* Егоровичем — *было:* Георгиевичем
После: Фурманом, — *зачеркнуто:* очень <нрзб.>
²⁰⁻²¹ *Вместо:* отчетливое о ней представление. И тогда уже — *было:* отчетливый ее облик. Тогда
²⁵ *Вместо:* особенно — *было:* более всего
²⁷ *После:* женщину — *зачеркнуто:* сумевшую детям Фурмана вполне заменить мать

С. 322.

- ² *Вместо:* духовную — *было:* оздоравливающую

- ⁶⁻⁷ *Вместо*: здоровая и освежающая атмосфера и — *было*: здоровая, освежающая и питательная
- ⁷ *Вместо*: Особенно после — *было*: После
- ⁹ *После*: войны. — *зачеркнуто*: а. На похоронах; б. Тело отвезли в какую-то лютеранскую часовню около Царскосельского вокзала — вероятно, хоронить будут (завтра) Мари где-нибудь в Павловске [или в другом, где у Фурмана имеется] или в ином пригородном местечке, где у Бориса Георгиевича имеется склеп.
- ¹⁶ *Вместо*: накричала на — *было*: устроила сцену
- ³²⁻³³ *Вместо*: (старший дворник) — *было*: (это швейцар)
- ³⁵ *После*: хочет!). Мы — *зачеркнуто*: на его <нрзб.> мы
- ³⁷ *После*: Божьей — *зачеркнуто*: однако
- ³⁸ *После*: повесить — *зачеркнуто*: вну<три>

С. 323.

- ¹² *После*: Но — *зачеркнуто*: уже
- ¹⁴ *После*: прерваны?) — *зачеркнуто*: а. В связи с этим находится явное свидетельство — поколебленность правительства народных комиссаров; б. Это как будто выражает и известную
- ²¹ *Вместо*: не выхожу — *было*: не могу выйти
- ³¹ *Вместо*: почему — *было*: как же так
- ³² *Вместо*: пробудить — *было*: разбудить
- ³³ *Вместо*: путей. Однако — *было*: путей, но
- ³⁴ *Вместо*: в том, обладает ли она — *было*: что в ней есть
- ³⁵⁻³⁶ *После*: поразило — *зачеркнуто*: что в ней было в <нрзб.>

С. 324.

- ¹¹ *Вместо*: не прочь сойти — *было*: может считаться
- ¹² *После*: обозрела — *зачеркнуто*: более
- ¹³ *Вместо*: отобрала — *было*: набр<ала>
- ¹⁶ *После*: хвалилась — *зачеркнуто*: всевозможными
- ¹⁷ *Вместо*: общественном — *было*: публичном
- ²² *Вместо*: евреев (новый тон) — *было*: (новый тон) евреев
- ³⁰ *Вместо*: И — *было*: Тут же
- ³² *После*: насчет — *зачеркнуто*: моих коллег
- ³³ *Вместо*: отчаянные — *было*: отъявленные
- ³⁸ *После*: России» — *зачеркнуто*: (видно, она немало на [моих] мне зарабатывает; впрочем

С. 325.

- ⁷ *После*: пришли — *зачеркнуто*: Эрнст
- ⁹ *Вместо*: Луначарский (Эрнст его сегодня видел) — *было*: Эрнст, со слов Луначарского

- 12-13 *После:* юности — *зачеркнуто:* (Кати?)
 13 *После:* по ссылке) — *зачеркнуто:* или по чему-то столь же «лестно иллегальному»)
 17-18 *Вместо:* прочтя в «Известиях» — *было:* известием, прочитанным
 19 *После:* что — *зачеркнуто:* он
 21 *После:* Шервашидзе — *зачеркнуто:* пишущий там
 23 *После:* Мейерхольд — *зачеркнуто:* или
 26 *После:* горевать — *зачеркнуто:* об уходе
 26-27 *Вместо:* По поводу ухода — *было:* Об уходе
 29 *Вместо:* только означало бы — *было:* только бы означало

С. 326.

- 9 *Вместо:* при свете одной сломанной лампы — *было:* (до двух ночи)
 17 *Вместо:* Меня — *было:* Мне
 24 *После:* начало — *зачеркнуто:* в свободе
 31 *После:* удались бы — *зачеркнуто:* эти
Вместо: подобные — *было:* такие
 32-33 *После:* живым — *зачеркнуто:* (не в борьбе ли со Смертью основная задача искусства?)
 34-35 *После:* столпотворение, — *зачеркнуто:* переселение народов, гунны, вандалы,

С. 327.

- 19 *После:* *искусству.* — *зачеркнуто:* Искусство
 21 *Вместо:* великолепную — *было:* великую
 23 *После:* деспоты — *зачеркнуто:* так чутки
 24 *После:* Когда же — *зачеркнуто:* монархи
 25 *Вместо:* принимаются *учить* — там, <где> им следует самим — *было:* учат то, *у чего* им первым нужно
 26 *После:* то — *зачеркнуто:* и
 28 *Вместо:* мне тогда — *было:* я тогда импровизировал
 30 *Вместо:* на ум — *было:* в голову
 31 *Вместо:* кое-какие — *было:* кое-что верного и
 35 *Вместо:* Т<ихонов> — *было:* он

С. 327-328.

- ³⁸⁻¹ *Вместо:* будет заключен — *было:* получен

С. 328.

- ⁴ *После:* оптимизма — *зачеркнуто:* (милый социалистической и обывательской маниловщины)

- ⁷ *После:* Avenard — *зачеркнуто:* милейший <нрзб.>
¹⁷ *После:* о том, — *зачеркнуто:* как
²⁰⁻²¹ *Вместо:* этим рассказом — *было:* его повествованием
²⁹ *Вместо:* со мной, обращается — *было:* с ним, [просила] обратилась
³⁴ *После:* даром — *зачеркнуто:* вс□
³⁵ *После:* вс□, — *зачеркнуто:* лишь

С. 329.

- ⁴ *После:* знакомый — *зачеркнуто:* Сувчинскому
⁶ *Вместо:* Продолжает ходить — *было:* а. Ходит; б. Упорно ходит
⁸⁻⁹ *После:* творится»). — *зачеркнуто:* Лишь
¹⁵ *Вместо:* «уволненного» — *было:* «отставленного»
²⁵ *Вместо:* до того дойдет. Я — *было:* если то понадобится. Однако я
Вместо: и предложил — *было:* чтоб не предложить ему
²⁹ *Вместо:* Постановка — *было:* Может быть, тут действует и уж очень бездарная постановка
³² *После:* высказаться. — *зачеркнуто:* И все же Зилоти хвастается составленным им письмом с неумелым указанием на волю Учредительного Собрания и т.п.
³⁵⁻³⁶ *Вместо:* Я не ощущаю в нем «подлинного художника» — *было:* В этом художнике я не ощущаю «подлинности»
³⁹ *Вместо:* Со смехом — *было:* С хохотом

С. 330.

- ¹⁰ *После:* Тихонов — *зачеркнуто:* и я был очень утешен
¹⁶ *После:* в восторге! — *зачеркнуто:* Он — складная <?> душа.
²² *После:* Юрий — *зачеркнуто:* Репин
²⁶ *Вместо:* Репин — *было:* он
³³ *Вместо:* не согласен — *было:* противится
³⁷ *После:* запасов — *зачеркнуто:* а может быть, привозят родственники военнопленных
³⁹ *После:* Аргутон — *зачеркнуто:* говорит

С. 331.

- ⁶ *Вместо:* Поза — *было:* Элемент позирования
⁷ *Вместо:* не — *было:* тяжело
¹⁸ *После:* тем более — *зачеркнуто:* что
²¹ *После:* бошам. — *зачеркнуто:* Очень
²³ *После:* Бибергалл (?) — *зачеркнуто:* к счастью
³⁰ *После:* им — *зачеркнуто:* во время экскурсии

С. 332.

- ³⁻⁴ *После:* исключениями — *зачеркнуто:* держатся
⁴ *После:* мыслят; — *зачеркнуто:* так что
¹⁸⁻¹⁹ *После:* с песнями — *зачеркнуто:* к Неве и
После: полю. — *зачеркнуто:* Одну такую колонну, около
часу проходившую с Марсова поля мимо Главного штаба, на-
ко-нец <?>
²⁰ *Вместо:* оттуда — *было:* обратно
²³ *После:* доверяю. — *зачеркнуто:* Я постоял немного в толпе.
³² *После:* вину — *зачеркнуто:* «неудачи мира»

С. 333.

- ⁴ *Вместо:* рано — *было:* ранним
¹¹ *Вместо:* война кончилась — *было:* и мир заключен
¹⁵ *Вместо:* И сам я — *было:* Я сам
¹⁶ *После:* несомненного. — *зачеркнуто:* Или это потому, что Дума
слишком возмущена теми, кто уже готовится идеологию ре-
ванша? Впрочем, все же минутами происходят и «внутренние
озарения» радости от ощущения мира.
²⁴ *Вместо:* «Евуге» — *было:* увраж
²⁶ *После:* с его — *зачеркнуто:* более чем
³⁵ *Вместо:* тремя — *было:* двумя-тремя

С. 334.

- ¹ *Вместо:* включил — *было:* заключил
³ *После:* мне — *зачеркнуто:* порядочным
⁵ *Вместо:* моя жена — *было:* Акица
¹⁰ *После:* хорошенькая, — *зачеркнуто:* немножко «коротенькая»
¹⁷ *После:* выпустили — *зачеркнуто:* из Смольного на свободу
²⁰ *После:* заседания — *зачеркнуто:* красноармейцы приволокли
²² *Вместо:* ставится — *было:* вменяется
²⁷ *После:* Всем — *зачеркнуто:* саботажникам

С. 335.

- ⁴ *После:* начинаем — *зачеркнуто:* пренебрегать
¹⁸ *После:* бы — *зачеркнуто:* и на это
²³ *После:* И сколько — *зачеркнуто:* его
³⁰ *После:* все еще — *зачеркнуто:* таинственно

С. 336.

- ¹ *После:* степени — *зачеркнуто:* упряма<ого>
⁴ *Вместо:* статьи — *было:* стихи
⁵ *После:* музыкальные — *зачеркнуто:* мысли и <нрзб.>

- ⁹ *Вместо:* какого-то — *было:* какую-то
- ¹⁴ *Вместо:* вызвала — *было:* провоцировала
- ¹⁶ *После:* я — *зачеркнуто:* наговор<ил>
- ¹⁹ *После:* статуэтках — *зачеркнуто:* о <нрзб.> стараний Саво-
стиных и Г<..?>
- ¹⁹⁻²⁰ *Вместо:* людей, ничему за все это время не научившихся —
было: вроде того, что «Не людям, ничему за все это время не
научившимся
- ²² *После:* было — *зачеркнуто:* в ответ
- ²⁶ *Вместо:* Стип — *было:* до тех пор Стип, боясь скандала
- ²⁸ *После:* руку — *зачеркнуто:* и последовал за
- После:* что-то — *зачеркнуто:* промолвил
- ³⁰ *После:* обменом — *зачеркнуто:* красивыми
- ³¹⁻³² *Вместо:* подобным — *было:* таким
- ³² *После:* его — *зачеркнуто:* и такой (в сущности, презренной)
жалости труднее всего не поддаваться!
- ³³ *После:* Гиппиус — *зачеркнуто:* тоже
- ³⁴ *После:* вообще. — *зачеркнуто:* Еще днем я критиковал в бесе-
де с Бертенсоном политику саботажа (он пробовал осторожно
меня корить за участие в «Новой жизни» — какая *старая* исто-
рия!). Чего бы проще цыкнуть на такого непризванного советчи-
ка, но ведь от него все еще отчасти зависит постановка «Пет-
рушки» и многое другое.

С. 337.

- ²³ *Вместо:* они и засели — *было:* засевших
- ²⁸ *Вместо:* После обеда — *было:* Среди вечера
- ³⁴ *После:* случилось) — *зачеркнуто:* и вообще всего политиче-
ского положения

С. 338.

- ¹⁰ *После:* отклонил — *зачеркнуто:* это желание
- ²⁰ *Вместо:* мужа. Он — *было:* мужа, он
- ²⁴ *Вместо:* нового — *было:* быстрее
- ³⁷ *После:* в — *зачеркнуто:* этой

С. 339.

- ¹ *После:* она — *зачеркнуто:* мне
- ⁶⁻⁷ *После:* Гессена — *зачеркнуто:* Бобчинского-Добчинского
- ⁸ *После:* обывателя» — *зачеркнуто:* не научившегося, снедаемо-
го злобой, затравленного страхом сплетника. Нег<одование>
- ¹⁵ *Вместо:* с — *было:* а. от; б. из
- ²⁵ *Вместо:* И эти раздражающие — *было:* Все это
- ³⁷ *Вместо:* снова на все лады — *было:* снова-здорово

С. 340.

- ⁸⁻⁹ *Вместо*: во время которого — *было*: причем
¹⁰ *После*: расстрел — *зачеркнуто*: так
¹⁶ *После*: комментарии — *зачеркнуто*: но не выдавала при этом какой-либо оригинальности или тонкости вкуса
¹⁷ *После*: полной — *зачеркнуто*: временами
²⁴ *После*: всюду). — *зачеркнуто*: Значит, мир близок.

С. 341.

- ⁵ *После*: характерна — *зачеркнуто*: для
²⁵ *Вместо*: можно теперь — *было*: теперь можно его обмануть и
³⁰ *Вместо*: приблизится — *было*: приблизить
Вместо: самым их — *было*: своим
³¹ *Вместо*: призывы — *было*: а. крики; б. клики
³³ *Вместо*: Как бы то ни было — *было*: Все же
После: что — *зачеркнуто*: воевать
³⁴ *После*: не будет — *зачеркнуто*: ибо не может
Вместо: всяким — *было*: и
³⁵ *После*: причинам. — *зачеркнуто*: Или еще [речь Троцкого] «финальная ария» Троцкого <нрзб.> не провокация к «карательному наступлению» немцев, удача которого на сей раз обеспечена? В глубине души обыватель, пожалуй, <желает> чтоб это было именно *так*. Тогда сразу все упростилось бы и устроилось в чаянии вождельного добротного порядка под бдительным оком германского шутмана¹ (о, сколько слышишь теперь таких мечтаний — даже вслух с полной откровенностью). Или обыватель ошибается, взваливая [такое] обвинение в предательстве только на одного [Троцкого] из Смольного? Не обстоит ли дело еще хуже для него — обывателя; не готовится ли и впрямь новая серия авантюры — попытка сыграть в 1792/93 год и не есть ли отчаяние Троцкого *подлинное* отчаяние человека, чувствующего себя обреченным и не желающего покинуть сцену, не подвергнув гибели всю остальную труппу и самый театр со всеми зрителями?
 Ответа на эти вопросы я не нашел ни в Зимнем дворце, ни за обедом у Жанти<ля>.

С. 342.

- ⁷ *Вместо*: Но — *было*: Впрочем
После: длительную — *зачеркнуто*: на обеде у любезного Жан-тиля, прошедшем в довольно уютном настроении и даже весело, но интимн<ую>

¹ От нем. Schutzmann — полицейский.

- ⁹ *После:* Эрмитажа. — *зачеркнуто:* а. Толстой; б. <С> Толстым
я собираюсь об этом поговорить в субботу вечером, но и сегодня я вперед
- ¹⁰ *После:* ему — *зачеркнуто:* что
- ¹¹ *После:* задачу. — *зачеркнуто:* Основания двоякого рода: субъективного и объективного порядка. Приняв эти
- ¹³ *После:* него — *зачеркнуто:* не сейчас
- ¹⁵ *После:* состояния; — *зачеркнуто:* мо<мент>
После: к тому же, — *зачеркнуто:* настоящий момент мне представляется особенно неудобным. Приняв
- ¹⁸ *После:* изоляции — *зачеркнуто:* или только сломал бы себе шею
- ¹⁹ *Вместо:* М-г Jentil — *было:* Жантиля
- ²² *После:* людьми. — *зачеркнуто:* Все же я обыкновенно исполнял свою роль *boute-en-train* à¹.
- ³⁵⁻³⁶ *Вместо:* предполагается — *было:* полагается
было: перенести беседу в более независимую от этой <?> массы своих «товарищей» и в более

С. 343.

- ⁵ *Вместо:* будто — *было:* что
- ¹² *Вместо:* я в ней — *было:* сильно
После: разочарован — *зачеркнуто:* (я думал там больше найти Юбер-Роберов)
- ¹⁶ *После:* изумлен, — *зачеркнуто:* что
- ²² *Вместо:* чистку — *было:* путаницу
- ²⁶ *Вместо:* до сих пор — *было:* пока
После: существует — *зачеркнуто:* (при этом я вполне убежден, что если бы я поменялся своим положением с положением Нерадовского и того <же> Д.И. Толстого, то они, «ворочающие мне теперь спину», воспользовались бы этим, [чтоб меня совсем] [и не имели бы тех <нрзб.>] чтоб совсем [меня] мне досадить). Между тем, чует мое сердце, что большевики способны из революционного усердия [наделать] приступить ко всяческой «чистке», причем советниками в этом им окажутся именно всякие Брики, Пунины. Как они сами не понимают, что во многих случаях успех дел[а] в художественном мире, в той мере, в которой он соприкасается с миром власти, администрации, зависит от людей, целиком себя посвятивших своей задаче, [и] любящих ее и опытных в ней. С психологией глубоких провинциалов, а то и просто круг-

¹ Души общества (*фр.*).

лых невежд, а то и гадких [интрига<нов>] карьеристов они собираются играть роль реформаторов, причем у них самих и понятия нет о плане или каких-либо сведений о фактическом учете имеющихся средств. А тут еще Эрнст

С. 344.

²³ *После:* я — *зачеркнуто:* как раз

С. 345.

² *Вместо:* самое — *было:* совсем

⁵ *Вместо:* т.д.)! — *Особенно — было:* т.д.) — особенно

⁸ *После:* своих — *зачеркнуто:* диких

⁹ *После:* выказывал — *зачеркнуто:* свою

¹⁰ *После:* своей — *зачеркнуто:* непрерывной

¹² *Вместо:* ему — *было:* его

После: в себе — *зачеркнуто:* этого <?>

²³ *Вместо:* и это после — *было:* из-за

³⁰ *Вместо:* Однако — *было:* Но затем

³⁴ *Вместо:* бегать по улицам — *было:* разгуливать по городу

С. 346.

²¹ *После:* пошло — *зачеркнуто:* сплошное

²² *После:* и — *зачеркнуто:* имеет совершенно демократический облик

²⁴⁻²⁵ *Вместо:* Для начала он — *было:* а. С особым шмаком; б. Он

²⁵ *После:* рассказал — *зачеркнуто:* про тот

³⁴⁻³⁵ *После:* меткие (и — *зачеркнуто:* замечания)

³⁸ *Вместо:* Получила — *было:* Получившей

После: (sic!) — *зачеркнуто:* консульства

С. 347.

¹⁰ *После:* был — *зачеркнуто:* одно время

¹⁸ *Вместо:* сделать — *было:* провести

²⁰ *Вместо:* до сих пор — *было:* об этом

²⁴ *Вместо:* воспоминания — *было:* мемуары

²⁷ *Вместо:* Революционный — *было:* Советский

³³ *После:* Выборге, — *зачеркнуто:* спас ее и

С. 348.

¹ *После:* каждый раз — *зачеркнуто:* оказывались

² *Вместо:* гарнизона — *было:* Крепости

³ *После:* Наконец — *зачеркнуто:* приехал сам Шрейдер, но и ему

⁵ *Вместо:* камеры — *было:* казематы

- ⁸ *Вместо:* контроля — *было:* наблюдения
- ¹¹ *После:* сам — *зачеркнуто:* в тужурке и
После: летнем — *зачеркнуто:* пал<ьто>
- ¹² *Вместо:* после того что — *зачеркнуто:* за то, что
- ¹⁶ *Вместо:* что я напрасно сдался на просьбы Стипа — *было:* что,
сдавшись на просьбы Стипа, я совершил непростительную глупость
- ²⁵ *После:* Верещагина, — *зачеркнуто:* Стипа
- ²⁶ *После:* Руманова — *зачеркнуто:* с другой
- ²⁸ *После:* вдоволь — *зачеркнуто:* адвокатских
- ³² *Перед:* По дороге — *зачеркнуто:* Возвращаясь
- ³⁵ *Вместо:* пожалуй — *было:* убежден, что авторитетную <?>
- ³⁶ *После:* роль — *зачеркнуто:* играет

С. 349.

- ⁵ *После:* Лансере. — *зачеркнуто примечание:* Он рвется к своим в Крым, но с билетом в кармане третий день не может влезть в вагон; классов больше нет, и «товарищи» наполняют поезд до такой степени, что даже иные, устроившись на подножках, едут таким образом до Москвы.
- ⁷ *После:* колонна — *зачеркнуто:* и Арка — Юбер-Роберовский сюжет: Saint-Petersbourg dans cinq mille ans¹.
- ⁹ *Вместо:* заносов — *было:* завалов
- ¹⁰ *После:* брошенные). — *зачеркнуто:* На первом
- ¹⁹ *Вместо:* Из беседы с Ятмановым узнал, что после — *было:* После
- ²⁰ *После:* Эрмитажа — *зачеркнуто:* он
- ²⁶ *Вместо:* хозяйствами — *было:* комиссиями
- ²⁹ *После:* личико — *зачеркнуто:* дикаря
- ³⁷⁻³⁸ *Вместо:* и все дипломатические ходы, и все свои победы — *было:* и все свои победы, и все дипломатические ходы

С. 350.

- ⁷ *Вместо:* на — *было:* в
- ¹¹ *Вместо:* с достоинством — *было:* очень
После: достоинством, — *зачеркнуто:* однако
- ¹²⁻¹³ *Вместо:* даже мужчин — *было:* (не будучи помехой даже мужчинам)
- ¹⁵ *После:* произошла в — *зачеркнуто:* очень
- ²² *Вместо:* он слезно — *было:* убедительно

¹ Санкт-Петербург через пять тысяч лет (*фр.*).

- ²⁵ *После:* я — *зачеркнуто:* так и
³³ *Вместо:* Коля — *было:* Он
³⁵ *Вместо:* эпических — *было:* героических
³⁹ *Вместо:* имеет — *было:* пользуется
Вместо: даже — *было:* и он
³⁹⁻⁴⁰ *После:* Крепости! — *зачеркнуто:* Хотелось бы Коле, что<бы> и дядя Сережа Зарудный был на его докладе — хоть, наверное, и сей бывший сенатор ныне <не> пользуется каким-либо авторитетом.

С. 351.

- ⁷ *После:* Керенского»... — *зачеркнуто:* о сапоги всмятку!).
¹¹ *После:* я — *зачеркнуто:* уже
¹⁷ *После:* рынка), — *зачеркнуто:* так <нрзб.>
²⁹ *После:* освятить — *зачеркнуто:* (роман!)
³⁵ *Вместо:* написал — *было:* сделал

С. 352.

- ¹⁰⁻¹¹ *Вместо:* постели с театральными сюжетами — *было:* театральные постели
¹⁵ *После:* них — *зачеркнуто:* (кроме двух п<оследних>
¹⁷ *После:* эскиз — *зачеркнуто:* средн<его>
После: сюжета — *зачеркнуто:* эт<ого>
¹⁹ *После:* отцовском) — *зачеркнуто:* что и давало
²⁰ *Вместо:* характерность — *было:* иллюзию
После: Weihnachten — *зачеркнуто:* и в ермолке
²¹ *После:* «Гросфатер» — *зачеркнуто:* (я за роялем)
²³ *Вместо:* неуклюжие жесты Тэклы — *было:* аляповатая Тэкла
²⁹ *После:* юноша, — *зачеркнуто:* умный и
Вместо: сосредоточенно-впечатлительная натура — *было:* впечатлительный чело<век>
³⁰ *После:* как бы — *зачеркнуто:* ее
³² *После:* благополучно. — *зачеркнуто:* С другой стороны, враг силен, и
³⁵ *Вместо:* нашей эпохи — *было:* своих родителей
³⁸ *После:* сажать — *зачеркнуто:* своего

С. 353.

- ⁷⁻⁸ *Вместо:* отказавшегося (по телефону) последовать ласковому приглашению моей жены — *зачеркнуто:* отказавшего (по телефону) моей жене прийти на ее ласковое приглашение, никто не пожалел
⁹ *После:* никто — *зачеркнуто:* не и

¹⁰ *После*: веселее*. — *зачеркнуто*: Брус прислал милое письмо с извинением, что не может быть, и две бутылки шампанского*.

¹³ *Вместо*: газет. Дело — *было*: газет, уверенность, что с делом

¹⁵ *После*: дал — *зачеркнуто*: понять

После: отредактированную — *зачеркнуто*: довольно

¹⁶ *Вместо*: однако — *было*: (умышленно?)

После: которой — *зачеркнуто*: однако

²⁹ *Вместо*: тончики — *было*: выклики

³⁸ *После*: письмо — *зачеркнуто*: и призвать к более выдержанной самодисциплине, к борьбе со всяческим его косноязычием!

³⁹ *После*: эта — *зачеркнуто*: иудейская

Вместо: все эти глубинные переживания — *было*: вся эта глубина переживаний

С. 354.

⁵ *Вместо*: обещание — *было*: предупреждения

⁶ *Вместо*: бед. Темнота действует — *было*: бед; и это они действуют

¹⁰ *После*: умываясь — *зачеркнуто*: (особенно Атя)

¹³ *После*: чтоб — *зачеркнуто*: протестовать и

¹⁴ *Вместо*: порядку! Шутка — *было*: порядку (шутка)

¹⁵⁻¹⁶ *Вместо*: лет назад. Вследствие это<го> у девиц — *было*: лет назад, слишком вял, чтоб реагировать энергичней). У девиц

³⁶⁻³⁷ *Вместо*: т.к. сомневаюсь — *было*: т.к. Петров-Водкин

С. 355.

³¹ *Вместо*: не горело — *было*: не было

³³ *Вместо*: двух канделябров — *было*: нескольких свечей

С. 356.

⁵ *Вместо*: какую — *было*: что

¹⁷ *После*: специальность. — *зачеркнуто*: Девочки

¹⁸ *После*: Наде, — *зачеркнуто*: вернувшейся одн<..?>

²⁷ *После*: ночевал — *зачеркнуто*: ученик

³³ *После*: Зато — *зачеркнуто*: как

С. 357.

³ *После*: у меня — *зачеркнуто*: рекомендацию

⁴ *После*: У него-де — *зачеркнуто*: за<нятия>

* Вот это <не закончено>

- ⁷ *Вместо*: им — *было*: ему
После: до крайности — *зачеркнуто*: потому: «дайте рекомендацию»
- ⁸ *Вместо*: а потому — *было*: поэтому
- ⁹ *После*: стиль — *зачеркнуто*: так
- ¹⁰ *Вместо*: какое-то — *было*: подобное
- ¹³⁻¹⁴ *Над словами*: «обращения к большевикам» с просьбой — *вписано и зачеркнуто*: искания одолжения со стороны большевиков
- ²⁴ *Вместо*: прочтения — *было*: чтения
- ²⁷ *Вместо*: не обмолвился обо мне — *было*: не упоминает меня
- ²⁸ *Вместо*: «Петрушки» — *было*: балета
- ³⁰ *После*: заседание — *зачеркнуто*: «военный совет»
- ³⁸ *Вместо*: отдал бы жизнь! — *было*: тоже пожертвовал бы жизнью.

С. 358.

- ⁴⁻⁵ *Вместо*: во что бы то ни стало; но первый — *было*: во что бы то ни стало. Первый
- ¹¹ *После*: строительства — *зачеркнуто*: общей
- ¹⁴⁻¹⁵ *После*: поползновения — *зачеркнуто*: вечно
- ²⁰ *Над словом*: беспорядки — *вписано и зачеркнуто*: захватили
- ²⁴ *Вместо*: их — *было*: известную подлинную
- ³¹ *После*: Ландегофе, — *зачеркнуто*: прибывшем в составе
- ³⁷ *После*: *расстоянии*). — *зачеркнуто*: Впрочем, все может измениться, если кризис затянется, но к тому времени немцы заставят и Запад принять мир, и тогда общими усилиями Европа сможет <?> водворить порядок общими усилиями.

С. 359.

- ³ *После*: не допустят! — *зачеркнуто*: (рубить сук, на котором сидят!)
- ⁹ *Перед*: День — *зачеркнуто*: Сегодня на пути (пешком) к Фокину со мной произошел характерный для меня случай. Я в продолжение полутора часов пребывал в паническом ужасе по совершенно нелепому поводу, поддаваясь своей склонности принимать *des vessies pour des lanternes*¹. Припадок того же чувства, какое владело мной весной 1910 г. в ожидании столкновения кометы с землей! Я спешил к 10 ч. на заседание к Фокину.
- ¹⁰ *После*: морозе, — *зачеркнуто*: еще
- ¹⁰⁻¹¹ *После*: фантастичности — *зачеркнуто*: была

¹ Одно за другое (*фр.*).

- ¹²⁻¹³ *После:* солнце — *зачеркнуто:* среди
- ¹⁶ *После:* влачивших — *зачеркнуто:* черные
- ¹⁷ *После:* не ходят). — *зачеркнуто:* Все это меня уже настроило на особый лад, и вот в этом же настроении, миновав ближайшую улицу, я вышел на более открытое место у Поцелуева моста. Тут я наткнулся на столпившуюся кучку простолюдинов [людей], которые глядели все в [одну] сторону Реформатской церкви с какими-то странными выражениями лиц, не то недоумения, не то ужаса. Смотрю туда же и вижу слева от колокольни церкви в небе сверкающее и переливающееся ядро — то застилающееся туманом, то снова выплывающее. Какой-то мужичок в ужасе шепчет: «Что же это такое, Господи!» Какой-то мастеровой не без смака прибавляет: «Сейчас бомбу бросать будут». Во мне мигом с целой категорией мыслью о «заслуженной каре Божьей» является уверенность, что это гигантский метеор или комета, которая через несколько минут испепелит если не всю нашу планету, то уж, наверное, Петербург и его окрестности! Я и не пытаюсь [дальше] лучше выяснить, в чем дело; не останавливаясь, я продолжаю очень быстро идти, но ноги [слабеют] подкашиваются, и у Консерватории я чуть не падаю (домá здесь застывает эффект <?>).
- ²⁰ *После:* чудовищно-прекрасным... — *зачеркнуто:* Но прошло уже пять минут, а катаклизма медлит разразиться. У прохожих самый обыденный вид. Я немного успокаиваюсь и в таком состоянии вступаю в подъезд Фокина (со стороны Екатерининского канала), поднимаюсь к нему и раздеваюсь. А ось-то пронесло... Лишь через два часа получилось <?> объяснение «небесному знаменью». Когда я после заседания уже шел обратно <тем же> путем и я снова попал к Поцелуеву мосту, горизонт совершенно очистился, и теперь сияние золотого купола Исаакиевского собора сверкало беспрепятственно. Его я и принял за комету и, вместе с той группой простолюдинов, — за Небесное Знамя. — Я был внутренне очень сконфужен и [от домашних скрыл свое состояние] [придя домой, скрыл от своих] решил скрыть от домашних свой позор!..
- ²¹ *Вместо:* Утреннее — *было:* Самое
- ³⁴ *После:* стал — *зачеркнуто:* говор<ить>

С. 360.

- ³ *Вместо:* выгод. Тогда — *было:* выгод, а
После: приняло — *зачеркнуто:* снова
- ⁷ *Вместо:* со всей технической частью — *было:* «поднять» всю техническую часть

¹⁴ *После*: не понимает — *зачеркнуто*: кажется

²¹ *Вместо*: проникли — *было*: попали <?>

²⁷ *После*: те, — *зачеркнуто*: что

С. 361.

²⁻³ *После*: здоровье — *зачеркнуто*: а. Лели [и на необходимость обращения] (та все-таки очень возбуждена: говорила чепуху и, наконец; б. Очень возбужденная за последние дни, Леля спорила, говорила чепуху, наконец, с безмолвным Биком удалилась с намерением отправиться в кино.

⁷ *После*: опускаются — *зачеркнуто*: Во-первых, мы оба не очень верим докторам, во-вторых,

⁸ *После*: болезнь, — *зачеркнуто*: и, в-третьих,

⁹ *После*: диету, и — *зачеркнуто*: наконец

¹⁴ *После*: поручение — *зачеркнуто*: от

²⁶ *После*: Казнакова. — *зачеркнуто*: Она желала бы их [по] выставить на «постоянной выставке» в Обществе поощрения художеств, которой Стип все более увлекается.

²⁹⁻³⁰ *После*: «Авроры» — *зачеркнуто*: с ее гигантскими трубами

³⁰ *Вместо*: таких — *было*: этих

С. 362.

⁵ *После*: лейб-гвардию. — *зачеркнуто*: Опровержение того, что солдатам гарнизона не позволено будет отлучаться в ближайшие ночи из казарм, косвенно указывает на то, что нечто затевается (или затевалось?) еще до 5 января.

⁶ *Вместо*: на Неве — *было*: махин у Цусимской церкви

⁷ *После*: мастерскую — *зачеркнуто*: предоставленную

¹⁶ *Вместо*: прямо по льду — *было*: через лед

²⁰ *Вместо*: конькобежцев. Это — *было*: конькобежцев по улицам города, это

²¹ *После*: по панелям и — *зачеркнуто*: по

²² *После*: улицы. — *зачеркнуто*: Быв<ают>

Вместо: По — *было*: На днях по

²⁶ *После*: впечатление — *зачеркнуто*: известного освежения

²⁸ *Вместо*: чем была прежде — *было*: нежели она была до революции

³⁰ *Вместо*: Впрочем — *было*: Однако

³¹ *После*: погнали — *зачеркнуто*: буржуа

³⁷ *После*: на Алексеевской — *зачеркнуто*: для Головина

С. 363.

²⁻³ *Вместо*: Также и бутафор — *было*: Бутафор

- ¹³ *После:* французом) — *зачеркнуто:* Костю я не смог позвать из-за порчи телефонов), но все обошлось
- ¹⁴ *Вместо:* порядочно скучным — *было:* не без скуки
- ²¹⁻²² *Вместо:* Вообще же, его рассказы — *было:* Рассказы его, впрочем,
- ²³ *Вместо:* заезжала — *было:* была у меня
Вместо: но по — *было:* а. но из-за; б. после того что
- ²⁴ *После:* тока — *зачеркнуто:* она
- ³¹ *Вместо:* к моей особе — *было:* по мою особу
- ³² *После:* но — *зачеркнуто:* я
- ³⁴ *После:* не опустит — *зачеркнуто:* такого
После: случая — *зачеркнуто:* чтоб

С. 364.

- ⁴ *Вместо:* развертывании — *было:* чередовании
После: звуков, — *зачеркнуто:* из которых она составлена
- ⁶ *Вместо:* судоводных — *было:* судоводств
- ⁶⁻⁷ *После:* обществ. — *зачеркнуто:* Бра<т>
- ¹⁵ *После:* отправился — *зачеркнуто:* к
После: моей — *зачеркнуто:* пе<реписчице>
- ¹⁶ *После:* «Речи») — *зачеркнуто:* дабы
- ²² *Вместо:* на мостах — *было:* на улицах
- ²⁶ *После:* ведь — *зачеркнуто:* она
- ²⁷ *После:* святого). — *зачеркнуто:* Говорит о нем со слезами на глазах.
- ²⁸ *После:* Ганфман. — *зачеркнуто:* (Не потому ли в ней заметно некоторое оживление, [так] как то находят все наши?)
После: лавкам — *зачеркнуто:* для
- ³⁵ *После:* возможность — *зачеркнуто:* читать и писать

С. 365.

- ³ *После:* Случившийся — *зачеркнуто:* же
- ⁵ *После:* sospirì» — *зачеркнуто:* лично
- ⁶ *После:* Ажу — *зачеркнуто:* для <нрзб.>
- ¹³ *После:* Христу» — *зачеркнуто:* имею в виду нашу троицу: Мережковских с Димочкой.
- ¹⁶ *После:* Горькому — *зачеркнуто:* и показывающим фигу — Богу!
- ¹⁹ *Вместо:* чрезвычайно — *было:* очень
- ²³⁻²⁴ *Вместо:* рассказал — *было:* рассказывал
- ²⁵ *После:* дороги; — *зачеркнуто:* и видел, как
- ²⁷⁻²⁸ *После:* в банке, — *зачеркнуто:* их разгильдяйством! [их]
Партия их
- ²⁸ *Вместо:* расположившимся — *было:* расположилась
- ³¹ *После:* гнусного, — *зачеркнуто:* несколько

С. 366.

- ¹ *После:* заинтересованности — *зачеркнуто:* в плодах своего труда
⁴ *После:* мудрости. — *зачеркнуто:* В делах кесаревых только такая мудрость и нужна, и не дай Бог, если в кесаревых делах (иначе говоря, в управлении государством, начнет доминировать психология божеских дел, с ними не совместимая).
¹³ *Над словами:* благотворительное влияние — *вписано и зачеркнуто:* пользу
¹⁴ *Вместо:* Кока — *было:* он
²¹ *После:* оба — *зачеркнуто:* юноши
²² *После:* умненькие — *зачеркнуто:* и трезвые
²²⁻²³ *Вместо:* извращенности — *было:* болезненности
²⁴ *Вместо:* Кокины — *было:* его
³¹ *Вместо:* не разберу — *было:* не разобрал
³⁴ *Над словом:* нечитания — *вписано и зачеркнуто:* отсутствия

С. 367.

- ⁵ *Вместо:* Стип — *было:* он
¹⁰⁻¹¹ *После:* Аргутону. — *вписано и зачеркнуто:* Посмотрим.
¹¹ *Вместо:* Однако сегодня — *было:* Сегодня
¹² *Вместо:* Владимир — *было:* он
Вместо: хворает — *было:* болеет
¹⁹ *Вместо:* У него *отчаянный* тон. — *было:* В первый раз слышу такой *отчаянный* тон.
¹⁹⁻²⁰ *Вместо:* в ужасе — *было:* в горе
²⁰ *После:* но — *зачеркнуто:* он
Вместо: считает — *было:* предвидит
²⁹ *После:* с трудящимися». — *вписано и зачеркнуто:* В данном случае — с нами.
³¹ *Вместо:* Платер («Александр Николаевич — *было:* Платер: мол, Александр Николаевич
³⁷ *После:* игнорирования. — *зачеркнуто:* А более хитрые уже <?> их усердно обхаживают; недаром Брик, по словам Эрнста, сидит «в кулуарах» Зимнего дворца.

С. 368.

- ¹ *После:* Екатерингофе — *зачеркнуто:* (?)
⁶ *После:* уменьшенный — *зачеркнуто:* портрет
⁷ *После:* Кремля — *зачеркнуто:* Тропинина
⁸ *Вместо:* спящий — *было:* дрыхнувший
⁹ *После:* самоваром — *зачеркнуто:* попадья
¹⁹ *После:* на которое — *зачеркнуто:* впрочем
После: явились — *зачеркнуто:* лишь

- ²⁰ *После*: час). — *зачеркнуто*: В ожидании брата [Рерих] и Стипа Рерих с большими изъявлениями дружбы
- ³⁴ *Вместо*: его успокоить — *было*: успокоить [его] несчастного М<..?>
- ³⁵ *После*: глупо — *зачеркнуто*: на нем
После: на нем, — *зачеркнуто*: присутствуя при их, для меня вовсе не понятной, междуусобной грызне <?> ,
- ³⁶ *После*: Р<ерих>, — *зачеркнуто*: видимо
- ³⁸ *После*: назидание — *зачеркнуто*: мне

С. 369.

- ⁸⁻⁹ *После*: Щавинским — *зачеркнуто*: (которого Стип называет «чугунным задом»).
- ¹¹ *После*: Рерих — *зачеркнуто*: нам
- ¹² *Вместо*: свой пространный проект — *было*: свою длинную рачею [проект]
- ¹⁴ *После*: такое — *зачеркнуто*: — общее же впечатление — что все направлено к тому, чтоб учительский состав (школы [Об. «Поощрения») целиком остался
- ¹⁵ *После*: какое-то — *зачеркнуто*: очень
- ¹⁷ *После*: и т.д.) — *зачеркнуто*: (при очень скромном жалованье)
- ²⁰ *После*: ерунду — *зачеркнуто*: — а к тому же все равно не миновать общий *сoup de balais*¹⁾ и с абсолютным безразличием в душе приложил руку и к тому, что изготовил брат-секретарь
- ²¹ *Вместо*: Н<иколая> К<онстантиновича> — *было*: обоих братьев
- ³² *Вместо*: в полночь — *было*: в 12 часов

С. 370.

- ¹ *Вместо*: Немирович в восторге — *было*: в восторге Немирович
- ⁴ *После*: Вот — *зачеркнуто*: его

С. 371.

- ¹² *Вместо*: Когда мы удалились к себе, девочки — *было*: Девочки
- ³⁵ *После*: нервный, — *зачеркнуто*: до

С. 375.

- ¹⁷ *Вместо*: древних киевских — *было*: старинных русских
- ²⁰ *Вместо*: объявления о подписке — *было*: рекламы
- ²¹ *После*: участвующих. — *зачеркнуто*: Меня это взбесило.
- ²⁶ *Вместо*: слишком — *было*: уж очень

¹ Пинок (фр.).

С. 376.

- ⁵ *После*: обсуждения — *зачеркнуто*: и приведения вопроса к точке
- ¹⁶⁻¹⁷ *Вместо*: Сюжеты — *было*: Картины
- ¹⁷ *После*: «Суламифь», — *зачеркнуто*: «И был вечер»,
- ²⁰ *После*: Чюрлениса. — *зачеркнуто*: Нудная техника.
- ²² *После*: противное — *зачеркнуто*: «творчество»
- ²⁹⁻³⁰ *Вместо*: могу ручаться за то, что мои коллеги эти композиции примут — *было*: а. гарантирую, что мои коллеги их примут; б. чтобы мои коллеги их приняли
- ³⁰⁻³¹ *Вместо*: состоит — *было*: служит

С. 377.

- ⁵ *После*: политику» — *зачеркнуто*: и недоумевающие
- ¹⁰ *После*: разъяснил. — *зачеркнуто*: А многое ему просто не понять.
- ²⁴ *Вместо*: в третью очередь из — *было*: среди
- ²⁸ *Вместо*: остались — *было*: останутся
- ³⁵ *Вместо*: случившейся — *было*: этой

С. 377–378.

- ³⁸⁻¹ *Вместо*: только предполагаемого — *было*: проектированного

С. 378.

- ⁶ *После*: представителями — *зачеркнуто*: такого
- ⁶⁻⁷ *Вместо*: аполитического — *было*: внеполитического
- ¹⁷ *После*: Лариса — *зачеркнуто*: моя грациозная собеседница
- ²⁴⁻²⁵ *Вместо*: (я уверен — *было*: (и я думаю
- ³² *После*: я — *зачеркнуто*: в шутку

С. 379.

- ³ *Вместо*: Под конец мы сидели — *было*: Сидели мы
- ¹¹ *После*: распущена. — *зачеркнуто*:

Ромен Роллан меня теперь скорее раздражает... В «*Dernier Voyage*»¹ местами получаешь иллюзию, что читаешь Бурже или даже Онэ. Нет, это не Толстой! Все же в конце у него священный ужас перед вызванными демонами, и чтение его книг никак не служит подтверждением тезиса, *que la France n'a pas voulu la guerre!*²

- ¹² *После*: письмо — *зачеркнуто*: — сегодня.

¹ «Последнем путешествии» (фр.).

² Что Франция не хотела войны (фр.).

С. 380.

¹¹ *После:* 25 рублей!) — *зачеркнуто:* это выйдет сорок пять

¹³ *После:* но — *зачеркнуто:* с некоторым душком и

После: не без — *зачеркнуто:* ридикюля

С. 382.

¹⁻² *Вместо:* лозунгов — *было:* формул

⁶ *После:* не выработали — *зачеркнуто:* (об их беспомощности можно судить по тому кустарно-лубочному способу, с каким ведется в Революционном Трибунале дело Пуришкевича)

¹³ *Вместо:* крайне угрожающими — *было:* просто грозными

¹⁴ *Вместо:* вовсе — *было:* даже

С. 383.

¹⁴ *После:* большая — *зачеркнуто:* полная

С. 384.

²⁷ *После:* Чертков — *зачеркнуто:* с полной

³⁸ *Вместо:* никакой — *было:* а потому и

С. 385.

² *После:* крестьянства — *зачеркнуто:* всяких Антонов Горемык

⁹ *Вместо:* советовал — *было:* не мешал

³¹ *После:* нас — *зачеркнуто:* что хотят обесцветить жизнь, подвести ее под уровень <нрзб.>. В «нетопленную баню с пауками» — вот куда ведут эти «фетишисты мужичка», и, разумеется, если только останется «баня с пауками» и не будет простого хорошего дома, то люди предпочтут просто уйти в лес — к зверям.

С. 386.

⁵⁻⁶ *После:* Верещагина — *зачеркнуто:* и нашего делопроизводителя,

³⁷ *Вместо:* Парижа — *было:* Москвы

⁴⁰ *После:* ножках — *зачеркнуто:* словом, мизерный еврейчик с большим длинным лицом и всклокоченной шевелюрой. Говорит с сильным жаргонным акцентом

С. 387.

³⁻⁴ *После:* является), — *зачеркнуто:* однако она убеждена, что

⁷ *После:* террор) — *зачеркнуто:* в частности же тем, что Дементьев и Комаров по-прежнему не признают новой власти, благодаря которой, однако, они остались на службе во дворце.

- ¹⁴ *После*: подчиненными! — *зачеркнуто*: А тут еще запуганный Верещагин, опекающий со своими двумя помощниками (ныне к ним присоединился еще третий библиотекарь — Гельмерян <?>) лишь одну часть гигантского дворца. Все трое как-то танцуют между двух стульев и никак не решаются сесть на один из них, не будучи уверенными, что занятый стул окажется на завтрашний день прочным, а <не> ломаной рухлядью (*image de la Sainte Russie actuelle*)¹. Нелепый Василий Андреевич В<ерещагин> до сих пор не довел до сведения Луначарского о случившейся в комнатах Александра II покраже...
- ¹⁶ *Вместо*: получила — *было*: раздобыла
- ³⁰ *После*: дело — *зачеркнуто*: (приходится признать, что в этой войне именно [людям прессы] еврейским элементам в <прессе> принадлежит весьма гнусная роль
- ³² *Вместо*: тогда как — *было*: но
- ³³ *После*: курсе... — *зачеркнуто*: <нрзб.> работы и дела вообще, и потому я, шадя свои нервы, не стану соваться с требованием объяснений.
- ³⁴ *После*: Рерих. — *зачеркнуто*: Съели весь наш мед.

С. 388.

- ⁹ *Вместо*: ему импонируют — *было*: его пленят
- ¹¹ *После*: Рериха. — *зачеркнуто*: И получилось
- ¹³ *Вместо*: сразу — *было*: естественно
- ¹⁴ *После*: не желает — *зачеркнуто*: чтоб было приступлено к каким-либо реформам и
- ³² *После*: сейфов — *зачеркнуто*: а. а у них там тоже имеется;
б. он имеет

С. 389.

- ⁵⁻⁶ *Вместо*: на рассудочной основе — *было*: рассудочным путем
- ⁶ *После*: горения — *зачеркнуто*: не чувствуется интуиция
- ⁷ *Вместо*: большой — *было*: тяжкий
- ¹¹⁻¹² *Вместо*: до чего — *было*: как
- ¹⁵ *Вместо*: переменить — *было*: chambarder²
- Вместо*: При — *было*: Несомненно, что при
- ²⁰ *Вместо*: многое — *было*: нечто
- ²¹ *После*: существенное — *зачеркнуто*: и главное
- ²⁴ *После*: «Новую жизнь»! — *зачеркнуто*: Чувствую, как накапливаются вокруг недоразумения, но их опасность, часто личного

¹ Вот вам Святая Русь сегодня (*фр.*).

² Перевернуть все вверх дном (*фр.*).

для меня характера, лишь усугубляет трудность прервать молчание и выступить под видимостью самозащиты...

²⁷ *После*: не понимает — *зачеркнуто*: но иные слепы и глухи на многое, и оно для них не существует, кругозор их теснее и потому задача легче. Мне же, по моему кругозору, был бы потребен ум Г□те, а это мне, увы, не дано. Я ведь какой-то недоделанный.

³⁰ *После*: не хочу. — *зачеркнуто*: В вечернем (лишь сегодня прочтенном) «Дне» речь ген. Гофмана <?>. Мне она не представляется [каким<-то>] просто чем-то «лукавым». Это тон людей, воспитанных в «культуре долга» (Pflichtgefühl). Все держащие меч мне противны: немцы так же, как русские, французы, англичане, американцы, — все равно, во имя ли той или иной, однако всегда для всех «священной» войны — но немецкие воины импонируют тем, что в них как-никак больше прямоты, а следовательно, и известного благородства.

С. 390.

⁷ *После*: снега. — *зачеркнуто*: Трам □ 8 ходит, но по но<во>му маршруту.

¹⁵ *После*: еврей — *зачеркнуто*: — жалкая порода.

¹⁷ *Вместо*: Он — *было*: Впрочем, он

²⁰⁻²¹ *Вместо*: которое он застал у нас: — *было*: так как у нас по случаю Le jour des Rois¹ обедали

²¹ *После*: наши. — *зачеркнуто*: Он «бежал».

³⁶ *После*: проспекте — *зачеркнуто*: нашего

С. 391.

⁵⁻⁶ *После*: (Аллегри — *зачеркнуто*: впрочем

¹⁴ *После*: ужасы, — *зачеркнуто*: часть

³⁰⁻³¹ *После*: переговорах? — *зачеркнуто*: Как раз сегодня помещена очень логично отредактированная декларация германской делегации, и не верится, чтоб ответ на нее, обещанный на завтра (несомненно, его сейчас готовят в десять рук и голов), явится чем-либо достойным этого документа. Вероятно, сам Ленин попытается спасти свою партийную репутацию, и он постарается с громкими фразами переложить свою ответственность на другие плечи. Но в *продажность* его (да и Троцкого) я продолжаю решительно не верить.

³⁴ *Вместо*: (Чернова?) — *было*: (не то Чернова, не то Маркова?)

³⁴⁻³⁵ *После*: и — *зачеркнуто*: а. один; б. несколько

¹ Дня Богоявления (фр.).

- ⁶ *После:* художником — *зачеркнуто:* Осоргиным (неистовым пошляком)
- ⁷⁻⁸ *Вместо:* Художник — *было:* Осоргин
- ¹¹ *Вместо:* бездарность — *было:* бездарщина
- ²⁰ *После:* мысли. — *зачеркнуто:* Особенно это так представляется сейчас вслед за прочитанным Р. Ролланом.
После: людьми! — *зачеркнуто:* Я и им не верю.
- ²³ *После:* Кранаха). — *зачеркнуто:*

Еще одна из стихий художника — свобода. Именно за свободу и органическую нашу аполитичность Платон, вероятно, и хотел изгнать нас из пределов своего идеального государства. Но нас ведь горсточка, и я не думаю, чтоб наша исключительность, наше чудачество были бы столь опасными. Разве мы такие уж носители заразы?.. По личному опыту знаю, что мне, несмотря на выдержанную и многолетнюю «пропаганду», удалось завербовать всего десятка два людей, вполне разделяющих мое мировоззрение. Да и эта кучка наша ничем решительно не угрожает, ибо ведь мы не взываем к разрушительным актам — мы учим, скорее, покоряться, а не сопротивляться. Но, правда, в этом нашем учении есть сила, та самая сила, которая жила в христианах первых веков и которая заставляла этих рабски покорных людей подвергать себя гонениям и истреблениям. Позже был «князьями мира сего» изобретен более хитрый способ справиться с христианами — из рабов их превратили в хозяев, их соблазнили, искусили властью, блеском, всеми прельщениями третьего искушения, и они тогда изменили одному из главных законов своей веры — они забыли, что «Кесарево нельзя смешивать с Божьим».

Однако это довольно-таки (и прямо до глупости) смешно — сравнивать себя с христианами первых веков! Да я и не сравниваю, я только провожу пояснительную параллель. Нет, я отлично сознаю, что мы, художники, еще не дожили до героического своего состояния; нам не хватило бы силы духа, чтоб войти в открытую борьбу (борьбу посредством предельной покорности и абсолютного внутреннего неприятия) с князем мира сего, с Левиафаном-Государством и его нынешним близнецом — с общественностью. Нет, сейчас нам дай Бог только как-нибудь пробудить в себе элементы осознания своего назначения! Но на первых порах и этого достаточно. И при этом полезно оглядываться, при каких обстоятельствах бывали подобные же примеры и как в аналогичных случаях поступали разного рода наши предшественники, вернее, *душевно близкие нам люди*.

И я не вижу возможности художникам примкнуть к социализму какого бы то ни было толка. Социализм ставит себе целью домогаться царствия Божьего на земле, иначе говоря, подчинение импульсам «князя мира сего» и забвение закона о предоставлении кесарева (всякого рода кесарям) Кесарю. Их храмов и жертвенников мы разрушать силой не должны, но в эти их храмы нам вход запрещен, и на этих жертвенниках мы фимиама не воскурим.

Странное [сравнение значения] отождествление роли художника [со значением] с ролью первых «чистых» христиан! Ведь считается вообще, что христианство ставило себе целью [убить] уничтожить то, что было в Древнем мире прекрасного и художественного. Но тут кроется глубокое недоразумение. На самом деле красота Древнего мира умерла сама собой. Постепенно она перестала быть животворящей и животворной, постепенно искусство превратилось в эстетическую забаву. Постепенно вымерла овевавшая массы религиозная радость, понуждавшая и отдельных художников на поиски и подвиги. Христиане явились, когда уже все искусство, будучи еще внешне внушительным и изящным, очоенело, застыло, опустошалось, «академизировалось». Но для меня не может быть сомнения, что и в те времена [профессионалы] художники (не те тупые гордые «солисты их величеств», а труженики, обреченные на одинокие, часто бесплодные, ибо слишком трудные, поиски), — что эти последние истинные художники должны были чувствовать родственность своих душ с душами новых пришельцев — этих «поэтов и художников души». Недаром столько милого, душевного, бескорыстно изящного заключено в искусстве катакомб; недаром при взгляде на эти произведения и в голову не придет, что они противоречивы учению Того, кто указывал на неподражаемую красоту лилий!

Аналогичный процесс естественного вымирания произошел тысячу лет спустя с искусством, возникшим и расцветшим на почве христианского мирозерцания, — с тем, что мы называем «готикой» и «примитивами». Не [восприятие античности] воскресший античный мир «убил готику», а готика умерла «естественной смертью»; от нее отлетел дух живой, и вся эта «художественная система» перешла от службы божескому началу к службе мирского, суетного кесарева начала. Напротив, Ренессанс явился на первых порах оживлением тех же принципов, которые были заложены в христианстве. В этот момент истинные живые художники уже не в силах были пользоваться прописями чего-то изжитого; вновь найденный (в значительной своей части просто заново обретенный) мир форм [дал им радостное

творческое возбуждение и тем самым] сообщил им радость жизненного — и тем самым поистине религиозного, душевно углубленного — творчества. Затем художники Ренессанса подпали под соблазн церковного властолюбия и мироустроения (кесарево начало в церкви), благодаря чему живой источник снова замутился и наконец иссяк, пропал — с тем, впрочем, чтоб вновь появиться здесь и там, проложив себе новые русла. Вообще, живая вода искусства неистошима, неиссякаема. Думаешь, что ее нет больше ни капли, а в это время она уже бьет ключом и целыми фонтанами, но в ином месте, под другим небом и для новых избранных. Иной раз она умирает как живопись, чтоб воскреснуть как музыка, умирает как церковное искусство, чтоб воскреснуть под видом светского и даже «безбожного» искусства. На самом деле подлинное искусство *всегда божественно*. Искусство есть одно из безусловных выражений божественного начала в человечестве*.

С. 393.

⁶⁻⁷ *После:* мутилам — *зачеркнуто:* (я убежден, что идиотские патристические статьи в «Новой жизни» (и среди них одна — за подписью Тихонова, — ай-ай-ай) инспирированы конкурентом Троцкого — Сухановым).

¹⁶ *После:* восстановления. — *зачеркнуто:* Но именно все это зависит от того, умен ли Троцкий или нет. После недавно пережитого опыта с Керенским и при отсутствии даже знакомства с его обликом, голосом и т.д. я никак не могу судить на основе одних лишь печатаемых речей так это или нет. Но в этих речах как-никак больше шансов за то, что он умен.

²² *После:* закрыть — *зачеркнуто:* и это заставляет верховников так поступить не только позиция эсеров, но и то, что было произнесено ночью с 5-го на 6-е. Снова соловьем запел «благородный вождь революции» [и снова потекла та же]... Пока я не читал этих речей, меня охватило негодование от объявленных намерений Совета народных комиссаров покончить с Учредительным Собранием, но, прочитав их, всякое негодование исчезло. Эти люди ничего по существу в мероприятиях Смольного, в том, что есть и в них «нежизненного», не изменяют, а лишь затянут и дело мира и зависящий от мира поворот к оздоровлению всего хозяйственного организма. — Наш швейцар пророчит решительные ужасы на ночь с 12-го на 13-е.

³⁴ *Вместо:* С утра — *было:* Весь день

* Оправдание всех этих <2 нрзб.>.

С. 394.

- ¹⁴ *После:* Коке — *зачеркнуто:* себе же
²⁷ *Вместо:* Тяжелое — *было:* а. Отвратительно тяжелое; б. Убийстве<нное>
³¹ *Вместо:* Ничто — *было:* И действительно ничто
³⁴ *После:* беззащитным — *зачеркнуто:* обезвреженным

С. 395.

- ⁴ *После:* что — *зачеркнуто:* в таких случаях является
⁵ *После:* сколько — *зачеркнуто:* случайное>
⁶ *После:* здесь — *зачеркнуто:* ничего подобного
⁸ *Вместо:* нисколько сами — *было:* ни в малой степени
⁹ *После:* своеволием, — *зачеркнуто:* нежели все их противники,
¹² *После:* мучениками — *зачеркнуто:* и через это пресловутые рубцы и раны Спиридоновой, столько сделавшей для Революции, значительно побледнели, а это не последнее дело
¹³ *После:* Шингарева — *зачеркнуто:* (Кокошкина я не знал лично)
После: которого — *зачеркнуто:* очень
¹⁵ *Вместо:* писаний Шингарева — *было:* его фельетонов
¹⁹ *Вместо:* наивно выражавшееся — *было:* легкомысленное
²¹ *Вместо:* честное — *было:* «мятое»
²⁴ *Вместо:* этой «жертвы — *было:* этого, в сущности, благонамереннейшего человека и этой «жертвы
²⁹ *Вместо:* сумеют — *было:* не преминут

С. 396.

- ¹ *Вместо:* зато — *было:* и там
⁶ *Вместо:* заодно — *было:* тем самым
После: Зилоти! — *зачеркнуто:* Предел бестолочи в том, что одно из другого вовсе не вытекает!
¹⁰ *После:* оркестра — *зачеркнуто:* (у него очень сконфуженный вид)
После: подтвердили — *зачеркнуто:* что
¹¹ *После:* рушится* — *зачеркнуто:* Впрочем, Вольф Израель предполагает, что можно было бы переложить премьеру «Петрушки» на март и тогда сохранить наш балет за бенефисом оркестра. На это Граф взирает скептически. Оказывается, что и с Фокиным, и с представителем Сувчинского Струве контракты все еще не подписаны.
¹² *Вместо:* никогда — *было:* вообще
¹³ *После:* что — *зачеркнуто:* вообще
²⁰ *После:* ни бывало. — *зачеркнуто:* Правда, он при этом рассчитывает, что эти декорации могут пригодиться для спектакля (если только Фокину удастся самому выбраться!).

- ²⁸ *Вместо:* гимназии — *было:* школы
³¹ *Вместо:* летний — *было:* временный
³⁸ *Вместо:* не выпускают из — *было:* продолжает сидеть в
После: Крепости — *зачеркнуто:* (дело в том, что «все в театре» уверены в том, что Терещенко *будет* министром искусства!), своих же исполнителей и самые произведения не отпускают на свободу

С. 397.

- ¹⁶ *Вместо:* вызванного к — *было:* ушедшего говорить по
Вместо: машинально взял — *было:* наткнулся на
¹⁹ *Вместо:* данному — *было:* а. к настоя<щему>; б. переживаемому мной ныне
²⁸ *После:* читателя» — *зачеркнуто:* а также и в зависимости от сознания непосильности — какого требуется в дальнейшем подвига...
³⁰ *После:* Дневника — *зачеркнуто:* (я признался, что за последние дни заставил себя в Дневнике написать род исповеди)

С. 398.

- ³ *Вместо:* жалование — *было:* деньги
⁸ *Вместо:* На сей раз я — *было:* Я
¹⁷⁻¹⁸ *Вместо:* Штернбергу — *было:* гостю
¹⁸ *Вместо:* по всевозможным — *было:* по возможности
После: всевозможным, — *зачеркнуто:* увы, никак не оплачиваемым
²⁵ *После:* проектируются — *зачеркнуто:* кто бы мог их исполнить?
Вместо: Я посоветовал — *было:* Я дал мой совет

С. 399.

- ¹¹ *После:* чуждо) — *зачеркнуто:* и тем самым опять увяз в то, в чем [в чего] [куда попал] уже увяз мой ноготок
¹⁸ *После:* всецело — *зачеркнуто:* делу
²¹ *После:* что — *зачеркнуто:* меня стало много
²² *После:* близких — *зачеркнуто:* (целый ряд коих просто лично в данный момент отсутствуют: оба Лансере, Александр Яковлев, Бакст, Добужинский, то и дело отбывающий в Москву, С.С. Прокофьев, Фокин и даже такие *dii minores sed tamen dii igaces*¹, как Нарбут, Билибин).
³¹ *После:* собой... — *зачеркнуто примечание:* Эта встреча, вторая по числу, с «товарищем Штернбергом» едва ли не была и

¹ Боги малые, но, тем не менее, гневливые (*лат.*).

последней. Он, хоть и продолжал числиться каким-то комиссаром, однако на нашем горизонте в Петербурге больше не появлялся. Возможно, что, когда правительство перебралось «навсегда» в Москву, он там играл более заметную и реальную роль. (*Позднейшее примечание.*)

³⁸ *После*: ведет — *зачеркнуто*: очень техничные

С. 400.

¹⁷ *После*: понуждаемый — *зачеркнуто*: наивным

¹⁸ *После*: энтузиазмом, — *зачеркнуто*: который тогда охватил весь наш дом благодаря какому-то «дилетантскому большевизму»

²⁰ *После*: испарившимся. — *зачеркнуто*: С другой стороны, я же совершенно зря и даже под [влиянием] давлением Бруса, Кости (Сомова), Аргутинского и Акицы не совершил второй непоследовательности и *не снял* своего имени со списка сотрудников! Такой человек, как я, который способен [делать] совершать такие, лишённые последовательности, поступки, должен, если даже он многое знает и понимает, «сидеть дома», а не браться за то, на что ему заведомо не хватит сил! Но опять-таки во всех этих случаях я не мог противостоять какому-то чувству *долга*, и еще больше тому возмущению, которое во мне возбуждают [всеобщие] всякие проявления лжи и глупости!

³⁵⁻³⁶ *После*: «капиталиста». — *зачеркнуто*: Ведь [моя профессия] я и в царские времена не состоял на какой-либо *службе*, но обозначен в домовый книге именно под таким названием.

С. 401.

¹⁻² *После*: Под вечер — *зачеркнуто*: на улице

²² *Вместо*: перед чем-то туманным и все же грозным — *было*: к просто «коллизии»

²²⁻²³ *После*: Кстати сказать, — *зачеркнуто*: недостаток в

²³ *Вместо*: покупать — *было*: приобрести

²⁵ *После*: пороть — *зачеркнуто*: старые и снова шить новые костюмы

²⁷ *После*: возня — *зачеркнуто*: их находить в складах, а затем уговаривать гардеробщиков, чтоб найденное отпустить

³¹ *После*: недоставало. — *зачеркнуто*: С Фокиным я сговорился, что, «если не будут стрелять», он завтра придет ко мне.

³⁶ *Вместо*: приуныл (и при этом пуще прежнего — *было*: приуныл... Но тем пуще по-прежнему

С. 402.

¹ *Вместо*: смысле — *было*: направлении

- ⁷ *Вместо*: чужая готовящаяся беда — *было*: предупрежденные о готовящихся бедах
- ⁸ *Вместо*: денег — *было*: наличных
- ¹⁴ *Вместо*: Остаются — *было*: Останутся
- ¹⁹ *Вместо*: неизвестно — *было*: не видно
- ²⁹ *Вместо*: убеждение — *было*: настроение
- ³⁴ *Вместо*: После того — *было*: Порешив с этим
- ³⁴⁻³⁵ *После*: занялись — *зачеркнуто*: обсуждением разных художественных вопросов и

С. 403.

- ¹⁹ *Вместо*: Под — *было*: На самом же деле под
- ³³⁻³⁴ *Вместо*: убежден, что — *было*: думаю
- ³⁵ *После*: и — *зачеркнуто*: самый
- ³⁶ *После*: провокацию. — *зачеркнуто*: Провокация

С. 404.

- ⁴ *Вместо*: в официальной форме не подтверждается — *было*: официальных предписаниях не повторяется
- ⁵ *Вместо*: вышел более мягкий, с — *было*: вышло более мягкое распоряжение в
- ¹⁵ *После*: свидетельствами). — *зачеркнуто*: Я же рекомендовал считаться только с «законом», а законом может почитаться только то, что печатается [среди] во всеобщее сведение в «Известиях» (следовательно, пришлось бы ждать ордеров от милиции, а она подлежит возобновлению с 15-го). Наш нижний сосед Федоровский, огорченный и совсем пришибленный (он нотариус, и его делу грозит полное упразднение!), присоединяется ко мне, но все же взял верх осторожный план электротехника, который пойдет завтра за дальнейшими справками в милицию и там же подаст составленный список.
- ²³ *После*: и — *зачеркнуто*: ближайших

С. 405.

- ³ *После*: позаботиться. — *зачеркнуто*: От шведской же оперы
- ⁵ *После*: чтоб — *зачеркнуто*: что-нибудь
- ⁸ *Вместо*: милый Егор — *было*: он
- ³⁵ *Вместо*: Верещагину — *было*: Но <нрзб.> Верещагина
- Вместо*: очень — *было*: просто

С. 405-406.

- ³⁷⁻¹ *Вместо*: но я продолжаю его хранить про себя, так <как> уверен, что Верещагин, присвоив его, только его опозлит и испор-

тит — *было*: и это с тем, чтоб обкорнать [окромсать] мой, опош-
лить и вообще испортить

С. 406.

- ⁵ *После*: участь — *зачеркнуто*: местных
⁸ *После*: плохо. — *зачеркнуто*:
Получил от Анэ письмо о Нарышкинских картинах.
¹¹ *После*: меня — *зачеркнуто*: мало
¹⁶ *После*: Финляндии — *зачеркнуто*: нанятым
²¹ *После*: поразила — *зачеркнуто*: своей исключительностью
²²⁻²³ *После*: лежали, — *зачеркнуто*: написанные
²⁹ *Вместо*: он — *было*: который
³⁵ *После*: тревога — *зачеркнуто*: была лишней

С. 407.

- ⁷ *После*: Флаксермана*. — *зачеркнуто*: Autant de sujets¹
¹³ *После*: (Луначарского) — *зачеркнуто*: укротить
¹⁴ *Вместо*: дама — *было*: показалась мне дамой
¹⁸ *Вместо*: уяснил — *было*: пояснил
¹⁹ *Вместо*: проявила — *было*: изображала
Вместо: «дотошную» — *было*: «подробную»
²⁸⁻²⁹ *Вместо*: в прениях не участвовал, но — *было*: в заседании уча-
стия не принимал, зато
³⁰ *После*: стучала — *зачеркнуто*: дактило<..?>

С. 407–408.

- ³⁵⁻¹ *Вместо*: в военной форме — *было*: продолжает носить военную
форму

С. 407.

- ³⁶ *Вместо*: два раза — *было*: один раз

С. 408.

- ⁵ *После*: дело — *зачеркнуто*: (и сколь чудесно налаженное
дело)
⁶ *Вместо*: заполнено — *было*: посвящено
⁸⁻⁹ *Вместо*: эта болтливость — *было*: это болтание языком
²³ *После*: всеми — *зачеркнуто*: остальными
²⁴ *Вместо*: искусства — *было*: творчества
³⁷ *После*: был бы — *зачеркнуто*: совет

¹ Вот вам темы (сюжет) (фр.).

С. 409.

²⁶ *Вместо:* нам — *было:* мы

³⁴ *После:* представил — *зачеркнуто:* мне

С. 410.

⁹ *После:* оказалась — *зачеркнуто:* гораздо

¹⁰ *После:* тощей, — *зачеркнуто:* нос у нее горбатый, рот почти без губ (что «дает впечатление саламандры»). В целом и несмотря на безвкусную изощренность прически она произвела и сегодня то же неприятное <впечатление> саламандры

³² *Вместо:* робкой — *было:* очень примитивной

С. 411.

¹⁴ *Вместо:* дровяная — *было:* деревянная

²⁰ *Вместо:* матушкой (немкой) — *было:* (немецкой) матушкой

²¹ *После:* Верашей — *зачеркнуто:* в ожидании

²⁶ *После:* сразу — *зачеркнуто:* что вызывало смущение и ужас во всем доме

³² *После:* Луначарским) — *зачеркнуто:* и в связи с этим он вырвал, не без сопротивления, у портных пятнадцать моих рисунков (для сделания с них копий)

С. 412.

³ *Вместо:* необычайном — *было:* сказочном

⁷ *После:* улицы — *зачеркнуто:* — вся темная, без единого фонаря

¹⁶ *После:* XIV в. — *зачеркнуто:* в Венеции.

¹⁸ *Вместо:* его — *было:* этом

¹⁸⁻¹⁹ *Вместо:* слишком выдает какую-то беспомощность — *было:* — есть лишь беспомощность подражателя

³⁰⁻³¹ *После:* побудило — *зачеркнуто:* нашего

³² *Вместо:* панику — *было:* своего рода «панический восторг»

С. 413.

⁵ *Вместо:* истине — *было:* правде

⁹ *После:* продолжается — *зачеркнуто:* на самой Украине

²² *Вместо:* гору — *было:* них

Вместо: ее — *было:* их

³⁰ *Вместо:* германской информации — *было:* германских информационных агентов

С. 414.

⁴ *После:* umständlich. — *зачеркнуто:* Как еще отзовется на общем деле гибель «Гибена» и «Бреслау»? Не озна<чает>

- ⁵⁻⁶ *Вместо*: в комнатах верхнего этажа — *было*: в верхнем этаже
¹¹ *После*: получить — *зачеркнуто*: «валюту»
¹⁴ *Вместо*: что театр — *было*: что они
²² *После*: дело». — *зачеркнуто*: Если ответ на эту депешу задержится на неделю, то первую партию рисунков костюмов я успею послать до него (на это я иду — хотя бы рискуя просто выбросить в окно часть своей работы), если же ответ придет уклончивый, то я прекращаю пересылку.
²⁶⁻²⁷ *Вместо*: я встретился после двух недель ссоры — *было*: после двух недель, что продолжалась на сей раз наша очередная ссора, я встретился
³¹ *Вместо*: картина — *было*: акварель
³³ *После*: 3 500 руб.), — *зачеркнуто*: интереснейший

С. 415.

- ¹¹ *Вместо*: Побыв у — *было*: После посещения
¹³ *Вместо*: затравленным зверьком» — *было*: заморышем»
¹⁵ *После*: тиф). — *зачеркнуто*: Очень печальная.
²² *Вместо*: хлопчет — *было*: хлопотали
²⁴ *Вместо*: артиста — *было*: художника
²⁶ *Вместо*: музыканта — *было*: артиста
³⁶ *После*: для — *зачеркнуто*: некоторого

С. 416.

- ³ *После*: навестить его... — *зачеркнуто*: Б. Григорьев, встревоженный демонстративно алармистской телеграммой генерала Бонч-Бруевича о дезорганизации фронта, хлопчет о том, чтоб «продержаться» и хотя бы не прилагать подписи к сепаратному миру. (А вчера на этой же странице — или в «Речи»? это не имеет значения, так как все равно это характерно для всей нашей прессовой интеллигенции — опорочена память королевы Елизаветы Английской за ее коварный поступок с Дэвисом! С моей точки зрения, все это сущий вздор в сравнении с фактом [скорого] неминуемого заключения мира.)
⁷⁻⁸ *После*: неблагоприятно. — *зачеркнуто*: «Товарищи» заявили,
⁸ *Вместо*: неверно — *было*: едва
⁹ *Вместо*: власти — *было*: они
¹⁰⁻¹¹ *Вместо*: большевики — *было*: они
¹² *Вместо*: призывают — *было*: рекомендуют
¹³ *После*: власти — *зачеркнуто*: — и для достижения такого результата готовы погубить сотни тысяч народу
¹⁶ *После*: террора — *зачеркнуто*: без организованных погромов. Время канализировать такую катастрофу.

- Вместо:* при этом — *было:* при ней
- ¹⁷ *После:* вещи! — *зачеркнуто:* Впрочем,
- ²³ *Вместо:* бунтовщиками — *было:* революционерами
- После:* Ведь — *зачеркнуто:* было время, когда
- ²⁵ *После:* поражению. — *зачеркнуто:* С другой стороны, может быть, нужна и эта гроза — что<бы> гроза излила все затаившиеся в тучах молнии, нужно, чтоб люди отведали предельного ужаса?
- ^{28–29} *После:* положение? — *зачеркнуто:* С одной стороны, ей нужно поддерживать добрые отношения с «буржуазной» Радой, единственным оплотом против большевизма, с другой — как же не клеймить изменников, заключивших «позорный» мир!..
- ³⁶ *Вместо:* делаются с тоном — *было:* имеют характер
- ³⁷ *После:* это — *зачеркнуто:* очень
- ^{37–38} *Вместо:* это совершенно ребяческие импровизации — *было:* свидетельствуют об удивительной черствости и просто тупости.

С. 417.

- ² *После:* капризно-дилетантское — *зачеркнуто:* и ему так и не удалось высказать чего-либо ценного, трепетного!
- ⁹ *Вместо:* типичный «Мир искусства» — *было:* правоверное мир-искусственное
- ¹¹ *После:* темперамента — *зачеркнуто:* или просто художественно-возбуждающего
- ²¹ *После:* «Гибели Богов». — *зачеркнуто:*
Вечером снова силялся писать для «Мелоса», и опять ничего не вышло.
- ^{23–24} *Вместо:* туманными (я — *было:* vague (но я

С. 418.

- ¹⁷ *Вместо:* лучше — *было:* чаще
- ³⁰ *После:* т.д. — *зачеркнуто:* никак поднялся курс — неужто уже действует близость мира?
- ³¹ *Вместо:* Швеции — *было:* Скандинавии
- ³² *После:* не пускают — *зачеркнуто:* допуска нет

С. 419.

- ³ *Вместо:* мигренью — *было:* головой
- ⁵ *После:* страдает. — *зачеркнуто примечание:* Курьезная встреча произошла у меня с [ним] Валечкой (Нувелем), когда я ходил к Рериху. По ошибке я вошел в соседний дом и в поисках квартиры обратился к избежавшей за мной элегантной шубе... Оглядываюсь — и это Валечка, уличенный на месте преступления, — он нашел время явиться с визитом к старушке Гарди. На мое

приглашение отнесся уклончиво. Видно, мой квазибольшевизм ему претит. Я и не настаивал. Без него (и без Аргутона) *легче*.

- ⁶ *После*: Дома — *зачеркнуто*: около 4-х
¹⁰ *Вместо*: перестал рассчитывать — *было*: больше не рассчитываю
¹¹ *После*: на — *зачеркнуто*: поддержку
²⁰ *После*: печати, — *зачеркнуто*: возвращенной Лещенкой
²³ *Вместо*: Луначарский — *было*: Лещенко
³² *Вместо*: дочери — *было*: обе дочери
³⁸ *Вместо*: всем — *было*: разным

С. 420.

- ⁹ *Вместо*: саботажников — *было*: их
³¹ *После*: Отправленные — *зачеркнуто*: Смольным
³⁸ *Вместо*: предупреждение — *было*: распоряжение

С. 421.

- ² *После*: Румынской — *зачеркнуто*: две версии
⁷ *После*: чудесной — *зачеркнуто*: пог<оде>
²⁴ *Вместо*: особо — *было*: самым
²⁶ *Вместо*: отправился — *было*: пошел
²⁹ *Вместо*: тут же — *было*: ему он же
³⁰ *После*: консул — *зачеркнуто*: прибавил
³² *Вместо*: и — *было*: но
³³ *После*: как раз — *зачеркнуто*: тогда
³⁴ *Вместо*: уже были на пути в Италию. — *было*: его покинули, получив возможность «водвориться на родину»...

С. 422.

- ⁴ *После*: crinière, — *зачеркнуто*: а. как сказал; б. как о том рассказыв<ал>
¹³ *После*: partout. — *зачеркнуто*: В своем роде это

С. 423.

- ¹⁴ *После*: России. — *зачеркнуто*: Все же
²³ *Вместо*: С.С. — *было*: Сара Семеновна
²⁵ *Вместо*: в его же пользу — *было*: для него же
²⁹ *Вместо*: посмеивавшаяся — *было*: хихикавшая

С. 424.

- ⁵⁻⁶ *После*: девочки — *зачеркнуто*: необычайно
⁶⁻⁷ *Вместо*: Я и большинство членов жюри высказались — *было*: Я и [все] большинство были

- ¹⁴ *Вместо*: тон таков — *было*: уже
- ¹⁵⁻¹⁶ *Вместо*: (помимо того, я уже был издерган и шлепаньем — *было*: (я был уже, помимо того, очень раздражен и [от] невозможным шлепаньем
- ²⁷⁻²⁸ *Вместо*: весь инцидент представился мне до того — *было*: все мне показалось таким
- ³⁴ *После*: нос. — *зачеркнуто*: Тут же, признаюсь, мне стало жаль, что

С. 425.

- ⁶ *Вместо*: сплошную — *было*: одну
- ⁷ *После*: чушь — *зачеркнуто*: провинциальную дребедень
- ⁸ *После*: характерно — *зачеркнуто*: для них
Вместо: все — *было*: они
- ⁹ *После*: у всех — *зачеркнуто*: у них
- ¹³ *Вместо*: иронизировать — *было*: потешаться на чужой счет
- ¹⁴ *Вместо*: шутя — *было*: иронически
- ²¹ *Вместо*: ужасно раздражает — *было*: ужасает
- ²⁴ *Вместо*: тогда — *было*: внизу
После: я — *зачеркнуто*: им
- ³⁰ *Вместо*: даже склонен — *было*: склонен был
После: приписать — *зачеркнуто*: Зеленкову, но, ввиду изумительной *красоты* самой живописи и рисунка и <нрзб.>, можно, пожалуй, картине этой

С. 426.

- ¹⁰ *Вместо*: хорошего — *было*: бодрящего
- ¹¹ *Вместо*: тонов — *было*: красок
- ¹⁹ *Вместо*: переулке. У — *было*: переулке, т.к. у
- ²⁰ *Вместо*: остающиеся копии — *было*: продолжение копий
После: копии — *зачеркнуто*: молодому
- ²¹ *После*: способному — *зачеркнуто*: хоть и
- ³⁷ *После*: Азии; — *зачеркнуто*: его
- ³⁹ *Вместо*: быстро — *было*: скоро

С. 427.

- ⁵ *Вместо*: запутанным — *было*: безысходным
- ⁸ *Вместо*: правдивый — *было*: непрерывный
- ¹⁶ *После*: улыбки» — *зачеркнуто*: какую-то бездарность
Вместо: заперевшихся — *было*: недоступных
- ²⁰ *Вместо*: это болото — *было*: эту пакость
- ²³ *Вместо*: тем же — *было*: этим
- ²⁸ *Вместо*: приглашенных участвовать — *было*: участвующих

³⁷⁻³⁸ *Вместо*: безвозвратную, беспомощную обреченность — *было*: беспомощность

С. 428.

- ¹ *Вместо*: гений — *было*: талант
После: хотя бы — *зачеркнуто*: самой соли
- ² *Вместо*: этой — *было*: такой
- ⁵ *Вместо*: И как все — *было*: Все тут
- ⁷ *Вместо*: покоев царского — *было*: зал Детской половины Зимнего
После: дворца — *зачеркнуто*: «бывших тиранов»
- ⁹ *Вместо*: какой-либо бальный зал — *было*: балы
После: Екатерины! — *зачеркнуто*: За столом <нрзб.>, покрытым алым сукном
- ¹² *После*: столиком — *зачеркнуто*: уже в полном сумраке
- ¹³ *После*: класса» — *зачеркнуто*: Ларисы
- ¹⁷ *Вместо*: выражения — *было*: фразы
- ²⁰ *Вместо*: старавшегося — *было*: пытавшегося
- ²⁹ *После*: автономность, — *зачеркнуто*: моментами доходило до обмена колкими словами и до злобных огрызаний
Вместо: при этом — *было*: причем
- ³² *Вместо*: колючих — *было*: колких

С. 429.

- ²⁻³ *Вместо*: ее не соблюдать — *было*: ей противоречить
- ⁴ *Вместо*: истины — *было*: правды
- ⁶ *После*: Опять-таки — *зачеркнуто*: очень
- ²⁴ *Вместо*: пришлось бы — *было*: она должна
- ²⁷ *Вместо*: должно заняться — *было*: занимается
- ²⁸ *Вместо*: Все — *было*: Словом
Вместо: проведением в жизнь — *было*: следствием
- ³⁰ *Вместо*: уже — *было*: я его
- ³² *Вместо*: малопонятной этики — *было*: морали
- ³³⁻³⁴ *Вместо*: неотделимого от него коммерческого нерва — *было*: неотделимой от него коммерческой подкладки
- ³⁹ *Вместо*: обратившейся ко мне — *было*: бывшей на днях у нас

С. 430.

- ⁴ *Вместо*: напоминает — *было*: напоминающие
- ⁵ *Вместо*: надо — *было*: следует
- ⁷ *Вместо*: диких зверей — *было*: хищников
- ⁸ *После*: княгиня — *зачеркнуто*: мне
После: их — *зачеркнуто*: соседкой
- ⁸⁻⁹ *После*: родственницей — *зачеркнуто*: старушкой

⁹⁻¹⁰ *После:* поместьем — *зачеркнуто:* и прятавшей свои крохи [деньги] (особенно золото) среди дров

¹⁰ *Вместо:* те — *было:* свои

¹³⁻¹⁴ *Вместо:* это, с таким героизмом утаенное — *было:* эти, с таким героизмом спасенные [не выданные], богатства

¹⁶ *Вместо:* монополизации — *было:* национализации

¹⁸ *Вместо:* имеющихся у них золотых предметах — *было:* что именно золотого у них имеется

После: предметах. — *зачеркнуто:*

Оттуда пешком к Н.Ф. Обер, где был Вяч. Лисовский (он очень жалеет, что я не побывал у них на выставке группы учащихся в Академии) и Троунянский. Выставку Артюра окончательно решено отложить на будущий год. Выбирали для этой выставки рисунки Оберона. Оказалось очень мало интересных. Починка поломанных групп подвигается. — Оттуда на трамвае проехал на помянутое выше заседание в Зимнем.

²⁸ *После:* хлеб — *зачеркнуто:* в Петербурге

²⁸⁻²⁹ *Вместо:* Лунтпольд — *было:* Леопольд

³¹ *После:* эпохи) — *зачеркнуто:* и неважной бронзы

С. 431.

⁶ *После:* остального. — *зачеркнуто:*

Зато полная капитуляция театров [пред] перед Луначарским. Он милостиво принял делегатов и пред<о>ставил им автономию. О «Петрушке» ни гу-гу. Я работаю над первой картиной для Стокгольма. Аллегри, со своей стороны, склеил (как он всегда так аппетитно это делает) строенную макетку. К сожалению, я сам так раскис, что даже не имею сил позвонить Фокину, чтоб «координировать наши действия». В посольство тоже решил не идти, ибо все равно мы опоздали, и мои вещи [никогда] никак не успеют для отсылки.

⁹⁻¹⁰ *Вместо:* получить — *было:* повидать

¹³ *Вместо:* Однако — *было:* Но

¹⁴ *Вместо:* так как — *было:* ввиду того что

¹⁷ *После:* эти — *зачеркнуто:* здесь-то, вероятно,

¹⁸ *Вместо:* попытка — *было:* удочка

²⁰ *После:* трофеи!»! — *зачеркнуто:* Военная же и юридическая стороны дела не выдерживают критики. Троцкий же Да, кроме того, так подобные диверсии перед и при мирных переговорах бывают иногда полезнее, чем могут оказать свои

²¹⁻²² *Вместо:* при переговорах — *было:* в общем

²² *Вместо:* весьма — *было:* очень

²³⁻²⁴ *После:* сражений... — *зачеркнуто:* Забавно, ч<то>

- ²⁴⁻²⁵ *Вместо:* свой проект — *было:* свою программу
²⁸ *После:* Василий Андреевич — *зачеркнуто:* не без какой-то величественной нотки
²⁹ *Вместо:* Впрочем — *было:* Однако
³¹ *Вместо:* Вот это — *было:* Это

С. 432.

- ⁴ *Вместо:* во всем музее — *было:* в залах
¹¹ *Вместо:* Угощала — *было:* Поила
¹⁴ *Вместо:* чтоб он зашел — *было:* зайти
¹⁷ *Перед:* Все — *зачеркнуто:* Записываю в субботу — утром. Однако день так прекрасен, что стыдно его тратить на эту работу, которая [часто] все более становится мне в тягость; а потому постараюсь держаться конспектного способа.
²⁶ *После:* отношения». — *зачеркнуто:* Верный своему принципу «сеять куда попало доброе и полезное», я не воздержался [чтоб] от того, чтоб и этому не очень умному, но весьма ласковому господину (усиленно меня приглашающему поглядеть на его коллекцию — еще одна жертва «Старых годов») <изложить> свои весьма несхожие с ним взгляды на те же самые международные отношения.
³⁰ *После:* Петровского* — *зачеркнуто:* я узн<ал>
После: получил — *зачеркнуто:* сведения<я>
³⁸ *Вместо:* d'aspect peu — *было:* pas trop¹

С. 433.

- ⁵ *После:* украденные. — *зачеркнуто:* Пожалуй, la cause est plutôt mauvaise²...
¹⁰ *Вместо:* необходимо — *было:* надо
После: Георгиевского), — *зачеркнуто:* что стало необходимым
¹⁴ *После:* докладов — *зачеркнуто:* (овальную и пилястровую залы; остальное служило бы музеем, в который публика впускалась бы с особого разрешения), а «служб» и дач при дворце — под детский интернат
¹⁸ *Вместо:* дядька — *было:* городской
²⁰⁻²¹ *Вместо:* меня поджидали — *было:* у меня
²⁷ *После:* монографий. — *зачеркнуто:* И эти два
²⁹ *После:* Однако — *зачеркнуто:* как б<удто>
³⁹ *После:* сокровища... — *зачеркнуто:* Однако вместо всех сотысячных
⁴¹ *После:* брошку. — *зачеркнуто:* Разумеется

¹ Не слишком (фр.).

² Дело, скорее, сомнительное (фр.).

С. 434.

- ⁹ *После*: взгляды — *зачеркнуто*: и о прогрессе, об общественности
После: все — *зачеркнуто*: это
³²⁻³³ *Вместо*: отнести Полоцкой — *было*: Полоцкой относить

С. 435.

- ² *Вместо*: обратиться к вопросам — *было*: углубиться в дело
³ *Вместо*: решения — *было*: устройства
⁴⁻⁵ *Вместо*: посторонними людьми — *было*: просителями
⁵ *Вместо*: вообще — *было*: даже
⁶ *Вместо*: Зимний дворец — *было*: Детскую половину
⁸ *Вместо*: делегаты — *было*: предста<вители>
Вместо: желающие — *было*: пожелавшие
⁹⁻¹⁰ *Вместо*: проник[ает] к нам, несмотря на запреты — *было*: приплелся в зал заседания
¹² *После*: музея — *зачеркнуто*: вокруг этого при
¹⁸ *После*: впустил. — *зачеркнуто*: Наконец
²⁰ *Вместо*: что ее — *было*: которыми она
²² *Вместо*: обмениваться мнениями — *было*: говорить и, толкая друг друга в
²⁶ *После*: угощая — *зачеркнуто*: ими
²⁶⁻²⁹ *Вместо*: послав предварительно дворцового лакея в устроенную при царской кухне общественную столовку за тарелками, вилками, ложками и графином воды — *было*: причем, как оказалось, Ларисе пришлось <нрзб.> отправиться в устроенную при царской кухне общественную столовку, откуда она и достала тарелки, стаканы и графин воды

С. 436.

- ¹⁰ *Вместо*: чрезвычайно — *было*: не только
¹¹ *После*: курьезов) — *зачеркнуто*: но и симпатичной, и уж во всяком случае более симпатичной, нежели
¹² *Вместо*: толкового создаться — *было*: а. путного; б. прочного возникнуть
После: Особенно — *зачеркнуто*: уже
¹²⁻¹³ *Вместо*: Особенно характерно то — *было*: Характерно
¹⁴⁻¹⁵ *После*: происходят — *зачеркнуто*: в такой форме
¹⁵ *Вместо*: тоне — *было*: а. виде; б. такими фразами
¹⁶ *Вместо*: Подождите, подождите — *было*: Погодите
Вместо: не годится — *было*: нельзя
²⁰ *После*: желании — *зачеркнуто*: можно
После: увидеть — *зачеркнуто*: какую-то

- ²¹ *Вместо:* воодушевления — *было:* увлечения
После: что-то — *зачеркнуто:* просто
- ²²⁻²³ *Вместо:* унылой сонливости — *было:* сахарной слюны
- ²³ *После:* Но все же!.. — *зачеркнуто:* Но все же
- ²⁴ *После:* прочим, — *зачеркнуто:* абсурд<ное>
- ²⁶⁻²⁷ *После:* предварительной — *зачеркнуто:* до декретов
- ²⁹ *Вместо:* такой — *было:* об этой
- ³⁶ *Вместо:* беседовали — *было:* болтали
- ³⁷ *После:* Дуня — *зачеркнуто:* из дерев<ни>

С. 437.

- ⁷ *Вместо:* не разрешен — *было:* не выясняется
- ¹³ *Вместо:* предназначенные — *было:* долженствующие
- ¹⁶ *После:* жизни. — *зачеркнуто:* Но это и не назначается к действительному исполнению, а лишь митинговые резолюции, в которых выражается нечто судорожное, прихотливое и пропагандирующее основные формулы его готовой программы. И постольку можно даже их приветствовать.
- ¹⁸ *После:* будоражащее — *зачеркнуто:* совесть
- ¹⁹ *После:* нарушают — *зачеркнуто:* успокоения
- ²¹ *Вместо:* окажется — *было:* становится
- ²²⁻²³ *Вместо:* Я, в частности, этому закону в принципе вполне сочувствую. — *было:* Мне, в частности, этот закон как идея люб и близок.
- ²⁴ *После:* государством — *зачеркнуто:* (что бы когда-то ни говорили за этот [в пользу] союз Мережковские, <нрзб.> и Карташовы)
- ²⁹ *После:* ее — *зачеркнуто:* причта (не более двух церквей)

С. 438.

- ⁴ *После:* линию — *зачеркнуто:* захвата театров
- ⁴⁻⁵ *Вместо:* пугает образовавшейся вокруг него целой стаей захватчиков — *было:* пользует<ся> пуганием при помощи целой стаи захватчиков, образовавшейся вокруг него [стаей]
- ⁵ *После:* насильников. — *зачеркнуто:* Испытанный и верный трюк!
- ¹²⁻¹³ *Вместо:* продолжает действовать во всем — *было:* не умирает
- ¹⁴ *После:* счет!). — *зачеркнуто:* Встретил там Ф.И. Бруса. Он в очень симптоматическом настроении; говорит, что разорен большевиками (я думаю, что и он свои сбережения вложил в Заем Свободы), клянет войну, уверен, что если она еще продолжится, то всюду произойдет то же, что произошло здесь.
- ²¹ *Вместо:* Брус произнес такую фразу — *было:* сказал нечто вроде того что
- ²⁸ *Вместо:* Вологду — *было:* глухую провинцию

С. 439.

- ² *После:* вас — *зачеркнуто:* буду
⁷ *Вместо:* иные — *было:* никто
¹¹ *Вместо:* прелестна — *было:* понравилась
¹⁵⁻¹⁶ *Вместо:* матерью. Она в Пскове. — *было:* матерью (которая в Пскове).
¹⁶ *После:* Пскове. — *зачеркнуто:* Одна
²¹ *Вместо:* Соед<иненных> Штатов — *было:* Америки
²⁴⁻²⁵ *Вместо:* украшающих чудесный театральный увраж XVIII в. (попавший к нему уже в разрозненном виде) — *было:* из чудесного, но попавшего к нему уже в разрозненном виде издания театрального увража XVIII в.
²⁶ *Вместо:* вырезать — *было:* вырвать

С. 440.

- ³ *Вместо:* мы — *было:* все
⁵ *Вместо:* он, напротив — *было:* au contraire les
¹⁰ *Вместо:* говорим, что пора — *было:* стараемся
¹⁶ *После:* Гагариной). — *зачеркнуто:* Он Амур действи<тельно?>
Вместо: как будто — *было:* видно
¹⁸ *Вместо:* грубостью — *было:* вульгарностью
²¹ *После:* Мне — *зачеркнуто:* же
²⁷ *Вместо:* статью — *было:* прочтение статьи
³⁰⁻³¹ *Вместо:* что произошло на днях в Английском магазине — *было:* как был опустошен «La Magasin Anglais»

С. 441.

- ⁸ *Вместо:* выпал — *было:* упал
²⁹ *Вместо:* отказали — *было:* поставлено
³³ *Вместо:* оказалась его жена — *было:* он застал свою жену
³⁶ *Перед:* Это не все — *зачеркнуто:* Придется
³⁷ *Вместо:* нет уверенности — *было:* была уверенность

С. 442.

- ⁷⁻⁸ *Вместо:* Я о таком ничего не ведаю, а если — *было:* Пришлось объяснять ему, что
¹¹ *После:* Мейерхольдом, — *зачеркнуто:* публично
¹³ *После:* миновала. — *зачеркнуто:* Нужно, чтоб некоторые господа отбили себе рога.
¹⁵ *После:* своего — *зачеркнуто:* гатчинского
¹⁶ *После:* комиссии — *зачеркнуто:* (Гатчины)
¹⁷ *После:* интригам — *зачеркнуто:* нелепой
²³ *После:* вносить — *зачеркнуто:* лишнюю

- ²⁴ *После*: дела — *зачеркнуто*: и это благодаря его «чисто немецкой» склонности к методике. Так, напр.,
- ²⁷ *После*: явился — *зачеркнуто*: к нам
- ³¹ *После*: большевиков — *зачеркнуто*: (бывший с нами приятель графа уж очень эффектен в своей монументальной шубе)
- ³³ *После*: вытесняют — *зачеркнуто*: из того из них, в котором живут Шереметевы.
- ³⁵ *Вместо*: имеются — *было*: между прочим красуются и
- ³⁷ *Вместо*: Представителей — *было*: Но представителей

С. 443.

- ³ *Вместо*: Д.А. Шереметев — *было*: Александр Дмитриевич
- ⁴⁻⁵ *Вместо*: Он, скорее, симпатичен, но удивительно недекоративен, и [нельзя сказать,] чтоб вид — *было*: Нельзя сказать, чтоб собственник этих сокровищ с виду
- ⁸ *Вместо*: такие — *было*: эти
- ⁹ *После*: сферах — *зачеркнуто*: лица и фигуры
- После*: обстановки — *зачеркнуто*: там, где они
- ¹¹ *После*: дедами — *зачеркнуто*: (чаще — дикую смесь старого и нового)
- ¹⁵⁻¹⁶ *Вместо*: заслужить эту судьбу — они заслужили — *было*: заслужить они это — заслужили
- ¹⁸ *После*: исчезает — *зачеркнуто*: когда видишь таких «недостойных собственников». Все же

С. 444.

- ² *Вместо*: преемственности — *было*: права собственности
- После*: преемственности? — *зачеркнуто*: И я думаю, что после той великой перетасовки, при которой мы присутствуем, и настанет [новая] водворение нового порядка, как право собственности, но уже при новых людях возродится и постепенно завоеует себе и признание, и авторитет, и священность...
- ¹³ *После*: из — *зачеркнуто*: А.А. Гершельмана

С. 445.

- ⁸ *После*: жалованьем — *зачеркнуто*: в 500 рублей
- ¹¹ *Вместо*: а вообще — *было*: а кроме того, пусть
- ¹² *Вместо*: имеется это — *было*: какое-то
- Вместо*: мне — *было*: я
- ¹³ *После*: корысти». — *зачеркнуто*: А там увидим. Если придется для спасения своих смириться, то всегда будет время пойти на какой-либо (наименее роковой) компромисс.
- ³⁵⁻³⁶ *Вместо*: взывал — *было*: требовал

С. 446.

- ²⁻³ *Вместо:* месяцев — *было:* дней
После: месяцев. — *зачеркнуто:* И
- ⁴ *Вместо:* и в данном случае — *было:* но, разумеется, и здесь просто
- ⁶ *После:* чуждо. — *зачеркнуто:* Его
- ⁹ *Вместо:* все же — *было:* только фрагмент и
- ¹² *Вместо:* суть дела — *было:* дело
- ¹³ *Вместо:* как всякий — *было:* так как
- ²⁰ *После:* современниками. — *зачеркнуто:* Следовало бы вынести на люди («на улицу») самый спор «о молитве за Россию», ибо тут у меня все лучше продумано и почти выработаны, установлены некоторые формулы.
- ²⁵ *После:* придает — *зачеркнуто:* «политическому моменту»,
- ²⁵⁻²⁶ *Вместо:* С анархистами — *было:* В анархистах
- ²⁶⁻²⁷ *Вместо:* сближает «аполитичность» — *было:* соединяет объявление «аполитичности»
- ³¹ *После:* царство их — *зачеркнуто:* все (иллюзорное царствие)
- ³³ *После:* вместе — *зачеркнуто:* с тем

С. 447.

- ³ *После:* отличительный — *зачеркнуто:* trade mark
- ³⁻⁴ *Вместо:* отличительный признак — *было:* нечто <вроде> символа
- ⁴⁻⁵ *Вместо:* перед каждым очередным номером, что предстоит услышать — *было:* что выступление каждого [номера] очередного номера программы
- ⁷ *Вместо:* выступила — *было:* вылезла
- ¹⁰ *После:* публику — *зачеркнуто:* а когда я это вижу, то и усматриваю, что дела еще остается большевикам (или Божьей Длани, избравшей большевиков своим бичом) еще много.
- ¹⁰⁻¹¹ *Вместо:* задушено — *было:* задушена совесть и
- ¹⁸ *Вместо:* своему — *было:* своей картине
- ³¹ *После:* Сергей Михайлович — *зачеркнуто:* показался мне каким-то больным, расслабленным и удрученным, он не
- ³³⁻³⁴ *После:* несуразным — *зачеркнуто:* как
- ³⁶ *После:* Ох! — *зачеркнуто:* Если

С. 448.

- ⁷ *Перед:* От Ларисы — *зачеркнуто:* Несколько
- ¹⁰ *Вместо:* нового — *было:* своего
- ²⁸ *После:* который — *зачеркнуто:* тогда
- ³³⁻³⁴ *После:* понравившийся — *зачеркнуто:* своим юным видом [славного юного героя] и

- ³⁸ *Вместо:* оправдаться. Теперь — *было:* оправдаться, а <?> теперь
Над словом: окончательно — *вписано и зачеркнуто:* он

С. 449.

- ¹ *После:* что — *зачеркнуто:* он воришка
¹⁻² *После:* других — *зачеркнуто:* он
¹⁰ *Вместо:* говорить — *было:* шутить
¹⁵ *Вместо:* сведениям — *было:* словам
²⁰ *После:* ведь — *зачеркнуто:* дело
³¹ *После:* удавом. — *зачеркнуто:* Воображаю
³² *Вместо:* извещение (ложное) — *было:* (ложное) извещение

С. 450.

- ⁶ *После:* Дневника — *зачеркнуто:* который был мне таинственным образом доставлен в 1935^[354].
¹⁰ *После:* возвращался. — *зачеркнуто:* Его еще раза три встречал и в Париже, когда
¹³ *Вместо:* встречи у нас происходили — *было:* отношения у нас снова завязались
¹⁴ *Вместо:* «переставил» — *было:* ставил
²³ *После:* отказался — *зачеркнуто:* (весной 1918 г.)
³⁰ *Вместо:* Эрмитажа — *было:* меня избрал [на менее ответ<ственную>] на должность в управляющие Отделами
³¹⁻³² *Вместо:* пост управляющего — *было:* пост [долж<ность>] управления
³³ *Вместо:* XV в. — *было:* 1450
После: начиная) — *зачеркнуто:* а также

С. 451.

- ⁷⁻⁸ *После:* на Зимний дворец — *зачеркнуто:* целый ряд зал Зимнего дворца
⁸ *Вместо:* я был — *было:* будучи
¹⁰ *После:* драматическом — *зачеркнуто:* театре
¹¹ *После:* сохранились — *зачеркнуто:* особенно прия<тные>
¹² *Вместо:* особенно — *было:* самые
¹³ *После:* воспоминания... — *зачеркнуто:* Что же касается
¹⁴ *Вместо:* В ряды «белогвардейцев» (как о том сообщается — *было:* Каким-то подобием «белогвардейца» (как [о том говорится] меня величают
²⁰ *Вместо:* продолжает оставаться — *было:* остается
²¹⁻²² *Вместо:* Октябрь 1955 — январь 1956 Париж — *было:* декабрь 1955 — 1956 в Париже